

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для итомков на библиотечных полках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иередает в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все иометки, иримечания и другие заиси, существующие в оригинальном издании, как наиминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредирияли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заирсы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.

Мы разработали иrogramму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заирсы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заирсы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического распознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.

В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доилнительные материалы ири иомощи иrogramмы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.

Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих определить, можно ли в определенном случае исиользовать определенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

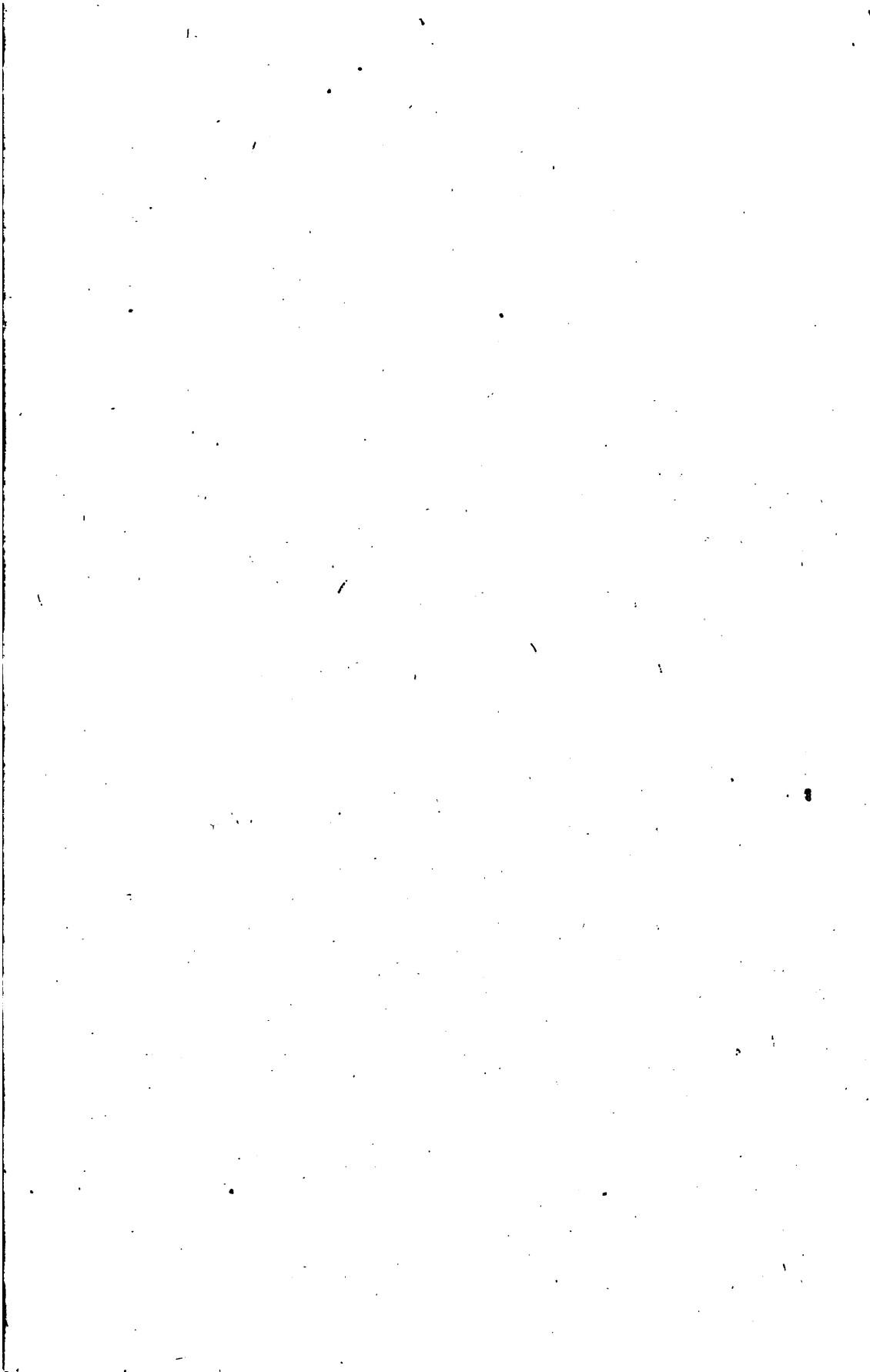
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает и пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск и этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com>

P. S. & R. G. 20, 5 (1900)

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT FROM THE
AMEY RICHMOND SHELDON
FUND

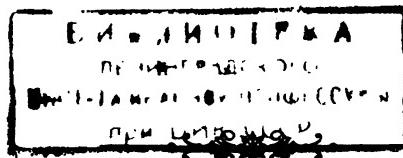
СЕНТЯБРЬ.

1906.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.

1906.

ИКИ

PS/An 620.5 (1906/9)

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Бониторъ редакціи не отвѣтчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣть почтовыхъ учрежденій.

2) Подписаніе на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволять обращаться непосредственно въ контору редакціи—Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

Книжные магазины только передаютъ подписные деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявлѣніи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявлѣніи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородній уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 15 числа каждого мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволять прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтств.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятія рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведеть съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 12 1960

СОДЕРЖАНИЕ:

	СТРАН.
1. Аренда. Рассказъ. <i>В. Муйжеля</i>	1— 36
2. Девятый валъ. Стихотворение <i>Г. Галиной</i>	36
3. Изъ записокъ <i>М. Л. Михайлова</i> . Окончаніе	37— 62
4. На Кузнецкомъ тракту. Повѣсть изъ жизни петербургскихъ рабочихъ. <i>Тана</i>	63— 85
5. Реквиемъ. Стихотворение <i>Г. Вяткина</i>	86
6. Побѣгъ. Повѣсть. <i>Вацлава Спрошевскаго</i> . Продолженіе	87—130
7. Жюль Валлэсъ. Литературно-біографическій очеркъ. <i>Н. Е. Кудрина</i>	131—164
8. Встрѣча. Стихотвореніе <i>Г. Вяткина</i>	164—165
9. Яшка. Изъ воспоминаній врача о Карийской каторгѣ. <i>В. Кокосова</i>	166—190
10. Инсургентъ 1871 г. Романъ. <i>Жюля Валлэса</i> . Переводъ съ французскаго Я. А. Глотова. Продолженіе.	191—232
11. Очерки быта и нуждъ желѣзодорожныхъ служащихъ. <i>Е. А. Соковнича</i>	1— 24
12. Передъ зарей въ Англіи. <i>Діонео</i> . Продолженіе . .	24— 27
13. Национальный вопросъ и австрійскіе соціалисты. (Письмо изъ Австріи). <i>Л. Василевскаго</i>	47— 64
14. Безъ руля и безъ вѣгриль. <i>А. Петрищева</i>	64— 90
15. Изъ исторіи одного уѣзда. <i>П. Я. Р—а</i>	90—100
16. Нѣмецкій крестьянинъ и его союзы (Письмо изъ Германиі). <i>М. Рейснера-Реуса</i>	100—132
17. ПОЛИТИКА: Французскія церковныя дѣла. — Съездъ епископовъ въ Парижѣ.—Ихъ окружное посланіе.—Роль Ватикана. — Признаки схизмы.—	

(См. на оборотѣ).

Роль правительства.—Миѣніе католическихъ нотаблей.—Русскія событія и заграница, политика и биржевики.—Текущія событія: персидская конституція; китайскія реформы; австрійская избирательная реформа: норвежскіе выборы; междуусобіе на Кубѣ и Соединенные Штаты; здоровье турецкаго султана. С. Н. Южакова.	132—154
18. Хроника внутренней жизни: I. Тактическій кризисъ. — II. Разница между „взять“ и „получить“. — III. Что значитъ взять волю снизу? — IV. Можно ли это сдѣлать? А. Дышехонова.	154—175
19. Новыя книги: Борисъ Лазаревскій. Повѣсти и разсказы.—Станиславъ Пшибышевскій. Заупокойная месса. — Поль и Викторъ Маргеритъ. Коммуна.—Н. И. Поповъ. Въ Америкѣ.—Пановъ, А. В. Домашнія библиотеки.—В. Саводникъ. Очерки по истории русской литературы.—Краткій систематический словарь всемірной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію	176—194
20. Памяти С. Н. Кривенка. П. Якубовича.	194—195
21. По поводу письма г. Воронцова. (Отъ редакціи).	195—196
22. Отчетъ конторы редакціи.	
23. Объявленія.	

АРЕНДА

(Разсказъ).

V.

На деревнѣ все было тихо. Всѣ спали, но спали тревожно и чутко, какъ на войнѣ передъ сраженіемъ. Угрюмо и тяжело глядѣли черные силуэты избъ, разсыпанныхъ по горѣ, неподвижно стояли кое-гдѣ черныя деревья, только изрѣдка шелестя чуть-чуть верхушками и опять умолкая.

Надъ большой старой избой повѣсившагося мельника—такой черной и осѣвшей, какъ будто она жила еще воспоминаньями о темной и таинственной драмѣ, разыгравшейся въ ней—чуть качался на длинномъ шестѣ соломенный кругъ съ привѣщенными къ нему кистями.

Скучно и медленно, позѣвывая и останавливаясь въ долгой молчаливой задумчивости, ходилъ около нея отъ угла къ углу часовой казакъ. А въ черныхъ сливающихся въ одно длинное пятно избахъ спали мужики, хранили, стонали во снѣ, бубнили что-то глухими, хриплыми голосами,—разбуженные невыносимымъ зудомъ паразитовъ, просыпались, чесались и, сидя на кроватяхъ, на сѣнѣ, на лавкахъ или просто на полу, долго и внимательно прислушивались къ чему-то. Потомъ опять падали и засыпали и опять хранили и бормотали что-то, чавкали губами и стонали, какъ будто на грудь имъ налегла большая тяжесть. А у кого была безсонница—у того зрѣли медленныя и темныя думы, рожденныя темнотою и уходившія въ темноту, оставляя въ душѣ смутнуюnevѣдомую печаль.

И только на чердачѣ Феклистовой избы слабой и трепетной звѣздочкой горѣлъ одинокій огонекъ,—блестѣлъ и дрожалъ среди окружавшаго мрака, пугаясь и борясь съ нимъ, вспыхивалъ ярче и снова горѣлъ.

Старый Феклистовъ, крѣпкій и казавшійся сѣрымъ отъ Сентябрь. Отдѣль I.

спутанныхъ, нальзевшихъ на лобъ всклокоченныхъ волосъ, сидѣлъ надъ Екклесиастомъ, читалъ вѣчную книгу, поднималъ голову, упорно и подолгу смотрѣлъ въ сверкавшую струганымъ тесомъ переборку и щепталъ:

...Ибо человѣку, который добръ предъ лицомъ Его, Онъ даетъ мудрость, знаніе и радость... А грѣшнику дается заботу собирать и копить, чтобы послѣ отдать добрымъ передъ лицомъ Божімъ...

И прибавлялъ присловіе, которымъ заканчивалъ каждую рѣчъ свою:—Не по-божьи стало...

И опять читалъ, подымалъ голову, долго думалъ и прислушивался къ сонной тишинѣ деревни. А когда, въ разброда и нестройно перекликаясь сиплыми голосами, пропѣли вторые пѣтухи—одинокій огонекъ потухъ; все стало темно и тихо и не слышно было даже часоваго, ходившаго внизу у избы мельника. И онъ, вѣрно, заснулъ...

Неожиданно громкимъ звукомъ ворвался въ тишину сияющей деревни гулкій топотъ тяжелыхъ сапоговъ по высохшей дорогѣ и возбужденный крикъ многихъ растерянныхъ голосовъ.

Нельзя было различить криковъ отдѣльныхъ людей, но слышно было, что ихъ много, что они задыхаются отъ бѣга, что они возбуждены. Гулко и отрывисто топотали ноги по доскамъ моста, и сразу выдѣлился отдѣльный будящій крикъ:

— Нашихъ бьютъ! Выручай, робя, нашихъ бьютъ!!!

Хрипящая, шумная и торопливая волна вкатилась въ сонную улицу и, какъ пролитая вода, побѣжала по избамъ отдѣльными ручейками, съ тѣмъ же тревожнымъ, призывающимъ крикомъ:

— Нашихъ бьютъ!!!

И изъ темныхъ, молчаливыхъ до сихъ поръ избъ, громыхая подкованными сапогами и подстегивая на ходу шашки, торопливо посыпались темные фигуры казаковъ и забѣгали по деревнѣ, мелькая темными крикливыми силуэтами, сталкиваясь въ темнотѣ другъ съ другомъ, отрывисто спрашивая и отвѣчая.

Въ воздухѣ повисли отдѣльные крики, вопросы и угрозы, кто-то злобно и грубо ругался:

— Я имъ покажу, мать ихъ такъ!—кричалъ онъ въ темнотѣ, возясь съ чѣмъ-то на дворѣ. Стой, дьяволъ! Я имъ покажу, какъ казаковъ бить!.. Убью и въ отвѣтъ не буду, тпру-у-у-у ты, анафема!

Изъ воротъ вынесся всадникъ на пугливой, бѣшено вертѣвшейся лошади и, неистово хлопая ее по бокамъ на гайкой, понесся подъ гору къ мосту; оттуда неслись крики,

ругань, и—то свиваясь, то растягиваясь—кипѣла тамъ черная куча людей.

— Доньцы-ы-ы, сю-ды-ы-ы!!—оралъ всадникъ, колотя на гайкой ошалѣвшую лошадь,—я тѣ покажу, какъ съ казаками драться!..

Изъ воротъ за нимъ вырвались еще два - три всадника и понеслись къ мосту съ крикомъ, гиканьемъ и свистомъ. Кое-гдѣ замелькали бѣлые фигуры мужиковъ — растерянныхъ и испуганныхъ, въ окнахъ вспыхнули и замелькали дрожащіе, торопливые огоньки.

Старый Феклистовъ тоже зажегъ огонь и высунулся въ окно, вырисовываясь на свѣтломъ квадратѣ плотнымъ, чернымъ силуэтомъ.

Гдѣ-то звякнуло и задребезжало посыпавшимися осколками разбитое стекло, кто-то закричалъ неистово и, какъ будто, обиженno, и этотъ крикъ долго висѣлъ въ всколыхнувшемся тревожномъ воздухѣ.

А внизу у моста шла драка — жестокая и страшная по своей злобѣ, висѣли колыхающимся облакомъ крики, и кругло и злобно-законченно выдавалась циничная брань, вперемежку съ твердыми ударами.

— Насѣдай, ребята, дай имъ встряску, зазнались чертovy дѣти!..—оралъ кто-то дикимъ, свирѣпымъ голосомъ:— тоже слуги царскіе—ворюги, разбойники!

— Кольемъ ихъ лупи!

— А-а а, на коня залѣзъ, вотъ тѣ!

— Убили-и-и!

— Бей, бей ихъ!!..

— Станишники, у шашки ихъ, руби треклятыхъ!

— А-а-а-о-о-у-у!!—какъ тревожный и частый набатъ, неслось надъ деревней рѣзкимъ, воющимъ звукомъ, и, казалось, черный, сырой воздухъ мечется и рвется отъ этого воя, становъ и крика.

Изъ избѣ по прежнему выбѣгали казаки и мужики и, не зная въ чемъ дѣло, кто кого и за что бѣть, тутъ же схватывались другъ съ другомъ, и драка росла и катилась по испуганной, вѣбудороженной деревнѣ. Казаки думали, что мужики хотѣли перерѣзать ихъ сонными, а мужики думали, что казаки устроили погромъ, и затихались, озлобленные безпомощностью и беззащитностью, освирѣпѣлые отъ всего того, что выносили они со дня прихода казаковъ. Все давнишнее, медленно, капля по каплѣ, копившееся недовольство, вся тяжесть голодной и безправной жизни вспыхнула теперь неукротимой злобой, и, чувствуя, что теперь имъ терять нечего, что нѣть уже ничего такого, чего бы у нихъ не могли отнять, что жизнь ихъ пришла къ тому предѣлу,

когда самый страхъ перешелъ стадію ужаса и растаялъ въ чувствѣ полной безнадежности и тупого равнодушія — они свирѣпо, какъ загнанный и затравленный звѣрь, мстили безпощадной дракой, вооружаясь кто чѣмъ могъ, пе защищаясь отъ ударовъ, а стараясь только какъ можно больнѣе и безпощаднѣе нанести ихъ.

И когда казаки, тоже озвѣрѣвшіе и обезумѣвшіе, избивъ и прогнавъ парней, ринулись отъ моста наверхъ, — кто-то изъ нихъ пронзительно крикнулъ:

— Станишники, гляди, коней пе перерѣзали-бъ! — и они разсыпались по стоянкамъ во дворы, гдѣ, перепуганныя всѣмъ хаосомъ, бабы и ребята выли и голосили; мужики бросились туда же, и драка закипѣла въ тѣсныхъ, заставленныхъ телѣгами и сохами дворахъ, подъ низкими повѣтвями, гдѣ негдѣ было размахнуться и гдѣ схватывались грудь съ грудью, душили другъ друга, кусали и катались по землѣ, натыкаясь на колеса, кадки, сошники...

Въ офицерской избѣ вспыхнулъ огонь, и зашаталась чья-то длинная черная тѣни. Черезъ минуту оттуда вышелъ офицеръ и, смутно выдѣляясь въ темнотѣ ѿблымъ кителемъ, быстро сѣлъ на выведенную уже лошадь.

— Урядника Вереду позвать, куда чортъ дѣлается! — громко и сердито крикнулъ онъ, сдерживая топтавшуюся на мѣстѣ лошадь.

Драка перекинулась уже вверхъ по деревнѣ и сосредоточилась у прогона, что вель къ мочиламъ. Тамъ, скимаясь и растягиваясь, катался живой и быстрый комокъ людей, иногда неожиданно высокимъ силуэтомъ мелькалъ на мгновеніе всадникъ и тотчасъ же пропадалъ куда-то, и снова несся только разноголосый, озлобленный крикъ, трескъ ломаемаго дерева и чьи-то стоны.

Офицеръ не дождался пропавшаго урядника, быстро повернулся лошадь и, поднявъ ее въ галопъ, поскакалъ въ гору, въ самую гущу драки.

— Стой, черти, по мѣстамъ, расходись, дьяволы! — еще издали кричалъ онъ, въ то время какъ лошадь, фыркая и все поддавая ходу, неслась въ гору. — Подъ арестъ поганцевъ, что такое затѣяли!!!.

Лошадь съ размаху врѣзалась въ толпу, ударила грудью большое черное пятно, и оно покатилось куда-то внизъ; другой силуэтъ появился у самого сѣдла, и офицеръ схватилъ его за шиворотъ.

— Пусти! — неестественно-громкимъ и злобнымъ голосомъ заоралъ человѣкъ. — Пусти!.. Я ихъ, кацаповъ!..

— Назадъ, я тебѣ! — также громко кричалъ офицеръ, усиливаясь удержать казака.

— Пусти! — коротко рявкнулъ казакъ и, рванувшись въ сторону, высвободился и кинулъся опять впередъ, въ драку.

— Бей ихъ, чертей некрещеныхъ! — гремѣлъ откуда-то глухой срывающійся голосъ Касьянова: — подбавляй имъ!

— Чего глядѣть — руби ихъ! — отвѣчалъ изъ каши прыгающихъ, мечущихся и болтающихъ руками тѣль урядникъ: — попомните, сиволапые!

Свѣтлымъ, мелькающимъ пятномъ вертѣлся бѣлый, распахнутый кителъ офицера въ черной, горячей толпѣ, и напряженный сердитый крикъ тонулъ въ общемъ гулѣ и казался слабымъ и охрипшимъ.

Кто-то, размахнувшись, ударилъ лошадь по мордѣ, она зашрокинулась на дыбы и шарахнулась въ сторону, сбивая съ ногъ людей и давя ихъ. Офицеръ выхватилъ нагайку и, сжавъ зубы, съ осторожнѣемъ началъ осыпать ударами и лошадь, и всѣхъ, кто былъ близко.

— Расходись, проклятые, по мѣстамъ, сволочь! — кричалъ онъ. — Я вамъ, мерзавцы!..

Свѣтлое пятно рубахи неожиданно вынырнуло у самой морды лошади, и офицеръ съ размаху опустилъ на него плеть. На мгновеніе рубаха остановилась, и въ темнотѣ мелькнуло остановившееся тоже лицо, и офицеру показалось, что на него прямо уставились два острыхъ, напряженныхъ глаза. Онъ взмахнулъ опять плетью, но лицо откинулось, бѣлое пятно рубахи стремительно взмахнуло назадъ въ сторону длинными рукавами, и страшный ударъ чѣмъ-то тупымъ и твердымъ, какъ дерево, въ плечо и грудь свалили его съ лошади. И, падая, онъ замѣтилъ только одно: блѣдное съ стиснутыми губами лицо, окруженное беспорядочно вьющимися рыжими волосами, съ горящимъ напряженнымъ взглядомъ, описало полукругъ и исчезло, а черезъ моментъ черная, сырая земля, на которой, какъ въ странной плясѣ, крутились копыты лошади, чьи-то сапоги и босыя мелькающія ноги крѣпко и больно ударили въ лицо, и все заволоклось и уплыло куда-то...

— Сотника убили, лови, держи! — загудѣло надъ толпой: — рыжаго, рыжаго держи, рыжий убиль!..

Бѣлая рубаха вынырнула изъ толпы и, какъ маленький, свѣтлый комочекъ, покатилась внизъ, подъ гору.

— Держ-и-и!!! — ревѣли саади задыхающіеся казаки: — держи, офице-е-е-ера уби-и-иль!!!

Навстрѣчу бѣжали бабы и дѣти съ воплями и стонами: по дворамъ шелъ погромъ, казаки ломали, били все, что попадалось подъ руку. Изъ Захаровой избы выползло большое пятно, все бѣлое, хрипящее и страшное отъ протянутыхъ впередъ безпомощныхъ рукъ.

— Пра...православные...правос...лавные!!—сипълъ старый Захаровъ и съменилъ толстыми опухшими ногами.—Пра...вослав...ные-е-е-е!..

Онъ стремился уйти, задыхался и, закинувъ назадъ лысую обрюзглую голову, вытянувъ прямо передъ собою руки, пыхтѣлъ, какъ старая, испорченная машина. Безсильные ноги не слушались—дѣлали до смѣшного маленькие дѣтскіе шаги, и отъ этого казалось, что онъ танцуетъ на одномъ мѣстѣ страшный и непонятный танецъ.

— Православн...—прохрипѣлъ онъ въ послѣдній разъ и, видя что ему не уйти, что большое, опухшее тѣло отяже...лѣло и обезсилѣло, а толстая, какъ бревна, отекшая ноги не слушаются, опустилъ руки, остановился и заплакалъ без...сильными, дѣтскими слезами.

— Аб...рамъ!—крикнулъ онъ еще разъ, когда человѣкъ въ бѣлой рубахѣ, шарикомъ катившійся сверху, мелькнулъ мимо него:—Абра-а-а-амъ!..

Абрамъ на мгновеніе пріостановился, но махнулъ рукой, свернулъ въ сторону и побѣжалъ еще быстрѣй. А мчавшіеся съ крикомъ и свистомъ за нимъ казаки сшибли съ ногъ стараго Захарова, и онъ упалъ, грузно ударившись о землю своимъ пухлымъ тѣломъ; по немъ бѣжали, объ него спотыкались, а онъ неподвижно лежалъ и стоналъ тихо и жалобно, и тѣ же безсильныя дѣтскія слезы текли изъ глазъ.

Абрамъ метнулся къ избѣ Феклистовыхъ, но и тамъ слышались крики и шумъ, и могучій голосъ старика гремѣлъ сверху. Онъ остановился, но тотчасъ же сообразилъ, что если пробѣжать Феклистовъ дворъ—онъ попадетъ въ огородъ и садъ, а оттуда въ поле. Онъ нырнулъ въ калитку и бросился къ повѣти, гдѣ былъ ходъ въ садъ.

Неожиданно и быстро отпахнулась дверь избы, яркій снопъ свѣта ударила оттуда, и чья-то маленькая сжавшаяся фигурка, скользнула по ступенькамъ крыльца.

И когда Абрамъ былъ уже въ огородѣ и, пригнувшись, побѣжалъ между высокими грядами, засаженными капустой разсадой,—онъ безсознательно, механически вспомнилъ эту фигуру и узналъ ее: это была Фиша, и ея испуганное, прозрачное лицо съ удивленно приподнятыми, полукруглыми бровями мгновенно мелькнуло въ лучѣ свѣта, вырвавшагося изъ двери.

Абрамъ добѣжалъ до изгороди, однимъ прыжкомъ перескакнулъ черезъ нее и побѣжалъ внизъ по паровому полю. Раза два мелькнула его бѣлая рубаха въ подымавшемся съ земли сѣромъ туманѣ, мелькнула еще разъ и исчезла, расплылась и растаяла, поглощенная этимъ туманомъ. И только вѣтви задѣтой у изгороди бузины долго еще качались и ше-

велили листьями, роняя крупные, звонкие капли на съвшей росы.

А въ это время Фиша бѣжала, прижавъ съпленные руки къ груди, широко открывъ испуганные, остановившіеся глаза и повторяя одно только слово:

— Господи, Господи, Господи...

И въ этомъ словѣ—пустомъ и незначущемъ звуки—слилось все отвращеніе, весь ужасъ и вся беспомощность ея маленькаго гибкаго тѣла, казавшагося такимъ хрупкимъ и слабымъ.

Она бросилась черезъ дворъ въ огородъ, рванула калитку подъ повѣтю—и та, стукнувшись объ стѣнку, захлопнулась сзади, громко звякнувъ щеколдой; и тотчасъ же шумъ и крики въ домѣ и на улицѣ внезапно и странно потухли и отошли, а въ лицо пахнуль запахъ сырости, мокрой травы и свѣжихъ листьевъ.

— Господи,—шептала Фиша помертвѣлыми, трудно щевелившимися губами, —Господи, что же это?!

Она остановилась передохнуть у яблони, смутно бѣлевшей въ темнотѣ обмазаннымъ известкой стволомъ, подъ ея корявыми далеко протянувшимися вѣтвями. Яблоня была старая, верхушка ея уже умерла и сучья торчали голые и сухие, и только на нижнихъ вѣткахъ кое-гдѣ между плотными пятнами листьевъ смутно и прозрачно выдѣлялись рѣдкіе цветы. А рядомъ, у колодца, стояла молоденькая яблонька—вся бѣлая отъ покрывавшихъ ее цветовъ, скромная и радостная днемъ въ лучахъ солнца, будившая во всякомъ проходящемъ мимо отблескъ трогательной нѣжности и любви.

Фиша прислонилась къ старой яблонѣ, смотрѣла на знакомую и такую близкую молодую и прислушивалась. Сердце сильно билось, какъ будто въ груди кто-то громко и крѣпко стучалъ чѣмъ-то твердымъ и крѣпкимъ, ноги дрожали и подгибались, а въ ушахъ гудѣлъ ровный и тягучій звонъ, страшно мѣшавшійся съ наплывавшимъ на глаза туманомъ, въ которомъ колебалась и пряталась бѣлая яблонька, то подходя вплотную, то удаляясь, дѣляясь меныше и исчезая.

Вдругъ посреди звона, плотной нотой гудѣвшаго въ ушахъ, отчетливымъ и рѣзкимъ звукомъ звякнула щеколда, зашуршала мокрая трава, хрустнули какія-то сучья. И тотчасъ же то, что крѣпко и больно стучало въ груди Фиши, вдругъ упало куда-то и замерло; легкое и незамѣтное прежде тѣло внезапно стало страшно тяжелымъ и безсильнымъ, а ноги ослабѣли, и чтобы не упасть—Фиша ухватилась за яблоню.

А когда въ затѣненномъ деревьями сѣромъ сумракѣ вы-

двинулось темное пятно, казавшееся огромнымъ, расплывчатое и живое—все внутри оборвалось, похолодѣло и смолкло, какъ внезапно остановившаяся машина. И осталась одна только мысль—бѣжать, уйти, но силъ не было, ноги сдѣлались мягкими и заплетались, а тѣло тяжелымъ и безвольнымъ, и это было похоже на тѣ сны, когда человѣкъ убѣгаешь отъ какой-то невѣдомой, но страшной опасности, стремится сдвинуться съ мѣста, а ноги приросли къ землѣ, слѣпой ужасъ сковываетъ движенія, хочется крикнуть—и нѣтъ голоса, и липкий холодный потъ выступаетъ на тѣлѣ.

Такъ продолжалось съ секунду, а потомъ наступило странное безразличіе и тупое холодное равнодушіе, и уже не надо было бѣжать, а было все равно.

Большое черное пятно вплотную придвигнулось къ Фишѣ и молча и сильно ударило ее въ грудь. Фиша качнулась, въ послѣднемъ усилии хотѣла удержаться за яблоню, но руки разжались, и она мягко и неслышно упала на землю прямо въ мокрую отъ росы траву. Противная хрипящая масса навалилась на нее, и тогда въ послѣдній разъ—какъ сверкающая искра среди мрака—вспыхнула безумная ненависть, похожая на отчаяніе, и Фиша забилась, извиваясь и ерзая по травѣ, какъ маленькая, злобная змѣйка.

— И-и-и!!!—вдругъ пронзительно и рѣзко завизжала она и изо всей силы впилась въ большую потную руку своими мелкими острыми зубами.

Казакъ рявкнулъ, и на мгновеніе во мракѣ сверкнули свѣтлые выпученные глаза, но потомъ, хрипя и ругаясь, онъ повалился на нее еще крѣпче. Фиша уперлась руками ему въ грудь, и эти тонкія слабыя руки, какъ эластичныя стальные пружины, гнулись и отталкивали тяжелое, горячее тѣло.

— И-и-и! — уже слабо и тихо визжала она.

Казакъ вырвалъ свою руку и съ размаху ударилъ дѣвушку по головѣ разъ и другой.

— Ты та-а-къ! — хрипѣлъ онъ:—ты та-а-къ, стерва!

Ему удалось обхватить ее по поясу, и онъ сразу и крѣпко прижалъ ее къ себѣ, такъ что въ груди у Фиши что-то хрустнуло и она сразу разбросила руки.

Быстро и близко передъ ея глазами замаячило мутное пятно большого лица съ свѣтлыми блестящими глазами, затрудненное торопливое дыханіе обдало ее горячей струей, гдѣ-то затрещала разрываемая матерія—и все это смѣшалось въ смутный, дрожащій туманъ...

А когда дѣвушка очнулась, казакъ стоялъ около нея, и весь онъ сталъ какъ-то меньше, ниже и опустился и смотрѣлъ на нее, какъ будто, съ отвращеніемъ.

— У-у-у, стерва! — равнодушно и тускло проговорилъ онъ, вжимая пальцами текущую изъ прокущенной лѣвой руки кровь.—Подберись хуть, что-ли...

И, переваливаясь, покачиваясь на кривыхъ, подгибающихся ногахъ, пошелъ назадъ во дворъ.

Фиша лежала, не двигаясь, прямо глядя передъ собою остановившимися потухшими глазами. Уже свѣтлѣло, и небо стало плотнымъ и приняло молочно-бѣлый оттѣнокъ, и между деревьями легко и призрачно шевелился туманъ, живой и цѣпкій, окутывающій кусты мягкой колеблющейся дымкой. Было холодно—и мелкая дрожь временами пробѣгала по холодному, измятому тѣлу, и это тѣло казалось не своимъ, привычнымъ и обыкновеннымъ, а новымъ, безжизненнымъ и странно-чужимъ.

VI.

Еще ночь не прошла, и тьма клубилась въ лѣсу и оврагахъ, а рѣка пряталась въ ней такъ, что ее нельзя было видѣть, и о томъ, что она бѣжитъ гдѣ-то по дну глубокой балки, можно было догадаться по холодной сырости и по немолчному всхлипыванью журчащихъ струй, пробиравшихся черезъ старую, разрушенную запруду. Чернымъ зловѣщимъ пятномъ—страннымъ отъ обнаженныхъ стропиль крыши и покосившихся стѣнъ—торчала въ этой тьмѣ старая мельница, и теперь, когда ночь еще не прошла и утро еще не наступило, а только плотной молочной дымкой ушло вверхъ небо—можно было повѣрить, что въ ней водится всякая нечисть, и людямъ надо избѣгать ея.

Абрамъ остановился у моста и чутко и остро прислушался. Уже все давно успокоилось, только внизу подъ мостомъ плакали и жаловались и рассказывали что то захлебывающіяся струйки. Не было вѣтра—и выльзавшія изъ подъ берега у самаго моста кусты тянули свои неподвижные вѣтки, какъ чьи-то застывшія руки.

Оттого, что ночь онъ просидѣлъ въ лѣсу, зарывшись въ прошлогодніе сырье листья, и оттого, что со вчерашняго утра онъ ничего не ъль, Абраму было холодно, и все тѣло дергалось рѣзкой и сильной дрожью, отъ которой лязгали челюсти и ихъ надо было крѣпко сжимать, чтобы не стучали зубы.

Слухъ и обоняніе сдѣлались страшно чувствительными, и теперь Абрамъ различалъ запахъ сырой травы, мокрой земли и затхлой гнили, которой несло изъ мельницы.

Онъ постоялъ еще немного, прислушался, склонивъ го-

лову на бокъ и выжидательно глядя исподлобья прищуренными напряженными глазами, и осторожно, согнувшись и затаивая дыханіе, пошелъ черезъ мостъ, потомъ вдоль улицы вверхъ по горѣ, держась около избъ и пригибаясь подъ окнами.

Было что-то загнанное, звѣриное въ этой согнувшейся въ напряженномъ вниманіи фігурѣ, какъ будто это шель не человѣкъ къ тому мосту, где онъ родился и выросъ, а загнанный хищный и голодный волкъ, опасавшійся, что вотъ-вотъ откуда нибудь грянетъ выстрѣль и придется смерть.

Впереди, избы за три отъ Абрама, въ тусклѣлесоватомъ небѣ замаячила высокій шесть и на немъ соломенный кругъ съ длинными соломенными кистями. И въ то время, когда Абрамъ соображалъ, что это офицерская стоянка,—гдѣ-то совсѣмъ близко, въ тѣни у избы, брякнуло ружье и охрипшій голосъ зѣвнулъ сладко и протяжно:

— А-а-а-ха-ха-а-а!!!

И опять стало такъ тихо, что Абраму почудилось, будто онъ слышитъ дыханіе часоваго.

Онъ выждалъ минуты двѣ и, также согнувшись, не обирачиваясь, а упорно глядя въ ту сторону, где долженъ былъ стоять солдатъ, двинулся задомъ опять внизъ подъ гору. И такъ прошелъ избы три, до узенькаго прогона на задворки между избами Синельника и Феклистовыхъ. А когда свернулъ въ прогонъ, то, по прежнему согнувшись и затаивъ дыханіе, побѣжалъ мелкими шажками вдоль темной и мокрой отъ осѣвшаго тумана стѣны скотнаго двора, откуда несло терпкимъ запахомъ навоза и парного молока отъ коровъ.

На выгонѣ, уже позади деревни, онъ остановился и опять прислушался. Опять все было тихо, и даже плескъ рѣчки доносился сюда глухо и неразборчиво, какъ во снѣ. Внизу подъ горою лѣниво и скучно дергалъ коростель, и отрывистый, похожій на скрипъ, крикъ его каждый разъ долго звенѣлъ въ молочномъ сумракѣ, все больше и больше наполнявшемся бѣлымъ туманомъ.

Здѣсь нечего было опасаться, что его увидятъ, и Абрамъ свободно и легко пошелъ по мокрой росистой луговинѣ къ своей избѣ. А когда подошелъ, то остановился и долго озирался кругомъ.

Изба Абрама была старая, покосившаяся, Богъ вѣсть когда строеная. Мѣстами въ ней, также какъ и въ примыкавшихъ съ трехъ сторонъ хлѣвахъ, бревна повыгнили, стѣны осѣли и выгнулись крутыми загибами, и чтобы онъ совсѣмъ не упали, Абрамъ подпиравъ ихъ время отъ вре-

мени жердями. Отъ этого постройка похожа была на старого чуть живого инвалида, всею тяжестью опиравшагося на костили.

По зимамъ въ ней было холодно, и морозъ выступалъ на внутренней сторонѣ стѣнъ лучистыми свѣтлыми узорами, а лѣтомъ—въ жаркое время—онъ выходилъ изъ перегнившихъ бревенъ сплошной плѣсенью, похожей на плотную бѣлую паутину. И, начиная съ первого тепла весною до крѣпкихъ заморозковъ—въ избѣ стоять прокислый, душный запахъ плѣсени и сырости, отъ котораго тяжело было дышать и который невозможно было вывести никакими провѣтриваніями. Когда зимой всѣ жили въ избѣ—въ ней расположалась масса вшей, отъ которыхъ не было спасенія. Они набивались въ тулуны, плотными бѣлыми нитями осѣдали въ швахъ рубахи; забивались въ подушки, и сонъ отъ нихъ былъ не отдыхомъ, а мученіемъ. Дѣти плакали и расчесывали тѣло до ссадинъ, а въ нихъ забиралась грязь и образовывались гнилые чесоточные струпья, и все тѣло зудѣло и чесалось, и нигдѣ нельзя было спастись отъ этого мученія...

Въ этой избѣ Абрамъ прожилъ со дня рожденія, и ему казалось, что всегда она была такая старая, сгнившая и темная, какъ казалось, что вся его жизнь была такая голодная, мучительная и бесплодная. У всѣхъ людей онъ—зналъ и видѣлъ это—были дѣтство, молодость, смѣхъ, счастье, а его жизнь словно съ первого дня началась цѣпью сумрачныхъ, темныхъ дней, полныхъ тоски, униженья, горя и голода, и никогда онъ не былъ молодымъ, смѣющимся, довольнымъ. Это было, онъ вспоминалъ это, но такъ давно и такъ далеко было это и такъ непохоже на теперешнюю жизнь, какъ будто и совсѣмъ не было...

Въ этой избѣ Абрамъ прожилъ тридцать семь лѣтъ, и эта жизнь была не жизнью, а непрестанной борьбой съ голодомъ, болѣзнями, темнотою... Это была не жизнь, а сплошная цѣпь всевозможныхъ огорченій, обидъ, боли... Были моменты, когда дѣти плакали отъ голода, и имъ нечего было дать, у взрослыхъ падали силы и наступало холодное отчаяніе, люди ходили, какъ лунатики,—полуживые по виду и мертвые внутри. И тогда являлось какое-то странное проэрѣніе, и вдругъ видно было, что это не жизнь, и что все это нелѣпо и дико, но почему-то существуетъ и считается обычнымъ и понятнымъ,—и тогда загорался гнѣвный протестъ—и гасъ, подъ смѣною долгихъ, голодныхъ часовъ...

Въ этой избѣ Абрамъ прожилъ всю жизнь—и теперь не могъ войти въ нее.

Гдѣ бы и какъ бы ни жилъ Абрамъ, какъ бы ни сжимала

свое таинственное желѣзное кольцо жизнь—у него всегда было такое мѣсто, куда онъ могъ уйти, скрыться оть жизни, была своя изба. И какъ-бы ни тяжела была жизнь, мысль о томъ, что есть еще земля и есть еще домъ, сглаживала эту тяжесть и придавала тупымъ и безмыслии-труднымъ дніямъ какой-то особенный смыслъ и оправданіе, и жить было можно. Была семья, была земля, былъ домъ и, стало быть, была надежда выбраться изъ заколдованного круга нищеты и голода, было за что уцѣпиться слабой дрогающей надеждѣ...

Теперь ничего этого не было.

Въ блѣдномъ предутреннемъ сумракѣ, полномъ неподвижно нависшей пелены тумана, старая—такая знакомая, извѣстная до мельчайшихъ подробностей—изба была странно чужда и таинственно-молчалива. Теперь тамъ жили иные люди, и все прежнее умерло и никогда не будетъ, а что будетъ—было неизвѣстно и темно, и мысль объ этомъ не будила никакого представленія: какъ будто не могло быть завтрашняго дня и жизнь кончилась уже, и въ будущемъ была одна черная пустота, которую сознаніе не знало чѣмъ наполнить.

Абрамъ смотрѣлъ на знакомыя и чуждыя очертанія старой избы и думалъ.

За стѣной коровника, ближе къ нему, помѣщался огородъ и маленький садъ, гдѣ сиротливо торчали двѣ старыхъ корявыхъ яблони. Яблокъ на нихъ никогда не было и потому, что они были слишкомъ стары, чтобы выростить плоды, и потому, что едва только завязь принимала форму крохотныхъ зеленыхъ яблочекъ—дѣти срывали ихъ и съѣдали. Между яблонями низко присѣла старая пунька, куда выселилъ Абрама съ семьею пріѣздъ казаковъ.

Абрамъ зналъ, что теперь тамъ спать жена и дѣти, и осторожно, прямо по грядамъ, цѣпляясь босыми ногами за уцѣльвшія еще кое-гдѣ, твердые, какъ дерево, кочерыжки прошлогодней капусты, пробрался къ ней.

Дверь была полуутворена, и изнутри доносилось нездоровое, простуженное сопѣніе спящихъ дѣтей и несло сырый, затхлымъ запахомъ. На дворѣ шумно вздохнула лошадь и брякнула желѣзомъ. Гдѣ-то совсѣмъ близко, казалось надъ самимъ ухомъ, сиплымъ и неожиданно-рѣзкимъ звукомъ закричалъ пѣтухъ и громко, отчетливо захлопалъ крыльями.

Абрамъ дрогнулъ и оглянулся.

Стало замѣтно свѣтлѣе. Тьма порѣдѣла, вобралась въ землю, въ деревья, въ зданія, а на сѣйну ей неподвижно

повисъ бѣлый туманъ, осаждавшійся на травѣ и листьяхъ крупными свѣтыми каплями.

Въ пунькѣ вдругъ слабо и плаксиво пискнуль дѣтскій голосъ и вдругъ заговорилъ что то—длинно и незвязно—и также внезапно умолкъ, и опять слышно было только хриплое сонное сопѣніе.

Абрамъ просунулъ голову въ щель двери и, задерживая дыханіе, прошепталъ:

— Пашъ, а Пашъ?!

И помолчалъ, склонивъ голову на бокъ и прислушиваясь.

— Пашъ, а Пашъ?!—повторилъ онъ опять, чуть пріоткрывая скрипнувшую дверь.

— А? Что? Ой, Господи, что это, что это!—испуганно и безвязно забормоталь женскій голосъ. — Ахъ, оставьте, охальники, Бога въ васъ нѣту, что это...

— Легче, это я, Абрамъ! — сжавъ зѣбы, зашепталъ Абрамъ:—чего ты...

На минуту въ темнотѣ пунькѣ стало тихо и казалось, будто даже дѣти перестали дышать. И въ этой тишинѣ рождалось и росло что-то, чего Абрамъ еще не могъ охватить, но что пробѣжало по немъ смутно и съ ужасомъ.

И вдругъ тамъ дрогнулъ и замеръ страшный и беспомощный звукъ, такой легкій и слабый, что нельзя было понять, былъ ли онъ на самомъ дѣлѣ, или только послышался. Абрамъ вдвинулся плечами въ дверь и ждалъ. И еще, какъ чуть тронутая струна, затрепеталъ невѣдомый звукъ, нѣжный и гармоничный, и поплылъ тихимъ и безнадежнымъ плачомъ. И тотчасъ же Абрамъ различилъ странныя безсвязныя слова:

— Охальники... Мужъ мой миленький!.. Лучше бы убили, ироды, насмѣялись, опозорили, жизни не рада... Убьютъ они тебя, убьютъ... дѣтушекъ малыхъ не пожалѣли, при нихъ надругались... Креста на ихъ нѣту...

Абрамъ слушалъ прерывающіяся, плачущія слова, полныя безмѣрной скорби и горькой обиды, а они падали рѣдкими, чуть звенящими каплями и сливались въ трепетную, журчащую струйку. И не было ни больно, ни обидно, ни жалко даже, какъ будто это давно ожидалось, а опять было все пусто и холодно, и все стало чужимъ и не нужнымъ, словно давно отболѣло и умерло.

Изъ черной, узкой щели полуоткрытой двери высунулось блѣдное, измученное лицо, по которому быстро бѣжали мелкія, частыя слезинки. Женскій всхлипывающій голосъ говорилъ о позорѣ и боли, о страданіи и безъисходной печали и молитъ о чёмъ то, а Абрамъ молча слушалъ, и въ опустѣвшей, ставшей холодной и прозрачной, какъ хрусталь

душѣ не было ничего: ни боли, ни обиды, ни жалости даже.

Только одно чувствовалъ Абрамъ: голодъ прошелъ, и очень хотѣлось пить.

Потомъ онъ прищурился, посмотрѣлъ на совсѣмъ уже свѣтлое, полное густого тумана небо и процѣдилъ сквозь зѣбы:

— Ладно!!

И, какъ бы покончивъ съ этимъ, спросилъ:

— Хлѣба нѣту?

— Нѣту... Что давеча у дядюшки Семенъ Феклистыча взяли, то и было... Съѣли... О, Господи!

Она опять всхлипнула и стала причитывать тихо и жалобно, какъ надъ покойникомъ.

— Ладно, идти надо... Проснутся! — отрывисто бросилъ Абрамъ, опять прищурившись и сжавъ зѣбы, посмотрѣлъ въ даль, полную марева тумана, и пошелъ.

А Прасковья еще долго смотрѣла ему въ слѣдъ и молчала, изрѣдка утирая мелкія, частыя слезинки, торопливо бѣжалія по лицу, прятавшіяся около губъ и снова появлявшіяся. И казалось — конца имъ не будетъ.

Абрамъ, прячась за старой мельницей, пробирался на мостъ, а съ другой стороны къ ней подходилъ молодой здоровый казакъ безъ шапки и мундира, въ розовой ситцевой рубахѣ и босикомъ. Онъ велъ къ рѣкѣ поить лошадь, унылую, низко опустившую длинную шею, медленно и скучно выступавшую шагъ за шагомъ за нимъ.

Когда они встрѣтились, Абрамъ остановился и скзался, плотно притиснувшись къ скользкой и мокрой отъ тумана стѣнѣ мельницы. На мостъ нельзя было попасть безъ того, чтобы казакъ не увидѣлъ его. Остаться на мѣстѣ тоже было нельзя, потому что казаку, чтобы пройти къ водопою, надо было идти мимо. Стоило только двинуться, чтобы вернуться назадъ — и казакъ его тотчасъ бы увидѣлъ.

Абрамъ прижимался къ мокрой стѣнѣ мельницы, а въ ушахъ звучали далекія и страшныя, недавно слышанныя слова:

— Держи, рыжаго держи: офицера убилъ!

И, какъ близкій и дикий сонъ, мелькнула темная улица, стремительный бѣгъ по ней и сзади топанье, крики и брань казаковъ. И едва только мгновенная и страшная своей бѣзысходностью мысль о томъ, что все кончено, и онъ пойманъ, блеснула въ головѣ Абрама, какъ слѣпая, душная какъ отчаяніе, злость наростающей волной поднялась въ немъ и тяжело и тупо ударила въ голову. И, уже не соображая, какъ и гдѣ онъ его поднялъ, — онъ вдругъ почув-

ствовалъ въ рукахъ недлинный крѣпкій шестъ, съ желѣзнымъ крючкомъ на концѣ—очевидно, изъ тѣхъ, которыми до-стаются ведромъ воду изъ колодца, и въ этотъ шестъ крѣпко до боли вѣшились его скрюченные пальцы.

Минуты двѣ онъ видѣлъ только темную стѣну по-косившейся мельницы, смутныя очертанія моста и живую, колеблющуюся въ плотномъ бѣломъ туманѣ фигуру казака, сливающуюся съ идущей сзади лошадью въ одно маячащее, странное пятно. Потомъ пятно это неожиданно приблизилось и на Абрама взглянули два черныхъ заспаныхъ глаза, тускло свѣтившихся на красномъ измятомъ лицѣ. Лошадь фыркнула позади и остановилась, тugenо натянувъ поводъ и чутко настороживъ острья, чуть вздрагивающія уши.

— Тѣ что нужно? Ты что здѣсь?—проговорилъ казакъ и тоже остановился. И тотчасъ же въ глазахъ и во всемъ красномъ заспанномъ лицѣ его легкой судорогой пробѣжалъ отблескъ растеряннаго страха.

— Тѣ что надобно?—повторилъ онъ и посунулся назадъ, не сводя съ Абрама черныхъ, широко открытыхъ глазъ.

Абрамъ быстро шагнулъ къ нему и, плотно сжавъ челюсти, отчего губы посинѣли и чуть-чуть раздвинулись, открылъ рядъ бѣлыхъ хищно блеснувшихъ зубовъ, взмахнулъ коломъ надъ головой и секунду держалъ его въ воздухѣ надъ собою. И все въ немъ замерло и упало куда-то отъ ужаса и безповоротности того, что должно было произойти здѣсь.

— Что ты, что ты, что ты....—забормоталъ казакъ, отступая назадъ.

— К-хакъ!—отрывисто крякнулъ Абрамъ и съ страшной силой ударили его коломъ по головѣ сверху и справа, отчего большое и сильное тѣло казака толкнулось въ сторону и ударилось объ стѣну мельницы.

Испуганная взмахомъ лошадь захрапѣла, взметнулась на дыбы и хотѣла кинуться назадъ, но оборвалась съ узенькой тропинки, потомъ справилась, цѣпляясь передними ногами, и, выбравшись, храпя и фыркая, вскачь понеслась къ дорогѣ, коротко блеснувъ свѣтлыми стершимися подковами.

Казакъ продолжалъ стоять, прислонившись къ скользкой стѣнѣ, широко разставивъ руки съ растопыренными, быстро шевелившимися пальцами, и часто и торопливо мигалъ, словно стараясь смигнуть что-то, наплывавшее на мозгъ не-проницаемой плотной пеленою.

Въ томъ же сжавшемся чувствѣ злобы, ужаса и отчаянности передъ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, Абрамъ опять взмахнулъ коломъ и опять ударили, почувствовавъ, какъ что-то хрюснуло и проломилось отъ его удара. Кровь и розовато-сѣрая масса мозга брызнула на стѣну и на лицо казака и

попозла медленными тягучими струями, закрывая лицо и уползая подъ бровь въ еще открытый и по прежнему быстро и часто мигавшій глазъ. Большое обтянутое розовой рубахой тѣло медленно качнулось и, какъ тяжелый мѣшокъ, стало склоняться, словно низко кому-то кланяясь, вдоль по стѣнѣ, цѣпляясь за темныя мокрыя бревна скрюченными скользкими пальцами. Оно ткнулось въ землю головою, тяжело и неудобно, и задрожало мелкой, прыгающей дрожью. И тотчасъ же мгновенно и неуловимо измѣнилось что-то, отчего Абрамъ снова почувствовалъ себя одинокимъ на узенькой тропинкѣ у стѣны старой мельницы. Уже не было казака, а быль только одинъ Абрамъ, и у его ногъ, далеко протянувъ босые розовые ноги, съ черными отъ сырой земли подошвами, лежала молчаливая, мертвая куча.

Абрамъ осторожно и стараясь не глядѣть на нее, обошелъ по краю дорожки и побѣжалъ къ мосту. Тамъ онъ остановился, замѣтилъ въ рукахъ недлинный колъ съ желѣзнымъ крючкомъ на концѣ, запачканый кровью и еще чѣмъ то, и, высоко взмахнувъ имъ надъ головою, щвырнуль его въ рѣку. Черная полоса мелькнула раза два, перевернувшись въ воздухѣ, и скрылась въ туманѣ. Потомъ слышно было, какъ всплеснула вода.

А на деревнѣ уже кто-то ругался, слышался топотъ копытъ, и кто-то кричалъ:

— Кой бѣсь пустилъ коня, чуть не задавилъ треклятый! Не углядѣть за конемъ стало, бабы анафемскія!..

Абрамъ прислушался, тряхнулъ головой и, гулко шлепая босыми ногами по бревнамъ моста, побѣжалъ прочь.

Стало уже совсѣмъ свѣтло, и туманъ сталъ бѣлымъ, и видно было, какъ двигался и клубился онъ, цѣпляясь за траву и кусты, обвивая деревья и камни и оставляя на нихъ крупныя, свѣтлые, какъ слезы, капли.

Когда же Абрамъ вплотную подошелъ къ лѣсу, и передъ нимъ вдругъ выросла темная и пахучая стѣна его,—вверху, въ небѣ что-то незамѣтно и странно измѣнилось. Туманъ внезапно сталъ розовымъ и легкимъ, задвигался мягкими круглыми клубами и, пронизанный золотымъ свѣтомъ, сталъ таять и раздѣляться большими разорванными клоками.

Абрамъ оглянулся. Странно близкимъ и огромнымъ, какъ будто оно медленно и упорно шло къ лѣсу, глянуло на него солнце; а надъ нимъ сквозь разорванную и таявшую пелену тумана, въ голубомъ, пропитанномъ утреннимъ холодомъ и чистотой небѣ—повисло большое, похожее на бѣлый клокъ неожиданно застывшаго пара, облако...

VII.

Утро встало надъ деревней яркое, солнечное и молчаливое, какъ будто оно не хотѣло и боялось вѣрить тому, что было ночью. Люди не выходили на улицу — и казаки, также какъ мужики, сидѣли по избамъ, не показываясь наружу. Короткое и быстрое смятеніе наступило только послѣ того, какъ нашли трупъ казака у мельницы. Но офицеръ лежалъ разбитый въ своей избѣ, доложить было некому, и трупъ стащили въ баню, а урядникъ отрядилъ двухъ казаковъ въ городъ съ донесенiemъ.

Медленно и осторожно, оглядываясь по сторонамъ, словно ожидая какой-нибудь засады, казаки выѣхали за оконицу и тутъ только погнали лошадей. И скрылись за золотымъ, долго курившимся еще въ воздухѣ облачкомъ пыли, а деревня осталась ждать, примолкшая, пустая, какъ будто вымершая.

Вечеромъ, еще не опустилось солнце, полной рысью на большихъ взмыленныхъ лошадяхъ, какъ темная волна, въ деревню вкатился эскадронъ драгунъ. И сразу широкая пустая улица заполнилась большими гнѣдыми лошадьми и усталыми потными людьми въ черныхъ мундирахъ, и ярко и красиво запестрѣли голубые верхи безкозырныхъ фуражекъ солдатъ.

Офицеры тотчасъ же слѣзли съ коней и прошли въ мельникову избу, а минутъ черезъ десять солдатамъ былъ отданъ приказъ: разсѣдливать и становиться тутъ же посреди улицы бивакомъ. А еще черезъ часъ деревенская улица представляла необычный и странный видъ. У длинныхъ, расположенныхъ вдоль избъ коновязей стояли ряды лошадей, кое гдѣ появились палатки, мѣстами курился костерокъ и кипятились чайники, и вездѣ — на улицѣ, по дворамъ, въ избахъ и на огородахъ — двигались мундиры, звенѣли шпоры и яркими пятнышками мелькали голубые фуражки.

На горѣ у оконицы, также какъ внизу у моста, стали часовые. Они медленно прохаживались съ шашками на голо, молчаливые и угрюмые, и никого не пропускали.

А мужики, глядя на все это сквозь занавѣщенія тряпицами окна, въ щели сараевъ, сквозь плотно притворенные ворота, не показываясь сами, хмурились и молчали. Только одинъ Феклистовъ, совсѣмъ уже вечеромъ, когда лагерь былъ разбитъ, и часовые стояли по краямъ деревни, вышелъ изъ избы.

— Куда прешь!—окликнулъ его драгунъ, когда старикъшелъ мимо коновязей:—видишь, лагерь воинскій...

— Ты бы еще у меня въ избѣ лагерь свой воинскій разбилъ да кричалъ—куда прешь!—огрызнулся Феклистовъ и, не обращая на него вниманія, пошелъ дальше.

Кое-гдѣ въ кучкахъ драгунъ виднѣлись казаки. Негромкій говоръ гудѣлъ около этихъ кучекъ: очевидно, казаки рассказывали о событіяхъ ночи.

— Чуть коней не перерѣзали гады! — говорилъ бородатый казакъ собравшимся драгунамъ въ то время, какъ Феклистовъ проходилъ мимо.—Ваше дѣло что—лошадь казенная, а у насъ свой конь... Драка-то что была—офицера мало-мало не убили, станишника одного такъ и кончили... Въ банѣ лежить!

Феклистовъ вплотную подошелъ къ казаку.

— Теперь не вы виноваты, озорники, а драку кто затѣялъ? Кто мужиковъ избилъ, половина почитай не отходитится? Дѣвокъ кто портиль? У-у-у, ироды! Будеть вамъ ужо—погодите, бу-у-удеть! Не по-божьи, не по-божьи это!—кричалъ онъ, махая руками и наступая на казака.—Въ раззоръ разорили деревню, дочекъ, внучекъ перепортили... Вонъ у меня лежить—не то жива, не то нѣть! Сына шашкой полоснули! Живъ ли будетъ! Не по-божьи! Свои, чать, деревни, семьи есть—то же будетъ!..

— Шель бы ты своимъ путемъ, старикъ, чего скулишь! отмахнулся казакъ.

— Скули-и-иши?! Заскулишь, братъ! Одно говорю: не побожьи!—закончилъ Феклистовъ и пошелъ дальше къ мосту.

Въ то время, когда онъ подошелъ къ мосту, гдѣ стояли часовые, съ другой стороны къ тому же мосту подѣхалъ небольшой шарабанъ, запряженный гнѣдой молоденькой лошадкой.

У часоваго шарабанъ остановился, и изъ-за лошади выглянула голова Лаптева. Онъ щекаль пригласить къ себѣ въ Порѣчье офицеровъ и часть эскадрона, ссылаясь на то, что въ усадьбѣ имъ будетъ удобнѣе, чѣмъ въ деревнѣ, уже занятой казаками.

Когда онъ узналъ, что въ деревню вытребованы драгуны, въ первую минуту онъ испугался, такъ какъ не ждалъ ничего хорошаго отъ солдатъ. Опять будутъ шляться за водкой, заводить драки, и теперь некому его защитить, потому что Антипъ лежитъ избитый, и во всемъ имѣнѣ, кромѣ старухи-стряпки и ея внука-мальчишки, никого нѣть. Всѣ рабочіе, напащики, скотницы и пастухи какъ-то незамѣтно расположились въ разныя стороны, словно повинуясь чьему-то тайному и могучему приказу. И усадьба

сразу изъ уютнаго и удобнаго гнѣзда, въ которомъ все дѣлалось порядкомъ и во время, превратилась во что-то беспорядочное и разброшенное. Скота некому было выпустить по утрамъ и некому задать ему корму, коровы жалобно ревѣли цѣлый день и наводили тоску. Лошади стояли не-поенныя, не-кормленныя и, прямо на глазахъ, худѣли. Птица разбѣжалась, дохли молодые выводки цыплять и гусей, и ничѣмъ нельзя было помочь всему этому и возстановить прежній порядокъ. Каждый день приносилъ огромные убытки, и каждый день съ утра до вечера Лаптевъ метался изъ скотника въ конюшню, изъ конюшни въ штичникъ, въ огородъ, гдѣ сохла безъ поливки разсада и не были еще сажены огурцы — и изъ всѣхъ его хлопотъ ничего не выходило. И часто среди разбросанныхъ и беспорядочныхъ попытокъ услѣдить, поправить, сдѣлать все, за чѣмъ смотрѣла и что дѣлала масса людей — Лаптевъ внезапно останавливался, опускалъ руки и беспомощно оглядывался. Хозяйство рушилось — видимо, на глазахъ — и ничѣмъ уже нельзя было возстановить его прежнее правильное теченіе, потому что уходило самое дорогое — время, и совсѣмъ не было того, что прежде было такъ нецѣнно, — рабочихъ.

— Господи, что же это? — шепталъ Лаптевъ, оглядывая свое запущенное гнѣздо. — Разорили, по міру пустятъ, и жаловаться некому... Что же это?

Были минуты, когда хотѣлось бѣжать — все равно куда, бросить все, потому что все валилось и рушилось, и бѣжать. Но почему-то мысль о побѣгѣ рисовалась не яркой, опредѣленной и живой, а мертвой, тусклой, и Лаптевъ не могъ представить себѣ, что будетъ съ нимъ послѣ того, какъ онъ броситъ Порѣчье.

— Къ сестрицѣ, Афимье Егоровнѣ, въ городъ... — думалъ онъ, но сама сестрица Афимья Егоровна представлялась ему не живымъ человѣкомъ, которую онъ давно зналъ, а тоже чѣмъ-то тусклымъ, смутнымъ, такимъ, какъ будто Лаптевъ самъ старался ее выдумать, а на самомъ дѣлѣ ея совсѣмъ и не было.

Все, что было въ Порѣчья, деревни, казаковъ, драгунъ и той жизни, которая его окружала — словно провалилось, исчезло, и вся жизнь ограничилась только этимъ мучительнымъ кругомъ, и въѣхъ его была смерть.

Мишутка, стряпкинъ внукъ, приѣждалъ и сказалъ, что въ деревню прїѣхали еще солдаты, всѣ на лошадяхъ и въ синихъ шапкахъ. Лаптевъ испугался. А потомъ явилась коротенькая, хитрая мысль и назойливо, упорно завертелась въ пугливомъ мозгу.

„...— Пригласить офицеровъ и часть солдатъ... При начальствѣ буйнить не будуть... И мужики побоятся... А имъ удобнѣе все-таки въ домѣ, не въ избѣ... У помѣщика!“

Онъ самъ заложилъ Думку въ шарабанъ и отправился. И когда подъѣжалъ къ мосту, то увидѣлъ на немъ часовыхъ, а на той сторонѣ у старой, готовой покалиться мельницы, высокаго, казавшагося сѣрымъ отъ полусѣдыхъ всклоченныхъ волосъ и бороды, мужика.

— „Феклистовъ!“ мелькнула трусливая мысль, и онъ задержалъ лошадь.

А Феклистовъ уже гремѣлъ съ той стороны своимъ зычнымъ, какъ труба, басомъ.

— А-а-а, иродъ, ползешь, змѣя!—оралъ онъ, размахивая руками, наступая на загораживающаго ему дорогу солдата и не обращая вниманія на протянутую шашку.—Кровь почуялъ, гадъ ползучий, ползе-е-е-ешь, будь ты анафема проклять! Тридцать пять годовъ пилъ нашу кровь, все мало, еще хочешь, ползешь уже, аспидъ! Назвать воронья этого—пусти, дьяволъ, чего пыряешь шашкой своей,—неожиданно обрушился онъ на заступившаго дорогу солдата,—я самъ солдатъ, при царѣ Николаѣ первомъ двадцать пять лѣтъ служилъ, ты еще, пашенокъ, сопли вытиратъ не умѣль, а туда же пыряться!

— Ползешь, демоново сѣмя, ползешь уже!—снова накинулъся онъ на Лаптева,—кто казаковъ вызвалъ? Кто соки съ мужиковъ тянулъ? Тридцать пять годовъ сохли на твоемъ Тимкиномъ Логу, провались ты съ нимъ вмѣсть! А-а-а, дьяволъ, черная кровь, пронюхалъ, подлизаться ползешь! Погоди, погоди, будетъ тебѣ! Сказано есть—родъ приходитъ и родъ уходитъ! Уйдешь, сдохнешь, собака! А земля пребываетъ во вѣки! Земля, братъ, мы, а ты клещъ! Песій клещъ, надулся и лопнешь! Время рождаться и время помирать! Дождешься, помрешь! У-у-у, мать твою, дьяволъ, анафема, черная кровь!..

Онъ поднялъ сжатыя кулаки вверхъ и въ безсильной злобѣ потрясалъ ими и въ сумракѣ вечера казался огромной и страшной птицей, дико метавшейся по темному бегу.

Лаптевъ кое-какъ обернулъ лошадь и погналъ ее.

— „Напишу, министру пошлю, ну его...“—мелькало у него въ головѣ, въ то время какъ въ ушахъ еще звенѣлъ полный непримиримой злобы голосъ Феклистова.

А старикъ еще долго стоялъ у моста передъ безмолвными солдатами и, потрясая въ воздухѣ кулаками, проклиналъ его. И въ его путающейся, страстью и гнѣвной рѣчи странно сплетались проклятія и изречения Соломона, угро-

зы и жалобы, тексты и ругательства. И долго еще гудѣлъ зычный, могучій голосъ, раскатываясь по рѣкѣ и пугая молчаливыхъ часовыхъ, и долго еще металась по берегу огромная косматая фигура, взмахивавшая въ изступленной ярости руками, какъ птица крыльями, темная и большая, похожая на привидѣніе...

VIII.

Прибывшіе драгунскіе офицеры и большая часть солдатъ помѣстились въ Порѣчье у Лаптева. Деревенская улица очистилась отъ лагеря, и не было видно уже палатокъ и коновязей, а опять все было пусто, только ходили казаки да стояли часовые драгуны—у моста и въ концѣ деревни на горѣ, по прежнему почти никого не пропускали ни въ деревню, ни изъ деревни.

Мужикамъ надо было работать, но ихъ непускали, и они, молчаливые и озлобленные, возвращались назадъ. Скотину тоже почему-то не пропускали, и ее кормили по задворкамъ, по огородамъ и садамъ.

Откуда-то пріѣхала подвода съ фельдшеромъ и увезла подъ конвоемъ нѣсколькихъ казаковъ большого офицера.

Говорили про слѣдствіе, которое ведутъ пріѣзжіе офицеры, про то, что кого-то ищутъ, что Порѣцкій баринъ оговорилъ кого-то изъ мужиковъ, и потому теперь никого не выпускаютъ. Ждали суда.

Офицеры уѣхали въ Порѣчье въ понедѣльникъ утромъ, а во вторникъ ночью разъѣздѣ изъ шести драгунъ привель въ деревню Абрама—связанного, избитаго, съ окровавленнымъ и опухшимъ лицомъ. Его заперли въ мельникову избу, гдѣ прежде стоялъ офицеръ, и около нея, какъ и прежде, отъ угла къ углу ходилъ часовой. Только теперь это былъ не скучающій, позѣзывающій казакъ, а сосредоточенный, серьезный драгунъ. Каждые четыре часа къ нему подходили три другихъ драгуна, одинъ изъ нихъ подмѣнялъ часового, а остальные уходили, и все это дѣлалось молча, отчетливо и серьезно.

Неизвѣстно какими путями въ деревнѣ узнали, что и старого Феклистова тоже заберутъ. Ему самому сказалъ это больной Захаровъ, который лежалъ теперь неподвижно у себя въ гумнѣ на лавкѣ, хрюпѣль и задыхался и, какъ будто, еще больше распухъ. Феклистовъ пришелъ навѣстить его. Онъ одинъ не обращалъ вниманія на казаковъ и солдатъ, ходилъ по улицѣ и грозилъ имъ.

— Гля...ди!—хрипѣль Захаровъ, скашивая на него мут-

ные заплывшіе глаза. Шеи онъ повернуть не могъ, а только косилъ глаза, когда хотѣлъ посмотреть въ сторону.

— Ладно!—односложно отвѣчалъ Феклистовъ.

— Гляди... какъ Абрама... Усадютъ!

— Ладно!—повторилъ старикъ.

— Били, говорять... Абрама-то... Весь въ крови... Избу заперли, кха-а-а... дѣться некуда... Вчетверомъ! Вопилъ го-раздо... Матрешка бѣгала—слыхала...

Феклистовъ хмурился и молчалъ.

— Послѣ бросили...—прерываясь и останавливаясь, про-должалъ Захаровъ,—отлежался... Поползъ къ двери: испить бы, грить... Сапогомъ!

Онъ замолчалъ и задышалъ часто и трудно, и въ толстой опухлой груди что-то хлюпало и переливалось, какъ будто тамъ была налита вода, подступавшая къ горлу и мѣшав-шая говорить. Наконецъ, онъ отхаркнулся и опять промол-виль:

— Гляди, Семенъ... Феклистычъ!..

А старикъ по прежнему коротко и хмуро буркнулъ:

— Ладно!..

Потомъ всталъ и ушелъ домой, но не къ себѣ наверхъ въ свѣтелку, а въ темный чуланчикъ, где лежала Фиша.

Тамъ онъ сѣлъ въ ногахъ у нея молчаливо и тихо и долго сидѣлъ такъ. Чуланчикъ былъ темненький, весь за-ставленный какими-то кадками и сундуками, и для Фиши было очищено узенькое мѣстечко. Съ протянутыхъ по по-толку веревокъ свѣшивались пучки какихъ-то сухихъ травъ и отъ нихъ стоялъ крѣпкій и терпкій запахъ, странно мѣ-шавшійся съ запахомъ увядающихъ березовыхъ листьевъ, шедшимъ отъ приготовленныхъ для бани вѣниковъ, свален-ныхъ кучей тутъ же.

Фиша лежала съ закрытыми глазами и не двигаясь, укрытая по щею большой, крытой чернымъ сукномъ шубой. Въ сумракѣ лицо ея выдѣлялось чуть свѣтлѣвшимъ пят-номъ, и на немъ расплывчато и неясно намѣчались глаза, губы, застывшія въ нѣмомъ и тайномъ удивленіи брови. И надо было чутко прислушаться, чтобы уловить чуть замѣт-ное, рѣдкое дыханіе.

— Лежиши?—неопределенно спросилъ старикъ, и голосъ его, пониженный и какъ будто растерянный, прозвучалъ въ маленькомъ чуланчикѣ глухо и одиноко.

Фиша молчала и не открыла глазъ. И все было тихо и мертвѣо, полно непонятной, молчаливой скорби.

Старикъ сидѣлъ, положивъ руки на колѣни и склонивъ свою сѣдую, косматую голову. Въ сумеркахъ онъ казался корявой и грязной кучей, неподвижно застывшей въ ту-

помъ недоумѣломъ вопросъ. Гдѣ-то внизу кто-то ходилъ, стучалъ сапогами и говорилъ глухимъ гукающимъ голосомъ. Потомъ онъ умолкъ или вышелъ, и наступила полная тишина.

Въ маленькое, прорѣзанное у самаго потолка, оконце заглянула подымающаяся луна, и блѣдный, дрожацій лучъ протянулся по бревенчатой стѣнкѣ, трепетно и несмѣло освѣщая торчавшую изъ пазовъ длинными лохмотьями паклю. За огородомъ на болотинкѣ отрывисто и коротко дергалъ коростель, будто спрашивалъ что-то, прислушивался и опять дергалъ. А издали отъ рѣки ему глухо и уныло вторила выпь, и печальный, протяжный крикъ ея долго стональ въ примолкшемъ воздухѣ.

— „Лежить!—думалъ старый Феклистовъ, глядя на свои чуть мерещившіяся въ темнотѣ босыя корявыя ноги: — лежить и молчть!“

И въ этомъ молчаніи ему чудилось смутное и неясное осужденіе, какъ будто въ томъ, что случилось съ Фишей—былъ виноватъ и онъ.

Въ головѣ шевелились медленныя, неуклюжія мысли, такія же темныя и безформенныя, какъ копошившіяся въ крохотномъ чуланчикѣ тѣни, и казалось, что онъ ползли изъ этихъ темныхъ угловъ, рождаясь во мракѣ и тайнѣ и заползая въ голову незамѣтно и безостановочно.

Все, что таилось въ прожитой запутанной и сложной жизни, медленно проползло въ темнотѣ и странно путалось съ нею, и моментами чудилось, будто эта темнота протянулась надъ всею жизнью зловѣщей и печальной тѣнью. И вся жизнь вдругъ представилась такъ, какъ будто кто-то горький и безнадежный развернулъ длинный запутанный свитокъ: было худо, потомъ хуже, потомъ еще хуже—и скорбь росла, ширилась и давила безмѣрной тяжестью и тучей огромной поднялась надъ жизнью, и жизнь достигла той грани, когда стало казаться, будто это всегда такъ было и никогда не можетъ быть иначе.

И тогда изъ темныхъ угловъ погруженного въ мракъ чуланчика поползъ слѣпой и холодный ужасъ, и всталъ вопросъ:

— Что же дальше? Куда же дальше идти?

Но дальше ничего не было. Не было ничего, къ чему привыкъ человѣкъ: не было солнца, земли, неба, людей, звуковъ, красокъ.

Это было страшно—такъ страшно, что самый страхъ переставалъ волновать, и наступало равнодушіе.

— Фиша?!—прошепталъ старикъ и боязливо посмотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ чуть мерещилось лицо внучки.

— Фиша?..

Лунный лучъ передвинулся ниже и захватилъ въ свою молчаливую, холодную полосу пучки развѣшанныхъ травъ. Черныя тѣни отъ нихъ легли на стѣну рѣзкими, твердо очерченными пятнами, и отъ этого казалось, что луна пристально и внимательно разсматриваетъ ихъ.

Старикъ смотрѣлъ на эти черныя тѣни и молчалъ. И все молчало.

Только за огородомъ на лугу по прежнему отдергивалъ коростель, да снизу, съ рѣки, ему уныло и тягуче откликалась вынь. И въ этой перекличкѣ невидимыхъ днемъ птицъ было не простое и обыкновенное, а новое и жуткое. Какъ будто онъ звали куда-то или сговаривались о чёмъ-то.

Старикъ молчалъ и слушалъ, а въ темнотѣ плыли странныя и необычныя мысли, не такія, какъ всегда, а новыя.

Наконецъ, онъ всталъ и, шурша сухими подошвами босыхъ ногъ по полу, осторожно вышелъ и поползъ къ себѣ наверхъ.

Онъ не зажегъ лампы, какъ всегда, и не сѣлъ за свою книгу, а крадучись, какъ воръ, сталъ шарить въ темнотѣ подъ постелью. И когда нашелъ то, что было ему нужно, долго ощупывалъ и смотрѣлъ на свѣтъ противъ окна.

И тогда въ немъ родилась далекая и тревожная мысль, такая неясная и колеблющаяся, которой онъ самъ вѣрилъ и не вѣрилъ, не зная, сама ли она пришла къ нему, или онъ гдѣ-то давно слышалъ ее, но забылъ гдѣ.

— Пуля не беретъ...—шепталъ онъ, копошась въ темнотѣ:—заговоренъ быдто... Гм?..

И долго думалъ надъ этимъ, стараясь рѣшить: слыхалъ ли онъ гдѣ это, или самъ выдумалъ?

Но не рѣшилъ и, по прежнему бормоча и съ сомнѣніемъ покачивая головою, полѣзъ опять подъ кровать и опять долго и упорно искалъ чего-то.

Онъ вытащилъ небольшой ящикъ и сталъ рыться въ немъ. Тамъ было много желѣзного хлама — старыхъ. ни къ чему негодныхъ гвоздей, обломанныхъ подковъ, какихъ-то гаекъ и крючковъ, петель отъ дверей. Все это для чего-то собиралось и копилось долгіе годы, хотя никому и ни для чего не было нужно, и въ этомъ хламѣ старикъ долго копался, пока не нашелъ длинный, слабо блеснувшій въ темнотѣ прутъ олова, какимъ его продаются въ лавкѣ: бѣлый и блестящій, слегка изогнутый, готовый для плавки.

Потомъ онъ нашелъ порохъ, кусокъ войлока и пистоны и принялъ медленно и обдуманно заряжать ружье, которое въ началѣ досталъ изъ-подъ кровати и все время держалъ въ лѣвой рукѣ. Ружье было старое, одностольное,

бывшее когда-то солдатскимъ и долго лежавшее безъ всякаго употребленія. Заряжалось онъ шомполомъ, и стариkъ долго колотилъ имъ въ стволъ, забивая войлокомъ порохъ. Потомъ согнуль оловянный прутъ вдвое, попробовалъ толщину ствola, покрутилъ головой и подумалъ. Но махнулъ рукой, загналъ его въ стволъ и опять долго и крѣпко стучалъ шомполомъ. И послѣ этого уже надѣль пистонъ, прижавъ его зубами, чтобы не свалился, взялъ ружье прикладомъ подъ мышку и осторожно, быстро и боязливо оглядываясь по сторонамъ, вышелъ на дворъ, потомъ въ садъ, потомъ черезъ огородъ на зады деревни.

Луна уже поднялась высоко, и широкая, пологимъ скатомъ бѣжавшая внизъ къ рѣчкѣ, луговина вся курилась призрачнымъ колеблющимся свѣтомъ. Кое-гдѣ торчали ольховые кустики—жалкіе, обѣденные скотомъ, и отъ нихъ падали робкія тѣни, а на листьяхъ сверкали и искрились неожиданнымъ и быстрымъ блескомъ капли росы.

Задумчиво и тихо спала высокая, мѣстами помятая трава, и неподвижно стояла недалекая опушка лѣса.

Пригнувшись, широко и быстро перебирая ногами, стариkъ перебѣжалъ полянку, и длинная трепетная тѣнь бѣжала рядомъ съ нимъ, прыгая и извиваясь живымъ и при-чудливымъ пятномъ.

Въ лѣсу было сыро и холодно, и луна пробиралась сюда рѣдкими прямыми лучами, свѣтившимися во мракѣ таинственно и грустно. Густой запахъ гнили и прошлогоднихъ вялыхъ листьевъ подымался съ земли и мѣшался съ запахомъ мокрой травы.

Цѣпляясь за деревья, обрываясь и обдирая босыя ноги, весь мокрый отъ непрестанно падавшихъ съ листьевъ тяжелыхъ капель, Феклистовъ спустился по косогору къ рѣкѣ и, высоко поднявъ надъ головою ружье, булыхнуль въ нее. И сразу отъ всплеска на рѣкѣ стало тихо—словно она удивленно и сторожко прислушалась. Замолчалъ урчацій и крякающій хоръ невидимыхъ лягушекъ, плотной и не-прерывной нотой висѣвшій надъ водой, коростель дернуль въ послѣдній разъ и остановился. А изъ-подъ нависшаго надъ водой куста съ неожиданно-рѣзкимъ и громкимъ хлопаньемъ вырвалась пара утокъ и понеслась въ серебряный сумракъ, слабо посвистывая плотными, упругими крыльями.

Вода была холодная, настывшая и отъ мокрыхъ, плотно облегающихъ портвъ и рубахи Феклистовъ задрожалъ мелкой, знобной дрожью. Мѣстами было глубоко, и онъ чуть не захлебывался, мѣстами тонкія и длинныя водоросли, какъ живыя движущіяся змѣи, обивали ноги и цѣплялись за

нихъ. Мѣстами попадалась тина — нога глубоко вязла въ противной холодной жижѣ, и тогда казалось, что сейчасъ за ногу схватить что-то холодное и страшное и утянеть внизъ на дно, гдѣ переплетаются живые, извилающіеся водоросли, лежать старыя обомѣлые коряги, между которыми быстро и безшумно мелькают темные силуэты рыбъ.

Вылѣзши на берегъ, Феклистовъ долго отряхивался и слушалъ.

Все было тихо, только гдѣ-то далеко рѣдко и негромко лаяла собака. Потомъ завыла, жалобно и тоскливо, словно предвѣщающая смерть или пожаръ.

Старикъ отдысался, взяль по прежнему ружье подмышку и пошелъ между полями ржи. Порой, когда онъ входилъ въ котловину, его внезапно охватывала холодная, свѣжая сырость, и тамъ пахло землей и травой, и ноги чувствовали холодную росу, а когда онъ выбирался опять на взгорокъ—навстрѣчу широко и свободно плыть сухой, пахнувшій нагрѣтой за день рожью воздухъ, и отъ него грудь дышала глубоко и мѣрно, а въ душѣ просыпалось могучее и грустное чувство.

„...Баюсь, кажднюю ночь самъ замки глядѣть ходить,— думалъ Феклистовъ, шагая между дремотно неподвижныхъ въ лунномъ сумракѣ колосьевъ озими,— обида!“

И вся жизнь ему представлялась непрерывной цѣпью обидъ, горькихъ и мучительныхъ потому, что на нихъ нельзя было отвѣтить, падавшихъ на мужика, какъ тяжелые, размѣренные удары. Вся жизнь была въ томъ, что прїѣзжали въ деревню люди, брали деньги, людей, скотъ продавали за недоимки, деньги опять брали и оставляли деревню безъ денегъ, безъ людей, безъ скота. Мужики работали, тянули безконечно-длинную, полную труда, голода, лишений, грязи и обиды, цѣпь дней и недѣль, изъ которыхъ складывались годы, а въ деревню опять прїѣзжали, опять брали, и опять тянулась обидная по своей безплодности цѣпь труда, голода и нищеты. Всѣ сознавали, что ими держится жизнь и тѣ, что прїѣзжаютъ братъ—и всѣ молчали; помирали одни, на ихъ мѣсто нарождались другие, а цѣпь все тянулась. И было похоже, будто они сами усиленно и съ такимъ трудомъ насаждали все то, что не давало имъ жить, и берегли это своимъ потомъ, горемъ и голodomъ и терпѣли. Было худо, потомъ хуже, стало уже совсѣмъ невозможно, а люди жили и умирали, а цѣпь все тянулась. И каждое звено ея было тяжелѣе предыдущаго, и отъ безконечной смѣны этихъ звеньевъ умножались кровавыя раны, раздиравшія живое тѣло — и, грязное,

обовишившее, оно загнивало и покрывалось смрадными струпьями...

— Время рождаться и время умирать,—шепталъ старый Феклистовъ,—время насаждать и время вырывать посаженное... Захаровъ, Абрамъ, Фиша... Испить хотѣль—сапогомъ! У-у-у, ироды!

Близкой и темной горой выросъ Порѣчскій домъ. Въ одномъ окнѣ еще былъ свѣтъ: очевидно, не всѣ еще спали, и этотъ огонь мерцалъ въ голубомъ лунномъ свѣтѣ, какъ одинокій желтый глазъ приникшаго къ землѣ огромнаго чудовища.

На выѣздѣ изъ усадьбы, ближе къ гумну, стоявшему на оплотѣ черезъ дорогу, прямымъ чернымъ квадратомъ виднѣлись сложенные дрова. Дрова были заготовлены и привезены давно, когда у Лаптева подгорѣла Овсянкинская дача. Чтобы они высохли, ихъ сложили правильными параллельными рядами, оставляя неширокія проулки, и въ этихъ проулкахъ между полѣнницами густо и буйно разросся бурьянъ и крапива.

Феклистовъ зорко оглянулся вокругъ и быстро шмыгнулъ въ первый проулокъ. У самаго конца его, где онъ примыкалъ къ бревенчатому частоколу, окружавшему весь дворъ, онъ остановился, приставилъ къ дровамъ ружье и стала медленно и неслышно выбирать изъ дровяной стѣны отдѣльная полѣнья. И когда сдѣлалъ небольшое оконце, въ которое могъ видѣть ворота и изгибъ дороги, присѣлъ на вынутая полѣнья и стала ждать.

Луна стала ярче и дорога была видна, какъ днемъ. Рѣзко и отчетливо вырисовывались пыльные колеи и камни, черные опредѣленные тѣни лежали возлѣ нихъ, и отъ этого казалось, будто луна внимательно и чутко ждетъ чего-то.

Смутное и близкое воспоминаніе легкимъ облакомъ возникло въ головѣ Феклиста.

— Гдѣ это? Во снѣ-ль видаль, али какъ... Быдто, такъ же вотъ ночь и тѣнь эти, мѣсяцъ стоитъ... Гдѣ это? Ровно было когда...

— Молчитъ... Быдто мертвая,—подумалъ онъ о Фишѣ и вспомнилъ, что такія же черныя, рѣзкія тѣни рисовалъ мѣсяцъ на стѣнѣ чуланчика.

Онъ потрогалъ ружье,—загрубѣлыми пальцами, съ оборванными, твердыми какъ кость ногтями, ощупалъ пистолѣтъ и задумался.

IX.

Офицеры въ Порѣчье заняли три свободныхъ комнаты дома, пили и ъели, что имъ готовили денщики, и сторонились отъ Лаптева. Они были молодые и щеголеватые, красиво и ловко одѣтые, гордо-самоувѣренные и сильные, а Лаптевъ былъ старъ, неопрятенъ и надоѣдливъ. Когда ему приходилось встрѣтиться и говорить съ офицерами, онъ растерянно хихикалъ, заглядывалъ въ глаза и кланялся. На слѣдствіе по поводу убитаго казака и раненаго офицера, ведшій дѣло эскадронный командиръ — строгій, черноволосый и скучающій человѣкъ, похожій лицомъ на татарина — вызвалъ Лаптева къ себѣ. Онъ спрашивалъ коротко и сердито, а Лаптевъ пускался въ пространныя и не идущія къ дѣлу объясненія, и офицеръ рѣзко обрывалъ его. Тогда Лаптевъ сконфуженно умолкалъ, безпомощно улыбался дрожащей угодливой улыбкой и застѣнчиво потирая свои сухія, холодныя руки.

— Не можете-ли вы назвать зacinщиковъ, коноводовъ, такъ сказать? — спрашивалъ офицеръ, глядя въ упоръ черными раскосыми глазами.

— Вся деревня-съ!.. Кто ихъ знаетъ — всѣ, какъ одинъ... Они, изволите видѣть, Тимкинъ Логъ у меня брали въ аренду, какъ говорится... Тимкинъ Логъ — это обрѣзъ такой, къ имѣнишку моему надлежитъ, — сбивчиво объяснялъ Лаптевъ, — лѣтъ тридцать все брали, въ аренду, то есть!..

— Я васъ не по поводу аренды спрашиваю, а относительно главныхъ виновниковъ происшествія, — сухо замѣчалъ офицеръ, и въ спокойномъ, желто-блѣдномъ лицѣ, въ морщинкѣ у носа Лаптевъ ловилъ сдержанное презрѣніе къ себѣ и конфузился.

— Не знаю-съ... Есть, конечно, которые, только кто-жъ ихъ знаетъ...

— Не было ли такихъ, которые выдавались образомъ мыслей своихъ? Вы вотъ говорите, что они аренду брали тридцать лѣтъ — за это время можно бы замѣтить, мнѣ кажется?

Лаптевъ вспомнилъ угрозы Феклистова, слова Абрама, когда онъ говорилъ обѣ арендѣ Тимкина Лога, и обрадовался.

— Какъ же, есть, есть, такіе есть! Которые грозящіе и начальству непослушные... Абрамъ такой, Абрамъ Дементьевъ, послѣ — Феклистовъ... Семенъ Феклистовъ, упорный старикъ такой, дерзкій даже до невѣроятности...

Офицеръ записалъ имена и отпустилъ его.

Лаптевъ пошелъ къ себѣ, и маленькая злобная радость дрожала гдѣ-то глубоко около сердца.

— „Убить? — думалъ онъ, сидя у себя въ кабинетѣ:— нѣть, погодите! Еще поглядимъ, кто кого! Пойдете по владимиркѣ, молодчики... Вы съ краснымъ пѣтухомъ, а васъ, рабовъ божиихъ, и того, пожалуйте“...

И такъ, въ этой злобной, коротенькой и глубоко копошащейся радости, прошелъ весь день. И ночь за нимъ пришла покойная, съ мирнымъ спомъ, безъ сновидѣній и тоски, та-кая, какихъ давно не было.

И только, когда черезъ день ночью Мишутка принесъ изъ деревни извѣстіе о томъ, что Абрамъ схваченъ и, избитый и окровавленный, посаженъ подъ стражу, — что-то знакомое, острое и холодное больно и неожиданно уколоило сердце.

— А Феклистовъ? — дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Лаптевъ.

— Нѣту-ти... Сбѣгъ! Ходили солдаты, всю избу перепрыли — сбѣгъ!

— „Убить! ярко и мгновенно мелькнуло въ головѣ Лаптева, — убить!“

И опять старый мучительный страхъ внезапно и властно охватилъ его злобной дрожью.

— Убить! — назойливо и упорно, какъ тяжелый однообразный молотъ, колотилось въ мозгу, и казалось, что это не онъ думаетъ, а кто-то невидимый и насмѣшилый шепчетъ ему въ уши:

— Убить!

Ему хотѣлось кричать, позвать кого-нибудь на помощь, но офицеры давно спали, и онъ боялся ихъ.

Представлялось, что Феклистовъ — огромный и сѣрый, такой, какимъ онъ видѣлъ его въ послѣдній разъ у моста, — незамѣтно подберется гдѣ-нибудь сзади, размахнется и неожиданно крѣпко ударитъ топоромъ — непремѣнно топоромъ — въ голову. Брызнетъ кровь, пугливо, какъ пойманная птица, рванется въ послѣдній разъ сердце — и все кончится

— Меня не будетъ, — бормоталъ Лаптевъ, шагая изъ угла въ уголъ по кабинету, — меня не будетъ...

Онъ старался себѣ представить — какъ это случится такъ, что его не будетъ. Будетъ вотъ этотъ самый кабинетъ, свѣчка, домъ, Порѣчье, хозяйство, земля, солнце, а его не будетъ. Это будетъ все такъ же, но вмѣстѣ съ тѣмъ этого совсѣмъ не будетъ, потому что *его* не будетъ.

— Меня не будетъ, — говорилъ онъ, стоя посреди комнаты. — Вотъ я есть, думаю, говорю — и этого всего не будетъ! Было, есть и не будетъ. Какъ не было когда-то давно, когда

меня не было, а потомъ появилось, и я помню эту руку, только пальцы были маленькие, и я самъ былъ маленький,— какъ не было меня когда-то, потомъ я былъ, есть и опять не буду. Это я-то?! удивленно заканчивалъ онъ и оглядывался.

Было изумительно, что въ какой-то пустой черной темнотѣ яркой и быстрой линіей сверкнула маленькая, коротенькая жизнь человѣка, и потомъ опять наступить черная пустая темнота, въ которой ничего не будетъ. Это было ново и непонятно, и такъ непохоже на обычныя, знакомыя представлѣнія, что не хотѣлось думать объ этомъ. Но мысль назойливо возвращалась къ этому, цѣплялась и вилась вокругъ странныхъ и новыхъ словъ, и это тоже было ново.

И только одно слово затмняло эту безконечную работу мысли паническимъ слѣпымъ страхомъ:

— Убить!..

Это слово не связывалось со словами „меня не будетъ“, а стояло отдельно и было страшнѣй ихъ. Когда, круглое и законченное, оно появлялось въ мозгу, Лаптевъ растерянно оглядывался кругомъ, и нижняя челюсть начинала быстро и безсильно прыгать. И тогда онъ чувствовалъ такую полную беспомощность, такую заброшенность и такое одиночество, какъ будто на всемъ земномъ шарѣ онъ былъ только однимъ живымъ человѣкомъ. Хотѣлось куда-нибудь броситься, пожаловаться, искать защиты — но офицеры давно спали, и онъ ихъ боялся.

— Антипъ!..—слабо шепталъ Лаптевъ и шелъ къ двери:— Антипъ...

Но Антипъ лежалъ на ларѣ, огромный и избитый, и дышалъ рѣдко и трудно. И этотъ единственный человѣкъ, который остался съ нимъ, теперь былъ безсиленъ и тоже беспомощенъ.

Тогда Лаптевъ садился около него и начиналъ плакать. Скорчившись и подобравъ ноги, сидѣлъ онъ въ темнотѣ около избитаго, хрипящаго Антипа и плакалъ горько и беспомощно, какъ брошенный ребенокъ.

— Антипъ! — шепталъ онъ, всхлипывая и захлебываясь мутными старческими слезами:—Антипъ!..

Было ужасно, что онъ одинъ, что нѣть никого, кто могъ бы за него заступиться, пожалѣть, защитить.

Потомъ онъ ползъ опять въ кабинетъ и мотался изъ угла въ уголъ, останавливался и шепталъ. И опять страхъ нападалъ на него, тоскливо и жутко было въ пустой комнатѣ, и новая странная мысль незамѣтно ползла въ голову. И временами вспоминалась вся жизнь, такою, какою онъ ее прожилъ, глухая и темная жизнь...

Были живы когда-то родители, но это было такъ давно, какъ будто этого и совсѣмъ не было. Онъ плохо помнилъ ихъ, а старая выцвѣтшія фотографіи мужчины и женщины въ старомодныхъ костюмахъ и съ наиряженными лицами, сидящихъ въ натянутыхъ неестественныхъ позахъ — не будили въ душѣ отзука любви и ласки, которые тоже когда то были... Потомъ была молодость — и шла она, какъ тогда думалось, вяло и скучно, а теперь казалось, что все въ ней было ярко, весело и интересно. Но и она была такъ давно, что трудно было вспомнить и представить себѣ живо и ясно, а когда Лаптевъ усиливался сдѣлать это, то получалось впечатлѣніе, будто это не онъ былъ молодымъ, здоровымъ и такъ весело смѣялся, а кто-то другой, кого онъ хорошо и близко, но очень давно зналъ. Трудно было вообразить себѣ, чтобы онъ любилъ женщинъ, пилъ вино, веселился, слѣдилъ за своей наружностью: все это несомнѣнно было, и онъ помнилъ это, но то знакомое и обычное, что было теперь, было такъ несхоже съ тѣмъ, такъ рознилось съ смѣхомъ, съ любовью и съ счастьемъ, что становилось странно и, какъ будто, стыдно чего-то...

Потомъ шелъ рядъ длинныхъ однообразныхъ лѣтъ, наполненныхъ коротенькими себѧлюбивыми мыслями, однообразной работой, скучными словами. То, что въ настоящемъ представлялось интереснымъ и важнымъ,—едва только уходило въ прошлое, тотчасъ же умирало и забывалось, оставляя впечатлѣніе странной пустоты. Были иногда волнующіе вопросы, но все они, какъ въ заколдованнымъ кругу, вертѣлись около самого себя и отъ этого, уйдя назадъ, переставали быть цѣнными и важными и тоже забывались, потому что сегодняшній день выдвигалъ сегодняшнюю работу и сегодняшній вопросъ. И жизнь вся свелась къ тому, чтобы прожить день или годъ, и было нелѣпо, что утромъ думалось о полднѣ, а въ полдень о вечерѣ, вечеромъ о слѣдующемъ днѣ; изъ-за этого не было ни утра, ни дня, ни вечера—хотя они и были — а завтрашній день рисовался чѣмъ-то неяснымъ, неизвѣстнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомымъ, какъ вчерашній.

Изъ всей жизни складывалось что-то очень странное: какъ будто на всей землѣ онъ былъ единственнымъ человѣкомъ. и больше никого не было. Это было тяжело и скучно и рождало чувство одиночества, отчужденности и огромной скорби, отъ которой хотѣлось безконечно тянуть одну жалобную ноту какой-то невѣдомой тоскливой пѣсни...

Но самое страшное было въ томъ, что, не смотря на то, что ему ничуть не жаль было ни одного дня своего прошлаго, и что онъ не хотѣль бы снова пережить ни одного мо-

мента изъ пережитаго имъ—ему было всетаки страшно. Вся настоящая жизнь превратилась въ этотъ дрожацій, растерянный страхъ, отъ котораго онъ не можетъ спать по ночамъ и вздрагиваетъ при каждомъ шорохѣ. Это было мучительно, потому что уже не походило на жизнь, а было только ожиданіе чего-то, что внезапно свалится на него и раздавить старое, больное тѣло. Отъ этого исчезалъ завтрашній день, будущая жизнь, исчезало то, что должно было быть, какъ должно взойти утромъ солнце, и все впереди представлялось темной и жуткой пустотой, въ которой не было ни солнца, ни земли, ни людей, ни жизни и—самое страшное—не было его, Лаптева. Онъ старался вообразить себѣ, что завтра онъ проснется, одѣнется, выйдетъ на крыльцо, будетъ Ѳсть, пить, курить. Но онъ думалъ вслухъ, словами: „встану, одѣнусь, закурю“,—а какой-нибудь картины представление это не вызывало, и слова звучали пусто и холодно, какъ мертвые.

Было безсмысленно: жиль человѣкъ и забылъ, что онъ былъ молодымъ, что есть жизнь, есть люди, земля, солнце. Жиль и думалъ, что вотъ подходитъ осень, а тамъ будетъ зима, а потомъ будетъ весна и лѣто; и, думая такъ, не видѣлъ ни зимы, ни осени, ни лѣта—въ результатѣ шли года, и ихъ не было жалко. А когда всталла мысль о скорой смерти — вдругъ стало мучительно-страшно, страшно до озноба, до холоднаго пота, хотя жалко всетаки ничего не было. И смерть эту онъ вызвалъ самъ, самъ ее подготовилъ такъ, какъ будто нарочно многою и долго думалъ надъ этимъ—какъ лучше это устроить. Старшинъ сказалъ про слухи и про Абрама—вызвалъ этимъ казаковъ, которые избили Аントипа и которыхъ онъ самъ боялся больше, чѣмъ мужиковъ; казаки устроили погромъ—и вызвали этимъ драгунъ, а онъ еще больше испугался и помѣстилъ у себя ротмистра и выдалъ ему Абрама и Феклистова.

Точно нарочно сдѣлалъ все такъ, чтобы теперь его убили, какъ во всей прошлой жизни, точно нарочно, дѣлалъ все такъ, чтобы быть одинокимъ, заброшеннымъ, тосковать, и чтобы не о чёмъ было даже пожалѣть.

Все это было такъ страшно, такъ нелѣпо и такъ жестоко, что вся жизнь всѣхъ людей казалась не огромнымъ, неощущимъ благомъ, а сплошнымъ, Богъ знаетъ кому нужнымъ, страданіемъ: было понятно, что мужики дошли до невозможной точки и ужаса въ своей жизни, что ему, Лаптеву, страшно и мучительно жить, что офицерамъ и солдатамъ тоже страшно и трудно,—но всѣ они, будто ослѣпнувъ отъ запутанной и безсмысленной жестокости жизни, дѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, употребляли огромныя усилія не для

того, чтобы устранить тяжесть и страданія жизни, а для того, чтобы сдѣлать ихъ еще большими.

Чего же стоитъ вся эта многострадальная жизнь, гдѣ всѣмъ беспокойно, мучительно и тоскливо? И какой еще ужасъ несетъ эта жизнь, какія страданія и какую жестокость, отъ которой люди не живутъ, а неизвестно, каждую секунду, въ напряженномъ мучительномъ страхѣ, ждутъ смерти? Страстно хотѣлось, чтобы все это разсыпалось и исчезло, чтобы ничего этого не было—ни страха, ни тоски, ни одиночества, ни безцѣльно прожитаго прошлаго, а было бы сильное, осмысленное и красивое, какъ молодость. И страстно хотѣлось освобожденія отъ всего того, что давило безмѣрной тяжестью, день за днемъ накопляясь все больше и больше, всю долгую сѣрую жизнь человѣка...

Вдругъ Лаптевъ остановился и прислушался. Было тихо, и только назойливо и тупо стучало въ лѣвой сторонѣ груди сердце. Луна свѣтила, и отъ ея свѣта знакомый, имъ самимъ саженный, садъ со школкой молодыхъ яблопекъ казался новымъ и таинственнымъ. Даляр тонула въ бѣлесоватой дымкѣ свѣта, и временами чудилось, будто въ пей наростало что-то такое, чего не было видно днемъ и никогда не было.

— „Бѣжать... Къ сестрицѣ Аѳимьѣ Егоровнѣ, въ городъ...—думалъ Лаптевъ глядя въ окно.—Меня не будетъ... не было, былъ и не будетъ... Къ Аѳимьѣ Егоровнѣ, къ сестрицѣ“...

Но мысль была вялая и лѣнивая, и онъ не двигался.

— „...Не будетъ...—ползло въ головѣ скучной и безконечной нитью,—не будетъ... Убеть!“—вдругъ ярко вырѣзилось тупое, короткое слово.

И тогда Лаптевъ заметался по комнатѣ, схватилъ ключи и, неслышно ступая войлочными туфлями, побѣжалъ на дворъ.

— Кто идетъ, кто идетъ!—испуганно и неестественно громко вдругъ закричала внезапно выросшая у самой двери фигура.

Лаптевъ вздрогнулъ, присѣлъ и тотчасъ же успокоился. Окликнулъ задремавшій дневальныій, присѣвшій на крылечкѣ.

— Это вы, баринъ, а я думалъ, кто такой!—успокоительно, совсѣмъ другимъ голосомъ замѣтилъ онъ и опять присѣлъ на ступеньку.

— Я, я... проѣхать надо, коня запречь,—быстро и беспорядочно залепеталъ Лаптевъ,—сѣѣздить надо...

— Куда вы, на ночь глядя-то!—позѣвывая, замѣтилъ солдатъ, но Лаптевъ уже не слушалъ.

Невѣрными и торопливыми шагами онъ подошелъ къ конюшнѣ и долго возился съ большимъ и тяжелымъ ключемъ,

отпирая ее. Наконецъ, отворилъ—и сразу на него пахнуло запахомъ теплого, слежавшагося навоза.

Ощупью онъ нашелъ узду и окликнулъ Думку. Въ стойлѣ зашуршала сухая солома, завозилось что-то большое и темное и тяжело вздохнуло. Потомъ копыта стукнули о помостъ, лязгнула подковка, и съ хрипѣniемъ и стономъ стала подыматься лежавшая лошадь. Она встала, застучала по полу и отряхнулась такъ, что задрожали поль и переборка, и желѣзнaya цѣпь недоуздка зазвенѣла дробно и громко.

— Думка, Думка,—шепталъ Лаптевъ, путаясь трясущимися руками въ уздѣ и стараясь взнудзить лошадь,— стой, Думка!

Наконецъ, ему удалось надѣть узду, и онъ пошелъ изъ конюшни, а за нимъ, громко стуча копытами по помосту, вздыхая и фыркая, пошла на поводу лошадь.

Запрягая, Лаптевъ долго и неумѣло копался съ закладкой, какъ будто разучился запрягать, и когда затянулъ тугую супонь, то въ полномъ безсиліи, тяжело дыша и прижимая рукой колотившееся сердце, прислонился къ теплой и мягкой шеѣ Думки.

Лошадь оглянулась и долго нюхала сытыми и мягкими ноздрями его лицо. Потомъ вздохнула глубоко и сильно, пахнувъ на него струей горячаго воздуха, и отвела голову.

— „Убить!“ Быстро и ярко скользнуло въ мозгу и, цѣпляясь за свалившіяся возжи, подбирая ихъ, Лаптевъ сѣлъ въ шарабанъ и тронулъ лошадь.

Думка осторожно, щупая проломившіяся и прыгающія доски пола, вышла изъ сарая и попала къ воротамъ. И когда миновала ихъ, Лаптевъ поднялся въ шарабанъ, натянулъ возжи и изо всей силы ударилъ лошадь кнутомъ.

Думка рванулась, сбилась на галопъ, потомъ справилась и пошла дробной и спорой рысью, высоко задравъ голову, фыркая и кидая землей въ козырекъ шарабана. Будя ночную тишину, отчетливо и громко загремѣли колеса по сухой, твердой дорогѣ, а рядомъ быстро и беззвучно запрыгала длинная черная тѣнь. Лаптевъ ударилъ еще разъ, передернулъ возжами и сѣлъ. И тогда его сразу, страстнымъ и горячимъ порывомъ, охватило чувство такой безумной, животной радости, что онъ засмѣялся. Онъ оглянулся. Ворота были открыты и рѣзко бѣлѣли подъ луною своими штукатуренными столбами и чернымъ высокимъ столбикомъ: въ нихъ стоялъ удивленный дневальныи солдатъ. Лаптевъ засмѣялся еще—долгимъ и мелкимъ смѣхомъ—и весь затрясся отъ этого смѣха, какъ человѣкъ, которому удалось ловко и тонко обмануть кого-то.

На поворотѣ у гумна, гдѣ были сложены привезенные зимию съ подгорѣвшей Овсянкиной дачи дрова онъ оглянулся еще разъ.

Домъ стоялъ темный и молчаливый, темной кучей его окружали надворные постройки, и ворота по прежнему сверкали бѣлыми столбами. Но солдата уже въ нихъ не было.

— Нно-о-о, Думочка, подбирайся!—радостно и звонко крикнулъ Лаптевъ и занесъ руку съ кнутомъ.

И въ то же самое мгновеніе нальво отъ него, въ темной кучѣ сложенныхъ у стѣны дровъ, блеснулъ короткій и странно-темный въ голубомъ лунномъ свѣтѣ огонь, и раскатистымъ гулкимъ трескомъ прокатился выстрѣль.

Думка взметнулась на дыбы, рванулась въ сторону и, путая выпавшія изъ экипажа возжи въ колесо,—карьеромъ помчалась впередъ. Схватившись за бокъ, Лаптевъ хотѣлъ крикнуть что-то—и не могъ и въ послѣднемъ усилии подняться на ноги. Страшный толчекъ о камень выбросилъ его изъ шарабана, и, перевернувшись въ воздухѣ, онъ грузно ударился въ землю. Потомъ приподнялся на рукахъ, потянулся и застоналъ. Ему хотѣлось крикнуть, позвать кого, нибудь—и было одно слово, которое вертѣлось въ мозгу, и страшно нужно было произнести его, а оно все ускользало и это было мучительно.

— Ме...ня пуля... пуля не...—бормоталъ Лаптевъ искривленными, судорожно сжимающимися губами, морщась отъ усилия и боли и отъ того, что кругомъ не было никого, и только полная, свѣтлая и загадочная луна холодно и любопытно глядѣла ему въ лицо.

— Пуля... меня... не...

Но слово все ускользало, и нельзя было поймать его, и тогда Лаптевъ понялъ, что это конецъ.

— Вву-у-у-у!..—вдругъ завылъ онъ не то отъ нестерпимой боли въ боку, гдѣ медленно вертѣль живое растерзанное тѣло какой-то раскаленный твердый буравъ, не то отъ того, что луна стала крохотной и уходила куда-то, а отовсюду наступала черная пустота.

Но тотчасъ же смолкъ, упалъ лицомъ въ землю и замеръ.

И такъ и остался лежать чернымъ и страннымъ комочкомъ въ неестественной подкорченной позѣ посреди широкой дороги, на которой рѣзко и опредѣленно чеканились камни и выбоины, слѣды копытъ и сапоговъ, и кое-гдѣ золотыми полосками сверкали разбросанныя соломинки.

По прежнему было тихо, и отъ полей шелъ сырой, плотный запахъ обросшій озими, и по прежнему неподвижно,

чеканя черныя тѣни, съ напряженнымъ молчаливымъ вниманіемъ смотрѣла полная, блестящая и казавшаяся такой близкой луна на скорченное, маленькое пятно на дорогѣ, неудобно и тяжело откинувшееся въ черную, медленно всасывающуюся въ дорожную пыль, лужу.

И какъ будто ждала чего-то.

Викторъ Муйжель.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ.

Прочь съ пути, камни мертвые, сѣрые!
Не мѣшайте свободной волнѣ
Пѣсни пѣть молодыя и смѣлныя
На просторѣ о свѣтлой веснѣ...
Не мѣшайте, обломки отжившіе,
Новой силѣ дорогу найти,
Вы, такъ много отважныхъ разбившіе,
Уходите съ пути!..
Надвигаются полчища дружныя,
Приближается грозный прибой...
Погибайте-жъ, сѣдые, ненужные,
Подъ могучей девятой волной!..

Г. Галина.

Изъ записокъ М. Л. Михайлова.

V.

Дорога до Иркутска.

О тобольскихъ моихъ провожатыхъ не стоитъ говоритьъ такъ много, какъ я говорилъ о петербургскихъ. Они, какъ я уже сказаъ, имѣли гораздо менѣе специально-жандармскаго характера. Минъ уже нечего было испытывать ихъ, насколько можно имъ довѣриться, и я могъ прямо поручать имъ то или другое, противное ихъ инструкціи, не опасаясь что они захотятъ меня выдать. Это были тоже два урядника, и тоже нисколько не похожіе одинъ на другого. Одинъ, Берниковъ, темнорусый съ рыжеватымъ отливомъ, красивый и ловкій, отличался аккуратностью и постоянно веселымъ нравомъ; другой, рябоватый и золотушно- кудрявый, Николаевъ, былъ малонаходчивъ, хвастливъ, но вообще вялъ, любилъ выпить и быстро пьянился. Онъ былъ писаремъ, а Берниковъ береготоромъ. Это отчасти объясняетъ и разность ихъ характеровъ. Кроме своей жандармской обязанности, Берниковъ занимался отчасти торговлей, отчасти ремесломъ. Онъ шилъ олены перчатки. Оба они были женатые, но только у одного Берникова проявлялась хозяйственность и положительность. Николаевъ, напротивъ, способенъ быть при первомъ удобномъ случаѣ замотаться и завихриться въ какой-нибудь кутежъ. Въ мѣстахъ, гдѣ мы останавливались нѣсколько подольше, надо было держать ухо востро, чтобы онъ не напился пьянъ. Это, однако, случилось таки съ нимъ раза три-четыре, и его приходилось садить на козлы для пропрѣзвленія. Мы пускали его тогда въ возокъ, лишь убѣдившись, что онъ успѣлъ уже немного прогнуть и пропрѣзвиться.

Минъ еще разъ привелось видѣться съ Станиславомъ Крупскимъ. Видя крайнія нужды его, я подѣлился съ нимъ чѣмъ могъ, и сказаъ двумъ-тремъ моимъ тобольскимъ знакомымъ о его положеніи. Сочувствія къ нему ни у кого, правда, не было, но это не помѣшало, однако, сдѣлать для него подписку, по которой собрали пятьдесятъ рублей. Онъ, между тѣмъ, уже уѣхалъ. Минъ привезли почто-

вую расписку объ отправкѣ ему этихъ денегъ въ Томскъ, въ тамошнюю экспедицію о ссыльныхъ и просили передать ее Крупскому, если я увижу его въ дорогѣ. Опѣ былъ назначенъ на поселеніе въ Красноярскъ, и долженъ былъ отправиться туда съ партіей.

Партія эта вышла изъ Тобольска 12-го января, а я выѣхалъ вечеромъ 27-го, то есть черезъ двѣ недѣли; но то, что партія сдѣлала пути въ эти двѣ недѣли, я могъ проѣхать въ сутки съ небольшимъ. По этапному маршруту я могъ разсчитать, что застану Крупского на ночлегѣ въ деревнѣ Ачитовѣ, кажется, или Ачиловѣ, верстахъ въ трехстахъ отъ Тобольска.

На станцію эту я прїѣхалъ на вторыя сутки, часовъ въ пять утра. Было еще совсѣмъ темно. Я заказалъ поставить себѣ самоваръ; чтобы не будить Крупского такъ рано, напился сначала чаю, и потомъ попросилъ хозяина станціи дать мнѣ сани, чтобы сѣздиТЬ въ этапъ, такъ-какъ онъ былъ совсѣмъ на другомъ концѣ деревни, именно на томъ, который мы уже проѣхали.

Часовъ около шести мы съ Берниковымъ усѣлись въ глубокую копчеву и отправились. Все еще было темно: морозило крѣпко.

Въ деревнѣ пахло уже дымомъ, но за сѣрымъ тыномъ этапа все еще спало крѣпкимъ сномъ. Берниковъ добился, что насы впустили во дворъ, и мы пошли къ офицеру.

На стукъ нашъ въ дверь намъ скоро отворила полуодѣтая женщина, повидимому, только-что начинавшая подниматься съ постели. Она безъ всякаго опроса ввела насы въ прихожую, бывшую въ то же время, кажется, и кухней. Въ большой русской печи, занимавшей значительную часть ея, тлѣлся огонекъ. Баба, впustившая насы, накинула на него лучины, и свѣтъ облилъ и ее и насы.

— Вамъ кого? поручика?

Я объяснилъ ей, что поручика, пожалуй, и не нужно, если можно безъ него увидѣться съ однимъ пересыльнымъ—«изъ дворянъ, полякомъ».

— Да это знать тотъ, что у барина ночуетъ. Я пойду, ихъ разбуджу.

И она пошла. Почти тотчасъ же выѣхалъ ко мнѣ Крупской въ полуշубкѣ своемъ и босикомъ.

Я вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ слѣдующую, маленькую комнатку, гдѣ вѣсталъ еще въ постели молодого этапнаго фоицера. Крупской спалъ на диванѣ: тутъ лежала его подушка. Въ этой горенкѣ заключалась, кажется, и вся квартира офицера. Тутъ былъ кромѣ кровати, и его письменный столъ, и шкафчикъ въ углу съ посудой. Это была своего рода тюремная келейка. Офицерь, вѣроятно, недавно былъ на мѣстѣ, не успѣлъ еще обжиться со своей должностю, и на немъ не лежало печати той грубости, которую я замѣчалъ на всѣхъ этапныхъ офицерахъ, встрѣчавшихся мнѣ.

Бѣдный Крупской бытъ полубольной, рас простуженный. Онъ и похудѣлъ замѣтно, и сильно кашлялъ. Это бытъ первый офицеръ по дорогѣ изъ Тобольска, пріѣтившій его у себя на квартиру.

Тобольскія предѣстствія оправдались. На каждомъ привалѣ ему дѣлали затрудненія относительно лошадей, говорили, что если-бѣ въ его кибиткѣ можно еще было помѣщаться четверымъ, такъ лошадь бы, пожалуй, и дали, а то плати, да и не просто прогоны, а дороже. Рѣшившись отказывать себѣ въ чемъ-нибудь другомъ, Крупской купилъ себѣ лошаденку. Тутъ пошли опять неудобства, какъ ее кормить, и опять расходы. Онъ продалъ лошадь, и опять на каждомъ привалѣ приходилось ему выслушивать недовольныя рѣчи и платить изъ своего скучного кошелька. Онъ жаловался на грубое обращеніе этапныхъ офицеровъ, на брань и даже на побои конвойныхъ солдатъ и казаковъ. Только ачитовскій офицеръ обѣщалъ снабдить его рекомендацией къ начальнику слѣдующаго этапа, и это хоть отчасти могло успокоить Крупского.

Мнѣ было очень жаль его и досадно, что я не могъ ничѣмъ помочь ему. Еще въ Тобольскѣ думалъ я, нельзя ли было довезти Крупского до мѣста назначенія въ моемъ возкѣ; но объ этомъ и думать было невозможно, какъ мнѣ сказали люди, отъ которыхъ это зависѣло.

Съ грустнымъ чувствомъ простился я съ Крупскимъ, и онъ часто приходилъ мнѣ на мысль, когда я начиналъ или досадывать на неудобство помѣщенія въ дорогѣ, или на холодъ и угаръ станціи, или на морозъ и вѣтеръ. Какой еще я бытъ счастливецъ въ сравненіи съ нимъ!

Дорога отъ Тобольска шла такая же дурная, если не хуже, какъ и къ нему. Такія же станціи, то холодные и полныя синяго чаду, то теплые до чрезвычайности и довольно уютно прибранныя. Станціонные смотрители и писаря стали чаще попадаться изъ поляковъ. Найти чего-нибудь поѣсть было бы трудно, еслибы меня въ Тобольскѣ не снабдили разными запасами—буракомъ, или по здѣшнему «туесомъ» и морожеными щами, пельменями, чи рожками.

Разнообразіе дороги заключалось и здѣсь въ томъ, что гдѣ было больше ухабовъ, гдѣ меныше. Сваливаться на бокъ съ возкомъ, ломать оглобли, разбивать при этомъ стекла приходилось не разъ. Подъ конецъ я забилъ два окна наглухо войлокомъ.

Проѣхали мы нѣсколько жалчайшихъ городовъ: Тару, на половину татарскую, Каинскъ, Колывань. Наконецъ близко ужъ и Томскъ, половина пути.

Надо было хоть немножко отдохнуть отъ ухабовъ и холоду. На предпослѣднюю къ Томску станцію мы приѣхали вечеромъ, и тутъ ночевали, отправившись на такъ называемую земскую квартиру.

На другой день въ десять часовъ утра я бытъ въ Томскѣ.

Такъ-какъ мнѣ нужно было запастись какою-нибудь провизіей въ дальнѣйшій путь, то я остался въ Томскѣ часа на три, на четыре. Берниковъ, отправленный за покупками, считалъ неудобнымъ не явиться къ мѣстному штабъ-офицеру, будто бы для просьбы пробыть въ городѣ нужное намъ время. Иначе онъ могъ попасться ему на глаза и навлечь противъ себя какое-нибудь неудовольствіе. Я не имѣлъ, конечно, ничего противъ его намѣренія. Оставшись въ гостиницѣ Золотого Якоря, при которой находилась и станція, я принялъ отъ скучи играть на бильярдѣ съ другимъ жандармомъ.

Явки Берникова къ штабъ-офицеру было достаточно, чтобы обо мнѣ узнали въ городѣ еще въ десяти мѣстахъ. Сначала пришелъ ко мнѣ одинъ молодой человѣкъ, котораго я не узналъ. Это былъ К., съ которымъ я познакомился въ Уфѣ, гдѣ онъ былъ тогда семинаристомъ, давалъ уроки въ одномъ знакомомъ мнѣ домѣ, и собиралсяѣхать не то въ академію, не то въ университетъ. Этому ужъ лѣтъ шесть-семь. Теперь онъ учителемъ въ Томскѣ, въ гимназіи. Пришли еще два молодыхъ человѣка, которыхъ именъ помню. Заѣхалъ совершенно неожиданно *самъ* голубой штабъ-офицеръ, толстый, заплывшій господинъ, съ предложеніемъ, не хочу ли я оставаться въ Томскѣ подольше, день, два, не имѣю ли какихъ желаній. Я имѣлъ желаніе, чтобы онъ убирался поскорѣе, но его по деликатности не выказалъ. Онъ, впрочемъ, и самъ пробылъ не болѣе десяти минутъ. Болѣе всего былъ я доволенъ прїѣздомъ ко мнѣ управляющаго томской экспедиціей о ссыльныхъ. Я могъ попросить его о выдачѣ Крупскому на руки денегъ, присланныхъ въ Томскъ, и онъ любезнѣйшимъ образомъ обѣщалъ мнѣ это.

Позавтракавши или, пожалуй, пообѣдавши, въ гостиницѣ, мы двинулись далѣе. Черезъ двое сутокъ мы перѣѣхали границу Западной и Восточной Сибири, отмѣченную двумя кабаками по ту и по эту сторону.

Въ уныломъ городѣ Ачинскѣ, первомъ восточно-сибирскомъ, гдѣ я изъ вокзала не хотѣлъ вылѣзать, оказался почтмейстеромъ мой землякъ, и прислалъ просить меня войти на станцію. Я зашелъ и напился чаю въ его семействѣ, которое все провожало меня потомъ до экипажа и напутствовало самыми хорошими желаніями.

Та же дорога съ ухабами и метелями потянулась до Красноярска. Здѣсь я рѣшился пробыть подольше, чтобы видѣться съ Петрашевскимъ. Онъ попалъ въ немилость у Муравьевы, за то, что говорилъ противъ скверной исторіи Беклемишева и — не помню, какъ зовутъ его жертву. Петрашевского выслали изъ Иркутска, а Беклемишевъ, вмѣсто того, чтобы попасть въ сосѣдство ко мнѣ, въ каторгу, назначенъ, какъ я видѣлъ въ послѣднихъ газетахъ, вице-губернаторомъ въ Саратовъ. Муравьевское

начало не умерло съ нимъ. Для замазки разныхъ щелей и трещинъ своего управления, онъ посадилъ на свое мѣсто невѣжду и глупца Корсакова, своего родню и креатуру, быстро выскочившаго въ генералы развѣ по способности своей скакать тысячи верстъ на курьерскихъ для безгласнаго и точнаго исполненія самодержавныхъ повелѣній своего патрона.

Въ Красноярскъ прѣѣхалъ я поутру 7 февраля. Станція находится тамъ при гостиницѣ. Толстый, улыбающійся измѣцъ Иванъ Иванычъ вышелъ встрѣтить меня и объявилъ, что меня давно уже ожидаютъ, и многие желали бы со мной видѣться. Первымъ вопросомъ моимъ было, здѣсь ли Петрашевскій. Нѣмецъ отвѣчалъ утвердительно, и обѣщалъ немедленно послать извѣстить его.

Не успѣлъ я вполнѣ разоблачиться отъ дорожныхъ шубъ и шарфовъ, какъ у меня оказалось уже четверо гостей. Одинъ былъ мѣстный казачій офицерь, братъ извѣстнаго мнѣ по имени издателя какого-то маленькаго журнала, «Вазы» или «Сѣвернаго Цвѣтка»; трое остальныхъ были проѣзжіе въ Петербургъ офицеры же съ Амура. Изъ нихъ особенно заинтересовалъ меня морякъ, капитанъ-лейтенантъ С. Съ его парохода или фрегата бѣжалъ Бакунинъ. Корсаковъ, получившій сильную головомойку изъ Петербурга за этотъ побѣгъ, вздумалъ было задержать С. въ Иркутскѣ, пока не кончится слѣдствіе. Но С.ѣхалъ съ семьей, по требованію своего начальства, и не могъ терять ни времени, ни денегъ на праздное житье въ корсаковской столицѣ. Пришлось ограничиться вопросными пунктами и отпустить капитана дальше. Да и какое тутъ слѣдствіе, когда у Бакунина былъ открытый листъ для проѣзда, куда онъ хочетъ, за подписью того же Корсакова. Умѣренные прогрессисты въ Иркутскѣ находили, что Бакунинъ поступилъ нехорошо, измѣнивъ честному слову, которое онъ далъ Корсакову, что не бѣжитъ. Я въ этомъ случаѣ не совсѣмъ согласенъ съ умѣренными прогрессистами, и—если бы считалъ полезнымъ для себя—поступилъ бы на мѣстѣ Бакунина точно въ точь такъ.

Скоро пришелъ ко мнѣ и Петрашевскій. Не знаю, почему, я воображалъ его человѣкомъ совсѣмъ иной наружности, чѣмъ какимъ увидѣлъ. Портрета его мнѣ не случалось видѣть; говоря о немъ съ niektóryми изъ тѣхъ, кто были сосланы по его дѣлу, я какъ-то не спрашивалъ о его наружности,—и онъ представлялся мнѣ высокимъ, худымъ, съ рѣзкими и строгими чертами лица, да вдобавокъ еще блондиномъ. Я не могу понять, почему составилось у меня такое о немъ представление. Развѣ не на основаніи читанныхъ мною въ «Колоколѣ» официальныхъ бумагъ его, наполненныхъ юридическими тонкостями, къ которымъ былъ я всегда такъ холоденъ, пока теперешнее мое дѣло не показало мнѣ, что я поступаю неразсчетливо, пренебрегая знакомствомъ съ дѣцю, именуемаго законами Россійской имперіи. Впрочемъ, едва

ли мое представление о Петрашевскомъ составилось не раньше. Я увидѣлъ совершенную противоположность тому, что ожидалъ.

Петрашевскій не высокъ; онъ средняго роста, и не худой, а очень полный. Походка его напоминаетъ мнѣ отчасти походку Герцена, и въ самой фигурѣ есть съ нимъ сходство. Черты лица его довольно правильны, мягки и пріятны. Большие черные глаза, очень выпуклые, обличаютъ въ немъ сразу говоруна, и онъ дѣйствительно говорить много и хорошо; но, вѣроятно, именно потому что много и хорошо, рѣчь его полна противорѣчій. На головѣ у него осталось уже мало волосъ—переѣхъ весь голый, и только сзади низко опускаются на воротникъ сюртука ихъ порѣдѣвшія черные пряди. Большая, что называется, апостольская борода напротивъ еще очень густа; по ней длинными бѣлыми нитками прошла уже сѣдина. Одѣтъ онъ былъ во все черное. И сюртукъ, и жилетъ, и панталоны—все было очень потерто и замаслено, и обличало не совсѣмъ-то блестящія его обстоятельства. Оно такъ и было дѣйствительно, какъ я слышалъ впослѣдствії.

Видѣвшись съ нимъ всего одинъ день, я не могу, разумѣется, сказать о немъ многаго; но общее впечатлѣніе было для меня пріятно. Я нашелъ только, что мѣстные интересы, въ которыхъ Петрашевскій принималъ участіе (разумѣется, только словомъ) въ послѣднее время своей ссылки, разныя иркутскія интриги и дѣла, какъ будто, заслонили отъ него интересы болѣе широкіе и общіе. То, что для человѣка новаго представляется не болѣе, какъ мѣстнымъ провинціальнымъ дрягомъ, для него, при постоянномъ столкновеніи съ здѣшними властями, приняло слишкомъ большиѳ размѣры, и заставило, какъ будто, отчасти забыть о томъ, что сердиться слѣдуетъ на причины, производящія дурныя явленія, а не на самыя явленія. Слушая Петрашевскаго, я, признаюсь, не разъ подумалъ, что было бы очень грустно, если бы тѣсный кругъ мѣстныхъ интересовъ успѣлъ современемъ втянуть и меня въ свои границы. Повторю, всѣ эти интересы входять лишь какъ ничтожная доля въ ту общую систему нашего управления и нашей жизни, противъ которой одной борьба не бесплодна. То же суженіе понятій отъ долгой жизни въ ограниченной и жалкой средѣ проявилъ и товарищъ Петрашевскаго, Львовъ, въ своихъ «Выдержкахъ изъ воспоминаній ссыльно-каторжнаго», вторая часть которыхъ дошла ко мнѣ лишь недавно. Меня просто возмутило то мѣсто, гдѣ онъ говорить о дѣйствіи ссылки на политическихъ преступниковъ. Надо слишкомъ поверхностно и мелко всматриваться въ окружающую жизнь, чтобы дойти до такихъ ограниченныхъ взглядовъ. На него нельзя не обратить особенного вниманія въ статьѣ именно бывшаго «политического преступника». Разсуждать обѣ исправленіи зла «послѣдовательными реформами при помощи служебной или открытой общественной дѣятельности», толковать о развитіи гражданскаго чувства, откладывая въ долгій

ящикъ «послѣдовательныхъ реформъ» (иначе «медленнаго прогресса») «благія учежденія», которыя одни создаютъ гражданъ,—всё это могъ бы говорить другой Львовъ, авторъ знаменитой комедіи съ добродѣтельнымъ ста новымъ, или не менѣе знаменитый герой соллогубовскаго «Чиновника»; по слышать эти рѣчи отъ «ссыльно-каторжнаго» Львова не только досадно, но и тяжело и грустно. Если бы еще онъ говорилъ объ этомъ измѣненіи во взглядахъ «политическихъ преступниковъ», какъ о разворачивающемся вліяніи житья въ ссылкѣ,—а то вѣдь это, по его мнѣнію, хорошая сторона ея, хорошее и благое вліяніе. Кстати замѣчу, что вся вторая статья Львова (первой я не помню) показываетъ, что онъ совершенно не знакомъ даже съ общимъ характеромъ мѣсть и людей, посреди которыхъ привелось ему прожить таѣъ долго, или не умѣль всмотрѣться въ смыслъ окружавшихъ его явленій и только наблюдалъ ихъ вѣнчаную сторону. Можно, пожалуй, было бы извинить жалкую ничтожность этой статьи недостаткомъ таланта, но вѣдь въ ней нѣтъ дѣла, а ужъ это не зависитъ отъ таланта. Я заговорилъ о статьѣ Львова именно потому, что нѣчто въ родѣ того не совсѣмъ веселаго чувства, которое испыталъ я, читая ее, проходило иногда по моимъ нервамъ и при разговорѣ съ Петрашевскимъ. Нѣтъ, что ни толкуй, а горе и лишенія ссылки взяли таки свое, печать ихъ осталась, и мнѣ кажется, первое, о чёмъ долженъ постоянно думать и стараться всякий сосланный за политическія убѣжденія,—это вырваться отсюда и окунуться въ потокъ болѣе широкой жизни. Львовъ говоритъ объ умѣ «охлажденномъ и опытомъ, и зрѣлостью возраста», какъ о шагѣ впередъ отъ горячаго и страстнаго энтузіазма молодости. Да вѣдь это просто притупившіеся отъ слишкомъ слабыхъ потрясеній нервы. Не желалъ бы я себѣ такой зрѣлости, хотя, можетъ быть, ужъ и теперь для новаго подрастающаго племени—человѣкъ, отживающій. Какъ на одно изъ важныхъ противоядій нашей провинціальной малярии смотрю я на свою возможность уходить отъ пошлости нашихъ жизненныхъ отношепій въ чисто умственную дѣятельность,—и я считаю себя счастливымъ, что могу заниматься литературнымъ трудомъ. Я никогда не работалъ такъ много, какъ теперь, въ эти два-три мѣсяца, какъ поселился въ Козановскомъ золотомъ промыслѣ, и какъ бы ни ничтожны были плоды этой работы, я увѣренъ—они полезнѣе и для общества, и для моего личнаго достоинства такъ называемой «борьбы» съ мѣстными обстоятельствами. Эта борьба сильно граничитъ съ тѣмъ, что на болѣе простомъ языкѣ называется дрягами, кляузами, силетнями—и мало ли еще чѣмъ. Вотъ почему я особенно доволенъ, что не остался въ Иркутскѣ, а попалъ сюда въ глушь. Замѣчательно, что только тѣ изъ политическихъ преступниковъ, бывшихъ здѣсь, оставили по себѣ дѣйствительно полезное вліяніе, которые дѣйствовали словомъ, брались за воспитаніе или вообще старались проводить въ

сознаніе молодыхъ людей основныя начала нравственности и гражданскихъ обязанностей человѣка. А тѣ, что вступали въ ряды мѣстныхъ «борцовъ», отъ пропаганды обращались къ дѣлу, только низводили и свои лучшія стремленія, и свое личное достоинство къ тому уровню, гдѣ они теряли всякое высшее значеніе, а потому и вліяніе, да и сами дѣятели мало по малу начинали мельчать и все болѣе суживать свои нравственные интересы. Да и какая тутъ борьба для человѣка, поставленного своимъ положеніемъ политического преступника въ всякой общепризнанной дѣятельности, когда и въ сферѣ-то болѣе широкой у насъ «удѣль разумной жизни», какъ выразился Добролюбовъ:

„Для блага родины страдать по пустякамъ“.

То, что я говорилъ, было предметомъ нашего довольно продолжительного спора съ Петрашевскимъ. Я только изъ его словъ узналъ о всѣхъ непріятныхъ столкновеніяхъ, которыхъ рискую испытать, оставаясь въ Иркутскѣ. Еслибы я и не слыхалъ этого предупрежденія о тамошнихъ полицейскихъ надзорахъ, о шпионахъ, распечатываніи писемъ и доносахъ, то достаточно было мнѣ проѣхать въ Иркутскѣ два-три дня, чтобы не хотѣть оставаться даже при согласіи на то мѣстного начальства. Только живя въ совершенной дали отъ общества (какъ теперь и дѣлаетъ Львовъ), можно еще тамъ сдѣлать сносною свою жизнь. То, что именуется на иркутскомъ нарѣчіи политическими непріятностями, есть не что иное, какъ мелкія сплетни, раздражающія человѣка хуже, чѣмъ «по пустякамъ».

Петрашевскій совѣтовалъ мнѣ юхать въ Нерчинскій округъ, гдѣ менѣ будеть для меня стѣсненій и, для подтвержденія его словъ, повидаться въ Иркутскѣ со Львовымъ. Я сдѣлалъ бы послѣднее и такъ, но чтобы увидѣться съ нимъ поскорѣе, взялъ у Петрашевскаго записку. Онъ обѣдалъ у меня въ этотъ день; вечеромъ располагалъ я уѣхать, но это не удалось. Одинъ изъ моихъ жандармовъ, Николаевъ, отпросился у меня къ какимъ-то своимъ знакомымъ и воротился домой пьяни, какъ стелька. Я остался ночевать.

Послѣ обѣда Петрашевскій уходилъ на часъ домой, и потомъ опять пришелъ—и на этотъ разъ не одинъ, а съ тремя молодыми людьми, которыхъ отрекомендовалъ мнѣ, и при нихъ, и заочно, какъ лучшихъ изъ здѣшней молодежи. Признаюсь, грустно мнѣ было за Петрашевскаго, когда эти лучшіе представители молодого поколѣнія города Красноярска сидѣли у меня съ нимъ вечеромъ. Это были, можетъ быть, и даже вѣроятно, очень добрые молодые люди, но...

Тутъ я узналъ о существованіи секретнаго циркулярнаго предписанія министра внутреннихъ дѣлъ къ губернаторамъ, отъ 2-го декабря, не выдавать литератору Николаю Чернышевскому загра-

ничный паспортъ. Это извѣстіе поставило меня втунецъ; я рѣши-
тельно не зналъ какъ объяснить его, и отчасти усомнился въ его
вѣрности; но молодой человѣкъ, отъ которого я слышалъ объ этомъ,
прислалъ мнѣ на слѣдующее утро и номеръ, и дату предписанія,
съ подтвержденіемъ, что дѣло идетъ именно о литераторѣ Николаѣ
Чернышевскомъ.

Петрашевскій пришелъ проводить меня, и я отправился изъ
Красноярска часовъ въ одиннадцать утра.

— До свиданья—въ парламентъ! — сказалъ мнѣ на прощаніи
Петрашевскій.

„Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ“, думалъ я не
разъ, когда припоминалъ объ этомъ прощаніе.

Николаевъ не успѣлъ пропрѣзвиться, и былъ посаженъ на козы.
Дорога пошла получше и поглаже, и мыѣхали очень хорошо
почти до самаго Иркутска, уже нигдѣ не останавливаясь *). На
послѣднюю станцію прибыли мы уже ночью, часу въ первомъ, на
пятые сутки по выѣздѣ изъ Красноярска. Надо было и тутъ, какъ
передъ Тобольскомъ, обождать утра, и я прилегъ было въ станціон-
ной комнатѣ. Но спать тутъ отъ холода было невозможно. На дво-
рѣ стоялъ сильный морозъ, а дверь, выходящая прямо на крыльцо,
безъ сѣней, безпрестанно отворялась. Пришлось поискать себѣ дру-
гого ночлега, и мы отправились въ такъ называемую земскую квар-
тиру, довольно тѣсную, но за то теплую избу, гдѣ и расположились.

Только что начало свѣтать, горланъ пѣтухъ крикнулъ у меня
подъ самымъ ухомъ, и я вскочилъ съ испуга. Онъ не умолкалъ,
выглядывалъ изъ-подъ печки, и мы стали вставать.

Я забылъ сказать, что по распоряженію тобольского жандарм-
скаго полковника, меня слѣдовало отправить изъ Тобольска опять-
таки въ кандалахъ. Впрочемъ, онъ распорядился, чтобы они были
на замочекахъ, и я могъ снять ихъ тотчасъ по выѣздѣ изъ города.
Передъ выѣздомъ въ Иркутскъ слѣдовало ихъ оять надѣть на
меня. Но я не исполнилъ ни того, ни другого,—и ониѣхали со
мной вмѣстѣ съ другими арестантскими принадлежностями. Жан-
дармы подтвердили меня въ уѣждѣніи, что ихъ не слѣдуетъ на-
дѣвать. Да и замочековъ-то у насъ не было.

Въ половинѣ двѣнадцатаго утра 13-го февраля я былъ въ Ир-
кутскѣ передъ воротами исправляющаго должностъ военнаго губер-
натора.

VI.

Иркутская тюрьма.

Въ Иркутскѣ, какъ и въ Тобольскѣ, пришлось мнѣ немало по-
ѣздить, прежде чѣмъ я попалъ въ свойственное мнѣ мѣсто, то-

*) Тутъ города Канска и Нижнеудинскъ.

есть въ острогъ. Меня привезли къ исправляющему должность военного губернатора, а не къ генераль-губернатору, согласно принятымъ правиламъ. Его уже не было дома. Онъ былъ въ губернаторской канцелярии. Ко мнѣ вышелъ какой-то чиновникъ вродѣ писца и поѣхалъ вмѣстѣ въ канцелярию. Тамъ мнѣ тоже пришлось подождать, пока не пришелъ откуда-то господинъ Шелеховъ. Пока я дожидался въ приемной, похожей на дрянную прихожую, я думаю, все чиновники канцелярии прошли мимо меня одинъ за однимъ, съ любопытствомъ оглядывая меня съ головы и до пятокъ.

Наконецъ явился и Шелеховъ, штатский господинъ, полный и нѣсколько аляповатый съ виду, и попросилъ меня въ присутствіе. Тамъ никого еще не было, но когда мы входили, за нами слѣдомъ вступилъ какой-то трясучий старикъ въ генеральскомъ мундирѣ.

— Позвольте попросить ваше превосходительство повременить немножко, сказалъ ему Шелеховъ.—Мнѣ нужно поговорить одному.

Старикъ ретировался, и когда двери за нимъ затворились, Шелеховъ съ какимъ-то нѣсколько чичиковскимъ видомъ протянулъ мнѣ руку и началъ говорить нѣчто о томъ, что „понятно, что мы все вамъ сочувствуемъ“.

Онъ спросилъ меня, куда я желаю быть назначеннымъ, въ Нерчинскій ли округъ, или на ближайшій къ Иркутску, но глухой, не помню какъ называющійся, заводъ. Я, разумѣется, упомянулъ о томъ, что меня невѣроно причислили къ первому разряду, что по всей справедливости меня можно бы назначить въ одинъ изъ иркутскихъ заводовъ, и что я—ужъ если хотять мое желаніе—желалъ бы остаться въ соловаренномъ заводѣ Усолье, въ сорока verstахъ отъ Иркутска. Шелеховъ обѣщалъ просмотрѣть внимательнѣе мои бумаги, и поговорить съ Корсаковымъ.

Кстати замѣчу, что Шелеховъ занялъ временно должность военного губернатора послѣ Венцеля, того самого Венцеля, который теперь сенаторомъ и былъ въ числѣ моихъ судей, а на мѣсто его назначается или уже назначенъ теперь—Щербацкій, тотъ самый Щербацкій, петербургскій полиціймейстеръ, который былъ у меня при второмъ моемъ обыскѣ. Вотъ и еще, пожалуй, въ этомъ родѣ сближеніе: бывшій у меня въ Томскѣ жандармскій полковникъ (кажется, Герасимовъ) сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что у него есть близкій родственникъ въ Третьемъ Отдѣленіи, а именно—Кранцъ, тотъ самый Кранцъ, который и проч. Не правда ли, какія все милыя и отрадныя напоминанія?

Но не въ томъ дѣло.

Шелеховъ сказалъ, что онъ послалъ уже за полиціймейстеромъ, который сейчасъ приѣдетъ и свезетъ меня въ тюрьму, гдѣ отвѣдутъ мнѣ возможно лучшее помѣщеніе; а между тѣмъ просилъ меня обождать въ одной изъ комнатъ канцелярии, что-то въ родѣ бухгалтерской, куда и проводилъ меня.

Мнѣ точно пришлось недолго ждать. Пріѣхалъ полиціймейстеръ, высокій, нѣсколько худощавый офицеръ съ зарумянившимся лицомъ и нехорошими, не то наглыми, не то, какъ будто, пьяными глазами. Онъ распаркался по-гвардейски, и сказалъ, чтобы я садился въ свой возокъ и велѣлъ бѣхать вслѣдъ за нимъ. Онъ поскакалъ впередъ на своей парѣ, съ горластымъ по-полицейски кучеромъ. Моя тройка не скоро догнала его. Мы выѣхали за городъ, и я увидѣлъ бѣлое зданіе классической постройки, напоминавшей мою тобольскую резиденцію. Пара полиціймейстера подкатила, впрочемъ, не къ этому зданію, а къ жалкому деревянному, тоже значительныхъ размѣровъ, строенію, и мы вѣхали за нею подъ ворота, гдѣ оказался тоже часовой при будкѣ. Это былъ старый острогъ, теперь упраздненный больше чѣмъ наполовину.

Шаткимъ деревяннымъ крыльцомъ и темными деревянными сѣнями вродѣ коридора прошелъ я въ квартиру жившаго еще тутъ смотрителя, куда вошелъ еще до моего пріѣзда полиціймейстеръ.

— Вотъ-съ, вы здѣсь и помѣститесь, въ этой комнатѣ, обратился ко мнѣ, такъ же ловко распаркиваясь, полиціймейстеръ.— Извините, пожалуйста. Это лучшее помѣщеніе, какое мы можемъ предложить вамъ. Все, что вамъ угодно будетъ, вы можете получить отъ господина смотрителя. Вотъ-съ онъ. Это его квартира.

Я заикнулся было, что вѣдь это ему стѣсненіе, и что лучше отвели бы мнѣ просто номеръ въ секретномъ или въ дворянскомъ отдѣленіи; но такихъ номеровъ, годныхъ для житія, не оказывалось, — и полиціймейстеръ сказалъ, что этой комнатой смотритель почти не пользуется, и она существуетъ, собственно, на такие случаи, какъ настоящій. Комната о трехъ окнахъ смотрѣла свѣтло и весело, и уже, конечно, въ острогѣ не найти мнѣ было другого такого помѣщенія.

Смотритель былъ маленький, сухонький человѣчекъ среднихъ лѣтъ, съ какою-то особенно серьезною, даже и при частыхъ своихъ улыбкахъ, физіономіей, въ застегнутомъ на всѣ пуговицы мундирѣномъ гражданскомъ сюртуке.

Полиціймейстеръ спросилъ меня, не желаю ли я передать чегонибудь генераль-губернатору, и послѣ отрицательного моего отвѣта удалился, обѣщая заѣзжать. Я сказалъ, что хочу пробыть здѣсь нѣсколько днѣй, какъ для того, чтобы отдохнуть отъ дороги, такъ и для справокъ по своему дѣлу.

Жандармы внесли мою поклажу и откланялись со мной, смотритель разспросилъ меня, чего я хочу къ обѣду и скоро ли, и тоже удалился.

Въ первый еще разъ послѣ отѣзда отъ Аларчина моста былъ я въ такомъ опрятномъ и веселенькомъ помѣщеніи, хотя, какъ потомъ оказалось, оно было во многихъ отношеніяхъ далеко стѣснительнѣе для меня, чѣмъ моя тобольская конурка. Зато первое впечатлѣніе было пріятно. Ничто не напоминало мнѣ, что я въ

тюрьмѣ. Въ окна, драпированныя скромными, но чистыми бѣлыми кисейными занавѣсками, ярко свѣтило солнце; всѣ они были заставлены цвѣтами; въ состояніи комнатѣ распѣвали канарейка. Съ десятокъ стульевъ, три стола и диванъ составляли меблировку комнаты. Я былъ доволенъ и тѣмъ, что усну на диванѣ послѣ тюремныхъ коекъ, хотя онъ былъ и жестче ихъ соломенныхъ тюфяковъ. Я принялъ раскладывать свои вещи, и только что успѣлъ кончить, мнѣ принесла заказанный мною обѣдъ (супъ, жареную баранину и гречневую кашу съ молокомъ) кухарка смотрителя Арина; лицо интересное. Это была небольшого роста баба лѣтъ за сорокъ, съ круглымъ, апатическимъ, нѣсколько обрюзгшимъ лицомъ, съ повязкой на головѣ и вѣчно растрепанная. Она постоянно обслуживала мнѣ: подавала утромъ и вечеромъ чай, топила печь и мела комнату.

Въ первый приходъ ко мнѣ она была молчалива, но со второго же не дѣлала шагу ко мнѣ безъ того, чтобы не начать то вздыхать, то стонать, говоря, что вотъ ея какое горемычное житѣе, что здѣсь все не такъ, какъ «у насъ въ Россіи». И дрова тутъ не такія, и печка не такъ устроена, и хлѣба не умѣютъ такъ печь, и люди не такие обходительные, и вѣники не такие — поль не столько вымететь, сколько насорить.

— Ахъ, баринъ, баринъ! знали бы вы только мою-то долю, стонала она.—Вы вѣдь тоже россійские. Сами знаете, такая ли у насъ въ Россіи жизнь.

Я разспросилъ ее подробно, какъ она попала въ Сибирь.

— Да ты откуда?

— Изъ Ярославской губерніи, баринъ. Господскіе мы были, да я двѣнадцать лѣтъ скрывалась. Ушло настѣль помѣщика-то десять человѣкъ тогда. Управляющій больно былъ лютой. Ну и ушли. По разнымъ всѣ городамъ. Паспорты себѣ фальшивые выправили. Я вотъ, все по хорошимъ господамъ нанималась. Въ Нижнемъ жила, въ Казани, — гдѣ въ прачкахъ, гдѣ въ страшкахъ. Двѣнадцать лѣтъ такъ-то скрывалась.

— Замужъ не вышла?

— То-то и глупа была, баринъ, что не вышла. Жила бы теперь по всей своей волѣ. И женихи были, да глупость все... Думала, дѣвка все вольнѣе бабы, а теперь вонъ куда попала, въ экую волюшку. Ахъ, ахъ! И тоже все отъ глупости своей.

— Да какъ же?

— А вотъ повѣрила, стали вездѣ говорить — воля всѣмъ господскими объявлена. Я и подумай пойти на село къ намъ. Что же, ужъ не молодой я человѣкъ. Помереть-то бы хоть любо дома-то. Ну, пришла, объявила. Думала, примутъ меня; замѣсто того, меня сюды, съ арестантами на поселеніе, значитъ. Больше году мы, баринъ, шли. Вотъ попала какъ сюда, смотритель и взялъ меня къ себѣ — на другой же день сряпать заставилъ. Скоро тре-

тѣй ужъ мѣсяцъ пойдетъ. И какъ у него этакія жонки живутъ, на какомъ-то есть положеніи, ничего этого мнѣ неизвѣстно. Жалованье, что ли, какое положить или какъ. А то отправятъ, что ли, куда. Здѣшніе-то вотъ тоже сказываютъ: такъ, говорить, тутъ и помрешь. Охъ, баринъ, жизнь мнѣ не мила стала. Ужъ и помирать-то, такъ скорѣе бы. И вся-то эта воля, сказываютъ теперь, однѣ сказки. Много тоже сюда господскихъ-то гонять. А я-то дура и повѣры! Гдѣ ужъ волѣ быть? Захотѣли отъ каменнаго попа же лѣзной просвиры. Всѣхъ, слышь, опять на барщину посадили, да и пуще прежняго томятъ.

Если бы можно было изъ двухъ примѣровъ выводить общее правило, я сказалъ бы, что смотрители тюремныхъ замковъ отличаются формализмомъ. Иркутскій смотритель былъ не лучше въ этомъ отношеніи тобольскаго Захара Иваныча. Онъ исполнялъ строжайшимъ образомъ приказъ полиціймейстера, не допускать ко мнѣ никого безъ его записки. А записокъ онъ, какъ послѣ оказалось, никому не давалъ, кромѣ такихъ лицъ, которыхъ могли бы имѣть доступъ въ острогъ и безъ его позволенія.

Въ первый же день по прїездѣ были у меня вскорѣ послѣ моего ранн资料 обѣда К., а вечеромъ М., который такъ обрадовалъ меня письмомъ изъ Петербурга. Я ждалъ съ такимъ томительнымъ нетерпѣніемъ вѣсти обо всѣхъ близкихъ, что готовъ былъ и плакать и скакать отъ радости. Потомъ онъ привезъ мнѣ и еще письмо, недѣлю спустя.

Кромѣ этихъ двухъ гостей да еще Д. и молодого доктора, я не видаль въ своей комнатѣ никого изъ людей, которые могли бы доставить мнѣ удовольствіе своимъ посѣщеніемъ. Зато самымъ безпрепятственнымъ входомъ пользовались ко мнѣ господа, съ которыми у меня не было ничего общаго, какъ, напримѣръ, временный губернаторъ Шелеховъ, инспекторъ врачебной управы, какой-то нелѣпый глухарь, да два старика, знакомыхъ моего отца. Можно, пожалуй, къ этому числу отнести и полиціймейстера, очень деликатнаго и развязно-глупаго, да жандармскаго штабъ-офицера, который тоже счелъ своимъ долгомъ навѣстить меня два раза. Мнѣ рассказывали, что онъ послѣ первого же визита ко мнѣ отправился къ Корсакову съ просьбой позволить ему взять меня на поруки и отвести мнѣ частную квартиру. Я ужъ не знаю, что подвигло его къ такому поступку; но не думаю, чтобы у него былъ злой умыселъ. Мнѣ онъ ничего не говорилъ объ этомъ, и только находиль, что у меня помѣщеніе не хорошо и что вообще не пріятно жить въ острогѣ. Корсаковъ отказалъ ему, не справившись, захочу ли еще я-то быть на порукахъ у жандарма.

Полиціймейстеръ, заѣхавъ ко мнѣ на другой день, сообщилъ мнѣ, что Корсаковъ поручилъ ему сказать мнѣ, чтобы я отдохнулъ пока: кстати же теперь масляница. А на первой недѣлѣ поста разсмотрѣть мои бумаги, и тогда можно будетъ рѣшить, куда меня

назначить. Заѣхавъ вскорѣ еще разъ, полиціймейстеръ сказаѣ мнѣ, что его осаждають просьбами о пропускѣ ко мнѣ, но что онъ, не желая, чтобы меня кто-нибудь беспокоилъ посѣщеніями (вѣроятно, кромѣ него), вѣсмъ отказывалъ, такъ что ужъ и просить его перестали. «Знаете, все разные этакіе восторженные молодые люди». Я не поблагодарилъ его за эту заботу о моемъ спокойствіи. Время въ Иркутскѣ прошло для меня очень скучно. Читать было нечего, кромѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей» *), а писать цѣлый день я рѣшительно не могу. Мнѣ оставалось часто — мѣрять изъ угла въ уголь мою комнату, какъ это я дѣлалъ въ третьемъ отдѣленіи и въ крѣпости, или развлекался разговорами съ шестилѣтнимъ сыномъ смотрителя, Кириемъ.

Я думалъ сначала, что его зовутъ Кирилломъ, но родитель его объяснилъ мнѣ какъ-то, что Кирия есть уменьшительное не отъ Кирила, а отъ Кирика.

— У меня, видите ли, дѣти все не жили, добавилъ онъ: такъ знающіе люди посовѣтовали, если сынъ родится — Кирикомъ назвать, а дочь, такъ Улитой. Вотъ-съ и назвали его Кирикомъ. Слава Богу, до сихъ поръ мальчикъ здоровенький.

Только послѣ этого объясненія обратилъ я вниманіе на одинъ изъ образовъ въ большомъ кютѣ въ углу, гдѣ былъ изображенъ святой младенецъ Кирикъ съ матерью своей преподобной Улитой.

Кири приходилъ ко мнѣ довольно часто, разсказывалъ, какъ онъ Ѳазиль съ отцомъ кататься, приносилъ показывать свои игрушки. Разъ, забравшись на диванъ, ко мнѣ за спину, въ то время, какъ я сидѣлъ съ номеромъ «Вѣдомостей» въ рукахъ, онъ принялъся заигрывать со мной, дергая меня слегка за волосы, и вдругъ вскинулся:

— Отчего это у тебя столько бѣлыхъ волосъ?

Это было для меня совершенно новостью. Я подошелъ къ зеркалу и, наклонившись къ нему поближе, увидалъ дѣйствительно значительную сѣдину въ вискахъ, гдѣ еще недавно не было ничего на нее похожаго.

Въ pendant къ святымъ Кирику и Улитѣ, я могу сообщить, что память святого Федора Тирона празднуется православною церковью 15-го февраля. Это драгоценное свѣдѣніе получилъ я отъ моего тобольского спутника Берникова, который явился ко мнѣ утромъ этого числа, какъ именинникъ, съ огромнымъ кренделемъ.

Я былъ очень доволенъ его приходомъ не ради кренделя, а ради того, что могъ побранить его за неисполненіе моего порученія — отнести записку Петрашевскаго къ Львову. Я предполагалъ, что она не доставлена потому, что отъ Львова не доходило ко мнѣ,

*.) Съ удовольствіемъ прочелъ я адѣль указъ о награжденіи сенатора Григорія Митусова орденомъ св. Александра Невскаго и мысленно поздравилъ его съ монаршей милостью.

что называется, ни слуху, ни духу. Берниковъ увѣрялъ меня, что товарищъ его Николаевъ ходилъ къ Львову, но не засталъ его дома. О запискахъ же онъ ничего не зналъ, и обѣщалъ прямо отъ меня пойти къ нему еще разъ, и въ тотъ же день дать мнѣ знать.

Дѣйствительно, онъ былъ у Львова и въ этотъ же вечеръ прінесъ мнѣ отъ него такую записку:

«Я порывался три раза къ вамъ, но меня непускаютъ. Если можно будетъ, постараюсь на первой станціи съ вами свидѣться. Съ высшими властями я не въ ладахъ. Просить ихъ — это значить, отдать себя подъ присмотръ и помѣшать себѣ видѣться съ вами. Въ Нерчинскихъ заводахъ васъ ожидаютъ и вы будете назначены къ брату на промыселъ; это мнѣ известно навѣрно. На первое время, я думаю, вамъ лучше будетъ тамъ, нежели въ Иркутскомъ соловаренномъ заводѣ, потому что здѣсь скорѣе могутъ повредить вамъ доносы».

Предостереженіе Львова было совершенно справедливо. Это я могъ понять и изъ разговоровъ съ другими, достойными вѣры лицами, посѣщавшими меня. Повидимому, поведеніе Петрашевскаго и Львова въ дѣлѣ знаменитой (для Иркутска) дуэли *), поведеніе совершенно справедливо, потому бѣгство Бакунина — возбудили въ глазахъ здѣшняго правительства недовѣrie вообще къ людямъ въ такомъ положеніи, какъ они, отразившееся и на мнѣ. Корсаковъ могъ оставить меня въ соловаренномъ заводѣ, но не хотѣлъ этого. Мнѣ сказывали, что за однимъ праздничнымъ обѣдомъ вліятельные лица прямо толковали, что оставилъ меня въ Иркутскѣ (чего, собственно, я и самъ не хотѣлъ), наживешь только непріятности.

— Онъ-де будетъ драпироваться здѣсь въ свое политическое преступленіе, захочетъ играть роль въ обществѣ, составить себѣ партию, и проч. въ этомъ родѣ.—Гораздо вѣрнѣе было, по моему, тоже переданное мнѣ, мнѣніе здѣшняго архіерея или архимандрита, что меня покаралъ Богъ за то, что я «захотѣлъ снять узду съ женщинъ».

Надо было постараться увидѣться съ Львовымъ. На сухого и дряннаго смотрителя въ этомъ отношеніи нечего было возлагать надежду. Онъ берегъ меня, какъ щѣпная собака. Разъ онъ вздумъ не пускать ко мнѣ даже такихъ посѣтителей, которые были уже у меня, и даже съ запиской поліціймейстера. Я услыхалъ громкие и крупные переговоры въ сѣняхъ, и вышелъ туда. Тутъ смотрителю нечего ужъ было дѣлать, и онъ впустилъ гостей.

Я придумалъ поступить вотъ какъ. Поручилъ смотрителю спросить у поліціймейстера позволеніе погулять. Это позволеніе было мнѣ дано, хотя я могъ выйти не иначе, какъ въ сопровожденіи казака во всей формѣ, чтобы всякий могъ видѣть, что это прогулка.

* Въ комнатѣ, которую мнѣ отвели, содержались и лица, замѣщанные въ это дѣло дуэли.

ливаются арестантъ. Молодого доктора, который заѣзжалъ ко мнѣ каждое утро, я попросилъ побывать у Львова и передать ему, что если онъ хочетъ видѣться со мной, то выходилъ бы часа въ три на-встрѣчу мнѣ. Далеко уйти отъ острога я не могъ, но мы могли поговорить на мосту по дорогѣ въ городъ.

Это удалось, какъ нельзя лучше. Я пошелъ въ сопровожденіи казака, и только что вступилъ на мостъ, увидалъ издали небольшого господина въ шинели и фуражкѣ, который держаль въ рукѣ бѣлый носовой платокъ, видимо желая дать этимъ знать мнѣ, что онъ меня ожидаетъ. Не правда ли, это таинственное свиданіе въ Иркутскѣ больше чѣмъ смѣшно послѣ тѣхъ свиданій въ Петербургѣ, которыхъ были позволены мнѣ официально.

Когда мы сопились и раскланялись, казакъ оказался настолько деликатенъ, что перешель отъ насъ на другой тротуаръ моста. Мы пошли со Львовымъ дальше къ городу, потомъ назадъ.

Мнѣ приходится сдѣлать по поводу свиданія со Львовымъ такое же почти замѣчаніе, какъ и по поводу свиданія съ Петрашевскимъ. Прежде всего о наружности: я опять-таки воображалъ и его не такимъ. Мнѣ почему-то казалось, что онъ долженъ походить на Плещеева; но это оказался маленький худенький человѣкъ, не съ особенно пріятнымъ лицомъ, исчерченнымъ глубокими морщинами. Все это не обличаетъ во мнѣ лафатеровскихъ способностей. Представляя себѣ Петрашевского и Львова по тому, что было писано ими, я думалъ, что Львовъ долженъ быть для меня симпатичнѣе Петрашевского. Вышло совсѣмъ наоборотъ. Львовъ мнѣ вовсе не понравился. Я говорю, конечно, о первомъ впечатлѣніи, которое потомъ можетъ быть измѣнилось бы. Вѣдь я про-былъ съ нимъ не болѣе какъ полчаса. Мнѣ не понравилась въ немъ какая-то искусственность фразы, выраженія, въ которыхъ проглядывало что-то въ родѣ фатства. Я замѣтилъ и на немъ, что онъ прилагаетъ преувеличенные размѣры своимъ враждебнымъ отношеніямъ къ вѣдѣшимъ властямъ. Вообще мѣстные интересы и его вовлекли въ свой узкій кругъ, едва ли съ пользой для его общаго развитія. Я опять-таки скажу, что становясь въ оппозицію дѣйствіямъ Муравьевъ, они поступали честно и хорошо; но эта оппозиція принимаетъ въ ихъ глазахъ совсѣмъ не тѣ размѣры и не то значеніе, какіе представляеть на самомъ дѣлѣ.

Львовъ передалъ мнѣ также нѣсколько свѣдѣній объ ожидающей меня въ Нерчинскихъ заводахъ жизни, и значительно уменьшилъ мои опасенія. Разговоръ у насъ шелъ довольно отрывочный; мы не могли въ такой короткій срокъ ни спорить, ни поговорить о чѣмъ-нибудь серьезно.

Когда мы вернулись къ концу моста, бывшему какъ разъ противъ воротъ новаго тюремнаго замка, насъ увидалъ оттуда караульный офицеръ, и послѣшно подошелъ. Къ счастью это былъ хороший знакомый Львова и не сдѣлалъ никакой придирки.

Больше мнѣ уже не удалось видѣться со Львовыми. И это свиданіе устроилось лишь за три дня до моего отъѣзда изъ Иркутска.

Конецъ масляницы и начало великаго поста были мнѣ возвѣщены довольно оригинально. Я сидѣлъ утромъ въ чистый понедѣльникъ за чаемъ, какъ ко мнѣ распахнулась дверь и буквально влетѣлъ толстый рыжеватый попъ. Онъ поспѣшно поклонился мнѣ и, не давши мнѣ даже спросить его, зачѣмъ онъ, подошелъ прямо къ переднему углу, вынулъ изъ-подъ своей епитрахили требникъ и принялся громогласно читать что-то объ извѣстіи меня «изъ руки хищнаго Велиара» и о томъ, что я «въ безднѣ грѣховной ваяяся», вопію къ Господу. Конечно, все это относилось ко мнѣ болѣе, чѣмъ къ кому-нибудь, потому что у меня стоялъ на столѣ молочникъ со сливками. Попъ, впрочемъ, замѣтилъ его, вѣроятно, ужъ потомъ, какъ отбарабанилъ свой урокъ и закончилъ его аминемъ.

— Это что же такое, батюшка? — спросилъ я его, когда онъ окончилъ.

— Молитва великопостная. Имѣю честь кланяться.

— Прощайте.

Эта великопостная молитва напомнила мнѣ, что и моимъ дѣломъ теперь, вѣроятно, займутся по случаю конца праздниковъ съ ихъ катаньями, вечерами и фоль- журнеями.

И точно, во вторникъ же прїѣхалъ ко мнѣ Шелеховъ съ извѣщеніемъ отъ Корсакова, что я останусь въ соловаренномъ Иркутскомъ заведѣ не могу, а долженъ по точному смыслу высочайшаго повелѣнія—отправиться въ Забайкалье, въ Нерчинскій горный округъ. Мнѣ дадутъ лишь одного казака въ провожатые, и извѣстить меня, когда всѣ формальности будутъ кончены, съ тѣмъ, чтобы я самъ назначилъ день отъѣзда.

Съ этимъ извѣщеніемъ, съ расчетомъ денегъ и проч. заѣзжалъ ко мнѣ раза два совѣтникъ изъ экспедиціи о ссыльныхъ, и я назначилъ днемъ отъѣзда субботу, потому что хотѣлъ подождать еще письма изъ Петербурга. Разсчетъ мой былъ вѣренъ, и точно М. привезъ мнѣ наканунѣ отъѣзда еще письмо.

Я пока осмотрѣлъ свой возокъ, велѣлъ починить въ немъ кое-что, запасся кое-чѣмъ изъ сѣйствнаго на дорогу, и переписалъ для отсылки сцену «Прометея». Я отправилъ ее вмѣстѣ съ письмомъ со студентомъ Р., котораго привезъ ко мнѣ К.

Наканунѣ отъѣзда прїѣхалъ ко мнѣ полиціймейстеръ съ приглашеніемъ отъ Корсакова—прїѣхать къ нему. Я замѣтилъ было, что такъ какъ я уже не остаюсь здѣсь и не имѣю никакой просьбы къ генералъ-губернатору, то могу, кажется, обойтись и безъ этого визита. Но полиціймейстеръ сказалъ мнѣ на это, что кажется у Корсакова есть что-то сообщить мнѣ, — и я рѣшился отправиться съ нимъ. Кстати, посмотрю, что за звѣрь.

Корсаковъ принялъ меня очень вѣжливо, сказалъ, что не можетъ перемѣнить высочайшаго повелѣнія, что получилъ письмо отъ С. о дѣланіи мнѣ всякаго синхожденія и напишетъ въ этомъ же смыслѣ въ Нерчинскій заводъ, къ горному начальнику.

До сихъ поръ шло ладно; но Корсаковъ не сумѣлъ удержаться во-время. Онъ началъ вдругъ говорить, какъ дурно, зарекомендували себя политическіе преступники, бывши въ Иркутскѣ, какъ-то Петрашевскій, Львовъ и Бакунинъ, и кончилъ дружелюбнымъ мнѣ совѣтомъ—не ссориться съ будущимъ моимъ начальствомъ и не жаловаться на него. И во всемъ, что онъ говорилъ, не было ничего умнаго, а тутъ ужъ онъ показался мнѣ совсѣмъ дуракомъ. Я сдержанъ улыбку, но сказалъ, что, кажется, онъ меня слишкомъ мало знаетъ, чтобы выводить какія-нибудь заключенія о моемъ характерѣ, а относительно будущихъ моихъ дѣйствій замѣтилъ, что они будутъ зависѣть отъ хода дѣла, а ужъ никакъ не отъ чьихъ-либо совѣтовъ.

Корсаковъ увидалъ, что лучше будетъ просто пожелать мнѣ счастливаго пути, и сдѣлалъ это. Затѣмъ проводилъ меня изъ кабинета въ залу, гдѣ на вытяжку дождался полиціймейстеръ, и я съ нимъ же вернулся въ острогъ.

Въ Корсаковѣ я нашелъ сходство съ Шуваловымъ, не столько въ лицѣ, сколько въ манерѣ и въ голосѣ, и это конечно не произвело на меня особенно приятнаго впечатлѣнія.

Въ субботу 24 февраля, съ утра былъ уже у меня казакъ; но мнѣ пришлось еще послать мѣнять деньги, и я выѣхалъ только въ два часа пополудни. Меня пріѣхалъ проводить М.

VII.

Отъ Иркутска до Нерчинскаго завода.

Жандармы, провожавшіе меня изъ Петербурга и изъ Тобольска, показались бы Голіаѳами передъ казакомъ, отправленнымъ со мной изъ Иркутска. Не смотря на свою чисто казачью фамилію, Донской, онъ едва ли бы, впрочемъ, былъ способенъ выказать и давидовскую храбрость. Довольно будетъ сказать, что онъ чуть не головой былъ ниже меня и таکъ жидокъ весь, что, кажется, я бы могъ свалить его однимъ щелчкомъ. Такого вялаго, кислаго, безсловеснаго и, надо полагать, безмозглаго существа не часто случалось мнѣ встрѣтить. Онъ мнѣ просто опротивѣлъ на другой же день. Я спросилъ его, постоянно ли онъ въ Иркутскѣ; онъ отвѣчалъ, что нѣть, а только что пріѣхалъ съ Амура. Я думалъ было поразспросить его о тамошнемъ житѣ, но онъ отвѣчалъ таکъ глупо и такими общими фразами, какъ будто и не видѣлъ тамъ ничего.

Еще два-три вопроса, предложенные мной ему, убѣдили меня, что отъ него не добьешься никакого разумнаго отвѣта, и я уже не заводилъ съ нимъ и рѣчи во всю дорогу. Онъ сидѣлъ около меня словно мертвый, не шевелясь, не двигаясь; только маленький носъ его выглядывалъ изъ-подъ огромной черной папахи, и нельзя было разобрать, спитъ онъ или нѣтъ. Единственный знакъ жизни, который онъ проявлялъ, это какое то полусонное, едва внятное воскликаніе къ ямщику, которое онъ повторялъ довольно часто.

— Попопуживай, братъ, попопуживай.

Шагомъ ли плелся ямщикъ, или гналь, что называется, во всѣ лопатки, казакъ мой бормоталъ изъ-подъ своей папахи:

— Попопуживай, братъ, попопуживай.

— Да вѣдь онъ и безъ того ёдетъ отлично,—замѣчалъ я.

Донской поправлялъ немнога кверху свою папаху, взглядалъ своими молочно-голубыми глазами, опущенными желтыми рѣсницами, впередъ; потомъ папаха опять надвигалась ему на брови и на глаза, опять глядѣлъ изъ-подъ ея черныхъ коемъ только одинъ глупый носъ,—и минутъ черезъ пять опять раздавалось:

— Попопуживай, братъ, попопуживай!

Послѣдний переѣздъ былъ самою непріятною и неудобною частью моего дальніаго странствія. Постоянное присутствіе этого отвратительнаго кисляка еще болѣе отравляло мнѣ дорогу. Кто это только порадѣлъ мнѣ такъ въ Иркутскѣ!

Ужъ вечеромъ въ день выѣзда подѣхали мы къ Байкалу. Переѣхать его было еще можно, хотя онъ и далъ ужъ много трещинъ. Напившись на станціи чаю, я тотчасъ отправился далѣе, и такъ хорошо заснуль, что не слыхаль, какъ мы перѣхали Байкалъ. Я проснулся, какъ было уже почти свѣтло и мы вѣзжали въ село на другомъ его берегу.

Меня страшали еще въ Иркутскѣ, что дальше этого села я въ своемъ возкѣ не доѣду, что тамъ пойдетъ ужъ колесная дорога. Я уговорился съ К. отослать ему отсюда свой возокъ обратно въ Иркутскѣ, а тутъ взять оставленный кѣмъ-то тарантасъ. Но этого пока не понадобилось. Впереди было еще довольно снѣгу, и я могъ продолжать путь въ своемъ возкѣ весь этотъ день до самаго Верхнеудинска, куда приѣхалъ вечеромъ. Здѣсь пришлось мнѣ бросить свой возокъ. Это затруднило бы меня порядкомъ, если бъ на станціи не случился какой-то господинъ, Ѳхавшій въ Иркутскѣ, которому я и передалъ его.

Смотритель станціи, полякъ, былъ пьянеонекъ; съ нимъ, не менѣе пьяный, бушевалъ тутъ какой-то его пріятель. Прочитавши мою подорожную, гдѣ я былъ прописанъ государственнымъ преступникомъ, онъ и его пріятель приступили ко мнѣ съ пьяными рѣчами, и начали разсказывать, что они тоже пострадали за правду. Изъ разсказа смотрителя оказывалось, что онъ хотѣлъ выслужиться и донесъ на своихъ пріятелей, а пріятели запутали

и его. По его мнѣнію выходило, что правительство честности не умѣеть цѣнить. Потомъ онъ принесъ какія-то доказательства своего дворянскаго происхожденія и, неизвѣстно зачѣмъ, показывалъ мнѣ. Пріятель его сообщилъ тоже, что онъ государственный преступникъ: золото перевозилъ черезъ китайскую границу. Я насили отдался отъ этихъ надоѣдалъ.

Ночью ужъ не привелось мнѣ спать. Трясія перекладныя кибитки отбивали и грудь, и спину. Въ продранную со всѣхъ сторонъ рогожу кузова свисталь вѣтеръ. Тутъ ужъ «попопуживѣй» моего казака вывело бы меня окончательно изъ терпѣнія, если бы его слушался хоть одинъ ямщикъ.

Дальше, послѣ двухъ станцій на колесахъ, приходилосьѣхать двѣ станціи на полозьяхъ, потомъ опять на колесахъ, и такъ все въ перемежку. Ямщиками стали попадаться буряты съ косичками позади, и съ особенной граціей умѣющіе закладывать подъ мышку свой бичъ. На станціяхъ останавливались мы большою частью у такъ называемыхъ «семейскихъ», то есть переселеныхъ нѣкогда сюда семьями старообрядцевъ.

Слѣдующей ночи я уже не рискнулъ провести въ повозкѣ, и мы остановились ночевать въ тѣсномъ и грязномъ уголкѣ станціоннаго дома, потому что мѣста получше были уже заняты четырьмя проѣзжими, прибывшими раньше меня. Между прочимъ тутъ былъ одинъ молоденький, морской офицерикъ со спутникомъ въ обыкновенномъ платьѣ, молчаливымъ, суровымъ на видъ блокурымъ молодымъ человѣкомъ. Обаѣхали на Амуръ. Я познакомился съ нимъ, въ Нерчинскѣ; потомъ онъ былъ и здѣсь на промыслѣ, и возвратился въ Нерчинскъ, какъ будто только для того, чтобы быть тамъ звѣрски зарѣзаннымъ.

Я отдохалъ и дальше. Только когда дорога шла по льду и можно было еще добираться отъ станціи къ станціи на саняхъ. Въ кибиткѣ же, кромѣ тряски, не малая непріятность—пыль, которая подымалась на дорогѣ столбомъ, не смотря на то, что вездѣ кругомъ еще лежалъ снѣгъ.

Наконецъ, на пятый день мы спустились съ Яблоннаго Хребта и часовъ въ шесть прїѣхали въ столицу Забайкалья, Читу. У меня было изъ Иркутска письмо къ одному изъ мѣстныхъ жителей и я послалъ его съ казакомъ. Этотъ господинъ скоро прїѣхалъ ко мнѣ на почтовый дворъ, и просидѣлъ у меня весь вечеръ, такъ какъ я рѣшилъ тутъ переночевать. Онъ предложилъ прислать мнѣ для дальнѣйшей дороги крытую кошеву, и говорилъ мнѣ, что я еще до самаго Нерчинскаго завода могуѣхать на саняхъ.

Онъ же обѣщалъ мнѣ дать знать о моемъ прїѣздѣ Завалишину, и на слѣдующее утро Завалишинъ пришелъ ко мнѣ. Это еще чрезвычайно бодрый старикъ, живой и бойкій не хуже нашего пріятеля Цебрикова, но никакъ на него не похожий наружностью. Въ густыхъ, еще темно-русыхъ, довольно коротко остриженыхъ

волосахъ чуть замѣтна легкая сѣдина; роста онъ небольшого, худощавый; гладко выбритый подбородокъ выдался немного впередъ, въ тонкихъ губахъ замѣтна хитрая иронія, небольшіе, точно прищуренные глаза, живые и быстрые, носъ съ легкой горбинкой, немного пригнутый къ губамъ, лобъ невысокий и прямой, виски зачесаны къ глазамъ, какъ носили когда-то. Онъ вошелъ ко мнѣ въ длинной шубкѣ, надѣтой въ рукава и подвязанной и подпоясанной крестъ на крестъ вязаннымъ шарфомъ, въ мѣховой шапкѣ съ ушами. Когда онъ снялъ все это, то остался въ какомъ-то казакинѣ со стоячимъ воротничкомъ, застегнутомъ сверху до низу на крючки и въ заправленныхъ въ мѣховые сапоги (или по здѣшнему унты) штанахъ. Вообще онъ имѣлъ видъ казака. Недаромъ онъ писалъ столько въ защиту несчастного здѣшняго, созданнаго Муравьевымъ, казачества. Онъ и мнѣ принялъся разсказывать о положеніи казаковъ.

Когда я спросилъ его, отчего онъ не поѣдетъ въ Россію, онъ отвѣчалъ, что не хочетъѣхать до тѣхъ поръ, пока его не отвезутъ туда на казенный счетъ; а переписка, которую онъ завелъ по этому поводу, не привела, да и не приведетъ, вѣроятно, ни къ чему. Такого же рода переписку ведеть онъ и съ цензурой о печатаніи своихъ статей о Сибири, и тутъ ничего не выходитъ. Вообще онъ, кажется, такого характера, что не можетъ оставаться ни минуты безъ какой-нибудь тревожной дѣятельности. Въ манерахъ, въ словахъ постоянно какая-то беспокойная торопливость. Во всемъ, что онъ ни говорилъ, проглядывало какъ будто совершенное довольство своимъ положеніемъ (т. е. лично за себя); участіе, которое онъ принимаетъ во всѣхъ мѣстныхъ интересахъ, достойно было бы лучшаго предмета,—и тогда, конечно, было бы и плодотвориѣ. Грустно, а между тѣмъ надо признаться, что правдивыя статьи Завалишина объ Амурѣ только озлобили противъ него мѣстныя власти, но никого здѣсь не просвѣтили и не улучшили положенія несчастныхъ переселенцевъ ни на волосъ. Не далъ, какъ въ эту весну, отправилось туда противъ желанія пятьсотъ казачихъ семей изъ здѣшнихъ окрестностей. Все этошло какъ на смерть, разоренное, несчастное, словно ихъ вели на казнь за какое-нибудь страшное преступленіе. Весна стояла суровая, безпрестанно грозившая возвратиться къ зимнимъ обычаямъ. Дули прохладительные студеные горные вѣтры, вѣяли снѣжныя пурги, смыняясь по временамъ морозами,—и въ такую то пору жалкій обозъ потащился отсюда съ женщинами и еле прикрытыми отъ холода дѣтьми. Стонъ стоялъ въ этомъ уныломъ таборѣ. Хоть бы подождали лѣта-то и тепла. Но у здѣшнихъ администраторовъ дальновидныя соображенія. Они принялись за переселеніе такъ рано, чтобы это несчастное новое поселеніе успѣло, прибывши на Амуръ, воздѣлать нынѣ же землю для себя. А о томъ никто не подумалъ, что вѣдь до этого надо еще гдѣ-нибудь усѣсться, устроить себѣ

хоть какой кровъ отъ непогоды, хоть чѣмъ-нибудь защищить семью и дѣтей отъ окончательной гибели. Вместо отдыха послѣ этого каторжнаго пути надо было заняться рубкой лѣса, стройкою избъ, и ужъ потомъ развѣ думать о хлѣбопашествѣ. И весь этотъ народъ былъ оторванъ отъ устроенного уже своего хозяйства, отъ готоваго дома и поля. Привычка смотрѣть на народъ, какъ на какуюто глину, изъ которой можно мѣсить, что угодно, до того сильна, что теперь иркутскіе администраторы находятъ нелѣпыми притязанія (это притязанія по ихъ мнѣнію) сохранить на Амурѣ свои человѣческія и гражданскія права, свое самоуправление и самостоятельный судъ. „Дать копѣекъ тридцать лишихъ нашимъ“, разсуждаютъ государственные люди Иркутска: «такъ и наши пойдутъ». А не пойдутъ—предполагается при этомъ—такъ на это есть на гайки. Страхъ, какъ бы что свѣжее не забралось въ страну и не уронило ихъ авторитета—вотъ единственный рычагъ всѣхъ дѣйствий здѣшней власти.

Говоря о предстоящей мнѣ жизни на Нерчинскихъ заводахъ, Завалишинъ отзывался ужъ черезчуръ снисходительно (даже панегирически) о томъ обществѣ, въ какое я попаду. Это сильно свидѣтельствовало о томъ, какъ успѣль онъ обжиться здѣсь и сжиться съ тѣмъ, что человѣку новому и свѣжему вовсе не можетъ казаться особенно привлекательнымъ. Судя по словамъ Завалишина, можно было подумать, что я попаду сразу въ общество такихъ прогрессистовъ, что и не замѣчу, что попалъ въ него изъ другого круга. „Если-бъ знали въ Петербургѣ“ говорилъ Завалишинъ: «сюда бы не ссылали. Это все равно, что щуку въ морѣ утопить». Да, дѣйствительно, въ словахъ гуманности, прогресса, свободы здѣсь неѣть недостатка, но затѣмъ.. Впрочемъ, мнѣ совѣстно нанадать на здѣшнее общество за его разладъ со словомъ и дѣломъ. А выше-то не то ли же самое... Гдѣ же наше-то «словопренѣ» перешло въ дѣло?

Мнѣ было интересно послушать Завалишина о томъ, какъ пропровождали ихъ сюда; но онъ мало останавливался на подробностяхъ этого давняго для него прошедшаго, и больше говорилъ объ Амурѣ. Вотъ, однако-жъ, двѣ-три черты. Завалишинъ слѣдовалъ со второй партіей. Первая была закована въ кандалы какъ слѣдуетъ. Для второй была сдѣлана льгота, и позволено было запирать цѣпи на замочки такъ, чтобы можно было ихъ снимать по желанію. Замковъ въ крѣпости не оказалось, послали на рынокъ, и тамъ были приобрѣтены маленькие мѣдные замочки. Многіе были съ разными чувствительными девизами, напримѣръ: «мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь»; «кого люблю, того дарю». У Завалишина были замочки именно съ послѣднею надписью.

Въ Ярославль ихъ помѣстили въ гостиницѣ. Они тамъ ужинали. Такъ какъ не вѣрно было никого допускать къ нимъ, то разные мѣстные жители (въ томъ числѣ и власти, начиная съ гу-

бернатора) помѣстились въ коридорѣ со свѣчами въ рукахъ, вмѣсто прислуги, чтобы посмотретьъ, когда они выходили садиться въ экипажи.

Въ Тобольскѣ всю партію пріютилъ у себя въ домѣ губернаторъ. Ихъ свозили въ баню и дали хорошія постели. Но ночлегъ не удался. Всѣдѣ была отправлена третья партія. Сѣвзжаться онѣ были не должны, и ночью прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что третья партія близко. Всѣхъ подняли съ постелей и повезли далѣе.

Вотъ и все, что рассказалъ мнѣ Завалишинъ собственно о себѣ.

Онѣ остался у меня до тѣхъ поръ, пока въ мою новую повозку не запрягли лошадей, и я не двинулся со двора. Повозкѣ своей я былъ какъ нельзя болѣе благодаренъ; я не зять, сидѣть было хорошо. Да и дорога шла очень хорошая почти до самаго Нерчинска. Мы вѣхали все по льду, рѣками, и только на станціяхъ тяжело было подыматься на берегъ, уже совершенно обнаженный отъ снѣга.

Мнѣ кажется, съ самаго отѣзда моего изъ Петербурга не сжималось у меня сердце такою болѣзненною грустью, какъ въ то время, когда я вѣзжалъ въ городъ Нерчинскъ. Это было часа въ четыре дня 2-го марта. Самое ли название это, или то, что печальная цѣль моего пути уже такъ близка, но я съ трудомъ удерживалъ наплывавшія на глаза слезы.

Писарь въ жаркой и угарной станціи сказалъ мнѣ, что братъ мой былъ здѣсь на масляницѣ, и что ему поручено дать знать о моемъ прїездѣ одному знакомому брату. Я расположился пить чай, и вѣль я ему сходить.

Черезъ полчаса этотъ господинъ явился, и пригласилъ меня къ себѣ, съ тѣмъ, чтобы я переночевалъ у него. Онѣ хотѣлъ сейчасъ отправить эстафету къ брату и извѣстить о моемъ прїездѣ, и попросить его выслать лошадей на первую станцію отъ Нерчинска, чтобы я могъ проѣхать къ нему на Козановской золотой промысель. Тутъ я узналъ, что братъ боленъ; у него отнялись ноги отъ простуды. Я написалъ тотчасъ же письмо къ нему, съ тѣмъ, чтобы выѣхать изъ Нерчинска, когда онѣ возвратится съ отѣзтомъ. Вялый казакъ мой, разумѣется, оставался пассивнымъ зрителемъ всего этого, и дѣлалъ, что я хочу.

Отѣхъ пришелъ часовъ въ одиннадцать утра на другой день, и съ нимъ письма, которыхъ я ждалъ болѣе всего. Братъ, разумѣется, выѣхалъ бы самъ ко мнѣ на встречу, еслибы болѣзнь не удерживала его въ комнатѣ. Я послѣдовалъ въ дорогу.

На первой станціи, Бликинъ, куда я доѣхалъ еще довольно изрядно, меня уже ждала тройка лошадей и кучерь изъ Козановского промысла. Дѣломъ нѣсколькохъ минутъ было перемѣнить лошадей; но не таекъ-то скоро пошла дальнѣйшая дорога. Она была

отвратительна, шла горными хребтами, гдѣ изъ-подъ снѣгу торчали остроконечные камни, пни, мѣстами и снѣгъ былъ сдугъ вѣтромъ. Только часамъ къ семи вечера дотащился я эти безъ малаго сорокъ верстъ. Вотъ спустились мы въ темную падь, запахло дымомъ, засыпался лай собакъ; повозка моя миновала рядъ жалкихъ до-мишкъ, видныхъ въ потемкахъ только по блѣдному огоньку въ ихъ крошечныхъ оконцахъ, и, наконецъ, передъ нами распахнулись ворота бѣлого приставскаго дома, въ которомъ всѣ окна ярко свѣтились. Брать, ожидая меня, велѣлъ зажечь свѣчи по всѣмъ комнатамъ.

Какъ я былъ радъ свидѣться съ нимъ послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, какъ легче вздохнулось мнѣ въ этотъ вечеръ послѣ по-чти трехмѣсячнаго скитанья, мнѣ нечего разсказывать. Мы и по-плакали, и проговорили потомъ за полночь.

Но вѣдь и тутъ все еще былъ не конецъ пути. Мнѣ оставалосьѣхать еще двѣsti пятьдесятъ верстъ; сдѣлать этотъ путь въ сутки нельзя было надѣяться при здѣшнихъ дорогахъ. Меня уже опять начали пугать, что до Нерчинскаго завода я не дойду на ползьяхъ.

Слѣдующій день я весь пробылъ у брата, и только на третій послѣ обѣда, часа въ три поѣхалъ дальше. Брать говорилъ мнѣ утвердительно, что я могу оставить все лишнее изъ моего хозяйства у него, потому что изъ Большого завода вернусь къ нему же. Тамъ уже рѣшили помѣстить меня въ Козановскомъ промыслѣ.

Мнѣ остается разсказать уже очень немного. Съ тѣми же по-чти неудобствами, то есть съ перекладками изъ саней въ телѣгу и обратно, отчасти такъ же съ холодомъ и голодомъ, добрались я по горамъ и доламъ до Нерчинскаго завода только часовъ около девяти вечера на другой день.

Чтобы соблюсти всѣ формальности, я отправился прямо къ дому горнаго начальника, и послалъ къ нему своего казака съ бумагами и съ просьбой — дозволить мнѣ остановиться въ гостинницѣ. Казакъ возвратился съ дозвoleniemъ и съ провожатымъ. То, что называется въ Нерчинскомъ завоѣ гостинницей, есть пустой небольшой домъ, наименемый отъ казны для прѣезжающихъ, и на гостинницу такъ же мало похожъ, какъ любой домъ *).

Я только что расположился около самовара въ довольно просторной, едва меблированной комнатѣ, какъ ко мнѣ прїѣхалъ самъ горный начальникъ, и подтвердилъ мнѣ то, что говорилъ брать. Отъ меня зависѣло уѣхать изъ Большого завода, когда я хочу. Само собой разумѣется, я былъ этому чрезвычайно радъ, и сразу рѣшился не оставаться тутъ болѣе двухъ-трехъ дней.

Такъ я и сдѣлалъ. Я познакомился въ это время почти со

*) Тутъ слугой былъ дослужившій свой срокъ каторжный, изъ помѣщицкихъ крестьянъ Екатериносл. губ. Ихъ было сослано шесть человѣкъ за то, что они наказали (какъ говорилъ онъ мнѣ) помѣщика лозами.

всѣми оффициальными лицами завода, и встрѣтилъ во всѣхъ большоѳ къ себѣ вниманіе. Меня каждый день приглашали на обѣды и вечеромъ на чай. Я нашелъ тутъ людей вообще довольно прозвѣщеныхъ, съ довольно здравыми взглядами на вещи, хотя, какъ уже замѣтилъ прежде, и не могу подтвердить преувеличенного мнѣнія о нихъ Завалишина. О томъ, что такое здѣшняя даль, и какъ скоро получаются адѣсь свѣдѣнія изъ метрополіи, можно лучше всего судить по тому, что въ бытность мою въ Нерчинскомъ заводѣ, стало быть около половины марта, адѣсь не получалось еще ни одной ни петербургской, ни московской газеты отъ первого января.

Внѣшній видъ завода произвелъ на меня самое непріятное впечатлѣніе. Все такъ жалко, бѣдно, какъ-то полуразрушено, ничѣмъ не украсена эта заброшенная, глухая жизнь. Горы кругомъ стоять голыя, непривѣтливыя, темныя лачужки раскиданы, какъ въ ямѣ, безъ всякаго порядка, безъ всякой, повидимому, мысли о какомъ-нибудь удобствѣ. Дома для горныхъ чиновниковъ получше другихъ, но и они построены кое-какъ, и не обѣщаютъ долго простоять. Кромѣ этихъ домовъ пріѣзжий можетъ пріютиться только въ этомъ ветхомъ сараѣ, который называется гостиницей. Частные дома—это избушки обѣ одной, много о двухъ тѣсныхъ горенкахъ. Квартиры побольше и такой, гдѣ бы можно было спастись отъ холода зимой или, по крайней мѣрѣ, отъ простуды, нѣтъ. И все это имѣть видъ какихъ-то бивакъ, какой-то временной стоянки, перепутья. Вотъ-вотъ всѣ снимутся съ мѣста, совьютъ свои шатры, и откочуютъ дальше. А между тѣмъ вѣдь это главный пунктъ всего горнозаводскаго управления въ Забайкальѣ. Остаться жить тутъ было бы очень уныло для меня,—и я радовался, что могу поѣхать обратно въ Козаново.

Обратная моя поѣзда къ брату была уже лишена всякой официальности. Я поѣхалъ съ нерчинскимъ заводскимъ докторомъ, который отправлялся по округу. Я былъ при немъ, какъ «будущій».

Меня официально вписали въ число работниковъ на какой-то, впрочемъ, другой рудникъ, название которого я не узналъ и до сей поры. Поднимать дѣло о переводѣ меня на заводы мнѣ не посовѣтовали, потому что расчетъ годовъ по третьему разряду (къ которому я причисляюсь) для меня гораздо выгоднѣе. Выходить не шесть, а четыре года, да изъ этого времени можно будетъ выкинуть еще полтора года, которые кладутся на путь сюда.

11-го марта, на закатѣ, я могъ бы воскликнуть: «берегъ» если бы и этотъ берегъ, не смотря на всѣ свои внѣшнія удобства, не былъ всетаки, если не тюрьмой, такъ землей изгнанья.

Я началъ писать этотъ длинный разсказъ, когда горы, обступившія со всѣхъ сторонъ нашъ золотой промыселъ, были еще со-

всѣмъ голы, а лощина, гдѣ онъ выстроился, покрыта снѣгомъ, и домъ, въ которомъ я живу съ братомъ, часто весь дрожалъ отъ порывистыхъ и холодныхъ вѣтровъ, предшествующихъ веснѣ. Оканчиваю его уже посреди лѣта. Съ томительнымъ нетерпѣніемъ ждалъ я весны, слѣдилъ каждый день за этими горами, за этимъ лугомъ, которые начинали зеленѣть такъ тugo, напрасно поджидая дождя. Наконецъ-то, тучи надъ ними сжалились и стали поливать ихъ. Теперь такъ хорошо все кругомъ моего жилища; зеленая падь полна цветовъ, горы тоже позеленѣли и стоять уже не сплошной темной грудой; ближайшія гряды ихъ отдѣляются отъ дальнѣйшихъ, которыхъ чѣмъ дальше, тѣмъ голубѣе. Хорошо кругомъ, а грустно. Я по цѣлымъ часамъ простояваю иногда на деревянной террасѣ дома, глядя и направо, и налево, и меня не покидаетъ такое точно чувство, какое внушило прекрасную нѣмецкую пѣсню: «Wenn ich ein Vöglein wär». Изъ-за этихъ горъ идуть нѣсколько дорогъ къ самому почти дому; но какъ рѣдко, какими урывками приходять по этимъ дорогамъ дорогія вѣсти. Кукушка не перестаетъ кричать надрывающимся голосомъ, и я теперь очень хорошо понимаю, почему ссылочные ждутъ весной ея зова, чтобы уйти, куда глаза глядятъ.

Дни мои скучны и однообразны. Отъ пера къ книгѣ, отъ книги къ перу. Но вмѣсто книгъ (и какія это книги, русскіе журналы въ каторгѣ, доходящіе ко мнѣ урывками, гдѣ мысль напрасно напрягается найти выраженіе), вмѣсто книгъ хочется живого слова, вмѣсто пера хочется живого дѣла, живыхъ заботъ. Я основалъ здѣсь школу, и каждое утро часа по два провожу здѣсь съ мальчиками,—и это лучшее мое развлеченье. Какъ ходилъ я изъ угла въ уголъ въ своихъ тюрьмахъ, такъ брошу я часто и здѣсь по посаду и по террасѣ, и съ такими же почти мыслями. Не думаю, чтобы мнѣ было тяжелѣ, еслибъ я возился съ лопатой или погонялъ лошадей на такъ называемомъ разрѣзѣ, то есть на настоящей-то каторгѣ, откуда до дому нашего доносится грохотъ бочки, промывающей золото, и журчаніе запруженной рѣчки.

Съ грустнымъ чувствомъ дописываю я свой разсказъ. Когда же смѣнится онъ живою бесѣдою!

НА КУЗНЕЦКОМЪ ТРАКТУ.

Повѣсть изъ жизни петербургскихъ рабочихъ.

IV.

Миша стоялъ у станка и нарѣзаль пушку. Работа была отвѣтственная и требовала большой точности, ибо ошибка на тысячную часть миллиметра могла испортить дорогое стоящій стволъ. Валъ медленно вращался, увлекаемый приводнымъ ремнемъ, масло лилось струйкой изъ небольшого крана. Рѣзецъ входилъ въ пушку вмѣстѣ съ толстой стальной трубкой, изъ основанія которой, одна за другой, выскакивали скоробленныя стружки только что срѣзанной стали.

Рядомъ съ Мишинымъ станкомъ была другая пушка, съ готовой и отчищенной нарезкой, поставленная на свѣтъ противъ окна. Иногда, нагибаясь, Миша случайно заглядывалъ въ ея нутро, и черные линіи винтовыхъ спиралей выступали, какъ параллельныя дорожки на твердомъ и блестящемъ фонѣ ствола.

Вся мастерская была занята токарными станками. Рѣзы двигались горизонтально, но приводные ремни, протянутые сверху внизъ, тѣснились въ глубинѣ мастерской, какъ переплеть какихъ-то странныхъ деревьевъ, какъ самодвижущіяся вѣтви сѣраго, геометрически расположеннаго лѣса.

Пушки въ мастерской были самой различной величины, маленькия трехлинейныя и двѣнадцати-дюймовыя чудовища, каждый снарядъ которыхъ вѣсилъ болѣе двадцати пудовъ. Онѣ были въ различныхъ стадіяхъ выдѣлки. Нѣкоторыя еще являлись сѣрыми цилиндрами грубо откованной стали; другія, совсѣмъ готовыя, блестѣли полировкой и точностью своего постепенно суживающагося дула. Вверху подъ потолкомъ катался грузный кранъ, служившій для подъема этихъ тысячупудовыхъ тяжестей.

Налѣво отъ Миши приемщикъ повѣрялъ готовыя пушки при помощи длиннаго стального стержня, раздѣленнаго на

сантиметры, и остроумно приспособленной увеличительной трубы, дававшей возможность замѣтить малѣйшій изъянъ, пятно пленки или раковину излома, внутри стволя.

Въ мастерской было около четырехсотъ человѣкъ, все больше молодежи. Вмѣстѣ съ лафетно-снарядной пушечной мастерская была украшениемъ и цвѣтомъ завода. Въ обѣихъ было много „школьниковъ“, товарищей Миши. Здѣсь мастеровые получали больше платы и даже ихъ рабочія куртки и синія блузы были не похожи на затрапезныя лохмотья грузниковъ и чернорабочихъ и не смотря на маслянины пятна, производили впечатлѣніе зажиточности.

Эти рабочіе держались серьезно и независимо и не позволяли старшему мастеру наступать себѣ на ногу. Въ случаѣ необходимости вся мастерская выступала и говорила, какъ одинъ человѣкъ. Благодаря этому, они были застрѣльщиками въ заводской жизни и раньше другихъ добивались необходимыхъ измѣненій и льготъ.

Миша стоялъ и слѣдилъ за ходомъ своего станка. Дѣло это не требовало тѣлесныхъ усилий, если не считать короткаго движенія руки, чтобы повернуть рычагъ. Миша такъ привыкъ къ своему станку, что наблюдалъ за нимъ совершенно машинально и въ то же время думалъ о своихъ дѣлахъ. Въ это самое утро онъ получилъ отъ Палаши Ядренцовой письмо, написанное, очевидно, еще вчера вечеромъ. Письмо это принесла какая-то маленькая дѣвочка, и оно лежало у Миши въ карманѣ, смятое въ первомъ порывѣ безотчетнаго раздраженія.

Палаша писала:

— Милостивый Михайло Васильевичъ!

Слово *Государь* было пропущено и приписано сверху.

— Я давно хотѣла васъ спросить, отчего называется *республика*, оттого что вся публика имѣеть участіе въ законѣ или что законъ распубликуется въ гласности, а не сохра-няется въ тайности, какъ у насть.

— А вчера я хотѣла васъ спросить, что такое *непосред-ственno*, или что зеландскіе порядки намъ русскимъ, не по средствамъ.

— Я вчера долго не спала и все думала. Объ насть, фабричныхъ дѣвушкахъ, понимаютъ, что памъ одна дорога,— либо околѣй съ голоду, либо замужъ пойти за пьяницу, а то на панель... А развѣ мы виноваты? Если не нарядная, такъ денегъ нѣть на наряды, а не интересныя, затѣмъ, что насть ничему не учили. Должна сама себя обучать, если хочу. А къ кому приткнуться, не знаю. Глупый мнѣ не нуженъ, умному сама не нужна. А другія тѣмъ временемъ спать на лебяжьемъ пуху, жизнь ихъ утѣшаетъ, не какъ насть, сиротъ.

— Извините за мои неученые слова. Тяжело мнѣ очень. Лучше-бы позднѣе родиться, или раньше умереть. Я жить не хочу. Нашъ вѣкъ желѣзный. Земля дрожитъ отъ нашего утѣсненія. Уважающая васъ до гроба Палагея Ядренцова.

Вмѣсто: *Уважающая* было написано: *Любящая*, но потомъ Палаша заботливо вычеркнула это слово.

Рѣзецъ дошелъ до конца ствола и остановился. Миша въ послѣдній разъ повернулъ рычагъ. Было половина двѣнадцатаго. Работа его на это утро была окончена. Онъ сходилъ къ инженеру за отпускнымъ квиткомъ, который требовался для преждевременного ухода, и вышелъ на дворъ. По дорогѣ къ воротамъ лежала литейная мастерская, и онъ думалъ зайти туда и поговорить съ однимъ изъ мастеровъ. Быть можетъ, въ концѣ концовъ и въ литейной удастся найти подходящее мѣстечко для Алепи. Въ формовочномъ отдѣленіи работа была потоньше и физической силы не требовалось. Туда принимали даже подростковъ, и черезъ годъ или два смышленный малый могъ зарабатывать не хуже старого работника.

Одна половина вротъ литейной мастерской была полуоткрыта. Миша вошелъ внутрь и невольно остановился. Прямо навстрѣчу ему катился, вися въ воздухѣ и поддерживаемый цѣпью на блокѣ, огромный ковшъ, до краевъ наполненный свѣтлокрасной массой. Паровой приводъ быстро и дробно стучалъ вверху, передвигая воротъ. Нѣсколько закопченныхъ фигуръ съ желѣзными кочергами въ рукахъ суетились по обѣ стороны. Ковшъ плавно и тяжело катился впередъ, пока не остановился надъ круглой площадкой, где были утверждены въ пескѣ формы для литья.

— Пускай! — крикнулъ старшій.

Подручный выбилъ затычку, ослѣпительный потокъ стали полился внизъ густо и мягко, какъ медъ, и медленно сталъ наполнять первую форму.

Поодаль нѣсколько формъ, уже налитыхъ, свѣтились голубоватымъ пламенемъ газа, который пробивался сквозь щели. Рабочій обходилъ формы одну за другой и старательно очищалъ шлакъ въ отверстіяхъ, нарочно оставленныхъ для того, чтобы избѣжать разрыва формы.

Не смотря на близость обѣденного перерыва, работа въ литейной шла полнымъ ходомъ. Впрочемъ, ея основная струя никогда не прерывались. Вечеромъ, въ шесть часовъ приходила ночная смена и замѣняла дневную у неостывающихъ печей. Сегодня былъ день большого литья и въ разныхъ концахъ обширнаго каменнаго барака, унаслѣдованныаго заводомъ еще отъ тридцатыхъ годовъ, раскаленный металлъ

переливался изъ печи въ жолобъ, а изъ ковша въ подставленный снизу приемникъ.

Миша осторожно шелъ впередъ, направляясь къ формочному отдѣленію. Ему приходилось поминутно останавливаться и давать дорогу группамъ литейщиковъ, перебѣгавшихъ съ одного конца мастерской на другой. Мимо него проходили тигельщики, поддерживая на желѣзныхъ обоймахъ неуклюжіе графитовые горшки, наполненные тяжелымъ темно-краснымъ варевомъ. Края у горшковъ были отбиты. Тигельщики извлекали ихъ изъ гнѣздообразныхъ печей, вырытыхъ въ землѣ и заваленныхъ раскаленнымъ углемъ, и одинъ за другимъ перетаскивали къ формамъ. Каждый горшокъ могъ служить только одинъ разъ. Его безжалостно разбивали передъ литьемъ и осколки потомъ перемалывали въ массу для новыхъ тиглей.

Съ лѣвой стороны барака тянулся рядъ грубымъ четырехугольныхъ Мартеновскихъ печей. Дверь крайней была полуоткрыта и въ глубинѣ ея клокотало жидкое бѣлое пламя. Старшій мастеръ стоялъ съ боку, но на приличномъ разстояніи, и внимательно рассматривалъ внутренность печи, прикрывая по временамъ глаза фioletовымъ стекломъ для того, чтобы предохранить ихъ отъ невыносимаго блеска. Но передъ самой печью стояли двѣ черныя фигуры и соединенными усилиями ворочали въ ея нутрѣ желѣзную кочергу пятисаженной длины и такой тяжести, что можно было удивляться, какъ это человѣческія руки, безъ всякой помощи машинъ, сдвигаютъ съ мѣста этотъ желѣзный брусь.

Головы рабочихъ были обнажены, и кожа лицъ какъ будто опалена нестерпимымъ зноемъ. Рубахи на плечахъ заскорузли отъ грязи и отъ сажи; на черномъ фонѣ сажи бѣлѣли полосы соли, скоробившіяся, какъ лубъ. Соль выдѣлялась изъ глубины собственнаго тѣла рабочихъ. Это былъ осадокъ человѣческаго пота, выступавшій изъ всѣхъ поръ кожи, какъ будто подъ дѣйствиемъ внутренняго кипѣнія. Онъ отлагался наружу тусклымъ и свѣтлымъ налетомъ.

Но рабочіе не обращали вниманія ни на потъ, ни на зной, и безстрашно подвигались къ самому жерлу клокочущаго стального ада, запуская поглубже свою кочергу.

Сосѣдняя печь была открыта и опорожнена. Устье ея широко зіяло и двое рабочихъ хлопотали у него, вооруженные совками и лопатами на длинныхъ рукоятяхъ. Они выравнивали дно печи для того, чтобы снова завалить ее металломъ. Эта работа была еще тяжелѣе, ибо жаръ изъ раскрытаго устья билъ прямо въ лицо, и то и дѣло приходилось заглядывать внутрь почти вплотную, чтобы разглядѣть изъяны пода.

Въ срединѣ мастерской стояли какія-то огромныя, грубо-отлитыя желѣзныя части, опрокинутыя кверху дномъ и похожія на кости допотопныхъ чудовищъ. Это были пушечные лафеты, основанія машинныхъ валовъ, тяжелыя колеса. На переднемъ лафетѣ копошился кузнецъ, сбивая неровности литья рѣзцомъ и молоткомъ. Стальныя брызги изъ-подъ рѣзца сыпались въ разныя стороны, и въ защиту отъ нихъ лицо кузнеца было покрыто кожаной полумаской, съ круглыми стеклами противъ глазъ.

Кузнецъ работалъ молча и съ сосредоточеннымъ видомъ, повидимому, совершенно равнодушный къ стуку собственнаго молотка и къ грохоту и гулу мастерской. Мaska съ большими круглыми стеклами придавала ему какой-то загадочный и глухой видъ, какъ у водолаза, работающаго на морскомъ днѣ, среди холодныхъ и зеленыхъ волнъ.

Съ правой стороны барака были печи для специального литья,—высокая, круглая вагранка для мѣди, уходившая днищемъ глубоко въ землю, а верхъ свой поднимавшая почти до потолка, и другая широкая, неуклюжая, передѣланная изъ Мартеновской печи и приспособленная для литья чугуна.

Когда Миша проходилъ мимо, литейщикъ откнулся затычку жолоба и чугунъ полился красноватой струей, разбрасывая кругомъ фонтанъ искръ, крупныхъ, извилистыхъ, звѣздообразныхъ, взлетавшихъ кверху, какъ золотыя пчелы или небольшія огненные змѣйки.

Миша невольно обратилъ вниманіе на рабочаго, хлопотавшаго у этой печи. Это былъ высокій мужикъ атлетическаго тѣлосложенія. Его открытая грудь и обнаженные руки, выступавшія изъ-подъ засученныхъ рукавовъ, были такія крѣпкія и массивныя, какъ у бронзовой статуи. Но время отъ времени мужикъ останавливался, глухо кашляясь и невольно хватался бронзовой рукой за массивную грудь, потомъ опять брался за желѣзный ломъ съ затычкой на концѣ.

Работа въ литейной мастерской, требовавшная огромной силы и здоровья, не давала возможности сохранить ихъ долго. Зимою раскаленный воздухъ литейной пронизывался ледяными сквозниками, тянувшими снаружи прямо съ мороза. Рабочие выскакивали въ холодныя галлереи, чтобы освѣжиться, глотали ледъ, ибо онъ утоляетъ жажду лучше воды, и каждый годъ изъ тысячнаго состава мастерской пять или шесть человѣкъ заболѣвали воспаленіемъ легкихъ или чахоткой.

Помимо того, обращеніе съ тяжелыми глыбами желѣза и кусками раскаленной стали создавало постоянную опас-

ность для человѣческой жизни. Почти ежедневно бывали несчастные случаи.

То неловкій носильщикъ уронить себѣ на ноги тяжелую штуку чугуна, то огненная струя, перелившись изъ разбитаго тигля, попадетъ въ лужу воды и разорвется дѣйствиемъ образовавшихся паровъ, какъ гигантскій разрывной снарядъ. Мелкіе обжоги случались безъ счета. Къ нимъ привыкли и на нихъ не обращали вниманія.

Въ формовочномъ отдѣленіи работа шла тоже полнымъ ходомъ. У длинныхъ верстаковъ работали подростки, подчищая мелкія формы. Они осторожно разбирали винѣшнія части и вынимали деревянную модель, дававшую основаніе при формовкѣ, потомъ принимались сглаживать всѣ углы и извилины стѣнокъ, вытиснутыхъ изъ красной или черной земли, счищали неровности маленькимъ, стальнymъ гладиломъ и вынимали изъ глубины изгибовъ всѣ лишнія крупинки узкой лопаточкой съ загнутымъ концомъ.

Огладивъ неровности формы, они обдували ее ручными мѣхами и опыливали графитомъ. Потомъ скрѣпляли ея углы длинными гвоздями, осторожно втыкая ихъ въ мягкую землю и, наконецъ, смазывали краской, т. е. водой, разведенной съ небольшимъ количествомъ клея.

Подальше, нѣсколько мальчиковъ разбирали уже отлитыя формы, вынимали готовыя вещи, заботливо стряхивали песокъ и вытирали тряпкой.

Въ срединѣ мастерской четверо рабочихъ хлопотали около большой формы, утвержденной на четыреугольной опокѣ, похожей на огромное деревянное блюдо. Форма, судя по ея внутреннимъ очертаніямъ, была назначена для большого машиннаго колеса съ частыми изогнутыми спицами. Нѣсколько такихъ же, уже готовыхъ, колесъ лежали въ сторонѣ, какъ груда причудливыхъ морскихъ звѣздъ съ окостенѣвшими лучами, превращенными въ твердую мѣдь. Рабочіе отчищали форму, выравнивая ее по наугольнику. Они укрѣпляли узкія трубчатыя мѣста, назначенные для лучей колеса, вставляя между ними мелкіе металлические жеребейки, поддерживавшіе земляную стѣнку.

Работа ихъ приближалась къ концу. Окончивъ ее, они могли уйти для завтрака, ибо формовочное отдѣленіе давало больше свободы, чѣмъ литейное, и скорѣе напоминало токарный или слесарный отдѣль. Работа здѣсь тоже была чистая, неторопливая, не требовавшая большого тѣлеснаго напряженія и не производившая шума.

Рядомъ съ огненнымъ адомъ литьейной эта маленькая мастерская казалась средоточiemъ художественнаго гenia, соз-

дававшаго форму для кипящаго, раскаленнаго, аморфнаго металла, выходившаго изъ печей.

Мастера не было въ мастерской. У него была особая каморка за перегородкой. Но черезъ минуту онъ открылъ свою дверь и перешагнулъ черезъ порогъ. Это былъ высокий костлявый человѣкъ въ кожаной курткѣ и круглой нѣмецкой фуражкѣ, съ привычно сердитымъ лицомъ и маленькими тусклыми глазками.

Миша сдѣлалъ шагъ по направленію къ мастеру, но формовщики, работавши у колеса, предупредили его. Они бросили работу и устремились по тому же направленію. Мишѣ показалось, будто они хотятъ привѣтствовать мастера.

Мастеръ, однако, былъ лучше освѣдомленъ насчетъ ихъ истинныхъ намѣреній. Онъ быстро попятился къ двери, но чья-то предательская рука захлопнула ее за его спиной.

— Не подходи! — крикнулъ мастеръ, останавливаясь по неволѣ у порога. — Убью!..

Рабочіе шарахнулись, но тотчасъ же вернулись обратно. Правая рука мастера, высоко поднятая вверхъ, сжимала какой-то предметъ.

Подростки у верстаковъ продолжали работать, какъ будто сцена у дверей не представляла ничего интереснаго, но нѣсколько мальчишекъ не выдержали и прибѣжали на шумъ.

— Гляди! — сказалъ одинъ изъ нихъ своему сосѣду, — у него ключь.

Оружіе мастера состояло изъ большого стальнаго ключа, съ массивнымъ стержнемъ, напоминавшимъ револьверный стволъ.

Въ переднемъ ряду послышался короткій смѣхъ.

Настроеніе у наступавшихъ было не буйное, а скорѣе озорное, вызванное желаніемъ посмѣяться надъ нелюбимымъ и надѣвшимъ мастеромъ.

— Не убивай, Иванъ Федоровъ! — сказалъ одинъ изъ наступавшихъ формовщиковъ.

— А лучше не хочешь ли прокатиться?

— Караулъ! — крикнулъ мастеръ пронзительнымъ голосомъ.

Дверь за спиной мастера быстро открылась, изъ за нея выдвинулся огромный черный куль, поддерживаемый двумя жилистыми и столь же черными руками и быстро надвинулся на голову мастера, какъ полотняная сѣть на пойманную птицу.

Мастеръ затопалъ ногами, но вмѣсто крика изъ-подъ мѣшка послышалось ожесточенное чиханіе, ибо мѣшокъ былъ внутри посыпанъ мелкимъ графитомъ и нюхательнымъ табакомъ.

— Подавай! — сказалъ тотъ же наемъщливый голосъ, какъ будто вызывая карету у театрального подъезда. Десять рукъ подкатили грязную тачку. Человѣкъ въ мѣшкѣ продолжалъ чихать, но не сопротивлялся. Черезъ минуту тачка уже направлялась къ боковому выходу. Все это произошло такъ быстро, что когда изъ литейной мастерской прибѣжалъ на крикъ инженеръ, все было кончено. Даже боковой выходъ былъ закрытъ и рабочіе опять хлопотали у верстаковъ и у колеса.

— Что вы дѣлаете? — крикнулъ инженеръ, отыскивая глазами причину беспорядка.

Но все въ мастерской было на свое мѣсто.

— Ничего! — отозвался пожилой формовщикъ, не принимавшій никакого участія въ недавней расправѣ.

— Ивану Федорову показали путь, вотъ что!

Фраза эта какъ будто была заимствована у новгородцевъ, выпроводившихъ нелюбимаго князя. Но формовщикъ былъ далекъ отъ того, чтобы сравнивать мастера съ княземъ. Тонъ у него былъ совершенно простой и спокойный, какъ будто дѣло шло о грудѣ мусора, вывезенной за дверь.

— За что? — растерянно спрашивалъ инженеръ.

— Есть за что! — столь же спокойно отозвался формовщикъ, констатируя новый фактъ.

— Господи, отчего вы не жаловались?

Слова инженера совершенно не соотвѣтствовали фактамъ. Въ послѣдніе полгода формовщики раза три или четыре жаловались начальнику мастерской на своего мастера, то за грубое обращеніе, то за слишкомъ натянутый разсчетъ. Жалобы эти по обыкновенію оставались безъ послѣдствій и привели къ самоуправству. Но душа русскаго начальства, большого и маленькаго, такъ ужъ устроена, что въ минуту развязки оно забываетъ о всѣхъ причинахъ и слѣдствіяхъ и начинаетъ свои разспросы съ первой главы.

Миша не сталъ дожидаться послѣдствій этого разговора и послѣднѣмъ повернулся назадъ къ выходу. Справляясь о мѣстѣ для Алеши было не у кого, да у него и пропало желаніе помѣстить своего брата въ это беспокойное формовочное гнѣздо.

— Пусть лучше подождетъ, — рѣшилъ по прежнему Миша. — Опредѣлю его при себѣ въ нашу мастерскую. Въ случаѣ чего товарищи присмотрятъ.

Полдневный гудокъ громко и тягуче заскрипѣлъ надъ паровымъ отдѣленіемъ, заплывая въ каждый баракъ и мастерскую и переносясь съ одного двора на другой, во всю двухверстную длину огромнаго завода. Передній дворъ уже былъ запруженъ рабочими. Онишли другъ за другомъ пра-

вильными рядами и мѣрнымъ шагомъ, съ той бесознательной привычкой къ согласному дѣйствію, которая создается постояннымъ общеніемъ многихъ тысячъ и непрерывнымъ совмѣстнымъ движеніемъ. Они шли рядами, какъ солдаты, спаянны вмѣстѣ неразрывной дисциплиной. Быть можетъ, ихъ дисциплина была крѣпче, ибо она вырабатывалась силой вещей, а не приказомъ власти, и созидалась не въ четыре года, а въ теченіе непрерывной жизни ряда поколѣній.

Миша вышелъ изъ дверей, шагнулъ впередъ и слился ею этими проходившими мимо рядами, и пошелъ вслѣдъ за другими такимъ же привычнымъ мѣрнымъ шагомъ. Онъ шелъ, не думая объ этой непрерывно текущей толпѣ, ибо вмѣстѣ съ нею онъ ежедневно совершаилъ четыре такихъ похода: два на заводъ и два съ завода.

Но въ то же самое время, выйдя изъ двери, онъ сталъ тотчасъ же частью этой толпы, атомомъ человѣческой волны, выливавшейся изъ завода, и если бы она остановилась или свернула бы по иному, необычному направленію, онъ свернуль бы вмѣстѣ съ нею, и если бы отъ передняго конца пробѣжалъ порывъ внезапнаго чувства, онъ отдался бы ему вмѣстѣ съ другими.

Дорога шла впередъ по безконечно-длинному двору. На полдорогѣ среди двора былъ небольшой подъемъ и съ него вышинѣ Миша машинально поглядѣлъ вокругъ себя и увидѣлъ глазами эту огромную толпу, среди которой онъ шелъ и частью которой онъ былъ. Она растянулась во всю длину и ширину двора. Передняя струя выливалась изъ воротъ, но изъ мастерскихъ въ глубинѣ двора вливалась все новые и новые потоки. И казалось, что толпѣ нѣть конца и что она никогда не пройдетъ мимо и не истощится.

И вдругъ въ умѣ Миши, какъ молния, вспыхнуло воспоминаніе. Та же многотысячная толпа шла впередъ такими же правильными рядами, но въ переднемъ ряду среди группы избранныхъ охранителей несли хоругви и иконы и всѣ сердца были наполнены торжественнымъ настроениемъ и могучимъ стихійнымъ порывомъ къ добру и свободѣ, вѣрой, что есть на землѣ правда, и что вотъ она сейчасъ спустится къ людямъ съ своего высокаго дворца.

— Помните,—обратился онъ къ своимъ ближайшимъ соѣдямъ.—Такъ мы шли всѣ вмѣстѣ.

Это было въ томъ же околоткѣ, быть можетъ, въ полуверстѣ отъ завода, и участники ществія были тѣ же, что и теперь. Немудрено, что соѣди Миши поняли его съ полуслова.

— Я крестъ несъ,—сказалъ дюжій слесарь съ насмѣшиливыми лицомъ и просѣдью въ блокурыхъ волосахъ.—

А потомъ, какъ люди легли на землю, я крестъ положилъ и легъ ко кресту лицомъ.

— У, жутко,—прибавилъ онъ.—Лежишь и чуешь: вотъ твоя смерть сейчасъ прилетить, свинцовая пчелка.

— Потомъ люди поползли на брюхъ,—припоминаль слесарь,—и я поползъ.

— Страшно и вспомнить. Волосы ежикомъ встали, тѣло все ослабѣло и распустилось, какъ вода. Проползли въ переулокъ, заползли въ канаву, и навалились другъ на друга, какъ палая изгородь. Кажется, топчи насть лошадьми, мы бы не крикнули.

— А мы трое легли,—сказалъ маленький человѣкъ съ беспокойнымъ взглядомъ и шрамомъ пооперекъ лица. Я маленько назади, а Васильевъ попередъ, а батька въ середкахъ. Прижукнулись, ждемъ. А солдаты палятъ. Потомъ, какъ люди поползли, я взялъ батьку за ногу. „Что, батя, живъ?“—„Живъ“,—говорить.—„Ну, ползи скорѣе!“—А Васильевъ не шевелится. Гляжу, а у него въ шеѣ дыра красная.

— Я не ложился,—сказалъ Миша тихо,—я стоялъ, да смотрѣлъ, да...

— Да чего еще?—переспросилъ бѣлокурый слесарь почти машинально.

— Да ненавидѣлъ!—выговорилъ Миша, стиснувъ зубы. Въ груди его вспыхнуло знакомое чувство, жгучее, какъ пламя, и даже горло сжалось острымъ ощущенiemъ горечи.

Въ многотысячной толпѣ, шедщей тогда вслѣдъ за хоругвями, Миша принадлежалъ къ наиболѣе сознательнымъ, но и въ немъ жила почти безъ его вѣдома та же романтическая вѣра въ правду, сходящую сверху, И въ ту минуту, когда кругомъ засвистѣли пули и толпа ложилась на землю, вѣра эта вспыхнула въ послѣдній разъ и сгорѣла до тла, сожженная ненавистью.

— Я тоже не ложился,—сказалъ молодой парень, шедшій рядомъ съ Мишой.—Мертвякъ на меня упалъ, меня съ ногъ сбилъ, потомъ я встать не посмѣль.

— Развѣ насть разстрѣляли?—заговорилъ Миша, какъ будто про себя.—Надежду нашу глупую. Вѣру нашу втоптали въ грязь, вмѣстѣ съ хоругвями. Пусть лежитъ тамъ посередь мертвцовъ.

Толпа шла впередь. Шаги гулко раздавались на твердой мостовой двора.

— Горе побѣжденнымъ,—сказалъ вдругъ Миша,—горе тѣмъ, кто лежить на землѣ.

— Такъ мы опять встали,—живо возразилъ бѣлокурый,—мы идемъ.

Шаги толпы гулко раздавались на каменной мостовой.

Миша опять поглядѣлъ сверху на толпу. Она была такая же густая, людная, бесчетная, какъ въ то морозное утро. Убыль затянулась, какъ исчезаетъ яма, вырытая въ мокромъ пескѣ на берегу моря.

И вдругъ Миша ощутилъ жуткое стихійное чувство непобѣдаемой силы этой многотысячной рабочей массы. Она была бессмертна, неуничтожаема, всесильна. Она несла въ себѣ связь трехъ поколѣній, старости прошедшаго, зрѣлости настоящаго и юности будущаго.

Она несла въ себѣ стремленіе и силу прогресса. И никакие степные наездники, будь они свирѣпѣ кентавровъ и опричниковъ съ собачими головами, не могли разстроить и разсѣять ея ряды.

Руки этой толпы приготвляли орудія жизни и смерти, плуги и пушки, паровозы и шрапнель, и ружья и свинцовые патроны. И неодухотворенная сила ея собственныхъ издѣлій не могла бы одержать побѣду надъ живою силой ея коллективной многотысячной души.

V.

Былъ солнечный воскресный день.

Миша и Елена шли обѣ руку по широкой и прямой аллее большого подгороднаго кладбища. Была середина петербургской весны, когда днемъ двѣтеть сирень, а съ закатомъ солнца начинаются странныя, раздражающія, полу-прозрачныя бѣлыя ночи.

Елена была въ легкомъ платьѣ съ широкими свѣтлыми полосами и въ соломенной шляпкѣ, обвитой зеленью, съ вѣткой пунцовыхъ цвѣтовъ. Это была уже не первая встрѣча молодыхъ людей послѣ публичной лекціи въ Кузнецкой школѣ, но сегодня въ первый разъ Миша увидѣлъ молодую дѣвушку въ весеннемъ нарядѣ. Ему казалось, какъ будто ее нарочно вымыли и расцвѣтили для этого полудня. Въ своемъ полосатомъ платьѣ она походила на молодую березку, распустившуюся на весеннемъ солнцѣ, и зеленые листочки на ея шляпѣ казались молодыми ростками, вызванными къ жизни свѣжимъ дыханіемъ весны.

Миша былъ въ мягкой шляпѣ и праздничной суконной парѣ, очень приличной и сравнительно дорогой. Изъ верхняго кармана выглядывали даже перчатки, небрежно скомканыя вмѣстѣ. Года четыре тому назадъ, когда Миша только начиналъ хорошо зарабатывать, онъ тратилъ всѣ свои излишки на покупку платья. Въ этомъ онъ повин-

вался общему стремлению рабочего класса, согласно известной поговорке: „по платью встречаются“.

Русская действительность на каждомъ шагу подтверждала справедливость этой поговорки и свидѣтельствовала о томъ, что отъ приличного платья зависитъ обращеніе на „вы“ и, „въ случаѣ чего“, нѣкоторая первоначальная безопасность отъ тѣлесной расправы.

Въ послѣдніе два года Миша пересталъ обращать вниманіе на свою внѣшность, но для его короткихъ досуговъ и праздничныхъ выходовъ хватало прежняго запаса.

Онъ былъ, кромѣ того, очень методиченъ въ своихъ привычкахъ и не было ничего удивительного, что даже перчатки, купленные три года тому назадъ, сохранились, почти какъ новые. Въ общемъ онъ былъ одѣтъ гораздо опрятнѣе, напримѣръ, средней интеллигентной молодежи и только какое-то особое выраженіе лица, утомленное и серьезное, и вмѣстѣ простодушное, свидѣтельствовало о томъ, что онъ принадлежитъ къ другому классу.

Быть можетъ, это было утомленіе физического труда, начатаго слишкомъ рано, сперты воздухъ мастерскихъ, съ запахомъ масла и машинаго сала, усталость вечернихъ досуговъ, посвященныхъ торопливому чтенію, полуночныхъ часовъ, украшенныхъ у сна для упорныхъ и безсистемныхъ занятій.

Всю свою юную жизнь Мишъ приходилось торопиться, учиться и думать на ходу, отдавать изъ своей недѣли 60 часовъ на механическій трудъ. Не мудрено, что на его лицѣ запечатлѣлась суровая усталость.

Александровское кладбище служитъ мѣстомъ гулянья для всего Кузнецкаго тракта. Ибо на всемъ тракту нѣтъ никакого другого парка или сада, ничего кромѣ тощихъ загородокъ общества трезвости и пивныхъ скверовъ, подъ вывѣской „Парижъ“ или „Вѣна“, которые называются садами развѣ по недоразумѣнію.

Лѣтомъ рабочая молодежь Кузнецкаго околотка переплыwaетъ въ лодкахъ на другой берегъ рѣки, гдѣ версты двѣ пониже расположены монастырь съ большими садомъ, или направляется пѣшкомъ за четыре версты къ Александровскому кладбищу, чтобы погулять въ его печальныхъ, но тѣнистыхъ аллеяхъ, среди настоящей зелени.

Въ этотъ день на кладбищѣ было много народа, но люди разсѣялись по всѣмъ концамъ. Кладбище было такъ велико, что общая масса гуляющихъ казалась почти незамѣтной и какъ будто таяла въ его зелено-сумрачныхъ переходахъ. Молодежь соединялась парами и разсаживалась по скамейкамъ или тихо переходила изъ аллеи въ аллею.

Кладбище даже весною навѣааетъ меланхолическія мысли. И при блѣдномъ сѣверномъ солнцѣ, среди мраморныхъ памятниковъ и свѣтлой зелени, это былъ кладбищенскій флиртъ, достойный Петербурга, который весь похожъ на огромное каменное кладбище, и въ блѣдномъ свѣтѣ лѣтнихъ сумерекъ какъ будто дремлетъ прозрачной дремой и снится самъ себѣ подъ шелестъ свѣтлой рѣки, протекающей мимо.

Миша и Елена гуляли по аллеямъ, разсматривали памятники и перечитывали надписи на мраморныхъ памятникахъ и крестахъ. Большей частью тутъ лежали все за-житочные мертвѣцы: трактирщики, торговцы, домовладѣльцы, и иной неуклюжій пьедесталь казался мраморнымъ олицетвореніемъ толстопузаго купца, погребенаго внизу у его подножія.

Разговоръ обрывался, и снова завязывался, и снова гасъ. Миша больше молчалъ, но Елена не поддавалась меланхолическому настроенію кладбища. Ей было безпричинно весело. Въ это ясное, весеннее утро ей хотѣлось громко говорить и пѣть и даже прыгать.

Кровь Елены была южная, густая, пылкая, какъ крѣпкое вино, бродящее въ жилахъ виноградника, на южной сторонѣ утеса, обожженаго солнцемъ, и собственная молодость въ девятнадцать лѣтъ свѣтила ей ярче этого туманнаго солнца сѣверной весны.

— Отчего вы такой серьезный, Миша?

Они встрѣчались въ послѣдніе два мѣсяца раза три или четыре. Въ одну изъ субботъ Миша посѣтилъ тетку Елены и просидѣлъ часа два за чайнымъ столомъ въ толпѣ молодыхъ людей, сбиравшихся на эти вечера, какъ муhi на медъ. Миша сидѣлъ тихо и говорилъ мало, даже не вставилъ своего слова, когда рѣчь зашла о задачахъ пролетаріата и молодые гости другъ за другомъ стали опредѣлять, чего именно хотятъ русскіе рабочіе. Тетка Елены даже понравилась степенность новаго гостя, и она мысленно противопоставила его безпутной молодежи, громко и дерзновенно произносившій самыя крѣпкія слова.

Черезъ недѣлю Елена отдала визитъ и храбро явилась на Мишину квартиру. Миша угостилъ ее чаемъ и малиновымъ вареньемъ, принесеннымъ въ глиняномъ горшечкѣ изъ мелочной лавки. Елена просидѣла съ часъ и больше говорила съ Алешей, котораго она также жадно и послѣдно засыпала вопросами о деревенской жизни и объ его новыхъ впечатлѣніяхъ въ городѣ.

Послѣ того Миша и Елена встрѣтились еще разъ на новой публичной лекціи и потомъ въ частномъ собраніи небольшого рабочаго кружка.

Не смотря на эти отрывочные встречи между ними возникло чувство близости. Ихъ тянуло другъ къ другу, быть можетъ, потому, что оба они были такие молодые, одинаково свѣжие и чистые, но непохожіе, происходившіе изъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

Собрание кружка было въ прошлое воскресеніе и окончилось въ пять часовъ дня. Погода была такая же ясная, какъ и сегодня. Они пошли пѣшкомъ вдоль берега рѣки. Ихъ разговоръ шелъ легче и плавнѣе. Елена описывала парижскую жизнь, избирательные собрания и уличные праздники, драки націоналистовъ и анархистовъ, веселье молодежи, прогулки въ предместьяхъ и на валахъ укрѣплений.

— Гдѣ у васъ гуляютъ по воскресеніямъ?—осведомилась она.

Миша сказалъ о кладбищѣ. Прощаясь, молодые люди условились въ слѣдующее воскресеніе пройтись по желѣзной дорогѣ до первой станціи и оттуда пройти пѣшкомъ до кладбища. Имъ не приходило даже въ голову, что въ сущности они условливаются о свиданіи, какъ множество другихъ паръ, которыхъ должны были встрѣтиться въ это воскресеніе въ петербургскихъ садахъ.

— Отчего вы такой серьезный, Миша?

— Я всегда такой. Не знаю!—сказалъ юноша съ нѣкоторымъ напряженіемъ, какъ будто затрудняясь отвѣтомъ.

— Тоскливо жить,—прибавилъ онъ, подумавъ.

— Почему тоскливо?—живо возразила Елена.—Жить весело, хорошо.

Миша промолчалъ.

— Посмотрите, какая зелень!—быстро говорила Елена.—Солнце свѣтить, сирень цвѣтеть, птицы поютъ... Развѣ все это не хорошо?

— Природа хороша,—сказалъ Миша,—но жизнь люди дѣлаютъ, а не природа.

— Дѣлаютъ и передѣлаютъ,—быстро возразила Елена.—Развѣ вы не вѣрите, что люди передѣлаютъ всю жизнь по своему разуму?

— Пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ,—сказалъ Миша.

— Взойдетъ солнце, взойдетъ!—пылко говорила Елена.—Люди выше природы. Люди все передѣлаютъ, и жизнь, и природу, и собственное тѣло, и душу. Будутъ такие сильные, чистые, крылатые.

— И скажетъ себѣ человѣчество: „Я всесильно“. И поклонится само себѣ, какъ Богу.

— Долго ждать!—возразилъ Миша.

— Полно вамъ,—воскликнула Елена.—Пойдемъ впередъ.

Аллея перешла въ тропинку, длинную, извилистую, которая протянулась мимо часовни и переходила на другую сторону кладбища, почти вплоть до задней стѣны. По обѣ стороны тропинки росла густая трава.

— Елена Борисьевна! — заговорилъ Миша, — короткая наша жизнь.

— Чья жизнь? — спросила Елена.

— Такъ, вообще, человѣческая. Мигнуть не успѣшь, а она прошла. Вотъ я бы хотѣль дожить и увидѣть, какіе будутъ крылатые люди.

— Вы жадный, — усмѣхнулась Елена.

— А наша рабочая жизнь того короче, — продолжалъ Миша. — Сорокъ лѣтъ — и крышка, уходи въ Могилевскую. У насъ по заводамъ даже и стариковъ не видно. Помираютъ до времени.

— Да будетъ вамъ ныть, — возмутилась Елена, — сегодня праздникъ.

— Я къ празднику и говорю, — сказалъ Миша. — Знаете, какъ сказалъ одинъ латинскій писатель: „Пользуйся днемъ текущимъ и не думай о завтрашнемъ“.

— Ну, вотъ хорошо! — сказала Елена. — Побѣжимъ, Миша, — вдругъ предложила она.

Они ваялись, какъ дѣти, за руки и побѣжали по дорожкѣ.

На второмъ поворотѣ стоялъ большой памятникъ съ крестомъ и бѣлымъ ангеломъ.

Миша посмотрѣлъ на ангела, потомъ на Елену. Ангель былъ аляповатый, и дѣвушка была красивѣе, изящнѣе и нѣжнѣе бѣлой статуи.

— Какая вы свѣтлая, — выговорилъ онъ вслухъ свою мысль. — Какъ мечта. У насъ нѣть такихъ... А я темный.

— Ха-ха! — разсмѣялась дѣвушка. — Темный и свѣтлый, все равно, какъ трубочистъ и булочникъ...

Но ей видимо былъ пріятенъ этотъ неожиданный комплиментъ, и даже щеки ея залились румянцемъ, и смѣхъ звучалъ нервнымъ звукомъ.

— Елена Борисьевна! — началъ опять Миша. — Вы какъ думаете: правда, что всѣ люди ровные?..

— Конечно, равны! — стремительно возразила Елена. — У каждого такая же кровь и голова такая же.

— Голова такая, да наука не такая! Напримѣръ, если кто учился смолоду, а другой не учился, то можетъ ли онъ его догнать и стать ровнымъ?

— Да вѣдь вы догнали, — сказала Елена просто.

Миша покачалъ головой.

— Теперь такія времена, — увѣренno начала Елена, — ничего въ счетъ не идетъ. Пуля не разбираетъ богатыхъ, либо

ученыхъ. Пробить дыру во лбу и готово. Передъ пулями всѣ равны.

Они опять двинулись впередъ и дошли до конца тропинки. Здѣсь у забора была широкая, общая могила, похожая на раскопанную грядку. На этой человѣческой грядѣ стояло три десятка деревянныхъ крестовъ и просто колышковъ, изъ которыхъ каждый соотвѣтствовалъ трупу, зарытому внизу. На колышкахъ были надписи: мужчина неизвѣстнаго званія, убитъ 9-го января. Слово *убитъ* впрочемъ было тщательно выскоблено и по-тому же мѣсту болѣе свѣжей краской написано: *умеръ*.

Это попечительная полиція старалась наводить свой лакъ всеобщаго благополучія даже на могильные кресты, не оставляя въ покой мертвыхъ.

Одинъ крестъ былъ выше другихъ. На немъ стояла надпись: Павель Герасимовичъ Ежовъ, 13 лѣтъ. Верхушка креста была украшена бумажнымъ вѣнкомъ со скромной надписью: Отъ товарищей. Это была могила разсыльного мальчика изъ страхового общества „Надежда“, который вмѣстѣ съ другими ребятишками прибѣжалъ посмотреть и кото-раго солдатская пуля уложила на панели, противъ адмиралтейства.

Больше на могилѣ не было ни вѣнковъ, ни какихъ-либо знаковъ посвѣщенія, ибо въ то время полиція строго охраняла покой безымянной могилы 9-го января и разгоняла даже панихиды по усопшимъ.

Миша и Елена стояли рядомъ и смотрѣли на кресты.

— Вотъ эти тоже равны,—сказалъ Миша,—всѣ вмѣстѣ лежать, даже имени ихъ никто не знаетъ.

— Зачѣмъ имена?—возразила Елена,—мертвому все равно.

— Сколько ихъ перебили?—сказалъ Миша.—Тысячъ пять, да раненыхъ вдвое.

Благодаря официальной скрытности, предполагаемое число жертвъ 9-го января разросталось до чрезвычайности въ устахъ уличной молвы и доходило до тысячъ и даже до десятковъ тысячъ.

— Сколько еще перебываютъ?.. Люди, какъ саранча. Ихъ бываютъ, а они все лѣзутъ, какъ остервенѣлые.

— Саранча рѣки запруживаетъ, сказала Елена.—А по моему лучше такой смерти на свѣтѣ нѣть. По крайней мѣрѣ, сразу и есть за что. А сколько людей каждую минуту умираетъ съ голоду и безъ всякой цѣли?..

— Смотрите, что это?—воскликнулъ Миша.

Въ низкой травѣ, за крестомъ Ежова, блестѣло нѣсколько маленькихъ красныхъ цвѣточковъ.

— Словно кровь,—сказалъ Миша.

Алые круглые цвѣточки дѣйствительно походили на капли кровавой росы, брошенной на стебли травы, или, быть можетъ, простиупившей изъ-подъ земли тотчасъ же послѣ погребенія.

— Эта кровь купить свободу!—сказала Елена.

— Пойдемте отсюда!

Они обошли могилу и пошли вдоль стѣны, но настроеніе, витавшее надъ этими безымянными крестами, послѣдовало за ними и не хотѣло отстать.

На лицѣ ихъ легла строгая тѣнь и они даже говорили тише, какъ въ комнатѣ больного.

— Я тоже готова такъ умереть!—сказала Елена.

Миша взглянуль на нее и она показалась ему похожей уже не на музу, а на призракъ. Сердце его сжалось.

— Не говорите такъ!—горячо возразилъ онъ.—Зачѣмъ вамъ умирать? Живите. Когда нужно будетъ, мы умремъ за васъ.

Елена посмотрѣла на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Въ душѣ его какъ будто что-то сорвалось или, долго сдерживаемое, вырвалось наружу. Глаза его блестѣли и голосъ звучалъ порывомъ и увлеченіемъ.

— Елена Борисьевна, не будемъ думать о смерти! Одинъ разъ намъ жить, одна молодость!..

Онъ крѣпко сжалъ руку дѣвушки своей черной мозолистой ладонью.

— Ой, больно!—крикнула Елена,—вырвала руку и затрясла ею въ воздухѣ.

— Леночка, я люблю васъ!

Вмѣсто отвѣта Елена поднесла свою сдавленную кисть близко къ лицу и стала дуть на нее, какъ дуютъ маленькия дѣти. Быть можетъ, она просто хотѣла этой рукой прикрыть свое пылающее лицо.

Миша подождалъ минуту, потомъ лицо его перекосилось, какъ въ судорогѣ.

— Или, можетъ, я вамъ не пара, Елена Борисьевна?..

Елена не отвѣчала.

— Зачѣмъ ты дразнила меня?—горько и яростно воскликнулъ Миша.—Зачѣмъ издѣвалась? Не смотрѣть бы мнѣ на твою красоту!..

Онъ быстро повернулся и хотѣлъ уйти по тропинкѣ назадъ къ воротамъ.

— Не сердись, Мишенька!—Елена слегка коснулась пальцами рукава Миши.

— Леночка!

Миша остановился и даже приложилъ руку къ сердцу.

Радость пришла слишкомъ неожиданно, какъ молнія, или ударъ.

Они опять пошли по тропинкѣ, рука съ рукой, и свернули вправо. Впереди, на нѣкоторомъ разстояніи, шла другая юная чета. Эти тоже шли подъ руку и повидимому, были совершенно поглощены другъ другомъ.

— Вотъ посмотрите, какие дружные! — сказала Елена шутливо.—Идутъ рядышкомъ и не спрашиваютъ, пара или не пара?

— Леночка, я люблю васъ!

Онъ готовъ былъ встать на колѣни и поклониться своей спутницѣ, какъ новой богинѣ.

Сбоку тропинки стояла ветхая скамья, Богъ вѣсть откуда заброшенная въ эту пустынную часть кладбища.

— Сядемъ, Леночка! — предложилъ Миша.

— Какъ ты будешь любить меня? Я мужичьяго рода, черной кости, а ты вымыта въ семи дворянскихъ водахъ.

— Полно, — возразила Елена.—Въ дворянскомъ мытьѣ что хорошаго? А черная кость не хуже бѣлой кости.

— Но только знай, Елена: кровь свою пролью за тебя до послѣдней капли. Хочу быть твоимъ рабомъ, твоей вещью.

— Не надо быть рабомъ, — быстро возразила Елена.—Будь человѣкомъ. Иди за мной, куда я иду.

— Пойду до смерти! — стремительно воскликнулъ Миша,— а ты, Леночка, пойдешь за меня замужъ?

— Зачѣмъ замужъ? — возразила Елена просто.—Ты самъ сказалъ: короткая наша жизнь. У насъ нѣтъ времени быть мужемъ и женой.

Миша не отвѣчалъ.

— Повѣнчала насъ сабля вострая, уложила спать мать сыра земля, —тихо сказала Елена.

Это было брачное обѣщаніе, жуткое и зловѣшнее, какъ окружавшее ихъ кладбище.

— Будь такъ! — сказалъ Миша.—Да будетъ наша любовь свободная.

Елена кивнула головой.

Миша посмотрѣлъ по сторонамъ. Другая пара прошла далеко впередъ и ея не было видно. Онъ обвили стань Елены рукою и привлекъ ее къ себѣ. Голова Елены легла къ нему на плечо. Онъ нагнулся и губы ихъ встрѣтились, потомъ разошлись и снова встрѣтились.

Какъ многие лучшіе юноши изъ интеллигентной и даже рабочей среды, Миша хранилъ цѣломудріе и цѣловалъ женщину въ первый разъ. Губы у Леночки были полныя, упруги. Они сидѣли на скамейкѣ, на старомъ кладбищѣ, тер-

жали другъ друга за руки и цѣловались, не думая о будущемъ, не заботясь о будущемъ, полные упоительнымъ ощущеніемъ минуты, молодые, счастливые и сильные, какъ боги.

VI.

События надвинулись неожиданнымъ вихремъ изъ наивной и увѣренной въ себѣ провинціи на умный и маловѣрный Петербургъ.

Московская забастовка захватила югъ Россіи, потомъ Волгу и Вислу, Двину и наконецъ Неву. Заводы встали, электричество погасло, газеты перестали выходить. Работа смынилась досугомъ и общее желаніе перемѣнъ снова охватило всю миллионную массу праздного и возбужденного населенія, и погнало его на улицу съ неудержимой силой. Началось новое выступленіе петербургскаго населенія, столь же стихійное и массовое, какъ и въ минувшемъ январѣ.

Въ учебныхъ заведеніяхъ и на заводахъ каждый вечеръ собирались огромные митинги, привлекавшіе тысячи и тысячи людей. Днемъ на улицахъ происходило столпотвореніе, собирались толпы и завязывались манифестаціи. Казаки и конные городовые разгоняли ихъ и забирали „зачинщиковъ“ подъ арестъ. Нагайки свистѣли, шашки поднимались и опускались, револьверные и ружейные выстрѣлы трещали въ воздухѣ. Каждый день были убитые и раненые, по одному, по два. Кровь лилась въ розницу, исподволь: тамъ и здѣсь, на разныхъ перекресткахъ, ибо власти не имѣли общаго плана и никакъ не могли рѣшиться произвести второе оптовое кровопусканіе.

Появились красные флаги, тоже въ розницу и въ разбивку, маленькие, безъ надписей, вскоро сдѣланные и вынесенные на улицу, какъ новые вѣхи движенія толпы. Полиція отбирала ихъ и избивала знаменоносцевъ, но они появлялись снова и снова.

Желѣзныя дороги перестали ходить съ самаго начала забастовки. Телеграфъ оборвался и телеграммы замѣнились странными и смутными слухами, которые возникали неизвѣстно гдѣ и распространялись съ неожиданной быстрой. Передавали, что послѣдняя телеграмма изъ Москвы сообщала, что въ городской думѣ засѣдаеть временное правительство и городъ находится во власти забастовщиковъ.

Двухмилліонная столица, отрѣзанная отъ всего міра и предоставленная самой себѣ, потеряла мѣру вещей и погрузилась въ фантастическую, пронизанную электрическую. Сентябрь. Отдѣль I.

ствомъ атмосферу. Странный и свѣтлый туманъ, багровый и розовый, окуталъ трезвый и сѣрый Петербургъ. Все казалось возможнымъ, легко достижимымъ, и будущее выступало въ преувеличенныхъ контурахъ, выпукло и близко. Знаменитый треповскій приказъ: „патроновъ не жалѣть“ появился и только усилилъ возбужденіе.

Въ лихорадочномъ напряженіи великихъ ожиданій, въ человѣческой толпѣ развилось презрѣніе къ смерти, готовность лѣзть на рожонъ. Стоить ли цѣплиться за жизнь, если дѣло идетъ о чёмъ-то огромномъ, обѣ общемъ счастьѣ родины, о дѣтяхъ и внукахъ, и правнукахъ. Все равно, разъ умирать. Всѣ умремъ. И люди учились смотрѣть смерть прямо въ лицо и часто сами лѣзли шли удары.

Поздно вечеромъ, въ четвергъ, распространилось извѣстіе: новый манифестъ, конституція, всѣ свободы, избирательное право. Всю ночь по городу ходили радостныя, возбужденныя, немного недоумѣвающія группы.

На другой день несмѣтныя толпы высыпали на улицу и запрудили ее. Это было стремленіе стихійное и неудержимое, какъ прибой океана въ бурю. Всѣ классы, возрасты и званія смѣшались воедино. Мужчины, женщины, подростки, старики, бѣдные рабочіе и щеголеватыя дамы, студенты, сидѣльцы изъ лавокъ, бояки, чиновники, юнкера, даже офицеры и солдаты забыли о различіяхъ и опущали себя русскими гражданами, братьями и людьми. Теперь не было ни маловѣрныхъ, ни колеблющихся: всѣ были вѣрующіе, никто не думалъ о препятствіяхъ. Порывъ энтузіазма подхватилъ толпу и несъ ее впередъ, какъ на крыльяхъ. Многимъ, самымъ молодымъ, бѣднымъ и наивнымъ, уже мечтали достиженіе общаго счастья, рай на землѣ.

Толпы ходили по улицамъ съ радостными кликами и пѣніемъ, торжественнымъ, какъ молитва, и радостнымъ, какъ побѣдный гимнъ. Красныя знамена появились десятками, потомъ сотнями. Полиція пробовала ихъ отнимать, но они умножались и выростали вновь, какъ будто рождаясь другъ отъ друга, и вѣяли въ воздухѣ, какъ призраки.

Полиція отнимала ихъ, ибо старое и новое существовали и двигались рядомъ на улицахъ столицы. Приказъ о патронахъ остался въ прежней силѣ. Перемиріе продолжалось только нѣсколько короткихъ часовъ, потомъ опять началось безцѣльное, никому не нужное и теперь уже беззаконное кровопролитіе.

Наемные провокаторы стрѣляли, стараясь вызвать столкновеніе, переодѣтые сыщики тамъ и сямъ нападали на студентовъ. Трехцвѣтныя манифестаціи, наскоро собранныя изъ дворниковъ, хулигановъ и переодѣтыхъ городовыхъ, пер-

ходили дорогу „краснымъ“ и старались завязать рукопашную, имъя въ резервѣ казаковъ и гвардію.

Радость народная по поводу завоеванной свободы замутилась въ самомъ источникѣ своемъ и превратилась въ опасеніе и гнѣвъ. И вмѣсто ожидаемаго примиренія пропасть между властью и народомъ внезапно расширилась и стала глубже и чернѣе.

На другой день послѣ полудня многотысячная толпа народа шла по Кузнецкому проспекту, направляясь къ площади. Во главѣ манифестаціи несли большое знамя изъ краснаго шелка, на тонкомъ стальному створчатомъ древкѣ. На знамени стояла надпись: Учредительное Собраніе.

Знамя несла молодая дѣвушка, въ черномъ плащѣ, съ красной лентой въ волосахъ. Въ виду возможнаго нападенія, она была окружена дружиной. Дружины было немнога, человѣкъ пятнадцать или двадцать. Рядомъ со знаменемъ шелъ молодой человѣкъ съ красной лентой черезъ плечо, очевидно предводитель отряда. Время отъ времени онъ протягивалъ руку и подхватывалъ знамя, какъ бы для того, чтобы облегчить его тяжесть прекрасному знаменоносцу.

Дѣвушка была Елена, а молодой предводитель отряда— Миша Васюковъ. За нѣсколько мѣсяцевъ они пережили столько, что иногда, оглядываясь назадъ, имъ казалось, что то первое свиданіе на кладбищѣ было годы и годы тому назадъ. Забастовки, митинги, манифестаціи, столкновенія съ поліціей, аресты, новые забастовки, постоянная опасность, вообужденіе, агитация.

Любовь ихъ была какъ будто движущей силой и перевела ихъ изъ пассивнаго состоянія въ активное. До весны они были скромные молодые люди, которые только присматривались и даже не стояли въ рядахъ. Теперь они несли знамя и вели другихъ. Теперь Миша не зналъ колебаній, не думалъ о будущемъ, пренебрегалъ опасностью. Его муга шла впередъ и онъ готовъ былъ во имя ея и передъ ея глазами броситься съ голыми руками на вооруженные полки и добиться побѣды.

Процессія шла впередъ. Неожиданно изъ боковой улицы вышла другая манифестація съ трехцвѣтными флагами и стала переходить на другую сторону дороги.

Красное шествіе остановилось, выжидая пока проходить очистится. Но трехцвѣтные двигались чрезвычайно медленно и все загораживали улицу, какъ живая плотина. Ихъ тоже было много и они были вооружены желѣзными палками и даже кольями. Многіе держали руку въ карманѣ, очевидно, щупывая спрятанный револьверъ или кистень.

— Вставай, подымайся, рабочій народъ!

— Боже царя храни!

Два напѣва какъ будто боролись и старались вытѣснить другъ друга. Минута или двѣ прошли безъ инцидентовъ. Потомъ красные стали сердиться.

— Дайте пройти, вы, черти!

— Подите къ такой матери!..

— Черносотенцы!

— Бунтовщики!

— Молчи, жидовская харя!

— А ты, шпикъ!

Драка началась неожиданно, почти непроизвольно. Объ стороны пустили въ ходъ древки флаговъ, палки, кастеты. Черные дрались съ остерьенiemъ. Дворники и городовые, привыкшie избивать студентовъ на улицѣ и плѣнниковъ въ участкѣ, не хотѣли посрамить своей репутациіи и отступить въ рукопашной свалкѣ. Особенно неистовствовали шпики. Вмѣстѣ со всѣмъ охраннымъ отдѣленіемъ они отчетливо со-знавали, что дѣло идетъ объ ихъ кускѣ хлѣба и что малѣйшій лучъ свободы долженъ положить предѣльъ ихъ дѣятельности и лишить ихъ казенной платы, и мѣсячной, и разовой. Этотъ вопросъ былъ для нихъ прежде всего экономической и классовой, какъ и всѣ наиболѣе важные вопросы мира.

Но рабочie и молодежь держались твердо. Недавняя побѣда свободы придавала имъ новыя силы. Они вѣрили, что эти дни принадлежать имъ, и старались доказать это на практикѣ, силой своихъ ударовъ.

Побоище разгорѣлось. Дюжій субъектъ, который несъ трехцвѣтный флагъ, дѣйствовалъ имъ на отмашь, какъ шестомъ или оглоблей. Онъ сбилъ съ ногъ нѣсколько человѣкъ, потомъ пошелъ на проломъ къ большому красному знамени.

Но Миша неожиданно и безшумно подскочилъ къ нему сзади, выхватилъ револьверъ и изо всей силы ударила его ручкой по головѣ.

Ударъ былъ такъ силенъ, что черносотенный витязь выпустилъ свой шесть, потомъ зашатался, чуть не упалъ, справился и, сразу отрезвѣвъ отъ боевого пыла, бросился на утекъ.

Черные стали отступать по всей линіи. Улица была очищена. Но когда красные хотѣли побѣдоносно двинуться впередъ, раздался одинокій выстрѣлъ. Онъ былъ такъ неожиданъ, что нельзя было даже опредѣлить, откуда онъ раздался, но пуля угодила съ ужасной мѣткостью. Елена рухнула на землю, какъ подкошенная, и большое красное

знамя склонилось внизъ и закрыло ее своимъ широкимъ алымъ покровомъ.

Дружина выхватила револьверы и дала отвѣтный залпъ, потомъ бросилась въ догонку черной манифестаціи, пылая желаніемъ отомстить за убийство.

Миша отбросилъ револьверъ, нагнулся надъ своей подругой и посмотрѣлъ ей въ лицо. Пуля попала Еленѣ прямо въ сердце и смерть ея произошла мгновенно и безъ мученій. Лицо Елены было совершенно спокойно и даже глаза ея остались открытыми. Но жизнь потухла въ этихъ широкихъ черныхъ зрачкахъ и они подернулись какой-то неуловимой пленкой, какъ глаза мертвай птицы.

— Драгуны ўдутъ!

Конный разъездъ Ѣхалъ сзади трехцвѣтной манифестаціи въ видѣ почетнаго эскорта. Онъ нѣсколько отсталъ, но теперь поспѣшилъ на выстрѣлы и врѣзился въ красную толпу съ другого фланга.

Миша набросилъ красный покровъ на лицо Елены, потомъ хотѣлъ подобрать свой револьверъ. Но драгуны уже набѣжали. Они врѣзались въ толпу и дѣйствовали шашками.

— Меня тоже убейте! — крикнулъ Миша, протягивая къ драгунамъ свои невооруженные руки.

Передній драгунъ поднялъ саблю и погрозилъ ею Мишѣ, но не подъѣхалъ и не ударили.

Толпа быстро раздѣлилась на двое и отступила вправо и влево, очищая, въ свою очередь, дорогу для кавалеріи. Драгуны не продолжали нападенія и проѣхали впередъ, слѣдя по своему пути за трехцвѣтнымъ шествиемъ.

Сзади толпа уже собралась снова. Миша по прежнему стоялъ на мѣстѣ. У ногъ его лежалъ трупъ Елены покрытый краснымъ знаменемъ.

Танъ.

РЕКВИЕМЪ.

Слава вамъ, доблестно павшіе
Въ тяжкомъ бою!
Слава вамъ, правды искавшіе,
Правды, какъ хлѣба алкашіе...
Вѣчная слава и вѣчная память вамъ
Въ бѣдномъ родимомъ краю!..

* * *

Сгибли вы, смѣлые, честные,
Ночью, во мглѣ...
Скорбны могилы безкрестныя,
Спятъ въ нихъ герои безвѣстны...
Вѣчная слава и вѣчная память имъ
Въ бѣдной родимой землѣ!

* * *

Встануть товарищи новые,
Мечь вашъ возьмутъ.
Выйдутъ, безстрашно-суровые,
Выйдутъ, погибнуть готовые,
Будутъ бороться отважно и долго,—
На-смерть врага разобьютъ!

* * *

...Слава вамъ, доблестно павшіе
Въ тяжкомъ бою!
Слава вамъ, правды искавшіе,
Правды, какъ хлѣба алкашіе...
Вѣчная слава и вѣчная память вамъ
Въ бѣдномъ родимомъ краю!..

Г. Вяткинъ.

ПОБЕГЪ.

Повѣсть.

ЧАСТЬ II.

I.

Тусклый свѣтъ дождливаго дня съ трудомъ разсвѣвалъ мракъ юрты Александрова. Оголеная отъ всякой мебели и посуды, проданныхъ ради побѣга, она представлялась еще бѣднѣе и невзрачнѣе, чѣмъ раньшѣ. Темныя бревенчатыя стѣны мрачно склонялись надъ низкими нарами, покрывая ихъ грязными тѣнами. Бумага, замѣнявшая въ окнахъ разбитыя стекла, глухо и назойливо хлопала подъ ударами вѣтра. Сѣдяя струйки дыма, выдуваемыя сквознякомъ изъ камина, вѣшались у закоптѣлаго потолка, точно проникшій снаружи осадокъ противныхъ ненастныхъ облаковъ.

Ссыльные молча ъли обѣдѣ. Мягко постукивали деревянныя ложки о дно чашекъ. Красусскій первый утеръ ротъ и всталъ, Александровъ вытащилъ кисеть и трубочку.

— Зачѣмъ это вы мяса не ъдите? Я тоже не стану... Довольно!.. Я здоровъ... Никакихъ привилегій!.. — сердито проговорилъ Негорскій.

Товарищи ничего ему не отвѣтили, но украдкой жалобно взглянули на его мертвенно-блѣдное лицо.

— Я ухожу. Скоро смеркается!.. — неохотно пробормоталъ Красусскій.

— А чай?.. Ты сегодня оставилъ бы охоту... Непогода, все равно ничего не убѣшь!.. — замѣтилъ Александровъ.

Юноша съ неудовольствiemъ мотнулъ головой, надвинулъ на уши мѣховую шапку и вышелъ. Грязный, сѣрый, скользкій отъ продолжительного дождя, городокъ приникъ къ буграмъ, окружающимъ озеро, точно стая мокрыхъ куропатокъ. Мутныя, густыя, какъ пиво, волны „Навознаго моря“ сонно набѣгали на размокшіе берега. Свинцовые тучи низко плыли въ

далъ, поливая окрестности мелкимъ дождемъ, а внизу, подъ сѣрыми облаками, колыхался и шумѣлъ черный спутанный лѣсь, уже линявшій и лысѣвшій подъ вліянемъ приближающейся осени.

— „Ничего не убѣшь!..“—раздумывалъ съ досадой Красусскій.—Терпѣть не могу предсказаній!.. И глупо, и портить настроеніе. А разъ у человѣка нѣтъ настроенія, тогда ему, дѣйствительно, не везетъ. А что, если въ правду нѣчего не убью?.. Припасовъ нѣтъ... Опять просить Черевина или Аркановыхъ... Навѣрно, пошлютъ меня... Терпѣть не могу всего этого!.. Всѣ, въ сущности, голодаю... „Иностранные державы“ притворяются еще, что у нихъ кой-что есть, но и у нихъ... носы завострились. Этотъ опять боленъ. Докторъ приказалъ кормить его мясомъ, а мяса-то во всемъ городѣ ни куска. Нужно бы корову или теленка купить на убой, да объ этомъ и мечтать нечего... Необходимо что-нибудь убить, хоть одну штуку... Мы, здоровые, кой-чѣмъ перебьемся, чаемъ да грибами... Не пойду къ Аркановымъ ни за какія сокровища... не пойду!..

Онъ поднялъ воротникъ своей куртки и углубился рѣшительно въ чапцу, напитанную водою, какъ губка. Струи воды полились на него изъ тронутыхъ вѣтвей. Молодой охотникъ, преодолѣвши первое непрѣятное ощущеніе, уже равнодушно пробирался въ кустахъ, не обращая вниманія ни на сучья, ни на сырость, только ружье тщательно припряталъ подъ полу куртки, чтобы оно не замокло. Движеніе согрѣло его, охота увлекла исподволь и прогнала прочь мрачныя размышенія. Онъ обходилъ по очереди озера, подкрадывался осторожно къ новымъ мѣстамъ среди травъ, прыгалъ по кочкамъ болотъ, пробирался осторожно среди частяка и неоднократно простаивалъ долго съ вытянутой шеей подъ ливнемъ и вѣтромъ, слушая, не раздастся ли желанное кваканіе утокъ среди шума плещущей кругомъ воды и хлещущаго дождя.

Тщетно: только вѣтеръ уныло посвистывалъ въ гущѣ тайги. Мелкие четвероногіе попрятались въ логовицахъ, проязвшія птицы забились въ траву. За то кругомъ, на желтомъ лѣсномъ листопадѣ и среди потемнѣвшихъ отъ влаги мховъ, блестѣла пропасть грибовъ. Никто не собиралъ ихъ здѣсь, не препятствовалъ имъ размножаться. Были среди нихъ и старые, съ трудомъ подымавшіе на тоненькихъ ножкахъ свои громадныя, почернѣвшія шляпы, были и молодые, едва пробившіеся сквозь слой земли. И всѣ они, видимо, чувствовали себя прекрасно: лбы ихъ блестѣли отъ здоровья и наслажденія холодными дождями, хранившими ихъ отъ червей.

Красусскій принялъся собирать въ платокъ грибы. Хотя онъ

занять, что сегодня нечего разсчитывать на добычу въ лѣсу, хотя онъ промокъ и прозябъ, но не торопился обратно домой, избѣгая встрѣчи съ Евгеніей, которая въ сумерки обыкновенно посѣщала ихъ юрту. Въ началѣ, пока Негорскій опасно болѣлъ, товарищи приходили частенько и просиживали долго, но по мѣрѣ того, какъ миновала гроза смерти, а оставалась только тоска да нужда, отношенія, сильно охлажденныя побѣгомъ, дѣлались все натянутѣ и мало по малу свелись къ просто приличнымъ... Одна только Арканова не оставляла ихъ до конца и ежедневно вносила въ ихъ мрачную юрту частицу иной, лучшей жизни, скрытой, точно лучистая теплота, во всей ея милой фигурѣ, въ золотистыхъ волосахъ, въ голубыхъ глазахъ, въ пѣвучемъ и выразительномъ голосѣ, въ изяществѣ движеній и благородствѣ мыслей.

Когда Красусскій, мокрый и грязный, вошелъ въ юрту, она еще сидѣла тамъ и, склонившись къ столу, слушала разсказъ Негорскаго. Должно быть, они говорили о немъ, такъ какъ вдругъ прекратили разговоръ, и молодая женщина подняла на юношу глаза, полные особаго расположения.

— Что же? Напрасно трудился?.. Садись, самоваръ еще не остылъ!—обратился къ нему Негорскій.

Красусскій мрачно и холодно поклонился Евгеніи, положилъ платокъ съ грибами на полку и отправился въ другую комнату перемѣнить свое промокшее платье.

Негорскій подбросилъ углей въ самоваръ.

— Развѣ ты пойдешь сегодня въ мастерскую? Право, не стоить... Останься... Вѣтеръ, да и дождь льетъ, какъ изъ ведра.

— Необходимо. Я обѣщалъ на завтра окончить заказъ.

— Вы позволите мнѣ подождать, пока вы окончите вашъ чай? Ужасно одной скользко идти!..—сказала ему Евгенія.

Дѣйствительно, было скользко и темно, и вѣтеръ сбивалъ съ ногъ на болотистыхъ покатостяхъ улицъ. Но все это не было новостью для ловкой, сильной и смѣлой гостьи. Красусскій догадался, что приглашаетъ она его ради чего-то другого, и сердце его болѣзненно и вмѣстѣ радостно сжалось.

— Должно быть, принесла чего-нибудь и не смѣеть отдать прямо Негорскому. Александрова нѣть, такъ хочетъ всунуть мнѣ... Или, возможно, хочетъ разспросить о чѣмъ-нибудь...—тщетно успокаивалъ себя юноша. Волненіе охватывало его все сильнѣе и сильнѣе. Въ склоненіи головы, какимъ онъ отвѣтилъ на предложеніе, Евгенія безъ труда подмѣтила затаенное неудовольствіе и непонятную по отношенію къ себѣ суровость и холодность. Когда они очути-

лись одни среди темной улицы подъ вѣтромъ и дождемъ, Евгения, вмѣсто того, чтобы принять протянутую ей руку товарища, спросила его просто:

— Я съ удивлениемъ замѣчаю, что вы на меня сердитесь. Скажите мнѣ откровенно: чѣмъ и когда обидѣла я васъ, такъ какъ, могу васъ увѣрить, сдѣлала я это нечаянно.

— Вы, право, не обращайте вниманія на... мои странности... не стоить!—отвѣтилъ юноша измѣнившимся голосомъ.

Этотъ голосъ выдалъ бы его несомнѣнно, если-бъ не порывы вѣтра, мѣшавшіе говорить и слушать.

— Сознайтесь, что для васъ непріятна теперешняя прогулка со мной... Вы не любите насъ... филистеровъ. Мнѣ необходимо поговорить съ вами съ глазу на глазъ, чтобы вырѣшить нѣкоторые вопросы и чтобы избѣжать въ будущемъ недоразумѣній. Какъ вы помните, мужъ мой заявилъ, что онъ не принимаетъ лошади, которую вы предложили ему взять обратно. Деньги за эту лошадь были вычеркнуты изъ нашего бюджета, и мы не считали ее нашей собственностю. Но мѣстные обыватели, повидимому, другого мнѣнія. Кто-то имъ сказалъ, что лошадь принадлежитъ намъ...

— Это мы имъ сказали. Вчера приходилъ къ намъ якуть и спрашивалъ, не продадимъ ли мы ему лошади. Мы его направили къ вамъ.

— Дѣйствительно, приходилъ якуть и спрашивалъ, сколько мы хотимъ за лошадь. Должно быть, тотъ самый покупатель. Онъ очень хвалилъ лошадь и давалъ за нее шестьдесятъ рублей. Говорять, что это очень хорошая для Джурджа цѣна. Такъ вотъ, если-бъ мы знали, что лошадь вамъ уже не нужна, мы бы продали ее, а деньги отдали бы вамъ. Кажется, вы нуждаетесь въ нихъ... Насъ удержало отъ продажи только соображеніе, что, можетъ быть, вы... у васъ есть новые планы... и что вновь купить лошадь будетъ много труdnѣ въ виду возросшей бдительности полиціи...

— А вы справлялись обѣ этомъ у Негорского?

— Нѣтъ. Я съ нимъ не говорила. Я впередъ знаю, что онъ посовѣтуетъ лошадь продать и отъ денегъ откажется. Съ нимъ теперь чрезвычайно трудно обѣ этихъ дѣлахъ разговаривать. Онъ сталъ чрезмѣрно мнительнымъ и подозрительнымъ... Чуть что не такъ,—съеживается и уходитъ въ себя. Между тѣмъ, я увѣрена, что онъ мечтаетъ по прежнему. Онъ сегодня еще доказывалъ мнѣ, что побѣгъ возможенъ и что онъ не удался только по недостатку средствъ. Я хотѣла бы узнать, что думаетъ по этому вопросу Александровъ? По моему мнѣнію, онъ разсудительнѣйший изъ васъ и, къ тому же, отличный товарищъ. У него нѣтъ вашей гордости и мелочности, которая такъ затрудняетъ съ вами всякия денежныя

и вообще... вещественныя отношения... Онъ лишенъ совершеню закоренѣлыхъ собственническихъ предразсудковъ... Мое, твое, его... А въ сущности, все принадлежитъ тѣмъ кто больше въ данный моментъ въ этомъ нуждается. Развѣ не такъ? Развѣ вы не подѣлились бы съ товарищемъ, разъ у васъ было бы случай по больше, чѣмъ у него? Ну, скажите мнѣ откровенно, какъ товарищу, какъ сестрѣ: нужна вамъ будетъ лошадь, или нѣтъ? Примете ли вы деньги, если мы продадимъ лошадь? Мнѣ отвѣтъ нуженъ немедленно, такъ какъ якутъ обѣщалъ прийти завтра утромъ.

Смущенный Красусскій молчалъ.

— Вы не отвѣтаете...—продолжала робко Евгения.—Вы, вѣрно не довѣряете мнѣ? А вы не знаете, что я очень часто думаю о васъ. Мнѣ жаль васъ, мнѣ страшно жалко васъ! Я уже узнала изгнаніе и поняла, сколько вы перестрадали здѣсь въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Чтобы вырвать васъ изъ этой могилы, я готова... мы съ мужемъ готовы—поправилась она—на всякия жертвы. Правда, мы немного можемъ помочь, но вѣдь... шестьдесятъ рублей... немного! Впрочемъ, суть здѣсь въ лошади. Сознайтесь: вы опять что-нибудь затѣваете? Негорскій сказалъ мнѣ вскользь, что одной лошади мало; что для успѣха побѣга нужна лошадь для каждого изъ участниковъ. Значить, нужны четыре лошади. Нужно пытаться добить ихъ именно столько... Въ крайнемъ случаѣ двѣ, три лошади... Всетаки это лучше чѣмъ одна. Говорить про васъ, Красусскій, и про Александрова, что вы прекрасные ходоки и справляетесь прекрасно въ лѣсу и безъ лошадей. Я скажу мужу, чтобы онъ лошади не продавалъ... на всякий случай. Мнѣ кажется, что вы ни въ какомъ уже случаѣ не сдадитесь?

Она разсмѣялась.

— Еслибы я была такъ сильна и выносила, какъ вы, или еслибы у меня были крылья, полетѣла бы я, повѣрьте мнѣ, и всѣхъ бы съ собою захватила!

— Вы... очень добры!—отвѣтилъ Красусскій съ замѣтной грустью въ голосѣ.—Вы угадали: я долженъ бѣжать, и я убѣгу непремѣнно. Для меня нѣтъ другого исхода... Но я не могу воспользоваться этой лошадью!

— Почему же? Вотъ видите, какой вы нехорошій! Я удивляюсь: съ какихъ это поръ вы получили такое отвращеніе къ этому животному, вѣдь оно вамъ раньше нравилось. Лошадь, по справедливости, ничья. Она принадлежитъ желающимъ бѣжать. Что съ того, что мы за нее уплатили? Вѣдь мы уплатили за нее деньгами, пріобрѣтеными нами безъ всякаго труда. Вы вернетесь къ людямъ и сторицею вернете имъ эти деньги, работая для осво-

божденія всѣхъ... Господи, сколько великихъ словъ по такому ничтожному поводу! И такъ рѣшено! Я скажу мужу, чтобы онъ не продавалъ лошади. Онъ бы и такъ не сталъ ее продавать, еслибы не то, что онъ хочетъ держаться въ малѣйшихъ подозрѣній и... приключеній. Онъ надѣется, что ему сократить срокъ...

Она вздохнула и задумалась. Они молча двигались нѣкоторое время.

— До свиданія! Благодарю васъ. Вотъ поворотъ здѣсь... Вотъ дорожка въ кузницу, да и къ намъ отсюда недалеко.

Она крѣпко и длительно пожала ему руку.

— Пусть Артемій Павловичъ поступитъ по своему. Пусть не стѣсняется сдѣланными намъ обѣщаніями. Я совсѣмъ лошадь продать, но... не сейчасъ. Пока еще лошадь нужна Яну. Онъ возить на ней сѣно. Покупатель на эту лошадь всегда найдется, лошадь хороша, и даже очень хороша. Худо только одно, что мы сказали, что она ваша: въ случаѣ чего—полиція можетъ придраться къ вамъ. Поэтому я рѣшительно совсѣмъ лошадь погодя продать...

Они разговаривали нѣкоторое время, стоя на перекресткѣ дорогъ; затѣмъ Красусскій попрощался съ Аркановой, и молодая женщина ушла по направлению къ своему дому, но вскорѣ Красусскій опять нагналъ ее.

— Пусть Артемій Павловичъ непремѣнно продасть лошадь, пусть продасть ее завтра же!.. Я раздумалъ... Пусть продасть немедленно! Мы не возьмемъ ни денегъ, ни лошади!..

И раньше, чѣмъ она успѣла спросить, что все это значить, онъ поклонился и исчезъ въ темнотѣ. Евгенія задумчиво вошла на крыльцо своего дома. Отсырѣвшія двери беззвучно обернулись на петляхъ. Аркановъ сидѣлъ въ креслахъ у стола, гдѣ всегда занимался, писалъ и читалъ. Отекшая сальная свѣча отbrasывала слабый желтый свѣтъ на груды книгъ и бумагъ. Съ лѣвой его стороны, подъ стѣной, помѣщался Самуиль, а съ правой—Черевинъ.

— Извините, я забылъ, что вы находитесь въ творческомъ періодѣ, и что васъ въ настоящее время интересуетъ исключительно... статистика.

Аркановъ сдвинулъ брови.

— Я вѣдь не понимаю. Когда же это я исповѣдывался вамъ, чтѣ меня интересуетъ, а что нѣтъ? Могу вѣдь увѣритъ, что мои убѣжденія не такъ легко мнѣются, какъ, повидимому, здѣсь къ этому привыкли, но... всякому овоцу свое время!

— Именно. Обстоятельства складываются такъ, что теперь

изъ всѣхъ дѣйствій самое подходящее... умноженіе. И, кажется вы, Артемій Павловичъ, дѣлаете въ этомъ направлѣніи все возможное. Жена ваша сильно похудѣла...—разсмѣялся Черевинъ.

Аркановъ брезгливо улыбнулся, собираясь отвѣтить, но замѣтилъ жену, и разговоръ оборвался.

— Наконецъ-то! Что такъ долго?

Молодая женщина, задѣтая шуткой доктора, не отвѣчала и, здороваясь, не взглянула на Черевина.

— Барыня чего-то сердита! А между тѣмъ, самоваръ кипитъ, все есть, все готово... Супругъ собственоручно его поставилъ. Осталось заварить чай и дать народамъ что-либо закусить...

Евгенія зажгла свѣчку и ушла внутрь дома. Самуилъ всталъ и пошелъ за ней.

— Позвольте, Евгенія Ивановна, помочь вамъ, дайте свѣчку!

— Благодарю. Не беспокойтесь!

— Я только что вернулся отъ исправника!—добавилъ тихо Самуилъ.

— И что же?.. Онъ спрашивалъ о лошади?

— Именно. Онъ спрашивалъ: правда ли, что вы уже продали лошадь якуту, такъ какъ онъ самъ желалъ пріобрѣсти ее... Вы только вникните, какая это хитрая штука!.. Удивительно тонко! Лошадь ему вѣдь совсѣмъ не нужна, ихъ у него двѣ... Я думаю, что и якуту подставной, и все прочее... Тамъ что-то подозрѣваютъ, тамъ неспокойны и все это устроено съ цѣлью выпытать истину и отобрать лошадь...

— Чѣмъ же на это Артемій? Вы ему говорили?..

— Я отвѣтилъ, что лошадь продана!..—крикнулъ изъ другой комнаты Аркановъ.

— Лошадь нужна еще Яну. Онъ возитъ теперь сѣно. Онъ почти годъ присматривалъ за лошадью, и я нахожу неудобнымъ отыматъ ее у него именно теперь. Пусть бы пользовался ею до весны!

— Предпочитаю дать ему нѣсколько рублей на наемъ другой, чѣмъ ждать, пока эту у насъ конфискуютъ и, вдбавокъ, придерутся еще къ намъ. Я увѣренъ, что поліція пронюхала истину, и вотъ-вотъ возбуждено будетъ слѣдствіе. Къ тому же, наши донкихоты оказались настолько остроумны, что объявили, что лошадь принадлежитъ намъ...

— Это дѣйствительно неосторожный поступокъ,—согласился Черевинъ.

Евгенія съ гнѣвомъ поставила чашку на столъ.

— Вы всегда стараетесь напугать моего мужа! Откуда

сейчасъ слѣдствіе? Всѣ поднадзорные на мѣстахъ, никто ихъ не видѣлъ въ горахъ... Все не больше какъ досужія догадки!.. На догадки и сплетни нѣть лѣкарства!.. Чѣмъ больше на нихъ обращаешь вниманія, тѣмъ онъ становится назойливѣе... Когда мы достигнемъ желательной для васъ степени осторожности и прозорливости, мы будемъ пугаться собственной тѣни... Все малодушно и неосновательно!.. Нерви и только...

— Не понимаю... Про какую такую „осторожность“ говоришь ты, Женя?! Никогда трусомъ я не былъ, и ты не вправѣ говорить мнѣ такія вещи!..—вспыхнулъ Аркановъ.— Я согласенъ рисковать, когда нужно, но не ради чьихъ-либо фантазій, не ради романтическихъ parties de plaisir... на это я не согласенъ. „Я здѣсь тоскую, я такъ тоскую по родинѣ, что, ахъ, не могу дольше выдержать и сдѣлаю глупость, а другое пусть меня съ опасностью жизни выручаютъ... Это всетаки занятнѣе, чѣмъ здѣсь гнить въ бездѣйствіи...“—заговорилъ Аркановъ, забавно подражая голосу Негорского.

— Могу васъ увѣрить, господа, что солено бы пришлось намъ, еслибы ихъ поймали въ бѣгахъ или еслибы они благополучно ушли. Судя по тому, до чего доходилъ наканунѣ ихъ возвращенія этотъ наглецъ Козловъ...

— Объ этомъ Козловъ я разскажу вамъ, господа, удивительный анекдотъ...—вставилъ Самуиль, видимо стремясь перевести разговоръ на другую тему.—Вхожу я какъ-то въ поліцію и слышу невѣроятный крикъ. Что такое?! Вижу, стоитъ у дверей блѣдный, дрожащій Козловъ, а исправникъ ругаетъ его и грозитъ кулаками. Обычная сцена. Мимо проходитъ Денисовъ съ кипой бумагъ и книгъ. Одна изъ нихъ падаетъ на полъ у ногъ Козлова. Денисовъ наклоняется, чтобы поднять ее. Испуганный Козловъ, который, какъ вы знаете, „эмирячитъ“, моментально ударяетъ что есть мочи межъ лопатокъ Денисова, тотъ летить кубаремъ... Козловъ пугается окончательно, истерически корчится, бормочеть „ду... ду... ду...“ и собирается драться съ самимъ исправникомъ... Тотъ хохочетъ, а съ нимъ вмѣстѣ вся поліція. „Берите его!.. Разстрѣлять!.. Повѣсить!..“—кричить помпадуръ, а Козловъ тѣмъ же голосомъ повторяетъ: „Берите его!.. Разстрѣлять!.. Повѣсить!..“—„Кого?“ спрашиваетъ исправникъ.—„Кого?“ повторяетъ Козловъ. Словомъ, зрялище не хуже, чѣмъ у Таса въ кабакѣ...

— Верхъ комизма приключенія съ здѣшними „эмиряками“!..—заговорилъ Черевинъ.—Нужно наблюдать, напримѣръ, старика Виссаріона. Страстный охотникъ, но послѣ каждого выстрѣла ружье бросаетъ на землю и въ продолженіе пяти, по крайней мѣрѣ, минутъ ходить кругомъ...

гомъ него, вскрикиваетъ и кудахтаеть, точно курица. Ребятишки толпами за нимъ бѣгаютъ и устраиваютъ кругомъ старика настоящія „тетеревиные пляски“, а Вискаріонъ посерединѣ прыгаетъ и старается продѣлать то же, что и они...

Пошли разсказы объ „эмірякахъ“. Черевинъ закончилъ ихъ научнымъ объясненіемъ болѣзни и пересказомъ того, что о ней есть въ литературѣ. При этомъ намекнулъ, что и самъ собирается по этому вопросу материаіалы, которые надѣется со временемъ обработать.

Хотя нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ не лишены были дѣйствительного комизма, Аркановъ замѣтилъ, что грустное лицо жены не прояснилось, и что она ни разу не улыбнулась. Вопреки обычаяу, онъ не останавливалъ гостей, когда тѣ собирались уходить, и какъ только они исчезли за дверями, быстро заложилъ крючекъ и, вернувшись, приникъ къ колѣнямъ жены.

— Что же... что же?.. Душа улетѣла?.. Все нѣть ея!.. Нѣть!.. Королева моя сердится, ненавидитъ меня?!.. И за что же? Развѣ мы не были паиньками?!.. Она приписываетъ намъ разныя нехорошія побужденія, осуждаетъ насъ на долгіе часы одиночества, а мы... ревнивы!.. У насъ сердце щемить, когда мы не видимъ ея долго... Никто никогда такъ не будетъ любить ее, какъ мы, вѣрноподданные рабы ея... О, на-вѣрно, никто!..

Онъ пробовалъ схватить ее за руку и привлечь къ себѣ, но Евгенія отодвинулась въ сторону.

— Ты огорчаешь меня, Артемій, ты не всегда таковъ, какимъ я желала бы видѣть тебя...

Аркановъ поднялся.

— То есть, какимъ именно?

— Я знаю, что ты добръ и... не скучъ, но иногда изъ-за пустяка ты выходишь изъ себя и дѣлаешь больше шума, чѣмъ стоитъ. Ты самъ не замѣчаешь, какъ постепенно дѣлаешься все болѣе и болѣе... осторожнымъ, предусмотрительнымъ, подозрительнымъ... Часто ты теряешь въ этомъ всякую мѣру... Въ то же время ты становишься все болѣе и болѣе самоувѣреннымъ и не позволяешь сдѣлать себѣ малѣйшаго замѣчанія. Я все это вижу, и всякая пылинка на тебѣ заставляетъ меня страдать неимовѣрно. Почему, напримѣръ, ты настаиваешь на продажѣ лошади? Не думаю, чтобы ты придавалъ значеніе глупымъ слухамъ и угрозамъ полиції. Ты для этого слишкомъ уменъ. Сознайся, что тебѣ просто... жаль шестидесяти рублей. Ты боишься, что намъ не хватить, что мы принуждены будемъ отказаться отъ кой-какихъ удобствъ... Конечно, ты тревожишься не изъ-за

себя; я знаю, что ты думаешь о моихъ удобствахъ... Для тебя это мелочи, вѣдь ты переносилъ по тюрьмамъ куда большія лишенія... Тебя мучаетъ мысль обо мнѣ, но... еслиъ ты видѣлъ какая тамъ... нужда?!. Прямо — нищета! Голодъ...

— Опять просили тебя о чёмъ-нибудь? Это, наконецъ, бессовѣстно! Если-бъ они были порядочные люди, то они съ большимъ достоинствомъ переносили бы послѣдствія своихъ ошибокъ. А они что же?.. Обобрали Черевина, вогнали въ долги Самуила и Петрова... Дня не проходить, чтобы ты имъ чего-нибудь не понесла... Что это?

— Да, вѣдь, они не просятъ... Я сама заставляю ихъ чуть не насильно принимать эти пустяшныя товарищескія услуги.

— Э-э!.. Знаю я: не просять, но принимаютъ и... поѣдаются!.. Легко геройствовать на чужой счетъ! Весь этотъ побѣгъ не больше, какъ скверная ширма для отвода глазъ... Въ сущности... эксплуатация товарищескихъ чувствъ!..

— Артемій, что ты?.. Подумай! Ты безъ всякихъ основаній обвиняешь людей, которыхъ, въ сущности, не знаешь, которыхъ ты даже не пытался узнать! Ты почти не бываешь у нихъ и осуждаешь ихъ такъ сурово... А между тѣмъ, это въ высшей степени благородные, честные люди, огненные, чуткія души, чистыя сердца!..

— Словомъ—совершенства! Я не хожу туда и ходить не намѣренъ. Пора и тебѣ перестать туда шляться. Негорскій уже здоровъ. Просто неприлично! Дня безъ нихъ прожить не можешь. Хотѣлось бы мнѣ знать, который это изъ нихъ такой... благородный магнитъ?! Или всѣ вмѣстѣ?! Одинъ разлагающійся полумертвѣцъ, другой верзила молчитъ, курить трубку и сплевываетъ... Остается эта прилизанная кукла, полячекъ-подмастерье...

Евгенія встала, губы ея дрожали.

— Никогда я не думала...

— Не думала?.. Прекрасно... За то думалъ я! Прошу васъ съ завтрашняго дня туда безъ меня не ходить. Я предпо-
читаю, чтобы вы теперь огорчились и даже рассердились на меня, чѣмъ чтобы дѣло зашло... неисправимо далеко. Да, я убью тогда васъ или себя, или...

Аркановъ возбужденно зашагалъ по комнатѣ. Евгенія отвернулась къ окну. Далеко въ темнотѣ, по ту сторону озера, мерцалъ огонекъ. Евгенія безъ труда узнала свѣтъ въ мастерской Красусского.

Благородное, энергичное лицо юноши, склонившееся надъ верстакомъ, невольно всплыло передъ ней.— „Прилизанная кукла, полячекъ-подматерье!..“ вспомнила съ горечью слова

мужа и вдругъ почувствовала, какъ между ея прошлымъ, настоящимъ и будущимъ разверзается какая-то ужасная, туманная бездна...

— Послушай, Артя!.. — рванулась она въ испугъ къ мужу. — Зачѣмъ ты сказалъ все это? Зачѣмъ? Зачѣмъ терзаешь себя и меня?! Кому это нужно? Развѣ я дала тебѣ для этого малѣйшій поводъ? Скажи, зачѣмъ это, зачѣмъ?!

— Не знаю!.. — отвѣтилъ Аркановъ съ подавленнымъ страданиемъ.

Она молча прошлась по комнатѣ; теперь онъ сталъ на ея мѣсто у окна.

— Артя! — проговорила, наконецъ, она тихо, приближаясь къ нему. — Мнѣ не страшно изгнаніе, холодъ, голодъ, нужда... Меня пугали всѣмъ этимъ, когда я собираласьѣхать вслѣдъ за тобою... Я готова на все, на все... Я все раздѣлю съ тобою... только... будь добръ, будь чистъ, будь... какъ раньше!..

— Словомъ, не продавать лошадь? — прерваль ее шутливо Аркановъ. — Ну, пусть останется, пусть останется, проклята... Только ты успокойся, милая, золотая моя!..

Онъ сталъ передъ ней на колѣни, обнялъ ее, цѣловалъ и ласкалъ. Она противилась, пока не замѣтила страданія въ его взглядѣ, тогда она склонилась къ нему, и слезы ихъ смѣшились вмѣстѣ.

Когда мужъ уснуль, и она осталась одна со своими мыслями, усталая и обезсилѣвшая, ее охватило неожиданно чувство глубокаго стыда и униженія.

— Это уже второй разъ! Я чувствую, что такимъ образомъ ничто не измѣнится. Что же дѣлать? Какъ быть?! — спрашивала она сама себя, погружаясь въ тяжелый, беспокойный сонъ.

II.

Лошадь не была продана. Аркановъ объяснилъ покупателямъ, что они ошиблись, что лошадь принадлежитъ не ему, и отослалъ ихъ къ Александрову. Исправникъ не рѣшился послѣдовать этому совѣту, и все дѣло затихло.

Евгенія Ивановна перестала посѣщать товарищей. Въ замѣтъ явился у нихъ разъ и другой Артемій Павловичъ и любезно пригласилъ ихъ всѣхъ заходить кой-когда къ нимъ пить чай.

— У насъ удобнѣе собираться. У насъ квартира большѣ и самоваръ объемистѣе! — объяснялъ онъ.

Александровъ сходилъ нѣсколько разъ къ Аркановымъ; Сентябрь. Отдѣль I.

далъ, поливая окрестности мелкимъ дождемъ, а внизу, подъ сѣрыми облаками, колыхался и шумѣлъ черный спутанный лѣсъ, уже линявшій и лысѣвшій подъ вліянемъ приближающейся осени.

— „Ничего не убѣшь!..“—раздумывалъ съ досадой Красусскій.—Терпѣть не могу предсказаній!.. И глупо, и портить настроеніе. А разъ у человѣка нѣть настроенія, тогда ему, дѣйствительно, не везетъ. А что, если въ правду ничего не убью?.. Прицасовъ нѣть... Опять просить Черевина или Аркановыхъ... Навѣрно, пощлютъ меня... Терпѣть не могу всего этого!.. Всѣ, въ сущности, голодаемъ... „Иностранные державы“ притворяются еще, что у нихъ кой-что есть, но и у нихъ... носы завострились. Этотъ опять боленъ. Докторъ приказалъ кормить его мясомъ, а мяса-то во всемъ городѣ ни куска. Нужно бы корову или теленка купить на убой, да обѣ этомъ и мечтать нечего... Необходимо что-нибудь убить, хоть одну штуку... Мы, здоровые, кой-чѣмъ перебѣемся, чаемъ да грибами... Не пойду къ Аркановымъ ни за какія сокровища... не пойду!..

Онъ поднялъ воротникъ своей куртки и углубился рѣшительно въ чащу, напитанную водою, какъ губка. Струи воды полились на него изъ тронутыхъ вѣтвей. Молодой охотникъ, преодолѣвши первое непріятное ощущеніе, уже равнодушно пробирался въ кустахъ, не обращая вниманія ни на сучья, ни на сырость, только ружье тщательно припряталъ подъ полу куртки, чтобы оно не замокло. Движеніе согрѣло его, охота увлекла исподволь и прогнала прочь мрачныя размышенія. Онъ обходилъ по очереди озера, подкрадывался осторожно къ новымъ мѣстамъ среди травъ, прыгалъ по кочкамъ болотъ, пробирался осторожно среди частвика и неоднократно простаивалъ долго съ вытянутой шеей подъ ливнемъ и вѣтромъ, слушая, не раздастся ли желанное кваканіе утокъ среди шума плещущей кругомъ воды и хлещущаго дождя.

Тщетно: только вѣтеръ уныло посвистывалъ въ гущѣ тайги. Мелкие четвероногіе попрятались въ логовицахъ, проязбія птицы забились въ траву. За то кругомъ, на желтомъ лѣсномъ листопадѣ и среди потемнѣвшихъ отъ влаги мховъ, блестѣла пропасть грибовъ. Никто не собиралъ ихъ здѣсь, не препятствовалъ имъ размножаться. Были среди нихъ и старые, съ трудомъ подымавшіе на тоненькихъ ножкахъ свои громадныя, почернѣвшія шляпы, были и молодые, едва пробившіеся сквозь слой земли. И всѣ они, видимо, чувствовали себя прекрасно: лбы ихъ блестѣли отъ здоровья и наслажденія холодными дождями, хранившими ихъ отъ червей.

Красусскій принялъся собирать въ платокъ грибы. Хотя онъ

зналъ, что сегодня нечего разсчитывать на добычу въ лѣсу, хотя онъ промокъ и прозябъ, но не торопился обратно домой, избѣгая встрѣчи съ Евгеніей, которая въ сумерки обыкновенно посѣщала ихъ юрту. Въ началѣ, пока Негорскій опасно болѣлъ, товарищи приходили частенько и просиживали долго, но по мѣрѣ того, какъ миновала гроза смерти, а оставалась только тоска да нужда, отношенія, сильно охлажденные побѣгомъ, дѣлались все натянутѣе и мало по малу свелись къ просто приличнымъ... Одна только Арканова не оставляла ихъ до конца и ежедневно вносила въ ихъ мрачную юрту частицу иной, лучшей жизни, скрытой, точно лучистая теплота, во всей ея милой фігурѣ, въ золотистыхъ волосахъ, въ голубыхъ глазахъ, въ пѣвучемъ и выразительномъ голосѣ, въ изяществѣ движеній и благородствѣ мыслей.

Когда Красусскій, мокрый и грязный, вошелъ въ юрту, она еще сидѣла тамъ и, склонившись къ столу, слушала разсказъ Негорскаго. Должно быть, они говорили о немъ, такъ какъ вдругъ прекратили разговоръ, и молодая женщина подняла на юношу глаза, полные особаго расположения.

— Что же? Напрасно трудился!?. Садись, самоваръ еще не остылъ!—обратился къ нему Негорскій.

Красусскій мрачно и холодно поклонился Евгеніи, положилъ платокъ съ грибами на полку и отправился въ другую комнату перемѣнить свое промокшее платье.

Негорскій подбросилъ углей въ самоваръ.

— Развѣ ты пойдешь сегодня въ мастерскую? Право, не стоить... Останься... Вѣтеръ, да и дождь льетъ, какъ изъ ведра.

— Необходимо. Я обѣщалъ на завтра окончить за-казъ.

— Вы позволите мнѣ подождать, пока вы окончите варѣй чай? Ужасно одной скользко идти!..—сказала ему Евгенія.

Дѣйствительно, было скользко и темно, и вѣтеръ сбивалъ съ ногъ на болотистыхъ покатостяхъ улицъ. Но все это не было новостью для ловкой, сильной и смѣлой гостьи. Красусскій догадался, что приглашаетъ она его ради чего-то другого, и сердце его болѣзненно и вмѣстѣ радостно сжалось.

— Должно быть, принесла чего-нибудь и не смѣеть отдать прямо Негорскому. Александрова нѣть, такъ хочетъ всунуть мнѣ... Или, возможно, хочетъ разспросить о чемъ-нибудь...—тищетно успокаивалъ себя юноша. Волненіе охватывало его все сильнѣе и сильнѣе. Въ склоненіи головы, какимъ онъ отвѣтилъ на предложеніе, Евгенія безъ труда подмѣтила затаенное неудовольствіе и непонятную по отношенію къ себѣ суровость и холодность. Когда они очути-

новыхъ и возвращался оттуда съ особенно таинственнымъ и многозначительнымъ видомъ. Обезпокоенный этимъ, глава союза не выдержалъ, и однажды вечеромъ, когда собравшися у Аркановыхъ весело болтали, распивая чаекъ, двери неожиданно открылись, и на порогѣ появился высокій, тощій, по-мужицки въ скобку подстриженный Петровъ. Онъ поклонился присутствующимъ и снялъ запотѣвшіе отъ холода очки. Хозяинъ и хозяйка поднялись и подошли къ гостю.

— Наконецъ-то и вы удосужились!.. Здравствуйте! Милости просимъ сюда... Вы сегодня герой вечера!..

„Герой“ былъ немного смущенъ и нервно поглаживалъ свою козлиную бородку. Онъ не глядѣлъ ни на Самуила, ни на Гликсберга и все откашливался, какъ бы готовясь излить немедленно свое негодованіе, ради чего, собственно, и пришелъ.

Но оппозиціонное настроеніе его выразилось исключительно въ этомъ покашливаніи, такъ какъ Аркановъ мгновенно прозрѣлъ его намѣренія и все время помалкивалъ, глядя на гостя смѣющимися глазами. Петрова смущали и сердили эти пронизывающіе взгляды и онъ, по всей вѣроятности, не утерпѣлъ бы и вспыхнулъ по самому нелѣпому поводу, еслибъ не Арканова, которая, желая уничтожить общую неловкость и напряженность, обратилась умоляюще къ Самуилу:

— Скажите намъ что-нибудь, прочтите ваши послѣдніе стихи... Вѣдь вы обѣщали!

— Ничего я не обѣщалъ, я не помню своихъ обѣщаній...—защищался Самуилъ.

— Обѣщалъ, обѣщалъ... не увиливай!—вмѣшался Негорскій.

— Если такъ, то придется согласиться... Разъ вся противъ меня, значитъ—у васъ есть свидѣтели, а у меня ихъ нѣть!

Самуилъ отошелъ въ уголъ, оперся плечомъ о стѣнку, подумалъ и вдругъ, вмѣсто обѣщанныхъ стиховъ, запѣлъ мягкимъ, груднымъ голосомъ:

Отъ Севильи до Гренады
Льются пѣсни, серенады...
Кровь струится и напѣвъ
Подъ окномъ у нѣжныхъ дѣвъ...

„Приходи ты день великий,
„Заря новыхъ, ясныхъ дней!
„Пусть польются для свободы,
„Какъ лилися для любви,

„Ваша пѣснь и кровь!
 „Мы къ цѣпямъ уже привыкли.
 „Побѣдила нась судьба,
 „Жаль намъ пѣсенъ для любви,
 „Жаль намъ жизни для свободы,
 „Все вѣдь тлѣнъ и плѣсень!

Грустный напѣвъ давно оборвался, а слушатели продолжали сидѣть неподвижно въ глубокомъ раздумыи. Первымъ поднялся Аркановъ, прошелъ съ опущенной на грудь львицкой головой и проговорилъ съ театральнымъ жестомъ:

— Нѣть! Не такъ ужъ все худо!.. Мы еще въ состояніи отдать за свободу жизни!..

Никто ему не отвѣтилъ, но настроеніе было нарушено, и по угламъ поднялись шепотъ и разговоры. Петрова, который давно не слышалъ пѣнія и не находился въ столь многолюдномъ обществѣ, охватило сильное волненіе, у него щекотало въ горлѣ, и слезы то и дѣло навертывались на глаза. Онъ не въ силахъ былъ теперь ненавидѣть даже „разбойниковъ-террористовъ“, онъ привсталъ и, послѣ маленькой запинки, проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Господа, прошу минуту вниманія...

— Тише... Петровъ говоритъ... Слушайте..

— Господа, товарищи!.. Общій врагъ преслѣдуется нась, объединяютъ нась страданія... въ этомъ забытомъ Богомъ углу... Словомъ, мы люди, объединенные ужасами изгнанія и, къ тому же, лишенные родины, возможности полезно трудиться... находясь въ средѣ, съ которой ничто нась не связываетъ, гдѣ не хватаетъ самыхъ необходимыхъ элементовъ души... и, наконецъ... того...

Ораторъ вдругъ умолкъ, растерявшись, тщетно стараясь поймать рвущуюся нить разсужденія... И, вместо продолженія рѣчи, онъ сказалъ просто, съ присущей ему дѣтской, младой, застѣнчивой улыбкой.

— Господа, предлагаю, чтобы мы приступили къ выработкѣ такой программы, которая объединила бы всѣ партіи...

— Урра, Петровъ! Молодцы пропагандисты!—раздались аплодисменты, и громче всѣхъ рукоплескали хозяева.

Петровъ поморщился.

— Я предлагаю это, не шутя!

— Конечно, не шутя!—сказала Евгенія, приближаясь къ нему съ дружеской улыбкой.—Всѣмъ сердцемъ поддерживаю ваше предложеніе. Меня давно огорчаетъ странная и грустная рознь, какую я замѣчаю среди ссыльныхъ. Всѣ вѣдь мы братья по духу и страданіямъ...

— О, да!.. Жаль только, что въ... очень общихъ очертаніяхъ.

Поднялись споры, шумъ, среди которыхъ на мгновеніе возвысился голосъ Негорского.

— Во всякомъ случаѣ, насыть всѣхъ, несомнѣнно, объединяетъ стремленіе къ свободѣ...

— Настолько, насколько объединяютъ людей сонная мечтанія! — вставилъ Аркановъ.

— Почему же сонная мечтанія?

— Это не отвѣтъ... Такимъ образомъ мы ни къ чему не придемъ...

— Раньше всего необходимо выяснить основные принципы... — раздались голоса.

— Извините, господа, но я думалъ, что мы разсуждаемъ о самыхъ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ, общепринятыхъ и позволяющихъ общаться даже съ Гаврилой Гаврилычемъ... — пытался перекричать другихъ Черевинъ.

— Даже... съ полиціей! — шепнулъ Негорский.

— Этого я не сказалъ.

— Но... дѣлаю!.. — замѣтилъ кто-то изъ угла.

Черевинъ покраснѣлъ.

— Позвольте, если мы начнемъ съ личныхъ нападокъ, то ни къ чему не придемъ. Лучше оставимъ. Неужели вы требуете, чтобы я изъ-за ничтожныхъ причинъ оставилъ практику, больныхъ и госпиталь?..

— Мы ничего не требуемъ. Вы можете продолжать играть въ карты и напиваться съ исправникомъ и другой полицейской шушерой. Прописывайте касторку и другія снадобья, кому вамъ вздумается, дѣйствительнымъ и мнимо-больнымъ... Только насыть вы тоже не осуждайте. Мы думаемъ, что дѣйствительно нуждающіеся въ вашей помощи сами пришли бы къ вамъ, даже если бы вы и не водились съ джурджуйскими ташкентцами. Во всякомъ случаѣ, тѣ непріятности, на которыхъ вы такъ часто жаловались намъ, ясно указываютъ, къ чему приводить всякая непослѣдовательность! — доказывалъ Негорский.

— Вы ихъ совсѣмъ не знаете. Пальцемъ поплевелить мнѣ они не дадутъ, разъ я порву съ ними сношенія. Всякаго больного, который обратится ко мнѣ, исправникъ посадить въ кутузку... Вы разсуждаете, точно маленькия дѣти!

— Мы разсуждаемъ какъ люди, которые пошли въ ссылку, защищая свое человѣческое достоинство.

— Хорошо достоинство: уйти отъ всего, прекратить съ людьми сношенія и скрестить на груди въ бездѣствіи руки... Легко оставаться безпорочнымъ въ пустынѣ...

— Что жь подълаешь?! Другой дороги нѣть!

Опять зашумѣло, какъ въ тронутомъ ульѣ.

— Позвольте, господа!

— Прошу слова...

— Что такое?!. Все это пустые звуки, безплодные, бездоказательные звуки...

Тщетно взывалъ громкимъ голосомъ Гликсбергъ:

— Господа, господа, потише! Я предлагаю парламентский режимъ... Пусть каждый говорить по очереди, порознь.. Всѣ заразъ—толку не добьемся!

— Прошу слова...

Никто не повиновался. Каждый обращался къ своему ближайшему соседу и громко высказывалъ ему свои мнѣнія, а тотъ слушалъ въ это время другого или самъ говорилъ. Мысли, накопившіяся въ минуты продолжительныхъ одинокихъ размышеній, торопились вырваться наружу. Наконецъ, ораторы устали, затихли и принялись искать свои шапки. Программа, объединяющая всѣ партіи, не появилась и въ этотъ разъ. Въ комнатѣ послѣ сходки остался только большой беспорядокъ, много табачного дыма въ воздухѣ, много папиросныхъ окурковъ на полу да грязныя чашки отъ чая на столѣ.

Евгенія послѣ ухода гостей принялась немедленно за уборку комнаты, раскрыла настежь двери въ сѣни, подмела соръ и принялась мыть посуду. Аркановъ ходилъ широкими шагами по комнатѣ.

— Вполнѣ приличный юрг-fixe!—проговорилъ, наконецъ, онъ съ легкой усмѣшкой и зѣвнуль.—Ничуть не хуже столичныхъ. Все налицо: пѣніе, споры, даже... флиртъ! Но все это крайне однообразно, все повторяется: тѣ же шутки, тѣ же словечки, тѣ же разсужденія... Тощая, безплодная фразеология!. Развѣ что Петровъ внесетъ на нѣкоторое время разнообразіе! Одна надежда на него. Всѣ уже были, не отъ кого ждать спасенія... Воронинъ больше не явится, онъ не простить намъ, что по нашей винѣ ему пришлось умыться...—Про Красусского Аркановъ умышленно не вспомнилъ и испытующе взглянуль на жену. Лицо Евгеніи оставалось такъ же грустнымъ и спокойнымъ. Тогда онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за талию и повелъ гулять по комнатѣ.

„Все вѣдь тлѣнъ и плѣсенъ...“

Прошелъ онъ тихонько. — Знаешь, Женя, я одного теперь страшно желаю, — ребенка. И правду сказать не столько для себя, сколько для тебя. У меня есть трудъ, есть наука. Когда я погружаюсь въ мои книги, спокойствіе

ниходить на меня. Въ тюрьмѣ или въ ссылкѣ, вездѣ научные изслѣдованія сохраняютъ свою силу, свою прелестъ... Отъ нихъ вѣтъ чѣмъ-то чистымъ, возвышеннымъ, далекимъ отъ будничныхъ мелочей...

Евгенія мягко отвела его руку. Онъ былъ такъ занятъ своими разсужденіями, что не замѣтилъ ея движенія. Онъ остановился у стула, положилъ руку на его спинку и продолжалъ увѣренно:

— Негорскій подтруниваетъ, что я избралъ для моихъ изслѣдованій статистику. Между тѣмъ, убѣдительнѣе всего говорять цифры...

— Онъ подтруниваетъ не надѣ статистикой, а надѣ тѣмъ, что въ Джурджуѣ вообще ничѣмъ серьезно заниматься нельзя.

— Я отказываюсь понимать это!.. Почему же? Я выписалъ много сочиненій. Я намѣренъ учиться, намѣренъ ковать оружіе, чтобы современемъ пойти въ бой во всеоружії. Возможно, что намъ придется здѣсь прожить годы, въ виду этого нужно подумать, чѣмъ бы полезно заполнить время. Тяжесть у меня свалилась бы съ сердца, если бы у насъ были дѣти. Я буду все время занятъ и боюсь, что ты будешь чувствовать себя одиноко...

— Я понимаю тебя, Артя...—отвѣтила со вздохомъ Евгения,—но ребенокъ въ этихъ условіяхъ.. его появленіе угрожаетъ большой опасностью... Возможно, что я бы осталась здѣсь навсегда...

Она взглянула на него своими большими, синими глазами. Онъ не далъ ей окончить и закрылъ ротъ поцѣлуемъ.

— А я такъ страшно желаю... вернуться на родину... хотя бы современемъ, когда-нибудь... послѣ долгихъ лѣтъ...— добавила она шепотомъ, тихимъ, какъ вздохъ.

III.

Ненастѣе окончилось, и наступили сухie, ясные, холодные дни второй половины осени. Болота покрылись тонкой пленкой льда, на озерахъ подмерзали берега. За ночь бѣлый иней выцвѣталъ на землѣ, точно первый отдаленный знакъ идущей зимы. Подъ холоднымъ ея дыханіемъ сочная, однообразная до сихъ поръ зелень тайги нарушилась и обнаружила все богатство своихъ оттѣнковъ, исподволь превращаясь въ золото, кораллъ и кровь осенняго листвопада. Медовый запахъ заструился изъ вянущихъ луговъ, рощъ и лѣсовъ, въ тѣни деревьевъ запахло виномъ, спѣлыми ягодами и влажными лишайниками. Комары и моши-

кара исчезли, въ воздухѣ носились веадѣ длинныя, серебристыя нити паутинъ „бабыаго лѣта“. Земля подсыхала, съежились порыжѣлыя травы, и тамъ и сямъ изъ-подъ нихъ проглянули узкія, твердыя тропиночки, точно жилы и мышцы, выступающія подъ засыхающей старческой кожей.

Пришло время прогулокъ по окрестностямъ, и джурдгуйские обыватели спѣшили имъ воспользоваться. Красусскій ежедневно видѣлъ изъ окна своей мастерской джурдгуйскихъ дамъ, въ сопровожденіи своихъ мужей или въ обществѣ подругъ идущихъ къ рѣкѣ—обычному мѣсту прогулокъ высшаго джурдгуйского свѣта. Иногда онъ направлялись туда одинъ, вмѣстѣ съ маленькими прислужницами, исполняющими роль испанскихъ „дуэній“. Тогда любопытные сосѣди обязательно подсматривали за ними, надѣясь гдѣ-нибудь подмѣтить кавалера, направляющагося въ то же мѣсто по другой дорогѣ.

Красусскій тоскливо глядѣлъ въ голубую даль, гдѣ блестѣли синія озера. Но уйти туда ему нельзя было: приближался осенний перелетъ итицы, и держала его въ мастерской напряженная работа, починка вѣчно испорченныхъ джурдгуйскихъ ружей. Приходилось работать усиленно, въ виду краткости срока работы и необходимости заработать за это время возможно больше. Съ концомъ перелета изломанныя ружья прятались жителями въ амбары до будущаго года.

Въ томъ только случай, когда Красусскій невзначай встрѣчался съ Евгеніей, онъ, не смотря на работу, на нѣкоторое время уходилъ съ ружьемъ въ тайгу. Онъ чувствовалъ тогда необоримую потребность утомленія, потребность по-дышать чистымъ воздухомъ лѣсовъ, освѣжиться новыми впечатлѣніями, чтобы удержать волненіе, угрожавшее вновь подняться въ его душѣ.

— Я былъ страшно неостороженъ, я былъ непростительно неостороженъ... Что же мнѣ теперь дѣлать!—спрашивалъ онъ самъ себя, стараясь инстинктивно избѣгать всего, что могло бы ему напомнить дорогое лицо. Но онъ замѣчалъ его вездѣ: красные плоды щиповника напоминали ему губы, голубое небо—глаза, колеблемые вѣтромъ стволы стройныхъ березъ—гибкій станъ. Тѣмъ не менѣе, юношѣ было лучше въ лѣсу, чѣмъ среди людей. Часто ночью онъ по долгому просиживалъ надъ озеромъ съ ружьемъ на колѣньяхъ, дожидалась перелета утокъ. Красный отблескъ зари потухалъ медленно на черной поверхности воды, звѣзды зажигались въ ея глубинѣ, а кругомъ сторожили берега черные силуэты деревьевъ и кустовъ да черная лента чащи. Красусскій прислушивался къ замирающимъ голосамъ земли, къ сухому шуму ситниковъ, которые шелестили въ порывахъ вѣтерка, точно

кто-то невидимый, читая старую, огромную книгу, вздыхалъ и перелистывалъ засохшія ея листы. Исподволь всѣ мятежныя думы и желанія замирали въ его душѣ, онъ погружался въ тихій, ровный полу-сонъ, полу-бдѣніе...

Мракъ густѣлъ, безслѣдно поглощая все кругомъ, и только разсыпанные въ безпредѣльномъ пространствѣ сонмы звѣздъ блѣдно мерцали въ высотѣ...

— Такъ пройдетъ вся моя жизнь... Затѣмъ превращусь въ старую, засохшую мумію!..—шепталъ юноша, очнувшись, и отправлялся, не торопясь, въ свою пустую юрту.

Однажды вечеромъ онъ повстрѣчался съ товарищами, которые вышли полюбоваться рѣкой въ лунномъ освѣщеніи. Онъ пробовалъ пройти не замѣченнымъ, но они обступили его и позвали съ собою.

— Не будь чудакомъ! Иди!.. Разведемъ костеръ, испечемъ картошки, приготовимъ шашлыкъ...

Красусскій уступилъ. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ во время побѣга переправлялись за рѣку, ссыльные сложили и зажгли большой костеръ. Мусыя, Черевинъ, Самуилъ, Гликсбергъ, Петровъ, даже Аркановъ пробовали прыгать черезъ огонь, какъ это принято въ ночь на Ивана Купалу. Евгенія смѣялась и хлопала въ ладони, когда они при неудачномъ прыжкѣ попадали въ дымъ, чихали и обжигали себѣ бороды и усы. Красусскій не принималъ сначала участія въ играхъ; ему было непріятно хвастать передъ этими „горожанами“ своей ловкостью и силой. Но „Иностранный Державы“ не отставали отъ него.

— Да прыгни же!.. Покажи, какъ это слѣдуетъ дѣлать!..

И юноша прыгнулъ, и ему было лестно, что Евгенія вдругъ перестала смеяться.

Александровъ все время лежалъ, вытянувшись на пескѣ, жмурилъ глаза и тянулъ трубочку; Негорскій задумчиво глядѣлъ въ огонь и, казалось, не замѣчалъ, что происходило кругомъ.

— О чѣмъ же?.. Все о томъ же? Оставьте!.. Живите просто, какъ всѣ, какъ мы...—обратился къ нему Черевинъ.

Негорскій болѣзненно улыбнулся.

— Я могъ бы отвѣтить вамъ тѣмъ же: забудьте, кто вы, и живите, какъ я...

— Опять споры! Кто сегодня осмѣлится серьезные поднимать вопросы, тотъ не получить картошки!

— Вполнѣ правильно!.. Не давать имъ картошки!..—шаловливо кричали присутствующіе.

— Вотъ вы, очевидно, не особенно занимаетесь теоріями... Вы крѣпки, дѣятельны и прыгаете, какъ олень. О вашей силѣ тоже рассказываютъ чудеса. Вы берете жизнь, какъ

ена есть, и не смущаете себя разсуждениями. Счастливецъ!..— хитро восхвалялъ Красусского Аркановъ.— Почему же это вы никогда не заходите къ намъ? Заходите. На дняхъ я собираюсь прочесть мой рефератъ о законахъ параллелизма, проявляющихся въ соціологическихъ явленіяхъ, и о теоріи волнъ...

-- Хорошо, приду,— пробурчалъ Красусский и сталъ на колѣни рядомъ съ Евгенией, чтобы пособить ей рѣзать на куски мясо для шашлыка.

До поздней ночи гуляли, веселились и пѣли пѣсни надъ рѣкой политические ссылочные. Голоса ихъ то порознь, то хоромъ долго смышивались съ плескомъ рѣки, съ потрескиваніемъ костра и шумомъ лѣсовъ... Долго неслись они въ даль, гдѣ на сонныхъ струяхъ обмелѣвшаго Джурджуя нѣжное сіяніе луны отбрасывало дрожащую сребристую дорожку, и холодные туманы нависали у темныхъ обрывистыхъ береговъ.

IV.

Нѣсколько дней спустя Аркановъ объявилъ товарищамъ, что вечеромъ будетъ читать рефератъ, и просилъ ихъ всѣхъ поклониться пораньше.

Красусский, хотя и обѣщалъ, что придется, не особенно торопился. Сумерки наполнили собой его комнатку и мастерскую; ярко сіялъ четырехъугольникъ окна, полный лунного свѣта. Красусский нарочно не зажегъ свѣчи, чтобы не привлечь кого-нибудь изъ проходящихъ мимо товарищей. Онъ тихонько лежалъ на кровати, подсмѣиваясь въ душѣ надъ своей выдумкой, уверенный, что ему удастся обойти друзей и „не почтить своимъ присутствіемъ торжественнаго выхода авгура“. Вдругъ двери стукнули, и загремѣлъ голосъ Негорского.

— Что же это, Красусский? Ты не собираешься? Аркановъ готовъ подумать, что ты боишься его иностранныхъ словъ. Ты долженъ пойти! Сегодня не обычное собраніе какъ всегда, а особенное!.. Будетъ бой, будемъ воевать!.. Я бы очень желалъ, чтобы ты при этомъ присутствовалъ. Къ намъ, „крайнимъ“, начинаютъ относиться пренебрежительно... А относительно тебя этотъ господинъ полагаетъ, что, разъ ты говоришь мало, то совсѣмъ не думаешь...

— Пусть полагаетъ!..

— Совсѣмъ нѣть! Если-бъ дѣло касалось исключительно твоего самолюбія, ты бы въ правѣ былъ поступить, какъ тебѣ угодно; но здѣсь разыгрывается куда болѣе крупная ставка...

Ты въ послѣднее время устранился совершенно отъ нашей жизни и ничего не знаешь о происшедшемъ въ ней измѣненіяхъ. Этотъ свѣже-пріѣзжій баринъ совмѣстно съ Черевинымъ образовали нѣчто въ родѣ дуумвирата, выработали программу „сохраненія силъ“ и, ради великаго будущаго, пропагандируютъ сближеніе съ джурджуйскими обывателями, т. е. съ полиціей, съ кулаками, взяточниками и прочими мерзавцами... со всѣми тѣми, съ кѣмъ мы до сихъ порь боролись. Они толкуютъ о неизбѣжности формальныхъ уступокъ, объ „игрѣ въ карты“ ради... хорошихъ отношеній, о „выпивкахъ“ ради высшихъ идеиныхъ соображеній, о „трудѣ“ ради проведенія своихъ взглядовъ въ жизнь, т. е. о торговлѣ съ туземцами, такъ какъ кромѣ огорода и мастерской, какие у насть уже есть, я никакъ не могу сообразить, чѣмъ больше мы здѣсь заняться можемъ. Если-бѣ не сопротивленіе Аркановой они давнымъ, давно провели бы на практикѣ свои проекты. Такъ какъ прямо имъ сломить ее не удалось, то они хотятъ это сдѣлать косвенно,—оставить ее въ меньшинствѣ. Теперь подбираютъ себѣ сторонниковъ, пробуютъ вызвать пренія, разсчитывая побить насть въ теоріи на голову и сдѣлать смѣшными въ глазахъ этой женщины... Все, въ сущности, изъ-за нея!.. Но все это вздоръ! До сихъ порь я слегка съ ними спорилъ, присматриваясь къ ихъ игрѣ и стараясь угадать, что все это значитъ, сегодня я дамъ имъ рѣшительное сраженіе... Ты долженъ присутствовать! Зайдемъ за Воронинымъ. Какъ ни какъ, мнѣ будетъ пріятнѣе, и... и у меня будетъ много больше остроумія и задора, когда я буду чувствовать вѣсть рядомъ съ собою... Пойдемъ, дружище, къ Воронину. Можетъ быть и онъ расшевелится отъ этихъ преній... Можетъ быть, и для всей нашей колоніи это будетъ началомъ конца. Можетъ быть, опять заживемъ, зашевелимся, заволнуемся... Ахъ, какъ необходимо, какъ страшно необходимо намъ что-нибудь такое, что расшевелило бы насть. Мы засыпаемъ, насть давитъ кошмаръ будничныхъ и попыхъ чувствъ и дѣлишкъ. Мы погружаемся въ губительный, мертвящій, изсушающій сонъ. Мы живемъ жизнью мелкой, противной намъ всѣмъ, мы глупѣемъ... Нѣть, право, собираясь, идемъ!.. Развѣ ты не чувствуешь, что все, что мы дѣляемъ здѣсь въ ссылкѣ, недостойно насть, ниже насть!..

Онъ чуть ли не за руку вывелъ на улицу Красусскаго и то же самое сдѣлалъ съ Воронинымъ.

Когда они втроемъ вошли въ квартиру Аркановыхъ, Аркадій Павловичъ уже читалъ свой рефератъ. Онъ пріостановилъ чтеніе и, не двигаясь съ мѣста, ждалъ терпѣливо, пока не утихли голоса, шорохъ платьевъ и движеніе стуль-

евъ. Прибывшіе оскорбили его своимъ опозданіемъ, и онъ неохотно вкратцѣ повторилъ начало доклада.

Читаль Аркановъ хорошо, спокойно, приятно, немного однообразно, былъ очень чутокъ къ малѣйшему звуку или движенію слушателей, сейчасъ подымалъ вверхъ голову и ждалъ, молча. Когда Арканова вышла на ципочекахъ въ сосѣднюю комнату, чтобы налить по стакану чаю вновь прибывшимъ, Аркановъ позвалъ ее безцеремонно:

— Женя, ты, вижу, совсѣмъ не слушаешь!..

— Да нѣтъ же!.. Я здѣсь слышу прекрасно...

Самуилъ взглянула насмѣшило на сидѣвшаго рядомъ Негорского.

— Развѣ станешь возражать? По моему, его бы слѣдовало убить молчаніемъ. Преніями ты убѣшь нась всѣхъ, мы уснемъ вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ... — написалъ онъ ему на кусочкѣ бумаги. Негорскій кивнулъ головой и слушалъ дальше все съ тѣмъ же не ослабѣвающимъ вниманіемъ, слѣдилъ за цифрами, изреченіями, цитатами, разсужденіями, которыхъ лились обильной струей. Всего тамъ было понемногу: физики, хими, даже геологіи и астрономіи. Теорія волнообразныхъ колебаній проплыvalа по извѣстной классифікаціи наукъ черезъ всѣ отрасли знанія, чтобы въ концѣ концовъ черезъ біологію и психологію проникнуть въ соціологію... Путь былъ длиненъ, труденъ и... извилистой. Самуилъ чертилъ на бумагѣ фигурки, Петровъ съ трудомъ подавлялъ зѣвки, Гликсбергъ смущенно игралъ часовой цѣпочкой, Черевинъ безпокойно поглаживалъ бороду, Мусья спалъ, склонившись на руку. Всѣ вздохнули и дружно поднялись, когда Аркановъ перевернуль послѣднюю страницу.

— Господа, прежде всего прошу васъ поужинать!..—обратилась къ нимъ Евгения.

Гости окружили приготовленный въ сторонкѣ столъ и принялись молча юсть.

— Такъ... какъ-же?—спросилъ послѣ нѣкотораго молчанія Аркановъ.

— Очень недурно. Я бы одно только лишь замѣтилъ: цитаты...—началъ было Гликсбергъ.

— Что... цитаты?

— Мало... разнообразны.

Присутствующіе громко разсмѣялись. Гликсбергъ обидѣлся.

— Чего смеетесь?.. Именно были пропущены многие серьезные авторы...

Аркановъ пренебрежительно повелъ плечами.

— Напримеръ, кто?

— Хотя бы... Кантъ.

— Не беспокойтесь, товарищъ Гликсбергъ... не беспокойтесь!.. — насыщливо вставилъ Самуиль. — Хотя и нѣть Канта, читать совершенно достаточно, и онъ являются... лучшей частью рефера.

Аркановъ выпрямился. Въ воздухѣ запахло столкновенiemъ. Черевинъ и Евгения приблизились къ Арканову, другie ссыльные безсознательно собрались въ противуположномъ углу около Негорскаго. Тотъ, молча, доѣдалъ холодное мясо и допивалъ чай. Гликсбергъ переходилъ отъ одной группы къ другой, Мусыя и Воронинъ стали совсѣмъ въ сторонѣ.

— Главный недостатокъ этой работы... — началъ, наконецъ, острымъ голосомъ Негорскій, — это совершенная ея ненужность, совершенная бесплодность. Прежде всего, какая ея цѣль, и что въ ней стремится доказать авторъ?

— Какая цѣль?.. Очень просто: я пытался изслѣдовавъ научный законъ! — отвѣтилъ Аркановъ.

Негорскій криво усмѣхнулся.

— Странный научный законъ, опирающійся на усмотрѣніе своего изобрѣтателя. Что свѣтъ, теплота, звукъ, электричество расходятся волнами, изъ этого ничуть еще не слѣдуетъ, что вся вселенная дрожитъ и волнуется... Я не буду касаться основного понятія движенія, которое, быть можетъ не болѣе реально, чѣмъ иная „категорія“ человѣческаго мышленія, — повторилъ Негорскій одно изъ болѣе частыхъ выражений Арканова... — какъ, напримѣръ, пространство и время... Можетъ быть, и движеніе — представление также субъективное и условное... Я рѣшать этого не берусь... Пусть этимъ занимаются специальные изслѣдователи и учёные... Намъ слѣдуетъ, полагаю, прежде всего обратиться къ вопросамъ болѣе простымъ и болѣе близко нась касающимся. Вы доказываете, что всякое теченіе и всякое дѣйствіе въ человѣческихъ обществахъ принимаетъ волнобразный характеръ, что оно обязательно состоить изъ двухъ дугъ, обратно выгнутыхъ: изъ акціи и реакціи. Вы приводите цѣлый рядъ историческихъ доказательствъ, изъ которыхъ злостный слушатель могъ бы заключить, что, такъ какъ это непреоборимый міровой законъ, и мы уже находились въ акціи, то теперь мы, естественно, должны попасть въ... реакцію. А вѣдь это совсѣмъ не такъ!.. Та же исторія, которая доставила вамъ столько неопровержимыхъ доказательствъ, доставляла и всегда будетъ доставлять не меньшее число и не менѣе неопровержимыхъ доказательствъ и совершенно другимъ, часто какъ разъ обратнымъ теоріямъ. Я, напримѣръ, на основаніи той же исторіи совсѣмъ иначе

представляю себѣ процессъ развитія человѣчества. По моему, онъ является безконечной цѣпью неустанной борьбы, неодолимымъ и самодовлѣющимъ движеніемъ въ высь, безъ отдыха и отступленія... Послѣднее для него гибель... Движеніе это мѣняетъ виѣшнія формы, приспособляется, но ни остановиться, ни попятиться назадъ оно не можетъ, такъ какъ его закономъ является постоянное стремленіе къ полнотѣ жизни, къ счастію, наслажденію, къ совершенству... Но допустимъ, что я не больше, какъ странный, ребяческій мечтатель, незрѣлый умъ, на котораго въ сущности и вниманія-то обращать не стоитъ. Такъ возьмемъ другую теорію, которую исповѣдуется нашъ другъ Александровъ и которая прекрасно объясняетъ намъ, что приводимые примѣры легко истолковать и въ другомъ смыслѣ... Товарищъ Александровъ, какъ это мы многократно слышали, доказываетъ, что въ человѣческихъ обществахъ, отъ самаго ихъ первообразованія, всегда и вездѣ параллельно развивались два сосуществующія теченія: аналитическое и синтетическое. На эту нить превосходно нанизываются всѣ—и давно прошедшія, и современные события. Эпохи раздѣляются на созидательный и разрушительный, люди—на революціонеровъ и тружениковъ. У этой теоріи такія же универсальные замашки, какъ у вашей теоріи, Артемій Павловичъ. Александровъ также охотно проводитъ свои параллели и въ другихъ областяхъ знанія, примѣняетъ ихъ въ физикѣ, химії, геогнозіи и проч. Но что изъ этого? Какое намъ дѣло до всѣхъ этихъ законовъ? Я думаю, что наши законы мыносимъ въ самихъ себѣ. Мы несемъ ихъ, какъ орудія, и употребляемъ, какъ оружіе для завоеванія главной нашей цѣли, главной цѣли жизни, для завоеванія себѣ возможно полнаго счастія. А однимъ изъ первыхъ условій этого счастія есть самоуваженіе. И вотъ, я въ силу этого самоуваженія принужденъ отказаться отъ всей вашей теоріи—акціи и реакціи, которая, въ сущности, не болѣе какъ пустая и опасная шутка.—Нѣть, не туда наша дорога, милые товарищи! И вы, Артемій Павловичъ, лучше, чѣмъ открывать и выдумывать псевдо-научные законы, соединитесь съ нами и направьте свои способности и средства къ скорѣйшему открытию выхода для всѣхъ насъ изъ... египетскаго плѣненія, въ которомъ мы задыхаемся, въ которомъ мельчаемъ и гибнемъ!.. А выйдемъ ли мы оттуда по волнистому или спиральному пути—это не важно.—Не правда-ли?

Никто не отвѣтилъ ему. Всѣ были смущены рѣзкостью его тона и необычнымъ заключеніемъ.

— Вы, значитъ, предлагаете новый побѣгъ?

— Новый? Нѣтъ, я предлагаю все тотъ-же старый, такъ какъ я всегда предлагалъ его и вѣчно предлагать буду...

— Даже послѣ того, что случилось?.. Вы... вы!

— Да, я. Вообще, я требую, чтобы политические ссыльные прежде всего бѣжали, чтобы они мечтали о побѣгѣ, чтобы ихъ кровь, мозгъ, сердце, легкія пропитаны были жаждой побѣга, чтобы она была сутью ихъ жизни, какъ единственная форма борьбы за свободу, доступная имъ въ ихъ положеніи... Иначе имъ грозить позорная смерть за живо...—закончилъ Негорскій, слегка блѣднѣя.

— Вы смѣете говорить это?.. Вы, который своимъ легкомысліемъ уже разбили одинъ побѣгъ... —вскричалъ Аркановъ.

— Это васъ не касается!—вмѣшался рѣзко Красусскій.

— Какъ... „не касается!“ Развѣ мы не подвергали себя опасности и отвѣтственности? Развѣ вы не пользовались нашей помощью?!—гримѣлъ Аркановъ.

— Артемій!!!.. удерживала его жена.

Но Аркановъ уже сорвался и понесъ. Онъ облилъ неудачныхъ бѣглецовъ потоками укоровъ и порицаній, такъ что тѣ молча взялись за шапки. Тщетно останавливалась ихъ Евгенія, они удалились и унесли съ собою ея мечты о дружбѣ и единеніи всѣхъ товарищей по несчастію.

— Ты черезътурь рѣзко напалъ на него! — упрекалъ Александровъ Негорскаго.—Слѣдовало хоть немнога щадить его самолюбіе...

— Тогда мнѣ пришлось бы все пощадить, такъ какъ тамъ нѣтъ ничего, кромѣ самолюбія. Ты не замѣчаешь всей его замысловатой и коварной политики. Онъ въ каждомъ дѣлѣ, въ каждомъ возникающемъ вопросѣ доводить свои требованія до такихъ крайностей, что предложения падаютъ сами собою. Выходитъ очень благородно, очень революціонно и крайне... подло, такъ какъ, въ сущности, онъ нравственный банкротъ, и если-бъ слова его приняты были нами за чистую монету, онъ первый преспокойно отказался бы отъ нихъ подъ благовиднымъ предлогомъ. Разсужденія его приблизительно таковы: такъ какъ мы не можемъ добыть немедленно полную свободу и объявить въ Джуржуѣ конституцію, то мы должны помириться съ своей судьбой и со всѣмъ, что изъ сего истекаетъ.. То была акція, а это реакція—по закону воли въ соціологіи.. Аркановъ эгоистъ, ревнивецъ; онъ тревожится за жену, онъ опасается, что она замѣтитъ, какой у нея мужъ молодчикъ, и бросить его... Отсюда всѣ эти исторіи, лекціи, доклады, рефераты, желаніе сыграть ученую роль, отсюда и соціологическая теорія, оправдывающая отступленіе. Разсужденіе было и будетъ всегда лакеемъ нашихъ страстей!..

Красусскій шелъ позади. Слова „ревнивецъ“... „тревожится за жену“... ужалили его въ самое сердце.

— А а-а! Вотъ какъ?.. Хорошо же!..—повторялъ онъ несусрочно, блуждая мыслью по какимъ-то темнымъ и противнымъ закоулкамъ собственной души.

IV.

Слѣдующіе нѣсколько дней Красусскій провелъ въ крайне удрученномъ состояніи духа. Осенний перелетъ окончился и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились работы въ мастерской. Вынужденная праздность увеличивала его тоску. Онъ не въ силахъ быть ни читать, ни заниматься науками, такъ какъ малѣйшее напоминаніе о родинѣ, о женщинахъ, о любви, о другой, милой жизни въ милой средѣ — вызывало въ немъ жгучее страданіе, доводившее его до умопомраченія.

Къ счастію, пришелъ въ городъ панъ Янъ, заглянуль въ юрту Александрова и напустился на пріунывшихъ и раскисшихъ друзей.

— Что случилось?! Чего носы повѣсили? Сидите грустные, точно курицы на яйцахъ... Приходите ко мнѣ. Такая тамъ красота... Всѣ горы кругомъ въ кораллахъ, въ золотѣ, въ шелку... Ягодъ пропасть! Гдѣ ляжешь, тамъ, не двигаясь съ мѣста, съть встанешь! На деревьяхъ рябчики, точно индюки, сидятъ и тетерева не хуже лошадей!.. Выпейте по рюмочкѣ и... айда!.. Право!..

Онъ постукивалъ по табакеркѣ и протягивалъ ее друзьямъ.

Негорскій, который мрачно погрузился въ чтеніе книгъ, на мгновеніе поднялъ склоненную голову, Александровъ пробормоталъ что-то невнятно; одинъ Красусскій далъ уговорить себя.

— А можетъ кто-нибудь еще? Можетъ быть, Петровъ или Самуилъ?

— Никого не приглашай больше, никого!.. Прошу тебя въ этотъ разъ, панъ Янъ!

Съ потерей мѣста больничнаго сторожа панъ Янъ рѣшилъ ради экономіи перебраться за рѣку. Тамъ, въ мѣстности Бурунукъ, въ семи верстахъ отъ города, одинъ изъ родственниковъ его жены уступилъ ему для жительства юрту. Тутъ же за юртой подымалась высокая, крутая гора, до половины заросшая лиственнымъ лѣсомъ и густымъ березнякомъ. Впереди юрты, между ней и рѣкой, разстилалась обширная луговая долина, отдѣленная, какъ и большинство сосѣднихъ

луговъ, отъ рѣки полосой спутанного и густого тальнику. На лугу въ разныхъ мѣстахъ блестѣли лужи и озерца замерзшей воды. Узкое, длинное, какъ рѣчная протока, озеро извивалось у подножья горы.

Когда охотники вышли на разсвѣтъ изъ юрты, Красускій не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія:

— Панъ Янъ, да вѣдь день-то будетъ для охоты—золото!

Плёнка тонкаго, молочнаго тумана покрывала весь лугъ. Деревья, кусты, стога сѣна поднимались изъ мглы, точно мелкіе острова, а вдали чернѣль лѣсъ, будто берегъ. Надъ туманомъ повисъ необъятый океанъ холоднаго воздуха, пропитаннаго серебристымъ свѣтомъ просыпающагося дня, а выше—бирюзовый сводъ неба съ меркнувшими звѣздами. На востокѣ исподволь разгоралась алая заря съ примѣсью золота. Но сіяніе ея еще было слабо. Въ горныхъ падахъ, по низамъ и ущельямъ, таились еще скрытые остатки уходящей ночи, предметы не отбрасывали еще тѣней, и окрестности, беззвучныя и неподвижныя, покоились во мглѣ, какъ чловѣкъ, который только что проснулся и уже раскрылъ глаза, но котораго еще не оставили сонныя видѣнія.

По сухой, крѣпко подмерзшей тропинкѣ выбрались охотники на озеро и, скользя, побѣжали по прозрачному, тонкому льду. Со дна просвѣчивали длинныя, темныя водоросли. Оружіе и всѣ охотничіи доспѣхи были крѣпко и ловко подвязаны, чтобы не позвякивали, не гремѣли и не отлетали въ сторону при движеніяхъ. Поэтому люди скользили по озеру среди мглы безшумно, точно привидѣнія. Кой-когда, въ темной глубинѣ озера, подъ ними вспыхивали снопы золотыхъ искрь—это стаи испуганныхъ рыбъ быстро поворачивали въ пути, сверкая чешуей. Кой-гдѣ, у самыхъ ступней своихъ, охотники вдругъ замѣчали уродливыя головы водяныхъ великановъ, съ камневидными узкими лбами, съ разинутыми ртами... Ихъ жаберные щиты тихо двигались въ мѣрныхъ движеніяхъ, ихъ круглые, янтарные глаза безъ вѣкъ глядѣли на проходящихъ людей съ туپымъ удивленіемъ. Панъ Янъ шутливо грозилъ имъ кулакомъ, а они, лѣниво двигая плавниками, поворачивались къ нему хвостами и исчезали въ чащѣ водорослей. Долго затѣмъ дрожали и колыхались длинныя нити травъ и водяныхъ лилій, сомкнувшись позади.

Охотники направились въ горы, на склонахъ которыхъ все отчетливѣе вырисовывались лѣса, рощи, отдѣльные деревья, утесы и скалы.

— Я тутъ знаю одну падь, гдѣ всегда есть рябчики. Мы погонимъ ихъ сначала вверхъ, а послѣ внизъ. Весь табунъ

перебьемъ, если посчастливится... А только, смотрите: чуръ, не пуделять!.. Разъ мимо—стая убѣжитъ!..—поучалъ Янъ Красусского.

Густые, узловатые кусты горной ивы покрывали дно ущелья, а на бокахъ его ростъ высокій лиственныій лѣсъ. У входа въ ущелье охотники раздѣлились: Янъ пошелъ налево, Красусскій направо. Они принялись внимательно осматривать кусты. Солнце уже золотило верхушки растущихъ на склонахъ горъ деревьевъ, но на днѣ пади въ тѣни крутыхъ откосовъ еще держались пепельныя сумерки. Смѣсь мрака и сѣрыхъ осеннихъ кустовъ образовала тамъ такую дымчатую неопределеннную ткань, что даже опытный глазъ Красусского блуждалъ въ ней безнадежно. Юноша уже предполагалъ, что ничего нѣтъ въ кустахъ, какъ вдругъ на условный свистокъ Яна, звавшаго къ дальнѣйшему движению, одинъ изъ сучьевъ странно зашевелился. Красусскій замеръ безъ движения и зорко принялъся разглядывать. На сучкѣ сидѣлъ рябчикъ и смотрѣлъ на него каралловымъ глазомъ. Но выстрѣлить было чрезвычайно трудно, такъ какъ птицу едва видно было въ маленькое окошечко межъ причудливо спутанными сучьями и вѣтками. Охотникъ чуть наклонилъ голову, чтобы убѣдиться, нельзя ли подойти съ другой стороны, какъ вдругъ рядомъ другой рябчикъ побѣжалъ по нависшей надъ тропинкой вѣтви. Птица остановилась на самомъ ея кончикѣ съ тревожно вытянутой шеей. Въ то же мгновеніе Красусскій замѣтилъ третьяго, четвертаго рябчика—цѣлую стаю съ протянутыми сторожко шеями. Дольше ждать было нельзя, Красусскій быстро приложился и выстрѣлилъ. Пораженный рябчикъ взлетѣлъ на воздухъ и упалъ, какъ камень въ кусты. Остальные улетѣли, шумя крыльями и сверкая бѣлыми подбрюшниками. Пока Красусскій заряжалъ ружье и разыскивалъ въ чащѣ убитую птицу, загудѣлъ выстрѣлъ Яна и опять зашумѣли крылья и забѣлѣло въ кустахъ уже повыше пади. Красусскій, не сводя съ глазъ мѣста, гдѣ сѣли птицы, подкрадывался осторожно бокомъ оврага, въ то время какъ Янъ двигался параллельно по другой его сторонѣ. Оба старались стрѣлять одновременно, давая знать о себѣ другъ другу условнымъ посвистываніемъ. Не доходя до конца оврага, Янъ крикнулъ Красусскому, чтобы тотъ взобрался на увалъ и обошелъ падь горою. Охотники сошлились на перевалѣ.

Панъ Янъ былъ видимо доволенъ, десятокъ рябковъ висѣли у его пояса.

— А что?. Молодцы мы, а? За то выпьемъ по рюмочкѣ? Хорошо?!. А вы, вотъ, зачѣмъ птицу портите?.. Ге!.. Не слѣ-

дуется... Не ладно!.. Я видѣль, какъ вы одного подбили, и онъ улетѣль. Промахъ, такъ промахъ, а попадать, такъ надо, какъ слѣдуетъ, съ голку... А то „онъ“ теперь разскажетъ товарищамъ и уведеть ихъ изъ оврага. Будьте увѣрены, что уведеть... Вы смѣетесь... Напрасно! Это такъ, я не разъ наблюдалъ... Раненый, онъ дальше летить, а за нимъ и другіе... Обратно намъ придется идти много осторожнѣе и не дальше, какъ до полѣ-пади... Подбитые ужасно пугливы: разъ не издохли сейчасъ же, первые затѣмъ срываются. Когда станемъ обходить оврагъ, помните, что нужно высоко взобраться и заложить издали... А то подъ гору летьтъ рябчики много щибче и садятся много дальше... Если по три раза выстрѣлить позволять, то и то слава Богу!.. А когда покончимъ, то напьемся чаю вотъ здѣсь, на этой сѣдловинѣ. А что?.. Я вамъ не худо посовѣтовать, сразу у вѣсъ глаза повеселѣли... Совсѣмъ бы вы у меня поселялись, мы бы ловушекъ на зайцевъ, да луковъ сотню поставили и зажили бы припѣвающи... Сѣти мы забросили подъ ледъ на этихъ дураковъ, что давеча на насъ глаза изъ озера пустили... Право!..

— Не позволять, не пустятъ изъ города!.. Намъ нельзя отлучаться, вы знаете! Мнѣ не хотѣлось бы пока ссориться изъ-за пустяковъ съ полиціей. А главное ты, панъ Янъ, нажилъ бы себѣ много непріятностей и придиrokъ со стороны властей!..

— Что они мнѣ сдѣлаютъ? Вышлютъ, что ли? Не больно я ихъ боюсь... Развѣ я не вездѣ вольный казакъ?.. Только ребятишекъ и старуху жаль, за что ихъ мучить... а то...

Янъ дернулся сердито повисшій усь и вздохнулъ.

Лицо его чуть омрачилось.

— Ого!.. Было время!.. Боялся я до тѣхъ поръ, пока шапки не надѣлъ... А шапку надѣлъ—и страхъ вонь!.. Пойдемъ уже, баринъ, пойдемъ, а то рябцы посовѣтуются, надумаютъ да и улетятъ...»

Когда, гонимые обратно вверхъ, рябчики, израненные и испуганные, вспорхнули, поднялись выше зарослей и полетѣли за перевалъ, люди поспѣшили слѣдомъ за ними и взобрались на знакомую уже сѣдловину. Панъ Янъ осматривалъ мѣстность, выбирая мѣсто поудобнѣе для костра, какъ вдругъ лицо у него потемнѣло, и онъ, не запирая даже раскрытой табакерки, быстро прицѣлился. Красусскій, думая, что оказался поблизости медвѣдь, тоже приготовилъ ружье, но уже загремѣлъ выстрѣль, и, вслѣдъ затѣмъ, громче выстрѣла, чихнуль весело панъ Янъ.

— Ну и фартъ!.. Впервые въ жизни съ табашницей въ горсти стрѣляю!.. Даже табаку высыпалось маненько....

На косогорѣ, по другую сторону скалистого порога, трепыхался и катился внизъ красивый черный тетеревъ, а другой летѣлъ повыше лѣса надъ долиною, широко распростерши крылья. Это приключение еще лучше настроило охотниковъ. Янъ остріль и сыпалъ прибаутками, точно изъ мѣшка, ловко въ то же время сооружая костеръ и приготавляя чай; Красусскій, улыбаясь, ощипывалъ перья съ рабчиковъ, предназначенныхъ на жаркое.

— Жизнь не салогъ, не сошьешь по указанной колодкѣ. Хочешь такъ, а выходить совсѣмъ наоборотъ. Напримѣръ, теперь: меня выгнали изъ больницы... Казалось, совсѣмъ крышка! Куда дѣнусь съ ребятами?.. Пропадомъ пропаду... А между тѣмъ, вотъ живу себѣ, чиновникамъ въ городѣ сапоги починяю... Вчера полтора рубля отъ исправника за подметки взялъ... — „Смотри, — говорить,—чтобы были варшавскія!..“ — Варшавскія — отвѣчаю — особыя, требуютъ угоженія! — Налилъ рюмку изъ графинчика, что у него въ углу на столикѣ стоять, самъ выпилъ и мнѣ поднесъ... — „А что? — спрашивается — лошадь Александрова у тебя?“ — У меня, господинъ исправникъ! — „А скоро они возьмутъ ее въ городѣ?“ — Не знаю, господинъ исправникъ! — „Хорошо, Когда возьмутъ, то придешь и скажешь мнѣ..“ — Молчу. смотрю на него. Весь покраснѣлъ. — Этого, ваше высокоблагородіе, я не сдѣлаю... — „Почему?“ — Потому, что это не по... варшавски!.. Разсмѣялся, еще рюмку водки поднесъ мнѣ и говорить: — „Молодецъ! если убѣешь что-нибудь, принеси мнѣ...“ — Понесу завтра тетерева. Онъ меня любить и хорошо платить. А прогнать изъ больничной службы долженъ быть, на то онъ начальникъ, на то поставленъ, чтобы человѣка склонять въ свою сторону, а человѣкъ воленъ подлость сдѣлать, иль нѣтъ... Что вы такъ задумались?.. Вы не слушаете?

Красусскій глядѣлъ на долину, разстилавшуюся подъ ними въ лучахъ солнца. Густой, желтый березнякъ золотилъ ея приподнятые бока; выше поднимались порыжѣлые лиственницы, а по самому дну шла темная полоса спутанныхъ тальниковъ и ольхъ. Тамъ и сямъ виднѣлись кровяно-красныя пятна шиповниковъ и дикой малины. Все запирала вдали синяя гладь замерзшаго озера, окаймленная темными изгибами лѣса. Дальше подымалась цѣль сѣдыхъ горъ и синева небосклонна.

— А что, панъ Янъ, еслибы такъ вдругъ... ружье вскинуть за спину да пойти, куда глаза глядятъ... Что бы случилось?!

— Теперь?.. Зимою?..

— Допустимъ, теперь!

— Такъ вы сами знаете, что бы случилось... Расклевали бы галки да вороны, волки бы съѣли... Эй, эй!.. Вижу, что у васъ что-то нехорошее въ головѣ опять ходить! Опять хотите заварить кашу!?

Старый охотникъ взглянуль жалостливо изъ-подъ нависшихъ бровей на грустное, тоскующее лицо юноши.

— Послушайте лучше, расскажу я вамъ, какъ я однажды влюбился въ русскую; вѣдь и среди нихъ есть хорошія, сердечныя женщины...

— Нѣтъ, не надо!..

— Что такъ?

— Лучше что-нибудь другое...

— Тогда расскажу вамъ, какъ мы, поляки, уже тутъ, въ Якутской области, бунтовали. Видите, насъ сначала поселили на югъ. Много насъ пришло, все молодежь, изъ солдатъ... не присягнувшихъ... Распредѣлили насъ власти по якутамъ, по одному, запретили видаться. А мы всѣ привычны были къ компаніи и страшно скучали. Къ тому же, насъ худо кормили. Богъ знаетъ чѣмъ, какими-то отбросами, гадостью... Ни купить чего другого, ни достать!.. Ружья ни у кого нѣтъ, охотиться нельзя, якуты караулять, за порогъ, почитай, съ трудомъ пускаются... Сейчасъ: куда? да какъ? да зачѣмъ? Обѣщаю начальство выдавать „пособіе“—пудъ муки и три рубля деньгами ежемѣсячно. Жду я это одинъ мѣсяцъ, жду другой—все ничего нѣтъ. Между тѣмъ, мой хозяинъ, маленький, знаете, якутскій князекъ, уже нѣсколько разъ побывалъ въ городѣ и сказывалъ, что въ полицію заходилъ и тамъ ему все отвѣчали: нѣтъ ассигновокъ! Только не поглянулось мнѣ, что въ глаза якутъ не глядить и слишкомъ ужъ распинается, что говорить правду. Говорю я ему: я самъ съ тобой въ городѣ отправлюсь. „Въ городѣ нельзя“—отвѣчаетъ. Ну, такъ къ товарищамъ веди меня! „Къ товарищамъ тоже нельзя“. Я у тебя разрѣшенія не спрашиваю! „Такъ иди самъ, пусть тебя медвѣдь сѣсть или утопись въ болотъ...“ Вѣрно: лѣсь глухой, дорожекъ много, а я еще не привыкъ къ якутской тайгѣ и по новизнѣ опасался... Якуты дороги показать не хотятъ. Притворился я, что не думаю больше о путешествіи, а тѣмъ временемъ присматриваюсь, по какому направлению уѣзжаютъ якуты въ городѣ. Замѣтилъ я, что на этомъ пути черезъ каждые нѣсколько десятковъ саженей зарубка на лѣсинѣ виднѣется. Смекнулъ все это и однажды, когда особенно шибко захандрилъ, выждалъ, чтобы якуты ушли на работу, да и махнуль прямехонько по этой дорогѣ. Прошелъ нѣсколько верстъ, вышелъ на такой же сѣнокость, съ такой же юртой посерединѣ, какъ и у моего якута. Соображаю, войти въ нее

или нѣтъ, вдругъ двери раскрываются и выходитъ мой другъ и товарищъ Франекъ Лознякъ. Я выругался даже съ досады, что былъ отъ него такъ близко, а ничего не зналъ. Онъ тожешибко обрадовался. Разговорились мы. У него была та же бѣда, что у меня. „Пособія“ нѣтъ, якуты обижаютъ, кормятъ всякой дрянью, заниматься ничѣмъ не даютъ, ходить едва на край лѣса позволяютъ, а такъ какъ Франекъ былъ меня добрѣе, то даже ругаютъ его. Разсердился я: если такъ,— говорю,—то пойдемъ къ другимъ товарищамъ... Вѣрно, живутъ недалеко. И пошли мы; отъ слѣдующаго уже втроемъ направились дальше. Собралась насть большая куча, человѣкъ пятнадцать. Отправились мы въ управу. Тамъ намъ сказали, что о нашемъ „пособії“ имъ ничего не извѣстно. Кормить насть было нечѣмъ. Выдали намъ управскіе неводы, наловили мы карасей въ озерѣ... Сами наѣлись, еще якутовъ накормили. Отправились на слѣдующій день въ городъ, прямо къ губернатору. Тотъ испугался, казаковъ позвалъ, насть приказалъ окружить и только тогда вышелъ. И что же оказалось: деньги и муку давно намъ высыпали изъ казны, да все забирала полиція. Съ князьями якутскими снюхалась, счета составляли вмѣстѣ, квитанціи за насть подписывали... Такъ пропало много нашихъ денегъ. Губернаторъ объѣщалъ, что ихъ намъ уплатятъ, но вмѣсто того насть увѣли въ тюрьму. Затѣмъ обратно разослали по одиночкѣ въ улусы. Сдержали-ль слово другимъ не знаю, такъ какъ меня, вмѣстѣ съ товарищемъ, съ которымъ мы, по общему порученію, разговаривали съ губернаторомъ, выслали за этотъ бунтъ сюда, на сѣверъ. Здѣсь товарищъ мой остался въ городѣ, потому что онъ былъ дворянинъ, а меня, такъ какъ я изъ простого сословія, сослали въ улусъ. Вскорѣ товарищъ вернулся на родину и, уѣзжая, подарилъ мнѣ вотъ эту двустолку. Тогда-то я и принялъ промышлять птицу и звѣря, а затѣмъ и женился, когда потерялъ надежду на скорый возвратъ... Хотя жена моя татарка, но всетаки есть развлеченіе, не въ примѣръ лучше, чѣмъ одинокому... Такова была моя участь. Еслиѣ можно было, какъ вы сказали,— ружье на спину и... куда глаза глядятъ, то я бы давно ушелъ... Да ничего изъ этого выйти не можетъ, потому что это то же, что пустить себѣ пулю въ лобъ. А жизнь на свѣтѣ все еще мнѣ нравится!.. Вы вѣдь сами знаете, какъ это бываетъ... Все чего-то ждешь!.. Вотъ и я ждалъ все манифестовъ. Манифесты шли да шли, а меня не отпускали, забыли должно быть!.. Писалъ я прошенія и въ губернію, и къ министру подавалъ, все отписывали, что не знаютъ, кто я такой, что бумаги мои въ якутскомъ архивѣ сгорѣли... А теперь, какъ присягать, то припомнили—кто... Такіе всегда

москали. Извѣстно—чинуши! Манифесты, манифесты, а они просто мани-хвости, воть они что!

Панъ Янь задумался и вздохнулъ, но вскорѣ вскочилъ на ноги и весело загудѣлъ:

Погуляли часъ,
Ну и будетъ съ насть...

И они немедленно принялись укладывать свои скромные охотничьи пожитки. На обратномъ пути наткнулись еще разъ на небольшую стаю рябчиковъ. Когда на закатѣ солнца они спускались съ горъ въ долину, отягченные добычей пояса рѣзали имъ бедра. Янь шелъ, окруженный цѣлымъ вѣнкомъ птицъ. Онъ убилъ ихъ двадцать штукъ, Красусскій—дюжину. Охотники остановились передохнуть на небольшой горной плѣщи, покрытой сплошь ковромъ каралловой спѣлой брусыники. Кругомъ кудрявые березки шумѣли золотыми листьями подъ порывами поднявшагося къ вечеру вѣтерка; съ вѣтвей колыхавшихся повыше лиственницъ сыпалась внизъ ржавая хвоя листопада; алая парча обожженныхъ морозомъ шиповниковъ ярко горѣла въ лучахъ заката. Высоко надъ ихъ головами у края скалистаго утеса, подымавшагося выше сосѣдняго лѣса, кружилась съ пронзительнымъ пискомъ пара пестрыхъ соколовъ.

— Успѣхъ ворожать! — проговорилъ панъ Янь, кивая въ сторону хищниковъ. — Промышленники привѣтствуютъ промышленниковъ!..

V.

Вскорѣ упали снѣга и забушевали осенняя выюги. Негорскій углубился въ книги и не выходилъ совсѣмъ изъ юрты. Разъ только пощель онъ вечеромъ къ Аркановымъ по настойчивому приглашенію Евгениі. Засталь онъ тамъ обычное общество, все тѣхъ же, исключая Петрова.

Царило примѣрное согласіе, не осталось и слѣда минувшей бури.

— „Пустыхъ звуковъ игра...“—подумалъ Негорскій.

— А, это вы?.. Что слышно у Яна? Говорять, Красусскій ходиль къ нему на дняхъ? — радостно встрѣтила гостя Евгения, усаживая его рядомъ съ собой у стола.

— И, слышно, много убилъ рябцовъ?—добавилъ дружелюбно Аркановъ.

— Онъ посыаетъ вамъ часть добычи.

— Почему самъ не принесъ?

Негорскій пожалъ плечами.

— Оставьте его, пусть себѣ сидить.

— Странный, невоспитанный молодой человѣкъ. Онъ совсѣмъ не въ силахъ владѣть собою!—сказалъ Черевинъ.—Кому изъ насть легко и сладко, однако, никто такъ не носится со своей тоской и хандрой, какъ онъ...

— Вы такъ полагаете?—спросилъ небрежно Негорскій.

— Господа, прошу не говорить обѣ отсутствующихъ! — вмѣшалась Евгения.—Не желаете-ли, докторъ, чаю?

— О чёмъ же говорить? Обѣ отсутствующихъ нельзя, о присутствующихъ не подобаетъ, событий нѣть...

— Разсуждайте, господа,—проговорилъ мрачнымъ голосомъ Самуилъ, — о... субъективизмѣ и объективизмѣ въ искусствѣ...

Всѣ разсмѣялись, впрочемъ, довольно грустно.

— Вы не сказали намъ, однако, что новенькаго у Яна?

— Ничего особенного. „Джурджуй, а не Калужская губернія! Горы и долы, снѣга и холода...

— Что холода?.. Холодъ пустое!..—вмѣшался неожиданно Мусья.—Отъ холода образуется кругомъ кожи горячій паръ, который не пропускаетъ простуды... Честное слово, нужно только привыкнуть!

Присутствующіе опять разсмѣялись.

— Ахъ, Мусья, Мусья!.. Мы узнали отъ васъ недавно, что солнце грѣеть, потому что оно далеко, что цинкъ растворяется—и отсюда молнія и электричество, а теперь...

— Въ этихъ разсужденіяхъ есть зерно истины...

— Давайте, господа, споемъ лучше хоромъ,—предложилъ Черевинъ.

— Надоѣло. Каждый день то же самое!

— Такъ прочтемъ что-нибудь громко.

Проектъ былъ встрѣченъ молчаніемъ.

— А что подѣлываетъ Александровъ?

— Курить трубку и размышляетъ о подлости міровозданія!

— Въ Джурджуѣ, несомнѣнно, самая убийственная вещь скуча... Невольно жаждешь, чтобы хоть исправникъ поддался съ помощникомъ, чтобы хоть кто-нибудь изъ обывателей проигрался въ пухъ, или чтобы Денисовъ... соблазнилъ, наконецъ, докторшу... Жаждеть человѣкъ скандала, глупости, чего-нибудь самого несуразнаго, лишь бы перемѣна...

— Знаете, господа, что мы сдѣлаемъ изъ рябцовъ?—заговорилъ вдругъ необыкновенно оживленно молчавшій все время хозяинъ. — Мы сдѣлаемъ изъ нихъ сыръ. Его такъ приготовляютъ: птицу сушать въ слабо протопленной печкѣ, затѣмъ мелютъ вмѣстѣ съ костями на мелкую муку и пере-

тирають со свѣжимъ масломъ... Помнишь, Женя, какой прелестный сыръ изъ дичи приготовляла твоя матушка. Пальчики оближешь!.. Итакъ, не забудьте, господа, въ воскресенье къ намъ обѣдать. Будетъ сыръ!..

Весь вечеръ прошелъ въ подобныхъ разговорахъ.

Негорскій вернулся домой, злой, крайне разстроенный и тоскующій.

— Къ чорту!.. Жаль времени и остроумія!.. Немного еще,— и мы скиснемъ и измельчаемъ въ конецъ... Сыръ изъ дичи! Тыфу!.. Придется вплотную засѣсть за книги, а около Рождества, можетъ быть, деньги придутъ, и положеніе выяснится...

„Положеніе“ было новымъ, исправленнымъ планомъ побѣга семи всадниковъ черезъ лѣса и горы...

— Не тужи. Весною всѣ двинемъ. Это будетъ великолѣпная поѣздка, веселая и удобная!.. — сказалъ какъ-то Негорскій Красусскому, входя въ юрту.

Красусскій, въ шапкѣ на головѣ и съ руками въ карманахъ, мѣрно кружился по комнатѣ.

— Какъ такъ, всѣ?

— Ну, кромѣ Аркановыхъ, Мусы и Черевина.

— Развѣ случилось что-нибудь? — спросилъ Александровъ, высываясь изъ угла.

— Нѣтъ, но... деньги придутъ!

— Ахъ! — вздохнулъ великанъ и спрятался опять въ тѣни.

— Зачѣмъ лишать людей иллюзій? — шепнула Негорскій съ комичнымъ упрекомъ.

— А зачѣмъ поддерживать ихъ?

— Жить легче!..

Красусскій остановился и сталъ прислушиваться къ разговору, но разговоръ вдругъ оборвался. Въ этотъ разъ, къ удивленію Красусскаго, вздохнулъ Александровъ. Впрочемъ, это случилось только разъ, а затѣмъ изъ угла, гдѣ лежалъ вытянувшись великанъ, долетало исключительно сопѣніе его маленькой трубочки, „неугомонной“, какъ шутя прозвали ее товарищи. Красусскій возобновилъ кругообразную прогулку по юртѣ.

Такъ кружатся по клѣткамъ сильные, неприрученныя животныя, да человѣкъ въ тюрьмѣ. Такъ любилъ ходить и Александровъ. Когда оба они, одинъ въ одной комнатѣ, другой въ другой, устраивали этотъ странный концертъ однообразныхъ, тихихъ, точно крадущихся шаговъ, похожихъ на шумъ капель, капающихъ въ сталактитовыхъ пещерахъ, Негорскій приходилъ въ бѣшенство.

— Палачи!.. Живодеры!.. Перестаньте, наконецъ, мучить

меня!—кричаль онъ, подымая глаза отъ книги.—Убирайтесь къ чорту, уходите на всѣ четыре стороны, принимайтесь за какую-нибудь работу или... повѣсьтесь!.. А если всего этого не хотите сдѣлать, то поставьте самоваръ!

Въ концѣ концовъ, являлся самоваръ. Звонъ стакановъ, шипѣніе пара, бурленіе кипятку въ мѣдномъ желудкѣ самовара, самый, наконецъ, процессъ разливанія и распиванія чая, доставляли жителямъ юрты временное развлеченіе.

— „Сыръ изъ дичи“, только болѣе подлаго сорта!..—вздыхалъ Негорскій.—Пришелъ бы, что ли, Самуилъ или лучше еще Муссya и принесъ какую-нибудь сплетню!.. Но на дворѣ такая погода, что и собаку не выгонишь!..

Если, не смотря на вынужу, являлся Муссya, ссыльные принимали его, какъ принца:

— Садитесь, рассказывайте!.. Гдѣ вы пропадали, что такъ долго не показывались?..

— Былъ третьяго дня!?

— Вотъ видите! А мы думали, что годъ времени прошелъ съ тѣхъ поръ... Вы должны цѣнить наши къ вамъ чувства и разсказать намъ такую исторію, чтобы духъ захватило...

— Откуда возьму?.. Въ городѣ большая скуча. Распространяется неудовольствіе. Даже въ карты мало играютъ!—рассказывалъ довольный Муссya, глотая прожорливо хлѣбъ съ масломъ.—Ждутъ всѣ съ нетерпѣніемъ клади съ водкой. Обозъ гдѣ-то задержанъ гололедицей, остановился среди озера... Нѣть свѣдѣній!.. Но какъ могутъ прийти, если ледъ не имѣть снѣга, а копыта лошадей безъ подковъ катаются... Варлаамъ Варлаамовичъ даже похудѣлъ отъ ожиданія, а докторъ попалъ въ отчаянность... Онъ обвиняетъ полицію и послалъ меня къ вамъ, Красусскій, чтобы вы исправили ему шарманку... Она очень хороша, а главное—играеть марсельезу, что необходимо теперь доктору, какъ протестъ... Тамъ не хватаетъ нѣсколько зубчикъ и одна колесо. Докторъ требовалъ, чтобы я поправилъ эти зубчикъ отъ марсельеза, какъ французъ, но я не могу этимъ дѣломъ заниматься, чтобы не портить „affaire“ товарищу...

— Извѣстно намъ хорошо твое золотое сердце, Муссya!.. Но что еще слышно на свѣтѣ...

Муссya улыбался и, не глядя на товарищей, продолжалъ:

— Да вы не позволяете окончить... Если человѣку помогаетъ, уважаетъ гражданина, то отъ этого бываетъ всѣмъ полезно... Вы сами говорите, напримѣръ, что я имѣю хорошее основаніе для того, что мнѣ помогаетъ, а симпатія, я слышалъ, не разъ ведетъ къ соціалистическому устройству... Вотъ все!

— Чудесно!.. Вы умница, Мусья, но что еще слышно въ городѣ?

— Ничего. Я говорилъ уже: нѣтъ водки, гололедица на озерахъ, въ карты мало играютъ... Да, вотъ Черевинъ проигралъ его помощникъ, играли они до бѣлага утра у исправника... Сначала играли въ винтъ, а затѣмъ въ штосъ...

— А что еще?

Мусья задумался.

— Право, удивленіе!.. Вездѣ я былъ, а разсказать теперь нечего... Развѣ что попъ... уговариваетъ меня, чтобы я принялъ православіе...

— Что-о?

— Ну, да! Онъ вѣрно говоритъ, что это единственный хороший проектъ, чтобы отсюда выбраться... Потому что я, напримѣръ, могу въ рясѣ ходить за подаяніемъ отъ мужика до мужика... Деньги я могу имъ возвратить, когда заграницей заработаю...

Друзья взглянули другъ на друга значительно.

— Ты, во всякомъ случаѣ, подожди съ этимъ проектомъ, Мусья, совѣтуемъ тебѣ...

— Зачѣмъ ждать?.. Теперь зима, а затѣмъ будетъ весна. Нѣтъ другого средства. Рису я имъ тоже обратно пошлю... А другой безнравственности я не вижу...

— Не въ томъ дѣло, но... тебя и въ рясѣ отсюда непустятъ!

— Это мы будемъ посмотрѣть!

Онъ вытеръ свое вспотѣвшее лицо, попрощался и ушелъ.

— И этотъ тоже!..—сказалъ Негорскій.—Еще намъ помѣшаетъ... Ахъ, деньги... проклятые деньги!

— А если ихъ... не пришлютъ? Тогда что?

— Что-о! Почемъ я знаю что?.. Скорѣе всего, что ты, Красусскій, возьмешь лошадь и убѣжишь... Ты самый ловкий изъ насъ.

— Одинъ я не поѣду. Предпочитаю раздѣлить вашу участъ... Знаете, что тогда? Тогда мы бросимся на полицію, арестуемъ исправника, заберемъ казну, возьмемъ силою почтовыхъ лошадей... Я готовъ на все... Надоѣло мнѣ!..

— Все это въ твоемъ вкусѣ. Но для успѣха всякой борьбы необходимо, чтобы враги возбуждали въ насъ нѣчто большее, чѣмъ отчаяніе. Нужно, чтобы всякий нашъ планъ имѣлъ хоть нѣкоторую вѣроятность успѣха, чтобы не быть очевиднымъ сумасбродствомъ!—доказывалъ Негорскій.

Дни проходили; появлялись все болѣе и болѣе толстые слои снѣга. Обозъ съ водкой пришелъ, наконецъ. Джурд-жуйцы устроили ему блестящую встречу. Самуиль, который

случайно былъ свидѣтелемъ этого происшествія, вечеромъ рассказывалъ Аркановымъ подробности.

— Вижу: на улицахъ необыкновенное движение, вездѣ кучки людей. Докторъ, живописно задрапированный въ дорогую шубу, стоитъ у воротъ своего дома, а позади него фельдшеръ Федоркинъ и господинъ Козловъ. Учитель и Денисовъ промчались мимо меня въ саняхъ. Всѣ глядѣли въ одну сторону и стремились въ одномъ направлении. Нѣкоторые изъ болѣе любопытныхъ повлѣзали даже на крыши. Вдругъ слышу крики: „Калле!.. калле!.. Идетъ!“ Что идетъ? спрашиваю проходящаго мимо Вискаріона. „Она, голубушка! Благодареніе Господу Богу и Спасу нашему... пришла!“ Крестится со слезами на глазахъ: „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!“ И побѣжалъ старикъ за другими. Заинтересованный, я тоже прибавилъ шагу. Дѣйствительно, зреюще оказалось достойнымъ вниманія. Толстый, дюжій якутъ въ мѣховой шапкѣ и крѣлатомъ балахонѣ верхомъ на лошади открывалъ шествіе. Одной рукой онъ упирался въ бокъ, въ другой держалъ на гайку и помахивалъ ею. Онъ гордо посматривалъ на всѣхъ съ высоты, скучающее лицо его ширилось отъ самодовольной улыбки, такъ что глазъ не было замѣтно. За нимъ двигалась цѣпь лошадей, привязанныхъ другъ къ другу, мордами къ хвостамъ. На каждой съ обоихъ боковъ висѣли по круглому плоскому боченку, защитому въ кожу... Джурджуйскіе граждане бѣгутъ по обѣимъ сторонамъ обоза, толкаются, указываютъ пальцами на эти боченки, а когда шествіе остановилось, какой-то старикъ съ рыданіями припалъ къ одному и облобызалъ его...

— Отвратительно!—вспыхнуль Аркановъ.

— Почему-же? Очень просто: они боготворятъ силу, дающую имъ забвеніе... Мы вѣдь часто любимъ даже тѣхъ, кто насъ мучить, и никто этому не удивляется...

Евгенія поджала губы.

— Окончательное скотство, развратъ... возможный развѣ только въ Джурджуѣ!—бушевалъ Аркановъ.

— Что такое скотство? Скотство—это жизнь безсознательная, полная заботъ исключительно о вкусной ёдѣ, питьѣ и самоуслажденіи... Развѣ мыслимо удержаться на общечеловѣческомъ уровнѣ въ этомъ городишкѣ, гдѣ живутъ исключительно полицейскіе чиновники, ихъ приспѣви и прислужники, въ этомъ громадномъ паразитномъ лишайнике, сосущемъ соки изъ разсѣянныхъ по окрестнымъ лѣсамъ инородцевъ. Каждый джурджуецъ обязательно чувствуетъ себя паразитомъ, угнетателемъ, и хотя громко въ этомъ не сознается, но въ душѣ чувствуетъ точащаго совѣсть червяка...

Я имъ ничуть не удивляюсь, что они пьютъ... Я самъ бы пилъ, если-бъ у меня хватало рѣшимости...

— Такъ въ чемъ же дѣло? Рѣшайтесь!.. — съязвилъ Аркановъ.

— Те-ексъ! Если-бъ это случилось немного раньше, я бы, конечно, рѣшился. А теперь... не смѣю! У меня есть ангель...—вздохнулъ Самуиль.

Аркановъ оглянулъ его проницательнымъ, чуть испуганнымъ взглѣдомъ. Евгенія покраснѣла и сдѣлала движение, какъ бы собираясь подняться. Самуиль умышленно медлилъ съ окончаніемъ и исподлобья слѣдилъ за ними смыюющимися глазами.

— Зачѣмъ мнѣ водка, когда у меня есть... музы!—добавилъ онъ совершенно спокойно.

Аркановъ перевелъ духъ. Самуиль частенько поддразнивалъ такимъ образомъ супруговъ, что сильно возмущало Евгенію. Иногда она послѣ того рѣшала не говорить съ нимъ и не замѣтить его нѣкоторое время, но онъ былъ тѣмъ единственнымъ ссылкнымъ, который посѣщалъ ихъ ежедневно и который не только умѣлъ говорить, но и слушать. Аркановъ высоко цѣнилъ послѣднее его качество.

Глухіе, сонные сѣрые зимніе дни быстро укорачивались. Едва-едва успѣвалъ разгорѣться блѣдный и чахлый солнечный дискъ, какъ уже ночь надвигалась изъ-за горъ и летѣла къ зарѣ—мутная, огромная, точно сказочный грифъ, котораго тѣло и расправленныя крылья терялись далеко за горизонтомъ.

Туманы струились изъ земли, морозный гуль катился по ней, на темныхъ, низкихъ небесахъ горѣли нетухнущіе сонмы дрожащихъ звѣздъ. Изрѣдка ихъ золотой блескъ слабѣлъ въ яркомъ сіяніи сполоха, измѣнчивыя, быстрыя, неуловимыя мерцанія котораго отбрасывали странныя тѣни на молочные снѣга, а въ человѣческихъ сердцахъ будили беспокойство.

— Зима идетъ,—говорилъ Негорскій, кутаясь въ мѣховую куртку и усаживаясь въ укромномъ уголкѣ нарѣ.

Сальная свѣчка слабо освѣщала темную внутренность юрты. Александровъ дремалъ на другой нарѣ, Красусскій кружился по избѣ.

— Уже двѣ почты пришли, и ни писемъ, ни денегъ! А можетъ быть, Тазъ получилъ уже переводъ и утаилъ его. Проныра якуть! Нужно будетъ еще разъ написать. Отчаяніе охватываетъ, когда подумаешь, что отвѣтъ полгода ждать приходится. Нынѣ октябрь, а отвѣтъ придется только въ мартѣ... Но и тогда еще успѣемъ убѣжать... Лишь бы пришли деньги!.. Да вотъ еще горе: оказіи нѣтъ! Не знаешь,

Красусский, не собирается ли обратно въ Якутскъ приказчикъ Варлаама Варлаамовича? Или Тазъ не поѣдетъ ли раньше на зимнюю ярмарку въ этомъ году? Знаешь что, Красусский, присядь ты, ради Бога, на мгновенье... Ты понятія не имѣшь, до чего противно это твое звѣриное шаганіе!..

— Стараюсь сохранить... иллюзіи! Бѣгу отъ разочарованія!—улыбнулся въ отвѣтъ ему Красусский.—Лежать по цѣлымъ днямъ, какъ ты, уткнувшись въ книжку, тоже не весело! Но я сѣлъ, уже сижу!.. Не сердись! Въ чемъ дѣло?

— Иллюзій и у меня осталось немногого... Развѣ что... попросимъ Аркановыхъ?.. Они опять получили нѣсколько сотъ рублей, могли бы... одолжить намъ!..

Онъ взглянулъ незамѣтно на Красусского, тотъ насупился.

— Я предпочелъ бы мой способъ.

— Не удастся. Черезчуръ громко. Будетъ энергическая погоня. Да и здѣсь, на мѣстѣ, мы бы принуждены были прибѣгнуть къ убийствамъ. Хотя это и въ битвѣ, но тѣмъ не менѣе какъ-то щемить на душѣ... Слишкомъ личный и не такъ уже важный поводъ. Пришлось бы убить врасплохъ часоваго, простого, неповиннаго ни въ чемъ казака... Нѣть, это черезчуръ ужасно!..

— Чего же щадить ихъ!.. Развѣ они мало пролили нашей крови?

— Слышалъ я, слышалъ эти доводы, но, сознаюся, они меня не убѣждаютъ. Для меня это не *тѣ же самые люди*. У Александрова, у Арканова и у тебя, вижу, странные на этотъ счетъ взгляды. Въ вашихъ разсужденіяхъ, какъ будто, исчезаетъ личность, а ея мѣсто занимаетъ типъ...

— Совсѣмъ нѣть! И для меня это, конечно, не *тѣ же самые люди*, но это *такіе же люди*!.. Благодаря имъ-то и держатся явные и несомнѣнныя выразители и столпы существующаго порядка вещей!..—раздался изъ темноты голосъ Александрова.

Хотя друзья говорили по-польски, но Александровъ настолько привыкъ къ этому языку, постоянно живя съ ними, что безъ труда понималъ все, что говорилось. Тѣмъ не менѣе, они сейчасъ же, замѣтивши, что онъ интересуется разговоромъ, стали говорить по-русски.

— Личность и только личность отвѣчаетъ за все и имѣть рѣшающее значеніе... Общества всегда таковы, каковы составляющія ихъ личности. Кто молча переносить преступленія своей среды, тотъ участвуетъ въ нихъ... Пусть онъ уйдетъ, или противодѣйствуетъ...

— Я именно хочу уйти, но меня непускаютъ!—шутіль Негорскій.—Я сомнѣваюсь, впрочемъ, чтобы существовалъ

на землѣ такой уголокъ, гдѣ бы можно было спрятаться отъ подобной отвѣтственности... Помолчите, кто-то идетъ!..

Заскрипѣли шаги въ сѣняхъ, и стукнули двери.

— Господа, необыкновенное событие! Только что былъ у исправника... Сейчасъ разскажу, но раньше сбросу платье... Я весь въ снѣгу... Тьфу, пропасть!.. Какая пурга!..—вскричалъ у порога Самуилъ.

Товарищи вскочили, окружили его и принялись стаскивать съ него обледенѣлый, набитый снѣгомъ тулагъ.

— Только-что пріѣхалъ „отъ моря“ нарочный отъ тамошняго частнаго командира. Онъ привезъ донесеніе мѣстныхъ властей и записочку по-англійски... Телеграмма адресована посланнику Соединенныхъ Штатовъ. Такая ерунда, которой я не въ силахъ разобрать по незнанію нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ. Я взялъ ее и несу къ Аркановымъ, чтобы они помогли мнѣ... Къ вамъ я завернуль по пути... Собирайтесь, пойдемъ всѣ вмѣстѣ...

— А донесеніе?..

— Донесенія я не захватилъ. Командиръ сообщаетъ, что на лодкахъ приплыло много иностранцевъ, и по этому поводу поретъ всяку чушь...

Сильные одѣлись поспѣшно и отправились —кто къ Петрову, кто къ Воронину, чтобы сообщить имъ новость и позвать на совѣщеніе. Черевина они нашли у Аркановыхъ.

— Гдѣ же записка?—спрашивала съ любопытствомъ Евгения.

Самуилъ вынулъ осторожно записочку изъ бокового кармана.

— Несомнѣнно, шифръ... Какая-то безсмыслица!..

„Дорогой... Джонъ, когда получишь эту телеграмму, знай... что... предметъ... уложенный въ чемоданъ... былъ принятъ... Дальше еще какое-то слово,—можетъ быть, имя собственное, котораго не понять...—читала Арканова.

— Не подлежитъ сомнѣнію, что это шифръ, но что это за люди?.. Нужно прочесть донесеніе... Можетъ быть, тамъ найдутся какія-нибудь подробности, на основаніи которыхъ удастся сообразить...

— Боюсь, что исправникъ не дастъ донесенія. Онъ очень напуганъ всѣмъ произошедшемъ и что-то подозрѣваетъ...

— Тогда объясните ему, что онъ не получитъ перевода записи...

Самуилъ немедленно отправился къ исправнику, а другіе возбужденно и сосредоточенно слѣдили за движениемъ рукъ Аркановой, разыскивавшей слова въ словарѣ.

— А что, если они... явились за нами?!.. — прошепталъ неожиданно Воронинъ.

На лицахъ присутствующихъ мелькнула легкая судорога.

— Нѣтъ, это не возможно!

— Почему же? Если-бы кто-нибудь изъ насъ вырвался отсюда, развѣ онъ не попытался бы освободить остальныхъ? Возможно, что политический бѣглецъ изъ другой мѣстности организовалъ экспедицію. Такая экспедиція вполнѣ мыслима. По ошибкѣ она попала въ устья Лены... Она направлялась въ Джурджуй, но вѣдь устья обѣихъ рѣкъ лежать недалеко... Впрочемъ, можетъ быть, они собирались увезти ссыльныхъ, живущихъ въ Якутскѣ, и... опоздали!.. Все возможно...

Вернулся Самуилъ съ бумагой морского командира.

— Исправника съ трудомъ удалось уговорить. Онъ потребовалъ честное слово, что бумагу вернемъ немедленно...

— Слушайте: „Въ Туматскомъ наслегѣ у рыбака Трофима Чалкая появились неизвѣстные люди отъ моря, на обитомъ мѣдью, исправномъ каюкѣ съ вѣтрилами. А что они за люди—не извѣстно. Говорятъ маяками и крестятся не православнымъ крестнымъ знаменіемъ. Поэтому спрашиваю ваше высокоблагородіе, что сдѣлать съ ними прикажете, такъ какъ они могутъ оказаться контрабандистами, торговыми крѣпкими напитками или запрещеннымъ табакомъ... А такъ какъ у нихъ ничего нѣтъ, кроме хорошаго оружія и весьма оборваннаго платья, то я не знаю, однако, отдать ли ихъ подъ стражу или связать, такъ какъ людей у меня мало и требуется немедленная высылка въ помочь казаковъ. А муку и рыбу тоже онишибко ъдѣть, что принужденъ быть выдать изъ магазина, и не знаю, отъ кого взыскать денежную ответственность, развѣ придется удержать эти ружья и каюки, которые, кроме мѣдной обшивки, мало стоять, такъ какъ они глубоко-морскіе, для здѣшняго плаванія непригодны... А прѣѣзжіе эти тихіе суть и очень просили прилагаемую записку выслать по телеграфной проволокѣ...“

Поступлю въ точности по приказанію и распоряженію вашего высокоблагородія, чего ожидаю и прошу.

Морской частный командиръ, вахмистръ
И. В. Харламовъ».

— Что-же исправникъ?

— Колеблется. Онъ тоже полагаетъ, что это могутъ быть контрабандисты или кто похуже... А кто похуже—не сказалъ.

— Во всякомъ случаѣ, одѣть и накормить ихъ онъ обязанъ. Телеграмму пусть немедленно пошлетъ губернатору. Онъ долженъ это сдѣлать: телеграмма адресована посланнику Соединенныхъ Штатовъ... Ты ему это объясни!

— А лучше всего пусть ихъ всѣхъ сюда привезеть, тогда все узнаемъ...

— Ну, ихъ пріѣзда, мнѣ кажется, опѣнушѣе огня боится.

— Пусть боится, но пусть дѣлаетъ... — заволновались ссыльные. — Скажите ему, что мы усиленно совѣтуемъ ему перевезти сюда пріѣзжихъ.

Самуилъ взялъ записку съ донесенiemъ и унесъ къ исправнику. Ссыльные остались вмѣстѣ, продолжая совѣтоваться, какъ поступить, если полиція не пожелаетъ перевезти въ Джурджуй таинственныхъ незнакомцевъ, или рѣшить отправить ихъ въ Якутскъ прямымъ зимнимъ путемъ по льду Лены.

Вацлавъ Строшевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жюль Валлэсъ.

(Литературно-биографический очеркъ).

Въ біографії Рошфора мнѣ пришлось изобразить сцену похоронъ Жюля Валлэса *). То было, дѣйствительно, парижское событие. Но уже въ то время Валлэсъ, можно сказать, пережилъ себя, пережилъ, не смотря на сравнительно еще не старый возрастъ, лучшій расцвѣтъ своей индивидуальности. А теперь мало кто даже изъ образованныхъ французовъ,—не говоря уже объ иностранцахъ,—имѣеть ясное представление о литературной физіономіи автора «Отщепенцевъ» (какъ можно перевести вслѣдъ за Н. В. Соколовымъ терминъ «Réfractaires»), «Улицы», автобіографической трилогіи «Жакъ Вентра».

Я попытаюсь на нижеслѣдующихъ страницахъ обрисовать личность Жюля Валлэса, по обыкновенію ставя въ тѣсную зависимость его писательскую карьеру и его жизнь. Да по отношенію къ изображаемой мною индивидуальности было бы почти не возможно поступить иначе: Жюль Валлэсъ не былъ чистымъ «литературщикомъ», и его писательская дѣятельность носить глубокій отпечатокъ его личнаго и общественнаго существованія.

Жюль Валлэсъ родился 10-го іюня 1832 г. въ Ле-Пюи, главномъ городѣ департамента Верхней Луары (умеръ, какъ уже было сказано, въ Шаріжѣ, 14-го февраля 1885 г., всего, значитъ, 52 лѣтъ отъ рода). Родители его вышли изъ народа. Про мать можно даже сказать, что, не смотря на замашки мелкой буржуазки, хотѣвшей играть роль «дамы», она осталась въ душѣ бѣдной крестьянкой Оверни, съ жесткостью, скрупульностью и сильной волей, характеризующими населеніе гористой центральной Франціи. Выходцы Оверни хорошо известны въ этомъ смыслѣ населенію Парижа, гдѣ громадное

*) «Галлерея современныхъ французскихъ знаменитостей»; С.-Петербургъ, 1906, стр. 227.

большинство торговцевъ углемъ, соединяющихъ обыкновенно съ этимъ занятіемъ профессію мелкихъ кабатчиковъ, воспроизводятъ типичныя черты овернцевъ. Масса анекдотовъ ходитъ насчетъ этой приземистой, но очень крѣпко сложенной расы, съ большой круглой головой, смуглымъ цвѣтомъ лица, черными, какъ уголь, который она продаетъ, глазами, курьезнымъ, страшно рѣзкимъ и шипящимъ акцентомъ. Любовь къ деньгамъ умѣряется (а, можетъ, и подхлестывается) у овернцевъ развѣ любовью къ родинѣ: и въ Парижѣ они остаются вѣрины своему національному «супу изъ капусты»—родѣ нашихъ щей,—своей шумной и тяжелой пляскѣ «boïggée». Какъ только овернецъ, благодаря своему удивительному трудолюбію и еще болѣе удивительной воздержности, успѣлъ скопотить капиталецъ, онъ сейчасъ же возвращается на свою нѣкогда вулканическую, нынѣ богатую лѣсами, пастищами и минеральными источниками родину,—если только особо удачливый поворотъ колеса Фортуны не возноситъ овернца на самый верхъ соціальной лѣстницы. И тогда онъ охотно остается въ Парижѣ, по не разрывая связи съ своей страной, а особенно со своими привычками...

Мать Жюля Валлэса, сказали мы, не только вышла изъ овернскаго крестьянства, но осталась наполовину въ немъ своею жесткостью и скаредностью, хотя и смотря сверху внизъ на родичей, продолжавшихъ жить жизнью мужиковъ. Отцу эта операція «выходженія» удалась лучше, хотя бы уже въ силу образованія. Онъ былъ учителемъ въ низшихъ классахъ гимназіи. Но за то это мизерное существованіе педагогической ломовой клячи, старавшейся слѣдовать традиціямъ «хорошаго общества», отгораживавшей себя всѣми правдами и неправдами отъ среды, изъ которой вышла, смяло и истерзalo лучшія качества этой не лишенной природной гордости натуры. Отецъ Жюля Валлэса воспитывался въ семинаріи, такъ какъ его семья питала честолюбивые замыслы сдѣлать изъ Антуана священника. Но юноша, выдержавъ экзаменъ на бакалавра (нашъ аттестатъ зрѣлости), вступилъ, вопреки желанію родныхъ, на поприще свѣтскаго преподаванія и получилъ мѣсто учителя въ элементарныхъ классахъ «коллежа» въ Ле-Пюи. Ему пришлось схватиться за первое представившееся занятіе, такъ какъ едва двадцати лѣть отъ роду онъ, опять таки вопреки желанію семьи, женился по любви на бѣдной крестьянской дѣвушкѣ, и 22 лѣть отъ роду былъ уже отцомъ Жюля: другихъ дѣтей въ этомъ бракѣ по склонности не было.

Притиснутые безжалостной рукой судьбы, родители будущаго «отщепенца» ожесточенно боролись за существованіе, усложняя эту борьбу страстнымъ желаніемъ соблюдать всѣ приличія, весь декорумъ того «хорошаго общества», на периферіи, если не въ центрѣ котораго ихъ поставила карьера маленькаго гимназического учителя. Приходилось отказывать себѣ въ существенномъ, чтобы сберегать грозди на какіе-нибудь вздорные расходы, требовавши ся

положениемъ преподавателя. Семья урѣзывала себя въ пищѣ, простыхъ удобствахъ жизни, но за то хотѣла внѣшнимъ видомъ, квартирой, одеждой, кругомъ знакомыхъ, подражать фешонебельному провинциальному обществу и проявить рѣзкую грань между собой и родичами земледѣльцами и мелкими фермерами.

Жюль Валлэсъ въ дѣтствѣ ужасно страдалъ отъ жестокости властолюбивой матери и вспышекъ гнѣва вѣчно раздраженного жалкими условіями жизни отца. Мать била его, что называется, походя, била за все, за малѣйшіе пустяки и при томъ била методически, во имя идеала хорошаго воспитанія, который засѣлъ въ ея узкую голову, и все время дѣлая видъ и даже искренно думая, что эти безконечные побои были проявленіемъ горячей, но рациональной материнской любви, чутъ ли не самозакланіемъ нѣжной родительницы на алтарѣ искренней привязанности къ подроставшему сыну. Недаромъ большая часть автобіографіи Валлэса полна желчью, почти злобой по отношенію къ виновницѣ его пасмурныхъ дней дѣтства и юности. У него срывается даже однажды съ кончика ядовитаго въ данномъ случаѣ, какъ отравленный ножъ, пера фраза о томъ, что его мать могла быть прекрасно «замѣнена палкой», — фраза, которая до глубины души возмущала одного моего знакомаго француза, не понимавшаго, что великій расколъ между «отцами» и «дѣтьми», столь извѣстный намъ, русскимъ, могъ оставлять навсегда чувство почти злобы между старымъ и моло-дымъ поколѣніями.

Но мать Жюля Валлэса не только била его, она мучила его физически и морально во всѣхъ отношеніяхъ: отнимала у него изо рта то, что ему нравилось; принуждала его поглощать въ немовѣрномъ количествѣ вещи, которыя, наоборотъ, внушали ему органическое отвращеніе; лишала его всякаго удовольствія, игры съ сверстниками, даже простой блготни и, опять-таки, наоборотъ, усаживала его за такія занятія, которыя вызывали у него непреодолимую антипатію, и все это во имя того педагогического принципа, особенно характеризующаго мелкую французскую буржуазію, что надо «исправлять» (*corriger*) дѣтей. Замѣчу кстати, что этотъ глаголь «*corriger*», который вы безпрестанно встрѣтите въ устахъ французскихъ отцовъ и матерей извѣстной категоріи, почти всегда обозначаетъ «колотить», совершенно во вкусѣ жестоковѣйной премудрости Иисуса сына Сирахова: «любай сына—учащай ему раны и сокращай ему ребра».

Былъ Валлэса и отецъ. Но это битье не имѣло того систематического характера, какъ «исправленіе», практиковавшееся матерью. И потому въ автобіографіи Валлэса меныше злобы и горечи противъ отца. У отца рука поднималась лишь подъ вліяніемъ охватывавшаго его гнѣва, который, къ сожалѣнію, загорался у него

на мальчика порою почти безъ всякой серьезной причины, просто подъ вліяніемъ раздраженія на тяжелую жизнь, дававшую мало радостей бѣдному гимназическому учителю. Отцовское битье стало повторяться чаще и приближаться нѣсколько по своей методичности къ материнскому лишь позже, когда маленький Валлэсъ поступилъ въ лицей соѣдняго города, Сентъ-Этьенна, одного изъ центръвъ французской металлургіи, куда, благодаря хлопотамъ друзей, отецъ Жюля былъ переведенъ учителемъ «элементарного» класса. Чтобы не быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи къ сыну, педагогъ при малѣйшей шалости школьніковъ и не разбирая путемъ, кто былъ виновникомъ ея, жестоко билъ мальчика. Бѣднягѣ, сверхъ того, приходилось часто голодать, такъ какъ отецъ оставлялъ его при себѣ цѣлый день въ гимназіи, но не рѣшался кормить его казеннымъ ужиномъ, который полагался на долю учителей, помогавшихъ пансионерамъ приготовлять уроки. А мать нарочно не посыпала во время за сыномъ, желая, наоборотъ, чтобы отецъ выхлопоталъ для Жюля даровой столъ у начальства.

Не смотря на тяжелыя условия жизни и «воспитанія», Жюль Валлэсъ крѣпъ и ростъ, здоровая крестьянская кровь брала свое, и къ 13—14 годамъ, когда его отецъ былъ переведенъ съ небольшимъ повышениемъ на далекій западъ Франціи, въ Нантъ, на границу Бретани и Вандеи, нашъ герой былъ очень сильнымъ и храбрымъ подросткомъ, бросавшимся впереди всѣхъ, когда дѣло шло о дракѣ или какой-нибудь отчаянной дѣтской экспедиціи. Затаенная пока злоба противъ мучившихъ и оскорблявшихъ его родителей, а особенно матери, смягчалась у него развѣ чувствомъ искренней симпатіи къ родственникамъ, мужикамъ и ремесленникамъ,—образъ жизни которыхъ, съ ея трудомъ и ея простыми удовольствіями, онъ хотѣлъ постоянно раздѣлять,—и инстинктомъ солидарности ко всѣмъ бѣднымъ, слабымъ и угнетеннымъ. Въ унылой и ненавистной пустынѣ его дѣтской жизни оазисами у него были минуты и дни, которые онъ могъ проводить или въ бѣдныхъ кварталахъ городовъ, где ему приходилось жить, играя съ сверстниками, или гости отъ времени до времени на каникулахъ у своихъ родственниковъ фермеровъ, у дяди сельского священника, и т. п.

Учился онъ, когда его подталкивало то или другое обстоятельство, хорошо, нерѣдко получалъ первыя награды, особенно за французскія сочиненія и писаніе латинскихъ стиховъ. Но въ общемъ онъ рано возненавидѣлъ схоластическую науку тогдашней средней школы,—остающейся, впрочемъ, и до сихъ поръ, надо отдать ей печальную справедливость, однимъ изъ самыхъ удачныхъ разсадниковъ рутины. Позже, когда онъ началъ глубже всматриваться въ жизнь, его ненависть къ традиціонному «классическому» образованію, дающему знаніе словъ, а не вещей, пріучающему къ фразѣ, а не мысли, реторикѣ, а не искреннему чувству, усугубилось еще пониманіемъ той каторги, которой окружилъ себя отецъ, стараясь

тянуться за людьми своего общества. Жюль Валлэсъ возненавидѣлъ рутинную школу,—фабриковавшую, такъ называемыхъ, образованныхъ людей, привилегированную интеллигенцію,—вдвойнѣ: за себя и за отца. Онъ понялъ, какую безпросвѣтную жизнь, полную лишений и огорченій, семейной прозы возлѣ недалекой, но властной жены и оскорблений человѣческаго достоинства со стороны всесильнаго гимназического начальства, вѣль его родной отецъ, рано утратившій природную живость ума и свѣжестъ сердца.

Немудрено, что нѣкоторая теплота къ отцу прорывается у автобиографа, лишь когда онъ разсказываетъ о двухъ любовныхъ исторіяхъ, привлючившихся съ скромнымъ учителемъ и хоть отчасти скрасившихъ его унылое существованіе. Первая, сводившаяся къ банальной легкой интригѣ, возмутила временно семейный миръ Валлэсовъ, когда Жюль былъ еще мальчикомъ. Вторая, гораздо болѣе серьезная и поведшная къ разводу между супругами, произошла, когда молодой Валлэсъ былъ уже вдали отъ родныхъ, въ Парижѣ. Вдова одного изъ товарищѣй отца послѣдовала за нимъ въ одинъ изъ сѣверныхъ городовъ Франціи, куда цѣломудренное и высоконравственное начальство Второй имперіи сослало въ педагогическую ссылку старого Валлэса въ наказаніе за «ужасный скандалъ». И здѣсь, лишь здѣсь «отщепенецъ» могъ поцѣловать въ лобъ трупъ умершаго отъ болѣзни сердца всего въ 48 лѣтъ отца, на похоронахъ котораго мать по ваксну отѣснила отъ гроба любовницу — «чужую». Но мы нѣсколько забѣжали впередъ. Мы лишь у начала мрачной Одиссеи Жюля Валлэса, который будетъ принужденъ провести среди голода и всевозможныхъ лишений цѣлый 10 лѣтъ, пока его литературный талантъ не дастъ ему возможности, наконецъ, достигнуть обеззначенаго, почти блестящаго положенія...

Занятія будущаго «отщепенца» въ нантскомъ лицѣ, куда онъ послѣдовалъ за отцомъ, были прерваны въ одномъ изъ высшихъ классовъ тоже вслѣдствіе любовной исторіи, но уже самого Жюля, въ которой 16-тилѣтній мальчикъ сыгралъ скорѣе роль жертвы, чѣмъ соблазнителя. Имъ увлеклась зрѣлая провинціальная красавица, мать одного изъ его товарищѣй по классу. Скандалъ вышелъ на славу. И отецъ принужденъ былъ послать Донъ-Жуана поневолѣ въ одинъ изъ иногороднихъ пансіоновъ съ тѣмъ, чтобы, подготовившись тамъ, юноша могъ держать экзаменъ на баккалавра. Въ 1849 г. мы находимъ молодого Валлэса въ одномъ изъ парижскихъ интернатовъ, куда онъ былъ принятъ на очень подходящихъ условіяхъ и по уменьшенной цѣнѣ, такъ какъ родители его скрыли отъ директора заведенія значительно улучшившееся къ тому времени ихъ материальное положеніе: отецъ Валлэса сталъ вмѣстѣ съ частными уроками зарабатывать до восьми тысячи франковъ въ годъ.

Молодой Валлэсъ даже въ этой педагогической темницѣ уже

успѣвать обнаружить свою индивидуальность. Онъ не любить фальшиваго классицизма. Но ему претить и тогдашній декламационный романтизмъ. Его не тянеть смотрѣть на парижскіе монументы: ему нужны «люди», а не «камни»; его привлекаетъ не неподвижная исторія, а жизнь, все, что живеть и дышеть. Съ другой стороны, на конкурсномъ экзаменѣ онъ проваливается потому, что между его юношескимъ воображеніемъ и традиціоннымъ «сочиненіемъ», которое надо было написать александрийскими стихами, стоить шумный Парижъ. И его душу охватываетъ отвращеніе, когда онъ видить, какая масса получившихъ дипломы бакалавра и даже выше того умираютъ съ голоду или влачатъ сѣре существованіе въ великой, нервно живущей столицѣ. А онъ успѣть уже вкустить во время прогулокъ хоть немнога парижской жизни среди учащейся молодежи, гдѣ его храбрость, сила и давнишнее горячее чувство справедливости, толкающее его на защиту слабыхъ и обижденныхъ, создаютъ ему репутацію хорошаго товарища.

Эти качества не имѣютъ, однако, значенія въ глазахъ офиціальныхъ педагоговъ; и автору неудачнаго «сочиненія» придется возвращаться къ родителямъ, въ Нантъ, и тамъ уже готовиться къ экзамену на бакалаура. За нимъ пріѣзжаетъ мать.

Она сначала шокируетъ Валлэса своею вульгарностью, сквернотью, но потомъ, добившись откровенного объясненія съ сыномъ, видить, наконецъ, какую бездну огорченій она причинила ему въ теченіе всѣхъ предшествующихъ лѣтъ неуклоннымъ слѣдованіемъ «принципамъ воспитанія», и теперь желаетъ дать юношѣ возможность пожить свободною жизнью, не боясь на каждомъ шагу родительской узды или внута. Такъ проходить мѣсяцъ, въ теченіе котораго молодой Валлэсъ впервые погружается съ жаромъ въ чтеніе Великой французской революціи, становится республиканцемъ и соціалистомъ, поскольку можно примѣнить эти выраженія къ семнадцатилѣтнему мальчику, только что пробуждающемуся къ настоящей сознательной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ знакомится съ мелкими журналистами, съ рабочими печатного дѣла, и его давнишнее затаенное желаніе заниматься физическимъ трудомъ принимаетъ болѣе опредѣленную форму: онъ хочетъ стать рабочимъ, чтобы жить жизнью трудащихся классовъ и вмѣстѣ съ ними, путемъ борьбы со старымъ міромъ, добывать довольство, счастіе и свободу для всего человѣчества.

Но нетерпѣливое письмо отца прерываетъ это счастливое существованіе молодого Валлэса. Надо отправляться въ Нантъ. И вдвойнѣ тусклымъ и ненавистнымъ кажется теперь юношѣ жизнь въ провинциальному городѣ, бокъ-о-бокъ съ отцомъ, котораго не коснулась перемѣна въ отношеніяхъ къ сыну матери,—снова, впрочемъ, вернувшейся, если не ко всѣмъ, то къ нѣкоторымъ проявленіямъ своей узко-тиратической натуры. Непріязнь между отцомъ и сыномъ усиливается особенно съ того времени, какъ

молодой Валлэсъ срѣзался на баккалаврскомъ экзаменѣ въ Реннѣ изъ-за нелѣпѣшаго схоластического вопроса насчетъ того, какимъ числомъ «способностей» обладаетъ душа. Дѣло доходитъ до того, что отецъ хочетъ, пользуясь правомъ, которое ему даетъ законъ, посадить сына въ тюрьму на исправленіе. Но здѣсь въ будничную жизнь этихъ физически родныхъ, но по духу совершенно чуждыхъ другъ другу каторжниковъ, прикованныхъ къ одной семейной цѣпи, въ эту сѣрую и ужасную вмѣстѣ жизнь, врывается драматическое происшествіе. Оно, словно гроза, освѣжаетъ невыносимо душную атмосферу взаимнаго непониманія и чуть не взаимной ненависти. Одинъ изъ учениковъ отца, получившій пощечину отъ послѣдняго,—отецъ Валлэса дрался часто и жестоко, какъ полагалось педагогу старой школы,—пожаловался своимъ роднымъ. И вотъ отецъ и старшій братъ пострадавшаго являются къ невоздержному на руку учителю и, осыпая его всевозможными оскорблѣніями, требуютъ, чтобы онъ извинился передъ ученикомъ. На шумѣ сцены, на крики матери, молодой Валлэсъ врывается въ комнату, вышвыриваетъ за дверь посѣтителей и жестоко колотитъ на улицѣ младшаго. Въ результатѣ—дуэль, во время которой не искушившійся въ фехтовкѣ Жюль Валлэсъ получаетъ довольно серьезную рану въ ногу. Умиленный отецъ соглашается отпустить непокорнаго сына на свободу и независимую жизнь. И вотъ, по выздоровленіи, молодой Валлэсъ очутился снова въ Парижѣ съ 24 су въ карманѣ и порученіемъ отъ родителей получить сорокъ франковъ долгу съ одного изъ ихъ парижскихъ знакомыхъ... который временно отсутствуетъ, и обрѣгаетъ тѣмъ молодого «отшепенца» на мученія голода...

Послѣ всевозможныхъ штаній и тщетныхъ попытокъ найти хоть кого-нибудь изъ своихъ парижскихъ друзей, истомленный, еле держащийся на ногахъ, Жюль Валлэсъ добирается, наконецъ, до грязнаго, населеннаго богемой отеля, въ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ падаетъ въ объятія старого школьнаго пріятеля, которому онъ даетъ въ своей автобіографіи вымышленное имя Матуссена. Такъ кончается жизнь «ребенка» и начинается жизнь «баккалавра». Родители высылаютъ ему сорокъ франковъ въ мѣсяцъ; десять-пятнадцать франковъ въ мѣсяцъ онъ зарабатываетъ нищенскими уроками, такъ приблизительно по двадцати копѣекъ за урокъ на наши деньги. А между тѣмъ молодой, здоровый организмъ хочетъ жить. Приходится помѣщаться какъ попало, въ ужасныхъ меблированныхъ комнатахъ, ёсть гнилую рыбу и низкопробное мясо и запивать чернымъ кофе, который напоминаетъ настоящій напитокъ развѣ только своимъ цвѣтомъ. Эту мизерную жизнь скрашиваетъ нѣсколько Валлэсу любовь простой дѣвушки изъ народа, дочери хозяина дешеваго ресторана, который отъ времени до времени и материально поддерживаетъ хронически голодающаго молодого человѣка, открывая ему кредитъ въ нѣсколько франковъ.

А, главное, всѣ невзгоды этого существованія забываются, благодаря тому идеиному энтузіазму, который охватываетъ въ сей разъ Валлэса въ Парижъ. «Отщепенецъ» съ жадностью набрасывается на чтеніе соціалистическихъ книгъ и газетъ, тратя на это чуть не восьмую часть своего жалкаго мѣсячнаго бюджета. Съ другой стороны, онъ съ не меньшимъ жаромъ погружается въ юношескую политику, составляя вмѣстѣ съ своими сверстниками различные тайны общества, «комитеты» и вырабатывая планы спасенія демократической и республиканской Франціи изъ когтей реакціи. Второй республикѣ грозить, дѣйствительно, въ это время крайне серьезная опасность. Надъ буржуазной демократіей, залившей въ іюньские дни плиты Парижа горячей кровью рабочихъ, носится уже тѣнь хищнаго бонапартистскаго орла. Въ теченіе года, который Жюль Валлэсъ проводить въ столицѣ, республика успѣваетъ жестоко скомпрометтировать себя въ глазахъ массъ. Вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, зачастую въ первыхъ рядахъ ихъ, Валлэсъ бросается всюду, гдѣ дѣло идетъ о томъ, чтобы защищать свободу и соціализмъ отъ мутныхъ волнъ реакціи. «Отщепенецъ» принимаетъ дѣятельное участіе въ манифестаціи свободомыслящихъ республиканцевъ противъ закрытія курса Мишлэ во Французскомъ Коллежѣ. Онъ ищетъ даже побѣды или смерти на баррикадахъ во время декабрьскаго переворота, когда парижскій пролетаріатъ не безъ злорадства наблюдаетъ, какъ цезаризмъ разносить республиканскую буржуазію и гонитъ ея представителей въ изгнаніе и ссылку. Самому Валлэсу, звавшему рабочихъ стать на кое-какъ воздвигнутую молодежью баррикаду, пришлось выслушать изъ устъ одного пролетарія, который окинулъ презрительнымъ взглядомъ «интеллигентный» костюмъ инсургента: «буржуазный юнецъ! а что это твой отецъ или дядя разстрѣливалъ нась и ссылалъ въ іюнь 1848 г.??»

Имперія декабрьской ночи восторжествовала: 2 декабря 1851 г. отbrasываетъ Францію въ политическомъ отношеніи на полвѣка назадъ, и повсюду торжествующая реакція поднимаетъ голову. Избѣжившій чудомъ смерти, Валлэсъ получаетъ всего черезъ нѣсколько дней послѣ бонапартистскаго переворота встревоженное письмо отъ отца, который требуетъ отъ своего сына немедленно же возвратиться въ Нантъ къ родителямъ. Дѣло въ томъ, что досужіе провинціальные сплетники повсюду разносятъ слухи, будто молодой Валлэсъ попался въ числѣ мятежниковъ. Достаточно одного такого подозрѣнія, чтобы педагогическая карьера отца была навсегда прервана: торжествующій режимъ сабли и Кайенны шутить не любить. И вотъ, еще пылающій жаромъ борьбы, 19-лѣтній революціонеръ покидаетъ Парижъ и ёдетъ въ Нантъ, чтобы своимъ присутствіемъ подкрѣпить шатающееся положеніе отца. Можно себѣ представить, съ какою ненавистью молодой Валлэсъ, вкусившій

шумной жизни и политической деятельности, погружается въ сонную атмосферу провинціи. А въ сем'ѣ царитъ настоящій адъ. Какъ запертые въ банку пауки, отецъ и сынъ смотрятъ другъ на друга. Попытка молодого Валлэса найти себѣ хоть самые дешевые уроки приводить педагога въ новое бѣшенство: оказывается, что сынъ сбиваеть цѣну отцовскимъ урокамъ. Въ головѣ Жюля Валлэса роятся самые отчаянныя планы. Ему хочется сбѣжать изъ дома куда-нибудь далеко, далеко, въ колоніи, выполняя, наконецъ, давнишнее еще дѣтское намѣреніе скрыться изъ родительской каторги за море, хоть самыи послѣднимъ юнгой на корабль. Встрѣча съ однимъ старымъ извѣстнымъ республиканцемъ, который нынѣ забился ради семьи въ провинціальную щель и отказался отъ прежнихъ свободолюбивыхъ идей, наполняетъ душу Жюля Валлэса новой горечью. Съ отчаянія онъ бросается въ среду нантскихъ моряковъ, и здѣсь, въ этомъ портовомъ городѣ, проводить время въ самыхъ грязныхъ вертепахъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ такой жизни избавленіе отъ этого ада приходитъ неожиданно въ видѣ завѣщанія старой доброй дѣвы, которая питала чувство состраданія и искренней симпатіи къ Жюлю Валлэсу съ самого его дѣтства и которая, умирая, оставляетъ юношѣ трипнадцать тысячъ франковъ. Но напѣтъ герой еще несовершеннолѣтній, онъ еще не можетъ располагать своимъ имуществомъ. И вотъ отецъ предлагаетъ ему слѣдующую сдѣлку: сынъ уступаетъ родителямъ весь небольшой капиталъ, а взамѣнъ получаетъ разрѣшеніе отправляться куда ему угодно, хоть въ Парижъ, вести на этотъ разъ уже совершенно свободную и независимую жизнь. Отецъ даетъ формальное обѣщаніе высылать сыну ежемѣсячно сорокъ франковъ и немедленно же вручаетъ ему 500 франковъ на первое обзаведеніе и устройство. И вотъ, Жюль Валлэсъ снова въ столицѣ, съ нищенской получкой отъ родителей и при томъ вынужденный еще кормить умирающаго съ голоду школьнаго пріятеля, съ которымъ онъ встрѣтился послѣдній разъ въ Нантѣ и которому онъ предложилъ теперь поселиться въ его жалкой мансардѣ.

Приходится снова изощряться на всѣ лады, искать всевозможной работы, чтобы поддерживать нищенское существованіе себя самого и своего друга. «Баккалавръ» проявляетъ чудеса настойчивости и дипломатіи, чтобы найти уроки, переписку, какую-нибудь литературную работу. Сегодня онъ въ роли не то учителя, не то гувернера при какомъ-то подозрительномъ пансіонѣ, хозяинъ котораго живеть молченничествомъ, убѣгааетъ постоянно отъ кредиторовъ, дѣржитъ впроголодь Жюля Валлэса и, наконецъ, ухигряется со скандаломъ въ полиції отѣлаться отъ него, не заплатя ни копейки. Но завтра, здоровенный и ловкій физически юноша даетъ

уроки французского бокса, которому онъ выучился у одного гимнаста. Еще нѣкоторое время спустя, «отщепенецъ» пишет сатирические стихи по заказу одного состоятельнаго господина, который хочетъ донять этимъ литературнымъ оружiemъ своихъ враговъ. И этотъ родъ писанія создаетъ даже нашему герою известную популярность среди столичныхъ и провинціальныхъ пріятелей заказчика и даетъ ему въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ кой-какой заработка. Наоборотъ, попытки пробиться въ настоящую литературу увѣнчиваются пока полнѣйшимъ фіаско. Если ему и удается помѣстить нѣсколько статей, то лишь въ жалкихъ газеткахъ, издаваемыхъ его пріятелями, принадлежащими къ типичной парижской богемѣ, которые не только не могутъ платить своему собрату, но сами прибѣгаютъ къ самыми курьезными уловкамъ, чтобы заполучить одного, двухъ подписчиковъ. Лучше дѣла идутъ у Валлэса съ частными уроками, когда соединенными усилиями пріятелей и при помощи всевозможныхъ портняжныхъ фокусовъ и невѣроятнаго количества булавокъ нашему «баккалавру» удается смастерить костюмъ, или, вѣрнѣѣ сказать, рядъ сносныхъ на вѣнчнай видъ костюмовъ, чтобы получить возможность являться въ состоятельный семье.

Такъ проходитъ нѣсколько лѣтъ, нѣсколько ужасныхъ годовъ цѣликомъ заполненныхъ голодовкой, горькой борьбой за существование, однообразная вереница которыхъ прерывается время отъ времени ребяческими планами похищенія всесильнаго императора и кратковременнымъ арестомъ, отчаянной дуэлью съ пріятелемъ, осточертѣвшимъ вслѣдствіе постоянной жизни вмѣстѣ, комичными романами съ свѣтскими дамами, бѣгущими въ ужасѣ отъ jeune premi r'a, какъ только узнавали нищенскую обстановку его жизни. Написанная Жюлемъ Валлэсомъ въ промежуткахъ между вѣчными исканіями работы, книга «Деньги» (*L'Argent*, 1856) не имѣть никакого успѣха. Не смотря на эффектное заглавіе и эффектную обложку, изображающую серебряный пятифранковикъ, къ которому тянется отовсюду цѣлый лѣсъ рукъ, не смотря на оригиналный, свирѣпый, хотя и не вездѣ выдержаный тонъ книги, представляющей сатирическій панегирикъ «Денегъ», у этого юношескаго произведенія Валлэса нашлось очень мало читателей. Нѣкоторое подспорье доставили, наоборотъ, начинающему писателю занятія въ качествѣ домашнаго секретаря у критика Гюстава Планша, смыться надъ которымъ вошло въ моду у молодыхъ литераторовъ Второй имперіи, прошедшихъ черезъ школу Сент-Бева и Тена, но у которого были кой-какія идеи, заимствованныя у него самими же насыщниками. Такъ, Гюставу Планшу принадлежитъ, если не ошибаюсь, мысль и чуть ли даже не сама формулировка мысли—о взаимодѣйствіи между расой, средой, моментомъ, съ одной стороны, и личностью писателя—съ другой,—словомъ, ставшая впослѣдствіи знаменитой подъ энергичнымъ перомъ Тена тройственная

формула литературного произведения. Какъ бы то ни было, Жюль Валлэсъ сохранилъ чувство личной симпатіи къ критику, надъ посредственностью которого любили подсмѣиваться писатели, претендовавшіе на оригинальность, и по смерти Планша, въ 1857 г., написалъ о немъ этюдъ, который можно назвать почти трогательнымъ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ умираетъ отецъ «отщепенца», всего 48 лѣтъ отъ роду, какъ уже было сказано нами выше. На похоронахъ отца молодой Валлэсъ узнаетъ отъ матери, что мѣстный провизоръ (по нашему директоръ) лицея былъ бы очень склоненъ дать сыну умершаго мѣсто надзирателя-репетитора въ свое мѣсто учебномъ заведеніи. Сначала Валлэсъ съ ожесточенiemъ отвергаетъ самую мысль заняться официальной педагогикой, въ которой онъ видитъ убийцу своего отца и мучительницу самого себя. Но въ одну изъ парижскихъ голодовоекъ, когда десятилѣтняя борьба за существование временно до-нельзя истомила его, онъ рѣшается взять предлагавшееся ему мѣсто. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ живетъ на сѣверѣ Франціи, въ глубинѣ провинціи, исключительно растительной жизнію, снисходительно смотря на шалости ввѣренныхъ ему мальчиковъ и стараясь «отѣсться» и «отпиться» (сидромъ). Но его непосѣдливая натура, а главное—отвращеніе къ роли надзирателя скоро погнали его снова въ Парижъ. Замѣтивъ, что присяжные педагоги съ неудовольствіемъ смотрѣли на воспитательные пріемы давнишняго врага официальной науки и даже старались устроить заговоръ противъ него среди школьнниковъ, Валлэсъ нарочно устроилъ гимназический скандалъ. При первой же возможности онъ прочиталъ ученикамъ цѣлую лекцію на счетъ того, что они не должны заниматься ничѣмъ, говно ничѣмъ изъ преподаваемаго имъ въ школѣ, какъ вешчами, совершенно бесполезными. И снова баккалавръ-отщепенецъ грызть мостовую въ Парижѣ.

Измѣнить своимъ идеаламъ молодости, своему революціонному міровоззрѣнію онъ не можетъ: лучше голодная или насильственная смерть, чѣмъ отступничество. Онъ доказалъ это еще нѣсколько времени тому назадъ, когда отвергъ сердце и руку влюбившейся въ него богатой дѣвицы, и отвергъ потому, что замѣтилъ глубокое презрѣніе у этой привилегированной особы къ нищетѣ и физическому труду. Но, съ другой стороны, онъ слишкомъ усталъ, годы свирѣлой борьбы за кусокъ хлѣба слишкомъ надломили его, чтобы онъ снова рѣшился бѣгать по урокамъ или искать случайной литературной работы. Ему хотѣлось бы занять какое-нибудь постоянное мѣсто. И вотъ, подобно молодому Рошфору, подобно столькимъ французскимъ писателямъ и дѣятелямъ, онъ поступаетъ мелкимъ служащимъ въ одну изъ мэрій Парижа: за 100 франковъ въ мѣсяцъ онъ цѣлый день проводить въ мэріи Вожирарского.

квартала, ведя метрические списки рождающихся. Вечера принадлежать ему, и съ удвоенной энергией онъ старается теперь пробиться въ литературномъ мірѣ.

Сначала эти попытки увѣничиваются лишь половиннымъ успѣхомъ. То, что онъ пишетъ, врядъ ли принадлежитъ къ отдельно, такъ называемой, литературы. Ибо какая же литература финансовая хроника въ тогда еще лишь еженедѣльномъ «Фигаро». Но его, написанная сильнымъ первымъ языкомъ и проникнутая искренней злобой къ современному обществу, статья «Воскресенье бѣдного молодого человѣка» (*«Le dimanche d'un jeune homme pauvre»*, 1860) производить сенсацию и открываетъ ему двери въ различные газеты и журналы. Эмиль-де-Жирардэнъ отказывается принять въ число своихъ постоянныхъ сотрудниковъ этого, какъ онъ называетъ, «бульдога», который бѣшено показываетъ настоящему строю свои страшные зубы и только ждетъ удобнаго случая, чтобы вѣпиться въ него мертвой хваткой, со всей накопившейся на современное общество злобой, злобой не только лично за себя, но за всѣхъ своихъ товарищъ по труду, борьбѣ и страданіямъ,—словомъ, за весь міръ работы и нищеты. Лишь одинъ разъ, взбѣшенный преслѣдованіями правительства, Жирардэнъ выпускаетъ противъ наполеоновского режима литературного «бульдога». Но, добившись своего, давъ почувствовать людямъ Второй имперіи, что съ нимъ, Жирардѣномъ, шутить не годится, онъ прерываетъ сношенія съ нераскаяннымъ отщепенцемъ. За то его успѣваетъ пріютить у себя обладающей большимъ дѣлѣцкимъ чутью Вильмессанъ, издающій теперь *«L'Evenement»*, а вскорѣ ежедневное «Фигаро». И это спасаетъ Жюля Валлэса отъ серьезной материальной невзгоды, такъ какъ начальство приказываетъ ему подать въ отставку изъ мѣріи, возмущившись крайне революціонной публичной лекціей, которую отщепенецъ прочиталъ на вечерѣ, устроенному республиканской оппозиціей въ честь славнаго изгнаника Виктора Гюго. Субботнія хроники Жюля Валлэса хорошо оплачиваются шустрымъ газетчикомъ; а когда ставшій знаменитымъ въ то время Рошфоръ былъ перехваченъ издателемъ *«Le Soleil»*, то, оставшійся на бобахъ, фигаристъ предлагаетъ Валлэсу еще лучшія условія, а именно: восемнадцать тысячъ франковъ въ годъ. Дѣло въ томъ, что появившійся въ то время и составленный изъ различныхъ статей романъ Жюля Валлэса *«Отщепенцы»* (*«Les Refractaires»*, 1856), изображающей жизнь общественныхъ парій и вообще людей, которые не могутъ войти въ рамки правильнаго буржуазнаго общества,—это горячо и зло написанное произведеніе сильно подняло шансы Валлэса на литературномъ рынке. Эта вещь, кстати сказать, легла въ основу *«Отщепенцевъ»* Н. В. Соколова, который черпалъ полными пригоршнями въ книгѣ Валлэса, а мѣстами, особенно во введеніи, буквально воспроизводилъ ее...

Перо Валлэса не ограничивается нанесением жестокихъ ударовъ императорскому деспотизму и всему режиму произвола. Оно бередить больныя мѣста современаго общества, основанаго на «поляризациі» богатства и бѣдности, голодящаго труда и сибаритствующаго капитала. Оно жестоко бичуетъ вмѣстъ съ тѣмъ буржуазныхъ либераловъ и буржуазныхъ республиканцевъ, которые стараются теперь всячески кокетничать съ народомъ, чтобы при помощи его свалить цезаристскій режимъ и самимъ стать у власти. Изъ своихъ колючихъ хроникъ, которыя, въ концѣ концовъ, заставляютъ Вильмессана временно разстаться съ Жюлемъ Валлэсомъ, отщепенецъ составляетъ цѣлую книгу, представляющую въ извѣстномъ смыслѣ продолженіе предшествующей. Уже самое название ея «Улица» (*«La Rue»*, 1867) показываетъ, что героями ея избраны всѣ типы кишащей въ Парижѣ бѣдноты, кое-какъ и чѣмъ попадо зарабатывашей себѣ хлѣбъ на улицахъ великаго города. Одинъ за другимъ передъ взорами взволнованнаго читателя проходятъ акробаты, геркулесы, уличные пѣвцы, бродячіе торговцы. И единственнымъ отдохновенiemъ отъ этого пандемоніума, отъ этого міра нищеты и страданій служатъ заключительныя страницы книги, гдѣ авторъ развертываетъ нить своихъ раннихъ сельскихъ воспоминаний, проникнутыхъ запахомъ полей и идиллией деревенскаго труда, которому такъ завидовалъ юный Жюль, смотря на своихъ родственниковъ-мужиковъ.

Название этой книги внушило даже Валлэсу идею издавать самому подъ такимъ заглавиемъ газету, гдѣ онъ могъ бы, не стѣняясь требованиями какого-нибудь торговца печатнымъ словомъ, въ родѣ Вильмессана, отзываться на всѣ интересующія его явленія жизни и откровенно высказывать свои мысли. Послѣ всевозможныхъ, порою комическихъ, а зачастую горестныхъ приключений, связанныхъ съ отысканіемъ денегъ для нового органа, Валлэсу удается, наконецъ, устроить материальную сторону дѣла. И вотъ, подобравъ штабъ подходящихъ сотрудниковъ, такихъ же не-примиримыхъ, какъ самъ, Жюль Валлэсъ съ 1867 г. начинаетъ издавать газету *«La Rue»* (*«Улица»*), на которую съ первыхъ же номеровъ обрушивается гиѣвъ людей Второй имперіи, ставшей къ тому времени лицемѣрно величать себя «либеральной». Послѣ всевозможныхъ предостереженій, конфискацій и т. п. судебнo-административныхъ перуновъ, которые чуть не ежедневно разражались надъ *«Улицей»*, злополучная газета была, наконецъ, закрыта по-печительнымъ начальствомъ, конечно, высказавшимъ полное сочувствіе «разумной свободѣ» печати, но не терпѣвшимъ, чтобы эта «свобода вырождалась въ распущенность». Валлэсъ и его сотрудники могли говорить съ своей трибуны сочувствующимъ читателямъ лишь въ теченіе полгода. Но и то, что они успѣли высказать за эти шесть мѣсяцевъ, носить печать горячаго убѣжденія и искренней общественно-политической страсти. Подбирая материалы для

политическихъ памфлетовъ Франції *), я даже колебался, не пустилъ ли въ первую голову выдержки изъ «Улицы», такъ мало известной русскому читателю. И лишь скрѣе социальный, чѣмъ политический характеръ этой газеты, да отрывочность ея статей и необходимость снабжать частыми примѣчаніями ихъ переполненное намеками или прямыми указаніями на современническихъ людей и события содержаніе заставили меня отложить ихъ воспроизведеніе на русскомъ языкѣ. Во всякомъ случаѣ, сильная индивидуальность Валлэса со всѣми ея шероховатостями, но и съ могучимъ крикомъ сочувствія къ трудящимся и ненависти къ празднымъ паразитамъ ярко выражается въ «Улицѣ», которую можно считать въ значительной части личнымъ произведеніемъ отщепенца.

Между тѣмъ, известность Валлэса расла не только среди единомышленниковъ, но и въ широкихъ литературныхъ кругахъ и даже во «всемъ Парижѣ». Онъ становился львомъ периодической печати. И если его репутація уступала колосальной репутаціи Рошфора, созданной столько же симпатіями читателей-друзей, сколько лютой злобой идеальныхъ враговъ, то все же его писательская физіономія выдѣлялась ярко и рельефно изъ рядовъ оппозиціонной арміи, ведшей все болѣе и болѣе ожесточенную войну противъ Имперіи. Благодаря этому, Валлэсу было нетрудно находить работу, и при томъ очень хорошо оплачиваемую работу, у промышленниковъ. Имъ вѣдь, въ сущности, было все равно, какія идеи развивалъ нанимаемый ими работникъ пера, лишь бы онъ умѣль интересовать читателей и усиливать сбытъ органа, хотя бы путемъ «скандала», т. е. проведенія такихъ взглядовъ, что могли шокировать и возмущать, но въ то же время привлекать своей пикантностью обычныхъ потребителей газеты. Такъ, по закрытіи «Улицы», Валлэсъ переходитъ въ 1868 г. въ ставшее большимъ ежедневнымъ изданіемъ «Фигаро» и здѣсь продолжаетъ свои хроники, больно ущемляющія предразсудки привилегированныхъ классовъ, но порою раздражающія смѣлостью своихъ сужденій о людяхъ и вещахъ идеальныхъ товарищѣй Валлэса, особенно изъ категоріи ригористовъ. Они, дѣйствительно, не могли допустить, чтобы «отщепенецъ», въ теоретическомъ отношеніи находившійся все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ Прудона и его школы, смѣль такъ рѣзко отзываться о якобинцахъ Великой революціи, начиная съ Робеспіера. Возбуждали неудовольствіе этихъ товарищѣй и насмѣшки Валлэса надъ тѣмъ прямолинейными послѣдователями крайняго міровоззрѣнія, которые на все хотѣли смотрѣть глазами доктрины и требовали

*) См. мое предисловіе къ „Французскимъ памфлетистамъ XIX вѣка“, составляющимъ серію I „Политическихъ памфлетовъ“. С.-Петербургъ, 1906. „Библіотека Общественной Пользы“.

неуклонного проведения ея въ жизни и мысли. Ихъ онъ любилъ называть «чистыми», «монахами революціи» и «полами соціализма». И нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ сужденіяхъ и насыщикахъ онъ иногда переходилъ границу, что отчасти объясняется его личнымъ положеніемъ высоко талантливаго и, можно сказать, моднаго писателя, которому приходилось черезчуръ часто вращаться среди людей привилегированного общества или торгащей печатнымъ словомъ, видѣвшихъ въ литературѣ лишь средство наживы. При соединялась тутъ, конечно, и та естественная реакція могучаго и цѣлыми годами голодавшаго организма Валлэса, которая толкала его пользоваться комфортомъ и нѣкоторыми благами жизни съ большими, можетъ быть, увлечениемъ, чѣмъ то хотѣлось бы видѣть убѣжденнымъ единомышленникамъ въ проповѣдникѣ евангелія труда. Ходили слухи и даже порою раздавались громкія обвиненія товарищѣй противъ блестящаго сотрудника бульварной печати, что онъ наполовину уже примирился съ буржуазіей, и что не сегодня завтра онъ перейдетъ въ лагерь сътыхъ и привилегированныхъ.

Съ другой стороны, буржуазные республиканцы обвиняли Валлэса въ томъ, что онъ готовъ вступить въ сдѣлку съ Имперіей и стать послушнымъ орудіемъ въ рукахъ отживающаго режима, лишь бы насолить свободолюбивой, но отнюдь не соціалистической буржуазіи. Нѣкоторые доходили даже до того, что прямо обвинили Валлэса въ продажности, когда на выборахъ 1869 г. онъ выступилъ въ одномъ изъ кварталовъ Парижа, какъ «кандидатъ нищеты», противъ медоточиваго, но глубоко буржуазнаго Жюля Симона. Валлэсъ получилъ всего нѣсколько сотенъ голосовъ, и его противникъ прошелъ громаднымъ большинствомъ. Но и въ пылу избирательной кампаніи, и неоднократно позже довольно широкіе круги обвиняли Валлэса въ сознательномъ или безсознательномъ служеніи интересамъ болапартизма, бросая ему въ лицо его избирательный «маневръ», его «неумѣстную диверсію» предъ лицомъ общаго, пока еще сильнаго врага. Между тѣмъ, справедливость заставляетъ сказать, что именно въ этомъ дѣлѣ Валлэсъ стоялъ на точкѣ зреїнія тогдашняго послѣдовательнаго соціализма, представители которого считали долгомъ обособляться на выборахъ отъ всѣхъ буржуазныхъ партій и выставлять то, что принято теперь называть «кандидатурой класса». Вспомните хотя бы полемику, которая завязалась въ половинѣ 60-хъ годовъ по поводу знаменитаго «Манифеста шестидесяти» парижскихъ рабочихъ между соціалистами и буржуазными республиканцами и въ которой на сторону пролетаріата, выступавшаго отдѣльнымъ классомъ, стала самъ апостолический Прудонъ, вдохновившійся отчасти этими обстоятельствомъ и въ своемъ посмертномъ труду «О политической правоспособности рабочаго класса».

Но событія несутся во Франціі съ поразительной быстротой. Имѣлъ ли намѣреніе или нѣть Валлэсъ примириться съ буржуа-зіей и даже позволить себѣ вступить въ избирательную сдѣлку съ Имперіей,—этотъ вопросъ, дѣлишій тогда людей, знаяшихъ Валлэса, на два лагеря, скоро сталъ празднымъ въ виду национальной катастрофы. Она разразилась надъ Франціей и увлекала всѣ классы и всѣхъ гражданъ въ сторону болѣе или менѣе искренней ликвидациіи прошлаго и сопротивленія завоевателю при новомъ, республиканскомъ правительствѣ. Валлэсъ раздѣляеть со всѣми французыами, или лучше сказать въ первыхъ рядахъ сознательныхъ политическихъ дѣятелей, перипетіи «страшнаго года». Издатель «Народа» (Le Peuple) въ 1869 г., временный жилецъ политической тюрмы «Святой Шелагеи», за двѣ рѣзкихъ статьи, написанныхъ въ «чужихъ» органахъ, Валлэсъ бросается съ осеннимъ жаромъ въ политику съ самаго начала 1870 г., когда издыхающая Имперія чувствуетъ свою близкую гибель и хватается за всякия средства, лишь бы отсрочить часъ своего неизбѣжнаго паденія. На похоронахъ Виктора Нуара, предательски убитаго Пьеромъ Бонапартомъ 10 января 1870 г., Жюль Валлэсъ совѣтуетъ друзьямъ тактику, которую ему подсказываетъ его боевой темпераментъ: двинуться съ погребальной процессіей, во главѣ дышащей негодованіемъ двухсотъ-тысячной толпы, прямо на Парижъ, вызвать уличную революцію и силою низвергнуть съ трона рыцаря декабрьской ночи. Но болѣе робкіе или болѣе дальновидные воожаки крайнихъ партій разстраиваютъ этотъ планъ. Да и самъ Валлэсъ съ яростью въ душѣ убѣждается, что и народъ въ концѣ концовъ не рѣшается еще броситься въ открытое столкновеніе съ поліціей и войсками.

Въ день объявленія войны Пруссіи, въ іюлѣ 1870 г., взбѣшенный Валлэсъ ходить по бульварамъ впереди мирныхъ контрманифестацій, которыхъ организованы соціалистами, объединенными теперь подъ знаменемъ интернаціонала, и вообще убѣжденными демократами и республиканцами, чтобы противостоять голосъ истиннаго рабочаго народа воллямъ воинственныхъ манифестаций и крикамъ «въ Берлинъ! Въ Берлинъ!», наполовину одурченныхъ, наполовину состоящихъ изъ шпіоновъ шовинистующихъ толпъ. Валлэса жестоко избиваютъ партизаны войны; правительство сажаетъ его въ тюрьму, какъ измѣнника отечеству, но вскорѣ, подъ вліяніемъ пораженій, наносящихъ все новые и новые удары императорскому трону, выпускаетъ его на свободу. А черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, 4 сентября, рушится и весь режимъ восемнадцатилѣтняго гнѣта и произвола, уступая мѣсто республикѣ, которую Валлэсъ и его единомышленники желали бы тутъ же превратить въ соціальную, но которая остается анонимнымъ правлениемъ, многоголовой диктатурой буржуазнаго класса, не останавливающагося, какъ то вскорѣ увидитъ исторія, передъ потоками

рабочей крови, когда дѣло пойдетъ объ охраненіи привилегій капитала и владѣнія.

Не проходитъ, дѣйствительно, и двухъ мѣсяцевъ, какъ народъ, искренно желающій отстоять отъ нѣмцевъ осажденный Парижъ, видитъ, что правительство «національной обороны», состоящее изъ крупныхъ вожаковъ буржуазіи, ведетъ дѣло защиты такъ вяло, будто оно боится гораздо больше вооруженного столичнаго населенія, чѣмъ враговъ, охватившихъ желѣзнымъ кольцомъ великий городъ. Соціалисты и революціонеры школы Бланки дѣлаютъ попытку 31 октября захватить ратушу и на мѣсто буржуазнаго поставить истинное народное правительство. Уже произносится и идетъ изъ устъ въ уста слово «Коммуна», которою секціи вооруженныхъ «федералистовъ», выбирающихъ своихъ вождей, надѣются замѣнить вялыхъ и трусливыхъ людей 4 сентября. Валлэсъ во время этой попытки назначенъ народомъ мэромъ XIX-го округа.

Но народное движеніе, послѣ нѣсколькихъ часовъ торжества, подавлено пришедшими въ себя правительствомъ, которое, однако, рѣшается преслѣдовать мятежниковъ военнымъ судомъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Буржуазія мстить народу только послѣ капитуляціи, только послѣ постыдной сдачи Парижа правительствомъ торжествующему врагу, не смотря на слезы ярости и геноцидъ населенія (январь 1871 г.). Лишь въ началѣ марта буржуазная юстиція приговариваетъ заочно Бланки и Флуранса къ смертной казни, Валлэса, успѣвшаго тѣмъ временемъ скрыться и пріютиться у друзей, къ шестимѣсячному заключенію. За то газета «Крикъ народа» (*Le Cri du Peuple*), которую Валлэсъ началъ издавать при республикѣ и которая сильно расходилась между рабочими и революціонной буржуазіей въ Парижѣ, была пріостановлена правительствомъ «національной обороны» на 18-мъ номерѣ въ числѣ шести соціалистическихъ органовъ...

Но въ воздухѣ пахнетъ уже настоящей Коммуной. Валлэсъ, вступившій незадолго передъ тѣмъ въ одну изъ секцій Интернаціонала и могущій теперь ближе познакомиться съ настроениемъ наиболѣе сознательныхъ рабочихъ, чувствуетъ, что готовится нѣчто огромное не только по внѣшнимъ размѣрамъ, но и по своему историческому смыслу. Самое событие застаетъ всетаки Валлэса врасплохъ: Коммуна провозглашена если не неожиданно, то внезапно, какъ результатъ народного движенія 18-го марта. Появившаяся вновь газета Валлэса привѣтствуетъ ее слѣдующей передовой статьей, которая производить сильную сенсацию среди наэлектризованныхъ массъ, идущихъ, какъ имъ кажется, на окончательное завоеваніе новаго міра:

«Что за день!

«Это теплое и ясное солнце, которое золотить жерла пушекъ, этот запахъ букетовъ, это трепстаніе знаменъ, рокотъ этой революціи, которая развертывается, спокойная и прекрасная, словно голубая рѣка; эта дрожь, пробѣгающая по толпѣ, этотъ свѣтъ, эти мѣдныя трубы, этотъ блескъ бронзы, эти горячіе взрывы надежды, этотъ запахъ честности въ воздухѣ,—да, тутъ есть чѣмъ опьянить гордостью и радостью побѣдоносную армію республиканцевъ.

«О, великий Парижъ!

«Мы были жалкими трусами, мы говорили уже о томъ, чтобы покинуть тебя и удалиться изъ твоихъ предмѣстій, которыхъ, намъ думалось, оставило дыханіе жизни!

«Прости! Отечество чести, городъ спасенія, бивуакъ революціи!

«Что бы ни случилось, и пусть намъ суждено снова быть побѣженными и умереть завтра, наше поколѣніе напло утѣшено! Намъ заплачено за двадцать лѣтъ пораженій и томительной скорби.

«Трубы! Бросайте далеко по вѣтру ваши звуки! Барабаны, бейте лагерный сборь!

«Обними меня, товарищъ, у которого, какъ и у меня, уже показалась сѣдина въ волосахъ! А ты, мальчикъ, играющій въ шарики позади баррикады, подойди и ты, чтобы я расцѣловалъ тебя!

«День 18-го марта спасъ тебя отъ великой бѣды, малютка! Ты могъ бы, какъ мы, расти въ туманѣ, шлепать въ грязи, утопать въ крови, издыхать отъ стыда, испытывать несказанное горе обезчещенныхъ!

«Теперь этому конецъ!

«Мы проливали кровь и слезы за тебя. Ты получишь наше наслѣдство.

«Сынъ отчаявшихся, ты будешь отнынѣ свободнымъ человѣкомъ!»

На выборахъ въ Коммуну Валлэсъ проходитъ однимъ изъ трехъ представителей Гренельского квартала. Въ этомъ импровизированномъ правительствѣ четвертаго сословія отцепенецъ вотируетъ по большей части съ соціалистическимъ меньшинствомъ, которое тщетно борется съ якобинскими и террористическими тенденціями большинства, состоящаго изъ крайнихъ буржуазныхъ республиканцевъ и изъ учениковъ Бланки. Нѣкоторые взгляды Валлэса встрѣчаются суровое осужденіе не только среди его коллегъ, но со стороны самихъ, доведенныхъ до отчаянія, массъ, которыхъ, видя, съ какою свирѣпостью, съ какимъ презрѣніемъ законовъ войны версальцы разстрѣливаютъ плѣнныхъ и безоружныхъ, сами начинаютъ думать о репрессіяхъ. Такъ, Валлэсъ сталъ было настаивать—во имя принциповъ свободы печати, столько разъ попирающейся въ его лицѣ, на разрѣшеніи выходить всѣмъ, самымъ клеветническимъ органамъ буржуазіи въ осажденномъ арміей Тьера Парижѣ. Въ этомъ случаѣ онъ стоялъ на точкѣ

зрѣнія Рошфора, газета которого неоднократно вызывала неудовольствіе Коммуны. Но вступившіе въ отчаянную борьбу съ версальцами, воожаки инсуррекціі рѣзко отвергли это предложеніе, ука-завъ,—не безъ основаія, впрочемъ,—что всѣ эти газеты буржуазіи были, въ сущности, органами формального военного шпіонства, доносившими версальцамъ о всѣхъ планахъ федералистовъ.

Разгромъ Коммуны прекратилъ передъ лицомъ неумолимаго врага эти распри большинства и меньшинства. И свободолюбивые, и якобинствующіе члены Коммуны исполнили, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, свой долгъ передъ возставшимъ и выдвинувшимъ ихъ впередъ народомъ. Они бились, какъ львы, на баррикадахъ среди ужасовъ майской «кровавой недѣли». И одни полегли въ первыхъ рядахъ инсургентовъ; другіе, когда всякая надежда на побѣду была потеряна, спаслись, лишь благодаря счастливой случайности и собственной находчивости и хладнокровію. Боевая натура Валлэса кидала его всюду, гдѣ подъ краснымъ знаменемъ пролетаріата народъ оказывалъ отчаянное сопротивленіе генераламъ арміи порядка, тѣмъ самымъ генераламъ, которые—какъ это всегда бываетъ,—чѣмъ трусливѣе вели себя на полѣ битвы съ вѣйшнимъ врагомъ, тѣмъ болѣе неистовствовали на улицахъ родного Парижа, проливая кровь соотечественниковъ. Не было, кажется, ни одной крупной баррикады въ V-мъ и XIII-мъ парижскихъ округахъ, на которой въ тотъ или другой моментъ «кровавой недѣли» не появлялась бы всѣмъ знакомая въ то время фигура Валлэса, обрекшаго себя, что называется, на смерть. А въ послѣдніе дни съ высотъ Люксембурга и Пантеона, залитыхъ кровью послѣднихъ защитниковъ Коммуны на лѣвомъ берегу, онъ удаляется на высоты рабочаго Бельвиля, этого «Авентинскаго холма» французскаго пролетаріата. Когда и этотъ оплотъ народа разгромленъ митральезами, постыдно молчавшими передъ нѣмцами, и наводненъ героями Седана и Меца, Валлэсъ оставляетъ проигранное окончательно поле сраженія. Ему удается сойти за санитара; вѣрные друзья даютъ ему въ теченіе нѣсколькихъ недѣль пріютъ. И, наконецъ, Валлэсъ переступаетъ французскую границу и удаляется въ Англію въ то самое время, какъ версальцы гордятся чуть не каждый день разстрѣломъ новаго лиже-Валлэса, и органы буржуазіи съ наслажденіемъ описываютъ, какъ подло и трусливо умиралъ авторъ «Отщепенцевъ» и главный редакторъ «Le Cri du Peuple».

Отнынѣ драматический періодъ жизни Валлэса конченъ. Потянутся унылые дни и годы изгнанія, когда эмigrantъ, прислушиваешься къ тому, что дѣлается на родинѣ, будетъ переходить отъ надежды къ негодованію и почти отчаянію, и отъ этихъ чувствъ снова къ надеждѣ въ ожиданіи торжества своихъ идеаловъ. Участь Валлэса была еще завиднѣе участіи многихъ и многихъ его товарищей, благодаря его изъ ряду вонъ выходящему литературному

таланту, который даетъ ему и изъ-за границы возможность писать въ родной печати. Изъ Лондона онъ посылаетъ въ «L'Evénelement» анонимныя письма, изображая въ нихъ своимъ могучимъ, хотя и утрированнымъ языкомъ, сцены и типы столичной англійской жизни. Изъ нихъ составится въ 70-хъ годахъ цѣлая книга, которой онъ дастъ характерное заглавіе «Улицы въ Лондонѣ» (*La Rue à Londres*), въ pendant къ своей прежней парижской «Улицѣ», которую онъ описывалъ съ такою энергию и рельефностью. Изъ Лондона же онъ посылаетъ въ республиканскій «Voltaire» «Хроники человѣка въ маскѣ» (*Chroniques de l'homme masqué*). Наконецъ, въ изгнаніи онъ начинаетъ въ газетѣ «Le Siecle»— свою автобіографическую трилогію, героемъ которой является самъ онъ, Жюль Валлэсъ, подъ прозрачнымъ псевдонимомъ Жака Вентра (*Jacques Vingtras*). Первая часть, «Ребенокъ» (*L'Enfant*), выходитъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1879; вторая, «Баккалавръ», (*Le Bachelier*), въ 1881; третью—Инсургента» (*L'Insurgé*) онъ пишеть уже на родинѣ, куда возвращается послѣ общей амнистії 10-го юля 1880 г., а отдѣльное изданіе ея появляется уже послѣ его смерти, въ 1885 г.

Во Франціи же Жюль Валлэсъ воскрешаетъ съ 1883 свою прежнюю газету «Le Cri du Peuple», стараясь придать ей особую физіономію, подчеркнуть ея индивидуальность, противостоявляя ея безпартійно соціалистическое міровоззрѣніе радикально-соціалистическому революціонизму рошфоровскаго «L'Intransigeant» и радикально-соціалистическому эволюціонизму клемансовской «La Justice». Валлэсъ группируетъ вокругъ себя сотрудниковъ, принадлежащихъ къ различнымъ, довольно часто враждующимъ между собою фракціямъ французскаго соціализма, что вредить цѣльности направленія органа, которому не особенно много цвѣта и блеска сообщаетъ и самъ значительно потускнѣвшій теперь и ослабѣвшій редакторъ. Однако, и въ послѣдніе годы своей жизни Валлэсъ настолько еще пользуется литературной репутацией, отчасти оставшейся ему отъ времени наибольшаго расцвѣта его таланта, что только что возникшая тогда и понынѣ здравствующая шустрая газета «Le Matin» включила Валлэса въ число четырехъ передовиковъ совершенно различныхъ направлений, которые, по предложенію изданія, пресловутаго Эдвардса, должны были знакомить читателей органа каждый съ взглядами своей партіи, не стѣсняясь мнѣніями пишущаго тутъ же рядомъ сосѣда. Въ то время, какъ Поль-де-Кассаньякъ представлялъ въ «Le Matin» бонапартизмъ, Корнели—орлеанізмъ, Эмманюэль Аренъ оппортунизмъ, Валлэсъ считался выражющимъ въ газетѣ міросозерцаніе соціализма.

Умеръ Жюль Валлэсъ, какъ уже было сказано, сравнительно очень нестарымъ, особенно по французскимъ понятіямъ, недостигнувъ и 53 лѣтъ отъ роду. Его могучий, но надорванный лишениями молодости и треволненіями зрѣлаго возраста организмъ рапо-

быть подточенъ порывами бунтующей и вѣчно мятущейся души, которая износила крѣпкую оболочку, какъ острый клинокъ, находящийся часто въ движеніи, изнашиваетъ самыя прочныя ножны.

Валлэсъ принадлежитъ къ людямъ, надлежащая оцѣнка которыхъ можетъ быть сдѣлана только подъ условiemъ разсматривать ихъ личность въ цѣломъ, не разрывая ея на части, не абстрагируя различныхъ сторонъ ихъ индивидуальности. Такъ, человѣкъ и писатель настолько сливаются въ немъ, что его литературные произведения даютъ ключъ къ нѣкоторымъ его личнымъ свойствамъ, и, наоборотъ, его жизнь и дѣятельность уясняютъ намъ порою лучше всего, почему онъ писалъ такъ, а не иначе. Скажутъ, эта зависимость существуетъ всегда. Да, но въ какой степени? Есть писатели, которые въ личной жизни обнаруживали жажду пользоваться и, дѣйствительно, пользовались всѣми благами существованія, а въ теоретическомъ отношеніи выражали самый отчаянный пессимизмъ: таковъ Шопенгауэръ. Извѣстны, наоборотъ, такие писатели, вся жизнь которыхъ была омрачена страданіями, физическимъ уродствомъ, и произведения которыхъ брызжутъ весельемъ и довольствомъ судьбой: вспомните калѣку Скаррона, пишущаго свои комедіи въ колясочкѣ, гдѣ онъ скрывалъ свой горбъ и свою вѣчную подагру. Валлэсъ же жилъ, какъ писалъ, и писалъ, какъ жилъ. Говоря вообще,—т. е. всматриваясь въ среднее теченіе его жизни и объясняя нѣкоторыми особенностями самой природы «отщепенца» иногда довольно длительная противорѣчія между характеромъ его существованія и тономъ его писаній въ данный моментъ.

Валлэсъ былъ сыномъ народа, потомкомъ длиннаго ряда мужиковъ съ могучимъ организмомъ и неизношенными нервами, не боявшимися ни боли, ни лишений. Его всю жизнь тянуло къ физическому труду, и особенно сельскому труду, такъ что даже его соціализмъ проникался чувствительной струей,—вообще-то претившей его сильной и грубой природѣ,—когда онъ говорилъ о деревнѣ и ея надрывающемся надъ работой населенія. И этотъ сынъ народа былъ богато одаренъ природою, при чемъ его честолюбіе подсказывало ему, подсказывало настойчиво и громко, что онъ достоинъ лучшей участіи. Между тѣмъ, судьба обрекала его на жалкое прозябаніе въ рамкахъ педагогической карьеры, и при томъ на низшихъ и среднихъ ступеняхъ учительской лѣстницы, на манеръ его отца, пасмурная жизнь котораго показывала ему, словно въ магическомъ зеркаль, его собственное сырое и мизерное существованіе. Отсюда та ненависть, которая рано созрѣла въ душѣ Жюля Валлэса по отношенію къ счастливымъ міра сего, ко всѣмъ этимъ празднымъ тунеядцамъ, которымъ стоило лишь родиться, чтобы уже въ своей колыбели быть окружеными всѣми удобствами жизни. А съ са-

михъ представителей капитала и владѣнія эта ненависть переходила и на весь современный строй, основанный на противоположности интересовъ привилегированного меньшинства и трудящихся массъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Валлэсъ въ теченіе десяти лѣтъ, проведенныхъ имъ въ голодовкѣ, лишеніяхъ и оскорбленияхъ достоинства, могъ не разъ встрѣтить среди богемъ, въ кругу которыхъ онъ вращался, болѣе или менѣе такихъ же, какъ самъ онъ, высокоталантливыхъ парижскихъ современного общества, задавленныхъ неудачами и общимъ гнетомъ глубоко несправедливаго строя. Его злоба противъ этого склада вещей изъ личной превращалась поестественному, если можно такъ выразиться, въ альтруистическую, укрѣплялась и обострялась сознаніемъ солидарности со всѣми отщепенцами.

Политическая условія тогдашней Франціи оттачивали въ свою очередь еще болѣе жало злобы, которой Валлэсъ пламенѣлъ къ окружавшему обществу. Особенно тяжелыми годами его существованія было первое десятилѣтие Второй имперіи, когда торжествующій цезаризмъ нахально издѣвался надъ всѣмъ, что было честнаго, великаго и благороднаго въ націи, когда реакція повсюду спрѣвляла свои оргіи, и когда просто честному и независимому человѣку, не говоря уже о принципіальныхъ врагахъ Имперіи, не было житья среди запуганной и развращенной націи. Сколько низостей надо было сдѣлать, сколько расточить лести, въ какія сдѣлки съ совѣстю надо было вступать, чтобы не только составить себѣ положеніе, но отстоять голое право на существованіе! Отсюда у Валлэса, рядомъ съ ненавистью соціального характера, обращенію на весь современный строй, лютая политическая злоба противъ императорскаго деспотизма и вообще такъ называемыхъ «сильныхъ правительствъ», подавляющихъ свободу личности и инициативу общества.

Болѣе десяти лѣтъ Валлэсъ провелъ, страдая этою, какъ выражаются французы, «вогнанною внутрь» (*rentré*) болѣзнью, этою двоякою соціально-политическою злобою. И вотъ, когда въ началѣ 60-хъ годовъ ему удалось, наконецъ, благодаря мощному литературному таланту, найти себѣ трибуну въ буржуазной прессѣ, его желтый пузырь прорвался, и изъ-подъ его пера стали выходить статьи, проникнутыя такою силою и искренностью, что сразу же заинтересованные ими читатели не могли себѣ отдать отчетъ, чѣмъ они больше увлечены: искусствомъ ли писателя, или выстраданной убѣжденностю стоявшаго за нимъ человѣка. Литературный талантъ, несомнѣнно, трепеталъ въ каждой строкѣ этихъ писаний, и талантъ большой. Самая утрированность нѣкоторыхъ сравненій, которою бичуемый Валлэсомъ романтизмъ *à la Hugo* словно мстилъ своему отрицателю, равно какъ обилие чисто народныхъ и даже вульгарныхъ выражений не портили общаго впечатлѣнія отъ этой живой, яркой, необыкновенно просто построенной, но, главное,

страстной и желчной рѣчи. Желчь—выдающаяся черта произведений Валлэса, у которого она нерѣдко доходить до степени тяжелой злобы, а порою до положительного бѣшенства, но бѣшенства, не отнимающаго у писателя чувства самообладанія, а, наоборотъ, придающаго выпадамъ его пера особенно колючій, свистящій характеръ. Самый юморъ Валлэса,—а юморъ чувствуется на каждой страницѣ писаній отщепенца.—основанъ на безпощадномъ изобличеніи, на жгучемъ издѣвательствѣ надъ пошлыми, порою даже просто смѣшными сторонами людей и явлений.

Это всего лучше ощущается, когда сравниваешь Валлэса съ родственнымъ ему въ извѣстномъ отношеніи Рошфоромъ. И у Рошфора (я говорю, главнымъ образомъ, о прежнемъ Рошфорѣ) юморъ кипитъ зачастую сатирическимъ негодованіемъ, порождающимъ свирѣпую «блягу» или колючій каламбуръ. Но у этого «принца-каламбура» всплываетъ сплошь и рядомъ простая безобидная острота, которая срывается у него съ кончика пера помимо всякой тенденціи, безъ всякой цѣли, а просто потому, что памфлетисту она показалась смѣшною сама по себѣ, и у него возникло почти дѣтское желаніе стряхнуть ее на бумагу. Рошфоръ, выражаясь фигурально, когда выступаетъ на путь сатиры, можетъ тутъ нерѣдко оставлять свой обличительный бичъ, чтобы тутъ же наклониться и сорвать на краю дороги цвѣтокъ невиннаго юмора, а порою сдѣлать нѣсколько шаговъ и совсѣмъ въ сторону.

Валлэсъ и такой цвѣтокъ готовъ сейчасъ же превратить въ бичъ. Безобидный каламбуръ не по душѣ его годами озлоблявшейся личности, самая невинная шутка вызываетъ у него черезъ-чуръ богатую ассоціацію тяжелыхъ идей и чувствъ, чтобы онъ могъ заниматься «искусствомъ для искусства» каламбура. Въ такихъ случаяхъ онъ, говоря любимымъ выражениемъ французовъ, отступаетъ лишь для того, чтобы лучше прыгнуть. Начавъ, повидимому, съ простой шутки, онъ скоро вскипаетъ гнѣвомъ или презрѣніемъ и быстро, быстро гонитъ впередъ и развивается внезапно родившуюся въ его головѣ смѣшную мысль и доводить ее до такой крайности, до такой однобокой выпуклости, что весь юморъ его начинаетъ отливать горькой-прегорькой желчью.

Не надо, конечно, думать, что этой горечью и озлобленіемъ и исчерпывается весь Валлэсъ. Когда онъ говорить о страдающихъ, объ угнетенныхъ, о простомъ народѣ, о героическомъ революціонѣрѣ, объ оскорблѣемой женщинѣ, объ истязаемомъ ребенкѣ, перо его проникнуто неподдульнымъ чувствомъ, въ которомъ развѣ слегка мелькнетъ риторика,—дочь его «классического» воспитанія. Въ этомъ смыслѣ онъ, несомнѣнно, превосходитъ Рошфора, который гораздо суше его, когда дѣло идетъ объ аффективномъ отношеніи къ людямъ и событиямъ. Здѣсь, какъ это ни странно можетъ показаться на первый взглядъ иному читателю, Валлэсъ обнаруживаетъ даже извѣстную сентиментальность, совершенно чуждую

«красному маркизу», Анри-де-Рошфору-Люсэ. Не следует забывать, что народъ далеко не лишенъ своеобразной сентиментальности. И какъ истый сынъ народа, Валлэсъ обладаетъ этой чертой, тогда какъ Рошфоръ напоминаетъ неспособностью къ сильной эмоціи привилегированныхъ остроумцевъ XVIII-го вѣка, вплоть до гениальныхъ умовъ этой категоріи, въ родѣ Вольтера.

Разъ уже рѣчь зашла о сравненіи Валлэса и Рошфора, то придется замѣтить, что Валлэсъ, не написавшій и половины «романовъ», написанныхъ знаменитымъ памфлетистомъ, на самомъ-то дѣлѣ въ гораздо большей степени обладаетъ собственно беллетристическимъ талантомъ, чѣмъ Рошфоръ. По силѣ художественнаго изображенія физическихъ и умственныхъ свойствъ той или другой личности Валлэса приходится поставить оченъ высоко. Нѣкоторые изъ нарисованныхъ имъ въ автобіографіи портретовъ отличаются такою рельефностью, что положительно выступаютъ со страницъ книги, какъ живые, передъ читателемъ. И если восторженные поклонники Бальзака восхищаются тѣлесною рельефностью героевъ великаго автора «Человѣческой комедіи», то Валлэсъ умѣль воспроизвести характерная черты нѣкоторыхъ знакомыхъ ему личностей съ выпуклостью, приближающей ихъ къ настоящимъ художественнымъ типамъ.

Теперь мнѣ хотѣлось бы подкрѣпить однімъ-двумя конкретными примѣрами, цитируя самого Валлэса, тѣ нѣсколько общія разсужденія, которыя я высказалъ о немъ выше.

Вотъ образчики его свирѣпаго, подхлестывающаго самаго себя юмора. Жакъ Вантра описываетъ въ «Ребенкѣ», какъ мать поощряла его поведеніе при помощи копилки:

- «Мама! Мнѣ больно.
- Это глисты, дитя мое!
- Я чувствую, что мнѣ больно.

— Нѣженка, одно слово! Вотъ если бы у тебя было десять тысячъ ренты!.. А болить животъ, сдѣлай, какъ дѣлывала мой отецъ: перекувырнишь черезъ голову на полу!

Деньги! рента!

Мнѣ обѣщаютъ, какъ и всѣмъ мальчикамъ, награды, большое мѣдное су, если я буду умникомъ, а всякий разъ, когда я первымъ въ классѣ, серебряную монетку. Ну, и что же, дають мнѣ ее? О, нѣть, моя мать слишкомъ для этого любить меня.

Но она не лишила меня денегъ, чтобы обогатить себя.

О, нѣть! десять су отнюдь не возвращались въ семейный обиходъ,—они ложились на дно копилки, горлышко которой смѣялось мнѣ прямо въ лицо.

— Это вѣдь для тебя,—говорила мать, показывая мнѣ монету прежде, чѣмъ пропихнуть ее въ щель.

Я никогда не видѣлъ ея больше,

— Это,—прибавляла она,—для того, чтобы нанять за тебя рекрута.

И вотъ этотъ-то замѣститель, спрятанный въ копилкѣ, и поглощаетъ всѣ серебряныя монетки и большія мѣдныя су, которыхъ другіе, мои товарищи, тратятъ по воскреснымъ и ярмарочнымъ днамъ на балаганы, конфектныя сигары и мѣдныя пущечки.

Всегда благородная, давая мнѣ уроки безъ всякаго педантизма, моя мать, которая шла за вѣкомъ, сообщала мнѣ, такимъ образомъ, ненависть къ *постояннымъ арміямъ* и заставляла меня задумываться насчетъ «налога кровью». Иногда я возражалъ и указывалъ на товарищей, издерживавшихъ свои деньги вмѣсто того, чтобы сберегать ихъ для рекрута.

— Вотъ видишь ли, они, безъ сомнѣнія, калѣки!

Она даже произносила грустныя и сочувственныя слова по адресу этихъ бѣдныхъ дѣтей, которыхъ хорошо дѣлали, что утѣшали себя, тратя деньги,—они, несчастнѣнкія, искривленныя и сгорбленныя небомъ такъ искусно, что и не замѣтишь этого...

А я, неблагодарный и недовѣрчивый, сгорая желаніемъ покататься на карусели, я часто сожалѣлъ, что не былъ горбатымъ, и молилъ Бога наградить меня какимъ-нибудь недугомъ, который я скрою подъ рубашкой и который, спасая меня отъ рекрутчины, дасть мнѣ право брать то, что откладываютъ, и не совать ничего больше въ эту проклятую копилку» *).

А вотъ уже прямо жестокія страницы, которыхъ авторъ посвящаетъ своей матери; и бичъ этого юмора обрушивается на нее какъ разъ въ ту изображаемую Валлэсомъ минуту ея жизни, когда мать, привыкшая къ битью мальчика, вдругъ прерываетъ эту привычку, начавъ подстерегать своего мужа, ухаживающаго за красивой дамой:

«Вдругъ жизнь сразу перемѣняется.

До сихъ поръ я былъ барабапомъ, на которомъ мать выбивала *тра-та-та!* Она испробовала на мнѣ всевозможнаго сорта лупки и примѣряла ко мнѣ всякаго рода орудія, она обрабатывала меня во всѣхъ смыслахъ, и щипала, и царапала, и нахлопывала, и насаживала, и была по щекамъ, и чесала, и дубила, не успѣвъ сдѣлать меня ни идиотомъ, ни калѣкой, ни горбуномъ, ни кривоножкой и не выростивъ ни луку въ моемъ желудкѣ, ни овечьей шерсти на спинѣ—и это послѣ столькихъ проглоченныхъ мною съ отвращенiemъ бараныхъ ногъ!

Но вотъ въ извѣстный моментъ ея нѣжность удаляется отъ меня. Ея заботливость слабѣеть.

Прежде у насъ только и слышно было, что *бацъ! трахъ! вотъ тебѣ!* Меня называли бандитомъ, «преклятымъ» негодяемъ. Мать

*¹) Jules Vallès, *Jacques Vingtras. L'Enfant*; Парижъ, изд. 1902, стр. 29—131.

говорила «преклятый» вмѣсто «проклятый». Она говорила такъ же «идѣть» вмѣсто «идіотъ» (Я приблизительно воспроизвожу по-русски непереводимыя искаженія французского языка въ устахъ матери героя. Н. К.).

Цѣлыхъ тринадцать лѣтъ я не могъ оставаться пяти минутъ съ ней, да, всего пяти минутъ, чтобы не довести ея нѣжной любви ко мнѣ до крайности, до пароксизма.

Что жесталось съ этимъ движеніемъ, этимъ шумомъ, этой постоянной раздачей пощечинъ?

Я не особенно возмущался, когда меня называли бандитомъ, негодяемъ: я привыкъ къ этому — мнѣ даже это лъстило нѣсколько.

Бандитъ!—да вѣдь это какъ въ романѣ съ картинками. А потому я хорошо чувствовалъ, что моей матери доставляло удовольствіе дѣлать мнѣ больно; что она нуждалась въ движеніи и могла предаваться даровой гимнастикѣ, не ходя въ специальныхъ залах...

... И вотъ, я живу въ теченіе нѣкотораго времени, не получая ничего освѣжительного или горячительного, живу, какъ снопъ, который гнѣтъ въ углу, вмѣсто того, чтобы танцевать подъ ударами цѣпа, живу, какъ гусь, котораго прибили лапами къ доскѣ и который пухнетъ передъ печью.

Мнѣ не зачѣмъ больше подниматься и идти, какъ обреченная, на удары цѣпь, къ матери; я могу сидѣть все время.

Эта забастовка безшоконить меня.

Конечно, сидѣть спокойно — это не дурно. Но когда возвратятся снова къ старымъ привычкамъ, когда снова пробьетъ часъ кнута, какъ мнѣ быть тогда? О, меня погубятъ сладости Капуи: я потеряю панцырь привычки, ловкость гимнаста, прочность битой и перебитой кожи!

Но что же, наконецъ, происходитъ?

Я врядъ ли что понимаю, но мнѣ кажется, что г-жа Бриньолленъ кой при чёмъ въ этой мрачной печали нашего дома, въ бѣдномъ гнѣвѣ матери.

Моя мать проводить длинные вечера, не говоря ни слова, съ устремленными въ одну точку глазами и сжатыми губами. Она прячется за стеклами окна и поднимается занавѣску, она словно стережетъ добычу*).

Я могъ бы продолжать цитаты этого рода, дать нѣсколько образчиковъ менѣе свирѣпаго юмора. Я могъ бы, напримѣръ, передать исторію житья-бытья одного приятеля Валлэса въ его гостепріимной мансардѣ, которая была такъ мала, что длинный-предлінnyй гость принужденъ былъ, ложась на ночь спать, или высовывать голову черезъ форточку на крышу, или же протягивать ноги въ отворенную дверь на лѣстницу. Или я могъ бы разсказать со словъ Валлэса препирательства между педагогами въ дешевомъ ресто-

*) Ibid., стр. 189—191.

ранѣ, по поводу красоты цитать изъ знаменитыхъ писателей въ начавшей выходить энциклопедіи, между тѣмъ какъ присутствующій при этихъ диспутахъ «баккалавръ», Валлэсъ, внутренно помираетъ со смѣху, ибо онъ самъ какъ разъ и сочиняетъ эти цитаты и лишь приписываетъ ихъ классикамъ французского языка, чтобы поскорѣе написать большее число строкъ для упомянутаго энциклопедического словаря и получить нѣсколько лишнихъ су съ жаднаго издателя. Надо сказать, что произведенія Валлэса всѣ брызжутъ остроумiemъ, и въ частностяхъ и въ общемъ ансамблѣ, такъ что испытываешь лишь затрудненіе въ выборѣ изъ этого богатаго запаса юдкихъ каламбуровъ и жестокихъ выпадовъ саркастического пера. Придется ограничиться въ этомъ смыслѣ вышеприведеннымъ. За то я тороплюсь дать читателю цитату изъ Валлэса, гдѣ онъ является не только желчнымъ юмористомъ и свирѣпымъ остроумцемъ, но и недюжиннымъ художникомъ, перо котораго надѣляетъ изображаемыя имъ лица интенсивною жизнью и иллюзией рельефной тѣлесности.

Дѣло идетъ о политическомъ свиданіи Валлэса, тогда уже виднаго дѣятеля крайняго лагеря, съ депутатами буржуазной оппозиціи, чтобы добиться отъ нихъ рѣшительного шага. Делегація идетъ отъ одного парижскаго депутата къ другому и повсюду настакиваетъ на отказъ. Вотъ,—съ извѣстными сокращеніями,—рассказъ обѣ этой Одиссеѣ, позволяющей Валлэсу нарисовать типы лидеровъ буржуазіи.

— «Къ Ферри! Вы изъ его округа, Вэнтра. Вы и будете говорить съ нимъ.

Обширный парадный ходъ, торжественные площадки, молчаливый и серьезный домъ.

Я поднимаюсь этажъ за этажомъ, волнуясь, словно бы всходилъ по ступенькамъ эшафота.

— Здѣсь...

На звонокъ выходитъ горничная.

— Г. Жюль Ферри?

— Дома...

...Хозяинъ появляется, въ пиджакѣ и съ длиннымъ-длиннымъ носомъ.

— Что вамъ угодно, господа?—говорить онъ, обращая на насъ мутный, поистинѣ мутный взоръ.

Его голосъ слегка дрожитъ, дрожать и пальцы.

Минута молчанія. Говорить—такъ говорить!

— Вы знаете, м. г., письмо г. де-Кератри, который предлагаетъ отвѣтчать на декретъ отерочки палаты массовымъ появлениемъ депутатовъ передъ Бурбонскимъ дворцомъ въ день и часъ, когда, по закону, должна была бы открыться сессія. Народное собраніе рѣшило заставить представителей Парижа высказаться категорически по этому поводу и поручило намъ требовать ихъ

присутствія на собраніи, гдѣ народъ выразить свою волю... Вы придетѣ?

Руки все дрожать; человѣкъ, осанка и лицо котораго выражаютъ, однако, рѣшительность, повидимому сбить съ толку.

— Я не отказываюсь собственно. Но я долженъ посовѣтоваться со своими коллегами. Я сдѣлаю, что сдѣлаютъ они.

— Мы передадимъ ваши слова кому слѣдуетъ,—заявляю я тономъ революціоннаго секретаря въ дни сентябрьскихъ избѣній.

Поклонились и вышли.

А теперь на площадь Св. Магдалины.

— Г. Жюль Симонъ?

— Войдите, господа.

Вотъ онъ, знаменитый чердакъ.

Ну, о жилищѣ нельзя сказать ничего особеннаго. Конечно, это не крысоловка, но и не дворецъ подъ крышей.

Ласковый-ласковый, вкрадчивый, съ кошачими манерами патера, съ глазами горѣ, на подобіе Св. Терезы въ истерическомъ припадкѣ, съ маслянымъ языкомъ и лоснящейся кожей, со ртомъ въ родѣ гузки рождественского гуся, онъ узнаетъ меня и подходитъ ко мнѣ, протягивая свои пухлые и влажные пальцы.

— Мой дорогой недавній соперникъ...

Я заложилъ руки за спину и отодвинулъся, предоставляемъ другимъ ставить вопросы господину...

Какъ и Ферри, онъ отвѣчаетъ въ томъ родѣ, что, моль, придется, если таково рѣшеніе депутатской группы.»

Делегаты идутъ къ Тьеру. Здѣсь перо Валлэса становится прямо неподражаемымъ:

«...Не возможно отказать въ рукопожатіи веселому толстяку, съ бакенбардами изъ краснаго дерева, съ широкимъ животомъ и широкимъ смѣхомъ, который уже успѣлъ прежде, чѣмъ я могъ разжать свои клыки, просвистать мнѣ въ уши тонкимъ голосомъ:

— Ну, разноситель, какъ дѣла? А вы можете похвастаться, что ловко разскатали насъ въ «Улицѣ». Говорить нечего!'

И давай хлопать меня по тому, что у меня могло быть животомъ, спрашивая, что насъ занесло къ нему.

— Словомъ, чего же想要, господа, народъ? Посылаетъ онъ васъ по мою голову? Вѣдь у меня есть слабость держаться за нее! Знаете... старая привычка носить ее на плечахъ.

Хорошее расположение духа, веселье... Ротъ и сюртукъ на распашку.

У этого пальцы не дрожать, а барабанять по столу оставшійся въ памяти обрывокъ «Mége Godichon», и его голова вертится на жирномъ тѣлѣ лингвина съ лихорадочной быстротой штицы-мухи.

— Такъ пойду-ли я на манифестацію 26-го числа? Э?

— Да, двое изъ вашихъ коллегъ уже обѣщали.

— О, насчетъ этого мнѣ... наплевать!

— Значить, вы не придетে?

— Ни за что въ жизни! Идти подвергаться опасности Тьерику, не зная, что еще за это нагоритъ? Вотъ такъ вздумали, милый мой!

Онъ смеется, и нельзя не смеяться вмѣстѣ съ нимъ, потому что этотъ, по крайней мѣрѣ, не виляетъ.

— А если Белльвиль восторжествуетъ, сейчасъ же прибѣгу! Но чтобы самому поднимать его, самому играть въ Бруты, кѣтъ, дѣтки, на это я не иду! Ни къ чему не обязываюсь, ничего не обѣщаю. Ни съ эстолько!

И онъ щелкаетъ пальцами по зубамъ.

— Вы, какъ видно, всѣ славные ребята, и достаточно убѣжденный народъ, чтобы идти расколотить себѣ головушки. Передъ головушками этого рода я отвѣщаю поклонъ, но свою прячу по дальше!.. Да, вѣстати, разноситель! Вы мнѣ приписали фразу: «Манюэль былъ герой, да только не былъ снова выбранъ». Я ея не сказалъ, но думать такъ думаю... Ну, до свиданія! Честное слово, можно подумать, что вы только о томъ и помышляете, какъ бы умереть. Ну, а я держусь за жизнь,—таковы ужъ мои вкусы. Чортъ возьми, да это и понятно: вы изъ худыхъ, а я жирный!.. Осторожнѣй, здѣсь ступенька!.. Постойте, если только вы влете въ тюрьму, я принесу вамъ туда сигаръ и бургонскаго! И какого еще!..

Онъ наклоняется надъ нами съ лѣстницы и аппетитно чмокаешь, приближая всѣ пять пальцевъ ко рту» *).

Я думаю этой сцены достаточно, чтобы читатель могъ самъ убѣдиться, болѣе того—ощутить, съ какой живостью, съ какимъ чувствомъ реальности Валлэсъ изображалъ людей и события. Достигая этой степени, описательный талантъ превращается въ истинное творчество. И Валлэсъ, котораго вкусы и чутье литературной правды гнали всегда въ сторону реализма, даже когда еще не выработалось теченія, извѣстнаго подъ именемъ «натурализма»,— Валлэсъ, говорю я, обнаруживалъ на иныхъ изъ своихъ страницъ огромное художественное дарование.

Я упомянулъ раньше еще обѣ одной чертѣ Валлэса: его чувствительности, или, если хотите, его сентиментальности, но сентиментальности во вкусѣ народа, выражавшей серьезную аффективную сторону человѣка. Я приведу лишь слѣдующую страницу изъ исторіи страданій нѣкой маленькой дѣвочки, которую забилъ до смерти ея отецъ, злой и бездушный тиранъ, примѣнявшій, какъ онъ говорилъ, «принципы холоднаго разума»—онъ былъ учителемъ логики въ гимназіи—къ воспитанію своихъ дѣтей.

«...О, эта маленькая Луизетта, которую били и которая просила прощенія, складывая свои рученки, падая на колѣни, катаясь по

*) L'Insungé; Парижъ, изд. 1904, стр. 121—126, passim.

полу отъ ужаса передъ своимъ отцомъ, который наносилъ ей удары... еще и еще.

— Больно, ой, больно! Папа, папочка!

— ... Прости, прости...

До меня донесся еще ударъ; и, наконецъ, я не слышалъ ничего болѣе, кромѣ подавленного шума, ничего, кромѣ хрипа.

Однажды я подумалъ, что ея горлышко порвалось, что ея бѣдная маленькая грудь треснула, и я вошелъ въ ихъ домъ.

Она лежала на полу, съ безкровнымъ лицомъ и рыданiemъ, перехваченнымъ на дорогѣ конвульсіями ужаса, передъ своимъ холоднымъ, поблѣдѣвшимъ отцомъ, который только потому и остановился, что побоялся на этотъ разъ совсѣмъ прикончить ее...

—... И ее всетаки убили. Она умерла отъ горя въ десять лѣтъ...

Отъ горя!. Какъ взрослый человѣкъ, котораго убиваетъ скорбь.

А также отъ боли, которую ей причиняли удары.

О, какъ ей дѣлали больно! А она тщетно молила о пощадѣ.

Какъ только ея отецъ приближался къ ней, ея маленькой умъ начиналъ трепетать въ ея ангельской головкѣ...

И его не гильотинировали, этого отца! Къ нему не приложили закона кроваваго возмездія, къ этому убийцѣ своего ребенка, и его не казнили, этого подлаго негодяя, его не зарыли живьемъ рядомъ съ трупомъ маленькой дѣвочки!

— Перестанешь ты у меня плакать,—кричалъ онъ ей, потому что боялся, какъ бы не услышали сосѣди, и онъ билъ ее головой о стѣну, что удваивало ея ужасъ и заставляло ее плакать еще больше.

Она была миленькая, розовая, веселая, счастливая, когда она пріѣхала въ семью, протягивая свои маленькия ручки, даря всѣхъ своей дѣтской улыбкой.

Нѣсколько времени спустя румянецъ уже сбѣжалъ съ ея щекъ, и когда она слышала шаги возвращающагося отца, она начинала дрожать, какъ дрожитъ собака, которую бьютъ.

Какъ я цѣловалъ ее, гладя ея полныя и тепленькия щечки на станціи дилижансовъ, куда мы провожали ея отца, г. Бергуньяра, чтобы принять ее на руки, какъ букетъ цветовъ!

Въ послѣднее время (къ счастью, она не долго дожидалась его!) она была словно восковая; она знала,—я видѣль это,—что хоть она и маленькая, но должна скоро умереть,—ся улыбка напоминала теперь гримаску. Она казалась такой старой, Луизетта, когда умерла десяти лѣтъ,—умерла отъ горя, говорю вамъ это.

Моя мать замѣтила мою скорбь въ день похоронъ.

— Небось, ты не плакаль бы столько, еслибы я умерла?

...А я и не слушаю, что они мнѣ говорятъ, я думаю о мертв-

вой девочкой, которую они видели, подобно мне, какъ ее истязали, и которую они допустили бить, вместо того, чтобы помѣшать Бергуньяру мучить ее; и они же говорили ей, что она не должна быть злой, не должна причинять огорченій своему папѣ!

Луизетта, злая? Эта крошка съ ея улыбкой, ея рученками...

Словно вода заливаетъ мои глаза, и я цѣлую самъ не знаю что, кажется, кончикъ платка, который я взялъ съ шеи убитой малютки» *).

Познакомивши читателей съ жизнью и съ литературными особенностями Валлэса, я въ заключеніе попытаюсь охарактеризовать міровоззрѣніе этого революціонера. Валлэсъ не былъ теоретикомъ; его умъ былъ далекъ отъ абстрактнаго мышленія; да его и не влекло въ сторону отвлеченностей, — вотъ что придется прежде всего сказать, говоря о міровоззрѣніи отщепенца. Поэтому прилагать къ нему мѣрку мыслителя или вообще логическаго ума значить совершать крупную ошибку, обнаруживать непониманіе типа этой личности. Валлэсъ обладалъ живымъ, практическимъ умомъ, опять-таки нѣсколько во вкусѣ народа, который еще Прудономъ былъ названъ «по преимуществу практикомъ» (*éminemment pratique*). Этотъ любящій конкретное умъ былъ, къ сожалѣнію, испорченъ претившимъ ему «классическимъ» воспитаніемъ, мертвенный и риторскія начала котораго вошли противъ воли Валлэса въ его сознаніе, благодаря воспріимчивости, памяти и вообще даровитости этой богатой, хотя и неуравновѣженнай натуры.

Вотъ какимъ инструментомъ пришлось вырабатывать Валлэсу свое міровоззрѣніе. То былъ отнюдь не теоретизирующій, но практическій умъ, который, однако, былъ перегнутъ не въ сторону своего естественнаго уклона схоластической *фраземаніей* традиціонной средней школы. Не мудрено, что общіе взгляды «отщепенца» слагались изъ элементовъ, доставляемыхъ ему непосредственными конкретными впечатлѣніями отъ внѣшняго міра и живыхъ людей, но искаженныхъ привносомъ фразъ и готовыхъ формулъ схоластической литературины. Недостатокъ обобщающей способности заставлялъ Валлэса, при переработкѣ и осмысливаніи жизненныхъ впечатлѣній, прибѣгать, къ сожалѣнію черезчуръ часто, къ памяти и внѣшней ассимиляціи чужихъ, обращавшихся въ обществѣ готовыхъ взглядовъ. Онъ могъ бы при этомъ остановиться на реакціонной доктринѣ, какъ могъ остановиться на буржуазномъ либерализмѣ, какъ могъ остановиться на соціалистическомъ міровоззрѣніи, на міровоззрѣніи труда. Перешибъ послѣднему въ сознаніи Валлэса дали личныя условія существованія «отщепенца», которыхъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ снабдили его мятущуюся душу громаднымъ запасомъ конкретныхъ впечатлѣній.

*) *L'Enfant*, стр. 280—283, *passim*.

страданія и нищеты. Валлэсъ рано сталъ соціалистомъ. И если въ его соціализмѣ вдумывающійся человѣкъ найдеть не мало упомянутыхъ выше элементовъ риторики и школьничества, то отъ головой декламациі на соціальныя темы Валлэса спась горькій опытъ его личной жизни и не менѣе горькое наблюденіе жизни его травимыхъ судьбою и правительствомъ пріятелей и вообще существованія трудящихся и голодящихъ массъ.

Наиболѣе глубокое впечатлѣніе на Валлэса произвель соціализмъ Прудона. Объ этомъ говорить и самъ Валлэсъ. Къ такому же выводу необходимо придетъ и всякий знакомый съ соціалистическими доктринаами читатель. Сильная сторона Прудона заключалась въ его критикѣ: какъ создатель положительной доктрины, знаменитый самоучка часто самъ противорѣчить себѣ, или же вырождается въ наивнаго проектировца и соціального утописта средней руки. Критическая сторона ученія Прудона наиболѣе рельефно отражается и на произведеніяхъ Валлэса: въ отрицаніи современаго общества «отщепенецъ» стоять на сравнительно твердой почвѣ, и его горькій конкретный опытъ въ связи съ его искренней ненавистью къ настоящему, глубоко несправедливому строю придаетъ прочность и мѣткость его ударамъ противъ соціально-экономической и политической организаціи нашихъ дней. Во имя этого отрицанія онъ придаетъ такое значеніе революціонной самодѣятельности массъ: къ вожакамъ онъ сохраняетъ почти инстинктивное недовѣріе народа,—когда послѣдній не увлеченъ, конечно, какимъ-нибудь массовымъ аффектомъ. Во имя этого же отрицанія онъ рѣзко относится къ буржуазной, организаторской сторонѣ Великой революції, сторонѣ, которая воплощалась въ дѣятельности авторитетныхъ якобинцевъ и должна была вести къ упроченію основъ современаго капиталистического общества. Тутъ сказывается не только влияніе Прудона, жестоко нападавшаго, какъ известно, на Робеспьера и другихъ служителей централизованного государства. Валлэсъ искренно, кровно ненавидитъ игру той гигантской машины нашихъ дней, которая называется современнымъ правительствомъ, и защищаетъ интересы имущихъ, противъ революціонныхъ попытокъ неимущихъ. Въ дни юности онъ призывалъ рабочихъ на баррикады для защиты республики противъ императорскаго цезаризма. Зрѣлымъ человѣкомъ Валлэсъ не отѣнялъ политической борьбы противъ Имперіи отъ соціальной борьбы противъ привилегированныхъ классовъ, и въ лучшіе моменты своей жизни вмѣстѣ съ соціалистами Интернаціонала толкалъ рабочихъ обосабляться отъ буржуазныхъ республиканцевъ и развергать свое общественное знамя, знамя эксплуатируемыхъ и угнетаемыхъ.

Если вы перейдете теперь къ положительной сторонѣ міровоззрѣнія Валлэса, то вы поразитесь бѣдностью и неясностью его взглядовъ. Основная идея у него здѣсь, повидимому, такая: дайте

совершиться народной революції; дайте установиться «демократической и социальной республикъ» — и все «образуется». Но начните вы немного углублять эти взгляды, и вы сейчас же наткнетесь на рядъ серьезныхъ недоразумѣй, какъ по отношенію къ движущимъ силамъ социального переворота, такъ и по отношенію къ формамъ, которыя долженъ принять этотъ переворотъ. Въ качествѣ ученика Прудона онъ не разъ говорить, что онъ «социалистъ-индивидуалистъ», а не «коммунистъ». Но что скрывается за этими словами, понять довольно трудно. Повидимому, Валлэсу этотъ индивидуалистический социализмъ представлялся, нѣсколько на манеръ Прудона, въ видѣ перехода орудій производства въ руки трудащихся, но преимущественно на началахъ частнаго пользованія, недостатки которого умѣрялись бы лишь добровольной ассоціаціей и «мутуализмомъ» интересовъ производителей.

Всего темнѣе у Валлэса отношеніе между двумя великими отдыами трудащагося большинства: рабочими и крестьянами. Иногда у него вырываются фразы, на основаніи которыхъ можно заключить, что крестьяне будутъ продолжать свой образъ жизни мелкаго собственника, только очищенный отъ тѣхъ шлаковъ, что налипли на него при режимѣ крупнаго привилегированнаго владѣнія; а рабочіе — свой, сдѣлавшись членами всевозможныхъ ассоціацій. Иногда, наоборотъ, Валлэсъ представляетъ себѣ, повидимому, планъ гораздо болѣе кореннаго переворота въ духѣ наиболѣе лѣвыхъ элементовъ Интернаціонала, проповѣдовавшихъ коммунистический или, какъ вскорѣ стало принято выражаться, коллективистический строй. Повторяю, у Валлэса можно найти мѣста и въ томъ, и въ другомъ родѣ. Въ общемъ, стройное социалистическое міровоззрѣніе было, если можно такъ сказать, одной изъ послѣднихъ заботъ «отщепенца».

Была, впрочемъ, одна сторона его взглядовъ, которая по своей опредѣленности не оставляла желать многаго: это энергичное подчеркиванье возможно полной свободы въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку и отрицаніе всякаго авторитета въ этой сферѣ. Лучшія страницы, то трогательныя, то негодующія, написаны Валлэсомъ въ защиту свободной любви, угнетаемой женщины, истязуемаго ребенка. Здѣсь все мучительное личное прошлое возставало передъ Валлэсомъ и подталкивало могучее перо «отщепенца» на безпощадную борьбу съ семейнымъ и общественнымъ гнетомъ.

Наконецъ, въ тѣсной связи съ этимъ отрицаніемъ земныхъ авторитетовъ народилось у Валлэса отрицаніе авторитета заоблачнаго. Валлэсъ былъ заклятымъ атеистомъ, и его бунтующая природа видѣла въ «реабилитаціи плоти» (выраженіе, принадлежащее еще Сэнъ-Симону) одно изъ условій раскрытия положенія человѣка отъ ига спиритуалистическихъ предразсудковъ и согласованія жизни человѣка съ материалистическимъ міровоззрѣніемъ. Валлэсъ всю жизнь свою боролся съ религіей, особенно съ ея католической

формой. И его похороны, которые согласно волѣ покойнаго, неоднократно выраженной въ разговорахъ съ друзьями, обошлись безъ символовъ какой бы то ни было религіи, были торжествомъ свободной, и при томъ не буржуазной, а соціалистической свободной мысли.

Н. Е. Кудринъ.

В СТРѢЧА.

Шумной птицей, черной птицей
Черный поѣздъ мчался вдаль,
Убивая бодрымъ шумомъ
Нашу старую печаль.

Гулко спорили колеса,
Чутко вздрагивалъ вагонъ.
Въ сердцѣ плакаль и смѣялся
Золотой весенній звонъ...

Словно въ сказкѣ... Словно крылья
Выростали за спиной...
Изъ далекаго изгнанья
Мы летѣли въ край родной.

Быстрой птицей мчался поѣздъ,
А въ сверкающей дали
Ужъ, казалось, улыбались
Небеса родной земли.

Ближе, ближе... Что же это?
Словно умерли поля,
Словно въ саванѣ холодномъ
Спитъ родимая земля.

Рядъ безлюдныхъ, бѣдныхъ пашень,
Рядъ голодныхъ деревень...
Сколько слезъ, тоски и горя
Затаиль ненастный день!

Ночью встрѣтились съ своими...
Подъ охраною штыковъ

Ихъ везли, какъ насъ когда-то,
Въ край мятелей и снѣговъ.

Спали плѣнники... Быть можетъ,
Изнывали отъ тоски...
А вокругъ бряцали шашки,
Смертью въяли штыки.

Шумной птицей, черной птицей
Черный поѣздъ мчался въ даль.
— Клятвой гнѣва, клятвой мщенья
Умертвили мы печаль!

Г. Вяткинъ.

ЯШКА.

(Изъ воспоминаний врача о карійской каторгѣ):

Когда я познакомился съ Яшкой Рубанковымъ, ему было семь или восемь лѣтъ отъ роду.

Яшка былъ костистый, сухощавый, блѣдно-желтый ребенокъ, съ морщинисто-старческой кожей, какъ бы насищенно натянутой на его хрупкій скелетъ постороннею, далеко не дружескою рукою, съ бѣлобрысой, курчавой, круглой головой и карими, огромными, печальными глазами. Небольшой, слегка приплюснутый носъ съ расширенными ноздрями, тонкія, безкровныя губы, бѣлые, ровные зубы и какой-то неопределенный „каторжный“ отпечатокъ на всей щедущной фигурѣ,—вотъ общий обликъ ребенка.

При первыхъ встречахъ въ усть-карійской женской каторжной тюрьмѣ, въ которой ребенокъ, едва не съ перваго дня своего рожденія, былъ постояннымъ обитателемъ,—Яшка удивленно таращилъ на меня свои печальные каріе глаза, обязательно затачивая въ свою правую ноздрю указательный палецъ лѣвой руки, оставляя его тамъ въ неподвижномъ положеніи и вдумчиво - боязливо, исподлобья, оглядывая мою фигуру. При посѣщеніи камеры, въ которой содержалась его мать съ тридцатью товарками по заключенію, и первыхъ попыткахъ завязать съ ребенкомъ бесѣду—знакомство, лицо его сморщивалось, какъ говорится, „собиралось въ кулачекъ“ и казалось еще болѣе стариковскими, еще болѣе сухощавыми и землистыми. Круглые уши оттопыривались кпереди, ротъ широко раскрывался для громкаго плача, а нерѣдко и для сквернаго, ругательного слова, когда его били по шеѣ, поощряя этимъ къ бесѣдѣ съ „его благородiemъ“.

— Извините, ваше благородие,—говорила въ защиту ребенка иная изъ каторжанокъ:—волченкомъ онъ каторжнымъ растетъ, за нашими желѣзными решетками... Свѣта Божьяго не видить съ материнскаго порожденія: на каторжномъ по-

ложеиі невинное дитё вырастает... Только будто что отъ плетей избавленъ, а всему прочему покоряется...

— Какъ поживаешь, Яша? Какъ твое здоровье?—передавая пряникъ или калачъ, спрашивалъ я ребенка, стараясь погладить по головѣ „тюремную звѣрушку“.—Не хочешь ли прогуляться со мной за тюремную ограду?

Хотя и съ большимъ трудомъ, наше знакомство въ концѣ концовъ завязалось, а потомъ установились и дружескія отношенія.

— Чаво-о говоришь? — тягуче-хриповатымъ голосомъ переспрашивалъ Яша, торопливо схватывая передаваемый ему подарокъ.— Наше каторжное житѣе извѣстное! Вчера опять били: бабы поссорились, каждая къ себѣ тянула на постель для согрѣвы... Меня побили, а потомъ другъ другу въ волосы вѣпились... раскровянились... Большой выросту, всѣхъ бабъ безпремѣнно перерѣжу, ножъ наточу, — я имъ задамъ! Покоя не даютъ; я одинъ въ камерѣ, а ихъ три десятка... По шеѣ меня кулакомъ, другая противъ сердца; ремень схватила съ пряжкой, какъ вы-тя-я-ну-ла-а! „Не ходи, говоритъ, куда не велять“. Силы-моченьки не хватаетъ: каждую ночь безобразничаютъ... Матка, случается, бѣть, такъ вѣдь это мое порожденіе... Жизнь, бѣ-ѣ-да-а худая! Ни тебѣ на нарахъ, ни тебѣ подъ нарами: клопы, вши ъдятъ поѣдомъ, а тутъ еще бабы навязываются... Третьей ночи,—заговорилъ мальчикъ оживленно, съ злыми яскорками въ глазахъ, — удралъ я штуку съ мокроносими: не бей за всякий разъ. Свѣчка въ фонарѣ пикиаетъ, темно въ камерѣ, парашка у печи поставлена, а бабъ три десятка! Разметались всѣ, дрыхнутъ... Вотъ я подкрялся къ имъ, да всѣхъ и обмазалъ изъ парашки... Били меня утромъ, а мнѣ наплевать! Большой выросту—изъ тюремы уйду, потому я къ тюремѣ не причащенъ...

Подобные разговоры велись между нами не въ камерѣ, при свидѣтеляхъ, а въ тюремной оградѣ или за палями, „на волѣ“, куда Яшка нерѣдко выходилъ со мною „посмотрѣть на вольныхъ“.

Ознакомившись, Яшка, не конфузясь и не дичась, вступалъ со мной въ разговоры, охотно бралъ булки, сахаръ, осматривалъ со всѣхъ сторонъ даваемое и,—если находился въ тюремной оградѣ, — приговаривалъ озабоченнымъ полушепотомъ:

— Пойти поскорѣе; увидять, отнимутъ... Наша бабья команда жадная!—И онъ торопливо принимался за булку, набивалъ полонъ ротъ, глоталъ, не прожевывая, оглядывался по сторонамъ, беспокойно топчась на мѣстѣ, переступая грязными, босыми ногами.

— Не торопись, Яша, — останавливалъ я его жадный аппетитъ,—при мнѣ, если и увидять, не отнимутъ...

— Отнять не отнимутъ, извѣстно, а послѣ укорять, жаднымъ обзовутъ,—имъ бы придраться! У насъ въ камерахъ бѣда — весело, — договаривалъ онъ повеселѣвшимъ голосомъ,—ссорятся, грызутся, сутками ругаются, въ волосья вцѣпляются, все больше изъ-за кузнеца Ивана... Я все знаю, да молчу, потому бабы—бабы, а свой братъ каторжный, къ тому же мать съ ними... И куда эти облаки идутъ по небушку? — вдругъ вдумчиво говорилъ онъ вопросительнымъ голосомъ, загибая голову кверху, всматриваясь въ небесную лазурь, — и какъ же скоро бѣгутъ! Вотъ съ ними бы въ тайгу, бродяжить, куда бѣгутъ наши изъ Кары! — При взглядѣ на облака, на голубое, прозрачное, далекое небо, лицо ребенка прояснялось, оживлялось, щеки покрывались румянцемъ, стариковское выраженіе слаживалось. Онъ больше и больше загибалъ голову, шевеля губами, какъ бы разговаривая съ быстро несущимися сблаками, потомъ тяжело вздыхалъ и приговаривалъ печально, какъ большой:

— Э-эхъ, жизнь наша тюремная, подневольная!

Ребенокъ, сравнительно, рѣдко выходилъ за тюремную ограду (это зависѣло отъ доброты или настроенія старшаго по караулу урядника, обязаннаго „слѣдить за проносомъ водки“, вообще запрещенныхъ для тюрьмы предметовъ). Всего чаще, раннимъ утромъ, ребенокъ пристраивался къ женской партіи, выходитившой подъ конвоемъ изъ тюрьмы къ „складочнымъ магазинамъ“, для полученія матеріала на шитье арестантскихъ рубахъ, портокъ, юбокъ и т. д., т. е. обязательной для женской каторги ежедневной, урочной работы. Ребенокъ съ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ этихъ выходовъ, происходившихъ не болѣе двухъ разъ въ недѣлю, и, несмотря на ранній выходъ, рѣдко когда просыпалъ начинавшуюся суету женщинъ, при приходѣ въ камеру тюремнаго приставника для провѣрки оконченныхъ по шитью уроковъ. Выходя изъ тюрьмы съ десяткомъ-двумя женщинъ, окруженнныхъ конвоемъ, съ заряженными ружьями, босой Яшка, въ бѣлой, рваной, грязной рубашкѣ и такихъ же штанишкахъ, съ открытой нечесаной головой, весело выступалъ въ переднемъ ряду партіи, стараясь изо всѣхъ силъ идти въ ногу съ передними конвойными. Усердствуя въ маршировкѣ, Яшка сѣменилъ ногами, подпрыгивалъ, спотыкался, наступалъ на босыя же ноги своихъ товарищѣй по походу, вызывая неодобрительныя, часто злобныя замѣчанія.

— Запрыгала сорока, пучеглазый чортъ! На ногу наступилъ,—вотъ я тебя, паршиваго, по шеѣ!..

Между тѣмъ, съ размѣренныхъ, ровныхъ шаговъ конвой-

ныхъ, мальчикъ переносилъ внимание на высокое, голубое или хмурое небо, на блескъ виднѣвшейся вдали рѣки Шилки, на проходившихъ въ кандалахъ арестантовъ, на мелькнувшую въ воздухѣ птицу...

По временамъ Яшка выскакивалъ изъ цѣпи конвойныхъ въ сторону, что „мальцу“ не особенно возбранялось; онъ жадно подмѣчалъ встрѣчавшихся людей, присматривался ко всему, стараясь въ то же время не отставать отъ партіи. Камень ли близь дороги валялся, оброненное съ воза полѣно дровъ, брошенная палка, истасканный арестантскій „чирокъ“ безъ подошвы, пробѣжавшая стороной собака съ костью въ зубахъ, лежавшая по близости дороги корова—все вызывало въ душѣ ребенка вопросы и отвѣты на нихъ. „Камень... Вотъ хорошо бы Степаниду по башкѣ „звиздануть“ за ремень съ пряжкой, не стала бы драться... Запищала бы по-поросяччи...“ На бѣжавшую собаку съ костью Яшка кричалъ во все свое дѣтское горло: „Убѣгай, Шарикъ, убѣгай! Кость отнимутъ. Держи его, держи! В-а-а-жно-о-о!“

Услыхавъ этотъ крикъ, конвойные машинально пріостановливались, и въ партіи происходило замѣшательство...

— Ты чemu, малецъ, обрадовался? Смотри-и-и у меня! Экая бестія, какъ напугалъ!—грозилъ ему урядникъ, а среди женщинъ слышались возгласы: „Сволочь! Дайте ему по шеѣ!“ „За что по шеѣ? Не видишь развѣ: дите обрадовалось! Мы по причинамъ сидимъ, а онъ за что мучается?“ „Бери его себѣ, безпричиннаго,—не велика фря...“ „Молчи, сволочь супоросая...“

— Тише... Чего закудахтали? Приклада захотѣли?—слышался громкій голосъ урядника.—Сми-и-пр-но-о!

Въ возбужденной выходомъ изъ тюрьмы головѣ ребенка путевыя впечатлѣнія полуверстнаго перехода до склада, смѣшиваясь, перепутывались, сливались въ безформенную, неопределѣленную массу. Но въ общемъ ему было весело, безконечно весело! Въ его душѣ звенѣла музыка радости дѣтскаго, нездумывающагося бытія данной минуты, даннаго впечатлѣнія... Утреннее раннее солнце освѣщало окрестность, заливая свѣтомъ все видимое пространство, согрѣвало его тощее тѣло. Всей исхудалой грудью вдыхалъ онъ утренній влажно-прохладный воздухъ и радовался, бойко сѣменя ногами, размахивая руками, а голова его, не переставая, работала, мысли тянулись одна за другой...

„А вдругъ конвойный выстрѣлитъ? Убить, чего съ него возьмешь? Шагаютъ-то ка-а-а-къ! Безъ обученъя ни почему за ними не ушагаешь... по особому ихъ кормятъ, подъ рожокъ да барабанъ... Палку занапрасно на дорогѣ бросили: важная палка, березо-о-ва-а-я! Экая высь надъ головой!

Голова заболить смотрѣть долго... Кто живеть тамъ? Забраться не возможно,—какая лѣстница достанеть? Врутъ бабы, на колесахъ будто Богъ ъздитъ: сами не бывали, почему онъ знаютъ?.. Эвона складъ завидѣлся... Шилка, вонъ, блестить на солнышкѣ... Говорять, по водѣ машина ходить, гуу-ди-ить, какъ оглашенная... Брешутъ, небось, бабы: какъ по водѣ пойдешь?"

Семь или восемь лѣтъ назадъ, къ послѣднему этапу передъ областнымъ городомъ подошла для ночлега каторжно-пересыльная партія въ триста двадцать человѣкъ, въ числѣ которыхъ находилось семнадцать женшинъ-каторжанокъ и десять по волѣ слѣдовавшихъ за мужьями въ карійскую каторгу. Въ числѣ семнадцати шла въ вѣчную каторгу, за убийство мужа и свекра, Елена Рубанкова, мать будущаго Яшки. Дорога была долгая и трудная; партія передвигалась вѣковѣчнымъ пѣшимъ порядкомъ, по проторенной дорогѣ, которая въ народномъ представлениі слыла „владимѣркой“, „сибирской столбовой дорогой“, „трактомъ слезъ и страданій“. Послѣ обычныхъ браній, крика, драки, ударовъ по спинамъ ружейными прикладами, партія была втиснута въ четыре небольшихъ камеры Черновскаго этапа. Промокшіе до нитки подъ безпрерывнымъ ненастнымъ дождемъ тридцативерстнаго перехода, уставшіе и голодные, невольные путешественники, въ концѣ концовъ, угомонились. Спали тамъ, кто куда попалъ; кто съ бою успѣлъ занять получше мѣсто на нарахъ, кто подъ нарами, около парази, поставленной на ночь; двое забрались и ухитрились помѣститься на квадратномъ аршинѣ пространства печки-голландки, не доходившей до потолка на три четверти. Въ лѣвомъ концѣ входнаго корридора, огибавшаго глаголемъ зданіе съ наружной стороны, тамъ, гдѣ онъ упирался въ общее для мужчинъ и женшинъ отхожее мѣсто, помѣщены были женщины.

На счастьеnochлежницъ, ни у одной изъ нихъ не было ребенка. Елена Рубанкова, мать будущаго Яшки, женшина лѣтъ двадцати восьми, круглолицая, плотная и румяная, съ карими глазами и черными бровями, къ утру почувствовала наступленіе женскихъ страданій, которые давнымъ давно опредѣлены грозными словами: „въ болѣзняхъ родиши чада своя“. При начальныхъ рѣдкихъ приступахъ болей, Елена кусала до крови губы, хваталась руками за болѣвшій животъ, стараясь во что бы то ни стало заглушить вырывавшіеся стоны; какъ она ни крѣпилась, какъ ни сдерживалась, стоны ея разбудили, однако, ближайшую со-

съдку Василису. Проснувшись, послѣдняя усълась на полу, боязливо окинула глазами спавшихъ товарокъ, любовно, ласково погладила по головѣ стонавшую, торопливо спрашивая полушепотомъ:

— Что, дѣвонька, должно—время подошло? Эхъ ты, горе-горькая моя! Угораздило тебя понести въ непоказанное время... Что мы съ тобою будемъ дѣлать? Вывертывайся теперь, какъ знаешь. До города, до больницы, двадцать пять верстъ перехода; здѣсь, на этапѣ, тебя не оставлять... Знаю я порядки! Не въ первый разъ иду... Городъ, главное, близко!

И она ласково, осторожно и непрерывно начала гладить ладонью по спинѣ и поясницѣ стонавшую, приговаривая шепотомъ:

— Потерпи, дѣвонька! Потерпи, милая, не натужайся... спокой себѣ давай, вольготнѣе будетъ... Не натужайся, главное, не натужайся...

Время шло, какъ и всегда оно идетъ, своимъ заведеннымъ порядкомъ, своимъ обычнымъ ходомъ... Засѣрѣль востокъ горизонта бѣловатой полоской наступающаго дня; дождь моросилъ безпрерывно, проливаясь на землю, какъ изъ громаднаго сита, отгибаясь, отклоняясь по временамъ въ разныя стороны налетомъ вѣтра, обливая, какъ слезами, покернѣвшее отъ времени этапное зданіе. Проигралъ рожокъ конвойнаго сигналиста: „вставать! готовиться!“ Поднялась суматоха, движеніе, торопливые шаги, громкіе выкрики человѣческихъ голосовъ, перемѣшивающее съ бранью, оханьями стариковъ, общей зѣвотой только что проснувшихся заключенныхъ. Конвойные торопились закончить послѣдній переходъ до областного города.

— Эй вы, дырявая команда, вставай! вылезь на дворъ, выходи живѣе, поворачивайся...—громкими, повелительными голосами выкрикивали солдаты, съ ружьями въ рукахъ входя черезъ единственную этапную дверь въ коридорное помѣщеніе.—Вставайте, телки комолыя, поживѣе...

— Здѣсь баба опростыvается,—какъ она пойдетъ? Посмотрите сами, если не вѣрите!—злымъ, громкимъ голосомъ проговорила сосѣдка Елены, указывая солдатамъ на стонавшую.

— О, чтобъ васъ... Опростастся, гдѣ чортъ приведеть,—не издохнетъ... Не въ первый разъ случается съ вашей сѣстрой. Сама виновата,—не смогла проторпѣть до города... Некогда намъ возиться; вылѣзай, знай, усаживайся на подводу—и весь разговоръ...

Партия, высыпавши изъ этапа, построилась въ ряды вдоль по улицѣ: хмурыя, злые, заспанныя лица, всклокоченные

волосы, оханья, громкій, удущливый кашель, громкія отхаркиванія; всѣ ежились отъ сырости ливнаго дождя и холоднаго сѣверо-западнаго вѣтра. Солдаты торопились съ повѣркой, громко ругались матерными словами за „нарушение рядовъ въ ранжирѣ“, сбивались въ счетъ арестантовъ; нерѣдко слышался громкій, трескучій окрикъ: „Смирно о-о!“ „Ты куда, сволочь, вылѣзаешь? Рыжая твоя обезина жидовская! Петро, дай ему въ шею..“ Партия тронулась, въ тактъ позывая кандалами...

На послѣдней изъ шести одноконныхъ „буторныхъ“ подводѣ, нагруженныхъ арестантскими мѣшками, дряхлыми стариками, старухами и слабосильными, лежала Елена Рубанкова, кусая до крови свои губы, съ блѣднымъ, страдальческимъ лицомъ, передергиваемымъ судорогами, извиваясь на мѣшкахъ отъ нестерпимой боли, перевертываясь съ боку на бокъ отъ толчковъ двигавшейся телѣги, хватаясь за животъ обѣими руками...

— Ма-а-мо-о-нь-ки-и мои, голубо-о-о-нь-ки-и! Смерть моя пришла, смертонька... О, о, о! Господи! Царица Небесная, Мамушка, Заступница... О, о! Ма-а-мо-о-нь-к-и-и! — надрывающимся голосомъ, жалобно выкрикивала роженица, встряхиваемая, перебрасываемая изъ стороны въ сторону при каждомъ новомъ оборотѣ колеса.

Партия двигалась ускореннымъ шагомъ, подгоняемая лившимъ дождемъ, холоднымъ вѣтромъ, а главное—послѣднимъ переходомъ до города, въ которомъ предстояла дневка, можетъ быть, баня, развлеченія въ большой, многолюдной областной тюрьмѣ, манившія кандалныхъ въ давно наਮѣченную ими обѣтованную землю. Запряженная въ одиночку и нагруженная доверху телѣги отставали отъ торопившейся партии; четверо солдатъ,—охрана обоза,—сложивъ ружья въ телѣги, сидѣли на подводахъ, свѣсивъ наружу ноги и поклевывая носомъ въ утренней дремотѣ, не торопя возчиковъ, двухъ пожилыхъ бурятъ, въ рваныхъ дабовыхъ халатахъ, пѣшкомъ мѣсившихъ грязь по дорогѣ „большого сибирского тракта“. Отставаніе отъ партии буторныхъ подводъ, — даже часа на два, — не считалось по „инструкціи“ нарушеніемъ порядка.

Въ одной телѣгѣ съ роженицей сидѣла Василиса. Это была уже пожилая женщина, съ исковерканнымъ оспой лицомъ, съ сухими, тонкими губами и острымъ выдавшимся впередъ подбородкомъ. Она сидѣла „бочкомъ“, едва-едва примостившись на краю телѣги, ежась отъ проливного дождя и отъ рѣзкаго вѣтра, подбирай подъ себя ноги, чтобы освободить возможно больше мѣста изгибавшейся отъ боли женщины. При каждомъ особенно громкому крику и воплю

женицы, Василиса брала ее руками за плечи, нагибала впередь, терла ей ладонями спину, поясницу, гладила стонавшую женщину по мокрой головѣ, приговаривая ласковымъ, трескучимъ голосомъ:

— Потерпи, дѣвонька, потерпи, умоленная, потерпи, родная! Господь разрѣшилъ... велика милость Господня къ намъ, грѣшнымъ... Судьба наша такая женская злосчастная, проклятая, забытая... Потерпи! немного остается: городъ видится... Больница тамъ для нашего брата, дохтуръ, фельдшеръ... Для бабъ особливо устроено, тепломъ такъ и отдаеть... Для такихъ причинныхъ случаевъ, какъ съ тобою, особое положеніе...

При этихъ ласковыхъ увѣщаніяхъ лицо самой Василисы дѣлалось злымъ, безпощадно-жестокимъ; лицевыя ея морщины и углубленія осинъ какъ бы расширялись въ объемахъ, губы часто раскрывались, и она харкала и плевала за край телѣги, выбрасывая слону на грязную дорогу.

— Потерпи, дѣвонька, потерпи, умоленная... Не натужайся, главное... Недалеко... скоро дѣдемъ...

На двадцатой верстѣ отъ оставленнаго позади этапа, при одной изъ встрысокъ телѣги о попавшій подъ колесо камень, появился на свѣтъ Божій ребенокъ. Новорожденный жалобно пискнулъ, раскрылъ было ротъ какъ бы для привѣтствія, но... раздумалъ и молчалъ всю дорогу, до прїезда въ тюремную больницу, какъ молчала и его мать, лежавшая въ безсознательномъ состояніи, поддерживаемая Василисой за голову. Эта же Василиса завернула въ полу своего мокраго суконного халата ослизлаго, издававшаго паръ ребенка, вмѣстѣ съ не обрѣзанной пуповиной и дѣтскимъ мѣстомъ. Прекратившися отчаянныя крики и наступившая вдругъ тишина въ телѣгѣ заставили конвойнаго солдата соскочить съ задней телѣги на землю и подойти къ Василисѣ.

— Кого даль Господь? —тихимъ, вопросительнымъ голосомъ проговорилъ онъ: —опросталась болѣзная?

— Посмотри, коли любопытствуешь! — и старуха развернула полу своего халата. Какъ ужаленный, солдатъ отскочилъ отъ телѣги, взбросилъ было ко лбу правую руку, быстро отнялъ ее и остановился на дорогѣ, повернувшись въ противоположную сторону отъ хлеставшаго дождя. Постоявъ такъ въ раздумы съ минуту, онъ перебросилъ ружье съ лѣваго плеча на правое, опасливо оглянулся кругомъ, загнувъ голову вверхъ, оглядѣлъ низко нависшее облако, почесалъ лѣвой рукой затылокъ, раза два плюнуль на землю, ловко брызнувъ слюною между зубами („циркнувъ“, какъ говорится), осмотрѣлъ внимательно на дорогѣ мѣсто, куда упала слюна,

затѣмъ быстро запустилъ лѣвую руку въ карманъ шароваръ, оглядѣлъ на ладони вынутые два мѣдныхъ пятака, подбросилъ ихъ въ воздухъ, зажалъ въ кулакъ, подумалъ еще минуту и бѣгомъ пустился догонять отѣхавшія телѣги. Торопливо, на ходу, не заглядывая въ лицо Василисы, онъ подальѣ ей два мѣдныхъ пятака и проговорилъ скороговоркой:

— Возьми для болѣзной... Нѣть у меня, матка, больше... Радѣ бы душой, да нечего... послѣдняя гривна... на табакъ сберегалъ... Видишь ты, какой случай приключился: въ телѣгѣ... на мѣшкахъ... при тряскѣ... Тоже, братъ, на охотника! — и онъ быстро зашагалъ прочь отъ телѣги, „поциркивая“ слюной на грязную дорогу; лицо у него было недовольное, озабоченное, и онъ до городской тюрьмы не оглянулся больше назадъ, не проговорилъ ни единаго слова.

Въ областной острожной больнице, куда помѣстили Елену Рубанкову, — еле дышавшаго ребенка окрестили, давъ имя Якова, въ честь крестнаго отца, которымъ вызвался быть сердобольный солдатикъ, подавшій родильницѣ два пятака; крестной матерью была поставлена Василиса.

— Крестника нежданно-негаданно Богъ сподобилъ на жить, — разсказывалъ солдатикъ, возвратившись въ караульный домъ изъ тюремной больницы, — да жидковать мой крестный сынъ... Батя въ воду его окунаетъ, а онъ тебѣ хотя бы гукнуль! А мать въ безпамятствѣ, околесицу бормочеть... Тоже, братъ, на охотника родить подъ дождемъ, на ходу въ телѣгѣ... Задерешь ноги кверху!..

Появился Яшка на бѣлый свѣтъ помимо своей воли и желанія, при такихъ же обстоятельствахъ потянулась и его дальнѣйшая жизнь. Его мать восемь мѣсяцевъ вылежала въ тюремной больнице; первыя шесть недѣль, не сознавая своего положенія и окружающей обстановки, она находилась въ безсознательномъ состояніи. Яшку кормили жеваннымъ мякишемъ ржаного хлѣба, вливали съ ложки въ ротъ сырое молоко, больничныя щи съ капустой, набивали ему ротъ гречневой кашей, заправленной прогорклымъ саломъ. Сердобольныя женскія души, на попеченіи которыхъ, за безпамятствомъ матери, очутился Яшка, разжевывая кусочки варенаго мяса, ржаныхъ сухарей, соленаго омуля, толкали ему все это въ ротъ, приговаривая:

— Кушай, младенчикъ, кушай на здоровье! Матка твоя безъ памяти, а тебѣ пить, есть надо...

Яшка безропотно глоталъ всякое даяніе, чмокалъ губами, таращилъ неразумные глаза и, какъ подъ ножомъ, кричалъ дни и ночи, брыкаясь ноженками, безсознательно пригибая ихъ къ вздувшемуся животу...

— Прорва! Аспидъ! Выброшецъ поганый, погибели на тебя нѣтъ! — со злобой въ голосѣ и въ глазахъ, перекликивались находившіяся въ палатѣ женщины: — надоѣль всѣмъ до смерти! Околѣвалъ бы скорѣе, матери своей руки развязалъ, да и насть избавилъ! Ни днемъ, ни ночью покоя не видимъ... Придушить его, что ли?

Кричавшаго днемъ и ночью Яшку душить никто не рѣшался, а кормить „жвачкой“ старались наперебой. Всѣ поочереди брали кричавшую, посинѣвшую, со вздутымъ животомъ „жабу“ и... байковали, байковали, раскачивая на рукахъ...

Спи, усни, наше дитятко,
Спи, усни, наше золото!

— Чтобъ тебя холера задавила, каторжная твоя душа!
Чтобы тебя черти позабрали, пострѣленка, аспидную породу!
Угомону тебѣ нѣтъ, проклятому...

Спи, усни, нашъ Яшенька,
Спи, усни, наше дитятко!

— Ну, ну... будетъ, будетъ... Бай, бай! О, о, о, нашъ Яшенька, нашъ умоленный, золотой ясный соколикъ...

Спи, усни, наше дитятко,
Спи, усни, наше золото!

Яркіе солнечные лучи Бож്�яго свѣта, какъ бы крадучись, пробирались черезъ больничныя окна съ желѣзными рѣшетками въ непривѣтливую палату: лаской, миромъ, утѣшенiemъ вѣяло отъ блеска ихъ по выбѣленнымъ стѣнамъ, отражавшимся на полу и потолкѣ, на больничныхъ кроватяхъ, на лицахъ больныхъ, придавая праздничную картину убогой обстановкѣ... Злое, сморщенное, корявое лицо Василисы, держащей ребенка на вытянутыхъ жилистыхъ рукахъ, вся ея раскаивающаяся фигура съ монотоннымъ напѣвомъ гнусаваго голоса, казалось, преображалась, становилась привлекательнѣе, красивѣе...

Спи, усни, наше дитятко,
Спи, усни, наше золото!

Дни тянулись за днями, мѣсяцы за мѣсяцами; Яшкина мать оправилась отъ тяжкой болѣзни, и ребенокъ почти всецѣло перешелъ на ея попеченіе. Съ самаго начала сознательнаго отношенія къ окружающему, въ ея душѣ, помимо воли и разума, создавалось какое-то двойственное чувство къ ребенку. Лежитъ Яшка на кровати въ красной, ситцевой, поношенной рубашкѣ, пожертвованной женою тюремнаго смотрителя, завернутый съ ногъ до головы въ посконную

пеленку изъ заношенного, негодного къ употребленію арестантскаго мѣшка, выданнаго смотрителемъ „не въ зачетъ“, для ребенка”; лежить Яшка тихо, не шевелясь, посапывая носомъ, серьезно скавъ губы, съ осунувшимся продолговатымъ, сине-морщинистымъ лицомъ, и мать смотрить на него, не мигая, не отводя полныхъ любви глазъ отъ спокойно спящаго ребенка, отъ его тихо и ровно колышущейся груди, съ жадностью вдыхая въ себя дѣтскія испаренія, „дѣтскій запахъ“, и вся женская, материнская ласка, любовь къ „ненаглядному“ лучезарнымъ свѣтомъ блестить въ ея глазахъ, позѣ, движениіи головы, въ движениіи губъ и рукъ... Захватываетъ, колышеть ея сердце сознаніе материнства: она на смерть, на страданія пойдетъ за эту безформенную, съ большой головой и вздутымъ животомъ, фигурку!.. Все пережитое и переживаемое горе жизни блѣднѣеть, тускнѣеть, испаряется при взглядѣ на закрытые глаза мирно спящаго сына...

Шестимѣсячный Яшка проснулся. Открывъ глаза, онъ безсознательно поворачиваетъ ими въ направленіи солнечнаго свѣта, пробравшагося透过 окно палаты. Спокойное сейчасъ, лицо ребенка начинаетъ морщиться, принимать обезьяно-старообразный обликъ, голова ворочается въ разныя стороны; онъ энергично подергиваетъ связанными руками и ногами, ротъ раскрывается широко, и начинается громкій плачъ съ присвистомъ, захлебываніями, съ хриплыми, отрывистыми дыхательными звуками. Подбѣжавшая мать торопливо суетъ ему въ ротъ тряпку съ жеванымъ хлѣбомъ, или вливаетъ въ ротъ съ ложки воду, опивки оставшагося кирпичнаго чая... Тягучими всхлипываніями, усиленный крикъ продолжается, между тѣмъ, непрерывно: отъ напряженія лицо ребенка посинѣло, передергивается судорогами... Мать схватываетъ ребенка на руки, качаетъ его, равномѣрно опуская руки книзу, поднимая кверху, широкими шагами расхаживая по палатѣ, цѣлюя его въ губы, въ глаза, въ щеки...

Баю, баюшки-баю,
Баю Яшеньку мою!
Спи, усни, дитя, усни,
Угомонъ тебя возьми!

— Ну, полно! Ну, полно! Сынко мой, дорогой мой, упрощенный, умоленный...

Баю, баюшки-баю,
Баю Яшеньку мою!

Яшка не внимаетъ ласкамъ, уговорамъ матери: зажмутивъ крѣпко глаза, изгинаясь всѣмъ тѣломъ, насколько

это возможно въ туго охватывающихъ его пеленкахъ, съ надувшимися пузыремъ щеками, Яшка кричить во все свое дѣтское горло, кричить непрерывно, неустанно, захлебываясь, съ частыми, дребезжащими вздохами, выталкивая изо рта языкомъ вложенную жвачку.

— Усмири ты его, усмири! Заткни ему кулакомъ глотку! Иадоѣль проклятый выброшникъ, крикомъ душу всѣмъ вымотал! Безъ него, проклятаго, тошно, а онъ ни днемъ, ни ночью покоя не даетъ, какъ озвѣрѣлый какой! — перебивая другъ друга, кричать на Елену десятокъ товарокъ по больничному сидѣнью. Лица кричащихъ злыя, остевые и скверные ругательства висятъ надъ головой немолкающаго Яшки...

— Удуши ты его, поганца, каторжное отродье! Себѣ руки развязешь и намъ покой дашь...

Въ сердцѣ матери, гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ души, помимо ея материнскаго чувства, появляется скребущее, тоскливоѣ чувство, досадливоѣ, непріязненное къ сыну, къ его плачу и крику, къ окружающимъ сквернословящимъ товаркамъ, къ бездушнымъ предметамъ опостылѣвшей тюремной обстановки, чувство безсмысленное по существу, но... оно растетъ, постепенно усиливаясь до физической боли подъ ложечкой, переходя въ чувство обиды, беспомощности, тяжелаго состоянія, одиночества, горечи жизни, оброщенности, сдавливая грудь, щемя сердце, ударяя, какъ молотомъ, въ голову... Только что лаской блестѣвшіе глаза матери утрачиваютъ любовное выраженіе: зрачки сузились, глаза потеряли прозрачность, потускнѣли, сдѣлались злыми, безпощадными... Въ выраженіи лица, въ каждой преждевременной морщинѣ, въ раздувшихъ крыльяхъ носа, въ плотно сжатыхъ, втянутыхъ губахъ, появились признаки разсвирѣпѣвшаго животнаго; со злостью и ненавистью вырываются у матери слова:

— Будь ты проклятъ отъ меня, постылый, окаянная твоя душа! Пропадай ты пропадомъ, каторжное отродье! — И мать со всего размаха бросила Яшку на кровать, съ злобнымъ выраженіемъ лица и съ нескрываемой ненавистью отошла отъ брошенаго ребенка. Ударившись о казенный жесткій туфякъ, брошенный Яшка только крякнулъ, — какъ бы про себя — и моментально умолкъ... Въ палатѣ наступила мертвая тишина: всѣ отвели глаза въ сторону отъ Яшкиной постели прекратились работы, разговоры, перебранка; у стоявшей у печи матери, на лбу, на щекахъ выступили крупныя капли пота; она тяжело дышала и вздрогивала...

— Звѣрь ты, Еленка! Лютый звѣрь лѣсной, — хуже бешеной собаки... Развѣ можно безвинную дитю бросать,

какъ дохлую собаку?! Звѣ-ѣ-ри-и-на-а! право, звѣрина поганая, а не человѣкъ... Побоялась бы Бога, если людей не стыдно!—громко, на всю палату выкрикнула, наконецъ, одна изъ товарокъ, только сейчасъ совѣтовавшая „удушить варнацкое отродье“. Сердобольная женщина торопливо подбѣгаєтъ къ лежащему Яшкѣ, осторожно беретъ его на руки и, раскачивая, широкими шагами ходить по палатѣ. Очнувшійся Яшка издаётъ тихій, хрипящій звукъ, открывается на мгновеніе глаза, закрываетъ ихъ снова и начинаетъ торопливо чмокать губами...

— Младенецъ ъѣть хочетъ, надрывается съ голоду, а мать бросаетъ ребенка, какъ собаку! Такъ, дѣвонька, дѣлать не надо... Тоже нашлась родимая матушка...

— Такимъ-то манеромъ добрые люди съ собаками спрашиваются, а не съ кровными дѣтьми! — подаетъ голосъ другая изъ женщинъ:—дите твое, родное, не въ нужникѣ найдено...

— Нравится вамъ, берите его себѣ на здоровье! Въ парашу головой, или въ печь бросьте, мнѣ все одно,—опостыль!—злобно говорить мать, укладываясь на кровать, лицомъ къ подушкѣ.

— Звѣ-ѣ-ри-и-на-а ты, звѣ-ѣ-ри-и-на-а-а, Еленка! Бога не боишься, а не только добрыхъ людей!—продолжаютъ укорять ее товарки.

Елена, не измѣняя положенія, лежала на кровати: ея душу постепенно начало охватывать еще болѣе тяжелое, злое чувство къ ребенку, къ товаркамъ по заключенію, каторжной жизни,очной парашкѣ, постоянной брані, ссорамъ, ненавистному далекому прошлому, которое въ короткое время превратило ее, молодую, жизнерадостную, работящую женщину, въ вѣчную каторжанку.

— Пропадай всѣ пропадомъ,—со злобой думала она,—какъ пропала я сама, пропали мужъ и свекръ. Пусть околѣваетъ и Яшка; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше для него и для меня: руки мнѣ развязетъ... Что я съ нимъ буду дѣлать въ каторгѣ?! Воришку выкармлививать...

Яшкинъ отецъ приходитъ ей на память. Знакомство съ нимъ подъ тюремной крышей произошло какъ-то невзначай, мимоходомъ, какъ машинально съ голодухи проглатывается кусокъ хлѣба, о которомъ память забываетъ, какъ только утолился голодъ... Елена не могла восстановить въ памяти лицо Яшкина отца—русый онъ былъ, или черноволосый, молодой или старый?

— Вся эта сволочь мужиковская на одну колодку подѣланы! Нажрался и въ сторону, а наша сестра и валандайся съ богоданнымъ дѣтищемъ... А онъ другіе куски для жранья

подыскивается! — закончила она воспоминанія о случившемся, — на мгновеніе пронесшіся въ ея возбужденной головѣ.

Потянулись вереницами другія воспоминанія... Далекая, глухая деревня средней Россіи, застроенная въ большинствѣ полуразвалившимися домишками, съ соломенными, почернѣвшими отъ времени крышами; стаи воробьевъ по крышамъ, огородамъ, на черемухѣ, въ огородѣ. Стai галокъ и голубей на пашняхъ и поляхъ, мычанье возвращающихся въ деревню коровъ, кудахтанье курь, собачій лай за проѣзжающей по улицѣ телѣгой. Невылазная грязь отъ непрерывнаго многодневнаго дождя, съ пріостановкой по этому случаю полевыхъ работъ. Съ какой охотой, съ какимъ добрымъ духомъ и весельемъ въ душѣ мѣсила, бывало, Елена босыми ногами уличную, ослизлую, холодную грязь, въ компаніи такихъ же товарокъ-дѣвушекъ и ребятишекъ-подростковъ, съ корзинками въ рукахъ веселой гурьбой отправлявшихся въ дальний лѣсъ за грибами! Влажный, прохладный воздухъ охватывалъ со всѣхъ сторонъ быстро шагавшую по дорогѣ толпу; холодная грязь тягуче обkleивала ноги по колѣна, насыдая тяжеловѣсными пластами на голыя ступни, выдавливаясь наружу между пальцами... Милліоны капель дождевой воды сыпались съ листьевъ встрѣчныхъ березокъ, кустовъ, черемухи; пахуче возбуждающій ароматъ скошенной травы, влажная, туманная, непроглядная даль горизонта... Рѣдкіе лучи солнца, пробиваясь сквозь тучи, облегшія небо, освѣщали на мгновеніе долину, отражаясь особенно яркимъ блескомъ въ протекающей поблизости рѣчкѣ, съ переброшеннымъ черезъ нее бревномъ-переходомъ...

— Ау, аа-уу! Матре-е-ешка-а-а! Чортъ! Дьяволъ! Куда ты запропастилась, подлая? Чего отстаешь? Матре-е-е-ешка-а! Матре-е-е-ешка-а а...

— Здѣ-ѣ-ся-я я, Митревна! Въ колочкѣ, грибы собираю-ю-ю! — слышится издалека протяжный, пискливо-звенящій дѣтскій голосъ.

И въ памяти Елены, какъ живая, встаетъ худощавая, простоволосая, съ бѣлесоватыми волосами, съ круглымъ лицомъ и боязливыми, сѣрыми глазами, дѣвочка-подростокъ, въ посконной, дырявой и грязной по колѣни рубашкѣ, босая, загнанная, голодная и холодная, круглая деревенская спрата, неизвѣстно чѣмъ питавшаяся и гдѣ ночевавшая. Воспоминаніе обѣ этой дѣвочки-замарашкѣ болью сжало ея сердце: ей вспомнилась затрешина, данная однажды по Матрѣшиной шеѣ ея собственной рукой,—такъ, ни за что, ни про что, здорово живещь! Вспомнился удивленный, оторванный взглядъ сѣрыхъ, широко раскрытыхъ глазъ, брошенный на обидчицу; торопливый, отчаянный прижокъ въ сто-

рону, съ искривленными, быстро подогнувшимися колѣнами, мокрые волосы, прилипшіе ко лбу и затылку...

У лежавшей ничкомъ Елены защемило подъ ложечкой,— появилось вдругъ чувство глубокой жалости къ безвинно побитому ребенку... Она порывисто вскочила съ кровати, взяла сына на руки и поглядѣла на него любовнымъ, материнскимъ взглядомъ...

Баю, баюшки-баю,
Баю, Яшеньку мою!

— Давно бы такъ, дѣвка! Чѣмъ убивать невиннаго младенца, ты лучше обласкай его,— одобряли Елену каторжанки:— всѣ мы одинаковы, на одну колодку щиты, не то звѣри, не то человѣки... Жизнь-то, видишь, дѣвка, загреваетъ насъ по своему!..

Яшка подросталъ наперекоръ всякой логикѣ человѣческой. Его худое, морщинистое тѣло, со стариковскимъ лицомъ и постоянно вздутымъ животомъ, съ тонкими, исхудалыми руками и ногами,— съ каждой ложкой влитой въ него „баланды“, съ каждой проглоченной „жвачкой“, увеличивалось въ ростѣ, объемѣ; онъ подросталъ, пожалуй, даже укрѣплялся, не смотря на не сходившія съ его головы язвы и струпья болячекъ и коросты. Изрѣдка мать или кто-либо изъ ея сердобольныхъ сожительницъ осматривали Яшкину голову, перебирая между пальцевъ, по прядямъ, его густые волосы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на его отчаянныя вопли и крики, выбирая изъ головы паразитовъ и безпощадно казня ихъ на подоконникѣ.

— Заѣсть воишь младенца, безпремѣнно заѣсть подляя!— бормотала вполголоса мать:— какъ ни старайся, ни обхаживай, ничегошеньки съ гнусомъ не подѣлать...

— Попроси у доктора мази, съ одного раза сгибнуть,—совѣтовали товарки,— самая полезительная мазь отъ гнуса; не одинъ разъ пробовали...

— Какая мазь поможетъ, дѣвонька! Съ насъ самихъ, какъ горохъ, сыпятся!— И Елена съ новымъ рвениемъ принималась повертывать голову безъ умолку кричавшаго Яшки.

Во всѣхъ складкахъ постоянно влажныхъ, издававшихъ запахъ разлагающейся мочи, посконныхъ пеленокъ, въ прѣлыхъ пахахъ, бровяхъ и волосахъ ребенка, въ складкахъ и язвахъ морщинистаго тѣла копошились мириады паразитовъ, вызывая нестерпимый зудъ, отчаянныя вопли и бессонницу.. Но Яшка, повторяю, вопреки всему росъ и развивался.

На седьмомъ мѣсяцѣ отъ рожденія,—за мѣсяцъ до отъѣзда изъ больницы въ карийскую каторгу,—у него сразу прорѣзались два зуба. Первая замѣтила новое приращеніе корявая, рыжая Лизавета, всѣхъ чаще, громче и „паскуднѣе“ ругавшая и проклинившая плачущаго Яшку, совѣтавшая постоянно „удушить выброшенка“, но—странные дѣло!—въ то же время всѣхъ чаще, усерднѣе и любовнѣе качавшая и успокаивавшая ребенка. Всевыкая въ Яшкинъ ротъ жвачку, Лизавета задѣла пальцемъ прорѣзвшіеся зубы, торопливо вынула жвачку, надавила на обѣ щеки ребенка пальцами, насиливо раскрывая ему ротъ, и лицо ея приняло серьезное, озабоченное выраженіе. Она снова осмотрѣла полость рта, раза два провела своимъ указательнымъ пальцемъ по верхней и нижней деснѣ ребенка, посмотрѣла на свой палецъ, снова заглянула Яшкѣ въ ротъ и... вдругъ, ея собственный ротъ растянулся въ широчайшую улыбку, оскаливъ круглыя, бѣлые зѣбы...

— Дѣвки, глядите-ка сюда: парень обзавелся зѣбами,— ей-Богу, правда! Ай, Яшка, ай молодчина зубастая! — И на растопыренной ладони она начала подбрасывать ребенка къ потолку, возбужденно приговаривая скороговоркой: — Ай да Яшка! ай да Яшка! Съ зѣбами не пропадешь въ тюрьмѣ! Съ зѣбами и тюремные крысы не пропадаютъ... Можетъ, время придется—бѣлый свѣтъ увидишь; нась тогда, грѣшныхъ, вспомянешь добрымъ словомъ!

Спустя еще недѣлю, когда на зубастаго Яшку, подбрасываемаго къ потолку руками Лизаветы, упали лучи юньскаго солнца, скользнувъ по его глазамъ свѣтовыми впечатлѣніями,—лицо ребенка, свернувшись въ кулачекъ, сморщилось, губы и крылья носа задрожали, превратившись въ дѣтскую улыбку, и изъ его открытаго рта вырвались звуки: „мма! мма!“ Тогда мать порывисто вскочила съ кровати, выхватила ребенка изъ Лизаветиныхъ рукъ и начала судорожно, порывисто цѣловать его въ губы, щеки, голову...

— Дорогой мой, желанный мой Яшенька! Маму родную свою призналъ!

Яшка таращилъ глаза, кривилъ зѣбы, морщилъ лобъ и собирался плакать.

Съ „зубастымъ“, смѣющимся Яшкой мать была отправлена изъ областного города въ страшную невѣдомую „каторгу“. Въ „пути слѣдованія“ Яшка сидѣлъ на подводѣ съ арестантскимъ „буторомъ“ подъ наблюденіемъ старика или старухи „изъ слабосильныхъ“ и, по мѣрѣ возможности, дѣ-

лалъ свои наблюденія. Усиленно раскрывая глаза, онъ изучалъ горную дорогу иерчинского тракта, придорожныя селенія, эталныя зданія, лица каторжныхъ товарищей по партии, сердитыхъ и добрыхъ солдатъ конвойныхъ. Яшкина мать, какъ здоровая и полносильная, шла пѣшкомъ въ хвостъ мужской партии, съ двумя десятками другихъ каторжанокъ, какъ разъ передъ подводами съ арестантскими мѣпками и „слабосильными“ членами партии. Еленъ не возбранялось нести на рукахъ сына, передавать его рядомъ шедшей товаркѣ или старухѣ, сидѣвшей на подводѣ. Яшка не особенно отличалъ постороннія руки отъ материнскихъ, нерѣдко награждавшихъ его шлепками. Съ появлениемъ зубовъ онъ смѣлѣ сталъ обращаться съ подаваемыми ему кусками хлѣба или варенаго мяса: рвалъ и грызъ ихъ безъ всякой опаски и нерѣдко давился отъ своей послѣшности, кряхтѣль, задыхался, при чемъ лицо его дѣлалось синебагровымъ, но при помощи дружескихъ ударовъ по спинѣ, „противъ сердца“, застрявшій въ горлѣ кусокъ обыкновенно благополучно проскачивалъ въ Яшкино „брюхо“...

Первая начала сознательного раздѣленія звуковыхъ и свѣтовыхъ впечатлѣній обнаружились въ немъ уже на мѣстѣ постояннаго жительства, въ усть-карійской каторжной женской тюрьмѣ, въ одну изъ камеръ которой была водворена его мать съ тридцатью другими женщинами. Товарки Елены, ради ребенка, уступили ей мѣсто на нарахъ въ переднемъ углу камеры, въ которомъ нары обѣихъ сторонъ сходились подъ угломъ. Тюремная камера представляла правильный квадратъ въ четыре сажени, съ четырьмя же рѣшетчатыми окнами, выходившими въ тюремную ограду, саженяхъ въ пяти отъ паль (деревянной стѣны) рядомъ стоявшей мужской тюрьмы. Кругомъ трехъ стѣнъ камеры тянулись покатыя нары, возвышавшіяся надъ поломъ четверти на двѣ; свободнаго отъ наръ пространства оставалось не болѣе пяти аршинъ. Въ силу необходимости, вседневная жизнь камерныхъ обитателей проходила на нарахъ: здѣсь спали, обѣдали, плясали, ругались, производили урочную работу, т. е. шитье арестантской одежды. Казенныхъ тюфяковъ, одѣяль, подушекъ не полагалось; не выдавались отъ казны даже деревянныя ложки для ёды: арестантки должны были обходитьсь „своими средствами“. Большинство спало, поэтому, не раздѣваясь.

При наличности въ тюрьмѣ шести камеръ, число постоянныхъ обитательницъ колебалось отъ 200 до 250, не считая 3—4 десятковъ дѣтей обоего пола, начиная съ грудныхъ. Въ камерѣ стоялъ постоянный, невыносимый смрадъ отъ загаженныхъ пеленокъ, — въ особенности въ зимнее время,

когда онъ развѣшивались, немытыя, для просушки около печи...

Раннее утро юньского дня. Солнце только что показалось изъ-за сопки, огораживавшей женскую тюрьму съ восточной стороны, и яркими, свѣтло-розовыми лучами освѣтило тюремные окна, рѣшетки и спящихъ на нарахъ женщинъ. Плотно прилегая одна къ другой и забывшиесь крѣпкимъ предъутреннимъ сномъ, молодыя и старыя женщины лежали въ повалку, согнувшись калачомъ, на голыхъ доскахъ наръ, съ подложенной подъ голову юбкой или старымъ капоромъ вмѣсто подушки. Грязная, вонючая „парашка“ наполняла камеру нестерпимымъ зловонiemъ; около нея, на полу, стояла лужа вонючей жидкости, протекавшей широкимъ ручьемъ къ переднему углу, въ которомъ висѣла небольшая, съ потемнѣвшимъ лицомъ, икона, съ воткнутой за нею сухой вѣткой какого-то растенія. Три десятка женщинъ спали не раздѣтыми, въ тѣхъ самыхъ одеждахъ, какія носились ими ежедневно, мѣсяцами, годами; на ночь снимались лишь одни „чирки“ (туфли), которые клались въ изголовье, образуя вмѣсть съ разнымъ другимъ хламомъ подушку. Многія изъ спящихъ лежали, разметавшиесь и совершенно оголившиесь, благодаря невыносимой камерной духотѣ и укусамъ миriadъ вшей и клоповъ, наполнявшихъ тюрьму несмѣтными легионами. Спокойно-суворыя, истомленно-блѣдныя лица, съ открытыми ртами, наполняли камеру храпомъ и свистомъ; слышались тяжелые вздохи и бормотанье. Яшка спаль, свернувшись калачикомъ, между двумя крѣпкими молодыми женщинами, вдали отъ матери; спаль ребенокъ съ насупленными бровями, крѣпко скжатыми губами, какъ бы думая во снѣ какую-то крѣпкую думу...

За тюремной оградой проигралъ рожокъ,—сигналъ начинаящагося каторжного дня. Рѣзкіе звуки его уже доносились до камеры, но на спящихъ не оказали никакого дѣйствія: храль, свистъ и сопѣніе не прерывались... Два раза еще повторились рѣзкіе, призывные звуки, и затѣмъ въ камеру ворвались четверо конвойныхъ съ ружьями, съ Маюрычемъ во главѣ. Каторжный день начался.

— Вставай, дырявая команда! Ишь, заголились, какъ коровы... Ну, ну, ты, Мокроносиха,—чего развалилась? Задрала юбку на мокрый хвостъ... Смотрѣть муторно... Подымайтесь! Подымайтесь! Эй, ты, Хавронья Ивановна! поцѣлуй казака удалого, — не бойся, не кусается... Всякое удовольствіе съ сѣ нашимъ почтенiemъ... Соблаговолите для первого знакомства,—въ долгу не останемся...—Слышались громкіе шлепки по голому тѣлу, постукиваніе прикладовъ объ нары, топтанье торопливо двигавшихся по камерѣ ногъ... Какъ очумѣлныя,

вскакивали женщины, ничего не понимая, ничего не соображая, съ заспанными, оторопѣлыми лицами, всклокоченными волосами.

— Куда лѣзешь, чортъ, дьяволъ? Откупилъ, что ли? Есть много вашего брата, охотниковъ...

— Не сердись, мамочка, по дружески...

— Много вашего брата, желторотыхъ...

— А ты не ругайся, сволочь,—приклада хочешь?

— Чего не ругайся! Не лѣзь, куда не слѣдуетъ.

— Вылезь на повѣрку, вылезь!

Маюрычъ суетился по камерѣ, какъ сорока, съменя своими старческими ногами; заглядывалъ подъ нары, подбѣгалъ къ окнамъ, барабанилъ пальцами по рамамъ, рѣшеткамъ, стекламъ, заглядывалъ въ печку, заглянуль раза два и въ наполненную до краевъ „парашку“.

— Экъ вѣсть угораздило, съ казенныхъ-то хлѣбовъ! Самой большой парашки не хватило... Торопись, дѣвки, торопись, поворачивайтесь, дѣвоньки! Забирай урки съ собою, забирай! У тебя, Домна, сколько нитокъ осталось отъ урка? Говори правду: сколько осталось?

— Ничегощенъки, господинъ приставникъ, не осталось, ничегощенъки! Разрази меня Богъ!

— Врешь, врешь, старая вѣдьма, — разражался бранью стариkъ, какъ бы обрадованный случаемъ прочистить глотку, — врешь, анаемская порода, тараканы твои глаза! Казну обкрадывать?! Казну?! Я вамъ задамъ! Доберусь до вѣстъ, доберусь до мокротѣлыхъ... Погодите! Дайте срокъ! Загляну подъ ваши хвосты, загляну, не беспокойтесь! На „юни“ свои надѣвтесь? Я вамъ покажу юни распускать подъ розгами, покажу... покажу.... Сказано выходить на работы за полушкой материала,—и выходи... выходи... выходи...

Опомнившіяся отъ сна, „мягкотѣльны“ быстро исправляли свои туалеты, приводили въ порядокъ сбившіеся волосы, съ визгомъ отъ казачьихъ ласкъ и пинковъ, и, нагруженныя „урками“, юбками, рубахами, штанами,—выходили изъ камеры; а Маюрычъ громкимъ голосомъ отдавалъ приказаніе камерной старостихѣ

— Ты у меня смотри, Блаженная, поглядывай въ оба! Чтобы камера чиста была,—слышишь? Запо-о-рю-ю при слушаѣ! За Яшкой-то наблюди, — ребенокъ онъ брошенный... Я тебѣ въ счетъ поставлю доброе дѣло, за мнай не пропадеть... Вотъ ему отъ меня,— и Маюрычъ подавалъ „Блаженной“ круглый пшеничный калачъ, а самъ быстро выходилъ изъ камеры. По уходѣ Маюрыча, Блаженная долго вертѣла калачъ въ рукѣ, повертывая его въ разныя стороны; раза два подносила даже къ своему рту, но потомъ, какъ бы

опомнившись, клала его къ „изголовью“ еще спавшаго Яшки.

Но воть въ камеру входила другая пожилая женщина, съ длинной, толстой палкой въ рукахъ, и, продѣвъ ее въ деревянныя „ушки“ парашки, арестантки выносили вонъ камерное „золото“.

Мертвымъ сномъ спавшій ребенокъ, не слыхавшій шума и гама, происходившаго на утренней повѣркѣ, проснулся, когда ярkie, солнечные лучи упрямо и назойливо ударили въ его крѣпко закрытые глаза. Открывъ на мгновеніе глаза, онъ снова закрылъ ихъ, повернулся было на лѣвый бокъ, но потомъ быстро сѣлъ на нары и окинуль глазами опустѣвшую камеру. Сидя, онъ долго царапалъ обѣими руками волосы, грудь, спину; потомъ обратилъ вниманіе на свои босыя, грязныя ноги и сталъ выковыривать засѣвшую въ пальцы грязь. Лицо Яшки было блѣдно-сѣрое, съ синевами подъ глазами, утомленное, старообразное; оно сильно напоминало морщинистое и мѣшковатое лицо старой обезьяны. Мальчикъ и сидѣлъ по обезьянини, низко опустивъ на грудь голову.—„Наши ушли за урками, никого нѣть, мамка тоже ушла“...—вяло проносилось въ его головѣ. Но вдругъ онъ что-то вспомнилъ, вскочилъ на ноги и, озираясь во все стороны, сразу замѣтилъ лежавшій въ изголовья калачъ.

— Маюрычъ, навѣрное, оставилъ; добрый онъ старикъ для меня... Какъ она не сѣѣла?! Ночь со мной спала, а то бы сѣѣла!—Онъ взялъ калачъ въ руку и торопливо перебрался по нарамъ въ уголъ, гдѣ обыкновенно спала его мать. Пошаривъ у изголовья матери, онъ вытащилъ изъ-подъ какого-то тряпья отломанное горлышко бутылки, штукъ десятокъ камушковъ разныхъ цвѣтовъ, вытащилъ „свистулку“, подаренную ему конвойнымъ казакомъ, и нѣсколько стеклы-шекъ синяго цвѣта; все это онъ внимательно осмотрѣлъ и— успокоился.—Цѣло все, слава Богу,—радостно подумалъ онъ.—Никто не тронулъ.—Затѣмъ, усѣвшись на нарахъ, онъ принялъся жадно ёсть калачъ, который придерживалъ обѣими руками. Вошла старостиха, Ненила Блаженная, съ мокрой шваброй въ рукахъ, и, быстрыми сѣрыми глазами окинувъ камеру, начала, не торопясь, подметать грязный, затоптанный полъ, съ размазанной вонючей лужей. Ненила была крѣпкая, кряжистая женщина, лѣтъ тридцати семи, съ широкими плечами и бедрами, съ курчавыми русыми волосами и низкимъ лбомъ; въ небольшихъ торчащихъ наружу ушахъ висѣли серги „съ тремя составами“, красноватаго цвѣта камушками въ каждомъ. Выраженіе ея глазъ мѣнялось ежеминутно: то они тупѣли, суживались, тускнѣли; то расширя-

лись и сверкали злостью, хитростью, желаніемъ, то, наконецъ, казались печальными, животно-покорными.

— Чайку тебѣ сейчасъ принесу, Яшенька,—заговорила она, пріостанавливая работу,—котелокъ грѣть поставила; скипить скоро—мы и попьемъ.

Яшка мелькомъ взглянула на нее и снова принялся за калачъ и игрушки.

— Чего сердить таковъ? Аль обѣ Акулькѣ соскучился? Я ей шары ея поганые расшиби, рожу растворожу, шельмъ анаоемской!—нервно заговорила она, принимаясь снова за работу.—Ты у меня и самъ оглядывайся,—не больно-то загарживайся! Ты мнѣ,—что муженекъ дорогой, дороже, чѣмъ ты своей маткѣ... Слышишь, что я говорю?

— Слыха-а-а-ли-и!—протянула Яшка:—не твой я, а мамкинъ... Спина болитъ, къ доктору пойду, пожалуюсь...

— Ты у меня гляди, сволочь! Руками задушу и въ пашинку выкину... Утоплю тебя... Въ тюрьмѣ особые порядки, самъ знаешь, не маленький, слава Богу, каторжное порожденіе...

Яшка понималъ серьезное значение этой угрозы; онъ тяготился ролью взрослого мужчины въ женской тюрьмѣ, но, съ другой стороны, и гордился этой ролью, дававшей ему возможность поломаться надъ своими сожительницами. Вѣчно голодный, заброшенный, онъ, какъ ребенокъ, поддавался скоро и ласкѣ, а главное—подаренному куску сахара или лишней порціи мяса, которую оставляли для него тоже полуголодная женщины, — какая-нибудь Ненила или Акулька.

— Ишь ты какая вострая да сердитая напллась! Чайю обѣщала, а грызешь? Чайку-то я бы попилъ, а ты прокляжаешься....—проговорилъ Яшка, стараясь басить, какъ взрослый человѣкъ.

— Сейчасъ, Яшенька, сейчасъ, давно бы такъ!—и старостиха, бросивъ швабру, вышла изъ камеры...

Съ самаго начала открытия карийского золота, въ 1832 г., и перевода каторжныхъ работъ изъ нерчинскихъ рудниковъ въ Кару, въ весенне мѣсяцы, послѣ зимней „закупорки“ арестантовъ, ежегодно разливалась по тюрьмамъ цынга, уносившая сотни жертвъ. Тѣснота лазаретного помѣщенія (всего 280 кроватей) вынудила администрацію выстроить въ Усть-Карѣ, на р. Шилкѣ, специальные цынготные бараки на 240 человѣкъ, функционировавшіе съ 1-го мая до 1-го сентября.

Надзоръ въ хозяйственномъ отношеніи за этими бараками

ками поручался, обыкновенно, тюремному приставнику Маюрычу, который разъ по пятнадцати въ сутки заходилъ въ помѣщеніе больныхъ, въ аптеку, къ фельдшеру, ссорясь съ служителями и съ больными, большею частью безпомощно лежавшими на нарахъ или прямо на пескѣ, которымъ посыпался барачный дворъ.

— Зачѣмъ сняль туфли? Зачѣмъ сняль туфли, скажи ты мнѣ, пожалуйста?—грозно кричалъ раскрасневшійся отъ натуги Маюрычъ, онъ же Пурга (какъ прозвала его каторга), на какого-нибудь старика, сидѣвшаго на дворѣ съ вытянутыми по песку опухшими, какъ обрубки, ногами:— Зачѣмъ ты сняль, спрашиваю я тебя? А? Животина ты, животина стоеросовая! На слабую порцію захотѣлъ?! Жирѣть началъ?! Хорошо! хорошо! На слабую, такъ на слабую! Доктору пожалуюсь, пусть только приѣдетъ! Онъ тебя подберетъ, онъ тебя подберетъ... Мыла на вაсть не напасешься, прачекъ не хватаетъ... Маюрычъ одинъ, а васть... а васть...

— Да у меня, ваше благородіе,—заглушенніемъ, цынготнымъ голосомъ вставлялъ, наконецъ, слово больной,—у меня ноги дюже отекли... Туфли не налезать... смерть моя...

— Ноги отекли?! Дуракъ! Давно бы такъ сказалъ! Заставляешь только напрасно время терять, а работы по горло!..

И старческой, сѣменящей походкой старикъ бѣжалъ къ слѣдующему бараку или въ аптеку.

Въ одинъ изъ моихъ прїездовъ въ Усть-Кару для осмотра барачныхъ больныхъ, этотъ Маюрычъ обратился ко мнѣ, странно конфузясь и запинаясь, съ цѣлой рѣчью:

— Не обезсудьте, г-нъ докторъ, ваше благородіе, знаете, надобность такая... Фельдшерь Трофимычъ знаетъ, не изъ интереса какого, а просто изъ жалости... Ребята, видите ли, у меня нѣть, вдвоемъ со старухой живу, домишко им'ю, корову... Главное — пустота въ домѣ, да и мальчишку жаль... Жаль мальчишку, изводится парень, сохнетъ, худѣеть; харчи плохіе, да и разное тамъ творится... Куда его выдѣлить отъ матери? Мучаются ребенка, охальничаютъ, а чѣмъ поможешь? Трофимычъ говоритъ, что дѣло возможное...

— Въ чёмъ дѣло, Алексѣй Трофимовичъ? Объясните, пожалуйста,—обратился я къ фельдшеру.

— Яшку Рубанкова изъ тюрьмы просить выдѣлить, записать въ больные въ бараки. А жилья пока чтобы со мной въ фельдшерской комнатѣ.

— Да, да, да,—заторопился снова старикъ,—возьмите вы ради Христа Яшку на лѣто въ бараки, на болѣнное поло-

женіе... Отдохнетъ здѣсь мальченко, свѣтъ Божій увидитъ, въ Шилкѣ покупается, лишняя вошь, короста съ него слѣзутъ. Мальченко шустрый, толковый, только его опаскудили... опаскудили... Креста на нихъ нѣть, на этихъ ба-бахъ... все больше старостиха... Попадеть она мнѣ въ руки, попадеть... Только бы предписаніе, только бы предписаніе... Ждать отъ нихъ всего можно, всего... народъ извѣстный: голодный народъ! Какъ ни какъ, а и ихъ положеніе аховое: молоды, въ насилиствіи содержатся, на всякаго мужика глаза таращать, обѣ одномъ только и думаютъ... На все готовы, на все, увѣряю васъ... Давно я служу по женскимъ тюрьмамъ... Опаснѣе нѣть народа! И не разберешь потомъ, которая удавить изъ ревности!

Въ тотъ же день я пошелъ въ женскую тюрьму повидать Яшку, чтобы съ его собственного согласія взять его на „лазаретное довольствіе“. Я встрѣтилъ Яшку въ тюремной оградѣ, въ уголку подъ палями. Онъ сидѣлъ на корточкахъ и старательно рылъ руками землю.

— Здравствуй, Яша, что подѣлываешь?

— Могилку рою, птаху закопать надо, воробышка... Летала въ камеру пташка, не боялась, прикормила... Окно подымуть, она тутъ, какъ тутъ... прыгъ, прыгъ по оконцу... Крошку съ рукъ брала, ничего не боялась!.. А Ненила взяла и убила сегодня: „ты, говоритъ, все съ птахой да съ камушками...“ Уби-и-ла-а, проклятая!..

И лицо мальчика приняло недѣтски - злобное выраженіе.

На мое предложеніе выйти изъ тюрьмы и помѣститься въ комнатѣ фельдшера Трофимыча, Яшка согласился съ радостью: видимо, его страшно обрадовала перспектива внѣтюремной вольной жизни. Онъ быстро покончилъ похороны воробья и запрыгалъ на одной ногѣ.

— Пойдемъ, коли такъ, коли правду говоришь... Мамки нѣту, мамка въ прачечной... Ненилы тоже нѣту... Пойдемъ поскорѣе!.. Какъ она вдаритъ воробышка, такъ изъ птахи бѣдной и духъ вонъ! Вотъ злющая-то вѣдьма!

Черезъ недѣлю Трофимычъ докладывалъ мнѣ:

— Мальченко эзоповый: не то змѣенышь, не то волченокъ—многое произошелъ... Всѣ ребята по тюрьмамъ та-ковы; никто ихъ не опасается, все у нихъ на виду, знать... Прямо Гоморра и Содомъ! Сотни мальчишекъ и дѣв-ченокъ, тысячи! Го-то-ые изъ тюрьмы выходятъ, го-то-ые! Въ этомъ-то и каторга настоящая, а не въ чемъ другомъ. Плети, розги,—особая статья: по тѣлу бьютъ, а сердца не захватываютъ. То полукаторга, а вотъ въ ребятахъ каторга настоящая,—крышка! Спрашиваю Яшку:—Богу молишься?—

„Которому?..—говорить,—я, дяденька, много боговъ по камерамъ видѣлъ...“ Смѣшино и досада береть, а кого винить? Пошли мы съ нимъ въ первый разъ купаться. Церемонія извѣстная: вся цынготная халудора изъ бараковъ двинулась подъ конвоемъ; кто на рукахъ ползетъ, брюхо по землѣ волочить, кто на костыляхъ подвигается; человѣкъ сорокъ на бычихъ подводахъ... Голова каторжныхъ угодниковъ въ водѣ ужъ булькается, а хвостъ, почитай, только изъ бараковъ выходитъ; растянулись, какъ богоомольцы за исцѣленіемъ. Идемъ это мы съ Яшкой сторонкой, я за руку его веду,—вдругъ Шилка изъ-за пригорка увидѣлась... Блестить вода на солнышкѣ, ровно золотомъ переливается... Больные мои заторопились: крахтять, стонуть, а ползутъ, подвигаются. Конвой для формы только идетъ—куда калѣчь побѣжитъ? Боишься одного, какъ бы иной мореходъ на трехъ вершкахъ не утонулъ... Увидѣлъ мой Яшка Шилку—сразу остановился, какъ вкопанный, столбомъ стоитъ... „Ты чего, Яшка?“ Стоитъ, молчитъ: глаза, какъ у совы ночью, круглые, большие... Стоитъ и вздрагиваетъ, свободной рукой за вихоръ себя теребить—опѣ-ш-иль малецъ! Иди, иди, шулыга! Чего ты?! Ошалѣль, что ли?—„Боюсь, дяденька, не видывалъ!“ Ахъ ты, горе-богатырь! Потащилъ я его къ берегу силкомъ, реветь во всю глотку, брыкается... „Утопну, дяденька!“—Вре-е-е-шь! Зачѣмъ тонуть? Пусть черти тонутъ, а не мы съ тобой! Раздѣль я его, самъ раздѣлся,—Господи благослови! въ воду и бултыхнули... Замеръ сначала мальченко, одурѣль отъ воды совсѣмъ, притихъ, какъ ягненокъ... Потомъ я его у берега посадилъ: „сиdi, говорю, Климова голова, а я тебя поштукатурю!“ Пескомъ ему голову вытеръ съ водой, всѣго обмыль. Сиди, говорю, руками, ногами болтай, сколько хочешь, а въ глубину не ходи, плавать не умѣешь. Камушки, вотъ, собирай — годятся для игры. Пока самъ я купался, пока калѣкъ своихъ всѣхъ выкупалъ, сдуру-то и забылъ, что солнце печеть по карійскому, огнемъ палитъ сверху. Сидѣль мой Яшка голый, камешками игралъ, ему всю спину-то и скоробило... Домой на рукахъ пришлось нести, всю дорогу мальчишка плакалъ. Шкура съ него лоскутьями сходила, да оно и къ лучшему: тюремная кожа сошла, новая наростиаетъ, вольная, водяная кожа, и мальченко такъ перемѣнится, что къ сентябрю и узнать нельзя будетъ! Тогда и къ Маюричу можно будетъ въ гости. Вѣдь на ушко вамъ сказать: старикъ-то нашъ въ прокормленыши собирается взять Яшку!..

Да, для Яшки, казалось, начиналась заря новой жизни. Воздухъ свободы охватилъ мальчика съ ногъ до головы

своей свѣжей, привольной струей. Съ ранняго утра до поздняго вечера Яшка удилъ рыбу на Шилкѣ и прибѣгалъ только „перекусить“, а затѣмъ снова пропадалъ, захвативъ съ собой кусокъ хлѣба или варенаго мяса. Яшка повеселѣлъ, по-доровѣлъ, и съ лица его безслѣдно исчезло грустное „стариковское“ выраженіе...

Но счастливые лѣтніе мѣсяцы промелькнули, какъ радужный сонъ... 1-го сентября цынготные бараки закрылись. Между тѣмъ, Маюрычъ со своей старухой все, должно быть, колебался въ планѣ усыновить Яшку—и послѣдній, вмѣстѣ съ цынготными каторжными, принужденъ былъ вернуться къ матери въ тюрьму... Заинтересовавшееся ребенкомъ начальство обѣщало, правда, при первой же освободившейся вакансіи помѣстить его въ дѣтской каторжный пріютъ.

Я не зналъ, какое душевное состояніе переживалъ мальчикъ при этомъ неожиданномъ возвращеніи въ тюремныя стѣны, но врядъ ли оно было изъ веселыхъ...

Новая и послѣдняя перемѣна въ его жизни пришла скоро,—раньше, чѣмъ открылась вакансія въ пріютъ.

Въ послѣдніхъ числахъ сентября въ управлѣніе каторгой получилось изъ Усть-Кары экстренное донесеніе: „Во 2-й камерѣ женской тюрьмы, при утренней повѣркѣ, найденъ удавленнымъ малолѣтній сынъ ссыльно-каторжной, содержавшейся въ той же камерѣ, Елены Рубанковой, Яковъ Рубанковъ“. Мы съ Трофимычемъ поѣхали немедленно для осмотра трупа. Яшка лежалъ посреди камеры съ синебагровымъ, вздувшимся лицомъ, съ ремнемъ, затянутымъ туго на шеѣ, съ высунутымъ къ правой сторонѣ рта языкомъ, прикушеннымъ зубами. Вся его дѣтская, снова похудѣвшая фігурка, съ приподнятыми къ шеѣ сжатыми кулаками, въ изорванной, грязной рубашкѣ, съ босыми ногами и кровавой пѣнной на губахъ, представляла какъ бы живой образъ всей его недолгой, горемычной жизни. Въ камерѣ царила мертвая тишина. Яшкина мать стояла на нарахъ въ числѣ другихъ каторжанокъ и, повидимому, тупо и безучастно осматривала собравшееся начальство.

— Какому ироду, какому злодѣю понадобилась жизнь невиннаго ребенка?—громко проговорилъ старикъ Маюрычъ.— За что вы сгубили мальца, окаянныя?!

Каторга по прежнему безмолвствовала.

В. Кокосовъ.

ИНСУРГЕНТЪ.

1871 г.

Романъ Жюля Валлэса.

Переводъ съ французскаго. Я. А. Глотова.

Посвящаю эту книгу *жертвамъ*
1871-го года.

Всѣмъ тѣмъ жертвамъ соціальной
неправедливости, которыя возстали
съ оружиемъ въ рукахъ противъ не-
совершенного строя и создали, подъ
зnamенемъ Коммуны, великую феде-
рацію героевъ-мучениковъ.

Парижъ, 1885.

Жюль Валлэсъ.

VIII.

Вилльмессанъ продолжаетъ кричать по бульварамъ:

— Венгра?.. Ахъ, дѣти мои, вотъ дурень!

Смѣшной человѣкъ!

Это Жираденъ съ большими круглыми глазами, съ блѣд-
ными щеками толстой свиньи и усами старого картежника;
у него пузо и манеры торговца живымъ товаромъ, но онъ
влюблѣнъ въ свое ремесло и осыпаетъ золотомъ своихъ
«проданныхъ свинокъ».

Онъ способенъ совершенно уничтожить своими жестокими
шутками сотрудника, потерпѣвшаго у него неудачу, а черезъ
две минуты онъ уже „распускаетъ нюни“, —его любимое вы-
раженіе,—надъ разсказомъ о безвыходномъ положеніи какой-
нибудь семьи, о болѣзни ребенка, или о несчастіяхъ ста-
рика. Однаково лихо высыпаетъ онъ изъ своего кармана
золото и мелочь въ фартукъ плачущей вдовы, и наносить
смертельный ударъ гордости дебютанта или даже своего ста-
раго сотрудника. Это животное попираетъ своими лапами

всякую деликатность, но всетаки въ его душѣ бьется человѣческое сердце!

Ему нужно, чтобы его слуги привлекали толпу. Если одинъ изъ его наемниковъ не дѣлаетъ своего дѣла, онъ публично, при всѣхъ, швыряетъ ему въ лицо разсчетъ и спускаетъ съ редакціонной лѣстницы внизъ головой. Онъ заставляетъ своихъ подданныхъ прыгать до потолка съ опасностью свихнуть шею, чтобы трещалъ либо потолокъ, либо голова.

Я не могу сердиться на него за грубости, которыми онъ угощаетъ, смягчая ихъ шутками.

— Ей, вы тамъ, гробокопатель, я хочу васъ спросить кой о чёмъ! Правду говорять, что когда ваши родственники пріѣхали въ Парижъ повеселиться, то вы ихъ повели въ Моргъ и на Шань-де-Наветь? Да?.. Ну, тогда! А я-то ищу шутниковъ! А вы знаете, вы не стоите и мѣднаго гроша! Нѣть, какой вы шутники! А! я прекрасно знаю, что вызоветъ улыбку на вашихъ губахъ, милостивый государь... одна хорошая революція? Если бы это зависѣло только отъ меня... а что скажетъ „нашъ король“?... А ну-ка, отвѣтьте прямо, безъ уловокъ, разстрѣляютъ папу, когда настанетъ царство святой гильотины? *).

Какъ ни какъ, а онъ устроилъ циркъ для цѣлаго поколѣнія, которое въ полумракѣ грызло себѣ руки. На ту самую почву, на которую Имперія съяла библейскую соль проклятій, онъ полными горстями разбрасывалъ гальскую соль, ту соль, что придаетъ жизнь землѣ, оздравляетъ раны и, удаляя матерію и гной, возвращаетъ имъ пурпуровый цвѣтъ. Этотъ пузанъ вернуль Парижу его веселіе и иронію. Кто онъ? Легитимистъ, роялистъ? Вотъ еще! Онъ простъ острумный враль высшей школы, первый инсургентъ Имперіи со своимъ журналомъ, который постоянно наведенъ на Тюильри.

Тоже и Жираденъ. Мумія изъ „Liberté“ и толстая безхвостая обезьяна изъ „Figaro“ имѣютъ кое-что общее. Если разбить ледъ, въ которомъ онъ заморозилъ свою маску, то можно разсмотретьъ, что въ углу его губъ притаилась доброта, а на холодныхъ глазахъ застыли слезы.

У этого блѣднаго человѣка совершенно нѣтъ времени быть сентиментальнымъ. Ему некогда объяснять, почему онъ презираетъ человѣчество и почему онъ имѣть право третировать, какъ лакеевъ, тѣхъ трусовъ, которые ему это поз-

*) Во времія Великой Революціи народъ въ пѣсняхъ и гимнахъ обращался къ защитѣ Гильотины. „Св. Гильотина, защити наасъ!“. См. книгу Lenotre: „Гильотина во времія франц. революціи“. Пр. пер.

зволяютъ. Не бойтесь, онъ не оскорбляетъ тѣхъ, кого уважаетъ.

Онъ нанесъ ударъ ножемъ цѣлому вороху моихъ иллюзій, но этотъ ударъ былъ прямо въ грудь.

— Я это сдѣлалъ потому, что видѣлъ, что вы храбры,— сказалъ онъ мнѣ на-дняхъ на вечерѣ и, взявъ меня при всѣхъ подъ руку, долго гулялъ со мной. Вдругъ остановился и, пристально глядя на меня, сказалъ:

— Вы думаете, что я презираю бѣдняковъ? Правда? Нѣтъ! Но я считаю дуракомъ всякаго человѣка съ хорошей головой, который начинаетъ разыгрывать изъ себя пуританина раньше, чѣмъ обеспечитъ себѣ свободу, добывъ золота на свою долю. Оно необходимо. А потомъ,—прибавилъ онъ, понижая голосъ,—можно, пожалуй, дѣлать добро... тайкомъ... Иначе голодный людъ отравить вамъ жизнъ.

Кажется, на самомъ дѣлѣ, этотъ циникъ не лишенъ теплого чувства.

Я даже знаю, что человѣкъ, сраженный его пулей, можетъ спать спокойно на кладбищѣ Сенъ-Мандэ. Мнѣ известно, что вдова убитаго питается хлѣбомъ, который ей подаетъ окраивленная рука дуэлиста, и что таинственный опекунъ сына убийца его отца *).

Эти два журналиста нашего вѣка имѣютъ кое-что общее съ типами Шекспира: одинъ, обладая животомъ Фальстафа, другой, предлагая Гамлету для размышилій голову Йорика.

— Обзаводитесь своимъ хозяйствомъ, дорогой мой, устраивайте свой журналъ!—мычитъ мнѣ безпрестанно толстый Вилльмессанъ.

Да! Это легко сказать! Однако, я всетаки хочу попытаться!

Я посвятилъ этому шесть мѣсяцевъ. Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ я шлялся по роскошнымъ ресторанамъ и кафе, тратилъ безумныя цѣны и торчалъ тамъ часами, подстерегая богачей, а когда-то я точно такъ же дожидался семи су на кофе съ ромомъ, поглядывая съ завистью на стаканы сосѣдей, пока мой сотрудникъ по отысканію кредита отправлялся на поиски.

*) Жюль Валлэсъ узналъ это отъ Г. Лалу, одного изъ редакторовъ „France“. Онъ продолжалъ выдавать особѣ, о которой идетъ рѣчь, пенсію, назначенню ей Жирарденомъ. Съ другой стороны, Г. Бонъ племянникъ дѣйствительной и преданной подруги Армана Карреля, отыскалъ Валлэса послѣ того, какъ «Инсургентъ» появился въ „Nouvelle Revue“, и просилъ его опровергнуть этотъ фактъ. Онъ утверждалъ, что его тетка вовсе не въ такомъ затруднительномъ положеніи, чтобы нуждаться въ какой бы то ни было пенсіи, что у нея никогда не было сына, а главное, что она совершенно не имѣетъ ничего общаго съ женщиной, которой помогалъ Жирарденъ. Послѣдній, по его словамъ, былъ жестоко обманутъ.

Сколько маленькихъ подлостей, сколько комическихъ неловкостей!

Я смеялся каламбурамъ сыновъ почтенныхъ семей, которые бывали глупѣй ословъ; я весело улыбался, когда они рассказывали глупѣйшіе и избитые анекдоты, и все потому, что они изъявляли желаніе вложить въ дѣло какую-нибудь сотню луидоровъ. Я полоскаль глотки разнымъ проходимцамъ, которые обѣщали свести меня съ какимъ-нибудь богатымъ наследникомъ или ростовщикомъ... и насмѣхались надо мной.

Ахъ! какъ хорошо, что я родился овернцемъ!

Другой давно бы измучился и сталъ просить прощенія у врага. А я не уступилъ ни пяди, ни отъ чего не отказался, за то сапоги мои отказались служить.

Вѣдь за это прогулочное время я истранириль почти всѣ деньги, оставшіяся у меня отъ Figaro; у меня даже есть долги. Вотъ, наконецъ, я добрался и до послѣдняго сто-франковаго билета.

Я берегу его. Я ѿмъ хлѣбъ и пью воду дома, чтобы имѣть возможность сѣсть котлетку и выпить чашку чаю въ кафе, которое посвѣщаютъ капиталисты.

Наконецъ, мнѣ удалось схватиться желѣзной лапой за плюшевый воротникъ, и я защемилъ своей дверью полы одного еврея.

Я вѣпился въ него.

Его имя будетъ стоять въ заголовокѣ, онъ будетъ считаться отвѣтственнымъ редакторомъ и получать половину доходовъ. За это онъ вносить двѣ тысячи франковъ.

Да, далеко уйдешь съ двумя тысячами франковъ!

Ну, далеко или близко, а я тороплюсь кончать.

— Вы говорите, что обладаете административными способностями? А я увѣренъ въ себѣ. Ну что же — афиши на стѣны!

Расклѣили франковъ на пятьдесятъ.

Какъ они ни рѣдки, эти несчастныя афиши, однако одна изъ нихъ попалась на глаза редактору-издателю одного журнала. Онъ началъ увѣрять, что принялъ бы меня съ распостертыми объятіями, если бы я только догадался побывать у него. Врѣть.

— Бросьте вашу утку, она все равно издохнетъ, едва выплевившись изъ яйца, и поступайте ко мнѣ! хотите?

— Нѣть!

Я собираюсь посмѣяться въ лицо обществу, на которое не могу броситься съ кулаками, хотя бы это стоило мнѣ жизни.

Иронія рвется изъ ума и изъ сердца.

Я знаю, что борьба бесполезна, я заранѣе признаю себя побѣжденнымъ, но я хочу посмѣяться надъ самимъ собой, высмѣять другихъ, облить своимъ презрѣniемъ живыхъ и мертвыхъ.

И я сдѣлаю это! Я дорого заплатилъ за право быть искреннимъ и относиться къ людямъ съ преарѣніемъ.

Я въ сотрудники къ себѣ пригласилъ первыхъ встрѣчныхъ.

Явился молодой человѣкъ, лѣтъ шестнадцати, съ болѣніеннымъ лицомъ и дѣвичьей наружностью. Строеніе его черепа говорило о томъ, что онъ умѣетъ мыслить и обладаетъ нѣкоторымъ талантомъ. Точно потемнѣвшая на воздухѣ гипсовая фигура, внутри которой гнѣздится ядовитый паукъ чахотки! мнѣ прислалъ его Ранкъ *).

Битыхъ два часа онъ бродилъ передъ домомъ, не рѣшавшися войти. Кончилось тѣмъ, что его мать сама позвонила у дверей и, какъ милостыни, просила литературной аускультаціи для своего сына, Густава Марото.

Заnimъ пришелъ Жоржъ Кавалье, Донъ-Кихотъ по безобразію, длинный, сухой, нескладный и смѣшной. Два года тому назадъ въ кафе Вольтера я окрестилъ его Pipe en boie (деревянная дудка), потому что онъ удивительно похожъ на ту ясеневую дудочку, которую такъ искусно вырѣзаютъ пастухи. Подъ этимъ именемъ онъ былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ свистуновъ галерки со времени появленія на сцѣнѣ французской комедіи „Henriette Maréchal“ **), надѣлавшей столько шуму. Высохшій плодъ Пи-по, но далеко не дуракъ; причудливый, веселый и мужественный, съ узкой грудью, но съ широкимъ сердцемъ.

Другой съ краснымъ лицомъ, коренастый, съ лысымъ черепомъ, мѣстами отливающимъ синевою, какъ пуллярка подъ трюфелями; внѣшность крестьянина, уши проколоты, подъ губой нѣсколько волосковъ. Онъ остался у меня, сообщилъ, что ему покровительствуютъ Гонкуры, и повелъ меня къ nimъ.

Есть у него еще крестный отецъ Леперъ, его землякъ адвокатъ, депутатъ въ будущемъ, поэтъ въ прошломъ, авторъ пѣсни „старого латинского квартала“, который вотъ уже десять лѣтъ знаетъ этого малаго съ пятнистымъ черепомъ и любить его, какъ и всѣ.

*) Полит. дѣятель; впослѣдствіи былъ сосланъ Наполеономъ въ Алжиръ, затѣмъ былъ начал. полиціи при Гамбеттѣ, былъ членомъ Коммуны, приговоренъ заочно къ смерт. казни.

**) Драма Гонкуровъ, вызвавшая ожесточенную полемику и сразу пріобрѣвшая себѣ ярыхъ поклонниковъ и смертельныхъ враговъ. Пр. Пер.

— Вы можете на него положиться,—замѣтилъ онъ, хлопая его по плечу.—Тяжеловать, но надеженъ!

И Густавъ Пюиссанъ превратился у меня въ Рожера Бонтана. Онъ пишетъ поразительныя статьи, достоинства которыхъ растутъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается надзоръ надъ ними и осложняются цензурныя придирки. Онъ подсматриваетъ за природой, шпионить за своими героями и представляетъ цѣлые документы захватывающаго содержанія.

Есть у меня и ученикъ нормальной школы, который на нее плюетъ.

Они всѣ готовы разбить себѣ морду о препятствія и зажечь пожаръ парадоксовъ подъ носомъ у мраморныхъ сипаевъ, которые стоять на стражѣ по музеямъ, а такъ какъ шутка всегда имѣть серьезную цѣль, то почти беспрестанно приходится причинять нѣкоторый ущербъ носу Бадингэ *) въ Тюильри!

Однако намъ не мѣшало бы обладать нѣкоторой запасной суммой, чтобы имѣть возможность свободно болтать о политикѣ и даже смѣяться надъ ней. И то каждый мѣсяцъ конфискуютъ нашу бѣдную „Rue“, запрещаютъ розничную продажу и вообще дѣлаютъ намъ тысячу гадостей.

Въ одинъ прекрасный день я написалъ рѣзкую до груности страничку подъ заглавіемъ „Проданныя свиньи“, гдѣ, давая пощечину повидимому только сводникамъ, я награждалъ оплеухами чиновниковъ и министровъ, законность и традиціи.

Явился судебный приставъ.

Съ нами скоро покончатъ. Но мое имя тутъ не при чемъ. Законъ имѣть дѣло только съ издателемъ и совсѣмъ не обнаруживаетъ желанія казнить виновнаго, лишь бы было сломано оружіе.

Бѣдный издатель! Кто-то мнѣ указалъ его, и онъ въ двухъ словахъ сообщилъ мнѣ свое имя и званіе. Они разбудили во мнѣ одно изъ тѣхъ страданій, которое таилось съ дѣтства въ одномъ изъ самыхъ изстрадавшихся уголковъ моего сердца.

Мнѣ было десять лѣтъ; мой отецъ, бывшій надзирателемъ въ лицѣ, добился разрѣшенія, чтобы его сынъ могъ заниматься вмѣстѣ съ нимъ въ залѣ для взрослыхъ учениковъ. Разъ одинъ изъ школьніковъ разсердилъ г. Венгра, онъ поднялъ руку и слегка смазалъ дерзкаго мальчишку по физіономії.

Братъ этого школьніка, крѣпкій, сильный, уже съ усами, готовившійся въ сельско-хозяйственный институтъ, пере-

*) Ироническое имя Наполеона III.

Пр. пер.

прыгнулъ черезъ столъ и, въ свою очередь, ударилъ преподавателя, оттолкнулъ его и побилъ.

Я хотѣлъ убить этого рослого парня. Я слышалъ, какъ экономъ говорилъ, что у него въ шкафу есть пистолетъ. Какъ воръ, я прокрался къ шкафу, шарилъ въ его ящикахъ, но ничего не нашелъ. Если бы оружіе попалось мнѣ въ руки, то, очень можетъ быть, пришлось бы предстать передъ судомъ присяжныхъ.

Директоръ лицея былъ очень возмущенъ.

Торжественно, предъ полной столовой было принесено извиненіе.—Отецъ мой плакаль.

Когда въ моей памяти случайно воскресала эта сцена, я старался ее гнать, торопился сосредоточиться на другихъ мысляхъ, перейти въ другую область, потому что мнѣ начинало казаться, что мозги мои затягиваются липкой и вонючей грязью.

И вотъ, младшій братъ оскорбителя моего отца предложилъ мнѣ подставить свои щеки подъ пощечины правосудія!

Одну минуту у меня явилось желаніе вымѣстить на невинномъ всю злобу. Не будь у него сѣдыхъ волосъ, я возвратилъ бы ему пощечину, ставшую тяжелѣ свинца послѣ двадцати пяти лѣтъ затаенного бѣшенства, я избѣль бы его безъ милосердія.

Но этотъ кандидатъ въ издатели имѣть очень добродушный видъ. Кромѣ того, онъ не требуетъ почти ничего. И вотъ, вслѣдствіе того, что братъ давшаго пощечину предлагаетъ себя по дешевой цѣнѣ, сынъ получившаго ее забываетъ оскорбленіе и нанимаетъ его.

Я не взялъ бы миллиона за тѣ страданія, какія причинилъ мнѣ скандалъ: чтобы платить на 20 франковъ меныше, мнѣ пришлось ударить по рукамъ съ этимъ индивидуумомъ.

А онъ вонить, въ свою очередь, хотя впереди ему предстоить совсѣмъ не униженіе, а скорѣй почетъ. Онъ сталъ „политическимъ“, и тѣ, кто не услышать его жалобъ и воя передъ судьями, будутъ относиться къ нему съ уваженіемъ.

Повѣренный журнала, указывая на его несчастный видъ, старался возбудить къ нему веселое сожалѣніе и просилъ оправдать бѣднаго человѣка, котораго, однако, закатали на шесть мѣсяцевъ. Онъ вышелъ, вытирая свой лысый черепъ и не замѣчая, что, благодаря потокамъ слезъ, съ его клѣтчатаго платка уже течетъ.

— Постарайтесь устроить, чтобы мнѣ не отсиживать въ тюрьмѣ,—взвыпалъ онъ, между двумя всхлипываніями, къ защитнику, который обѣщалъ заняться этимъ.—Шесть мѣсяцевъ! Шесть мѣсяцевъ!..

Онъ выжимаетъ свой платокъ, а Лоріе смеется за его спиной.

Этотъ Лоріе можетъ засмѣяться за спиной всякаго страдальца! Совсѣмъ не потому, что онъ жестокъ, о нѣть! Но въ его венахъ бьется презрѣніе ко всему человѣчеству, и это презрѣніе кривить и морщить его ротикъ. У него мордочка совсѣмъ грызуна и напоминаетъ крысу, которую взяли за хвостъ и окнули въ бочку мальвазіи. Лицо у него цвѣта вина: онъ сангвиникъ!

Въ этой хрупкой оболочки таится сила, и изъ-за его мелкихъ зубовъ, которые могутъ грызть дерево, раздается свистящій голосъ, рѣзкій и мощный. Этотъ голосъ, какъ буравъ, сверлитъ уши судей.

Онъ веселъ, язвителенъ, даже дерзокъ. У него на языкѣ не только соль, но и порохъ. Онъ заставляетъ смѣяться и внушаетъ страхъ своей ироніей, которая то веселить, то обдѣть кровью, то колеть, то раздираетъ живое мясо, какъ вздумается ему, и при этомъ страсть не играетъ никакой роли.

Это воплощенный скептицизмъ. Онъ стрѣлокъ изъ любви стрѣлять и ранить, и онъ играетъ своимъ оружіемъ и своими убѣжденіями.

Этотъ маленький человѣчекъ безъ подбородка, безъ губъ, съ головкой ласточки или коноплянки, одинъ изъ самыхъ сильныхъ умовъ своего времени, Маккіавелли своей эпохи...

Маккіавелли невзрачнаго вида, враль, всюду сующий свой носъ, страстный любитель пожить, такъ какъ онъ идетъ вслѣдъ за Тортілляромъ, Жаномъ Хиру, Калхасомъ и Жибулеромъ.

Онъ не будетъ трогать „государя“—этого нечего бояться, но создастъ „трибуна“.

Онъ встрѣтилъ въ судѣ одного молодца, родомъ съ юга, съ черной гривой, кривого, въ костюмѣ, умышленно небрежнаго. Все это дѣлало его существомъ исключительнымъ, клало на него какъ бы фабричное клеймо, значекъ, по которому его можно легко узнать. Если бы у него было два глаза, Лоріе не обратилъ бы на него никакого вниманія. Человѣкъ, какъ все—безъ горба, безъ бѣльма, который даже не коситъ, не подходилъ бы ему совсѣмъ.

Лоріе не колеблется и тянеть руку за этимъ феноменомъ. Онъ выдрессируетъ этого барана и заставить его пробить своими рогами отверстія, а черезъ нихъ найдетъ себѣ выходъ его жажды миллионовъ и его лихорадочное любопытство.

Онъ могъ бы самъ своими зубками прогрызть себѣ до-

рогу и пролѣзть, но онъ предпочитаетъ, чтобы за него потрудился другой.

Онъ прекрасно разнюхалъ свое время.

Теперь жаждутъ грубаго голоса, народныхъ жестовъ, манеръ площаднаго оратора, Терезу мужскаго рода, отъ Шнейдера и Морни *), отъ Комонетта и Кадерусса уже порядкомъ устали. Имперія навязала въ зубахъ буржуазіи, и немудрено, что она хочетъ выказать свою храбрость противъ нея, послѣ того, какъ сама создала ее своей низостью, убийствами рабочихъ и ссылками безъ суда.

Расовая гордость, а также и личная выгода заставляютъ ее дѣлать Бонапарту страшные глаза.

Зрачки Гамбетты, даже затуманенный,—и онъ въ особенности! — бросаютъ взглядъ, сверкающій гнѣвомъ, горящій смертью, и въ немъ власть должна прочесть свой приговоръ!

Это манера Лорія смѣяться на форумѣ; онъ любить жестокія мистификаціи и находить наслажденіе въ роли Барнума **), съ наклееннымъ носомъ, которымъ онъ чуетъ, что вѣтеръ подулъ въ сторону паясничающаго краснорѣчія.

Вѣдь даже сама вульгарность Дантона помогаетъ ему становиться извѣстнымъ, а талантъ его питается идеями, глубоко банальными въ своей сущности. Комедіантъ до мозга костей, онъ не отдыхаетъ ни минуты. Онъ еще не принесъ въ жертву львиную шкуру, въ которую кутается, ни на одинъ изъ алтарей буржуазныхъ салоновъ, веселыхъ кафе, или подозрительныхъ кабачковъ, подражая Дантону всегда, даже за столомъ и въ постели.

Онъ читалъ, что Дантонъ, прежде чѣмъ отойти въ вѣчность, заявилъ, что не жалѣть о томъ, какъ жилъ, такъ какъ славно попиралъ съ пьяницами и хорошо погулялъ съ дѣвицами. И вотъ онъ пьетъ и гуляетъ, изображая Гаргантюа и Рокелора.

Вокругъ его дебошей и оргій создается легенда, Лоріе раздуваетъ ее.

Эта смѣсь пьяной распущенности и трибунскаго краснорѣчія приводитъ въ восторгъ малышей съ конференціи Моле или неудачниковъ мадридскаго кафе, и они кричатъ толпѣ:

*) Морни молочный братъ Напол. III, полит. дѣятель, президентъ законодательного корпуса. Шнейдеръ членъ законод. корпуса, а потомъ вице-президентъ. Остальные полит. дѣятели.

**) Извѣстный американскій антрепренеръ, собственникъ музея, аферистъ.

— А! Вотъ это мужчина! Комедіантъ! Комедіантъ!

IX.

Статья въ „Rue“ вырвала у меня изо рта послѣдній кусокъ хлѣба. Я отдалъ въ ней парижскихъ депутатовъ, какъ будущихъ гаеровъ и палачей.

Отнынѣ всѣ оппозиціонные журналы закрыты для меня. Я дерзновенно поднялъ руку на ихъ кумиры: бонапартисты готовятъ для меня тюрьму, а носители трехцвѣтного знамени рады уморить меня голодомъ.

На каждой перекладинѣ парламентской лѣсенки стоитъ одинъ изъ пяти лѣвыхъ пѣтуховъ, которыхъ я пообщипалъ и высѣкъ до крови. Они покаялись въ отместку расклевывать мнѣ желудокъ и сердце.

Мнѣ уже больше не позволять заливаться соловьемъ въ литературѣ, какъ и не дадутъ злобно лаять въ политикѣ. Я вступилъ въ борьбу, съ оскаленными отъ смѣха зубами. Необходимо, чтобы они у меня выросли и стали острыми, а не то придется позволить ихъ вырвать, начать просить пощады и пойти лизать сапоги.

У меня была, дѣйствительно, блестящая идея, когда я писалъ эти двѣсти строкъ... А онѣ бросаютъ меня навстрѣчу клеветѣ и обрекаютъ на смерть!

— За то онѣ указываютъ на васъ народу! — сказалъ одинъ старый бунтарь, пожимая мнѣ руку, съ сверкающими глазами.— Держитесь, ради Бога! и въ дни революціи предмѣстія призовутъ васъ и враговъ пригвоздять къ нозорному столбу! Запомните, гражданинъ мои слова!

Держаться! Ахъ, если бы только у меня былъ вѣрный кусокъ хлѣба, чистая рубаха, какая-нибудь коморка на чердакѣ, 100 су въ день!

Ничего этого у меня нѣтъ!

Придется зарабатывать хлѣбъ, стряпая новыя книги путемъ компиляціи старыхъ. Придется тужиться надъ статьями для составителей словарей, которые за десять сантимовъ за строчку получаютъ право унижать меня, сколько вздумается; заставлять часами торчать въ передней и будутъ неодобрительно качать головой, какъ старьевщикъ, понижающей стоимость принесенного къ нему товара... особенно, когда тотъ, кто попался къ нимъ въ лапы, имѣть счастье быть неудачникомъ.

О! Я предпочелъ бы бить щебень подъ жгучими лучами солнца!

— Я прислушиваюсь къ твоимъ словамъ! — крикнулъ мнѣ Ландріо, порвавшій съ нормальной школой, чтобы стать секретаремъ у одной важной особы изъ Сорбонны. Но особы сошла со сцены, и онъ остался на бобахъ.

Онъ сталъ было правой рукой, костылемъ Густава Планшъ,—лопнуль и дядя Планшъ.

И Ландріо вотъ уже нѣсколько лѣтъ харкаетъ кровью. Кашляя, онъ подгоняетъ мое честолюбіе разбитымъ голосьмъ и конвульсивнымъ смѣхомъ умирающаго гавриша.

Чего онъ только не перенесъ — даже милостыню просилъ.

Онъ не скрываетъ этого. Онъ швыряетъ свое признаніе вмѣстѣ съ лоскутьями своихъ легкихъ прямо въ лицо обществу, которое допустило голодъ источить его грудь и кровавой ржавчиной запятнать его честь...

Онъ даже причина того, что меня считаютъ совсѣмъ отпѣтымъ тѣ люди, которые отѣзываются выраженіемъ ему своего сожалѣнія, да забавляются его разсказомъ въ лицахъ о самой сценѣ милостины.

— А я,—воскликнулъ я, — я предпочелъ бы остановить прохожаго и сказать ему: „Дай мнѣ на хлѣбъ, или я тебя задушу“.

Лица ихъ затуманились.

— А вѣдь онъ способенъ сдѣлать, какъ говорить!

— Да! Я скорѣй предпочелъ бы напасть на кого-нибудь у опушки лѣса, чѣмъ попрошайничать съ протянутой рукой у уличнаго фонаря. За то я, точно также, предпочелъ бы размозжить себѣ голову объ стѣну, или кинуться въ рѣку, чѣмъ набросить хоть малѣйшую тѣнь на свою честность.

Вотъ инструментъ, который мнѣ нужно сохранить блестящимъ и острымъ, какъ новый клинокъ!

Ландріо снова начинаетъ издѣваться:

— Твоя честность? Ты отъ нее издохнешь, какъ я — отъ чахотки, хотя тебя имѣть придется уконошить: ужъ очень ты крѣпко сбитъ... Но если ты воображаешь, что твои словами накормятъ тебя до отвалу, и надѣешься потягивать оранпашадь и попивать винцо за счетъ Лапатра или Ларусса, то тебѣ, мой другъ, придется сыграть назадъ!.. На это теперь гораздо меньше надежды, чѣмъ прежде... я тебѣ говорю! Эти либералишки растопырились, какъ пальцы на ногахъ, а ты наступаешь своими сабо на ихъ изящные ботинки. Въ карантинъ тебя!.. Впрочемъ, у тебя есть еще, во всякомъ случаѣ, исходъ: ты можешь сдѣлаться такимъ же чахоточнымъ, какъ я. Тогда они, можетъ быть, проявятъ свое милосердіе, позволивъ тебѣ писать о томъ, что имѣеть отношение къ твоей

болѣзни. А наканунѣ твоей агоніи, они даже сдѣлаютъ тебѣ прибавку, потому что тебѣ стоить только приложить свой окровавленный платокъ къ бѣлой страницѣ, чтобы получилось великолѣпное описание чахотки, на манѣръ того, что далъ старый хрычъ, Апелль, описывая бѣшенство... Знаешь? Когда не вѣришь ни въ Бога, ни въ черта—надо идти въ попы! По крайней мѣрѣ, можно Ѳсть просфоры! А ты, дурень, самъ изображаешь просфору, которую жрутъ!

Къ счастію, у меня есть кредитъ у Лавера, этого кормильца нѣсколькихъ молодыхъ безпутниковъ, вродѣ меня и нѣсколькихъ почтенныхъ старцевъ, какъ Туссенель и Консiderанъ.

„Ахъ, что вы! Мы совсѣмъ обѣ этомъ не беспокоимся! Вы намъ можете платить, какъ Курбэ у Хандлера... когда угодно. И не стѣсняйтесь, если понадобится что-нибудь extra. Вѣдь когда вы станете чѣмъ-нибудь, вы нась вспомните?! Неправда ли?“

Всѣ, кто попроще, кажется, все еще вѣрятъ, что я въ одинъ прекрасный день стану „чѣмъ-нибудь“, а кто съ головой, тѣ только пожимаютъ плечами, слыша мое имя.

— Какого черта, вы занимаетесь политикой! Если бы вы, съ вашимъ талантомъ, отдались только литературѣ, будущее улыбалось бы вамъ... А теперь у васъ впереди нищета, тюрьма... Нѣтъ, у васъ просто не хватаетъ одной клепки въ головѣ!

— Мнѣ въ первый разъ приходится обрѣзать полы! — замѣтилъ съ многозначительной миной портной одного изъ лучшихъ кварталовъ, который уже давно шилъ на меня и которому я не мало переплачивалъ... когда у меня бывали деньги.—Какъ! Вы могли стать депутатомъ, а вмѣсто того принялись нападать на нашу пятерку. Я не работаю на баррикадчиковъ, я не шью сюртуковъ, которые могутъ запачкаться о блузы!

А мнѣ, какъ на грѣхъ, былъ нуженъ демисезонный костюмъ.

Къ счастію, одинъ еврей, одѣвающій товарищей, предложилъ мнѣ, по какому-то вдохновенію, снять мѣрку и предоставилъ въ мое распоряженіе весь свой магазинъ. Но ему какъ разъ нужно было сплавить костюмъ изъ рубчатаго плиса, какой носять рабочіе, и мнѣ приходится наряжаться плотникомъ.

Я колеблюсь, вдыхаю. Еврей взываетъ къ моимъ убѣжденіямъ. Еще немногого и онъ будетъ смотрѣть на меня, какъ на ренегата.

— Какъ вы, защитникъ интересовъ рабочихъ... Да, что вы! Вы стыдитесь быть одѣтымъ, какъ они! Не надо быть

неблагодарнымъ, молодой человѣкъ: кто знаетъ, что они могутъ сдѣлать для васъ!

И этотъ туда же!

На кого же положиться: на моего инсургента, на содержателя табльдота, или на этого Шейлока?

Кому вѣрить?

Мнѣ не надо вѣрить ни одному изъ нихъ. Мнѣ приходится, несмотря на всю мою извѣстность, снова лѣзть въ знакомое ярмо прежнихъ бѣдствій.

Но на этотъ разъ, если раздастся кличъ „къ оружію“, меня узнаютъ, когда я появлюсь, и если я буду одѣтъ въ лохмотья—преклонятся предъ моей нищетой.

Только нужно имѣть возможность выждать моментъ, когда можно будетъ славно умереть... Ахъ, очень тяжело носить костюмъ отъ старьевщика, когда уже побывалъ на пути къ счастію и славѣ!

Но я самъ хотѣлъ этого. Почему не спустилъ я своего знамени? Зачѣмъ защищалъ бѣдныхъ?

Но въ чёмъ бы тогда была заслуга, если бы я жилъ ихъ соками, какъ паразитъ?!

X.

Тюрьма Сентъ-Мелажи.

Вчера вечеромъ мы нѣсколько кутнули съ товарищами передъ моимъ отправленіемъ въ тюрьму. Послѣ того, какъ „Rue“ прекратила свое бренное существованіе, я написалъ еще двѣ статьи въ другихъ газетахъ. Эти двѣ тартинки стоили мнѣ тюрьмы. Я вошелъ въ нее немного не въ себѣ.

Подумали, что я нездоровъ, и прислали ко мнѣ фельдшера. Я возмутился. Бунтовщику — прибѣгать къ помощи медикаментовъ!

— Но, милостивый государь, — замѣтилъ Діафуаріусъ,— тутъ все пичкаются лѣкарствами. Въ настоящую минуту павильонъ принцевъ находится въ моемъ вѣдѣніи.

Фельдшеръ большой насмѣшникъ. Онъ сообщилъ мнѣ много интересныхъ деталей.

— Политические заключенные дѣлятся на два лагеря: на годныхъ и негодныхъ. Вы меня понимаете? 1789-ый годъ сойдетъ, 1793-ій никуда не годенъ, 1830 находится по серединѣ. Есть, напримѣръ, даже старый ученикъ Пьера Леру—чего же больше!

Однако, фельдшеръ подмѣтилъ совершенно вѣрно и попалъ въ самую точку.

— Нѣтъ, 1793-ій не годится!

Каждое утро я вижу, какъ проходитъ мимо меня человѣкъ, пронося бѣлую чѣмъ-то закрытую урну. точно чашу подъ пеленою. Можно подумать, что онъ идетъ служить глухую обѣдню; но онъ пріотворяетъ полускрытую дверь, и она плотно за нимъ запирается.

Когда онъ выходитъ, то дѣлаетъ это такъ стремительно, что я совершенно теряюсь и едва успѣваю кинуть подъ покрышку взглѣдъ, который силился проникнуть внутрь. Я не узнаю знакомыхъ очертаній сосуда, обычной пузатости.

Я кончилъ тѣмъ, что поднялъ завѣсу.

Таинственная урна есть ничто иное, какъ сосудъ для пользованія имъ на единѣ. Онъ только былъ загrimированъ, чтобы приводить всѣхъ въ заблужденіе. Но кончикъ уха всетаки высунулся въ видѣ кусочка красной гуттаперчевой трубки. Кромѣ того, человѣкъ раскрылся совершенно, показалъ и сказалъ мнѣ все:

— Я употребляю это разъ въ день, вотъ уже 30 лѣтъ и, какъ видите, чувствуя себя прекрасно.

— Да? Только почему вы не поручаете служителю выносить за вами?

Онъ выпрямился и, гнѣвно уставившись на меня, изрекъ:

— Гражданинъ! въ той республикѣ, которую хочу я, каждый убираетъ за собой самъ. Существуютъ работы непріятныя, какъ существуютъ обязанности.

— Но вѣдь вы же обладаете кружкой человѣка, не привыкшаго къ повиновенію, кропильницей доброго старого времени, вы поступаете предательски!

— Нѣть! Я—централизаторъ по существу и индивидуалистъ по формѣ. Пусть у каждого будетъ патронташъ, но круглый или овальный, это по его выбору.

— А что, упражненія съ этой трубочкой будутъ обязательны?

— Не зубоскальте, молодой человѣкъ: я—ветеранъ! А вы еще слишкомъ новичекъ и недостаточно зрѣлы, чтобы имѣть право судить мои дѣйствія.

— Я и не собираюсь ихъ судить.

Слишкомъ новичекъ? Не достаточно зрѣль?.. Недостаточно зрѣль для такого сорта кальяна,—совершенно вѣрно! Я еще не помышлялся, милый старичекъ, на клестириныхъ трубкахъ.

Не желаетъ ли онъ, чтобы и я тоже обзавелся подобнымъ инструментомъ и каждое утро производилъ надъ собой экзекуцію по командѣ согласно приказанію комитета общества попеченія о народномъ здравіи: артиллеристы, къ орудіямъ!..

— Я вполнѣ чистъ,—повторяетъ онъ постоянно.

Ну еще бы! кого не очистить послѣ такого накачиванія.

— Я всегда твердо стою на своихъ принципахъ...

Ну, разъ то въ день ему всетаки приходится присаживаться.

— Наши отцы, это—гиганты...

Мой отецъ былъ средняго роста, даже скорѣй малень-
каго; моего дѣда, въ родной деревнѣ, прозвали коротышкой.
Мои предки не были гигантами.

— Безсмертный Конвентъ...

— Кучка католиковъ навыворотъ!

— Не кощунствуйте!

— А почему бы и нѣть? Развѣ я не имѣю права принять участіе въ игрѣ вашихъ боговъ? Я думалъ, что вы стоите за свободу мыслить, говорить и даже святотатство-
вать, разъ мнѣ этого хочется... Что же, вы прижжете мнѣ языкъ раскаленнымъ желѣзомъ? Или казните меня водой,
вливая ее въ ротъ тѣмъ маленькимъ инструментомъ... если
я не раскаюсь? Ну, нѣть! Скажите на милость!

Пейра отвѣчаетъ горькой улыбкой и нахлобучиваетъ на уши свою вязанную перстянную горную шапочку, въ родѣ тѣхъ, въ какихъ поднимаются на Монбланъ—это онъ-то, рожденный на Авентинскомъ холмѣ! Вѣдь онъ оттуда. Это истин-
ный Гракхъ, этотъ человѣкъ съ клестирной трубкой и въ шапочки съ завязками.

Ученику Пьера Леру *) приходится за это расплачиваться.

О немъ ходитъ легенда. Гдѣ-то, въ захолустномъ уголкѣ Франції, Кантагрель **) былъ членомъ кружка Circulus. Каждый членъ былъ обязанъ, для общаго благосостоянія, представлять свою долю удобренія, чего бы это ни стоило... Его погубило человѣколюбіе. Онъ хотѣлъ проявить свое усердіе и принялъ какого-то настоя. Его такъ пробрало, что пришлось поѣхать въ Парижъ для излѣченія.

— Если бы это еще принесло хотя кому-нибудь пользу!—
меланхолически замѣчаетъ онъ иногда.

Говорять, онъ написалъ Гюго письмо по поводу главы о Комброниѣ въ „Несчастныхъ“. Гюго отвѣтилъ ему:

*) Надо помнить, что Пьеръ Леру въ полемикѣ съ Мальтусомъ отрицалъ даже возможность перенаселенія, утверждая, что въ мірѣ существуетъ постоянный круговоротъ матеріи, неизсякающей и вѣчной. Уже однимъ своимъ удобреніемъ человѣкъ въ достаточной мѣрѣ обезпечиваетъ себѣ пропитаніе.

Пр. пер.

**) Основалъ вмѣстѣ съ Консiderаномъ „Democratie Pacifique“, журналъ фурьеристовъ, и занимался въ немъ только соціально-политическими вопросами. Принималъ участіе въ возстаніи 13 іюня 1849 г. Въ 1876 году былъ выбранъ депутатомъ и оставался въ палатѣ до самой смерти (87 г.).

Пр. пер.

„Братъ, есть два идеала: идеалъ духовный, идеалъ материальный; стремлениe души къ вершинѣ, паденіе въ пропасть; нѣжное трепетаніе на высотѣ, бурчаніе внизу—всюду величіе! Ваша плодовитость подобна моей. Братъ, довольно... поднимитесь!“

— Это я подписался за Гюго и выдумалъ всю эту ерунду,— признался мнѣ другой товарищъ по заключенію.

Чудаки они всетаки!

Этотъ Сиркилютенъ осужденъ за издательство мятежной газетки: я такъ и предполагалъ.

Другой—отвѣтственный редакторъ единственной республиканской газеты, которая смогла явиться на свѣтъ Божій, получить право на жизнь и даже заслужить расположение императора! И не то, чтобы этотъ человѣкъ былъ куртизаномъ или пошелъ на какую-нибудь подлость,—наоборотъ: онъ твердъ и не преклоненъ.

Онъ только подходитъ по духу къ якобинцамъ, а Наполеонъ хорошо понимаетъ, что Робеспьеръ—старшій братъ Бонапарта, и если кто-нибудь защищаетъ Республику во имя власти, то онъ—Грибуйль Имперіи.

Къ счастію, я могу уединиться.

Въ Пти-Томбо.

Я обитаю въ Пти-Томбо.

Это узкая и печальная камера, въ верхнемъ этажѣ тюрьмы. Вскарабкавшись на столъ, можно добраться до окна, а въ это окно видны верхушки деревьевъ и большая полоса неба. Я провожу цѣлые часы, прижавшись головой къ рѣшеткѣ, вдыхаю въ себя свѣжесть вѣтра и представляю лобъ подъ солнечные лучи, приходящіе на мою долю.

Это одиночество меня не пугаетъ. Не рѣдко даже я покидаю 1789-ый и 1793-ій годы, чтобы просто оставаться наединѣ съ самимъ собой и слѣдить за полетомъ своей мысли, забившись въ одинъ изъ угловъ камеры, или купаясь въ свободномъ воздухѣ, который вѣтъ за рѣшеткой.

Неволя эта совсѣмъ не рабство для меня, это—свобода.

Я принадлежу всецѣло себѣ самому въ этой атмосфѣрѣ спокойствія и уединенія.

Клубъ.

Это спокойствіе было нарушено, потому что освободилось нѣсколько мѣстъ. Я приглашенъ въ почетную камеру, которая переполнена народомъ, и которую я съ легкимъ сердцемъ допустилъ набить биткомъ. Мой уголъ сталъ салономъ, столовой, фехтовальной залой и клубомъ тюрьмы.

Ну, и шумѣли же тамъ!

Первымъ по части крика, ругни и суматохи былъ, безъ

всякаго сомнѣнія, прежній сотрудникъ Прудона, дядя Ланглуа *).

- Дьяволъ! Чортъ возьми!
- А, это вы! Какая сегодня погода?..
- Какая погода?

Онъ стучитъ кулакомъ по столу, свирѣпо вращаетъ глазами и раздраженно отбрасываетъ ногой туфли, мирно валявшіяся у кровати.

- Какая погода?.. Очень хорошая!

Это сообщается съ яростью, угрожающимъ тономъ. Кажется, что рукой онъ ищетъ саблю. Онъ сморкается съ такимъ видомъ, какъ будто заряжаетъ ружье; а когда онъ уходитъ, со старой газетой въ судорожно сжатыхъ пальцахъ, и нѣсколько разъ возвращается рѣзкими движеніями съ искривленнымъ лицомъ,—можно подумать, что онъ спѣшить къ генералу съ депешей.

- Въ чемъ дѣло?
- Какъ въ чемъ!

Черезъ десять минутъ его пребыванія, кавардакъ достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ.

Влѣзаютъ на стулья, онъ вѣбирается на ночной столикъ. Начинается пантомима и истерическая вскрикиванія.

- Мы все ни на что не годимся!

— Какъ, я, Бенгра, колеблюсь повѣсить директора банка?

— Развѣ поднять вопросъ о томъ, что его надо повѣсить?

- Да, да! А вы кривляетесь, чортъ возьми!

Сегодня онъ имѣть намѣреніе воздвигнуть висѣлицу обладателю звонкой монеты. Это грязное животное живеть лишь своимъ бумажникомъ!

Онъ изображаетъ казнь. Онъ скручиваетъ свой носовой платокъ, подвѣшивается на нѣсколько мгновеній самъ, въ торжественный моментъ издастъ какой-то трагический звукъ, рискуя проглотить собственный языкъ, наконецъ, рѣшается слѣзть и стремительно прыгаетъ внизъ съ неистовствомъ щенка, у котораго рѣжутся зубы.

— Да онъ немножко спятилъ, этотъ субъектъ! — заявляетъ Курбэ, который курить въ углу.—Онъ говорить что-то о Прудонѣ? Я одинъ зналъ его. Только мы двое были готовы въ 1848 году! Эй! Что вы такъ орете? Анаема!

— Я не ору! Я гораздо спокойнѣе вась! Чортъ! Чортъ возьми!

*) Сотрудничалъ въ прудоновскомъ „Reipub“. Принималъ участіе въ 13 июня 1849 года.

Пр. пер.

Эти горластые визитеры, комичные и надоедливые, эти заключенные, которые „сойдутъ“ или „совсѣмъ не годятся“, — все это люди, прошедшіе извѣстную школу, буржуи, получившіе воспитаніе.

Иногда является рабочій, чтобы попристыдить ихъ за глупости и поохладить ихъ пыль. Онъ сильный ихъ, представитель физического труда.

Это Толэнъ *). Онъ завоевалъ себѣ имя въ публичныхъ собраніяхъ. Его можно считать духовнымъ вождемъ рабочаго класса.

Узкое лицо, которое кажется еще длиннѣй и уже, благодаря длинной бородѣ, низко подстриженной на щекахъ; живые глаза, тонко очерченный ротъ и красивый лобъ.

Онъ немножко присосюкиваетъ, какъ и Верморель. Всѣ, у кого во рту точно камешки Демосѳена, отличаются громаднымъ честолюбіемъ. За неправильнымъ говоромъ ребенка у нихъ скрывается желѣзная энергія людей дѣла.

У Толэнѣ простой, народный костюмъ и благородная осанка.

Я уже видѣлъ одну знаменитость съ такими же манерами: бѣлокураго проповѣдника юньскаго св. Варфоломея — Фаллу **), который съ кроткими жестами и съ медомъ на устахъ устроилъ колоссальную бойню.

Лица ихъ, можетъ быть, и не совсѣмъ одинаковы; но я сближаю ихъ силуэты въ моемъ зеркалѣ. Ихъ внѣшность мнѣ кажется очень схожей. Они обладаютъ однимъ и тѣмъ же тонкимъ изяществомъ, почти одинаково нѣжнымъ голо-сомъ и тѣмъ же блескомъ сверкаютъ ихъ взгляды: одинъ дворянинъ, а другой изъ народа!

У него нѣсколько раскачивающаяся походка плебея. А можетъ быть, это даже нарочно. Если бы онъ захотѣлъ, она могла бы обратиться въ гибкость джентльмэна. Со своимъ сдержаннѣмъ смѣхомъ, проницательнымъ взглядомъ, съ заостреннѣмъ профилемъ, со своей бородкой, которую всегда покручиваетъ, онъ производить на меня такое впечатлѣніе, точно онъ только о томъ и думаетъ, какъ бы ему выбиться изъ народной массы, изъ той темноты, въ которой онъ живетъ. Этотъ бывшій чеканщикъ, давно забросившій инстру-

*) Одинъ изъ представителей интернаціонала. Въ 1871 году былъ выбранъ представителемъ столицы въ палату депутатовъ, а въ 1876 г. избранъ сенаторомъ отъ Парижа.

Прим. пер.

**) Политическій дѣятель и историкъ. Депутатъ съ 1846 г. Въ палатѣ былъ представителемъ легитимистской и клерикальной оппозиціи. 29 мая 1848 г., какъ докладчикъ по вопросу о національныхъ мастерскихъ, настаивалъ на необходимости ихъ закрыть. Какъ извѣстно, это закрытіе дало рѣшительный толчекъ юньскому восстанию.

Прим. пер.

менты своего ремесла, терпѣливо чеканить орудія своего честолюбія.

— Даже поднимался вопросъ, не открыть ли подпиську для того, чтобы снова наточить инструменты: такъ они позаржавѣли!—замѣтилъ одинъ шутникъ въ мастерской.

Но если онъ боится работы, которая грязнитъ руки, то не боится одинокихъ занятій, долгихъ вечеровъ, проведенныхъ съ глаза на глазъ съ отцами экономической церкви и съ отцами соціальной революціи. Онъ купилъ на набережной „Адама Смита“ и „Жана-Баптиста Сэя“, проданныхъ букинисту какимъ-нибудь раззорившимся буржуа, какимъ-нибудь выбитымъ изъ жизненныхъ рядовъ, сопедшимъ со сцены. Теперь они лежать на столѣ ремесленника, который идетъ въ гору.

Еще тома четыре или пять Прудона, и дѣло будетъ кончено. У него есть пробный камень для всякихъ цѣнностей, денежныхъ и идеиныхъ, онъ станетъ ученымъ—онъ уже теперь ученый. Онъ старшій мастеръ въ мастерской, где создается рабочая революція.

Онъ зарабатываетъ себѣ хлѣбъ, какъ приказчикъ у торговца желѣзными товарами; тотъ очень гордится, что у него за прилавкомъ стоитъ такой ученый мужъ.

У этого эмансирированного плебея уже есть приверженцы. Въ нашемъ царствѣ отвлеченныхъ идей и принциповъ есть одинъ представитель ручного труда — столяръ Перрашонъ, который еще не разстался съ своимъ верстакомъ.

Онъ почитаетъ, какъ Бога, того, кто сталъ собственникомъ ученыхъ книгъ и весь ушелъ въ эту премудрость. Онъ страшно ему подражаетъ, копируетъ его прическу, форму бороды, такъ же застегиваетъ свое пальто и носить шляпу, какъ онъ, нахлобучивая ее на лобъ или надвигая на ухо.

А мнѣ даже кажется, что этотъ Зози продуктъ хитрости моего Фаллу изъ предмѣстія! Завязками своего рабочаго фартука Перрашонъ связываетъ своего патрона съ народомъ, иначе послѣдній, пожалуй, съ недовѣремъ посматривалъ бы на этотъ пиджачекъ, готовый, того гляди, обратиться въ юртукъ.

Только бы онъ не порвалъ въ одинъ прекрасный день этой связи и не бросилъ бы блузниковъ, какъ уже бросилъ свою блузу.

XI.

Я собираюсь написать исторію побѣжденныхъ въ юньскіе дни. Я встрѣтилъ многихъ изъ нихъ: всѣ бѣдны, но почти Сентябрь. Отдѣль I.

всѣ, несмотря на нищету, сохранили свое достоинство. Только нѣкоторые, заразившись бездѣліем въ тюрямахъ, наваливаютъ на женъ все бремя труда и заботъ о прокормлениі семы.

Многія изъ этихъ женщинъ проявили себя истыми героями. Пока отцы были въ тюрямахъ или на каторгѣ, онѣ ростили ребята, нерѣдко лишая себя всего, лишь бы у молодыхъ гражданъ не было ни въ чемъ недостатка. Онѣ обнаруживали геніальную изобрѣтательность и проявляли необычайное мужество, добывая прямо изъ земли какое-нибудь ремесло, промыселъ, способъ заработать кусокъ хлѣба. И малютки росли, инсургенты будущаго!

Правда, нѣсколько дѣвушекъ исчезали въ томъ возрастѣ, когда голубая лента кружить голову, а нищета заставляетъ дурнѣть. Великая скорбь царить въ мансардѣ, когда изгнаникъ, возвратившись, находитъ затасканнымъ и грязнымъ образъ ребенка, котораго онъ когда-то въ одно изъ воскресеній фотографировалъ за 10 су на ярмаркѣ въ окрестностяхъ Парижа. Не было никакихъ силъ заставить дѣвочку сидѣть спокойно. Папѣ пришлося поцѣловать ее десять разъ и попросить быть умницей.

И она была умницей.

Давно уже она больше не умница, и не знаютъ, гдѣ ее искать. Она не смѣеть навѣстить мать. Она боится, что старикъ бросится на нее.

— Нѣть! — сказала мнѣ, рыдая, одна изъ нихъ, — я слишкомъ боюсь его слезъ!

Я живу въ этомъ мірѣ рабочихъ фартуковъ и блузъ и растроганъ гораздо больше, чѣмъ въ тѣ дни, когда подъ взорами толкователей Conciones сходилъ въ міръ античныхъ героевъ. Ихъ каски, туники и котурны быстро надоѣли.

И вотъ, въ сосѣдствѣ съ моими новыми товарищами, часто заглядывая къ простымъ людямъ, я вдругъ почувствовалъ полное презрѣніе къ якобинскому старью.

И вся эта легенда о 1893 годѣ произвела на меня впечатлѣніе кучи выцвѣвшихъ и беспорядочно сваленныхъ лохмотьевъ, какія приносятъ тряпичнику дядѣ Гра въ его открытую всѣмъ вѣтрамъ лавченку на улицѣ Муфтарь.

Время отъ времени онъ дѣлаетъ мнѣ честь, приглашая къ себѣ обѣдать. Я счастливъ, чувствуя, что меня, не имѣющаго никакого соціального положенія, уважаетъ и любить этотъ человѣкъ регулярнаго труда съ корзинкой за спиной, который велитъ прибавить для гражданина Бенгра кусокъ сала въ котелокъ, и онъ дымится и такъ вкусно пахнетъ!

Онъ говоритъ женѣ:

— Нечего экономничать, старуха, лишь бы было мѣсиво на каждый день...

Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, продолжаетъ:

— Жизнь теперь тяжела, это вѣрно. Но нась, рабочихъ, утѣшаетъ то, что ученые, какъ вы, переходять на сторону пролетаріевъ. Кстати, дайте-ка обѣщаніе, что если когда-нибудь мнѣ придется пойти за моимъ ружьемъ, которое я закопалъ вечеромъ 24 іюня у Гобеленовъ, вы придете ужинать на баррикаду, какъ сюда. Вѣрно?

И жена его отвѣчаетъ, съ серьезной улыбкой:

— Да, отецъ, я увѣрена, что баринъ будетъ на сторонѣ несчастныхъ.

Я замѣтилъ кусокъ красной фланели, который, какъ языкъ, высовывался изъ мѣшка.

— Мы привяжемъ его къ штыку.

— Ахъ, молодой человѣкъ! Вся суть не въ Marianne, а въ Sociale *). Когда она будетъ у нась, изъ знаменъ можно будетъ щипать корпю!

Sociale и Marianne—два врага!

Эти старики юньскихъ дней 1848 г. рассказывали мнѣ, что когда въ тюрьмы явились участники 13 іюня 1849 года, то вновь прибывшихъ встрѣтили грозными взглядами и жестами, и съ первого же дня между ними встала стѣна. Между головами, въ одинаковыхъ тюремныхъ колпакахъ, происходили страшныя столкновенія. Но на совмѣстныхъ церемоніяхъ, при похоронахъ или въ дни разныхъ годовщинъ, у всѣхъ бывали бутоньерки безсмертнаго алого цвѣта.

Между партіями существовала непримиримая ненависть, она цѣплялась за каждый предлогъ, чтобы вырваться наружу. Изъ-за плохо огороженнаго садика, изъ-за вѣточки клубники, очутившейся за линіей камней, образующихъ гравицу, изъ-за настурціи, выросшей между двумя грядами,—въ лицо другъ другу бросались несчастія и ошибки революціи.

Я многое узналъ въ кабачкѣ, который содержитъ одинъ изъ прежнихъ обитателей Дулановской тюрьмы. Туда собирались эти обломки восстанія, спасаясь отъ удручающей тишины вечера или отъ затягивающаго бездѣлія утра. Каждый приходилъ туда, чтобы подѣлиться своими свѣдѣніями, разсказать свои личныя впечатлѣнія трагичныхъ часовъ, резюмировать свои воспоминанія неудачной борьбы.

*) Marianne это прозвище республики вообще и въ частности третьей республики, а Social это республика соціальная.

Прим. пер.

Лучший говорунъ этой компани—парень, съ сѣрыми стальными глазами, блестящими и острыми. У него какъ будто накрашены щеки, а лобъ слишкомъ широкъ, какъ у нѣкоторыхъ бродячихъ актеровъ, которые подбираютъ его, чтобы придать себѣ болѣе благородный видъ. Длинные, падающіе волнами, волосы, какъ у скомороховъ и поэтовъ.

Ему не хватаетъ только кожаной полоски на лбу, которая держитъ парикъ акробатовъ, или вѣнка изъ весеннихъ цветовъ.

Никогда нельзя было бы угадать, что это бывшій столяръ, осужденный на вѣчную каторгу за то, что, съ своимъ зеленымъ фартукомъ на животѣ, онъ очень искусно возвелъ, на углу Чернаго рынка, громадную баррикаду изъ камней разобранной мостовой.

Теперь ремесло его не въ ходу, и онъ сталъ маклеромъ и, если вѣрить ему, зарабатываетъ немного себѣ на хлѣбъ. Его синій пиджакъ совсѣмъ безъ пятенъ; тѣмъ не менѣе, онъ носить фуражку.

— Это сохраняетъ мою шляпу, когда я нехожу къ клиентамъ,—говорить онъ.—Да и кромѣ того, товарищи, я всетаки остаюсь рабочимъ: странствующій рабочій, вмѣсто этого, чтобы быть прикрепленнымъ къ мѣсту, вотъ и все.

— А какъ поживаетъ Рюольть? Давно ты его видѣлъ?

— Нѣтъ. А что?

— Да ты, на самомъ дѣлѣ, ничего не знаешь: говорять, что онъ былъ шпиономъ.

— Давайте поговоримъ, друзья, о чемъ-нибудь другомъ,—перебилъ ихъ старый Мабилль.—Всѣ мы оказались бы шпионами, если бы слушать все, что рассказываютъ. Не надо только забывать пускать кровь тѣмъ, о которыхъ это доказано окончательно... Это отбиваетъ охоту у другихъ.

Старый Мабилль былъ прежде чеканщикомъ, но, среди удручающаго бездѣлья тюрьмы, онъ утратилъ всю сноровку своего ремесла и сдѣлался уличнымъ торговцемъ.

Но въ долгіе годы тюрьмы онъ учился по книгамъ, которыми его сужали сосѣди по заключенію. Онъ обдумывалъ, разсуждалъ, выводилъ заключенія. Его высокій, обнаженный лобъ, изборожденный морщинами, говорить о его размышленіяхъ. У этого продавца вѣровъ или абажуровъ,—смотря по сезону,—лицо философа-бойца. Если бы на немъ былъ черный сюртукъ, то предъ этимъ величественнымъ старикомъ всѣ останавливались бы и воздавали бы почтеніе его мощной головѣ.

— Что онъ преподаетъ?—спрашивали бы люди изъ Сорбонны или изъ Нормальной школы.

Что онъ преподаетъ?... Его каѳедра не имѣетъ определенного мѣста, какъ и онъ самъ. То она является столомъ въ бѣдномъ кабачкѣ, облокотившись на который, онъ призываетъ молодежь къ восстанію; то это бочка съ баррикады, поставленная стоймъ, чтобы онъ могъ взобраться на нее и говорить передъ инсургентами.

Многіе изъ тѣхъ, кого я вижу въ лохмотьяхъ, которые почти умираютъ съ голоду, читали Прудона, штудировали Луи-Бланна... Ужасная вещь! Въ концѣ всѣхъ ихъ разсчетовъ, на границѣ всѣхъ ихъ теорій, какъ недремлюющій часовой, стоитъ восстаніе!

Видите ли, еще нужно крови!

А зачѣмъ?

Зачѣмъ эти люди, которые живутъ неизвѣстно чѣмъ, которымъ надо такъ мало, зачѣмъ они, похожіе на старыхъ святыхъ, съ длинными бородами и кроткими глазами, которые любятъ маленькихъ дѣтей и великия идеи, зачѣмъ подражаютъ они пророкамъ Израїля и вѣрять въ необходимость жертвы, въ неизбѣжность гекатомбы?

Какъ-то на дняхъ, восьмилѣтняя дѣвчурка обрѣзала себѣ пальчикъ—одинъ дикарь съ мохнатой грудью упалъ въ обморокъ.

Нужно было видѣть, какъ всѣ эти завсегдатаи государственной тюрьмы принялись утѣшать и цѣловать дѣвочку. Одинъ сдѣлалъ ей куклу изъ тряшки, другой купилъ куклу за су. Это су было припасено на табакъ: онъ не курилъ весь вечеръ. Палецъ замотали тряпкой съ гораздо большимъ волненіемъ, чѣмъ при перевязкѣ раны страшно искалѣченаго борца на перевязочномъ пункѣ гдѣ-нибудь на перекресткѣ.

Малый со стальными глазами хочетъ написать книгу. Онъ пишетъ; я это подозрѣвалъ.

— Да, я набросалъ замѣтки о томъ, что я видѣлъ въ Тулонѣ. У меня двѣ тетради, вотъ какихъ толстыхъ! Я покажу ихъ вамъ, если вы зайдете ко мнѣ.

Мы условились о днѣ и часѣ.

— Вы увидите мою жену, она дочь Порнена, по прозванию Деревянная нога.

Хрупкое, тонкое созданіе, граціозное и печальное, смертельно печальное! Благородная осанка и безконечная меланхолія, которой нѣть имени, и причина которой—тайна,—выдаютъ страданіе, неизлѣчимое, скрытое глубоко.

Ея сѣдые волосы свидѣтельствуютъ о пережитомъ горѣ. Какое то ужасное, неожиданное открытие осыпало однажды вечеромъ пепломъ эту юную голову, заставило поблекнуть

это нѣжное лицо, и затянуло его морщинами, тонкими, какъ шелковыя нити.

Она едва отвѣтила на банальное привѣтствіе мужа, а меня приняла почти со скорбью.

Я говорилъ съ ней обѣ ея отцѣ, обѣ этой знаменитой „Деревянной ногѣ“, который оставилъ о себѣ замѣтный слѣдъ во внутренней исторіи февральскихъ событій.

— Да, я дочь Парнена. Отецъ мой былъ честный человѣкъ.

Она повторила это нѣсколько разъ: „честный человѣкъ“, опустивъ глаза, прижимая къ груди свои маленькия ручки и отодвигая свой стулъ, какъ мнѣ показалось, изъ боязни, чтобы мужъ не задѣлъ ея, отыскивая свою рукопись по всей комнатѣ.

Наконецъ, онъ хлопнулъ себя по лбу и сказалъ:

— Вспомнилъ теперь, она внизу!

Онъ пошелъ крадущимися шагами, горбясь, волоча ногу, но глаза его все время сверкали и пронизывали полумракъ комнаты.

Жалюзи оставались закрытыми, она даже не приподняла ихъ, когда мы вошли; можно было подумать, что она не хотѣть допустить даже тѣни своихъ словъ.

Пока мы оставались наединѣ, она произнесла только одну фразу:

— Вы въ одномъ обществѣ съ моимъ мужемъ?

— Я не принадлежу ни къ какому обществу.

Она ничего не отвѣтила, и мы молча сидѣли въ темнотѣ.

Онъ вернулся съ тетрадями.

— Это не такъ обработано, какъ у писателя по профессіи, но здѣсь много воспоминаній. Воспользуйтесь этимъ для вашей работы. Только напечатайте и мое имя, дабы видѣли, что приговоренные къ каторгѣ за іюньскіе дни вовсе не были ни такими невѣждами, ни такими преступниками, какъ о нихъ говорять.

Она подняла вѣки, и ея глаза, устремленные на мужа, блестѣли такимъ ледянымъ свѣтомъ, что у меня, когда я уходилъ, кровь застыла въ жилахъ. Провожая меня, онъ ослаблялъ звукъ своихъ шаговъ и понижалъ голосъ, какъ въ домѣ, гдѣ лежитъ умирающій или покойникъ, и гдѣ нельзя говорить громко.

Я спустился въ Парижъ черными и молчаливыми улицами, съ головой, полной смутныхъ мыслей, спрашивая себя, какая драма разыгралась между этими двумя существами?

— А! Вы ходили туда,—сказалъ мнѣ одинъ стариkъ, бѣжавшій изъ Дулана.—Его жена была дома? Ну и храбрая женщина! Я видѣлъ ее въ дѣлѣ, когда она была еще совсѣмъ молоденькой... миниатюрная, какъ мушка, и веселая, какъ жаворонокъ! Ему повезло больше, чѣмъ онъ стоять.

— Несомнѣнно. Развѣ ты не слышалъ о немъ того же, что и о Рюольтѣ: что онъ изъ шпиковъ?

— Не можетъ бытъ! Она взяла бы его за усы и притянула къ намъ, несмотря на свою миниатюрность, и наградила бы его предварительно пощечиной. Она выдала бы его Мабиллю, чтобы онъ пустилъ ему кровь! Не правда ли, Мабилль?

— Да! Если бы только ей не было слишкомъ стыдно; можетъ быть, она его любить... это бываетъ!

Въ это время кто-то вошелъ.

— О комъ вы говорите?

— О Ларжильерѣ.

XII.

Ко мнѣ явилось нѣсколько человѣкъ и, во имя революціонныхъ идей, потребовали, чтобы я выставилъ свою кандидатуру въ депутаты противъ Жюля Симона *).

Я не отказался.

Несчастный безумецъ!

Но тѣ, которые думаютъ, что я принялъ это предложеніе изъ гордости, изъ желанія выдвинуться, совсѣмъ не знаютъ, какъ я блѣднѣлъ и какая дрожь охватывала меня при мысли, что я начинаю борьбу.

Но разъ меня зовутъ, я не отступлю!

Но что скажу я этому предмѣстю св. Антонія? Какъ я буду говорить съ этими людьми съ Шароны, съ этими блузниками изъ Плюто?—я, только что собиравшійся кинуть на всы едва созрѣвшія теоріи, которыхъ мнѣ даже не было времени взвѣсить въ своей непослушной рукѣ.

У меня никогда не было достаточно денегъ, чтобы купить сочиненія Прудона. Мнѣ приходилось брать на подержаніе разрозненные тома и читать по ночамъ.

По счастью, къ моимъ услугамъ была національная библиотека, и я, времена отъ времени, могъ зарыватьсь носомъ, а

*) Сначала былъ профессоромъ философіи въ Нормальной школѣ, затѣмъ въ Сорбонѣ. Въ 1848 году членъ національнаго собранія. Въ 1863 году былъ избранъ въ законодательный корпусъ, где былъ вождемъ оппозиціи. Пр. пер..

то и уходить съ головой въ первоисточники. Но мнѣ приходилось пить залпомъ и захлебываться, потому что на улицѣ Ришелье *) у меня были и другія дѣла, кромѣ изученія соціальной справедливости.

Я долженъ быть добывать изъ нѣдръ книгъ зерна для своихъ страстей; они кормили меня, и издатель словаря не хотѣлъ принимать, если отъ нихъ пахло демократизмомъ или протестующей философіей. Иногда случалось, когда я успѣвалъ перехватить немногого изъ Прудона, что на моей бумагѣ выступали кровавыя капли.

Итакъ, я знаю едва лишь половину того, что надо знать!

Мнѣ угрожаетъ опасность смѣшно и съ трескомъ провалиться: развѣ кто хочетъ разбить свой лобъ о старый міръ? Я—ученикъ, готовый возстать на учителя, рекрутъ, осмѣливающійся протянуть руку за знаменемъ!

Въ пору отступить и скатиться внизъ по лѣстницѣ... какъ беременныя дѣвушки, которая не хотятъ, чтобы ихъ слабость была обнаружена.

У меня являлось такое намѣреніе, несмотря на рискъ изуродоваться и стать какѣкой: вѣдь иначе я буду совсѣмъ раздавленъ, если заслужу свистки аудиторіи. Быть раненымъ ничего не значить, но быть освистаннымъ—это крушеніе всей молодости, правда, чреватой страданіями, но за то и полной надежды!

Сегодня вечеромъ первое собраніе.

Я пытаюсь подготовить рѣчъ... Но какъ?.. Для этого мнѣ нужно много часовъ!.. Довольствуюсь тѣмъ, что намѣчу для своего выхода нѣсколько основныхъ пунктовъ, какъ путеводную нить, разсѣивая идеи, какъ разбрасаль камешки Мальчикъ-съ пальчикъ. Я буду держаться намѣченныхъ пунктовъ собирать эти камешки по дорогѣ, когда пойду къ людѣду.

Хорошо бы было имѣть съ собой хоть нѣсколько преданныхъ людей! Но ни Пасседуэ, ни юньскихъ уже нѣть. Они скрылись, когда я согласился пойти навстрѣчу опасности, исчезли въ своихъ кварталахъ, въ поискахъ за другими Венгра.

По жестокой случайности, никто изъ знакомыхъ не живеть въ томъ округѣ, куда мнѣ приказали идти на смерть, подобно Наполеону, приказывавшему своимъ лейтенантамъ расположиться поперекъ моста и умереть тамъ.

И вотъ, взобравшись на имперіаль, я одинъ отправляюсь въ дорогу, єду въ залъ клуба.

*) Национальная Библіотека находится на улицѣ Ришелье.

На омнибусѣ я слышу, какъ восхваляются достоинства того, съ кѣмъ я буду сражаться.

— О! Онъ далеко пойдетъ! Онъ раздавить Ляшо, какъ муху.

— Нѣть другихъ конкурентовъ?

— Конечно, нѣть! Кто же рискнетъ изъ республиканцевъ?

Ахъ, несчастный! Рядомъ съ тобой сидить субъектъ, который, передавая кондуктору свои три су, вмѣстѣ съ твоими, уронилъ на полъ бумажку, гдѣ записаны двѣ первыя фразы для начала рѣчи противъ твоего фаворита, да еще четыре или пять „эффектовъ“, кричащихъ, какъ изображенія Эпиналя, чтобы придать ей колоритъ. Можетъ быть, ты даже сидишь на моихъ замѣткахъ, подъ твоимъ задомъ мое краснорѣчіе!..

— Номеръ 105?

— Здѣсь.

Я кубаремъ скатываюсь внизъ.

Мой комитетъ бѣденъ, какъ Іовъ. Мы собрались въ заброшенной конюшнѣ. Съ трудомъ можетъ помѣститься человѣкъ триста.

Они уже здѣсь.

— Граждане!..

Откуда я взялъ то, что говорилъ имъ? Я не знаю самъ, какъ я перешелъ къ нападенію. Я началъ говорить о запахѣ навоза, о необычайности помѣщенія, о нищетѣ, которая насы дѣлаетъ смѣшными. Я срывалъ свои слова со стѣнъ, откуда сочилась какая-то гадость и гдѣ торчали ввернутыя кольца, къ которымъ республиканская дисциплина съ удовольствіемъ привязала бы и насъ, какъ выочныхъ животныхъ.

Ну, нѣть!

И я брыкался, и становился на дыбы, находя по дорогѣ иронію и гиѣвѣ!

Раздалось нѣсколько словъ одобренія, что еще больше разожгло меня. Когда я кончилъ, меня обступили со всѣхъ сторонъ.

Предсѣдатель всталъ:

— Граждане,олосуется предложеніе выставить кандидатуру Жака Венгра.

Руки поднялись.

— Гражданинъ Жакъ Венгра избранъ кандидатомъ революціонной соціалъ-демократіи округа.

Одобрительная воскліканія трехсотъ бѣдняковъ подтвердили торжественно провозглашенное заявленіе.

У меня по спинѣ пробѣжалъ морозъ: вѣдь этотъ успѣхъ ничего не доказываетъ.

Эта горсточка привѣтствовавшихъ меня восклицаніями была собрана почти на порогѣ ихъ нищенскихъ логовицъ. А сколько тутъ тѣхъ, которые аплодировали мнѣ, потому что у меня зычный голосъ, или потому, что они не хотѣли разбить голоса,—сколько изъ нихъ покинетъ меня завтра, чтобы присоединиться къ кортежу Симона побѣдителя!

Побѣда досталось мнѣ слишкомъ легко. Я стоялъ къ своимъ противникамъ вплотную, мое дыханіе жгло имъ лицо, а я знаю прекрасно, что у меня въ жестахъ и тонѣ есть что-то повелительное для тѣхъ, кто стоитъ такъ близко ко мнѣ. Но когда я буду передъ непріятелемъ въ громадной набитой биткомъ залѣ...

Зала Генія.

И вотъ я здѣсь. Громадная зала набита биткомъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. Противники мои подготовились къ встрѣчѣ. А у меня совсѣмъ не было времени, и я ничего не подготовилъ, ровно ничего! Ни любезной мины вступленія, ни хвостика заключенія.

Горячія головы моего комитета заставили меня, изъ-подъ кнута, отправиться по общинамъ на охоту за вліятельными лицами. Я мотался туда и сюда, искалесилъ весь округъ пѣшкомъ, въ телѣгѣ, по желѣзной дорогѣ,—едва живой отъ того количества рюмокъ, которая приходилось выпить передъ цинковой стойкой плохенькихъ трактировъ, чтобы чокнуться съ честными людьми.

Я только мочилъ губы, но меня все же тошило отъ вина. Я долженъ былъ показаться очень холоднымъ или очень гордымъ тѣмъ, кто видѣлъ, какъ хмуро я согласился на этотъ объѣзъ, предложенный мнѣ отъ чистаго сердца. Единомышленники, къ которымъ мы заходили, были разбросаны по всему городу, на громадныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Приходилось то пробираться куда-нибудь на конецъ огорода, то спрашивать въ мастерской, отнимая у нихъ время и даже не рѣдко компрометтируя ихъ передъ хозяиномъ. Случалось иногда и ошибаться на ихъ счетъ.

Въ этомъ случаѣ они окидывали меня съ ногъ до головы негодующими взглядомъ и возмущались, какъ ихъ могли считать способными помочь мнѣ сѣять раздоръ въ партії.

Ничтожныя волненія, убивавшія цвѣты мысли въ моей головѣ! Изнурительныя экскурсіи, въ которыхъ по пути рибли мои идеи!

Ну, и дуракъ я!

Я представлялъ себѣ, что мое несчастное пораженіе про-

изойдетъ отъ того, что я не запасся цѣлымъ пукомъ доктринъ.

Какъ бы не такъ!

На мою долю два или три раза уже выпадалъ денекъ, когда приходилось ясно и въ стройномъ порядке излагать мысли предъ толпой... Но напшли, что я говорю слишкомъ холодно. Отъ меня ждали словъ, которыхъ жгутъ и зажигаютъ. Даже мои сторонники дергали меня за фалды и шипѣли въ уши, что передъ такой публикой нужно заводить старую волынку съ громкими фразами.

Да, когда-то у меня въ рукахъ была бычачья жила краснорѣчія трибуна, но у меня больше нѣть охоты размахивать ею надъ головой и ломать хребты рѣчей другихъ ораторовъ! Я презираю бесполезные жесты, метафоры безъ содержанія, я стыжусь ремесла декламатора!

Да, чортъ возьми! Я сумѣль бы, если бы захотѣлъ, вызвать мощные образы, которые захватили бы этихъ людей. Но я не чувствую больше мужества желать этого. Вмѣстѣ съ пыломъ якобинской вѣры, я утратилъ и ядовитый романтизмъ прежнихъ дней... Народъ едва слушаетъ меня. У меня еще нѣть пьедестала знающаго и убѣжденного соціалиста, а я уже лишился способностей площаднаго оратора, Дантона изъ предмѣстія: я самъ съ этимъ покончилъ! Это не падение, а обращеніе, это результатъ не слабости, а презрѣнія! Разъ, въ Булонскомъ лѣсу, меня чуть не отправили на тотъ свѣтъ.

— Это вы стоите поперекъ дороги Симона!

Меня окружили, толкали, били.

Я былъ одинъ, совсѣмъ одинъ.

Прежде всего, мнѣ пришла на умъ для защиты только старая классическая формула:

— Въ моемъ лицѣ вы убиваете свободу слова!

— Ну, да! Убиваемъ! Прямо кулакомъ въ рыло! — заревѣлъ прачешникъ съ бычачьей шеей.

Бюро испугалось, какъ бы мое избіеніе не легло грязнымъ пятномъ на торжество конкурента.

Потомъ я немного погорячился. Мнѣ было чѣмъ отвѣтить на подобные аргументы: я могъ попридержать прачешника за поясъ. Между тѣмъ, во время всей кампаніи этотъ угорь Симонъ скользилъ у меня между пальцами; клейкій и гибкій, притворно вѣжливый до приторности, онъ подставлялъ мнѣ ножку при всякомъ удобномъ случаѣ.

Это была великая минута! Одинъ! Я осмѣлился прийти одинъ! Никогда я не былъ такъ гордъ собой, какъ въ этотъ день безконечнаго униженія.

Положимъ, еще одинъ разъ я почувствовалъ приливъ гордости, при выходѣ изъ собранія, гдѣ побѣдитель и я говорили толпѣ одинъ послѣ другого.

Я слышалъ, какъ одинъ изъ членовъ комитета произнесъ, указывая на меня:

— Этотъ сумбетъ заставить чернь слушать себя.

Наконецъ, барщина моя кончилась, прошла избирательная горячка! Я свободенъ!

Тамъ, въ сторонѣ Шавиля, есть ферма, гдѣ я проводилъ счастливые и спокойные дни, глядя, какъ молотятъ пшеницу, какъ тянутся утки къ лужѣ, потягивали легкое бѣлое винцо гдѣ-нибудь подъ развесистымъ дубомъ, или валялся на склонѣ травы подъ яблонями, разукрашенными антарными плодами.

Я жаждалъ тишины и спокойствія. Я отправился туда, забывъ подачу голосовъ парижскихъ секцій, валялся на сѣнѣ, слушать, какъ заливаются лягушки въ зеленыхъ тростникахъ. А по вечерамъ я засыпалъ на холщевыхъ простыняхъ, сѣрыхъ и грубыхъ, какъ тѣ, на которыхъ меня укладывали мои деревенскія кузины.

Деревня!

Я скорѣй созданъ быть крестьяниномъ, чѣмъ политическимъ дѣятелемъ, которому не приходится переживать всѣ прелести неурожайного года, съ зимней голодовкой.

7 часовъ утра. Человѣкъ, одѣтый зажиточнымъ подрядчикомъ, съ толстой золотой цѣпочкой, въ короткихъ сѣрыхъ штанахъ, изъ подъ которыхъ торчали грубые сапоги, явился ко мнѣ, назвалъ себя моимъ единомышленникомъ и попросилъ его выслушать.

— Если бы вы захотѣли при вашихъ связахъ и съ вашимъ талантомъ...

— Тарди! Тарди!

Тарди, мой старый школьній товарищъ, бѣдный, бѣдный, еще бѣднѣе меня! Я нанялъ ему меблированную каморку рядомъ съ моей комнатой, и онъ окупаетъ свое пропитаніе перепиской моихъ статей. Я зову его на помощь. Онъ выскакиваетъ на площадку лѣстницы въ одной рубашкѣ.

— Смотри! Смотри на него хорошенъко! Онъ явился покупать меня... Этотъ мерзавецъ вообразилъ, что я способенъ его выслушать!

— Нѣть! Нѣть! Милостивый государь... — бормочетъ этотъ субъектъ, блѣдный, какъ смерть, спотыкаясь при спускѣ по лѣстницѣ.

— Скорый! Живо! А не то я сверну вамъ шею!
 — Милостивый государь! Нѣть! Нѣть! — повторяеть онъ, скатываясь кубаремъ.
 — Но какъ они посмѣли!
 — Кто его подослалъ?
 — Разберемся!.. Издержки принялъ на себя мой комитетъ. Ему на помошь пришелъ одинъ человѣкъ, увѣрявшій, что хочетъ послужить дѣлу, и предложилъ денегъ на афиши и бюллетени.
 — Нужно его отыскать и вывести на свѣжую воду!
 Я рассказалъ все это товарищамъ. Они что-то долго тянули дѣло...
 Кончилось тѣмъ, что они сказали мнѣ, пожимая плечами:
 — Вы выше всего этого.
 Я продолжалъ настаивать.
 — Оставьте же насть въ покой!
 Тѣмъ не менѣе, меня пробираетъ дрожь, и я боюсь, что за этимъ скрывается какая-то опасность, когти которой еще дадутъ себя знать.

XIII.

Я одинъ изъ десяти выбранныхъ народнымъ собраниемъ, чтобы отправиться съ запросомъ, почти съ требованиемъ, къ депутатамъ города Парижа.

Миллеръ, Тренкз, Гумберть, Куриз тоже находятся въ числѣ десяти.

Къ кому идти прежде всего? Кого изъ представителей народа осадить первымъ?

Въ справочной книжкѣ маленькаго кафѣ, гдѣ сопились члены комиссии, попался адресъ Ферри *).

— Къ Ферри!.. Вы, Венгра, изъ его округа. Вамъ съ нимъ и говорить.

Молчаливый и степенный домъ, большая парадная дверь, торжественная лѣстница.

Я поднимаюсь съ такимъ волненiemъ, какъ если бы взбирался по ступенькамъ эшафота.

— Здѣсь.

*) Былъ избранъ депутатомъ въ 1869 г. противъ официального кандидата. Видный ораторъ республиканской партии. Извѣстный политический дѣятель. Съ 15 ноября 1870 г. былъ парижскимъ мэромъ, а 18 января 1871 г. предсѣдательствовалъ въ собраніи парижскихъ мэрівъ, постановившемъ выдавать населенію хлѣбъ по порціямъ.

Прим. пер.

На нашъ звонокъ выходить горничная.

— Г-нъ Жюль Ферри?

— Дома.

У меня подкашиваются ноги. Я бѣлѣе фартука служанки, который не блещеть чистотой.

— Какъ прикажете доложить?

Мы переглядываемся.

Никто изъ нась не является лично отъ себя. Въ то же время мы вовсе не представители какого-нибудь признанного комитета или какого-нибудь республиканского общества, уже обладающаго своимъ собственнымъ домомъ.

— Скажите, что пришли люди изъ VI и имѣютъ нѣчто сообщить.

— Изъ шестого? У насъ нѣть шестого этажа!

Мы ей объясняемъ... не безъ труда. Дѣвушка пугается.

— Наплевать! Мы пришли и не уйдемъ! — заявляетъ Тренкэ и прислоняется къ стѣнѣ, какъ часовой.

Появляется буржуа въ коротенькомъ пиджачкѣ, съ вытянутой физіономіей.

— Что вамъ угодно, господа? — произноситъ онъ, глядя на нась съ тоской, именно съ тоской!

Его голосъ немного дрожитъ, руки тоже.

Минута молчанія. Надо начать.

— Вамъ, милостивый государь, конечно, извѣстно письмо Кератри, въ которомъ онъ предлагаетъ депутатамъ, въ отвѣтъ на декретъ объ отсрочкѣ открытія палаты, явиться толпой ко дворцу Бурбоновъ въ тотъ день и часъ, когда по закону должна открыться сессія. Народное собраніе постановило потребовать отъ представителей Парижа выскажаться категорически по этому вопросу и поручило намъ требовать ихъ присутствія на собраніи, гдѣ народъ выскажетъ свою волю... Явитесь ли вы?

Руки продолжаютъ дрожать. Самъ онъ, кажется, въ большомъ смущеніи, несмотря на свои широкія плечи и рѣшительный видъ.

— Я не отказываюсь. Но я долженъ посовѣтоваться съ своими коллегами. Я поступлю такъ, какъ и они.

Мы поклонились и вышли.

Теперь на площадь Мадленъ.

— Г-нъ Жюль Симонъ?

— Войдите, господа.

Вотъ этотъ знаменитый чердакъ!

Ничего не скажешь! Это, конечно, не крысиная нора; но далеко и не дворецъ, запрятанный подъ самую крышу.

Симонъ такъ и ходить ходуномъ, съ ужимками кошки,

съ жестами священника, глаза закатываются, какъ у святой Терезы въ истерикѣ, елейная рѣчи и сальная кожа, губы, какъ гузка рождественскаго гуся. Онъ узнаетъ меня и двигается навстрѣчу протягивая свою жирную и мокрую лапу.

— Мой бывшій и дорогой конкурентъ...

Я закладываю руки за спину и отступаю, предоставляемъ другимъ задавать вопросы этой личности.

Какъ и Ферри, онъ что-то говоритъ въ отвѣтъ, что тоже явится, если такъ рѣшилъ его группа.

На лѣстница начинаютъ обсуждать мой отказъ отъ рукопожатія.

Милліеръ выходитъ изъ себя, напоминаетъ, что, какъ старшина, онъ обвиняетъ меня въ томъ, будто я наочно оскорблена изъ эгоизма, и заявляетъ, что не потерпить, чтобы слѣдующія посѣщенія нарушались подобными инцидентами.

— Теперь мы направляемся къ Тьери *), и онъ будетъ почтителенъ,—прибавляетъ онъ, глядя на меня.

— Вы будьте, чѣмъ вамъ угодно, но я желаю сохранить за собой свободу не дотрогиваться до руки врага.

— Вы прекрасно поступили!—одобряетъ меня молодежь.

Я поступилъ такъ, какъ мнѣ нравилось. Я ни за чѣмъ не признаю права распоряжаться моими рукопожатіями, будь человѣкъ хоть два раза „старшиной“.

Но совершенно не возможно не пожать лапы этому толстому весельчаку, съ бакенбардами цвѣта краснаго дерева, съ огромнымъ животомъ и громкимъ смѣхомъ, который хрипитъ мнѣ прямо въ уши, прежде чѣмъ я успѣль оскалить клыки:

— А! разноситель, какъ поживаете? Вы можете гордиться тѣмъ, какъ расчесали насъ въ вашей „Rue“! Да, здорово!

И похлопывая меня по тому мѣstu, гдѣ полагается имѣть животъ, спрашивается, что насъ привело къ нему.

— Ну, господа, чего же, наконецъ, желаетъ народъ? Ужъ не прислали ли онъ васъ за моей головой? Видите ли, у меня есть маленькая слабость—дорожить ею. Знаете... старая привычка...

Его слова и его фигура дышать добродушіемъ.

У этого пальцы не дрожать, а выбиваются на столѣ мо-

*) Извѣстный политический дѣятель и историкъ. Съ 1863 года былъ въ законодательномъ корпусѣ, занимая видное мѣсто въ рядахъ оппозиціи, и все время боролся противъ имперіи. Въ 1869 году былъ переизбранъ.

Прим. перев.

тивъ веселой шансонетки, а голова вертится на туловищѣ пингвина, какъ вертлявая колибри.

— Пойду ли я на манифестацію двадцать шестого?..

— Двое изъ вашихъ коллегъ уже согласились.

— Ну, на это мнѣ наплевать!

— Такъ вы не придете?

— Ни за что на свѣтѣ! Идти подставлять свою голову, не зная, чѣмъ все это кончится? Вы и не мечтайте объ этомъ, мой милый!

Онъ смеется, и нельзя удержаться, чтобы не смеяться съ нимъ вмѣстѣ, потому что этотъ, по крайней мѣрѣ, хоть не виляетъ.

— Если Белльвилль возьметъ верхъ, я прибѣгу! Но тащить его силкомъ, разыгрывать Брута... Нѣтъ, дѣти мои, это не по мнѣ! Я ни во что не въ путываюсь и ничего не обѣщаю! Нѣтъ!

И онъ щелкаетъ пальцами по зубамъ.

— По моему, вы всѣ славные ребята и достаточно убѣжденные, чтобы разбить свои башки объ стѣну. Я преклоняюсь предъ такими башками, но берегу свою... Да! разноситель, кстати. Словъ-то, что вы мнѣ приписали: „Манюель былъ героемъ, только онъ не былъ переизбранъ“, я не говорилъ, но собирался... Ну, до свиданія! Честное слово, можно подумать, что у васъ всѣхъ только и заботы, какъ бы поскорѣй отправиться на тотъ свѣтъ! А я держусь за жизнь обѣими руками: такой ужъ у меня испорченный вкусъ! Чортъ возьми, это и понятно: вонъ вы всѣ какіе кашеи безсмертные, а у меня сколько жиру!.. Осторожнѣй, здѣсь ступенька! Постойте: если васъ засадятъ, я притапшу вамъ сигаръ и бургонскаго. И какого еще!

Онъ наклоняется съ лѣстницы и посыпаетъ намъ всей пятерней сочный и звучный, многообѣщающій поцѣлуй.

Пеллетанъ. Голова апостола.

И онъ, на самомъ дѣлѣ, пророчествовалъ. Это—бородатый миссіонеръ-проповѣдникъ республиканской вѣры, онъ носить въ себѣ библію революції; у него волосы, взгляды и жесты капуцина, приверженца лиги.

Онъ заклиналъ, съ кропильницей Шабо *) въ рукахъ,

*) Дѣятель великой революції. Въ молодости былъ капуциномъ, сложилъ съ себя монашество и сталъ очень популярнымъ. Горячо поддерживалъ всѣ крайнія предложения. Въ марте 1794 г. комитетъ общественного спасенія обвинилъ его въ составленіи заговора, стремившагося „обезглавить и учинить народное представительство и разрушить путемъ продажности республиканское правительство“; 5 апрѣля 94 г. онъ былъ казненъ.

Пр. пер..

юньскихъ инсургентовъ и отлучилъ ихъ черезъ рѣшетку погреба Тюильри.

Онъ вполнѣ искренно—о, проницательный!—принялъ ихъ за нечестивцевъ и подкупленныхъ!

Что-то скажеть онъ?..

Сказалъ не особенно много... онъ посовѣтуетъ съ коллегами, и простеръ къ намъ свои мохнатыя руки, какъ бы благословляя.

— Аминь! протянулъ, гнусавя, Гумберть.

Нашъ обходъ конченъ.

А Гамбетта?

Гамбетта изобрѣль жабу, къ которой прибѣгаеть каждый разъ, когда кажется опаснымъ высказывать свое мнѣніе.

Но это уловка не для меня, я вижу этого кривляку насквозь... И смертельно рискують тѣ, кто насыщается надъ народомъ. Сначала у нихъ жаба такъ, въ шутку, а настанетъ день, когда имъ перерѣжутъ глотку въ сердце.

Жюль Фавръ *) разорвалъ наши требованія, не читая, и высокомѣрно скривилъ свои толстыя губы въ гримасу полнаго пренебреженія.

Видѣль ли Милліеръ Тьера? Не знаю. Во всякомъ случаѣ, если онъ его и встрѣтилъ, то окопачить ему его не удалось, уже это навѣрно!

Бансель **) былъ въ провинціи.

Явятся ли они?

Залъ Бѣтъ, бульваръ Клиши.

Они явились.

По дрожавшей лѣстницѣ они поднялись въ залу, освѣщенную коптившими лампами, установленную вмѣсто стульевъ старыми школьными скамьями.

Въ глубинѣ на эстрадѣ изъ выбѣленныхъ дубовыхъ досокъ стоялъ столъ и нѣсколько соломенныхъ табуретокъ.

Представители народа будутъ сидѣть тамъ, какъ на скамье подсудимыхъ. Съ этой трибуны, сколоченной на скорую руку, совѣсть предмѣстій произнесетъ свое обвиненіе.

*) Извѣстный адвокатъ и политический дѣятель. Выступалъ защитникомъ Орсии, покушавшагося на Наполеона. Въ этомъ же 1858 г. былъ избранъ въ законодательный корпусъ, гдѣ былъ однимъ изъ „пяти“ членовъ оппозиціи.
Пр. пер.

**) Въ 1848 г. былъ избранъ въ законодательное собрание и тамъ выказалъ себя ярымъ противникомъ Наполеоновской политики. Послѣ 1852 г. бѣжалъ. Въ 1869 г. былъ выбранъ 10.000 голосами въ депутаты отъ департ. Рона. Въ Палатѣ примкнулъ къ крайне лѣвой, выражая собой „непримиримую оппозицію и вѣчное возмездіе“.

Пр. пер.

ние голосомъ нѣсколькихъ выбитыхъ изъ строя, одѣтыхъ въ пиджаки или кофты, и будетъ поддерживать его передъ судомъ въ пятьсотъ или шестьсотъ человѣкъ. Приговоръ этого суда не будетъ имѣть законной силы, но отъ этого онъ не будетъ менѣе грозенъ для тѣхъ, кого онъ покараетъ: народъ заклеймить ихъ.

Я стою въ группѣ, гдѣ страстно говорять и жестикулируютъ.

Обсуждаютъ, кого бы предложить аудиторіи въ предсѣдатели.

Жерменъ Кассъ интригуетъ, умоляетъ, бѣгаеть взадъ и впередъ: ему очень хочется быть на виду.

Милліеръ надѣлъ свою самую широкополую шляпу, видѣ у него квакера. Съ напряженнымъ, горящимъ подъ очками взоромъ, съ сжатыми губами, съ лихорадочными жестами, онъ требуетъ себѣ отличія изъ уваженія къ его прошлому и къ его возрасту, и обѣщаетъ, давясь словами, быть Фуке *) Тенвилемъ вечера.

Рѣшено бросить въ толпу его имя. Объ этомъ сообщаютъ сидящимъ на крайнихъ скамьяхъ.

Одинъ только Кассъ недоволенъ и ворчитъ: онъ охотно бы вѣпился зубами въ икры Милліера, если бы только посмѣль!

Одинъ кузнецъ, услышавъ, какъ онъ рычитъ, пообѣщаТЬ погладить его противъ шерстки, и онъ стихъ и забился въ уголъ, съ злобно оскаленной пастью, по съ поджатымъ хвостомъ.

Вотъ они!

Ферри, Симонъ, Бансель, Пеллетанъ.

По рядамъ пробѣгаеть злобный шепотъ. Они должны были сразу догадаться, что находятся въ самомъ центрѣ вражескаго лагеря. Еле-еле сторонятся, чтобы пропустить ихъ.

Какъ далеки теперь отъ нихъ трубачи и офицеры, которые съ музыкой идутъ впереди предсѣдателя палаты, какое пространство отдѣляетъ ихъ отъ судебныхъ приставовъ въ черныхъ костюмахъ съ серебряной цѣпью!

Здѣсь только плохо одѣтые люди.

Депутаты Парижа могутъ замѣтить въ толпѣ тѣхъ соціалистовъ, которые уже начали борьбу на публичныхъ собрaniяхъ. Блѣдные и рѣшительные, они обдумываютъ обви-

*) Дѣятель великой революціи, безпринципный и мелочный, бывшій, по его собственнымъ словамъ, „топоромъ“, всегда находившимся къ услугамъ сильныхъ людей. Проявлялъ необычайную жестокость.

нительные пункты, которые сейчасъ произнесутъ отъ имени суверенного народа.

— Милльер! Милльер!

Онъ готовъ и ему остается сдѣлать только одинъ шагъ, чтобы занять мѣсто за зеленымъ столомъ.

— Вы будете говорить, Венгра?

— Нѣтъ!

Я не совсѣмъ увѣренъ въ себѣ. Да, кромѣ того, я не такъ хорошо знакомъ съ психологіей этого трибунала въ блузахъ, какъ тѣ, которые чуть ли не каждый вечеръ отправляются болтать съ нимъ въ новые клубы.

Если не скажутъ всего, что надо, я, можетъ быть, и рѣшусь. Но, вѣроятно, все будетъ сказано.

Я вижу это по блеску нѣкоторыхъ глазъ; чувствую по трепету, который пробѣгаешь по залѣ; читаю это даже на лицахъ самихъ обвиняемыхъ. Они серьезны и шепотомъ обмѣниваются тревожными замѣчаніями.

— Граждане, собраніе открыто!

Экзекуція сейчасъ начнется. Сгущай свой гнѣвъ, Бріознъ! Вооружись своимъ презрѣніемъ, Лефрансѣ! Дюкасъ, пропитай ядомъ свой языкъ!

XIV.

Бріознъ—Христосъ, только косой,—въ шляпѣ Варравы. Но онъ не покоряется, нѣтъ! Онъ вырываетъ копье изъ своего бока и, расцарапывая руки, ломаетъ терновыя вѣтви, что остались на его головѣ давнишняго мученика отъ той головы, которая носить имя Центральной тюрьмы. Онъ былъ приговоренъ на пять лѣтъ за принадлежность къ тайному обществу; его выпустили на нѣсколько мѣсяцевъ раньше, такъ какъ онъ сталъ харкать кровью. Бездѣ гроша въ карманѣ, вернулся онъ въ Парижъ и не могъ починить своихъ легкихъ, но революціонная душа крѣпко сидѣть въ его хрупкомъ тѣлѣ.

Проникновенный голосъ, звучащій изъ разбитаго сердца, какъ изъ надтреснутой віолончели. Трагическій жестъ: рука протянута къ небу точно для клятвы. Дрожь античной Пифіі, иногда потрясающая его тѣло съ ногъ до головы. Глаза—дыры, просверленныя ножомъ. Предъ ними разверзаются закоптѣлые потолки клубныхъ залъ, рушатся своды каѳедральныхъ соборовъ предъ восхищеннымъ взоромъ христіанскаго проповѣдника, и онъ устремляется прямо къ ясному небу.

Среди своихъ болѣзней и тюремныхъ заключеній, онъ нашелъ время для изученія великихъ книгъ, выжаль пѣннихъ весь сокъ и впиталъ въ себя самую эссеенцію.

Это укрѣпило его силы, какъ горячая кровь быка. Онъ живеть своей страстью, сердце служить поддержкой его груди. Изъ своей болѣзни онъ вынесъ даже цѣлую теорію; она дочь его страданій, хотя онъ того не сознаетъ, и въ его устахъ она наводить ужасъ: „Капиталъ умеръ бы, если бы каждое утро колеса его машинъ не подмазывались масломъ изъ человѣческой крови и пота. Эти желѣзныя и стальныя животныя нуждаются въ уходѣ и наблюденій рабочаго“.

Ему самому нуженъ уходъ за его бронхами, истекающими кровавымъ потомъ; а въ его разстроенный организмъ очень не мѣшало бы впустить нѣсколько капель масла, называемаго виномъ.

Но обѣ этомъ нечего и думать! Онъ едва-едва питается и пьетъ воду. Онъ брошюровщикъ, а это не даетъ много. Работа въ типографіи доканчиваетъ дѣло разрушенія: ядъ-илетъ на помошь голоду.

Но другой ядъ—дыханіе массы людей и тяжелыя испаренія, которыя поднимаются надъ толпой, сбитой въ слипкомъ тѣсномъ помѣщеніи, побѣждаетъ первый: клинъ выбивается клиномъ. Онъ схватываетъ тамъ лихорадку, а лихорадка его электризуетъ, поднимаетъ и уносить высоко.

Во всякомъ случаѣ, онъ возьметъ свое отъ жизни. Каждый вечеръ за три часа онъ переживаетъ больше, чѣмъ иные за цѣлые годы: его краснорѣчіе раздвигаетъ границы настоящаго. Въ своихъ мечтахъ онъ становится господиномъ будущаго. Едва живой, онъ бросаетъ здравое слово арміи рабочихъ съ косой саженью въ плечахъ, съ желѣзной грудью, совершенно растроганныхъ при видѣ этого пролетарія, запищающаго ихъ права цѣнной собственной жизни.

Брюзна всегда сопровождаетъ товарищъ, ниже его ростомъ, въ чистенькомъ пиджачкѣ, съ медленной походкой, съ головой, немного наклоненной набокъ, и съ зонтикомъ подъ мышкой.

Онъ очень похожъ на одного человѣка, который въ 1848 году, въ Нантѣ, глубоко поразилъ меня и привелъ въ восхищеніе отвагой своихъ рѣчей. За эту отвагу ему пришлось поплатиться своимъ скромнымъ заработкомъ. Его хозяева были оскорблены и напуганы вліяніемъ, какимъ онъ пользовался. Ему только что выдали разсчетъ, и онъ просто и величественно прощался съ народомъ:

— Я не могу больше оставаться среди васъ. Я несу крестъ всѣхъ голодныхъ. Я отправляюсь въ Парижъ, гдѣ

можетъ быть, мнѣ удастся продать свое время и трудъ за кусокъ хлѣба... Тамъ мнѣ, бѣдняку, также можетъ представиться случай отдать свою жизнь, если понадобится въ день возстанія заткнуть собой какую-нибудь брешь.

Черезъ нѣсколько времени стало извѣстно, что онъ прінесъ свой обѣщанный даръ. Его трупъ, пронизанный пулями, былъ поднятъ у подножья баррикады, ставшей трибуной этого соціалиста, тѣснаго голодомъ и нашедшаго исходъ въ смерти.

Желтое и задумчивое лицо Лефрансэ, съ глубокими и кроткими глазами, напоминаетъ этого человѣка. На первый взглядъ кажется, что это олицетворенная покорность, настоящій христіанинъ. Но поддергиваніе губъ выдаетъ въ немъ пылкость глубоко убѣжденаго человѣка, а голосъ, захватывающій и все покоряющій, говорить о возвышенной душѣ этого обладателя старого дождевого зонтика.

Горячая и вибрирующая рѣчь бѣть ключемъ въ порывѣ гнѣва. Но жесты у него просты и скромны, какъ костюмъ и шляпа, которые ничѣмъ не выдѣляютъ его изъ толпы. Его слова не горятъ, хотя и жгутъ.

Его голова мечтателя почти неподвижна на хиломъ туловищѣ, его старый кулакъ не потрясаетъ деревянной трибуны, и своимъ жестомъ онъ не пронаѣзжаетъ груди врага.

Онъ опирается на книгу, какъ въ то время, когда былъ надзирателемъ и наблюдалъ за классомъ.

Иногда даже, въ началѣ его рѣчи, можно подумать, что онъ даѣтъ урокъ съ линейкой въ рукахъ. Но вотъ онъ дошелъ до самой сути вопроса, забылъ свой магистерскій тонъ и начинаетъ вколачивать идеи, дымящеся подъ ударами высоко взлетающаго молота. Онъ вбиваетъ глубоко и прямо. Это самый грозный изъ трибуновъ, потому что онъ скроменъ, разсудителенъ и желченъ. Желчь народа, громадной толпы съ землистымъ лицомъ, вошла въ его кровь. Она окрашиваетъ въ желтый оттѣнокъ его округленныя фразы и придаетъ его импровизаціямъ звучность медалей изъ старого золота.

Страдая революціонной желтухой, этотъ адвокатъ истекающихъ кровью обладаетъ такой чувствительностью, точно съ тѣла его содрана кожа. Самъ раненый, онъ ранить другихъ, самъ того не желая. Онъ честенъ и мужественъ, и его жизнь такъ же громко говоритъ о его убѣжденіяхъ, какъ и его краснорѣчіе. Этотъ Лефрансэ лучшій ораторъ соціалистовъ.

Дюкассъ точно развѣжается весь въ разныя стороны. Онъ таращитъ свои круглые глаза; откидывается въ сто-

роны острые локти; разставляетъ заплетающіяся ноги и широко разъваетъ свой ротъ, прорѣзанный, какъ щель въ кружкѣ для сбора денегъ. Изъ этой щели выходить рѣзкій и пристуженный голосъ, который вамъ царапаетъ не только барабанную перепонку, но даже кожу.

— Ты похожъ на желтую кошку, которая с.... на горячие угли,—сказалъ ему Дакоста.

Онъ напоминаетъ также кошку, которая царапается когтями въ стекла комнаты, гдѣ, забытая, она просидѣла три дня и похудѣла отъ голода и бѣшенства.

У него лицо мальчика съ волосами морковнаго цвѣта, разыгрывающаго Марата, который съ миной ошеломленнаго Лассуша проповѣдуется гильотину, жестикулируетъ, какъ маріонетка, подражаетъ тону Грассо, говоря о „бесмертныхъ принципахъ“, и повторяетъ: *Gnouf! Gnouf!* между двумя тирадами о конвентѣ.

Сухъ, какъ палка; руки, какъ спички; бедра, какъ ветерена,—все какъ будто держится на тонкой желѣзной проволокѣ, а кривляется и трепчитъ, какъ цѣлая связка деревянныхъ паяцовъ у входа на базарь. Можно было умереть со смѣху, глядя, какъ онъ, съ шутовской важностью, возсѣдалъ за столикомъ кафѣ, установленнымъ пустыми стаканами изъ-подъ пива, которые онъ со смѣхомъ и угрозами успѣлъ отвоевать у буфетчика.

— Если ты надѣнешь крахмальный воротничекъ, я повяжу тебѣ пеньковый галстукъ. А если ты не принесешь еще двухъ полныхъ стакановъ для меня и для гражданина, то тебѣ въ ближайшемъ будущемъ перерѣжутъ глотку. Утоляй народную жажду, живо!

И бѣдный хозяинъ кофейни побѣжалъ со всѣхъ ногъ, инстинктивно прикрывая затылокъ рукой.

— *Gnouf! Gnouf!*

Но когда *Gnouf-Gnouf* появляется передъ народомъ, его голова напоминаетъ только-что отрубленную, говорящую голову. Онъ торжественно подымается по ступенькамъ эстрады, вращая зрачками и хмуря брови. Три клочка его шаффранной бороденки воинственно торчатъ впередъ. На немъ узенький пиджачишко, который, того гляди, проредитъ его острыя кости; панталоны, цвѣта жженаго трута, съ бахромками, треплются надъ женскими ботинками изъ сѣраго тика. Но его ножки-зародыши болтаются, и въ нихъ—такъ малы и сухи его пальцы!

Онъ прижимаетъ къ боку портфель, напоминающій портфель судебнаго пристава или учителя сельской школы. Черная кожа его отъ ветхости покрылась бѣлыми пятнами, но

народъ, тѣмъ не менѣе, относится къ этому портфелю съ большимъ уваженіемъ.

Такъ и кажется, что тамъ, внутри, лежать наказы революціи, постановленіе отдѣлаться отъ богачей, смертный приговоръ ростовщикамъ и афиша для наклейки на дверяхъ комитета общественнаго спасенія.

Изъ-за этого портфеля онъ прослылъ суровымъ труженикомъ, поглощеннымъ своей работой соціалистическаго бендинтина или методичнаго террориста. Поэтому, когда его маленькая фігурка появляется на трибунѣ, и онъ медленно, медленно раскрываетъ свой портфель, чтобы достать оттуда какую-нибудь замѣтку, и читаетъ ее такъ же, какъ ксендзъ стихъ изъ Евангелія, на который онъ собирается говорить поученіе,—тогда въ собраніи раздается: тс-ш-ш! Сморкаются, какъ передъ началомъ проповѣди, и люди, тяжелые на подъемъ, убѣжденные, „что все должно быть такъ же, какъ въ 1893 г.“, набожно слушаютъ его, косо поглядывая на сосѣдей, которыхъ они подозрѣваютъ въ приверженности къ новшествамъ.

— Этотъ не поколебался бы отдать приказъ рубить головы!..

Это сказано для меня, а я, повидимому, еще призадумался бы надъ этимъ. Въ залѣ Деснуайеръ за мной установилась репутація человѣка, который не поступалъ бы, какъ „наши отцы“, отступилъ бы передъ великими средствами и послѣ третьей головы отправилъ бы палача засунуть и выпить.

А Дюкассъ сдѣлалъ бы, „какъ наши отцы“, и, чтобы время не пропадало даромъ, онъ самъ бы принесъ завтракъ на эшафотъ.

— Да, граждане, я, на самомъ дѣлѣ, исполню свой гражданскій долгъ и сочту себя достойнымъ великаго званія революціонера только въ тотъ день, когда собственной рукой заставлю какого-нибудь аристократа сдѣлать „куикъ!“

И онъ издастъ это „куикъ“ сначала съ жестомъ насыщенника-полишинеля: народу нравятся дерзкія и смѣшныя гри-масы; затѣмъ повторяетъ то же движеніе, съ величиемъ убійцы Стюарта или Капета, который обнажаетъ свою шпагу и опускаетъ ее на королевскую шею., и голова, дотолѣ неприкосновенная и священная, падаетъ на землю.

Его рѣчи лижутъ острѣ гильотины, и онъ точить ея ножъ оселкомъ своего кроваваго и смѣлаго краснорѣчія. Какъ обезьяна, цѣпляющаця хвостомъ за веревку колокола, онъ хватается, смѣясь, за веревку палача.

11 часовъ вечера. Да, конечно,—сказано все, что нужно

было сказать! Я почувствовалъ, что существуетъ цѣлая партія, еще неизвѣстная,—подкопъ подъ буржуазную республику. Подъ закоптѣлымъ потолкомъ вспыхнули неизгладимыя слова, какъ изломы молніи въ небесахъ, готовыхъ распасться.

Депутаты города Парижа вышли изъ залы подавленными и униженными, блѣднѣя передъ агоніей своей популярности.

(Продолженіе следуетъ).

Очерки быта и нуждъ желѣзнодорожныхъ служащихъ.

„Прямо дороженька: насыпи узкія,
Столбики, рельсы, мосты,
А по бокамъ-то все косточки русскія.
Сколько ихъ! Ваничка, знаешь ли ты?“

V.

На станціі главная работа лежить на «дежурномъ по станціі», являющемся душою всего дѣла. Въ помощь ему даются агенты различныхъ наименованій и службъ, работающіе подъ его надзоромъ, руководствомъ и отвѣтственностью. Дежурный по станціи долженъ по минутамъ разсчитать работу всей своей команды, онъ долженъ побывать во всѣхъ концахъ и паркахъ станціи, наблюсти за точнымъ и своевременнымъ исполненіемъ его распоряженій и помочь каждому неуспѣвающему въ работе, ибо онъ является отвѣтственнымъ за благополучный и успѣшный ходъ дѣла.

Дежурный долженъ быть у всѣхъ прибывающихъ и отправляющихся поѣздовъ, онъ долженъ вести различные технические и телеграфные журналы, продавать билеты, вести кассовые отчеты, вести переписку съ управлѣніемъ и другими службами. Трудно сказать, гдѣ легче живется служащимъ, на маленькихъ или большихъ станціяхъ. На маленькихъ станціяхъ дежурный по станціи работаетъ на аппаратѣ за телеграфиста. Случается, особенно помощникамъ, подъ рядъ дежурить всѣ ночи. Приходится самому и поѣзда принимать, и давать прибытие, дѣлать запросъ о томъ, можно ли отправить поѣздъ на соседнюю станцію. Есть свободная минута, нужно коммерческий отчетъ составить. Потомъ нужно пройтись стрѣлочниковъ, посмотретьъ, не спять ли, и это ночью во всякую погоду. На большихъ станціяхъ больше народа, больше шума, но и больше постоянной спѣшной, нервной работы. Дежурному подчасъ приходится самому и на маневрахъ работать, самому и грузы караулить, и ловить воровъ товаровъ.

И при такихъ-то условіяхъ работы имъ назначалось 24-часовое дежурство.

Сентябрь. Отдѣлъ II.

По отношению къ продолжительности времени дежурствъ начальниковъ станцій и ихъ помощниковъ существуетъ полное разнообразіе. Можно составить 12 типовыхъ группъ, гдѣ, въ зависимости отъ числа служащихъ лицъ на станціи и отъ интенсивности ея работы, складывается та или иная форма дежурства. I-й типъ (телеграфъ отдѣленъ). Штатъ состоять изъ начальника станціи и 3 помощниковъ. Начальникъ станціи по движенію не дежурить, помощники дежурятъ по 12 часовъ, съ 24-час. отдыхомъ послѣ дежурства. II типъ (телеграфъ отдѣленъ). Штатъ — начальникъ станціи и два помощника. Начальникъ станціи дежурить по движенію ежедневно 4 часа, отъ 6 до 10 час. вечера. Помощники дежурятъ поочередно, по 24 часа, съ перерывомъ въ 4 час. III типъ (телеграфъ отдѣленъ). Штатъ — начальникъ станціи и одинъ помощникъ. Начальникъ станціи и помощникъ дежурять посуготочно, при чемъ ежедневно на 4 часа, отъ 6 до 10 час. вечера, дежурный агентъ замѣняется недежурнымъ. IV типъ. Штатъ — начальникъ станціи и одинъ помощникъ. Начальникъ станціи и помощникъ дежурятъ поочередно, по 12 час., одинъ отъ 9 ч. утра до 9 ч. вечера (т. е. всегда днемъ), другой отъ 9 вечера до 9 час. утра (т. е. всегда ночью), причемъ одинъ разъ въ двѣ недѣли помощникъ освобождается отъ очередного дежурства, получая 24-часовой отдыхъ и замѣняется начальникомъ станціи, который въ этомъ случаѣ дежурить 24 часа, слѣдующее же очередное дежурство начальника станціи замѣняется дежурствомъ запасного агента. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ группъ, когда телеграфъ соединенъ съ движениемъ. Въ зависимости отъ числа служащихъ лицъ создается тотъ или иной порядокъ дежурствъ. Приводить ихъ всѣхъ не будемъ—первые 4 группы даютъ достаточное представление о продолжительности работы.

Наиболѣе совершенный и желательный для служащихъ типъ дежурствъ это трехсмѣнныій; напримѣръ, на ст. Авдѣевка (Екатерининской жѣлѣзной дороги) съ вступлениемъ каждого очередного дежурного по станціи на дежурство съ нимъ же вступаетъ весь штатъ, т. е. конторщики, стрѣлочники, составители и т. д. и, проработавъ 12 часовъ, отыдаются 24 часа и, тѣмъ не менѣе, люди послѣ дежурства уходятъ страшно усталые, разбитые—совершенно безъ ногъ. Тяжелѣе всего составителямъ и спѣшикамъ. Помощники начальниковъ станцій на большихъ техническихъ станціяхъ (т. е. такихъ станціяхъ, гдѣ производится сортировка поѣздовъ, но неѣтъ отправки мѣстныхъ грузовъ), кроме своего жалованья, 50 р. въ мѣсяцъ, и квартиры, ничего не получаютъ. Рядомъ же съ этимъ, даже на маленькихъ станціяхъ, гдѣ работы по существу меньшѣ, но гдѣ есть отправка мѣстныхъ грузовъ, движенцы получаютъ премію и сравнительно значительную; такъ, напримѣръ, помощникъ начальника станціи при 50 руб. жалованья получаетъ около 10 руб. въ мѣсяцъ преміи. Что касается жалованья

начальника станціи, то оно очень неравномѣрно сравнительно съ жалованьемъ даже старшаго помощника, который по существу работаетъ больше самого начальника станціи и несетъ такую же отвѣтственность, какъ и послѣдній. Такъ, напримѣръ, на той же Авдѣевкѣ начальникъ станціи получалъ 2100 рубл. и квартиру, старшій же помощникъ—онъ же и замѣститель, только 900 руб. и квартиру. Конторщики, технические и коммерческие, получаютъ отъ 25 рубл. до 40 рубл. и квартиру. Особенно тяжело техническимъ конторщикамъ при большомъ товарномъ движениі: имъ приходится списывать съ натуры всѣ номера вагоновъ. Длина товарнаго поѣзда около 150 саж., значитъ обойдя съ двухъ сторонъ, нужно сдѣлать 300 саж., т. е. больше полуверсты. Номера вагоновъ всегда шестизначные. Первые три цифры обозначаютъ опредѣленную дорогу-собственницу, остальные же—порядковый номеръ вагона. Казалось бы, проще ужъ присвоить опредѣленный знакъ каждой дорогѣ, чтобы, такимъ образомъ, уменьшить число цифръ, что очень бы облегчило трудъ ихъ списыванія и затѣмъ свѣрки.

Отъ составителей и сѣѣпщиковъ вагоновъ, въ виду ихъ, въ большинствѣ случаевъ, торопливой, недопускающей полной осторожности работы, при которой единственная гарантія за безопасность личную—быстрота тѣлодвиженій, а передвигаемаго подвижного состава—зоркій глазъ, нельзя требовать болѣе 8 часовъ непрерывной работы. Зимой въ гололедицу, особенно ночью, работа сѣѣпщика, одѣтаго въ длинный кожухъ, становится еще болѣе опасной. Недостаточное освѣщеніе путей во время маневровъ, въ свою очередь, увеличиваетъ опасность.

Составители и сѣѣпщики на станціяхъ, наиболѣе дѣятельныхъ въ отношеніи количества маневровъ, дежурятъ въ 3 сѣѣны по 12 часовъ, съ отдыхомъ въ 24 часа послѣ дежурствъ. Фактическая работа составителей и сѣѣпщиковъ зависитъ отъ передвиженія маневрирующихъ паровозовъ. Фактическій часъ передвиженія ихъ, т. е. пробѣгъ, говоритъ инженеръ Н. С. Островскій, не долженъ превосходить 5 верстъ. Отсюда, при восьмичасовой работѣ, на каждую бригаду составителей и сѣѣпщиковъ не должно падать больше 40 верстъ. Въ дѣйствительности же приходится большее число часовъ работы и въ большемъ количествѣ верстъ пробѣга маневроваго паровоза. На станціяхъ съ малымъ количествомъ маневровъ дежурять по 16 часовъ. Сѣѣпщики получаютъ отъ 25 до 30 рубл. и обязательную квартиру. Составители—35, 40 и старшіе составители—50 рубл. при казенной квартирѣ.

Каждому стрѣлочнику поручается отъ 2 до 7 стрѣлокъ, въ зависимости отъ важности работы; надъ группами въ 6 человѣкъ стрѣлочниковъ назначается старшій стрѣлочникъ, который слѣдить за правильностью дѣла. Работа стрѣлочника требуетъ вниманія и бодрости. Размѣръ квартиры стрѣлочника—около 6 кв. саж. Въ такомъ помѣщеніи юится часто семья въ 6 человѣкъ. Какъ

однако, ни тесна казенная квартира, всетаки стрѣлочники съ нетерпѣніемъ ждутъ возможности пользоваться ею, чтобы избавиться отъ утомительныхъ передвиженій. Разъ стрѣлочникъ не живеть на станціи, это лишаетъ его возможности питаться горячею пищею. Если деревушка расположена не дальше версты, тогда еще кто-нибудь изъ домашнихъ можетъ приносить пищу, если, конечно, нѣть распутицы—иначе приходится питаться въ сухомятку. Старшіе стрѣлочники дежурять на болѣе дѣятельныхъ станціяхъ въ 3 смѣны по 12 часовъ съ 24-часовыи отдыходомъ, а на малодѣятельныхъ—въ 2 смѣны по 24 часа съ такимъ же отдыходомъ послѣ дежурства. Стрѣлочники при централизованныхъ стрѣлкахъ дежурять въ 3 смѣны по 8 и 12 часовъ съ отдыходомъ послѣ дежурства 16 и 24 часовъ. Рядовые стрѣлочники дежурять, смотря по дѣятельности обслуживаемыхъ ими стрѣлокъ, или въ 3, или въ 2 смѣны.

Всѣ вышеуказанныи нормы дежурствъ еще ухудшаются тѣмъ, что большинство агентовъ не живеть на станціяхъ и, значитъ, тратить время и силу на ходьбу. Стрѣлочники, сторожа, кроме своихъ служебныхъ обязанностей, исполняютъ дѣла, ничего общаго со службою не имѣющія, при чемъ родъ этихъ занятій зависить отъ склонностей и темперамента начальства. Есть у начальства задатки къ огородничеству, раздаются крики: «Эй, Иванъ, не видишь, куры въ палисаднике?» Любить начальникъ станціи лошадей—Иванъ въ свободное отъ занятій время превращается въ конюха. Жалованье стрѣлочники получаютъ 18 р. и 20 рубл. при казенной квартирѣ, проводникъ паровозовъ— $22\frac{1}{2}$ рубл.

Служба телеграфа обставлена еще хуже движенія. Ученикъ телеграфа, правда, мальчикъ, получаетъ 10 рубл. и квартиру—общую комнату для нѣсколькихъ такихъ же, какъ и онъ. Въ виду полнаго отсутствія надзора, комната и вся обстановка—верхъ неряшлиности. По мѣсяцамъ не мѣняется бѣлье на постеляхъ, по недѣлямъ не метутъ комнаты, съ трудомъ можно добиться, чтобы какой-нибудь сторожъ принесъ ведро воды для умыванья. Часто телеграфисты не имѣютъ даже собственной постели, а спать на постеляхъ тѣхъ, кто дежурить.

Тѣмъ не менѣе ихъ заставляютъ работать и работать напряженно.

Особенно трудно работать зимой въ ночное время, когда лампы даютъ одностороннее нагреваніе. Въ такихъ случаяхъ всегда телеграфисты жалуются на головные боли, которые объясняются тѣмъ, что приходится не только дышать испорченнымъ воздухомъ, но и все время напряженно слѣдить за оттисками точекъ и черточекъ на лентѣ. Кромѣ того, нельзя упускать изъ виду и утомляющаго дѣйствія, которое должно производить на нервную систему однообразное постукиваніе аппарата.

Типы дежурствъ и отдыха телеграфистовъ также разнообразны, какъ и типы дежурствъ движенцевъ, что зависитъ и отъ того,

что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ функции движенца слиты съ функциями телеграфиста. Наиболѣе характерное и, пожалуй, наиболѣе желательное—трехсмѣнное—примѣняется: а) на большихъ станціяхъ, гдѣ нѣть достаточнаго числа квартиръ, и телеграфисты часть свободного времени отъ дежурства употребляютъ на проходъ отъ станціи и обратно; б) на всѣхъ малыхъ станціяхъ, гдѣ имѣется раздѣленіе круговъ дѣйствія и гдѣ одинъ телеграфистъ обслуживаетъ два поѣздныхъ аппарата. На большихъ станціяхъ, гдѣ, кромѣ поѣздныхъ аппаратовъ, имѣются аппараты на прямыхъ и циркулярныхъ проводахъ, принято дежурство между двухсмѣннымъ и трехсмѣннымъ, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы на поѣздномъ аппаратѣ дежурилъ телеграфистъ, имѣвшій 24-часовой отдыхъ, что необходимо для безопасности движения поѣздовъ.

На небольшихъ станціяхъ, или на боковыхъ вѣтвяхъ, гдѣ телеграфъ обслуживается агентомъ движения, принято двухсмѣнное 12-часовое дежурство, но для облегченія такого дежурства съ ближайшей большой станціи, гдѣ имѣются кандидаты (ученики) телеграфистовъ, высылается на третью или четвертую сутки кандидатъ, который, вступая въ дежурство на 12 часовъ, даетъ возможность черезъ каждые 3—4 дня каждому телеграфисту имѣть 24-часовой отдыхъ, а телеграфисту, который дежурилъ 3 или 4 ночи подъ рядъ, перейти на дневное дежурство. Смѣна дежурныхъ телеграфистовъ производится большою частью въ 9 час. утра и въ 9 час. вечера и, какъ исключеніе, тамъ гдѣ имѣются общественные квартиры, смѣна происходитъ въ 3 часа дня и въ 3 часа ночи, въ городахъ же въ 7 час. утра и въ 7 часовъ вечера.

Оклады телеграфистовъ колеблются отъ 30 до 60 р. въ зависимости отъ различныхъ условій. Даже на казенныхъ дорогахъ нѣть однообразныхъ установленій, а многое зависитъ отъ усмотрѣнія или же отъ того, какіе кредиты отпущены на данную дорогу.

Обязанности кондукторовъ чрезвычайно хлопотливы и сложны. Кондуктора пассажирскихъ поѣздовъ обставлены значительно лучше. Что же касается до работы кондукторовъ товарныхъ поѣздовъ, то имъ гораздо тяжелѣ.

До отхода поѣзда главный кондукторъ долженъ списать номера всѣхъ вагоновъ и указать каждому изъ своихъ подчиненныхъ мѣсто. Затѣмъ онъ получаетъ документы и свѣряеть ихъ съ поѣзднымъ журналомъ. Кондукторъ осматриваетъ пломбы, принимаетъ документы отъ конторщика для передачи ихъ главному кондуктору. Смазчики получаютъ смазочный материалъ; одинъ изъ нихъ смазываетъ всѣ оси въ поѣздѣ, другой получаетъ поѣздные сигналы и несетъ ихъ въ конецъ поѣзда, гдѣ вѣшаютъ ихъ и, если вечеръ, то зажигаютъ. Тормазильщики при составленіи поѣздовъ скрѣпляютъ вагоны. Для исполненія всѣхъ этихъ работъ бригада должна придти за часъ до отхода поѣзда, а при большихъ составахъ, свыше 100 осей, и этого времени не достаточно.

Если поездъ такъ называемый «транзитный», т. е. въ цѣломъ составъ проходить всю дорогу, дѣло проще, но чаще бываетъ, что на различныхъ станціяхъ приходится оставлять два, три вагона, значитъ нужно ихъ «выбрасывать» изъ состава поѣзда, при чемъ нужно подобрать и сдать соотвѣтственные документы. На нѣкоторыхъ же станціяхъ нужно, наоборотъ, взять вагоны и указать мѣсто ихъ въ поѣздѣ, въ зависимости отъ станціи назначенія, при чемъ кондукторъ, какъ и на станціи отправленія, списываетъ номера прицепленныхъ вагоновъ, получаетъ дорожные документы въ товарной конторѣ и провѣряетъ ихъ вмѣстѣ съ главнымъ кондукторомъ. Смазчикъ осматриваетъ буксы и приготавляетъ къ пути вновь поставленные вагоны; къ его же обязанности относится провѣрка во время стоянки цѣлости поѣзда, и онъ же долженъ особенно слѣдить за тѣмъ, не грѣется ли какая-нибудь изъ осей. Хвостовой смазчикъ въ концѣ поѣзда неотлучно находится при тормазѣ. Вагоны прицепляются обыкновенно въ головѣ поѣзда и отъ сильныхъ толчковъ послѣдніе вагоны могли бы уйти со станціи. Кромѣ того, тормазильщики на промежуточныхъ станціяхъ обходятъ свои вагоны и смотрятъ, цѣлы ли пломбы, упряженіе и сдѣланные приборы.

По прибытии поѣзда на конечную станцію, главный кондукторъ докладываетъ дежурному по станціи о благополучномъ прибытии поѣзда, сдаетъ поѣздной журналъ и ждетъ провѣрки поѣзда конторщиками. Если обнаруживается неисправность, то объясняется происхожденіе ея. Въ то же время кондукторъ сдаетъ документы товарной конторѣ; одинъ смазчикъ и тормазильщики ожидаютъ конца фактическаго осмотра поѣзда; второй снимаетъ сигналы и сдаетъ ихъ станціи. Это занимаетъ $1\frac{1}{2}$ —2 часа. Бригады обыкновенно циркулируютъ между двумя станціями съ продолжительностью хода около 15 часовъ; если къ этому времени прибавить три часа, нужные на приемъ и сдачу поѣзда, то окажется, что въ идеальномъ случаѣ, т. е. когда нѣтъ опаздыванія товарного поѣзда, работа бригады—18 часовъ. Но много ли есть такихъ дорогъ, где товарные поѣзда не опаздывали бы? По прибытии на конечную станцію бригадѣ полагается, по министерскимъ правиламъ, 8 часовъ отдыха. Въ дѣйствительности же бригада имѣеть 3—2 часа отдыха, а бываетъ и такъ, что, сдавъ одинъ поѣздъ, бригада принимаетъ другой и отправляется въ обратный путь и только послѣ 40 часовъ напряженной работы получаетъ 12 и рѣдко 24 часа отдыха. Поѣздная прислуга пассажирскихъ поѣздовъ находится въ гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ—слѣдованіе пассажирскихъ поѣздовъ болѣе правильно, хотя, конечно, постоянная ходьба по вагонамъ, размѣщеніе пассажировъ, исполненіе различныхъ обязанностей по сопровожденію поѣзда, особенно въ ночное время, сильно утомляетъ людей. Время отдыха для поѣздныхъ пассажирскихъ бригадъ слѣдуетъ также считать недостаточнымъ,

всѣдствіе чего жизнь этихъ людей проходитъ въ постоянномъ безпокойствѣ, въ постоянной торопливости; постоянное выбѣганіе изъ вагоновъ сильно вредить здоровью. Въ товарныхъ поѣздахъ только въ послѣднее время начали ставить теплушки для людей, чтобы хоть немного дать поочереди отогрѣться людямъ. Въ тормазныхъ будкахъ или на тормазныхъ площадкахъ отъ дождя и снѣга тѣло костенѣтъ и очень часто замерзаетъ одежда. За то въ служебномъ помѣщеніи жара отъ желѣзной печи, иногда невозможная, а сквозь стѣники вагона дуетъ холодный вѣтеръ. Лѣтомъ въ служебномъ помѣщеніи тѣсно, грязно, душно, а откроешь окно — пыль, искры. Поѣзднымъ бригадамъ трудно даже толкомъ поѣсть. Разъ большая стоянка — много и работы; выкидка или прицѣпка вагоновъ, вообще люди заняты, а тамъ, смотришь, застряли на маленькой станціи, гдѣ и купить-то ничего нельзя. Нѣкоторыя казенные дороги, вообще болѣе отзывчивыя къ нуждамъ служащихъ, чѣмъ частныя, открыли рядъ столовыхъ для низшихъ служащихъ на большихъ узловыхъ станціяхъ, но это встрѣчается только на немногихъ линіяхъ. По большей части бригады берутъ съ собою въ дорогу съѣстные припасы, чтобы въ свободную минуту, часто во время хода поѣзда, какъ-нибудь поѣсть, ибо хотя въ желѣзнодорожныхъ буфетахъ и готовить пищу для бригадъ, но она стоитъ дороже и всегда хуже домашней. Затѣмъ, такъ какъ бригады прибываютъ на одну и ту же станцію въ различное время, то вопросъ о буфетной пицѣ очень усложняется.

На Западѣ давно уже додумались до того простого положенія, что сытый и сильный рабочій болѣе полезенъ, нежели голодный и слабый и, благодаря этому, тамъ дѣло снабженія пищей и питьемъ служащихъ широко развито. Докторъ Рыбницкій говоритъ, что, на основаніи собранныхъ имъ статистическихъ свѣдѣній, у насъ иногда въ теченіе года, по болѣзни или всѣдствіе несчастныхъ случаевъ, отсутствуетъ до 70% служебного персонала. «Если не говорить о человѣколюбії, а даже взглянуть на дѣло съ финансовой стороны, то и въ этомъ отношеніи наличіе 70% больныхъ изъ поѣздного персонала въ теченіе круглого года должно было бы обратить вниманіе, насколько большой % отсутствующихъ по болѣзни вліяетъ на уменьшеніе дохода дороги.»

Нельзя не признать, говорить далѣе докторъ Рыбницкій, что и дѣло устройства служебныхъ помѣщеній для поѣздныхъ бригадъ поставлено гораздо хуже на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, чѣмъ на Западѣ Европы, хотя климатическая условія наши гораздо хуже, что естественно отражается на % отношеніи заболеваній поѣздной прислуги.

З-й совѣщательный съездъ желѣзнодорожныхъ врачей, по докладу доктора Рыбницкаго, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Кондукторскія бригады работаютъ фактически гораздо больше, чѣмъ назначено графиками, такъ какъ онѣ обязаны являться къ

приему поезда за $1\frac{1}{2}$ часа и столько же времени должны тратить на сдачу поезда, въ зависимости отъ чего время безпрерывной работы занимаетъ у нихъ отъ 19 до 22 час. въ сутки, а въ некоторыхъ случаяхъ и еще больше.

2) Принимая во внимание, что поездная прислуга проводить въ служебныхъ помѣщеніяхъ и тормазныхъ будкахъ около половины своей жизни, помѣщенія для нея въ поездахъ должны быть рассматриваемы не какъ случайные пристанища, а, скорѣе, какъ служебныя квартиры, а потому они должны быть снабжены всѣмъ тѣмъ, чего требуютъ основныя правила гигиены, и должны въ то же время гарантировать безопасность поездной прислуги.

3) Всякія помѣщенія въ вагонахъ, предназначенныхъ для поездной прислуги, должны быть одинаковы, какъ въ пассажирскихъ, такъ и товарныхъ поездахъ, и устройство ихъ должно обеспечивать поездной прислугѣ возможность удовлетворять всѣмъ необходимымъ потребностямъ, что особенно важно для бригадъ товарныхъ поездовъ, такъ какъ эти послѣднія проводятъ значительно больше времени въ пути, подвергаясь всѣмъ неблагопріятнымъ внѣшнимъ атмосфернымъ вліяніямъ.

4) Ни въ какомъ случаѣ нельзя одобрить наблюдающуюся въ послѣднее время наклонность устраниять съ тормазныхъ площадокъ скамейки для сидѣнья и будки для защиты отъ непогоды, такъ какъ лишеніе этихъ приспособленій приведетъ къ усиленію заботливости и къ еще большему переутомленію поездной прислуги, не достигая въ то же время желаемыхъ результатовъ, ибо продолжительное, постоянное пребываніе на ногахъ безъ возможности хотя бы кратковременного отдыха, физически неисполнимо.

VI.

Третій классъ служащихъ это — машинисты, слесаря, мастеровые. При одномъ упоминаніи о нихъ нерѣдко раздаются лицемѣрные возгласы: «Помилуйте, сколько они зарабатываютъ! Да это не житье, а рай! Какъ о нихъ заботятся! У нихъ есть комнаты дежурныхъ, гдѣ можно всегда отдохнуть. Нормы труда урегулированы. Разъ машинистъ чувствуетъ себя усталымъ, онъ можетъ отказаться отъ поѣзда!»

Присмотримся же поближе къ работѣ машиниста и къ тому, какъ урегулированы нормы его труда.

Каждая поѣзда на паровозѣ причиняетъ новичку ускореніе пульса и дыханія, боль въ колѣнахъ и икрахъ и уже черезъ 1—2 часа Ѣзды — общее утомленіе и сильнѣйшую жажду. Паровозъ, — эта огромная движущаяся масса, — работаетъ совсѣмъ не такъ плавно, какъ кажется: онъ буквально бросается изъ стороны въ сторону, галопируетъ, весь дрожитъ, и непривычному человѣку нужно

за что-нибудь крѣпко держаться. А тутъ во время самой ъезды приходится все время постоянно работать. Нужно не только работать по обслуживанію самого паровоза, тошить его, снабжать водой, но нужно также внимательно слѣдить за профилемъ пути и вести работу такъ, чтобы при подходѣ къ большому подъему имѣлось достаточное количество паровъ, иначе нельзя будетъ вѣхать на подъемъ. Конечно, люди скоро привыкаютъ къ условіямъ ъезды и современемъ только слабо ощущаютъ описанныя явленія или даже совсѣмъ перестаютъ ощущать ихъ. Однако, докторъ Дюшенъ утверждаетъ, что машинисты и кочегары, кромѣ легочныхъ и ревматическихъ заболеваній, послѣ 15—20 лѣтней службы страдаютъ сильнымъ разстройствомъ центральной нервной системы, особенно спинного мозга, вызываемымъ постояннымъ стояніемъ и сотрясеніемъ во время ъезды.

Въ былое время, при всѣхъ законодательныхъ работахъ въ вопросахъ регулированія условія труда, перевозочныхъ предприятія обыкновенно были изъяты изъ запрещеній и ограниченій отдыха. Капигалисты, всегда протестуя противъ мѣропріятій, вводимыхъ государствомъ въ интересахъ рабочихъ, выставляли такое положеніе, что увеличеніе издержекъ производства ослабить конкурирующую силу отечественной промышленности на міровомъ рынкѣ. Естественно, что у передовыхъ экономистовъ явились идеи о создании международныхъ законовъ по охранѣ труда, имѣющихъ цѣлью, независимо отъ подданства и территоріи, отстаивать интересы рабочихъ.

Починъ въ этомъ дѣлѣ былъ сдѣланъ Германіей, созвавшей въ февралѣ 1890 года международную конференцію для изученія рабочаго вопроса. Конференція не выработала какого нибудь определенного международного акта. Тѣмъ не менѣе, значеніе этой конференціи весьма важно и можетъ быть охарактеризовано двумя положеніями:

1) Берлинская конференція открыто признала банкротство господствовавшей до того въ Европѣ почти весь XIX вѣкъ системы свободной конкуренціи и необходимость болѣе энергичнаго, чѣмъ было до сихъ поръ, вмѣшательства государства въ борьбу между капиталомъ и трудомъ въ интересахъ послѣдняго.

2) Берлинской конференціей положены починъ новой отрасли законодательства: международному рабочему законодательству. Предположенное конференціей международное соглашеніе и регулированіе охраны труда рабочихъ поведетъ къ новому устройству хозяйственнаго организма европейскихъ государствъ.

Когда нѣсколько лѣтъ спустя въ рейхстагѣ обсуждались законы объ отдыхѣ, нормировка рабочаго дня была распространена и на желѣзнодорожниковъ и даже была сдѣлана попытка урегулировать воскресный отдыхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ для всѣхъ германскихъ дорогъ. Именно, въ своей резолюціи рейхстагъ просилъ

имперского канцлера: 1) вступить въ переговоры съ союзными правительствами о томъ, нельзя ли предоставить желѣзнодорожнымъ служащимъ необходимый воскресный отдыхъ, и 2) въ особенности повліять на то, чтобы товарное желѣзнодорожное движение по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ было по возможности ограничено.

Нужно сказать, что съ 1893 года въ товарномъ движениі на прусскихъ государственныхъ желѣзныхъ дорогахъ былъ введенъ воскресный отдыхъ.

Вслѣдствіе пожеланія, высказанного рейхстагомъ, имперское управление желѣзнодорожныхъ дѣлъ вступило въ переговоры съ представителями союзныхъ правительствъ о введениіи воскреснаго отдыха при товарномъ движениі на всѣхъ германскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Результаты этихъ совѣщаній представлены въ выработанныхъ на Берлинской конференціи 8 мая 1894 года «Основныхъ положеніяхъ для введенія воскреснаго отдыха въ товарномъ движениі на германскихъ желѣзныхъ дорогахъ».

Сообразно съ этими положеніями, въ томъ же году состоялось соглашеніе между Баварскимъ, Вюртембергскимъ, Баденскимъ, Эльзасъ-Лотарингскимъ и другими управлѣніями дорогъ о введеніи воскреснаго отдыха.

Главныя положенія этого соглашенія слѣдующія: желѣзнодорожное товарное движение по воскресеньямъ слѣдуетъ сокращать, поскольку это возможно. Дозволяется пускать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ отдельные товарные поѣзда, если это потребуется особыми нуждами движенія или конкуренцію съ заграничными государствами. Товары, которые по особымъ хозяйственнымъ соображеніямъ не допускаются промедленія въ отправкѣ (легко портящіеся), должны правильно отправляться и по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Воскреснымъ и праздничнымъ днемъ считаются время отъ полуночи до полуночи; однако, признается достаточнымъ и такой порядокъ, при которомъ соблюдается полный покой съ 4 часовъ утра до 8 часовъ вечера; первые же утренніе и послѣдніе вечерніе часы назначаются для перехода отъ службы къ отдыху и обратно. Чтобы дать возможность поѣздной прислугѣ провести свой отдыхъ дома, ее обязаны довезти до мѣста жительства.

Чрезвычайно интересна постановка вопроса объ отдыхѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ въ Англіи, въ этой классической странѣ частнаго желѣзнодорожного хозяйства, странѣ экономической свободы, странѣ, создавшей ученіе манчестерской школы о полномъ невмѣшательствѣ государства въ условія договора найма между предпринимателями и ищущими труда.

При решеніи этого вопроса пришлось имѣть дѣло съ крупными желѣзнодорожными компаніями и предпріятіями; поэтому въ своемъ предложеніи парламентская комиссія не требовала ограниченія

рабочаго дня ни для всѣхъ служащихъ, ни для извѣстныхъ катерой; она установила лишь слѣдующій порядокъ: министерство торговли (Board of Trade) имѣть право принимать жалобы отъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и разбирать ихъ. Если министерство найдеть, что рабочій день слишкомъ продолжителенъ, либо перерывы для отдыха слишкомъ коротки, или неудобно расположены, оно должно заставить желѣзнодорожное общество установить такое расписание службы, въ которомъ были бы устраниены основанія къ жалобамъ, безъ ущерба для интересовъ движения и рабочихъ. Если желѣзнодорожное общество не исполнить этого требованія, или если одобренное министерствомъ расписание не станетъ соблюдаться, то министерство должно заявить объ этомъ административному суду (Railway and Canal Commissioners), рѣшеніе котораго должно быть исполнено обществомъ подъ страхомъ штрафа въ 100 фунт. стерлинговъ за каждый просроченный день.

Имѣющіеся за нѣсколько лѣтъ отчеты объ исполненіи этого закона свидѣтельствуютъ о большомъ его успѣхѣ. Министерство старалось по возможности обойтись безъ суда. Случай непомѣрной продолжительности рабочаго дня, встрѣчавшіеся въ первый годъ, уже ко второму году были устраниены; максимальный рабочій день, гдѣ либо встрѣчающейся -- 12-часовой.

Въ Швейцаріи товарное движеніе по воскресеньямъ не только воспрещено, но законъ требуетъ, чтобы графики оборотовъ были такъ распределены, чтобы служащіе во время дней отдыха были бы непремѣнно дома.

У насъ пока только на нѣкоторыхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, напримѣръ, на Екатерининской и Юго-Западныхъ, проводится въ жизнь простоянка товарного движенія на время рожденіи и пасхи; на частныхъ же дорогахъ и этого не дѣлаютъ или издаютъ такой іезуитскій приказъ по дорогѣ который по существу не облегчаетъ движенія, а вмѣстѣ, какъ будто, показываетъ, что есть желаніе создать возможность отдыха служащимъ на время праздниковъ. Общий вопросъ о воскресномъ отдыхѣ пока остается у насъ всецѣло открытымъ.

Что касается обычнаго теченія работъ, то у насъ существуютъ, правда утвержденныя нормы работъ паровозныхъ бригадъ, но насколько онѣ несовершены, можно видѣть уже изъ представленного на одномъ изъ сѣёзовъ инженеровъ службы тяги и подвижного состава главнымъ инспекторомъ доклада «объ уменьшениіи переутомленія паровозныхъ бригадъ».

«Въ послѣднее время—говорится въ этомъ докладѣ, исходящемъ изъ высоко компетентныхъ сферъ,—все чаще и чаще стали повторяться случаи проѣзда поездами станцій, столкновенія и т. п. происшествія, вслѣдствіе сна на паровозѣ паровозной бригады, а иногда и всей прислуги поѣзда...»

«Есть основаніе предполагать, что правила, обусловливающія

службу и отдыхъ служащихъ, не вполнѣ соответствуютъ своему назначению.

«Чтобы подтвердить это положение, разсмотримъ самое основание существующихъ правилъ: во-первыхъ, правилами требуется, чтобы паровозная прислуга имѣла въ сутки восьми-часовой отдыхъ послѣ двѣнадцати-часовой работы на паровозѣ; во-вторыхъ, чтобы сумма часовъ отдыха въ десять дней, раздѣленная на 10, давала не менѣе 10 часовъ, и въ-третьихъ, по дополнительному правилу, поѣздной прислугѣ разрѣшено сопровождать поѣздъ 18 часовъ подъ рядъ при непремѣнномъ условии 12-часового отдыха послѣ такой поѣздки, при чмъ среднее число часовъ отдыха за 10 дней не было бы менѣе 9.

«Перваго положенія, т. е. чтобы послѣ 12-часовой работы паровозная прислуга имѣла 8-часовой отдыхъ, большинство желѣзныхъ дорогъ не придерживается, такъ какъ, примѣня второе правило, болѣе подходящее къ дѣйствительнымъ требованіемъ поѣздной службы, желѣзныя дороги, съ одной стороны, пользуются большей работой бригадъ, а съ другой — остаются, относительно правилъ, на законной почвѣ, а потому можно съ достовѣрностью сказать, что первое правило исполняется только на дорогахъ, на которыхъ, вслѣдствіе достаточнаго количества бригадъ и малаго движенія, обходить его нѣтъ никакой цѣли.

«Примѣня къ дѣйствительности второе положеніе правилъ о среднемъ отдыхѣ и желая несоответствіе отгѣнить рельефнѣе, предположимъ, что паровозъ 24 часа стоялъ на промывкѣ, послѣ чего паровозная бригада совершила поѣздки такимъ образомъ: проѣхала ночью 10 часовъ до обратного депо (время проѣзда считается съ поставкой паровоза въ депо), отдохнула 4 часа и выѣхала обратно въ свое депо. Спустя 8 часовъ, бригаду опять послали съ поѣздомъ, одинаковымъ первому, до обратного депо и обратно. Такихъ одинаковыхъ поѣздокъ было сдѣлано двѣ, а на третьей поѣздкѣ, черезъ 6 часовъ, случился проѣздъ станціи.

«Начиная учесть службы паровозной прислуги со дня постановки паровоза въ промывку и считая отдыхъ при промывкѣ въ 20 часовъ, получимъ въ 5 сутокъ часовъ:

Отдыха.

$$20 + 4 + 8 + 4 + 8 = 44$$

Въ пути.

$$10 + 10 + 10 + 10 + 6 = 46.$$

«Отсюда слѣдуетъ, что число часовъ отдыха было 44 и число часовъ службы въ поѣздѣ 46, т. е. отношеніе числа часовъ отдыха къ числу часовъ работы $\frac{44}{46} = \frac{22}{23}$. По правиламъ же это отношеніе можетъ быть $\frac{10}{14} = \frac{40}{56}$, т. е. менѣе показанного, а потому можно, какъ будто, заключить, что паровозная прислуга утомлена не была.

«Но спрашивается, могла ли въ дѣйствительности отдохнуть бригада, при такомъ распределеніи часовъ отдыха и поѣздокъ?

Конечно, нѣть, ибо 4 часа сна едва ли можно считать отдыхомъ, съ другой же стороны и 8 часовъ дневного отдыха не все равно, что 8 часовъ ночного.

«Нужно замѣтить слѣдующее: большинство инженеровъ, не говоря уже о публикѣ, не вполнѣ ясно отдаетъ себѣ отчетъ, что значитъ безпрерывная работа, требующая физического труда, осложненного тщательной внимательностью, повторяющаяся изо дnia въ день, при отдыхѣ разнообразномъ по часамъ и качеству.

«Нѣть никакого сомнѣнія, что человѣкъ можетъ работать сплошные сутки, но такой работы онъ можетъ вынести только однѣ сутки и никакъ не больше двухъ. Точно такъ же человѣкъ можетъ работать 18 часовъ, но тоже немного болѣе, какъ и при 24-ча совой непрерывной работе, послѣ которой требуется отдыхъ, въ суммѣ равный отдыху регулярному.

«Очень часто приходится слышать, что товарные машинисты могутъ отдохнуть и даже спать на стоянкахъ, но, во-первыхъ, спать запрещается, а, во-вторыхъ, вводить въ систему подобный отдыхъ могутъ только лица, не испытавшія такой жизни. Безспорно, товарный машинистъ можетъ уснуть урывками—туть полчаса, на другой станціи—20 минутъ и догнать сумму часовъ сна до нормального. Но это не сонъ, а полудремота, полубодрствованіе. Сномъ это бываетъ только тогда, когда бригады сильно утомлены, т. е. при томъ условіи, для избѣжанія которого направлены всѣ правила, трактующія о дѣйствительномъ отдыхѣ паровозной прислуги.

«Принявъ въ соображеніе все вышесказанное, легко понять, что на третью или четвертую поѣздку, сопряженную съ такимъ отдыхомъ, бригада является переутомленной и можетъ заснуть въ пути. Поэтому обвинять поѣздную прислугу, а особенно паровозную, за сонъ, случившійся при вышесказанныхъ условіяхъ—нельзя. Такой фактъ проѣзда машинистомъ станціи нужно всецѣло отнести къ несоответствію дѣйствительнымъ требованиямъ существующихъ правилъ. Развѣдованіями обнаружено, что большинство случаевъ сна паровозныхъ и другихъ бригадъ является именно при вышесказанныхъ условіяхъ, на основаніи чего и причину таковыхъ явлений нужно искать не въ небрежности прислуги, а въ тѣхъ правилахъ, которые изданы на предметъ устраненія подобныхъ явлений.»

На каждой дорогѣ существуетъ свое особое расписаніе работъ бригадъ по особому утвержденному плану. Движеніе бригадъ обыкновенно совершается между двумя депо, и на бумагѣ обыкновенно разсчитано такъ, что въ теченіе опредѣленного цикла дней,—скажемъ, десяти—число часовъ отдыха должно быть не менѣе 120, при чемъ наименьшій непрерывный отдыхъ въ коренномъ депо долженъ быть не менѣе 8 часовъ. Конечно, это очень хорошо на-

бумагъ. Но вспомните, какая масса всякихъ случайностей существует въ дѣйствительной жизни!

Снѣжный заносъ или только сильное запаздываніе поѣзда, благодаря большому снѣгу, сильный боковой вѣтеръ, какая-нибудь неисправность въ паровозѣ, закрытіе перегона вслѣдствіе работъ службы пути, или только рядъ предупрежденій о соблюденіи тихаго хода въ мѣстахъ, гдѣ производится смѣна шпалъ или рельсовъ, или же перестройка искусственныхъ сооруженій—вотъ совершенно достаточныя причины, и при томъ причины, всегда имѣющіяся въ наличности въ дѣйствительной жизни, чтобы расписаніе хода поѣздовъ было не выдержано. Въ работѣ, значитъ, бригадѣ придется пробыть больше, и этотъ излишекъ часовъ берется изъ того времени, которое предназначено бригадѣ для отдыха.

Во всѣхъ правилахъ обыкновенно пишутъ, что по прибытии въ обратное депо паровозная бригада, въ случаѣ утомленія, обязана немедленно заявить о томъ начальнику депо и въ такихъ случаяхъ бригадѣ долженъ быть данъ отдыхъ, смотря по степени утомленія, но не менѣе 8 часовъ. При отсутствіи подобного заявленія бригада можетъ быть отправлена изъ обратного депо, хотя бы безъ отдыха, или съ малымъ отдыхомъ, съ любымъ поѣздомъ, при условіи, однако, если поѣздъ этотъ прибываетъ на конечную станцію (въ главное депо) не позднѣе 16 часовъ, считая съ момента отправленія бригады съ поѣздомъ изъ главнаго же депо.

Но бригады, кромѣ своего прямого жалованья, получаютъ по-верстнаго деньги. Благодаря этому, всѣ онѣ стремятся, по причинамъ всѣмъ понятнымъ, выѣзжать какъ можно больше верстъ. Это желаніе заработать лишнюю копѣйку и заставляетъ подчасъ скрывать утомленіе, напрягая до невозможности свои силы. Кромѣ того, на частныхъ дорогахъ всегда недостатокъ личнаго состава, и на людей, говорящихъ правду, косо смотрятъ.

Работа машинистовъ маневровыхъ паровозовъ, станціонныхъ водоливовъ, деповскихъ кочегаровъ, машинистовъ водокачекъ и т. д. также урегулирована на бумагѣ и также остается не урегулированной на дѣлѣ.

Работа смазчиковъ пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ и станціонныхъ осмотрщиковъ, на большихъ узловыхъ и промежуточныхъ станціяхъ, совершаются по расписанію, съ посѣщеніемъ дежурствомъ черезъ 12 часовъ, съ передежурствомъ одинъ разъ въ недѣлю по 18 часовъ, послѣ чего работавшіе днемъ заступаютъ на ночное дежурство, а работавшіе ночью—на денное. Въ виду недостаточности личнаго состава на частныхъ дорогахъ, въ дѣйствительности, людямъ приходится работать гораздо больше.

Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ большинствѣ случаевъ существуетъ оплата по сдѣльной работѣ. При этомъ расценки такъ понижены, что приходится кусокъ хлѣба выколачивать, что называется «горбомъ». Такимъ образомъ и здѣсь острый вопросъ о чи-

слѣ рабочихъ часовъ устраниется желаніемъ (вѣрнѣе необходимости) заработать лишнюю копѣйку.

И здѣсь желѣзнодорожные служащіе поставлены на частныхъ дорогахъ хуже, чѣмъ обыкновенные фабричные. Хотя и на фабрикахъ интересы рабочаго люда остаются на второмъ планѣ, но у фабричныхъ, какая тамъ ни есть, а все таки есть инспекція; у фабричныхъ существуетъ цѣлый рядъ постановлений, направленныхъ къ тому, чтобы обезопасить рабочаго хотя бы во время самаго производства; наконецъ, у фабричныхъ больше возможности добиться вознагражденія за смертные случаи, заувѣчья, за профессіональныя болѣзни. Желѣзнодорожные рабочие, требуя вознагражденія заувѣчья, обыкновенно ссылаются на ст. 683 тома X, которая, собственно, имѣла въ виду пассажировъ, рабочіе же и служащіе были подведены подъ ея дѣйствіе въ порядкѣ толкованія закона. Такимъ образомъ вопросъ о профессіональномъ заболѣваніи желѣзнодорожника подлежитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ судебному разсмотрѣнію, специальнымъ же закономъ, какъ это имѣть мѣсто, напримѣръ, для горныхъ рабочихъ, правъ на вознагражденіе при профессіональныхъ заболѣваніяхъ для желѣзнодорожниковъ не предусмотрѣно. Между тѣмъ условія желѣзнодорожной службы таковы, что при нихъ и несчастные случаи, и профессіональныя заболѣванія являются очень частными.

Машинисты почти всегда черезъ 15—20 лѣтъ страдаютъ расширенiemъ венъ нижнихъ конечностей и ревматизмомъ, и эти болѣзни могутъ быть рассматриваемы, какъ болѣзни профессіональныя. Не смотря на то, что паровозы на рессорахъ, тряска даже при небольшой скорости очень сильна. При большихъ же скоростяхъ получаются сильная качанія, что вмѣстѣ съ грохотомъ и тряскою паровоза, даже при привычкѣ, вызываетъ очень непріятное, напряженное состояніе духа. Новичку первые проѣзды причиняютъ ускореніе пульса и дыханія, боль въ колѣньяхъ и икрахъ, общее утомленіе и сильную жажду. Говорить, что человѣкъ и собака могутъ ко всему привыкнуть, а потому и люди съ теченіемъ времени не только перестаютъ ощущать эти явленія, но даже спокойно работаютъ при такихъ условіяхъ, которыхъ для новичковъ кажутся невозможными. Вдобавокъ, работа машиниста утомительна и физически, особенно работа на такъ называемомъ маневровомъ паровозѣ, гдѣ, кроме неослабнаго вниманія, нужно еще значительное напряженіе физическихъ силъ, такъ какъ почти безпрерывно приходится дѣйствовать рычагомъ. Работа же помощника машиниста, наоборотъ, труднѣе на поѣздномъ паровозѣ, гдѣ примерно на протяженіи каждыхъ 120 верстъ нужно подбросить въ топку около 150 пуд. угля, прочищать колосники тяжелымъ рѣзакомъ, тормазить, смазывать паровозъ, часто даже на ходу. Помощникъ, по характеру работы, долженъ быть легко одѣтъ. Какъ бы хорошо ни была устроена паровозная будка, всетаки вѣтеръ

всегда проникаетъ въ нее и охлаждаетъ одну половину тѣла, а другая, ближайшая къ котлу, наоборотъ согрѣвается лучистой теплотой. Читаются паровозныя бригады въ пути тѣмъ, что взято изъ дому, а сколько-нибудь сносно отдохнуть въ пути, особенно на частныхъ дорогахъ, почти не имѣютъ возможности, благодаря отсутствію благоустроенныхъ помѣщений и недостатку времени.

На частныхъ дорогахъ, вслѣдствіе всегдашняго недостатка личнаго состава, съ одной стороны и старанія машинистовъ по возможности больше заработать на повѣрстныхъ — съ другой, часто случается, что машинисты отправляются въ путь послѣ отдыха, значительно меньшаго 8 часовъ. Во время сильнаго движенія бываютъ случаи, когда машинисты отдыхаютъ столько времени, сколько уходитъ на чистку топки и заправку паровоза, т. е. около 3 часовъ; помощникъ же въ такихъ случаяхъ совсѣмъ не имѣть отдыха; тогда въ пути и машинистъ, и помощникъ умудряются по-перемѣнно вздремнуть сидя. Каждый паровозъ послѣ пробѣга приблизительно 1000 верстъ идетъ въ «промывку», на что требуется около 30 часовъ, это-то и является дѣйствительнымъ отдыхомъ бригады, такъ какъ промежутки между поѣздками уходятъ исключительно на сонъ.

Какъ ни тяжела работа бригады пассажирскихъ поѣздовъ, ее всетаки нельзя сравнить съ работою бригадъ товарныхъ поѣздовъ. Пассажирскіе поѣзда лучше выдерживаютъ расписаніе движенія; опаздыванія, если и бываютъ, то они всетаки незначительны. При движеніяхъ же товарныхъ поѣздовъ опаздываніе — это общее правило, а приходъ поѣзда во время — исключеніе; время опозданія берется за счетъ часовъ отдыха, да и работа на товарномъ паровозѣ тяжелѣе. Какъ образчикъ того, какъ велико можетъ быть переутомленіе служащихъ вслѣдствіе большой продолжительности работы и малаго отдыха, можно привести слѣдующій случай: на Юго-Западныхъ дорогахъ 28 сентября 1894 г. въ 12 час. 25 мин. пополуночи поѣздъ № 63 проѣхалъ ст. Голубы безостановочно со скоростью 20 верстъ. Оказалось, что машинистъ, помощникъ его, кочегаръ, поѣздной смазчикъ и кондукторъ спали на своихъ постахъ. Первые трое были разбужены сигналами, подаваемыми со станціи при проходѣ поѣзда, а остальные были найдены спящими даже при возвращеніи поѣзда обратно на станцію. Нужно замѣтить, что при подходѣ этого поѣзда къ зеленому диску съ паровоза былъ данъ протяжный свистокъ, слѣдовательно, прислуга не спала, а заснула въ короткій промежутокъ времени прохода поѣзда отъ зеленаго диска до станціоннаго зданія.

Въ томъ же 1894 году департаментомъ желѣзныхъ дорогъ былъ изданъ слѣдующій циркуляръ: «Произведенныя инспекціей ж. д. разслѣдованія по поводу столкновенія поѣздовъ, проѣзда машинистами закрытыхъ дисковъ семафоровъ и даже станцій, показали, что во многихъ такихъ случаяхъ вызвавшій ихъ недостатокъ бди-

тельности машиниста къ обстоятельствамъ слѣдовавшаго поѣзда, положенію сигналовъ и пр. является прямымъ послѣдствіемъ переутомленія машинистовъ по причинѣ невыполненія установленныхъ для дорогъ правилъ о наибольшей продолжительности непрерывной службы паровозныхъ бригадъ». Мы видѣли уже однако, что и соблюденіе этихъ правилъ не обеспечиваетъ отдыха бригадъ.

Если сравнить данныя фабричного инспектора Аксенова о числѣ пострадавшихъ рабочихъ на механическихъ и желѣзодѣлательныхъ заводахъ за 1899 годъ съ числомъ пострадавшихъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ, то, окажется, что первое относится ко второму, какъ единица къ двумъ, при чмъ на частныхъ дорогахъ число пострадавшихъ значительно превышаетъ число пострадавшихъ на казенныхъ дорогахъ.

Несчастія съ цѣлой массой людей не могутъ, конечно, исчезнуть въ одинъ день и надѣяться на устраненіе сразу всѣхъ недостатковъ и недочетовъ желѣзодорожнаго дѣла — значить увлекаться утопіей. Но можно стремиться къ непрерывному исправленію этихъ недочетовъ путемъ обязательнаго введенія различныхъ техническихъ усовершенствованій, обеспечивающихъ безопасность работы желѣзно-дорожныхъ служащихъ. Можно уничтожить многіе изъ существующихъ недостатковъ и во всякомъ случаѣ необходимо устраниить тѣ бѣдствія, которыя вытекаютъ изъ несовершенствъ законодательства, неудовлетворительности техническихъ оборудованій, управлениія и т. д.

По недостатку статистического матеріала и малой обработкѣ его трудно сказать въ настоящее время, сколько человѣческихъ жизней могло бы быть сохранено при разумномъ надзорѣ за эксплуатаціей и желаніи не скучиться на введеніе механическихъ оборудования (въ видѣ централизованіи стрѣлокъ, автоматической сцѣпки вагоновъ и т. д.). Отчеты желѣзно-дорожныхъ правленій этого не выясняютъ, ибо причины, фигурирующія въ рубрикахъ «по собственной неосторожности», «непредвидѣнныя или непредотвратимыя случайности», при ближайшемъ и болѣе тщательномъ изслѣдованіи въ большинствѣ случаевъ сводятся къ дурному оборудованію эксплуатаціи, чрезвычайно затрудняющему дѣятельность персонала служащихъ.

Почти 90% всѣхъ несчастій съ желѣзно-дорожными служащими случается на станціяхъ и только 10% — на перегонахъ. Огромный процентъ несчастій съ сѣпщиками во времѧ сѣпокъ и расѣпокъ въ Англіи, напримѣръ, уничтоженъ, благодаря введенію автоматическихъ сѣпокъ. Правда, людямъ, ставящимъ жизнь человѣческую выше дивиденда, приходилось доходить до парламента, но теперь автоматическая сцепка введены въ Англіи законодательнымъ путемъ и давить буферами людей больше не будутъ. Въ прошломъ году въ Россіи при работахъ по нагрузкѣ и выгрузкѣ товаровъ изъ вагоновъ и въ вагоны убито 35 человѣкъ и ранено около

3 тысячи. Такого рода несчастья не представляютъ изъ себя несчастій неизбѣжныхъ и могутъ быть предотвращены путемъ введенія различныхъ техническихъ усовершенствованій. Правда, у насъ рабочая сила еще такъ дешева, что введеніе механическихъ приспособленій выгодно въ рѣдкихъ только случаяхъ, но здѣсь должно помочь законодательство, ибо у государства должны быть побужденія, основанныя не только на финансовыхъ соображеніяхъ.

Чтобы имѣть хотя небольшое представление о количествѣ пострадавшихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, приведемъ цифры за періодъ 1880—1896 г.г.

	убито.	ранено.
оберъ-кондукторовъ и кондукторовъ..	437	1744
путевыхъ сторожей.	1085	746
составителей и сѣпщиковъ	236	1192
машинистовъ и сѣпщиковъ	198	1098
стрѣлочниковъ	322	945
остальныхъ служащихъ.	1418	3487

Нужно замѣтить, что количество служащихъ на дорогѣ колеблется приблизительно въ слѣдующихъ отношеніяхъ: если принять количество сѣпщиковъ и составителей равнымъ 1, то число стрѣлочниковъ будетъ 4, поѣздной прислуги—4, путевой стражи—10.

Послѣдній классъ желѣзнодорожныхъ служащихъ: конторскихъ служащихъ и рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ—также не можетъ похвалиться хорошимъ положеніемъ. Регламентація труда и главнымъ образомъ обстановки представляется по отношенію къ нимъ тѣмъ болѣе необходимой, что въ настоящее время забота объ этихъ служащихъ въ сущности блистаетъ своимъ отсутствиемъ. «Въ теченіе многолѣтней службы на жел. дор., говорить докторъ Вырубовъ, мы не встречали еще случая, чтобы желѣзнодорожные служащіе управлений и разныхъ правленій совершенно справедливо не жаловались на тѣсноту, духоту, жаръ или холодъ, сырья стѣны, дурное освѣщеніе, естественное и искусственное, неудобное сидѣніе и столы, дурное устройство отхожихъ мѣстъ въ управлensкихъ помѣщеніяхъ. Попытки со стороны врачей сдѣлать что-нибудь въ направленіи устраненія санитарныхъ безпорядковъ, пока не будутъ установлены обязательныя нормы и правила, на которыхъ можно бы было ссылаться, не приводили и не приведутъ ни къ чему. Регламентація и улучшеніе обстановки труда безусловно необходимы въ виду продолжительныхъ сидячихъ занятій и въ виду того, что занятія эти идутъ большую часть года въ закрытыхъ пространствахъ. Такія условія труда могутъ оказывать не менѣе вліяніе на здоровье, на болѣе или менѣе быстрое переутомленіе служащихъ конторъ и управлений, чѣмъ напряженный трудъ и неблагопріятныя условія температуры, влажности и дви-

женія воздуха на служащихъ вѣйшней службы, работающихъ на открытыхъ пространствахъ».

Докторъ Гурвичъ, въ своемъ докладѣ «объ урегулированіи дежурствъ желѣзнодорожныхъ служащихъ», указываетъ на подмѣченный имъ общій типъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, создающійся благодаря неблагопріятнымъ условіямъ организаціи желѣзнодорожнаго труда. «Изъ молодыхъ людей, вполнѣ здоровыхъ, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица и обычною молодою бодростью, они уже черезъ 2—3 года совершенно измѣнялись и сливались съ тѣмъ общимъ типомъ желѣзнодорожнаго служащаго, который я привыкъ постоянно видѣть около себя. Типъ этотъ знакомъ всѣмъ служащимъ на бойкихъ желѣзныхъ дорогахъ. Неопределенный, како-то землистый цвѣтъ лица, не то блѣдный, не то съ оттѣнкомъ желтизны, вялая походка, автоматическое исполненіе службы—таковъ общій видъ этого типа, являющаго собою несомнѣнныя признаки постояннаго *перегутомленія*. Мало-помалу, апатія эта становится какъ бы привычкой, переходя постепенно съ лѣтами въ *настоящую неврастенію*».

По словамъ доктора Гурвича, «громадное большинство старыхъ служащихъ представляетъ собою или алкоголиковъ, или неврастениковъ». Не рѣша вопроса о томъ, «вырабатываются ли первые исключительно подъ вліяніемъ желѣзнодорожной жизни», такъ какъ «они составляютъ наше общегосударственное достояніе, или это слѣдствіе общей среды и общихъ условій», докторъ Гурвичъ, вторыхъ, т. е. неврастениковъ, считаетъ несомнѣннымъ порожденіемъ желѣзнодорожной службы съ ея сутолокой, никогда не прекращающеюся, ни днемъ, ни ночью, ни въ большиѣ праздники, ни въ высокоторжественные дни. Кто хорошо знакомъ съ этой службою, тотъ непремѣнно придетъ къ заключенію, что едва ли какая-нибудь другая отрасль труда, или какой-нибудь другой строй жизни способны создать болѣе плодотворную почву для неврастеніи, чѣмъ желѣзнодорожная жизнь.

Главнымъ факторомъ такого явленія, по мнѣнію доктора Гурвича, является отсутствіе правильного распределенія труда и отдыха служащихъ, отсутствіе въ существующихъ планахъ дежурствъ вообще и ночныхъ въ особенности, такъ сказать, нормального начала, т. е. такого начала, при которомъ здоровье служащихъ не подвергалось бы, хотя и медленному, но вѣрному и постоянному разстройству.

VII.

Этотъ очеркъ условій труда желѣзнодорожныхъ работниковъ различныхъ специальностей представляетъ собою далеко не законченную и не претендующую на полноту всѣхъ данныхъ картину,

но и тѣ небольшія даннныя, какія приведены въ немъ, заставляютъ согласиться съ инженеромъ Рихтеромъ, что «корпорація желѣзно-дорожныхъ служащихъ въ Россіи, взятая въ цѣломъ своею составомъ, характеризуется всѣми признаками организма, пораженного тяжкимъ недугомъ... Самымъ главнымъ изъ указанныхъ признаковъ является неустойчивость желѣз nodорожной службы, которая опредѣляется съ вѣнчайшей стороны значительномъ % ежегодной убыли служащихъ, въ связи съ которой наблюдается также незначительная продолжительность службы наличного состава».

Чрезвычайно характерна табличка, помѣщенная въ № 6 «Вѣстника Путей Сообщенія» за 1904 годъ, въ статьѣ «Устойчивость службы на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ»; въ табличкѣ этой сравнивается уходъ служащихъ по собственному желанію и вслѣдствіе проступковъ на русскихъ и германскихъ желѣзныхъ дорогахъ; результатъ такого сравненія представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	% на русск. ж. д.	% на герм. ж. д.
1) стрѣлочниковъ	24,1	1,4
2) сторожей и рабочихъ по охранѣ и содержанію пути	24,2	1,9
3) телеграфистовъ	14,4	3,2
4) паровозной прислуги	15,0	1,7
5) поѣздной прислуги	11,8	1,5

Среднее число лѣтъ желѣз nodорожной службы составляло къ 1 января 1900 года для всѣхъ категорій служащихъ около 5 лѣтъ, а почти 20% всего состава служащихъ на всѣхъ русскихъ желѣзныхъ дорогахъ служить меньше года.

Цифры эти сами за себя говорятъ. Главная причина неустойчивости служащихъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ это, конечно, тяжелыя условія жизни, масса работы и плохое вознагражденіе. Любопытнымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить примѣръ Варшаво-Вѣнской дороги, на которой процентъ увольняющихся въ четыре раза ниже средней увольняемости на прочихъ дорогахъ. Такую сравнительно большую устойчивость службы на Варшаво-Вѣнской желѣзной дорогѣ можно объяснить только болѣе удовлетворительными, по сравненію съ другими дорогами, экономическими условіями. Именно, практика германскихъ желѣзныхъ дорогъ (откуда и былъ перенесенъ этотъ порядокъ на Варшаво-Вѣнскую ж. д.) указываетъ, что порядокъ, при которомъ низшій желѣз nodорожный агентъ, оставаясь на одномъ и томъ же мѣстѣ, при исполненіи однѣхъ и тѣхъ же, хорошо ему знакомыхъ обязанностей, достигаетъ, при исправной службѣ, постепеннаго улучшенія въ материальномъ своемъ положеніи, помошью периодическихъ 5% прибавокъ къ содержанию, способствуетъ къ обезпеченію желѣзныхъ дорогъ надежнымъ служебнымъ персоналомъ.

По дѣйствующему на Варшаво-Вѣнскай желѣзнай дорогѣ положенію, служащи, съ окладомъ до 3,000 р. въ годъ, черезъ каждые три года службы въ однѣхъ и тѣхъ же должностяхъ, при тщательномъ исполненіи своихъ обязанностей, получаютъ 5% прибавки. При назначеніи служащаго на высшую должность, съ большимъ содержаніемъ, выслуженный въ низшей должности лично присвоенные прибавки прекращаются, если размѣръ этихъ прибавокъ не превышаетъ разности между прежнимъ и новымъ окладомъ. Въ противномъ случаѣ лично присвоенная прибавка сохраняется въ размѣрѣ излишка противъ разницы окладовъ и дальнѣйшее увеличеніе лично присвоенныхъ прибавокъ производится согласно новому окладу и выслугѣ лѣтъ. Нужно прибавить, что вслѣдствіе высокаго качества личнаго состава на Варшаво-Вѣнскай желѣзной дорогѣ, тамъ, какъ будто, начинаетъ все болѣе и болѣе прививаться принципъ отвѣтственности и полнаго довѣрія, даже въ отношеніи къ низшимъ служащимъ, вслѣдствіе чего инструкціи отличаются болѣшою краткостью, во избѣженіе стѣсненія свободы инициативы отдѣльныхъ служащихъ.

Къ числу величайшихъ недочетовъ желѣзнодорожной службы, подрывающихъ ея устойчивость, слѣдуетъ отнести увольненіе безъ дисциплинарнаго или судебнаго разслѣдованія, особенно часто практикуемое на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ.

Никто, конечно, не можетъ обязывать администрацію терпѣть на своей службѣ людей недостойныхъ, не исполняющихъ своихъ прямыхъ обязанностей или совершающихъ грубые проступки противъ общихъ законовъ. Но никто также не можетъ и не долженъ отказывать человѣку въ правѣ публично отвѣтить на возводимыя на него обвиненія или требовать передачи обсужденія проступка, если таковой дѣйствительно существовалъ, безпристрастнымъ лицамъ.

Лѣтописи частныхъ желѣznодорожныхъ обществъ полны примѣрами того, какъ людей выбрасывали за бортъ даже безъ всякаго объясненія причинъ, а прямо говоря: «вы не нравитесь правленію».

На Западѣ ни одно увольненіе служащаго казенныхъ дорогъ не можетъ состояться безъ судебнаго разбирательства. Что же касается служащихъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, то, конечно, проступки уголовнаго характера также подлежать вѣдѣнію судебныхъ инстанцій, разъ же дѣло идетъ о проступкахъ противъ служебной этики, то служащий всегда имѣеть право требовать разсмотрѣнія своего проступка особымъ дисциплинарнымъ судомъ, состоящимъ изъ пяти членовъ: двухъ по назначению правленія дороги, двухъ по выбору обвиняемаго; пятымъ постояннымъ членомъ—онъ же и предѣдатель комиссіи, утверждаемый министромъ,—назначается кто-нибудь изъ мѣстныхъ юристовъ, по большей части мѣстный судебній слѣдователь.

У насъ, къ сожалѣнію, ничего подобнаго нѣтъ.

М. А. Рейтлеръ, авторъ изслѣдованія по вопросу объ организаціи личнаго состава на желѣзныхъ дорогахъ, говорить слѣдующее:

«Въ большинствѣ случаевъ, желѣзнодорожныя правила, устанавливаюя обязанность предупрежденія за *три мѣсяца для обѣихъ договаривающихся сторонъ*, предоставляютъ тѣмъ самимъ служащему отказаться отъ должности, предупредивъ о томъ управлѣніе за три мѣсяца. Этимъ какъ бы мотивируется справедливость такого соглашенія. Въ оправдавшемъ его приводится и то, что такого рода условія существуетъ повсюду между нанимаемымъ и нанимаемымъ и что, наконецъ, желѣзнодорожное управлѣніе есть такое же коммерческое дѣло, какъ и всякое другое.

«Сверхъ того ссылаются на то, что нельзя обязывать управлѣніе держать на службѣ лицо, которое почему-нибудь не нравится или оказывается неудобнымъ и что, наконецъ, увольненіе иныхъ служащихъ можетъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, между прочимъ, при необходимости сокращенія штатовъ, оказаться неизбѣжнымъ. При этомъ приводятся также соображенія человѣко-любія: предоставлѣніе человѣку найти себѣ другую службу въ теченіе трехъ мѣсяцевъ можетъ иногда имѣть мѣсто изъ состраданія, чтобы не подвергать его лишенію должности вслѣдствіе дисциплинарного преслѣдованія, что могло бы имѣть для него болѣе тяжелыя послѣдствія.

«Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что «обоюдное предупрежденіе» хотя и предоставляетъ обѣимъ договаривающимся сторонамъ равные права, но эта *равноправность* только *кажущаяся, вытекающая изъ буквального смысла соглашенія, но не подтверждающаяся въ существѣ дѣла*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на практическія послѣдствія такой равноправности. Если служащій воспользуется предоставленнымъ ему правомъ, въ большинствѣ случаевъ отъ такой убыли правленію не бываетъ почти никакого ущерба; если же правленіе увольняетъ отъ должности служащаго, то для него это обстоятельство бываетъ почти всегда сопряжено съ самыми печальными, чтобы не сказать гибельными, послѣдствіями. Такимъ образомъ, осуществленіе этого права почти ничего не стоитъ одной изъ договаривающихся сторонъ—желѣзнодорожному управлѣнію, которое всегда должно разсчитывать на извѣстную убыль въ личномъ составѣ какъ времененную, по болѣзни, такъ и окончательную, вслѣдствіеувѣчій или смерти; между тѣмъ, другой сторонѣ примѣненіе этого права приносить почти всегда *горе, нужду и несчастье*. Такое противоположное значеніе этого права въ примѣненіи его къ договаривающимся сторонамъ ясно обнаруживается несостоятельность его съ точки зрѣнія справедливости и дѣлаетъ ненужнымъ разборъ какихъ бы то ни было хитросплетеній, которыя могли бы быть приводимы въ его оправданіе.

«Взглядъ на желѣзную дорогу, какъ на большое торговько-про-

мышленное предпріятіе, находитьъ къ сожалѣнію, многочисленныхъ сторонниковъ. Такой ошибочный взглядъ можетъ исходить только отъ лицъ, которыхъ хотя и прикоснувшись къ желѣзнодорожной администраціи, но не усвоили себѣ сущности желѣзнодорожной работы».

Какъ ни убого, въ смыслѣ дѣйствительной помощи рабочему люду, наше общее фабричное законодательство, но всетаки тамъ идеи манчестерской школы начинаютъ отходить въ вѣчность и защитниковъ ихъ можно встрѣтить только изрѣдка.

Въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, какъ это ни странно, тезисы ея, особенно по отношенію къ частнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ считаются непреложными, и на человѣка, осмысливающагося не соглашаться съ ними, смотрять, какъ на субъекта, прилетѣвшаго съ луны.

Единственно, что сдѣлано, это учреждена пенсіонная касса.

Денежные средства пенсіонныхъ кассъ составляются изъ ежемѣсячныхъ 6% вычетовъ изъ жалованья служащихъ и заработка рабочихъ (съ добавленіемъ 3% отъ дорогъ), а также изъ удержанія со служащихъ трехъ прибавокъ къ жалованью при повышеніи оклада, 10% вычета изъ наградныхъ и, наконецъ, штрафныхъ денегъ.

Можно считать, что дороги участвуютъ въ образованіи обезпечивающаго капитала одною третью, а служащіе—двумя третями. На эти средства содержится администрація кассъ, поглощающая на каждой дорогѣ около 30—40 тысячъ рублей въ годъ, что составляетъ на всѣ русскія желѣзныя дороги ежегодный расходъ въ одинъ миллионъ рублей. Кромѣ того, производится расходъ около 60 тысячъ на содержаніе личного состава желѣзнодорожного пенсіоннаго комитета, состоящаго при министерствѣ путей сообщенія для общаго наблюденія за кассами. Покотиловъ на съездѣ желѣзнодорожныхъ делегатовъ въ Петербургѣ, докладывая о пенсіонныхъ кассахъ, указывалъ, что существующая пенсіонная касса не достигла главной цѣли своего учрежденія—обеспеченія въ надлежащей мѣрѣ участниковъ и ихъ семей, такъ какъ главная забота была направлена на устойчивость кассы. Кромѣ того «трудовыя, кровныя деньги желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, добытыя цѣною тяжкихъ усилий, съ потерей здоровья, находятся въ завѣданіи доморощенныхъ финансистовъ. Неумѣльмъ же финансированіемъ капиталовъ желѣзнодорожныхъ кассъ, послѣдніе превращаются въ процентныя бумаги, облигациіи, закладные листы, нынѣ потерявши значительную часть своей цѣнности и принесшіе на разницѣ лишь курса бумагъ убытокъ въ нѣсколько миллионовъ рублей» (Желѣзнодорожникъ № 123).

И въ этомъ готовы были видѣть разрѣшеніе чуть не всѣхъ вопросовъ желѣзнодорожниковъ.

Изо всѣхъ областей труда желѣзнодорожный трудъ—одинъ изъ

самыхъ тяжелыхъ и отвѣтственныхъ. Если сравнить количество психическихъ заболеваний въ различныхъ профессіяхъ, то увидимъ, что максимальное количество приходится на долю желѣзнодорожниковъ. Кромѣ того, даже при помощи неполныхъ статистическихъ данныхъ можно установить тотъ фактъ, что число психическихъ заболеваний увеличивается. Наибольшее количество больныхъ приходится на дороги съ наиболѣе интенсивнымъ движениемъ, и это можетъ служить прямымъ и вѣрнымъ указаніемъ на трудность службы. Нужно помнить слова Кетлэ, что психическая заболѣванія являются продуктомъ нашей соціальной жизни, умственныхъ усилий и нравственныхъ потрясеній.

Трудъ желѣзнодорожниковъ не только одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ но и одинъ изъ наиболѣе опасныхъ. Помимо чисто профессіональныхъ условій труда, которыя сами по себѣ представляютъ много опасныхъ моментовъ, желѣзнодорожники подвергаются опасности отъ злого умысла. Въ виду этого желѣзнодорожники по справедливости могутъ требовать вниманія къ невозможнымъ условіямъ своей жизни.

Е. А. Соковичъ.

Передъ зарей въ Англії.

VII.

Новая Гармонія, какъ коммунистическая колонія, перестала существовать въ юнѣ 1828 г. Официальная газета коммуны, переименованная въ *Свободного Изслѣдователя* (полный титулъ: «The New Harmony and Nashoba Gazette or Free Inquirer»),— отмѣчаетъ распаденіе коллективнаго хозяйства на индивидуалистическія. Одна изъ открывшихся маленькихъ коммунъ, Фейба Певели, продержалась, впрочемъ, нѣсколько лѣтъ; затѣмъ члены ея разбрѣлись, а хозяйство было скуплено двумя колонистами.

На опытѣ въ *Новой Гармоніи* Робертъ Оуэнъ потерялъ 40 тысячъ ф. ст., что составляло $\frac{4}{5}$ всего его состоянія. Семья Оуэна осталась въ Индіанѣ. Сыновья его натурализовались въ Соединенныхъ Штатахъ и впослѣдствіи выдвинулись тамъ на различныхъ поприщахъ. Младшій сынъ Дэвидъ Дэйлъ Оуэнъ былъ въ 1853 г. посланникомъ Соединенныхъ Штатахъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Онъ умеръ въ 1877 г. и оставилъ замѣчательную автобіографію, представляющую драгоценный источникъ для

изученія дѣятельности Роберта Оуэна. Изъ другихъ сыновей реформатора въ Англіи особенно извѣстенъ Робертъ Дэйль Оуэнъ, проповѣдникъ агностицизма.

Роберту Оуэну не удалось создать въ дикой тогда части Америки коммунистическое общество, но *Новая Гармонія* стала центромъ умственной жизни Индіаны, когда штатъ заселился. Теперь—это одинъ изъ наиболѣе культурныхъ городовъ западныхъ штатовъ. По живописному выражению американского автора, «прахъ разрушенныхъ надеждъ утучнилъ тамъ почву и не далъ городу превратиться въ шаблонное, прозаическое поселеніе, какъ сосѣдніе города не имѣющіе исторіи». *Новая Гармонія* теперь имѣеть громадную городскую библиотеку, завѣдующимъ которой состоить внукъ Роберта Оуэна. Многіе жители—потомки первыхъ колонистовъ, явившихся въ дикую тогда Индіану, чтобы тамъ создать новый міръ. Въ *Новой Гармоніи*, поэтому, совершенно иное настроеніе, чѣмъ въ обычныхъ провинціальныхъ американскихъ городахъ.

Коммуна въ Индіанѣ не была единственнымъ опытомъ въ этомъ родѣ на американскомъ континентѣ. Лекціи Роберта Оуэна нашли восторженныхъ слушателей, которые въ періодъ 1825—1828 г.г. сдѣлали рядъ опытовъ создания нового общества на справедливыхъ началахъ. Такова колонія Нашоба, основанная Фрэнсисъ Райтъ, восторженной сторонницей эманципаціи негровъ-невольниковъ. Она посѣтила *Новую Гармонію* въ 1825 г., присмотрѣлась къ тому, какъ поставлена колонія, и въ томъ же году приобрѣла на свои деньги двѣ тысячи акровъ земли въ Западномъ Теннесси. Райтъ купила также нѣсколько семействъ невольниковъ, которыхъ освободила немедленно и поселила на приобрѣтенной землѣ. Райтъ вскорѣ заболѣла и умерла. Передъ смертью она поручила завѣданіе колоніей комитету, членами которого были Хафохтъ, Робертъ Оуэнъ, старшій сынъ его Робертъ Дэйль и Маклюръ. По завѣщанію колонія должна была всегда принадлежать неграмъ. Какъ коммунистическое общество, Нашоба просуществовала почти двадцать пять лѣтъ, покуда край кругомъ не заселился густо. Затѣмъ община распалась на индивидуальные хозяйства. Колонія въ такомъ видѣ существуетъ до сихъ порь. Населена она по прежнему неграми. Читатели, вѣроятно, знаютъ, что приблизительно около того же времени (собственно, въ 1821 г.) сдѣлана была попытка устроить колонію для освобожденныхъ невольниковъ на ихъ родинѣ, на Перечномъ берегу въ Африкѣ. Филантропы, задумавшие этотъ планъ, мечтали о первобытной христіанской общинѣ, состоящей изъ людей, съ ногъ которыхъ только что сбиты цѣпи неволи. Этотъ планъ не удался; но за то на Перечномъ берегу Африки мы находимъ теперь цвѣтущую негритянскую республику (Либерія), единственное независимое туземное культурное государство на всемъ африканскомъ континентѣ.

Другая замѣчательная коммунистическая колонія, порожденная

проповѣдью Оуэна, возникла въ Охайо и называлась Общиной Желтыхъ Источниковъ. Основателемъ ея былъ сведенборгіанецъ Рое, купившій въ іюлѣ 1825 г. 800 акровъ земли. Въ сентябрѣ того же года въ общинѣ было уже сто человѣкъ. Она просуществовала нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ члены ея разбрелись. Оставшіеся стали вести индивидуальное хозяйство. Другія общины, возникшія въ подражаніе *Новой Гармоніи* (Кэндэль—въ Охайо, Форествиль—въ Индіанѣ, Коаксаки и Хаверство въ Нью-Йоркѣ, Блуспрингъ—въ Индіанѣ, Тевтонія—въ Охайо), просуществовали отъ 2 до 7 лѣтъ. Въ сороковыхъ годахъ оуэнисты соединились съ фурьеристами. Ими были основаны въ глубинѣ Америкѣ многочисленные фаланстеріи, изъ которыхъ нѣкоторыя просуществовали около десяти лѣтъ (Brook Farm, Wisconsin Phalanx, North American Phalanx и пр.). Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ община держалась, покуда край не заселялся. Фаланстерію смывала волна городской жизни. Оуэнисты и фурьеристы, поэтому, искали нетронутаго края, отдаленаго отъ современаго капиталистического міра. Послѣдней попыткой, если не ошибаюсь, является община Косма, основанная въ Парагваѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, оуэнистами австралийцами. Два года тому назадъ община не только существовала еще, но процвѣтала.

Неудачи въ *Новой Гармоніи* не обезкуражили Оуэна; напротивъ, онъ задумалъ продѣлать опытъ въ грандіозныхъ размѣрахъ. Теперь уже шло дѣло не объ одной маленькой колоніи, а о громадной территории. Оуэнъ ходатайствовалъ у мексиканскаго правительства объ уступкѣ двухъ штатовъ Коауила и Техаса для превращенія ихъ въ коммунистическую общины. «Я знаю, что на моемъ пути страшныя препятствія,—писалъ Робертъ Оуэнъ мексиканскому посланнику,—но я привыкъ бороться съ человѣческими предразсудками и побѣждать ихъ. Мой удачный опытъ въ Нью-Ланеркѣ даетъ мнѣ право надѣяться на осуществленіе проекта въ въ широкихъ размѣрахъ. Мексика, отдаленная отъ предразсудковъ старой Европы и окруженнная республиками, кажется мнѣ наиболѣе удачной почвой для опыта. Здѣсь предразсудки старого міра еще не успѣли отравить умъ населенія. Міръ созрѣлъ для великой реформы, которую, какъ мнѣ кажется, нужно начать на почвѣ Нового Свѣта». Начавшаяся война и беспорядки въ Мексикѣ положили конецъ переговорамъ, которые пошли было успѣшно. Мексиканское правительство было не прочь уступить въ распоряженіе Оуэна одинъ штатъ.

VIII.

Робертъ Оуэнъ возвратился въ Англію. Здѣсь, задолго до опыта въ *Новой Гармоніи*, Оуэнъ имѣлъ многочисленныхъ сторонниковъ, которые горѣли нетерпѣніемъ примѣнить на практикѣ въ Англіи его идеалы. Тогда рѣчь шла не объ общинѣ въ широкихъ

размѣрахъ, а о производительныхъ кооперацияхъ, члены которыхъ имѣли бы все сообща. Восторженные поклонники реформатора въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ основали еженедѣльную газету *Экономистъ*, съ цѣлью, какъ значилось на обложкѣ каждого нумера, «вывеснить систему нового общества, задуманную Р. Оуэномъ». Обновление общества,—читаемъ мы въ первомъ нумерѣ,—должно произойти, когда улучшится положеніе работниковъ». *Экономистъ* проповѣдывалъ немедленную организацію производительныхъ обществъ. Газета вообще соглашалась во всемъ съ Робертомъ Оуэномъ, но только радикально расходилась съ нимъ во взглядахъ на религию. Оуэнъ признавалъ, какъ мы видѣли, что «предразсудки», отъ которыхъ такъ страдаетъ человѣчество, созданы, въ значительной степени, догматомъ; *Экономистъ* же былъ органъ христіанскихъ прогрессистовъ. Газета эта крайне важна для изученія настроеній въ Англіи «предъ зарей». *Экономистъ*—органъ крайне искренній и издавался онъ людьми дѣйствительно преданными интересамъ массъ. Газета имѣла широкій кругъ читателей среди рабочихъ. Въ первыхъ же нумерахъ *Экономиста* мы находимъ сообщеніе о возникновеніи «Кооперативного и экономического общества». Цѣлями его,—читаемъ мы,—является основаніе общины, занимающейся земледѣлемъ, фабричнымъ производствомъ и торговлей на началахъ, изложенныхъ Робертомъ Оуэномъ. Идеаломъ будетъ кооперативная деревня. Покуда же—всѣ члены займутъ одну какую-нибудь улицу или скверъ въ предмѣстіяхъ Лондона. Свои занятія (большинство членовъ организаторовъ были наборщики) они будутъ продолжать по прежнему, но вести хозяйство и смотрѣть за дѣтьми станутъ сообща. Пятый параграфъ устава говорить объ организаціи специальной кассы, изъ которой будутъ получать пособія больные и безработные. Въ десятомъ параграфѣ говорится о похоронахъ на счетъ общества его сочленовъ. Организаторъ высчитали, что 250 семействъ, живущихъ сообща и вмѣстѣ закупающихъ все оптомъ, сберегутъ въ годъ не менѣе 7780 ф. ст.

Все это въ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка было страшной новостью. Общія кассы и покупки оптомъ для всѣхъ казались чѣмъ-то необыкновеннымъ. Мы видимъ, что идеи, поражающія смѣлостью своею одно поколѣніе, кажутся азбучной истиной слѣдующему поколѣнію. Трэдъ-юніоны имѣютъ теперь миллионы средства для помощи больнымъ, потерявшимъ работу и стачечникамъ. Современный англійский работникъ не можетъ себѣ даже представить, что всего только восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ рабочіе союзы были тайными организаціями, и объ общихъ кассахъ мечтали только самые смѣлые. Кооперативные общества насчитываютъ теперь миллионы сочленовъ. Мы имѣемъ цѣлые кооперативные города, какъ, напр., Кетерингъ. Кооперациіи имѣютъ свои фабрики, мастерскія, земледѣльческія фермы и цѣлые улицы домовъ. На послѣдней выставкѣ, устроенной наднахъ кооператорами

въ Хрустальномъ дворцѣ, можно было видѣть модели этихъ изящныхъ домиковъ въ два этажа. Объясненія давалъ... громадный фонографъ. Машина объясняла, на какихъ началахъ кооператоры приобрѣтаютъ эти домики. Она же разъясняла новый планъ, осуществленный только что въ новомъ кооперативномъ городѣ. Планъ этотъ имѣеть цѣлью эмансирировать жену работника и маленькаго клерка отъ непріятной и грязной работы въ кухнѣ. Обѣдъ и ужинъ со стряпней, перемываніемъ грязныхъ тарелокъ и кипяченіемъ котловъ отнимаетъ не одинъ часъ. И вотъ кооператоры завели совмѣстные обѣды для каждыхъ двадцати семействъ. Такимъ образомъ и продукты лучше, и столъ разнообразнѣе, иѣда дешевле, и запаха кухни нѣтъ и, самое важное, у женщины больше свободного времени, чтобы читать. Теперь эти совмѣстные обѣды никого не удивляютъ, а между тѣмъ во времена Роберта Оуэна до нихъ додумывались только самые независимые и передовые люди. Черезъ пять лѣтъ у насъ подросшее поколѣніе не будетъ вѣрить, что было время въ Россіи, когда цензоръ не только безжалостно вычеркивалъ каждую замѣтку о такихъ коопераціяхъ, но отправлялъ корректуру къ жандармскому полковнику. Было это въ началѣ девяностыхъ годовъ въ Одессѣ. Цензоръ, дѣлавшій это, здравствуетъ и понынѣ, только переименованъ въ инспектора по дѣламъ печати. Такъ какъ «леопардъ» не можетъ отѣлиться отъ своихъ пятенъ, а постельный клопъ отъ свойственного ему запаха, то «инспекторъ» и теперь, вѣроятно, занимается донесеніями на печать. Вернемся, однако, къ первой англійской потребительной коопераціи.

Изъ Экономиста мы узнаемъ, что оуэнисты сняли въ ноябрѣ 1826 г. нѣсколько домовъ на Гилфордъ-стритъ. На общемъ собраніи рѣшено было, что кооперація не будетъ пока носить чисто коммунистического характера. Вотъ почему собраніе постановило, что каждая семья будетъ вносить еженедѣльно въ общую кассу опредѣленную сумму за квартиру, столъ и воспитаніе дѣтей. Каждый мужчина, все равно, одинокій или глава семейства, платилъ еженедѣльно по 14 ш. 5 п., за каждого ребенка вносились добавочная сумма. Содержаніе семьи, состоявшей изъ мужа, жены и пяти дѣтей обходилось въ 22 ш. 6 пенс. Женщины платили не деньгами, а своимъ трудомъ. Онѣ выполняли всѣ домашнія работы, а также, если могли, брали работу со стороны. Заработная плата ихъ поступала въ общую кассу и шла на воспитаніе дѣтей. Согласно уставу, когда дѣти подростали, они должны были сами поддерживать себя своимъ трудомъ. О маленькихъ же дѣтяхъ заботилась вся община. Воспитаніе являлось первой задачей коопераціи. Члены ея имѣли общія кухни и дѣтскія.

Община выпустила циркуляры, въ которыхъ заявляла, что выполняетъ всякие заказы, а именно: «вырѣзываетъ, золотитъ, то-чаетъ башмаки, шьетъ платье, мужское и женское, дѣлаетъ шляпки

и зонтики, лудить котлы, чинить печи, переплетаеть, рисуеть по бархату и по стеклу и красить ткани». Община открыла также школу, «куда за небольшую плату принимаютъ постороннихъ дѣтей». Въ скромъ времени «откроется также аптека, въ которой будетъ въ извѣстные часы дежурить врачъ». Такимъ образомъ, община, повидимому, состояла главнымъ образомъ изъ технически обученныхъ работниковъ. Черезъ двѣ недѣли *Экономистъ* сообщаєтъ, что совмѣстная жизнь оказывается гораздо болѣе выгодной и комфорtabельной. Любопытной особенностью общинь являются «увѣщатели» (monitors), которыхъ долженъ быть выбрать каждый сочленъ изъ среды общинь. Такимъ образомъ всѣ являлись одновременно и послушниками и «увѣщателями». «Monitor» обращалъ внимание своего послушника на каждую ошибку, неправильный шагъ или на проявленное раздраженіе. Въ особенности «увѣщатель» подчеркивалъ каждую ошибку по отношенію къ остальнымъ членамъ общинь, которая могла бы повести къ зарожденію взаимнаго раздраженія. Если кто-нибудь жаловался на поведеніе сочлена, то жалобу разбиралъ «увѣщатель» обвиняемаго и, въ случаѣ надобности дѣлалъ выговоръ *). Въ уставѣ точно оговорено, что «увѣщатель» не имѣть права вмѣшиваться въ личную жизнь послушника. Съ другой стороны, послушникъ не можетъ отдѣлаться отъ «суда» обвиненiemъ, возведеннымъ на увѣщателя. Эту надобливую форму взаимнаго надзора составители устава, конечно, заимствовали изъ монастырей. Нужно прибавить, что въ другихъ аналогичныхъ общинахъ, основанныхъ въ началѣ прошлаго вѣка, взаимный надзоръ проявлялся въ еще болѣе рѣзкой формѣ. Въ общинѣ «Онейда» практиковалась «критика», состоявшая въ томъ, что на еженедѣльныхъ собраніяхъ каждый долженъ быть открыто осудить своего сосѣда, или находилъ поступокъ его неправильнымъ.

Въ общинѣ на Гилдфордѣ-стритѣ были не только работники, но также «интеллигентные люди». Въ продолженіе двухъ лѣтъ,— говорить одинъ изъ нихъ въ своихъ запискахъ,— я и моя семья прожили счастливо въ обществѣ 22 рабочихъ семействъ». *Экономистъ* прекратился въ 1824 г., а затѣмъ перестала существовать и община на Гилдфордѣ-стритѣ. Никакихъ указаній на то, что послужило причиной распаденія общинь не сохранилось. Послѣдователи Оуэна вдохновлялись фактъмъ *возникновенія* общинъ; распаденіе ихъ объяснялось причинами, не наносящими удара основному ученію. Къ концу двадцатыхъ годовъ мы видимъ снова попытку основать въ Англіи коммунистическое общество *Орбистонъ*. Одинъ изъ главныхъ организаторовъ явился богатый пивоваръ Авраамъ Комбъ. Личность его крайне своеобразна. Предъ нами практическій дѣлецъ, очень честный въ коммерческомъ смыслѣ, глубоко преданный семье и необыкновенно религіозный. О

*) „Economist“, vol. II, p. 379.

попыткахъ Оуэна онъ только слышалъ и, какъ дѣлецъ, смылся надъ «пустымъ фантазеромъ», котораго осмѣивалъ въ карикатурахъ (Комбъ очень хорошо рисовалъ). И вотъ, когда холодному практику, какимъ всѣ считали Комба, было уже тридцать пять лѣтъ, ему пришлось въ октябрѣ 1820 г. посѣтить Нью-Лэндеркъ. Здѣсь онъ познакомился съ Оуеномъ и увидавъ, что тотъ сдѣлалъ — превратился въ восторженного послѣдователя реформатора. Комбъ былъ глубоко религіозный человѣкъ, а Оуэнъ — атеистъ; но оба сошлись въ любви къ человѣчеству. Искренняя вѣра, какъ проявленіе независимаго духа, всегда являлась протестомъ противъ насилия государства надъ личностью. Римъ видѣлъ въ первыхъ христіанахъ государственныхъ преступниковъ, обличавшихъ Вавилонскую блудницу за насилие надъ личностью. Всѣ отверженныя, съ одной стороны, и протестующіе — съ другой, становились адептами новаго ученія, проповѣдывавшаго всеобщее равенство и братство. Когда государство увидало, что не можетъ справиться съ новымъ ученіемъ, оно вошло въ союзъ съ вождями его. И ученіе замѣнилось обрядами и манипуляціями, которыя государство стало охранять всею своею властью.

Христіанство изъ ученія, разрушающаго «Вавилонскую блудницу», превратилось въ вѣрнаго союзника ея. Тогда начался протестъ дѣйствительно вѣрующихъ противъ церкви: появился рядъ ересей. У Прудона мы находимъ нѣсколько яркихъ страницъ, иллюстрирующихъ это явленіе. «Намъ обѣщали, что не будетъ ни рабства, ни лихоимства», — говорили люди и обвиняли церковь въ подлогѣ и въ ерсіи. Двѣнадцать вѣковъ, одинъ за другимъ, безостановочно поднимались эти протесты, всегда кроваво подавляемые, но возвращавшіеся постоянно снова съ удивительнымъ однообразіемъ во внутреннемъ смыслѣ и значеніи. Что же касается внѣшней формы ихъ, — продолжаетъ Прудонъ, — то, конечно, споръ шелъ о такихъ туманныхъ тонкостяхъ, что ожесточеніе, съ которымъ одни преслѣдовали, а другие упорствовали, будетъ совершенно непонятно, если за этой внѣшностью не видѣть серьезнаго соціального содержанія... Когда послѣ упорной борьбы съ язычествомъ, христіанство восторжествовало, надо было ожидать полнаго преобразованія общества въ идеѣ равенства, любви и свободы, — продолжаетъ Прудонъ. — Но крестъ побѣдилъ, а все осталось по старому. Христіанство не принесло рабамъ свободы, угнетеннымъ спасенія, ограбленнымъ избавленія, голодающимъ хлѣба. «Горе богатымъ и сытымъ!» — говорила религія. Но вотъ она побѣдила, а богатые по прежнему лихоимствуютъ, сытые по прежнему отнимаютъ послѣдній кусокъ у голодающихъ. Тѣ, которые ждали себѣ спасенія въ новой религіи, почувствовали это противорѣчіе и разладъ словъ съ гѣлами. Это вызвало страшное негодованіе, увлекло многихъ въ странныя крайности. Всѣ, кому было плохо, видѣли себя обманутыми и обвиняли господствующіе

классы въ фальсификациі христіанства, въ извращеніи его, въ богоотступничествѣ. «Новая вѣра обѣщала спасеніе, чо спасеніе не пришло. Неужели виновата вѣра? Нѣтъ, евангеліе свято и божественно, а виноваты лицемѣры, которые вмѣсто евангельского христіанства дали прежнее язычество въ новыхъ формахъ, старое вино въ новыхъ мѣхахъ. Вѣдь язычество было религией рабства: оно освящало, узаконяло и поддерживало насилие и лихоимство. Христіанство—благая вѣсть, потому что возвѣщало свободу и братство, осуждало грабежъ, сулило царство униженнымъ, кару деспотамъ *). Но та религія, которую выдаются за побѣдившее христіанство, подобно язычеству, проповѣдуется насилие и грабежъ; слѣдовательно, религія эта не заповѣдь Христа; слѣдовательно, члены ея лицемѣры, переодѣтые язычники, преступники, уличенные въ искаженіи божественного слова». Такъ, по гипотетическому предположенію Прудона, должны были разсуждать основатели и послѣдователи секты. Въ самомъ дѣлѣ, ученіе циркумцеллюновъ, несторіанъ, апоплинаристовъ, аріанъ будеть не то что не понятно, а непостижимо уму,—невозможно понять какъ тысячи людей отдавали свою жизнь за неуловимую казуистическую тонкость, если мы не примемъ во вниманіе той соціальной подкладки ересей, о которой говорить Прудонъ. Въ 1904 г., возвращаясь изъ Бискры въ Сахарѣ, я посѣтилъ развалины римского города Тимгада. Въ окрестностяхъ его, въ горахъ, живетъ упрямое, сурое племя кабилловъ (берберовъ). Если вы справитесь у историковъ въ Алжирѣ, они вамъ скажутъ, что племя въ окрестностяхъ Тимгада двѣнадцать разъ мѣняло свою вѣру въ продолженіе девяти вѣковъ. Они были когда-то послѣдователями кареагенской Астарты, затѣмъ перешли въ іудаизмъ, когда среди нихъ появилась воинственная пророчица, поднявшая ихъ противъ римского владычества. Затѣмъ кабиллы во-сторожено приняли ученіе Галлилеянина и принимали дѣятельное участіе въ кровавыхъ бояхъ африканскихъ ересей. Кабиллы искали такую вѣру, которая дала бы имъ свободу и землю. Въ туманныхъ тонкостяхъ іересіарховъ они уже сами находили, что искали. И чѣмъ ученіе было непонятнѣе, тѣмъ легче было вложить въ него свое содержаніе: свободу отъ рабства и право на землю. Когда же кабиллы убѣдились, что и ереси не дали желаемаго, они сожгли Тимгадъ и ушли въ горы. Потомъ явились проповѣдники ислама, обѣщавшіе каждому новообращенному свободу и право на землю. И кабиллы стали мусульманами, такими же фанатическими и ревностными, какъ прежде были христіанами, іudeями или послѣдовав-

*) О заговорахъ противъ деспотовъ говорится.. какъ извѣстно, много въ Ветхомъ завѣтѣ. „И послѣ того времени, какъ Амасія отступилъ отъ Господа, составили противъ него заговоръ въ Йерусалимѣ. и онъ убѣжалъ въ Лахисъ. И послали за нимъ въ Лахисъ, и умертили его тамъ.“ Вторая книга Паралипоменонъ, гл. XXV, 27.

телями Астарты. Классическимъ типомъ религіознаго реформатора, сознательно выступающаго также борцомъ противъ соціальной не-правды является юома Мюнцерь. «Наши князья и господа, — писалъ онъ,—разсоль лихоимства, воровства и разбоя. Они все забираютъ себѣ въ собственность: рыбъ въ водѣ, птицъ въ воздухѣ, растенія на землѣ; все принадлежитъ имъ. И для оправданія своего явнаго грабежа, они толкуютъ бѣднякамъ о заповѣди Божіей, говоря: Богъ повелѣлъ не красть! Но до нихъ эта заповѣдь не касается. Они обираютъ и грабятъ бѣдныхъ поселянъ, работниковъ, словомъ, всякаго живого человѣка. А другихъ за малѣшую пропинность вѣшаютъ, и докторъ Лгунъ (т. е. Лютеръ) приговариваетъ: «Аминь»... Встаньте, встаньте, встаньте!—писалъ Мюнцерь мансфельдскимъ рудокопамъ. Пора! насильники оробѣли теперь, какъ псы. Зовите братьевъ, собираите всѣхъ, потому что мѣра переполнилась! Поднимайтесь! Не склоняйтесь на милосердіе, если Исаевъ будетъ задабривать васъ сладкими словами.»

Въ странѣ, где есть живая вѣра, где она не закостенѣла въ обрядахъ, охраняемыхъ полиціей,—тамъ глубоко религіозные люди идутъ вмѣстѣ не съ господствующей церковью, заключившей оборонительный и наступательный союзъ противъ народа съ государствомъ, а съ политическими и соціальными реформаторами. Такъ дѣло обстоитъ въ Англіи. Здѣсь мы видимъ теперь искренно вѣрующихъ людей, какъ диссентеръ Клифордъ или священникъ Скотъ-Холландъ, идущихъ обѣ руку не съ епископами, а съ свободнымъ мыслителемъ Бернсомъ. Такимъ же образомъ глубоко религіозный Авраамъ Комбъ сталъ восторженнымъ послѣдователемъ атеиста Роберта Оуэна.

IX.

Комбъ всю свою жизнь и всѣ свои средства отдалъ на осуществленіе идеаловъ Роберта Оуэна. Проникновеніе новыми идеями носило у Комба чисто религіозный характеръ. «Онъ пересталъ рисовать каррикатуры, — говорить Подморъ, — въ отношеніяхъ къ роднымъ и знакомымъ Комбъ сталъ настолько же кротокъ и мягокъ, насколько прежде былъ раздражителенъ и суровъ.» Въ 1815 г., вмѣстѣ съ другимъ богатымъ фабрикантомъ Гамильтономъ, которого Оуэнъ обратилъ въ соціалиста, — Комбъ приобрѣлъ имѣніе Орбистонъ, въ девятыи миляхъ отъ Глазго. Покупка обошлась почти въ 50 тысячъ ф. ст. Здѣсь Комбъ рѣшилъ основать колонію, которая послужитъ ядромъ для нового общества. Послѣшно были начаты постройки и, когда онъ былъ наполовину кончены, навербовали около тысячи колонистовъ. Составители плана задумали постройки въ широкихъ размѣрахъ. Для каждого колониста полагалась отдѣльная, большая комната. Общими были кухни, столовы, громадныя залы для митинговъ, баловъ, библіотекъ и ре-

креацій и дортуары для дѣтей. Какъ во всѣхъ оуэновскихъ общинахъ, въ Орбистонѣ главное вниманіе должно было быть обращено на воспитаніе дѣтей.

Комбъ не подбиралъ специально колонистовъ. «Мы дѣлаемъ нашъ опытъ, чтобы побѣдить невѣжество, бѣдность, преступленіе и порокъ, поэтому, нельзя оправдываться, если попытка не удастся, тѣмъ, что колонисты были невѣжественны, преступны и порочны.» Такъ отвѣчалъ Комбъ людямъ, совѣтовавшимъ ему сдѣлать тщательный подборъ колонистовъ для Орбистона.

Постройки далеко еще не были кончены, когда колонисты прибыли. Въ подавляющемъ большинствѣ къ нимъ подходило опредѣленіе, даваемое оуэнистами современному обществу: колонисты были «очень невѣжественны, бѣдны и порочны». Не мало также было людей, совершенно непривыкшихъ къ правильной работѣ. По уставу колоніи надсмотрщиковъ не полагалось. Колонисты должны были работать, побуждаемые общественными интересами; но у людей, явившихся въ Орбистонъ, соціальныхъ инстинктовъ совершенно не было. «Трудно себѣ даже представить худшій подборъ индивидуумовъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, — говорить современникъ; колонисты, большую частью, представляли собою отбросы общества. Взрослые всю свою жизнь провели въ отчаянной бѣдности. То былъ народъ гнѣвивый, нечистоплотный и совершенно беззаботный. Запахъ сквернаго табаку доносился изъ каждой квартиры, а подъ окнами начинали уже образовываться сорные кучи. Дѣти и подростки немногимъ отличались отъ взрослыхъ. Съ утра до поздней ночи ребятишки дрались или вели грубыя игры» *). Колонистамъ необходимо было вскопать немедленно поле подъ картофель. На работы вышло не больше пятнадцати человѣкъ. Они поковыряли часъ лопатами, затѣмъ принялись курить, надѣли сюртуки и отправились домой. Скептики совѣтовали Комбу измѣнить уставъ, ввести принципъ обязательности урочного труда и назначить надсмотрщиковъ; но основатель колоніи отказался наотрѣзъ. Община должна быть самоуправляющейся,—объяснялъ Комбъ. Только въ такомъ случаѣ можно разсчитывать на пробужденіе общественныхъ инстинктовъ. До тѣхъ поръ, покуда будуть надсмотрщики, каждый изъ членовъ колоніи станетъ смотрѣть на свой трудъ, какъ на подневольный и каторжный, хотя бы всѣ результаты его шли въ пользу производителя. Только при полной свободѣ колонистъ оцѣнитъ значеніе общественныхъ добродѣтелей.

Комбъ былъ правъ. Черезъ пять мѣсяцевъ, въ августѣ, организація колоніи приняла стройный характеръ. Прежде всего образовалась артель литейщиковъ, устроившихъ маленький заводъ. Весною 1827 г. артель эта не только обслуживала уже всю колонію, но изготавливала также на продажу каминныя решетки, котлы, печи,

*) Orbiston Register, vol. p. 125.

и др. вещи. Доходы отъ продажи фабрикатовъ значительно поправили дѣла колонії. Маленький заводъ до такой степени расширился, что понадобилась новая плавильная печь и паровой кранъ. Затѣмъ наладилась молочная ферма. Корреспондентъ изъ Орбистона сообщаетъ въ *Nottingham Mercury*, что молочная артель имѣть уже десять коровъ, а скоро надѣется имѣть сорокъ. Мало-по-малу примѣръ работавшихъ товарищевъ подѣйствовалъ на другихъ, сидѣвшихъ до того времени праздно. Люди устыдились сидѣть у окна съ трубкой въ зубахъ, когда сосѣди идутъ на работу. Образовалась строительная артель, занявшаяся полузаоконченными постройками. Еще черезъ четыре мѣсяца корреспондентъ *Nottingham Mercury* подробно описываетъ канатный заводъ, устроенный въ одномъ изъ законченныхъ зданій. На канатномъ заводѣ, между прочимъ, изготовлены были бичевки, изъ которыхъ двѣ связали себѣ. Въ колоніи появилась уже артель рыбаковъ, снабжавшая всю общину. Лодку тоже смастерили сами колонисты. Черезъ два мѣсяца возникла маленькая ткацкая фабрика. Колонія начала изготавлять матеріаль для платья членовъ общины. Появилась артель шапочниковъ, обслуживавшая колонію и посыпавшая шляпы на продажу въ Глазго; почти одновременно образовались артели саложниковъ и колесниковъ. Подоспѣла жатва. Всѣ работники оставили на это время свои мастерскія и отправились въ поле.

Общественные инстинкты пробуждались не сразу и не у всѣхъ колонистовъ въ одинаковой степени. Въ первые мѣсяцы существованія Орбистона бывали непріятные случаи, вполнѣ понятные, если принять во вниманіе составъ колоніи. Такъ, *Orbiston Register* отъ 9 мая 1827 г. съ грустью констатируетъ, что нѣкоторые колонисты обманываютъ общественного счетчика и говорять ему, что работали большее количество часовъ, чѣмъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, эти колонисты сильно увеличили свой активъ. Черезъ мѣсяцъ, въ іюнь, официальная газета говоритъ, что нѣкоторые члены взяли изъ общественныхъ магазиновъ продуктовъ втрое больше, чѣмъ могутъ съѣсть. Эти продукты проданы колонистами жителямъсосѣднихъ деревень. Но мало-по-малу факты подобного рода совершенно исчезаютъ.

Нужно сказать, что Комбъ основывая Орбистонъ, имѣлъ въ виду полную коммуну; но потомъ рѣшилъ предоставить самимъ колонистамъ сдѣлать послѣдній шагъ. Въ сентябрѣ 1826 г. собрались сходъ всѣхъ членовъ общины. Послѣ обсужденій, продолжавшихся много часовъ, колонисты приняли такую резолюцію. «Всѣ члены сообща производить капиталъ, необходимый для покрытия всѣхъ расходовъ колоніи, Что же касается остатка, то онъ будетъ распределенъ между всѣми членами общины пропорционально рабочему времени, затраченному каждымъ». На этой почвѣ, какъ мы видѣли, возникали первое время нѣкоторыя злоупотребленія.

Колонія мало-по-малу становилась на ноги и прогрессировала. Съ каждымъ мѣсяцемъ улучшался также внѣшній видъ ея. Постройки были закончены, колонисты разбили грядки съ цвѣтами, проложили дорожки, обсаженные кустами и фруктовыми деревьями. Исчезла та грязь и та атмосфера вѣчной ругани, которая такъ поражали первыхъ посѣтителей Орбистона. Люди стали чище въ своихъ привычкахъ, прекратились ссоры и ругань. Особенно поразительна была перемѣна, происшедшая въ дѣтяхъ. Въ большинствѣ они выросли въ трущобахъ. Первое время они нагоняли ужасъ на жителей всѣхъ окрестныхъ деревень и слава про нихъ доходила даже до Глазго. Ребятишки эти то воевали другъ съ другомъ, то отправлялись на экспедицію въ сосѣдніе огороды и сады. Слѣдуетъ помнить, что въ Англіи, да и за границей вообще, къ такимъ походамъ относятся гораздо строже, чѣмъ въ Россіи. У насъ даже культурные люди считаютъ невинной шалостью оборвать цвѣты въ общественномъ саду, если никто не видѣть, или сломать перевѣсившуюся изъ чужого сада черезъ заборъ вѣтку, чтобы лучше обшипать вишни. За границей не склонны смотрѣть на это, какъ на невинную шалость, даже если сдѣлана она дѣтьми. Въ Англіи же въ двадцатыхъ годахъ обображеніе чужого сада составляло тяжкое преступленіе, которое могло быть наказано даже ссылкой въ Австралію. Вотъ почему «орбистонская шайка», какъ называли дѣтей, гремѣла на всю округу. Но вотъ товарищъ Комба — Кѣмбелль принялъ за воспитаніе дѣтей. Онъ собралъ ихъ и занялъ интересными физическими опытами. Затѣмъ сумѣлъ имъ внушить, почему чистота такъ желательна. Къ слѣдующему уроку мальчики явились умытые, съ вычищенными башмаками. Кѣмбелль опять показалъ имъ физические опыты и, незамѣтно, указалъ на рядъ нежелательныхъ явлений въ поведеніи дѣтей. Въ то время въ школахъ, и въ особенности, въ народныхъ, практиковалась отчаянная трепка. Въ Орбистонѣ тѣлесные наказанія были совершенно изгнаны. И, не смотря на это, черезъ шесть мѣсяцевъ дѣтей нельзя было совершенно узнать. Исчезли драки, походы въ чужіе сады, грубая ругань, перенятая у взрослыхъ и куренье табаку. Кѣмбелль пробудилъ въ дѣтяхъ чувство корпоративного сознанія и самоуваженія. Черезъ пять мѣсяцевъ какой-то мальчикъ, Джонъ Пайнъ, обругалъ товарища и поколотилъ его. Другіе мальчики сейчасъ же выбрали присяжныхъ, судей и разобрали дѣло. Вина Джона Пайна выяснилась, и товарищи выразили ему строгое порицаніе. Исходя изъ пониманія, что дѣти больше всего любятъ игры, основанные на подражаніи взрослымъ, Кѣмбелль пріучилъ мальчиковъ къ полевымъ работамъ, обучилъ ихъ столярному, плотничью и другимъ ремесламъ. Обученіе носило характеръ игръ, а между тѣмъ дѣти начали приносить существенную помощь колоніи. Черезъ годъ окрестная деревня съ удивленіемъ узнали, что «орбистонская шайка», которая не такъ давно еще нагоняла ужасъ

на всѣхъ, въ свободное время учится музикѣ. Вскорѣ изъ дѣтей составился порядочный оркестръ, который игралъ въ театрѣ въ Орбистонѣ. Актерами были колонисты.

Лѣтомъ 1827 г. колонію посѣтилъ Робертъ Оуэнъ и нашелъ, что все идеть великолѣпно, какъ нельзя лучше.. Дѣла Орбистона находились въ цвѣтущемъ состояніи. Предвидѣлся очень хороший урожай. Колонисты развели много свиней. Литейный заводъ и фабрики работали очень хорошо. Колонисты прокладывали всюду новый дренажъ, что должно было увеличить плодоносность и продуктивность полей. Помимо материальнаго успѣха, соціальная жизнь колоніи не оставляла желать ничего лучшаго. Грубое, лѣнивое, ожесточенное населеніе, совершило преобразилось. «Я попала совершенно въ иной міръ,—пишетъ одна дама, посѣтившая Орбистонъ... Я была вчера на вечерѣ, устроенному колонистами и подобного заразительного веселья никогда еще не видала. Колонисты танцевали до утра». Повидимому, все предвѣщало, что опытъ въ Орбистонѣ также удастся, какъ и въ Нью-Лэнерѣ; но колонія пришла къ неожиданному концу. Въ концѣ 1827 г. Комбъ скоропостижно скончался. Послѣдними словами его было: «счастливъ, что опытъ въ Орбистонѣ удался». Предъ смертью Комбъ самъ продиктовалъ эпитафию, которая вырѣзана теперь на его могильной плитѣ: «Разумъ его въ предсмертный часъ одобрилъ, что онъ дѣлалъ въ жизни». Комбъ, однако, совершилъ одну невольную ошибку. По духовному завѣщанію наследникомъ и душеприказчикомъ остался братъ Авраама—Вильямъ. Комбъ юридически считался собственникомъ Орбистона, потому что на свой счетъ и на свое имя купилъ землю. И вотъ, основываясь на этомъ правѣ, осенью 1827 г. Вильямъ Комбъ назначилъ помѣстье въ продажу и вѣльзъ выбраться всѣмъ колонистамъ. Робертъ Оуэнъ былъ тогда всесѣло поглощенъ въ Америкѣ опытомъ въ Новой Гармоніи, а безъ него нельзѧ было найти сочувствующихъ капиталистовъ, которые снабдили бы колонистовъ громадной суммой на покупку. Землю продали, а колонія разбрелась. Неожиданная продажа разорила нѣкоторыхъ восторженныхъ поклонниковъ Оуэна, снабдившихъ колонистовъ деньгами на устройство литейнаго завода и фабрикъ. Два ученика Оуэна—Вильямъ Шадденъ и Кэмбелъ (организаторъ школы въ Орбистонѣ)—не только потеряли рѣшительно все, но попали даже въ долговую тюрьму, такъ какъ они были материально отвѣтственны за долги, заключенные производительными артелями. Катастрофа чинсколько не уменьшила ихъ вѣры въ учение Оуэна. «Я глубоко убѣжденъ, что только ваше учение, осуществленное въ жизни, можетъ спасти человѣчество,—писалъ изъ тюрьмы Оуэну Кэмбелъ въ октябрѣ 1828 г. Какъ только меня освободятъ, я снова стану проповѣдывать систему, въ осуществимость которой твердо вѣрю. Эта система настолько совершенѣе современного общества, насколько знаніе выше невѣже-

ства». Дѣйствительно, Кэмбелль до самой смерти былъ однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ апостоловъ ученія Оуэна.

X.

Робертъ Оуэнъ, между тѣмъ, успѣшно проповѣдывалъ устройство производительныхъ коопераций. Въ началѣ 1830 г. въ Англіи насчитывалось уже не меныше трехсотъ обществъ подобнаго рода, а въ 1831 г. число ихъ достигло 500. Возникло специальное общество для пропаганды идей кооперации и для помощи имъ (British Association for promoting Co-operative Knowledge). Возникли первыя потребительныя кооперативныя общества и стали появляться при нихъ специальная изданія, какъ «Лондонскій Вѣстникъ коопераций». То были первые неувѣренные шаги; чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ движеніе въ другой формѣ, чѣмъ проповѣдывалъ Оуэнъ, охватило всю Англію. Теперь англійскія кооперативныя общества на первый планъ выставляютъ мотивы практическіе; въ то время кооперации усиленно подчеркивали идеалистическія стремленія. «Мы стремимся къ всеобщему братству,—читаемъ мы въ первомъ нумерѣ кооперативнаго журнала. — Все человѣчество должно пользоваться одинаковыми привилегіями. Всюду должны наступить миръ и благоволеніе. Равное распределеніе труда, богатства и знанія должны осуществить счастье человѣческаго рода».

Цѣли и стремленія первыхъ англійскихъ кооперативныхъ обществъ хорошо опредѣлены въ книгѣ Вильяма Томсона «Практическое руководство для быстрой и дешевой организаціи коммунъ», вышедшей въ 1830 г. *). Авторъ опредѣляетъ методъ кооперации, какъ «добровольный союзъ промышленныхъ или производительныхъ классовъ, соединившихся въ такомъ числѣ, что представляются готовыя рынки другъ для друга». «Кооперации производятъ одна для другой всѣ продукты первой необходимости». Производительныя кооперации немыслимы безъ земли. Союзъ кооператоровъ, занятый какой-нибудь другой отраслью промышленности, а не земледѣліемъ, напр., литейнымъ или ткацкимъ дѣломъ, откладываетъ чистую прибыль на покупку или на аренду земли. Томсонъ намѣщаетъ, такъ сказать, концентрический планъ кооперации, т. е., какимъ путемъ, въ концѣ концовъ, дойти до земли. Авторъ выясняетъ «два базиса идеальной коммуны»: 1) Равное распределеніе и 2) общность всѣхъ орудій производства. «Равное распределеніе», по разъясненію Томсона,—означаетъ, что каждый сочленъ отдаетъ общинѣ свои способности и получаетъ пропорціонально своимъ потребностямъ.

*) William Thompson, „Practical Direction for the Speedy and Economical Establishment of Communities“, London, 1830.

«Общность орудий производства» означаетъ, что каждый взрослый сочленъ кооперации имѣеть одинаковыя со всѣми права на земли, постройки, машины, орудія и живой инвентарь общины.

Мы видимъ, что Томсонъ въ существенныхъ чертахъ намѣчаетъ соціалистическую программу. Въ 1831 г. въ Манчестрѣ собрался первый конгрессъ кооператоровъ, который единогласно принялъ программу Томсона.

Для кооперации необходимъ былъ рынокъ. И вотъ эта потребность повела къ созданию «Биржи взаимного обмѣна», которая основалась по проекту Роберта Оуэна. Реформаторъ преслѣдовалъ двѣ цѣли: во-первыхъ — правильный обмѣнъ продуктами между различными производителями; во-вторыхъ — устраненіе посредниковъ между производителемъ и потребителемъ, т. е. купцовъ съ ихъ прибылью. На биржѣ взаимного обмѣна расцѣнка фабриката должна производиться не на деньги, а соотвѣтственно количеству рабочихъ часовъ, разумно затраченныхъ на него производителемъ. Если такая расцѣнка будетъ принята, — доказывалъ Оуэнъ,—то устранится одно изъ самыхъ страшныхъ бѣдствій современного общества — безработица. «Тысячи работниковъ пробуждаются утромъ, не зная, гдѣ они сегодня найдутъ работу, — говорить Оуэнъ въ передовой статьѣ своей газеты *Crisis*, которую сталъ издавать въ 1832 г. Каждый изъ этихъ работниковъ можетъ производить больше, чѣмъ ему нужно для собственныхъ потребностей и каждый изъ нихъ нуждается въ продуктахъ, производимыхъ другими работниками. Обычно, чтобы добыть эти продукты, производитель предварительно сбѣнниваетъ свой фабрикатъ у «торговца деньгами» (*moneuy holder*) на ходячу монету, а затѣмъ уже обмѣниваетъ деньги на необходимую вещь. Производитель мѣняется, такимъ образомъ, или съ другимъ производителемъ, или, что гораздо чаще, съ посредникомъ, купцомъ. И если существуетъ недостатокъ въ деньгахъ, или если посредникъ не желаетъ купить предложенный ему продуктъ,—производитель, чтобы приобрѣсть необходимую ему вещь, долженъ сильно потерпѣть материально. Производитель всегда зависитъ отъ посредника, удерживающаго въ свою пользу, въ видѣ прибыли, значительную часть труда, затраченного на каждую вещь, проходящую черезъ его руки. Это крайне убыточно для производителя, который съ невыгодой для себя разстается съ своимъ продуктомъ и съ такою же невыгодой приобрѣтаетъ необходимую вещь. Теперь нѣтъ болѣе надобности въ посреднике; производитель можетъ обойтись безъ него—продолжаетъ Роберт Оуэнъ.—Для этого производители должны вступить въ взаимныя сношенія и обмѣниваться своими издѣліями, что будетъ выгодно, какъ для нихъ, такъ и вообще для потребителя». Необходимы биржи взаимного обмѣна. Но для этого нужно предварительно установить общую систему расцѣнки, для чего слѣдуетъ имѣть въ виду нѣсколько основныхъ принциповъ.

«Богатства (т. е. накопление фабрикатовъ и орудій производства) являются результатомъ труда и знаній, — говорить Робертъ Оуэнъ. — Трудъ и знаніе вознаграждаются соотвѣтственно производительно затраченному для опредѣленной цѣли времени. Вотъ почему рабочее время должно служить шкалою или мѣрой богатства» *).

Робертъ Оуэнъ извѣстилъ о томъ, что онъ устраиваетъ въ Лондонѣ на Гризингъ-роадѣ биржу взаимнаго обмѣна, на которой производители будутъ получать, въ обмѣнъ за доставленные туда издѣлія, билеты, съ указаніемъ числа затраченныхъ рабочихъ часовъ. Каждый рабочій часъ будетъ представлять цѣнность въ шесть пенсовъ. Съ обычнымъ своимъ организаторскимъ и практическимъ талантомъ Робертъ Оуэнъ детально выработалъ планъ исчисленія стоимости издѣлій, приносимыхъ на биржу. Предположимъ, столяръ, рабочій часъ которого на трудовомъ рынке оплачивается однимъ шиллингомъ, приноситъ на биржу взаимнаго обмѣна комодъ. Рабочіе часы исчисляются такимъ образомъ. Прежде всего опредѣляется въ деньгахъ стоимость матеріала, а затѣмъ въ деньгахъ же стоимость труда. Вся сумма потомъ превращается въ пенсы и дѣлится на 6. Частное—составить число рабочихъ часовъ, на которое производитель получаетъ соотвѣтственный чекъ.

Національная биржа взаимнаго обмѣна (National Equitable Labour Exchange) была открыта 17-го сентября 1832 г. и первое время имѣла колоссальный успѣхъ. Производители доставили такую массу издѣлій, что заполнили не только всѣ помѣщенія, но заставили даже тротуары. Черезъ четыре дня пришлось временно закрыть на три дня биржу, чтобы разставить доставленныя издѣлія и опѣнить ихъ. Чеки биржи съ указаніемъ на нихъ числа рабочихъ часовъ **) принимались не только въ складахъ ея въ обмѣнъ на издѣлія. Театры и нѣкоторые магазины заявили, что принимаютъ чеки вмѣсто денегъ. Въ большихъ провинціальныхъ городахъ, какъ въ Бирмингэмѣ, напр., чеки биржи охотно принимались. Успѣхъ биржи въ первые дни былъ такъ великъ, что 24-го сентября, т. е. черезъ недѣлю послѣ открытия, Робертъ Оуэнъ на митингѣ заявилъ: «промышленно непроизводительные классы, т. е. торговцы и посредники должны скорѣе выучиться какому-нибудь дѣлу. Биржа взаимнаго обмѣна послужить тѣмъ мостомъ, по кото-

*) *Crisis*, vol. I, p. 59.

**) Вотъ текстъ такого чека: „Биржа взаимнаго обмѣна. Завѣдующему складомъ биржи. Такого-то числа и года. Вручите предъявителю изъ товаровъ, находящихся въ складахъ, эквивалентъ столькихъ часовъ рабочаго времени. Главный распорядитель Робертъ Оуэнъ. Директоръ Остинъ“. Чекъ украшенъ виньетками съ символическими изображеніями девиза биржи: „Трудолюбіе“ (улей) и „Справедливость“ (вѣсы). На чекѣ помѣщены адресъ биржи и прибавлено: „открыта отъ десяти до шести“. Фотографический снимокъ чека приложенъ къ книгѣ Подмора (vol. II, p. 418).

рому современное общество перейдетъ въ новый міръ производства и справедливаго распределенія». Черезъ два дні Робертъ Дэйль Оуэнъ (старшій сынъ) созвалъ митингъ торговцевъ и посовѣтовалъ имъ переселиться въ Новую Гармонію, чтобы тамъ выучиться какому-нибудь полезному дѣлу. Лекторъ предсказывалъ, что биржа взаимнаго обмѣна гибельно отразится на интересахъ продавцовъ.

До конца 1832 г. дѣла биржи взаимнаго обмѣна шли блестяще. Главнымъ образомъ доставляли туда свои издѣлія портные, столяры и сапожники. Въ этой сферѣ труда до сихъ поръ чаще всего наблюдается такъ называемая система выжиманія пота. Въ концѣ декабря 1832 г. издѣлія, доставленныя на биржу взаимнаго обмѣна оцѣнивались въ 445,500 рабочихъ часовъ, обмѣнено было товаровъ на 376,166 рабочихъ часовъ. Такимъ образомъ, на складѣ имѣлся товаръ, оцѣненный въ 69,335 раб. час., или въ 1733 ф. ст. 7 шил. 6 пенсовъ. Дѣла шли такъ хорошо, что понадобилось открытие нового отдѣленія биржи въ другой части города. Ослѣпленный успѣхомъ биржи, владѣлецъ зданія повысилъ арендную плату на 100% (1400 ф. ст. въ годъ вмѣсто 700). Существованіе биржи породило у работниковъ планъ, какъ помочь безработнымъ товарищамъ, и въ началѣ 1833 г. образовался союзъ промышленныхъ ассоціацій, въ который вошли портные, сапожники, столяры, маляры, стекольщики, плотники, шапочники, щеточники, литейщики и машинисты. Каждый изъ членовъ союза вносилъ еженедѣльно по одному шиллингу. На эти средства были наняты помѣщенія и приобрѣты материалы для безработныхъ, которые получали на биржѣ взаимнаго обмѣна за свои издѣлія часть чеками, а часть—наличными деньгами. Изъ отчетовъ союза промышленныхъ ассоціацій мы видимъ, что покуда биржа представляла готовый рынокъ, всѣ безработные, умѣющіе и желающіе что-нибудь дѣлать, находили занятія.

Съ 1834 г. дѣла биржи сильно пошатнулись. Мы видимъ, что она имѣеть на складѣ много товаровъ, тогда какъ обмѣнъ страшно сократился. Съ каждымъ мѣсяцемъ дѣла ухудшаются. Бакалейные товары, которые выдавались прежде изъ складовъ биржи въ обмѣнъ за чеки, въ маѣ 1834 г. отпускаются уже частью за наличныя деньги. Еще черезъ мѣсяцъ покупатели должны дать 75% стоимости наличными и только 25%—чеками. Въ концѣ іюня дѣла ухудшаются такъ, что директоръ Остинъ пишетъ Оуэну о необходимости ликвидациіи. Черезъ три недѣли биржа взаимнаго обмѣна обанкротилась. Чѣмъ объяснить это явленіе? Главнымъ образомъ, виною явилась недобросовѣстность многихъ клиентовъ биржи, которые доставили туда много негоднаго товара. Получивъ чеки, они поспѣшили забрать изъ складовъ все лучшее и цѣнное. Такимъ образомъ, на рукахъ у директоровъ остался никуда не годный хламъ. Робертъ Оуэнъ придумалъ замѣчательный планъ устраненія

посредника; но онъ упустилъ изъ вида существованіе «человѣческихъ устрицъ», о которыхъ говоритъ Герценъ.

XI.

Начало тридцатыхъ годовъ въ Англіи—время отчаянной борьбы демократіи за политическія реформы. Въ Англіи былъ парламентъ, но имъ могли пользоваться только очень богатые люди, которые и использовали его для своихъ личныхъ цѣлей. Съ конца XVII Англія имѣла свободу печати; но опять же привилегіей этой фактически пользовались только богатые классы, которые приняли всѣ мѣры, чтобы массы не имѣли газетъ. Съ этой цѣлью существовалъ налогъ на бумагу и штемпельный налогъ; послѣдствіемъ было, что нумерь газеты стоилъ семь пенсовъ, т. е. 28 коп. Теперь нумерь англійской газеты въ 12 страницъ громаднаго формата стоить только полъ-пенни (2 коп.). Въ Англіи была свобода совѣсти. Еще въ началѣ XVII в. здѣсь появилась смѣлая и остроумная критика Болингброка, у которого Вольтеръ заимствовалъ такъ много. Болингброкъ открыто выступалъ противъ библіи, когда во Франціи возможны были еще казни Калласа и шевалье Барра. Но тотъ же Болингброкъ допускаетъ скептицизмъ только для знатныхъ людей. Массы нужно изъ политическихъ соображеній держать въ темнотѣ. Пусть господствующая религія,—говорить Болингброкъ,—будетъ, быть можетъ, совершенно груба и суевѣрна,—все равно! Ее нужно всетаки сохранить во всемъ объемѣ, со всѣми догматами и обрядами, потому что она полезна для обузданія народа. Религія это—*instrumentum regni*, по выражению Тацита. Въ письмѣ къ Свифту Болингброкъ называетъ свободныхъ мыслителей, пишущихъ для массъ,—язвой общества. И, руководствуясь, должно быть, завѣтомъ Болингброка, правительство въ 1840 г. арестовало и отправило въ тюрьму «за кощунство» неизвѣстнаго тогда молодого человѣка, проповѣдывавшаго въ деревенской тавернѣ крестьянамъ раціонализмъ (процессъ Голіоака). Въ Англіи существовала свобода союзовъ, но опять только для богатыхъ людей. Они могли устраивать лиги, ассоціаціи, политические клубы. Союзы же работниковъ преслѣдовались, какъ тяжкое преступленіе, какъ «conspiracy», и карались сперва смертной казнью, а потомъ, когда нравы смягчились, ссылкой въ Австралію. Богатые классы забрали въ свои руки политическую власть, привилегіи гражданъ, словомъ все, и зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы массы не выходили изъ состоянія животныхъ. Путемъ захвата общинныхъ земель, богатые классы выгнали изъ деревень крестьянъ, которые принимали такое видное участіе въ борьбѣ съ короной въ XIV и въ XVII вв. Сельское населеніе скучилось въ грязныхъ, нездоровыхъ городахъ того времени. Черезъ два поколѣнія, вслѣдствіе отчаянной нищеты и глубокаго

иевъжества, потомки свободныхъ іоменовъ совершили одичали въ городахъ. Достаточно прочитать реалистические романы Фильдинга (напр. Джонатанъ Уайдъ) или Смоллетта (*Родерикъ Рэндомъ* или *Приключения Перегрина Пикла*); достаточно просмотрѣть серія карикатуръ Хогарта (напр. «Четыре стадіи жестокости» или «Прогрессъ потаскуши»), чтобы убѣдиться въ этомъ. Все это—точные показанія современниковъ, которые рисовали съ натуры. Русскимъ читателямъ, вѣроятно, болѣе доступенъ Диккенсовскій *Барнаби Реджъ* (я не знаю, переведены ли упомянутые выше романы). Пусть они вспомнятъ участниковъ Гордоновскаго мятежа въ 1780 г., выведенныхъ въ романѣ, хотя передъ нами не исторический документъ, какъ, напр., романы Смоллетта. Диккенсъ описывалъ Гордоновский мятежъ черезъ 65 лѣтъ.

Богатые классы съ безпощадной жестокостью расправлялись тогда съ бѣдными. Читатели, вѣроятно, помнятъ матерь конюха Хью (Барнаби Реджъ), повѣщенную за ничтожный проступокъ. Диккенсъ взялъ исторический фактъ, дѣло нѣкоей Мэри Джонестъ, казненной въ 1777 г. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ смертная казнь полагалась за воровство, за поддѣлку монеты, за подлогъ и пр. Съ на-чала тридцатыхъ годовъ начинается пробужденіе англійской демократіи. Билль о реформахъ 1832 г. освободилъ средніе классы и даль мощный толчекъ рабочимъ классамъ. Началась отчаянная борьба ихъ за политическія права, за участіе въ выборахъ, за право союзовъ, за дешевую демократическую печать. Возникли партіи, признававшія только мирныя средства борьбы и такія организаціи, которыя говорили, что только силой можно вырвать права. Какъ все это кажется легендарнымъ современному среднему англичанину! Борьба за политическія права демократіи выдвинула такихъ бойцовъ, какъ Ловетъ, Коллинсъ, Атвудъ, Солтъ, О'Конноръ, Ричардъ Карлайлъ и др. Борьба за народную печать дала Хетерингтона, издателя самой замѣчательной въ XIX вѣкѣ демократической газеты *Poor Man's Guardian* (*Стражъ Бѣдняка*). Съ разительной смѣлостью Хетерингтонъ печаталъ свою газету, не смотря на всѣ преслѣдованія. Самое замѣчательное то, что новая пресса создала новыхъ распространителей. Въ заговорѣ противъ правительства были всѣ печатники и разносчики. Не обращая вниманія на возможность попасть въ тюрьму, разносчики выносили изъ типографіи газету, «подъ носомъ» у полиціи, являвшейся разбросать наборъ. Черезъ часъ газета продавалась уже на всѣхъ перекресткахъ. Полицейские агенты караулили, чтобы газета не пошла въ провинцію. Но въ заговорѣ противъ сыщиковъ и полицейскихъ были почтальоны, кондукторы, и контрабанда проникала всюду, въ самые глухіе углы. Движеніе выработало смѣлыхъ бойцовъ; но обостренность борьбы дѣлала ихъ нетерпѣливыми и подозрительными. «Кто не съ нами, тѣ противъ насъ»,—говорили, вожди массъ. «Ловетъ былъ замѣчательный политический дѣятель

переданный, смѣлый, очень наблюдательный, отлично знавший работниковъ. Его недостаткомъ была страшная подозрительность къ мотивамъ другихъ дѣятелей, не раздѣлявшихъ во всемъ его взглѣдовъ,—такъ характеризуетъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ участниковъ чартистского движения человѣкъ, хорошо знавший Лорета и работавшій вмѣстѣ съ нимъ *).

Робертъ Оуэнъ относился совершенно равнодушно къ тому политическому движению, которое происходило при немъ. Во всей громадной перепискѣ его можно найти едва одну или двѣ безразличныя фразы о борьбѣ за всеобщее избирательное право. Чѣмъ объяснить это равнодушіе? Вожди демократіи того времени, легко заподозривавшіе мотивы человѣка, не слѣдующаго за ними, объясняли причину явленія тѣмъ, что Оуэнъ не желаетъ ссориться со своими вліятельными и знатными союзниками. Среди послѣдователей Оуэна мы, действительно, находимъ богатыхъ людей; но утвержденіе, что реформаторъ считался съ ихъ ненавистью къ демократіи совершенно неосновательно. Напротивъ, богатые послѣдователи Оуэна шли за нимъ и отдавали ему на опыты состояніе по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ у насъ въ семидесятыхъ годахъ къ революціонному движению приставали люди обезпеченные, съ хорошимъ общественнымъ положеніемъ. Робертъ Оуэнъ относился равнодушно къ борьбѣ за политическія реформы не потому, что не хотѣлъ ссориться съ вліятельными людьми, а потому, что считалъ совершенно бесполезнымъ дѣломъ накладывать новые заклепки на старую, негодную общественную машину, которую къ тому же, какъ глубоко вѣрилъ реформаторъ, очень скоро сдадутъ на сломъ. Робертъ Оуэнъ былъ твердо убѣжденъ, что стоитъ сдѣлать нѣсколько удачныхъ опытовъ, т. е. стоять показать на дѣлѣ, какъ успѣшно идутъ колоніи, созданныя по его идеалу,—и человѣчество пойметъ нелѣпость, несправедливость и невыгодность старого соціального строя и замѣнитъ его новымъ. Зачѣмъ же тогда думать палліативахъ, о какомъ-то всеобщемъ избирательномъ правѣ? Не похоже ли это на попытку бѣльть потолки въ полуразвалившемся, негодномъ, нездоровомъ домѣ, изъ которого все равно люди завтра выберутся въ новое красивое помѣщеніе, при чемъ старое разрушать совершенно, не оставивъ камня на камнѣ?

Poor Man's Guardian выяснялъ постоянно, что нечего думать о радикальныхъ соціальныхъ реформахъ, если народъ раньше не добьется широкихъ политическихъ реформъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательны статьи Бронтера О'Брайана, доказывавшаго, что богатые классы не допустятъ соціальныхъ преобразованій, не выгодныхъ для нихъ, если массы не будутъ имѣть политическихъ правъ. «Мистеръ Оуэнъ можетъ быть увѣренъ,—писалъ Бронтеръ О'Брайанъ,—что правительство не станетъ вмѣшиваться въ его-

*) G. Holyoake, „Sixty Years of an Agitators Life“, vol. I, p. 269.

планы, покуда они совершенно невинны. Но пусть счастье хоть разъ улыбнется ему; пусть проектъ, который теперь всѣмъ кажется химерой, осуществится къ выгодѣ работниковъ и невыгодѣ правящихъ классовъ. Тогда Оуэнъ и ученики его быстро убѣдятся, какъ сильно страдаютъ массы отъ отсутствія дѣйствительно народнаго парламента». Лично къ Оуэну авторъ статьи въ *Poor Man's Guardian* относится съ глубокимъуваженіемъ. Какъизвѣстно, въ теченіе долгаго временианглійскіеработники интересовались только своимиузко-профессиональными вопросами. Работникинасвоихъ съѣздахъ обсуждали восьмичасовой рабочій день, пенсіонъ для престарѣлыхъ и пр.; но оставались совершенно равнодушны къ вопросу о непосредственномъ участії пролетариата въ политической жизни Англіи. Цѣлый рядъ фактовъ, какъ походъ при помощи судебныхъ приговоровъ противъ трэдъ-юніоновъ, заставилъ англійскихъ работниковъ пойти по тому пути, который семидесять лѣтъ тому назадъ указывалъ имъ *Poor Man's Guardian*, т. е. они рѣшили послать въ парламентъ свою собственную партію.

XII.

Робертъ Оуэнъ, относившійся совершенно равнодушно къ вопросу о политическихъ реформахъ, горячо поддерживалъ всякое стремленіе рабочихъ улучшить свое положеніе. По своему обыкновенію, Оуэнъ при этомъ ставилъ вопросъ всегда ребромъ, въ гораздо болѣе решительной формѣ, чѣмъ дѣлали сами рабочіе. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Ричардъ Оастлеръ, Джонъ Доэрти и Джорджъ Булль организовали движение въ пользу проведения закона о десятичасовомъ рабочемъ днѣ на фабрикахъ и заручились въ парламентѣ содѣйствіемъ комміонеровъ Садлера и Фильдена. Послѣ трехлѣтней агитации, парламентъ все таки отказался выслушать во второмъ чтеніи билль Садлера какъ «непрактичный» и революціонный. Вместо этого, парламентъ принялъ билль Гобгауза, устанавливавшій на фабрикахъ двѣнадцатичасовой рабочій день для подростковъ. Оуэнъ сочувствовалъ движению, поднятыму Оастлеромъ, Доэрти и Булломъ, но только находилъ, что требованія слишкомъ скромны. Нужно агитировать въ пользу не десятичасового, а восьмичасового дня,—писалъ Оуэнъ; но организаторы движения отказались работать вмѣстѣ съ нимъ, утверждая, что его «чрезмѣрны» требованія побубятъ хорошее и полезное дѣло. Оуэнъ тогда самъ сталъ группировать рабочихъ и доказывать имъ необходимость добиваться восьмичасового дня; въ отвѣтъ на это Оастлеръ, Доэрти и Булль направили всѣ усилия на то, чтобы возстановить работниковъ противъ реформатора. Общество, добивающееся десятичасового дня, поручило видному агитатору того времени Эбенезеру Элліоту изложить въ меморіалѣ, адресованномъ

Оуэну, причины, почему оно не можетъ присоединиться къ нему. Элліотъ принималъ дѣятельное участіе въ агитациі за отмену хлѣбныхъ налоговъ. Ему принадлежать прокламаціи, въ которыхъ доводы фрітредеровъ изложены въ стихахъ, въ наиболѣе доступной для массъ формѣ. Эти стихи распѣвались потомъ на мотивы народныхъ пѣсень. Въ этой сжатой формѣ доводы противъ хлѣбныхъ налоговъ врѣзывались въ память. Самый скромный «ходжъ» (т. е. сельскій работникъ) могъ такимъ образомъ, въ случаѣ надобности, выставить рядъ аргументовъ противъ протекціонизма. Эти рифмованнныя прокламаціи, ведущія свое начало отъ писемъ Джона Болла, товарища Уота Тейлора, сыграли почетную роль въ исторіи всѣхъ важныхъ политическихъ движений въ Англіи. У насъ теперь такая масса людей, хорошо владѣющихъ стихомъ, что удивительно, какъ это до сихъ не воспользовались англійской системой пропаганды среди народа. Вопросъ о землѣ крестьянину нечего выяснять; но почему, напр., не изложить въ стихахъ основные права гражданина, т. е. въ сжатой, яркой формѣ изложить что такое «вола?» Я имѣю въ виду, конечно, не абстрактныя стихотворенія на тему «свобода», какихъ теперь много; не призывы въ родѣ слѣдующихъ:

„Ненавистны мнѣ враги
Но друзья отвратны вдвое,
Если крикнувъ „Помоги“,
Если крикнувъ: „здѣсь враги“,—
Я вижу лицъ ихъ соннымъ, въ преждевремен-
номъ покоѣ“.

Чувство, выраженное въ этихъ стихахъ очень почтенно; но ничего больше нельзя сказать о нихъ. Ни интеллигенціи, ни народу эти стихи ничего не даютъ. Необходимы *аргументы*, которые «прилипали» бы къ памяти крестьянина или чернорабочаго. Говорить, освободительное движение настолько всколыхнуло Россію, что даже поэты, воспѣвавшіе недавно ассирийскаго царя Ассаргадона, тѣни не созданныхъ созданій, Большую Медвѣдицу и свойства металловъ,—теперь принялись за гражданскія темы. Вотъ бы этимъ поэтамъ послѣдовать примѣру Эбенезера Элліота! Это было бы *amende honorable* предъ всей Россіей за стихи вродѣ слѣдующихъ:

„Люблю дома, не скалы, ахъ,
Книги краше розъ!
Но милы мнѣ кристаллы
И жалы тонкихъ осъ“.

Но я нѣсколько уклонился. Элліоту поручили составить меморіалъ, и вотъ что говорилось тамъ по адресу Роберта Оуэна отъ имени работниковъ. «Вы увѣряете насъ, что имѣете цѣлью заставить праздныхъ потребителей богатства платить намъ болѣе высокую плату, чѣмъ теперь за наши издѣлія. Но вы не говорите,

какимъ образомъ можно заставить потребителей платить намъ высокія цѣны за наши продукты, когда есть возможность у покупателей приобрѣтать тѣ же товары дешевле, обратившись къ заграничному рынку». Дальше въ меморіалѣ говорится, что рабочимъ, прежде всего, необходимъ дешевый хлѣбъ, т. е. отмѣна всѣхъ налоговъ на него. Короткій рабочій день не возможенъ, такъ какъ это по-ведетъ къ понижению заработной платы. «Не ограбивъ кого ни-будь, невозможно получить за восемь часовъ работы ту же плату, что и за двѣнадцать». И это былъ «меморіалъ» отъ имени рабочихъ! Дѣйствительность показала теперь дальновидность Роберта Оуэна. Восьмичасовой рабочій день не только сталъ лозунгомъ всего пролетаріата, но осуществленъ уже давно, какъ въ британ-скихъ колоніяхъ, такъ и во многихъ отрасляхъ промышленности въ Англіи. Въ 1895 г. консерваторы выставили на выборахъ въ своей программѣ пунктъ, который семьдесятъ лѣтъ тому назадъ многимъ работникамъ казался безумнымъ и неосуществимымъ требованіемъ. Нѣть специальныхъ добродѣтелей или поборовъ, присущихъ опредѣленному классу. До настоящаго момента англій-скимъ работникамъ, отстаивавшимъ восьмичасовой рабочій день, приходилось бороться не только съ нѣкоторыми консерватарами и либералами, но и со своими товарищами. Извѣстно, что самый богатый и мощный трэдъ-юніонъ, — союзъ держэмскихъ углекоповъ,—возставалъ противъ восьмичасового дня. Углекопы работаютъ семь часовъ. Затѣмъ въ шахту спускаются юноши, дѣти углекоповъ, которые девять часовъ заняты нагруженіемъ въ тачки нарубленного угля. И вотъ держэмские углекопы были противъ восьмичасового дня, потому что это сократило бы трудъ ихъ дѣтей на часъ, но увеличило бы рабочій день взрослыхъ. Только въ настоящій моментъ держэмские углекопы присоединились къ осталь-нымъ товарищамъ. Такую же прозорливость, какъ и при обсуж-деніи вопроса о рабочемъ днѣ, Оуэнъ проявилъ по отношенію къ трэдъ-юніонамъ. 1832 г. сильно разочаровалъ англійскихъ работ-никовъ, которые ожидали, что великий билль о реформахъ значи-тельно улучшитъ положеніе пролетаріата. Билль эмансирировалъ только средніе классы. И вотъ періодъ 1832—34 г.г. ознамено-ванъ въ Англіи сильнымъ броженіемъ среди работниковъ. Оуэнъ занялся организаціей работниковъ, которымъ проповѣдывалъ, что имъ принадлежитъ будущее, такъ какъ за нихъ справедливость: единственнымъ мѣриломъ и единственнымъ источникомъ богатства является трудъ. Организуйтесь, соединяйтесь въ союзы по реме-сламъ и потомъ — въ союзы союзовъ», — говорилъ рабочимъ Робертъ Оуэнъ. Онъ выработалъ планъ Великаго Национальнаго Совѣта всѣхъ англійскихъ работниковъ, который осуществился потомъ, послѣ смерти реформатора подъ другимъ названіемъ. Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ трэдъ-юніонизмъ представлялъ собою слабый ростокъ, который во всякий моментъ можетъ быть вырванъ и раз-

давленъ. Теперь—трэдъ-юніоны громадная и признанная сила, отлично организованная и располагающая очень большими средствами. На годичный конгрессъ, открывшійся въ Ливерпуль, когда я заканчиваю эту статью, собралось 459 делегатовъ отъ различныхъ рабочихъ союзовъ, насчитывающихъ 1.600,000 сочленовъ. Въ этомъ году делегаты проникнуты оптимизмомъ, какъ никогда еще. Въ самомъ дѣлѣ трэдъ-юніоны рѣшили, что имъ необходима рабочая партія въ парламентѣ и на выборахъ въ январѣ этого года блестяще осуществили это. Въ первую же сессію партія эта провела въ нижней палатѣ свой билль, охраняющій неприкосновенность фондовъ трэдъ-юніоновъ и узаконяющій мирное «пicketированіе» (т. е. «сниманіе») во время стачекъ. Конгрессъ выставилъ рядъ требованій, надъ которыми вѣтъ тѣнь Роберта Оуэна.

Діонео.

Національный вопросъ и австрійскіе соціалисты.

(Письмо изъ Австріи).

На долю австрійскихъ соціаль-демократовъ выпала очень трудная задача, неизвѣстная ихъ западно-европейскимъ товарищамъ или, по крайней мѣрѣ, не представляющая для послѣднихъ никакихъ практическихъ затрудненій. Я имѣю въ виду національный вопросъ, налагающій также специфическую печать на всѣ австрійскія отношенія — политическая, соціальная и культурная. Пока главнымъ центромъ рабочаго движенія была Вѣна вмѣстѣ съ нѣсколькими промышленными центрами сѣверной, чисто нѣмецкой, части Богеміи, національный вопросъ и въ австрійской соціаль-демократіи не игралъ никакой роли. Однако, уже довольно скоро рядомъ съ нѣмецкимъ соціалистическимъ движеніемъ возникаетъ чешское. Мало того, въ тѣ промышленные пункты, которые обладали сплошнымъ нѣмецкимъ рабочимъ населеніемъ, хлынула чешскій пролетаріатъ, совершенно не склонный ассимилироваться съ нѣмецкимъ и требующій удовлетворенія своихъ организаціонныхъ и агитаціонныхъ нуждъ на чешскомъ языке. Подъ вліяніемъ движенія въ Царствѣ Польскомъ возникаетъ аналогичное движеніе и въ Галиціи, и австрійской соціаль-демократіи приходится считаться съ третьимъ національнымъ элементомъ—польскимъ, который, немного спустя, начинаетъ играть серьезную роль въ Силезіи и даже въ восточной

Моравіи, гдѣ прежде поляковъ вовсе не было, и гдѣ впослѣдствіи ими переполнились рудники и заводы Острова. Какъ въ Вѣнѣ важнымъ факторомъ соціалистического движения стали чешскіе рабочіе, такъ въ Силезіи—рядомъ съ чешскими—на первый планъ выдвинулись польскіе. Къ быстро растущему движению мало-по-малу присоединялись на югъ словинцы, сербо-хорваты и итальянцы,—на крайнемъ востокѣ украинцы (русины) и румыны. Такимъ образомъ австрійское соціалистическое движение къ началу текущаго столѣтія стало явленіемъ такимъ же разношерстымъ, какъ и та территорія, на которой этому движению приходилось развиваться.

По мѣрѣ усиленія и роста соціалистического движения оно видоизмѣняется и пріобрѣтає своеобразный характеръ въ зависимости отъ того, въ какой изъ провинцій оно развивается. И тутъ опять национальный моментъ играетъ первостепенную роль. Не только большая или меньшая степень промышленного развитія данной провинціи, не только роль въ ней крестьянского населенія, но и национальные отношенія отражаются на судьбахъ мѣстного движения. Такъ какъ почти каждая изъ «коронныхъ земель» Австріи представляеть изъ себя совершенно своеобразный міръ, не похожій на совокупность условій соседней провинціи, то и соціалистическому движению въ каждой изъ послѣднихъ приходится приоравливаться къ ихъ специфическимъ условіямъ. Такъ, напр., ирредентистское движение въ южномъ Тиролѣ, въ Истріи и Триестѣ является для итальянскихъ соціаль-демократовъ этихъ мѣстностей самымъ животрепещущимъ вопросомъ, хотя для ихъ немецкихъ или чешскихъ товарищей ирредентизмъ—одинъ пустой звукъ. Для польского соціалиста въ Краковѣ все то, что происходит въ соѣдніхъ промышленныхъ районахъ Царства Польскаго и въ Варшавѣ, представляеть интересъ несравненно болѣе крупный, нежели все чешское движение вмѣстѣ со словинскимъ и итальянскимъ. Точно такъ же события въ Киевѣ и Екатеринославѣ гораздо сильнѣе волнуютъ украинскаго соціаль-демократа во Львовѣ нежели самыя крупныя события рабочей жизни австрійской Штиріи или Каринтии.

Если вы станете читать органы австрійскихъ соціаль-демократовъ, выходящіе въ различныхъ провинціяхъ монархіи Габсбурговъ, то вѣщъ несомнѣнно поразить то обстоятельство, что нигдѣ вы не найдете отраженія общей картины движенія. Даже вѣнская «Arbeiter Zeitung», въ подзаголовкѣ которой фигурируетъ титулъ «центральный» органъ австрійской соціаль-демократіи—даже эта прекрасно редактируемая ежедневная газета не заключаетъ въ себѣ и десятой доли свѣдѣній, на основаніи которыхъ можно было бы получить хотя до нѣкоторой степени полное представление о чешскомъ или польскомъ соціалистическомъ движеніи въ предѣлахъ Австріи. Каждая изъ мѣстныхъ газетъ занята прежде всего своими «национальными» интересами. Въ вѣнской «Arbeiter Zeitung»

мѣстные антисемиты съ Люэгеромъ во главѣ играютъ такую же важную роль, какъ и общегосударственные вопросы. Въ пражскомъ „Pravo Ludu“ статьи противъ младо-чеховъ чередуются съ выпадами противъ «національныхъ-соціалистовъ». Краковскій «Naprzod» удѣляетъ все мѣсто, оставшееся у него свободнымъ отъ статей о русской Польшѣ, борьбѣ съ націоналъ-демократами и католическими центромъ—съ партіями, о которыхъ чешскіе, нѣмецкіе и итальянскіе соціалъ-демократы Австріи никогда и не слыхали, по всей вѣроятности.

Мѣстная „національная“ соціалъ-демократическая печать должна была неминуемо привести къ извѣстному разъединенію соціалистического лагеря Австріи. Это и понятно. Пока единственной ежедневной соціалъ-демократической газетой во всемъ государствѣ была вѣнскія „Arbeiter Zeitung“, ее читали въ цѣлой Австріи не только руководители движѣнія, но и простые рядовые, хотя для послѣднихъ это подчасъ бывало и очень трудно. Съ возникновеніемъ мѣстныхъ чешскихъ, польскихъ, итальянскихъ ежедневныхъ органовъ печати, „Arbeiter Zeitung“ потеряла громадное большинство своихъ подписчиковъ въ Галиціи, Богеміи и т. д. Ее перестаютъ читать въ важкихъ движенияхъ, по крайней мѣрѣ, среди рабочихъ, которыхъ удовлетворяетъ мѣстная газета. Такимъ образомъ суживался и кругъ вопросовъ, которыми интересовался рабочій, читавшій кромѣ мѣстного еженедѣльного листка и ежедневную вѣнскую газету, и центръ тяжести передвинулся въ сторону мѣстныхъ „національныхъ“ вопросовъ. Этотъ процессъ былъ прямымъ слѣдствіемъ роста движенія.

Точно такимъ же слѣдствіемъ роста соціалистического движения было расчлененіе по національностямъ существовавшихъ организаций и возникновеніе новыхъ на чисто національныхъ основахъ. Въ Вѣнѣ еще лѣтъ двадцать тому назадъ соціалъ-демократическая организация имѣла чисто нѣмецкій характеръ. Всѣ пришлые элементы, начиная съ довольно многочисленныхъ чеховъ и кончая горстью итальянцевъ, утопали въ нѣмецкой массѣ и, подвергаясь сильному вліянію нѣмецкой среды и культуры, воспринимаемой, между прочимъ, въ ея соціалистической формѣ, онѣмѣчивались. Однако, со временемъ этотъ процессъ замедлился и прекратился. Возникаютъ самостоятельные чешскіе Bildungsvereinъ, потому что не прекращавшійся притокъ чешской иммиграціи выбрасывалъ на мостовую Вѣны и такие элементы, которые совсѣмъ не знали нѣмецкаго языка и поэтому не могли пользоваться услугами говорящихъ по-нѣмецки агитаторовъ и организаторовъ. А между тѣмъ, агитировать между ними и организовать ихъ было необходимо, потому что только этимъ путемъ можно было превратить ихъ изъ «штрайкбрехеровъ» въ сознательныхъ товарищѣй. За эту работу принимаются члены нѣмецкой соціалъ-демократіи, чехи по происхожденію, такъ какъ только они могли воздѣйствовать на

стоящее время въ рѣшительныхъ, подчасъ страстныхъ защитниковъ национального принципа въ организаціи соціалъ-демократіі.

Однако, задача австрійской соціалъ-демократіі не исчерпывалась пробразованіемъ внутренняго строя партіі. Мало было упорядочить внутреннія отношенія, слѣдовало еще дать движеню специальную национальную программу, которая, съ одной стороны, разрѣшала бы вопросъ съ соціалистической точки зрѣнія, а съ другой— могла бы имѣть практическое значеніе для всѣхъ безъ исключения насељающихъ Австрію национальностей. Перваго достигнуть было не трудно, такъ какъ принципіально национальный вопросъ разрѣшается въ духѣ соціалистического ученія очень просто: уничтожая всякий гнетъ, соціализмъ въ то же время уничтожитъ и национальный гнетъ. Однако, такая теоретическая формула, вполнѣ удовлетворяющая соціалистическую партію въ государствѣ съ однороднымъ этнографическимъ населеніемъ, не можетъ удовлетворить практическимъ потребностямъ такого государства, какъ Австрія, гдѣ съ национальными проблемами приходится считаться на каждомъ шагу, гдѣ на каждомъ шагу нужно давать отпоръ націоналистическимъ выходкамъ и гдѣ соціалистамъ всѣхъ национальностей приходится то и дѣло встрѣчаться съ обвиненіемъ въ национальномъ предательствѣ, въ поддержкѣ враговъ данной национальности и т. д. Національный вопросъ въ Австріи—это вопросъ злободневный, эксплуатируемый политиками всѣхъ возможныхъ оттѣновъ, это вопросъ, на который всякий политикъ, а въ томъ числѣ, конечно, и политикъ соціалистического лагеря, обязанъ реагировать не абстрактными формулами, а совершенно реальной программой.

Австрійскіе соціалъ-демократы очутились въ довольно затруднительномъ положенії. Въ области вопросовъ соціально-экономическихъ и большей части политическихъ они могли пользоваться громаднымъ запасомъ опыта и богатой литературой западно-европейскихъ товарищѣй. Что же касается национального вопроса, то тутъ приходилось самимъ проторить дорогу, такъ какъ ни у великихъ учителей,—Маркса и Энгельса,—ни у практическихъ дѣятелей соціалистического лагеря Германіи, Франціи, Англіи нечemu было учиться.

У Маркса и Энгельса можно было найти очень много мыслей относительно одного изъ национальныхъ вопросовъ, именно польскаго. Однако, та точка зрѣнія, изъ которой при этомъ исходили законодатели научнаго соціализма, совершенно не годилась австрійскимъ соціалистамъ. Марксъ и Энгельсъ считали необходимымъ восстановленіе исторической Польши въ полномъ ея составѣ, съ портами въ Ригѣ и Либавѣ *). Для нихъ восстановленіе Польши въ предѣлахъ, охватывающихъ миллионы украинскаго, белорусскаго, литовскаго, латышскаго и немецкаго населенія, было задачей не

*) Марксъ „Revolution und Kontrrevolution“, стр. 60 нѣм. изданія.

циональной, а чисто государственной политики, стремящейся къ учрежденію между Европой и Россіей державы, которая бы успешно противодѣйствовала всѣмъ посягательствамъ восточного деспотизма. Что же касается чеховъ и другихъ національностей Австріи, то и у Маркса, и у Энгельса австрійские соціалисты могли найти указанія самого курьезнаго характера.

Вотъ, какъ, напр., писала «Neue Rheinische Zeitung» о чехахъ, 17 июня 1848 г.: «Больше всего, однако, приходится жалѣть мужественныхъ чеховъ. Побѣдять ли они или будутъ побѣждены, ихъ погибель не подлежитъ сомнѣнію. Четырехсотлѣтній гнетъ, продолженіемъ котораго является уличная борьба въ Прагѣ, загналъ ихъ въ объятія Россіи. Въ великой борьбѣ между Востокомъ и Западомъ Европы, въ борьбѣ, которая вспыхнетъ въ ближайшее время, быть можетъ, уже черезъ нѣсколько недѣль, злосчастная судьба ставить чеховъ рядомъ съ русскими, рядомъ съ деспотизмомъ, противъ революціи. Революція побѣдить и подчинить первыхъ же чеховъ. Эта погибель чеховъ...» и т. д.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Энгельсъ говорить о чехахъ съ настоящей ненавистью. Онъ утверждаетъ, что у нихъ никогда не было революціонной эпохи, что всю свою культуру они заимствовали у нѣмцевъ, что чехи, точно такъ же какъ и югославяне, не могутъ мечтать о самостоятельности, такъ какъ это противорѣчить интересамъ революціонной Германіи. Онъ заявляетъ, «что ненависть къ Россіи была и есть первой революціонной страстью у нѣмцевъ, что со времени революціи къ этой ненависти присоединилась еще ненависть къ чехамъ и хорватамъ, и что мы (т. е. нѣмцы) вмѣстѣ съ поляками и мадьярами можемъ обеспечить судьбу революціи только путемъ самого рѣшительного террора противъ этихъ славянскихъ національностей.» Въ концѣ концовъ онъ возвѣщаетъ предающему революцію славянству «безпощадную борьбу не на жизнь, а на смерть, борьбу вплоть до уничтоженія и рѣшительный терроръ—не въ интересахъ Германіи, а въ интересахъ революціи» *).

Понятно, что австрійскимъ соціалистамъ нельзя было ссылаться на подобныя теоріи въ виду той роли, какую рядомъ съ нѣмцами и поляками играли въ австрійскомъ соціалъ-демократическомъ движениі чехи, юго-славяне и т. д., не только не склонные къ исчезновенію и гибели въ угоду абстрактной «революціи», но заявляющіе самыми рѣшительными тономъ о своихъ правахъ на самостоятельность. Желая создать вполнѣ реальную программу, австрійские соціалисты должны были стать на почву полной равноправности всѣхъ національностей и считаться съ стремленіемъ мелкихъ народностей, точно такъ же какъ и съ политическими вождѣніями крупныхъ національныхъ единицъ. Мало того, они должны были

*) Gesammelte Schriften, III T. стр. 264.

считаться и съ тѣмъ фактомъ, что Австрія, какъ государственный организмъ, признается многими въ соціалистическомъ лагерѣ явленіемъ временнымъ, преходящимъ. Ни поляки, ни итальянцы, ни украинцы, ни нѣмцы не считаютъ себя связанными на вѣки вѣчные съ судьбой искусственно созданной Австрійской имперіи. На томъ же общегосударственномъ съездѣ, на которомъ устанавливалась реорганизація партіи на основаніи національныхъ отношеній, делегаты польскихъ соціалъ-демократовъ заявили, что они не могутъ связывать себя такъ же тѣсно съ австрійской соціалъ-демократіей, какъ ихъ товарищи другихъ національностей, потому что для нихъ интересы движения въ русской и прусской Польшѣ имѣютъ первостепенное значеніе. У чеховъ одно время наблюдалось довольно сильное тяготѣніе къ программѣ чешского государственного права *). Нѣмецкіе соціалъ-демократы Австріи никогда не скрывали, что граница, отдѣляющая ихъ отъ нѣмецкихъ товарищѣй въ Германіи, является для нихъ большой помѣхой для развитія движения. Пернерсторферъ, д-ръ Адлеръ и Каутскій (австрійскій соціалъ-демократъ, переселившійся въ Германію и живущій тамъ постоянно) неоднократно высказывались въ этомъ духѣ. У итальянскихъ соціалъ-демократовъ Триеста и Тироля можно было замѣтить довольно сильныя симпатіи къ ирредентизму **).

Однако, всѣ соціалисты, смотрящіе на Австрію какъ на времменное пристанище, понимали, что какъ ни какъ, а въ этомъ пристанищѣ нужно жить, можетъ, еще долгіе годы, вслѣдствіе чего непремѣнно слѣдуетъ выработать національную программу, годную для этого ближайшаго периода времени. Исходя изъ такой точки зрѣнія, эта часть соціалистического лагеря Австріи желала создать національную программу, удовлетворяющую требованіямъ настоящаго момента, такую программу, которая могла бы быть противопоставлена въ качествѣ платформы всего соціалистического лагеря разнообразнымъ національнымъ программамъ грызущихся между собой буржуазныхъ партій различныхъ народностей.

Междуда тѣмъ, среди австрійскихъ соціалъ-демократовъ были и такие, которые смотрѣли на національную программу соціалъ-демократіи, какъ на панацею, которая, въ случаѣ ея умѣлаго примѣненія, можетъ создать новую, жизненную, способную къ дальнѣйшему развитію, могущественную Австрію. Если для первыхъ—«пессимистовъ»—важны были интересы національностей, и именно въ интересахъ этихъ національностей необходима была національная программа, то для вторыхъ—«оптимистовъ»—главную роль играли интересы австрійскихъ государствъ и національный вопросъ долженъ быть разрѣщенъ такъ, чтобы отъ этого выиграла прежде всего

*.) См. „Neue Zeit“ 1898 г.

**) Часть итальянскихъ соціалъ-демократовъ въ Триестѣ откололась отъ партіи и соединилась съ ирредентистами.

Австрия. И вотъ мы видимъ, что въ поискахъ за національной программой въ лагерь австрійскихъ соціалъ-демократовъ сталкиваются оба эти взгляда. Характерно, что въ практическомъ разрѣшениі вопроса перевѣсь была всегда за «пессимистами», въ то время какъ въ литературѣ «оптимисты» умѣли выставить гораздо больше аргументовъ.

«Оптимисты» пріобрѣли недюжинного теоретика въ лицѣ Рудольфа Шпрингера, посвятившаго національной проблемѣ въ Австрии и Венгрии цѣлый рядъ сочиненій, между которыми первое мѣсто занимаетъ книга «Der Kampf der oesterreichischen Nationen um den Staat» (1902). Шпрингеръ (псевдонимъ)—чиновникъ, состоящій на государственной службѣ. Это не позволяетъ ему принять непосредственное участіе въ движеніи, однако, онъ сотрудничаетъ въ вѣнской «Arbeiter Zeitung» и, какъ публицистъ, пользуется извѣстнымъ вліяніемъ въ партійныхъ сферахъ, хотя его взгляды иногда очень далеки отъ соціалистической ортодоксальности.

Шпрингеръ, прежде всего, австрійский патріотъ. Онъ глубоко убѣжденъ, что Австрия является вполнѣ нормальнымъ и исторически необходимымъ государственнымъ организмомъ. Стоитъ ее только преобразовать по предложеному имъ плану, и она будетъ существовать чуть ли не до конца міра. Онъ увѣряетъ (однако, безъ доказательствъ), что Австрия состоить изъ провинцій, экономически связанныхъ между собой, и прямо не понимаетъ, «куда бы могли дѣться дунайско-карпатскія національности, если они выйдутъ изъ состава этого придунайского государства» (стр. 96). Если эти народности получаютъ самостоятельность въ своихъ національныхъ дѣлахъ, то «для нихъ не будетъ лучшаго отечества, чѣмъ это придунайское государство. Что касается чеховъ, поляковъ, украинцевъ, словинцевъ, сербо-хорватовъ, то «намъ не надо этого и доказывать» — говоритъ Шпрингеръ, а обѣ итальянцахъ и нѣмцахъ онъ забываетъ. Онъ такъ ослѣщенъ своимъ австрійскимъ патріотизмомъ, что совершенно не замѣчаетъ тяготѣнія почти всѣхъ австрійскихъ національностей къ центрамъ вѣнѣ Австрии.

Исходя изъ интересовъ не національностей, а государства, Шпрингеръ предлагаетъ соціалистамъ включить въ программу самоуправление не національныхъ территорій, а искусственно созданныхъ національныхъ корпорацій, потому что первыя могутъ угрожать опасностью государству, въ то время какъ послѣднія вѣнѣ области національно-культурныхъ отношеній вполнѣ беспомощны. Шпрингеръ предлагаетъ создать по образцу вѣроисповѣдныхъ національныхъ корпорацій. Каждая такая корпорація охватываетъ всю Австрию. Къ данной корпораціи принадлежать всѣ члены одной изъ девяти австрійскихъ національностей *), независимо отъ населен-

*) Нѣмецкой, чешской, польской, украинской, словинской, сербской, хорватской, итальянской и румынской.

ной ими террорії. Эти корпораціі пользуются самоуправлениемъ въ чисто національныхъ дѣлахъ, къ которымъ принадлежить, прежде всего, народное образованіе, а затѣмъ все то, что связано съ развитиемъ наукъ, литературы, искусствъ, языка. Для удовлетворенія этимъ національнымъ потребностямъ у каждой національности имѣется свой особый парламентъ и свой министръ, назначаемый императоромъ и ответственный передъ этимъ національнымъ парламентомъ. Депутаты въ національный парламентъ избираются на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайного голосованія въ округахъ со сплошнымъ однороднымъ населеніемъ, точно такъ же какъ и меньшинствомъ данной національности въ смѣшанныхъ округахъ.

Самоуправлениe въ національныхъ дѣлахъ осуществляется и въ общинахъ, и въ округѣ. Община считается смѣшанной въ національномъ отношеніи не на основаніи статистическихъ данныхъ, всегда недостаточно точныхъ, а на основаніи сознательной жизненности даннаго меньшинства. Если оно выразить желаніе и будетъ въ состояніи содержать свою народную школу, то община признается официально смѣшанной. Въ округѣ такимъ критеріемъ является желаніе и возможность содержать среднее учебное заведеніе. Въ общинѣ и въ округѣ каждая изъ двухъ имѣющихъ на лицо національностей выбираетъ для себя специальный совѣтъ, который устанавливаетъ подати на національные цѣли и въ вѣдѣніи котораго находятся всѣ національные учрежденія данной мѣстности. Национальный парламентъ играетъ ту же роль, но уже въ предѣлахъ всей корпораціи. Онъ устанавливаетъ налоги на общенациональные цѣли, на высшія учебныя заведенія, музеи, академіи наукъ и искусствъ, которые находятся въ вѣдѣніи національного министра. Послѣдній заботится также о своихъ землякахъ, разсѣянныхъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ слишкомъ мало для созданія официального меньшинства. Министръ располагаетъ тамъ делегатами, которые являются переводчиками, защитниками и посредниками между земляками и мѣстными властями.

Рядомъ съ національной организаціей существуетъ общегосударственная и мѣстная административная организація, изъ вѣдѣнія которой изъяты только національные дѣла. Мѣстное самоуправление поконится на принципѣ пропорциональности. Въ общинныхъ и окружныхъ совѣтахъ количество ихъ выборныхъ членовъ соответствуетъ количеству членовъ одной и другой мѣстной національности. Старости выбираются общинными совѣтами независимо отъ ихъ національности. Окружные начальники назначаются точно такъ же центральнымъ правительствомъ. Членовъ парламента выбираетъ все населеніе безъ различія національностей.

По проекту Шпрингера, общегосударственные органы играютъ гораздо болѣе важную роль, нежели органы національного самоуправлениe. Даже въ области школьнаго дѣла послѣдніе сильно

ограничены, такъ какъ общегосударственное законодательство устанавливаетъ минимальныя программы и наблюдаетъ за школами съ помощью специальныхъ ревизоровъ и экзаменаторовъ. Да и все национальное самоуправлениe тщательно контролируется государствомъ. Такъ, напр., распоряженіе национального окружного или общинного совѣта можетъ быть исполнено только по утвержденію его старостой или окружнымъ начальникомъ. Раздѣленіе государства на области, округа, общини совершенно не зависитъ отъ национальныхъ отношеній; этотъ вопросъ регулируется соображеніями экономического и стратегического характера. Национальность получила бы, такимъ образомъ, полную свободу въ области удовлетворенія своихъ чисто культурныхъ (вѣрнѣе, просвѣтительныхъ) потребностей, но при этомъ государство не должно быть стѣснено рѣшительно ничѣмъ. Только такимъ образомъ удастся достигнуть двухъ цѣлей: съ одной стороны—мира между отдѣльными национальностями Австріи, а съ другой—ея укрѣпленія, нормального развитія и политического преуспѣванія.

Въ общихъ чертажахъ теоріи Шпрингера были развиты въ изданій имъ подъ псевдонимомъ Sinopticus'а въ 1898 г. брошюре. Идея экстерриториальной автономіи национальностей была съ симпатіей принята на югѣ Австріи, где соціалистическимъ агитаторамъ приходится сталкиваться съ живущими въ перемежку словинцами, итальянцами, сербами и хорватами, где итальянские города помѣщаются на словинской или хорватской территории и где, такимъ образомъ, созданіе чистыхъ въ национальномъ отношеніи террорій почти не возможно.

Одинъ изъ вожаковъ юго-славянской соціаль-демократіи Австріи—Этбинъ Кристантъ—развилъ теорію культурной автономіи австрійскихъ национальностей въ чешскомъ ежемѣсячнике «Akademie», а исполнительный комитетъ юго-славянской соціаль-демократіи Австріи внесъ на брюннскій общегосударственный соціаль-демократический конгрессъ 1899 г. формальное предложеніе въ этомъ духѣ.

Брюннскій конгрессъ долженъ быть окончательно выработать национальную программу австрійской соціаль-демократіи. На немъ появились два проекта: юго-славянского и общепартійного исполнительныхъ комитетовъ.

Общепартійный исполнительный комитетъ предложилъ слѣдующую формулу:

«1) Австрію необходимо превратить въ демократическое союзное государство.

2) Исторические коронные земли замѣняются автономными национальными терроріями, по возможности точнѣе пріуроченными къ границамъ языковъ. Законодательство и администрація этихъ террорій находятся въ вѣдѣніи национальныхъ парламентовъ, выбираемыхъ на основаніи всеобщей, прямой и равной подачи голосовъ.

3) Всѣ территорії одной и той же національности составляютъ вмѣстѣ компактный національный союзъ, которой вполнѣ автономно управляетъ своими національными дѣлами.

4) Права національного меньшинства должны быть гарантированы специальнымъ постановленіемъ общегосударственного парламента.

5) Конгрессъ не признаетъ никакихъ національныхъ привилѣй, поэтому онъ отвергаетъ требование государственного языка; общегосударственный парламентъ рѣшить, будеть ли необходимъ одинъ языкъ для международныхъ сношеній въ предѣлахъ государства».

Этой формулѣ, рѣшительно высказывавшейся въ пользу территоріальной автономіи, юго-славянскіе делегаты противопоставляли другую, замѣняющую второй и третій пункты вышеприведенной формулы слѣдующими:

«2) Всякая національность, живущая въ Австріи, независимо отъ территорій, на которыхъ живутъ ея члены, представляетъ автономную группу, которая совершенно самостоятельно вѣдаеть свои національныя (по языку и культурѣ) дѣла.

3) Территоріальное дѣленіе имѣть чисто административное значеніе и не оказываетъ никакого вліянія на національные отношенія».

Въ пользу юго-славянской формулы, защищаемой Кристаномъ, который былъ докладчикомъ, высказался одинъ только Элленбонгъ. Делегаты - чехи предлагали вообще не вдаваться въ подробности и подчеркнуть необходимость демократизаціи Австріи и полной равноправности всѣхъ національностей. Громадное же большинство членовъ конгресса, и въ томъ числѣ самые видные воожаки партіи, горячо защищали предложеніе общепартійного исполнительного комитета. Д-ръ Викторъ Адлеръ доказывалъ необходимость создать національные кантоны, Дашинскій говорилъ, что всякая національность, желающая запищать свое разсѣянное по всему государству меньшинство, должна прежде всего обзавестись «собственнымъ домомъ» на опредѣленной территоріи. Въ томъ же духѣ говорилъ отъ имени соціалистовъ-украинцевъ изъ Галиціи ихъ делегатъ Ганкевичъ. Пернерсторферъ, Винарскій и многіе другіе рѣзко критиковали недочеты культурной автономіи. Въ комиссіи, куда были отосланы обѣ формулы, была принята предложенная общепартійнымъ исполнительнымъ комитетомъ, но выражение 2-го пункта «автономная національная территорія (Gebiete)» было замѣнено словами «national abgegrenzte Selbstverwaltungskörpere», выражавшими, собственно, то же самое, но въ менѣе точной, оставляющей мѣсто различнымъ толкованіямъ, формѣ.

Проектъ, выработанный комиссией, былъ принятъ конгрессомъ единогласно и сталъ обязательной для всѣхъ членовъ партіи программой. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что делегаты двухъ націо-

нальностей—польской и украинской—внесли на конгрессъ заявление, въ которомъ они подчеркиваютъ, что у нихъ есть еще, кромѣ австрійскихъ, общенаціональныя задачи, обязывающія и въ національномъ вопросѣ къ солидарности съ товарищами въ Пруссіи и Россіи. Національной задачей польскихъ соціалъ-демократовъ является освобожденіе и соединеніе въ одно цѣлое всѣхъ частей Польши, такой же задачей украинскіе соціалъ-демократы считаютъ воссоединеніе съ закордонной Украиной австрійскихъ частей украинской территории. И польское, и украинское заявленія были приняты конгрессомъ, какъ нечто само собой разумѣющееся.

Національная программа брюннскаго конгресса вполнѣ удовлетворила всѣ національныя организаціи соціалистического лагеря Австріи. Любопытно, однако, что почти никто не усматривалъ въ этой программѣ средства увѣковѣчить политическое существование Австріи, содѣйствовать развитію ея могущества и жизненности. Программѣ національного самоуправлѣнія народностей Австріи почти никто не приписывалъ цѣлебныхъ свойствъ «оптимиста» Шпрингера. Она была оценена такъ, какъ о ней писалъ Карль Каутскій въ статьѣ «Die Krise in Oesterreich»:

«Соціалъ-демократическая программа является единственнымъ дѣйствительнымъ разрѣшеніемъ національного вопроса въ Австріи. Но эту программу защищаетъ одна только соціалъ-демократія—и поэтому неѣтъ шансовъ на ея осуществленіе до тѣхъ поръ, пока пролетаріатъ не завоюетъ политической власти въ Австріи. Ибо эта программа обозначаетъ разложеніе Австріи, какъ централизованнаго государства съ общей арміей и бюрократіей, превращеніе ея въ родъ Швейцаріи, въ союзъ національностей, состоящихъ изъ свободно самоуправляющихся мелкихъ кантоновъ или округовъ и общинъ. Такое превращеніе можетъ быть осуществлено только путемъ революціи, которая бы убила старую Австрію. Но кому же было бы нужно призывать Австрію къ новой жизни, разъ она уже будетъ убита? Существованіе Австріи является въ настоящее время результатомъ безвыходности положенія, а не внутренней необходимости. Пока Австрія существуетъ, ея жители, въ томъ числѣ и соціалисты, должны стараться сдѣлать ее жизнеспособной, потому что они должны въ ней жить. Однако, въ тотъ моментъ, когда старая Австрія умретъ, вслѣдствіе ли катастрофы или же отъ собственной старческой дряблости, ея элементы станутъ свободными и, не ища далеко новыхъ формъ совмѣстной жизни, они постараются по возможности отдѣлиться. Это касается составныхъ частей старыхъ, историческихъ народовъ: нѣмцевъ, поляковъ, итальянцевъ. Присоединяются ли и остальные късосѣднимъ родственнымъ государствамъ (украинцы, румыны, сербы), или пытаются создать собственные государства (чехи, мадьяры),

*) „Neue Zeit“ № 2—3 1903 г.

или же, наконецъ, предпочтутъ основать новую Австрію на почвѣ автономії національностей, трудно на эти вопросы отвѣтить положительно, такъ какъ тутъ ничего нельзя предвидѣть. Можно только сказать, что процессъ, который приведетъ къ окончательной национальной консолидациіи теперешній хаосъ юго-восточной Европы, на-вѣрное не будетъ ни очень несложнымъ, ни мирнымъ».

Когда появилась вышеупомянутая книга Шпрингера, на нее обратили вниманіе въ соціалистическомъ лагерѣ, и «Neue Zeit» помѣстила двѣ статьи, отзывающіяся о теоріи Шпрингера съ большими похвалами. Однако тѣ, для кого она предназначалась непосредственно, австрійские соціалисты, руководящіе практической борьбой партіи, отнеслись къ ней совершенно равнодушно. Главные центральные органы партіи: «Arbeiter Zeitung», «Pravo Ludur», «Naprzod» даже не обмолвились о книгѣ Ширингера, которая за то пріобрѣла громадную популярность въ сіонистскомъ лагерѣ, такъ какъ предлагаемая Шпрингеромъ форма самоуправлениія какъ нельзя лучше примѣнима именно къ еврейскому населенію, не обладающему нигдѣ собственной территоріей.

Холодный приемъ книги Шпрингера со стороны практическіхъ дѣятелей соціалистического движения Австріи не заставилъ его сойти съ намѣченной дороги. Онъ продолжалъ разрабатывать вопросъ о національныхъ отношеніяхъ имперіи Габсбурговъ и занялся въ частности дѣлами Венгрии.

На венгерскій вопросъ должны были обратить самое серьезное вниманіе руководители австрійского соціалистического движения, такъ какъ венгерскій кризисъ и вызванный имъ осложненія угрожали полнымъ застоемъ внутренней жизни Австріи. Соціал-демократической партіи необходимо было занять вполнѣ опредѣленную точку зренія по вопросу объ австро-венгерскомъ дуализмѣ, и вотъ общегосударственный конгрессъ австрійской соціал-демократіи, состоявшійся въ ноябрѣ 1903 г., занялся австро-венгерскими отношеніями.

Докладчикомъ по этому вопросу былъ одинъ изъ редакторовъ вѣнckой «Arbeiter Zeitung»—Фр. Аустерлицъ. Онъ доказывалъ, что существующій въ настоящее время дуализмъ прежде всего вреденъ для Австріи. Во-первыхъ, потому, что необходимымъ условіемъ его существованія является слабость австрійского парламента, такъ какъ только въ этомъ случаѣ корона можетъ спокойно договариваться съ сильнымъ венгерскимъ сеймомъ, не допускающимъ никакихъ серьезныхъ уступокъ въ пользу австрійской части монархіи. Затѣмъ, самое существованіе общихъ delegacij, въ составѣ которыхъ входятъ представители самыхъ реакціонныхъ фракцій парламента, въ высшей степени ограничиваетъ права парламента въ области бюджета и военного дѣла. Давленіе сильного венгерского сейма на корону заставляетъ послѣднюю добиваться уступокъ у могущественныхъ партій австрійского парламента и у-

тѣмъ подачекъ, оть которыхъ нѣтъ никакой пользы народнымъ массамъ. Представители послѣднихъ должны поэтому добиваться уничтоженія дуализма—тѣмъ болѣе, что и всѣ мадьярскія партіи стремятся къ тому же. Резолюція, предложенная докладчикомъ и затѣмъ принятая единодушно конгрессомъ, осуждаетъ и отвергаетъ дуализмъ въ качествѣ системы, существующей единствено въ интересахъ династіи и ея политического вліянія, за которое народамъ Австріи приходится раскошелеваться въ пользу мадьяръ. Выражая убѣжденіе, что выгодный для обѣихъ сторонъ экономическая выходъ будетъ найденъ только тогда, когда обѣ части государства получать полную самостоятельность, резолюція настаиваетъ на томъ, что только устраненіе дуализма позволить Австріи свободно решить свою собственную судьбу, урегулировать национальный вопросъ и создать условія, при которыхъ пролетаріатъ пріобрѣсть должное политическое вліяніе.

Эта точка зреінія раздѣлялась всѣми делегатами, при чёмъ опять оказалось, что среди нихъ существуютъ «оптимисты», вѣрящіе въ возможность дальнѣйшаго нормального развитія Австріи послѣ улаженія венгерского вопроса, и «пессимисты», считающіе расторженіе связи съ Венгріей еще однимъ шагомъ по пути къ разложению монархіи Габсбурговъ. Вѣнскій делегатъ Винарскій (немецъ по національности) заявилъ: «Я не вѣрю, чтобы, какъ говорить товарищъ Аустерлицъ, послѣ исчезновенія Великой Австріи, возникла Малая Австрія; я полагаю, что упраздненіе дуализма освободить центробѣжныя стремленія въ Австріи, станетъ шагомъ по пути къ разложению Австріи. А такъ какъ я думаю, что разложение этого государства является условіемъ естественного развитія пролетариата, то, по моему мнѣнію, мы должны готовиться ко дню ликвидаціи, чтобы тогда и нашъ голѣсъ обладалъ должностной силой».

Резолюція конгресса 1903 г. свидѣтельствовала о побѣдѣ «пессимистовъ», и Шпрингеръ, который выступилъ наканунѣ конгресса въ вѣнскомъ обществѣ «Zukunft» съ проектомъ замѣны дуализма австро-венгерскимъ союзнымъ государствомъ, опять потерпѣлъ пораженіе, что, однако, не помѣшило ему продолжать работать въ томъ же направлениі.

На дняхъ появился новый трудъ Шпрингера, посвященный тому же вопросу и доказывающей необходимость созданія придунайской федераціи изъ теперешнихъ провинцій Австріи и Венгріи *). По мнѣнію Шпрингера, монархія Габсбурговъ представляетъ географически и экономически одно г҃лое, ограниченнное съ запада и сѣвера Альпами, Судетами и Карпатами **). Изреченіе «*Tu, felix,*

*) Галиція никакъ не укладывается въ эти рамки, поэтому Шпрингеръ не считаетъ ее органической частью этого цѣлага, утверждая, что Галиція только временно „зимуетъ“ въ Австріи.

**) Rudolf Springer. Grundlagen und Entwickelungsziele der Oesterreichisch-Ungarischen Monarchie. Wien-Leipzig. 1906.

Austria, пубе», утверждающее, что теперешнее государство Габсбурговъ обязано своимъ возникновенiemъ бракамъ различныхъ членовъ этой династіи, не имѣеть глубокаго смысла. Вѣдь путемъ бракосочетанія Габсбурга пріобрѣли и Нидерланды, и Испанію, а между тѣмъ, эти государства были ими вскорѣ потеряны, тогда какъ Альпійскія провинціи, Богемія и Венгрия такъ за ними и остались, потому что тутъ дѣйствовали естественные, политическая и экономическая причины. Далѣе Шпрингеръ очень пространно доказываетъ, что, собственно говоря, до договора 1867 г. не было венгерского «государства» въ настоящемъ его видѣ. Воеводство Семиградія, Военная граница, Хорватія-Славонія были вполнѣ независимы отъ Будапешта. Только пораженіе войскъ Габсбурговъ въ прусской и итальянской кампаниахъ заставили династію пойти на уступки мадьярамъ для достижения внутренняго спокойствія—единственного средства вернуть Австріи ея прежнее значение. Договоръ 1867 г. является договоромъ короля съ мадьярами, которымъ были выданы съ головой миллионы словаковъ, румынъ, нѣмцевъ, украинцевъ и юго-славянъ. Одновременно съ этимъ созданная Цислейтанія не протестуетъ и, такимъ образомъ, санкционируетъ разложеніе одного государства на два.

Да и протестовать-то было некому. Единственно зрѣлыми политическими и политическими дѣятельными сферами въ Цислейтаніи были: нѣмецкая буржуазія и нѣмецкая же бюрократія. Эти сферы давно уже должны были отказаться отъ мечты германизировать Венгрию, поэтому онѣ охотно вошли въ соглашеніе съ мадьярами, предоставивъ имъ мадьяризировать своихъ инородцевъ взамѣнъ за полное невмѣшательство въ германизаціонную систему въ Австріи. Мадьяры подѣлились до извѣстной степени своимъ преобладаніемъ съ исторической, политически сознательной національностью—хорватами; въ Австріи то же самое было сделано по отношенію къ полякамъ. И хорваты, и поляки въ Галиціи получили автономію, всѣ же остальные національности были обречены на уничтоженіе путемъ мадьяризациіи въ Венгрии, германизациіи — въ Австріи. Договоръ 1867 г. отражалъ тогдашнее взаимоотношеніе національныхъ силъ, явившееся результатомъ относительного экономического развитія отдельныхъ провинцій и національностей. Въ настоящее время австро-венгерский дуализмъ, по мнѣнію Шпрингера, совершенно не соотвѣтствуетъ положенію вещей.

За послѣднія десятилѣтія, въ эпоху индустріализаціи Австро-Венгрии, классовой укладъ и монархіи Габсбурговъ, и отдельныхъ національностей, входящихъ въ ея составъ, измѣнился кореннымъ образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли и условія, на которыхъ опирался въ 1867 году дуализмъ. Тогда въ Австріи (если не принимать во вниманіе обладающихъ историческо-государственными традиціями, поляковъ) нѣмецкая буржуазія вмѣстѣ съ нѣмецкой интеллигенціей, дѣйствительно, являлась представительницей національныхъ интересовъ.

совъ, точно такъ же, какъ въ Венгрии мадьярскіемагнаты, поддерживаемые мелкимъ дворянствомъ, были несомнѣнными представителями націи. Остальное разношерстое населеніе обѣихъ частей монархіи Габсбурговъ стояло (за исключеніемъ поляковъ и хорватовъ) на слишкомъ низкой ступени общественнаго развитія и политического самосознанія, чтобы оно могло оказать значительное давленіе на ходъ политическихъ событій. Это были дремавшія пока что силы, по большей части крестьянскія.

Въ настоящее время эти крестьянскія массы различныхъ національностей Транслейтаніи уже превратились въ сознательные національные организмы со сложными соціальными процессами, развивающимися внутри каждой изъ этихъ національностей. У чеховъ, словинцевъ, украинцевъ и т. д. возникло собственное городское сословіе, собственная интеллигенція и собственный пролетаріатъ, что породило, съ одной стороны, возникновеніе націонализма, а съ другой—соціалистическое движеніе у каждой изъ этихъ національностей. Эта эволюція отражается и въ австрійскомъ парламентѣ, где появляются новые элементы, для которыхъ соглашеніе, заключенное съ Венгрией нѣмецкой бюрократіей и интеллигенціей въ угоду династическимъ интересамъ Габсбурговъ, не представляетъ ничего симпатичнаго.

Въ Транслейтаніи развивается, правда, гораздо медленнѣе, толькоже процессъ. Нѣмцы, словаки, румыны, сербы перестаютъ мадьяризоваться, возникаютъ націоналистическая движенія не-мадьярскихъ народностей Венгрии и, мало-по-малу, несмотря на всѣ ухищренія мадьяръ, соглашеніе 1867 г. начинаетъ терять свой престижъ.

Очень скоро, особенно если реформа избирательного закона въ Венгрии призоветъ къ участію въ законодательной работе государства массы словаковъ, румынъ, нѣмцевъ, сербовъ и украинцевъ, договоръ 1867 г. будетъ и въ Венгрии признанъ такимъ же анахронизмомъ, какимъ его уже считаютъ въ Австріи. И вотъ тутъ-то, ио мнѣнію Шпрингера, наступить моментъ, когда вместо неестественного дуализма можно бы создать придунайскую федерацію національностей Австріи и Венгрии, пользующихся культурно-національной автономіей. Австрія должна опереться на стремленіяхъ не-мадьярскихъ національностей Венгрии и, освобождая ихъ отъ мадьяризациіи, привлечь на свою сторону. Только такимъ путемъ всѣ народности, входящія въ составъ обѣихъ частей монархіи Габсбурговъ, создадутъ свое экономическое, политическое и національное благополучіе, и Австрія-федерація станетъ привлекать къ себѣ всѣ мелкія народности европейскаго Юго-Востока.

Мы передали здѣсь содержаніе новой книжки Шпрингера въ самыхъ общихъ чертахъ. Она изобилуетъ массой въ высшей степени интересныхъ и поучительныхъ доводовъ экономического и исторического характера, подобранныхъ такъ умѣло, что этимъ маски руется вся тенденціозность взглядовъ Шпрингера, стремящагося

во что бы то ни стало «спасти» Австрію отъ той плачевной участі, которою угрожаетъ ей дальнѣйшее обостреніе внутреннихъ національныхъ отношеній и виѣшняго австро-венгерского кризиса. Сомнительно, однако, чтобы тѣ, для кого прежде всего предназначается сочиненіе Шпрингера, австрійские соціалисты, прониклись его убѣжденіями. Для нихъ, сторонниковъ реальной политики, отвѣчающей интересамъ рабочихъ массы и освободительнымъ тенденціямъ національностей, «придунайская федерація» не можетъ быть тѣмъ идеаломъ, какимъ она является въ глазахъ Шпрингера — горячаго австрійскаго патріота прежде всего, несмотря на его соціалъ-демократическія симпатіи.

Л. Василевский (Плохоцкій).

Безъ руля и безъ вѣтрилъ.

— Правительство «считаетъ себя обязаннымъ не стѣснять ево-
бодно высказываемаго общественнаго мнѣнія, будь то печатнымъ
словомъ или путемъ общественныхъ собраній», но будетъ беспо-
щадно истреблять «революцію» и всякое проявленіе «революціон-
ныхъ идей»...

Такъ объявлено въ правительственномъ сообщеніи 24 августа. И хотя это сообщеніе имѣло цѣлью мотивировать и оправдать устройство особо скорострѣльныхъ судовъ, однако, правительство постаралось не опредѣлять, что оно называетъ революціей и что революціонными идеями. И не трудно понять, почему оно уклонилось отъ своей, казалось бы, прямой обязанности объяснить, какая разница между «свободно высказываемымъ общественнымъ мнѣніемъ» и «революціонной идею», и съ какой стати «мнѣніе» нельзя подвергать скорострѣльному суду, а «идею» не только можно, но и должно.

Еще римляне считали всякое опредѣленіе опаснымъ для самого опредѣляющаго. И опаснымъ не только съ логической стороны, но только потому, что взявшийся за опредѣленіе демонстрируетъ весь свой научный багажъ и всѣ свои мыслительныя способности. Правительство — не академія наукъ. Отъ него не требуется опредѣленій по существу. Ему не нужно, напримѣръ, оцѣнивать революцію, какъ постоянно дѣйствующій и совершенно необходимый коррективъ, вносимый человѣческою личностью въ логику правовыхъ, бытовыхъ и экономическихъ отношеній. Задача правительства го-

раздо проще и избучище. Оно спокойно могло бы ограничиться оценкой явления исключительно съ точки зренія существующаго права. Съ правовой же точки зренія, революція по своимъ цѣлямъ есть дѣяніе, предусмотрѣнное 129 статьею уголов. ул. Это—стремленіе ниспровергнуть узаконенный государственный строй и замѣнить его строемъ другимъ. Съ правовой точки зренія, революція по своимъ средствамъ есть политическое дѣйствіе, совершающееся умышленно неправомѣрнымъ порядкомъ. И, ставши на эту точку зренія, правительство избавлялось отъ опасной для него необходимости обнажать свой научный багажъ и свои мыслительныя способности. А слѣдовательно, логическая опасность была не такъ ужъ велика.

Но есть другая опасность—практическая. И мы ее легко поймемъ, если вспомнимъ хотя бы слѣдующее: «Революція, по своимъ средствамъ, есть политическое дѣйствіе, совершающееся умышленно неправомѣрнымъ порядкомъ». Съ правовой точки зренія, это опредѣление неизбѣжно. И если отказаться отъ него, то надо признать революціонные поступки ненаказуемыми. Но вотъ какъ разъ за нѣсколько дней до 24 августа газетный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ пожелалъ, наконецъ, отвѣтить на обвиненія, что «премьеръ» Столыпинъ постоянно нарушаетъ «основные законы» 25 апрѣля 1906 г. Отвѣтъ былъ опубликованъ въ сборникѣ трудовъ департамента, сжедневно выходящемъ въ свѣтъ подъ заглавиемъ: «Россія», въ такихъ, приблизительно, выраженіяхъ:

— Да, правительство нарушаетъ основные законы. И считаетъ своимъ долгомъ нарушать ихъ, разъ они не соответствуютъ «требованіямъ жизни»...

Конечно, мы ни на одну секунду не можемъ признать, будто г. Столыпинъ правомоченъ и способенъ опредѣлять «требованія жизни». Это отвѣтственное и сложное занятіе во всѣхъ отношеніяхъ не по плечу г. Столыпина и его «кабинета». Но если оставить въ сторонѣ вопросъ о компетенціи, то по существу «идея», опубликованная въ трудахъ газетнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, вполнѣ правильна: конечно, законы, не соответствующіе потребностямъ жизни, можно и должно нарушать. Но—увы!—это «революціонная идея». Это умышленно неправомѣрное политическое дѣйствіе. И за него, на основаніи правительеннаго сообщенія 24 августа, надо и самого г. Столыпина и его аполоgetовъ изъ газетнаго департамента предать скорострѣльному военно-полевому суду.

Вспомнимъ вкратцѣ кое-какіе другіе факты. Разумѣется, всѣмъ памятны слова манифеста 17 октября:

«На обязанность правительства возлагаемъ Мы... установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспрѣять силу безъ одобренія Государственной Думы».

Пока правительство дѣжало видѣ, что желаетъ идти правомѣрно,

Сентябрь. Отдѣль II.

оно регулировало «послѣманифестныя» общественные отношения путемъ таکъ называемыхъ «временныхъ правилъ». Но потомъ ему показалось, что этого «вида» можно не дѣлать. И, между прочимъ, 25 апрѣля, ровно за 48 часовъ до открытия Государственной Думы, «воспрѣяли силу» основные законы. Однако и въ этомъ неправомѣрномъ политическомъ памятнике стояли слова, что во время парламентской сессии «никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобрения Государственной Думы и Государственного Совета». Но какъ разъ въ день открытия Думы, 27 апрѣля, послѣдовалъ «новый законъ» о подчиненіи всѣхъ военныхъ и гражданскихъ властей въ Петербургѣ, Москвѣ и въ императорскихъ резиденціяхъ дворцовому коменданту, т. е. въ замаскированномъ видѣ введена была диктатура дворцового коменданта. 29 апрѣля, черезъ 48 часовъ послѣ открытия Думы, «послѣдовалъ новый законъ» о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, справедливо названный печатью откровеннымъ возвратомъ къ крѣпостному праву. Затѣмъ въ томъ же неправомѣрномъ порядкѣ, въ нарушение не только манифеста 17 октября, но и «основныхъ законовъ» 25 апрѣля, «новые законы» «слѣдовали» одинъ за другимъ. И въ ихъ число попали и такіе принципіально важные, какъ майская новелла о печати и указы о казачьихъ земляхъ.

Сначала эти законы помѣчались стыдливо датою: «26 апрѣля», которая какъ бы предназначалась молчаливо увѣрять «населеніе»:

— Всетаки «мы», дескать, не всѣ «основные законы» нарушаемъ. И законодательной дѣятельностью, независимо отъ Думы и Совета, во время ихъ засѣданій не занимаемся.

Однако дата: «26 апрѣля» повторялась ужъ слишкомъ часто. Шутники стали увѣрять, что если рабочій день законодателя считать въ 8 часовъ и раздѣлить на количество опубликованныхъ узаконеній и распоряженій «отъ 26 апрѣля», то на каждый «законъ» придется не болѣе 15 минутъ. 26 апрѣля начало уступать мѣсто другимъ числамъ. Одинъ специальный законъ (о частичной отменѣ вексельного права) былъ даже откровенно датированъ: «9 іюня» *). И хотя въ «Рѣчи» по этому поводу была помѣщена «громадная статья» подъ заглавиемъ: «Нарушеніе основныхъ законовъ» **), но никакихъ другихъ послѣдствій это происшествіе не имѣло. Послѣ разгона Думы хронологическая указанія стали и болѣе точными, и болѣе откровенными. При этомъ обнаруживаются весьма любопытныя подробности. Такъ, напр., 25 августа въ «Правительственномъ Вѣстнике» опубликованъ законъ «объ исключении города Орѣхова, Таврической губерніи, изъ списка городскихъ поселеній съ упрощеннымъ общественнымъ управлениемъ». Оказывается, законоположеніе это предварительно обсуждалось въ

*) Опубликованъ въ „Прав. Вѣстн.“ 14 іюня 1906 г.

**) См. № 100 „Рѣчь“. 1906 г.

совѣтъ министровъ; 28 мая 1906 г. «государь императоръ на положеніе совѣта высочайше соизволилъ», а 13 июня 1906 г. «министръ внутреннихъ дѣлъ донесъ о семъ правит. сенату для распубликованія».

Кстати, подчеркнутыя даты тоже не лишены интереса. 28 мая—это какъ разъ то время, когда Дума обсуждала «наказъ», «долженствующий укрѣпить конституціонное устройство», а «Рѣчь» именно въ этотъ день писала въ редакціонной передовой статьѣ:

— Теперь «освободительное движение, въ общемъ, на твердомъ и вѣрномъ пути. Если оно еще можетъ оборваться», то единственno по винѣ «русской революціонной интелигенціи».

А 13 июня, когда г. Столыпинъ отправлялъ въ сенатъ для распубликованія «одобренное совѣтомъ министровъ», но совершенно неизвѣстное Думѣ, «законоположеніе», г. Родичевъ «съ трибуны Таврическаго дворца» произносилъ одну изъ своихъ, какъ извѣстно, «историческихъ», рѣчей:

«Россійская имперія управляетъ на точныхъ основаніяхъ законовъ. На точномъ основаніи закона должно состояться всякое высочайшее повелѣніе, и, когда состоялось повелѣніе, несогласное съ закономъ, мы обращаемся къ министрамъ и на нихъ возлагаемъ отвѣтственность за незаконность. Мы говоримъ: Государь не можетъ дѣлать зла. Зло и несправедливость происходятъ не отъ него»... («Рѣчь», 14 июня, 1906 г., № 99).

Затѣмъ «Россійская имперія» продолжала «управляться на точныхъ основаніяхъ законовъ», по счастливому, хотя и совершенно не оригинальному, выражению г. Родичева. Быть, между прочимъ, указъ о роспуске Думы, вопреки «основнымъ законамъ» 25 апрѣля не назначившій новыхъ выборовъ. Быть указъ о новомъ займѣ въ 50 миллионовъ рублей, займѣ, проектъ которого былъ послѣдовательно отвергнутъ и Государственной Думою, и Государственнымъ Совѣтомъ. Быть указъ о продажѣ удѣльныхъ земель крестьянскому банку. Быть указъ о казенныхъ земляхъ. Появились скорострѣльные суды, уничтожившіе основное право каждого человѣка, признанное даже русскими законами,—право доказывать свою невинность, и освободившіе обвинительную власть отъ ея опять-таки признанной законами обязанности: доказывать обвиненіе. А до нынѣшнихъ «основныхъ законовъ» былъ сорокалѣтний періодъ «управления Россійской имперіи на точномъ основаніи секретныхъ циркуляровъ», которыми удалось свести почти на нѣть, напр., судебные уставы 1864 г. Не далѣе, какъ въ прошломъ 1905 году, мы видѣли на протяженіи 8 мѣсяцевъ удивительная метаморфозы. Сначала правительство объявляло намъ, что считаетъ «законы—единственной въ самодержавномъ государствѣ опорой». Насъ у说服или, что «отнынѣ» все законы будутъ появляться не иначе, какъ въ установленномъ порядкѣ, по обсужденію въ Государственномъ Совѣтѣ. А 6 августа 1905 года появилось булыгинское «положеніе

о Государственной Думѣ», вопреки установленному порядку и помимо Государственного Совѣта. Правда, газетамъ не позволялось въ ту пору отмѣтать столь непостижимое противорѣчіе. Но этотъ запретъ лишь доказываетъ, что правительство совершає свои шаги отнюдь не безсознательно.

Такъ было, есть и, навѣрное, будетъ. Путь правительства можно понимать лишь, какъ рядъ политическихъ дѣйствій умышленно неправомѣрныхъ. Это съ правовой точки зрѣнія—революціонный путь. И если бы въ Россіи кто-либо серьезно захотѣлъ разстрѣливать именно революціонеровъ, то ему пришлось бы начать—увы!—съ авторовъ правительственного сообщенія отъ 24 августа.

II.

Я вовсе не берусь утверждать, будто г. Столыпинъ сталъ революціонеромъ изъ платонической любви къ искусству. Безъ сомнѣнія, ему навязана эта профессія по причинѣ цѣлаго ряда совершенно конкретныхъ соображеній. Не опѣнивая всѣхъ, отмѣчу лишь одно изъ нихъ, о которомъ въ настоящее время много говорятъ.

Теперь происходитъ усиленная покупка помѣщичьихъ земель крестьянскимъ банкомъ. Скуплено до 2 миллионовъ десятинъ, по средней цѣнѣ — 126 рублей за десятину. Въ руки крестьянского банка брошено уже до 2 мил. дес. удѣльной земли. И еще, если вѣрить газетнымъ слухамъ, предполагаетсябросить столько же. По газетнымъ же извѣстіямъ, назрѣваютъ какія-то операции за счетъ кабинетскихъ земель. Ни для кого не секретъ, что этою лихорадочною дѣятельностью крестьянского банка подготавливается и осуществляется переходъ отъ натурального землевладѣнія къ ипотечному. Не составляетъ секрета и смысла этого перехода: благодаря ему, удастся избѣжать отчужденія земельной ренты, удастся сохранить ренту въ тѣхъ же рукахъ, которыя и нынѣ ее получаютъ. Къ сожалѣнію, точныхъ данныхъ, которыхъ позволяли бы судить о прибыляхъ этой операции, у насъ нѣтъ. Но если принять банковскую цѣну — 126 р. за десятину, какъ нормальную, то разсчетъ получится слѣдующій.

Въ круглыхъ цифрахъ, у насъ дворянскихъ 80 мил. десятинъ, удѣльныхъ 8 мил. и кабинетскихъ 53 мил. Помножьте эти цифры послѣдовательно на 126, и получатся капитальные суммы, за которыя дворянскія, удѣльныя и кабинетскія земли могутъ быть переданы банку. Останется лишь опредѣлить съ этихъ суммъ 6-процентный годовой доходъ именныхъ свидѣтельствъ крестьянского банка. По такому разсчету земельной ренты придется ежегодно: на долю дворянъ около 605 мил. руб., удѣламъ около $60\frac{1}{2}$ мил. руб., кабинету 402 мил. р., а всѣмъ вмѣстѣ до 1070 мил.

Конечно, это разсчетъ слишкомъ грубый, чрезвычайно поверхностный и совершенно непригодный для сколько-нибудь точныхъ выводовъ. Но за неимѣниемъ лучшаго, и онъ показываетъ, какую реальную цѣль преслѣдуется политика, стремящаяся превратить натуральное землевладѣніе въ ипотечное. Рѣчь идетъ, если не о миллиардахъ, то, во всякомъ случаѣ, о сотняхъ миллионовъ рублей ежегодного дохода. И было время, когда эта колоссальная реальность давалась въ руки сама, прямо таки даромъ. При Александрѣ III, напримѣръ, и даже въ первые 6—7 лѣтъ нынѣшняго царствованія ее можно было получить правомѣрнымъ путемъ, безъ хлопотъ и огорченій. Но правительство благопріятнымъ временемъ не воспользовалось. Оно окончательно взялось за умъ лишь въ нынѣшнемъ году. И теперь ему приходится пробивать дорогу къ земельной рентѣ сквозь «неслыханную смуту», чрезъ манифестъ 17 октября, сквозь «основные» и «вспомогательные» законы, сквозь наслѣдство, оставленное бывшей Думой, и сквозь объщеніе созвать 20 февраля 1907 г. Думу новую. Между тѣмъ, необходимо время, хотя бы только для совершенія формальностей, безъ которыхъ нельзя обмѣнять землю на свидѣтельства государственного земельного банка, изъ приличія называемаго крестьянскимъ. Предпріятие огромное. Времени нужно много. А 20 февраля не за горами. Правда, этотъ срокъ можно удлиннить; можно, напримѣръ, и будущей Думѣ предоставить заниматься говореніемъ, а настоящую законодательную работу сосредоточить въ совѣтѣ министровъ. Но, во всякомъ случаѣ, правомѣрный путь не возможенъ. Отказаться отъ революціоннаго пути—значило бы отнять у самого себя единственное средство для рѣшенія поставленной цѣли, и при томъ, повторяю, цѣли, отнюдь не платонической, но измѣряемой величинами вполнѣ реальными.

Да и вообще, помимо этой основной причины, правительству было бы затруднительно объявить войну настоящимъ революціонерамъ. Ибо кто теперь не революціонеръ? 31 августа въ «Странѣ» была напечатана любопытная замѣтка о томъ, какъ въ Екатеринодарѣ офицеры Урупскаго полка подъ предводительствомъ своего командира воевали съ редакціей газеты «Заря». Офицеры требовали, чтобы редакція впередъ ничего не смѣла печатать о нихъ, а все раньше напечатанное объявила ложнымъ. Редакція на это не согласилась. Тогда полковой командиръ заявилъ: «ваша сила въ словѣ, а наша въ кулакѣ», и прервалъ «дипломатические переговоры». Началась война. Командиръ поставилъ въ типографію «Зари» взвѣдь ввѣренныхъ ему казаковъ съ строгимъ приказомъ: «не позволяйте выпускать ни одного номера». Въ концѣ концовъ редакція пошла на уступки. И «воюющая держава» кое-какъ уладили «конфліктъ» путемъ мирныхъ переговоровъ.

Вотъ другой случай. Въ Ялтѣ офицеры 16 стрѣлковаго императора Александра III полка обратились къ населенію съ особаго

рода манифестомъ, въ которомъ объявляли, приблизительно, слѣдующее:

— Мы приговорили къ смертной казни 27 человѣкъ, по особо составленному нами списку, и приведемъ нашъ приговоръ въ исполненіе, если будетъ совершено покушеніе на кого-либо изъ насъ.

А вслѣдъ затѣмъ какое-то «общее собраніе» офицеровъ бакинского гарнизона опубликовало точь въ точь такую же угрозу «всѣмъ вообще элементамъ» города Баку. И уже одна повторяемость подобныхъ актовъ свидѣтельствуетъ о безукоризненно благожелательномъ отношеніи къ нимъ со стороны центральной власти.

Третій случай. Дѣвушка Смирнова идетъ въ Петербургъ по улицѣ со своимъ знакомымъ и говорить ему нѣсколько словъ о русскихъ неудачахъ во время японской войны. Эти слова слышитъ какой-то кавалергардскій офицеръ (фамилія его, къ сожалѣнію, газетами не названа). Этого достаточно. Офицеръ приказалъ дѣвушку арестовать. Доставилъ ее въ казарму и здѣсь, по словамъ газетъ, приговорилъ къ смертной казни черезъ изнасилованіе:

— Пользуйтесь дѣвицей,—приказалъ онъ солдатамъ.

Солдаты откашались исполнить приказаніе. Тогда офицеръ понизилъ наказаніе на нѣсколько степеней. И дѣвица Смирнова была высѣчена плетьми.

Случай этотъ взволновалъ общественное мнѣніе всей Европы. Коллеги же г. Столыпина, если вѣрить газетнымъ свѣдѣніямъ, выразили лишь неудовольствіе, что дѣвушка высѣчена плетьми безъ участія с.-петербургскаго градоначальника.

Случай четвертый. Въ вагонѣ желѣзной дорогиѣдутъ десятка полтора солдатъ, только что уволенныхъ въ запасъ. Въ этотъ же вагонѣ попадаетъ священникъ. Батюшкѣ почему-то не понравилось поведеніе «нижнихъ чиновъ», и онъ высказалъ это вслухъ. Солдаты немедленно «арестовали» его, устроили «военно-полевой судъ» и приговорили къ смертной казни черезъ повѣщеніе. На голову священника уже накинули петлю, когда поѣздъ подошелъ къ станціи. И только сбѣжался на крики о помощи станціонный людъ спасъ «преступника» отъ неминуемой смерти. Благо ему, этому батюшкѣ, спасенному отъ смерти, что его «суды» были запасные, а не на дѣйствительной службѣ, и что поэтому у нихъ не было оружія.

Доказывать, что всѣ эти дѣянія революціонны, врядъ ли нужно. Передъ нами самое обыкновенное захватное право суда и расправы. И это право практикуется отнюдь не отдѣльными лицами. Вернитесь на минуту къ злосчастному священнику, случайно спасенному отъ повѣщенія. Представьте, въ самомъ дѣлѣ, что ему пришлось бы имѣть дѣло не съ запасными, а съ дѣйствительными солдатами. Представьте, далѣе, что тотъ же станціонный людъ сбѣжался бы на крики человѣка, надъ которымъ совершаютъ

смертную казнь, и, къ своему несчастію, вздумалъ бы вмѣшаться въ это дѣло. Вотъ вамъ и преступленіе, которое «петербургскимъ телеграфнымъ агентствомъ» квалифицируется, какъ «нападеніе на войска». А къ чему это ведеть — свидѣтельствуютъ гекатомбы Бѣлостока и Сѣдлеца.

Бѣлостокъ и Сѣдлецъ—памятники армейскаго захватнаго права суда и расправы. Но Бѣлостокъ и Сѣдлецъ—дѣло оптовое, поражающее человѣка чрезмѣрнымъ скопленіемъ жертвъ на небольшомъ пространствѣ. Приглядитесь къ дѣламъ болѣе мелкимъ. Жертвы, быть можетъ, они даютъ не меньше. Только жертвы эти разсѣяны по огромному полю и потому не такъ замѣтны. Теперь безпрерывно судять людей за такъ называемую пропаганду въ войскахъ. Процессы этого рода предусмотрительно велѣно слушать при закрытыхъ дверяхъ. И весь ужасъ ихъ будетъ постигнуть вполнѣ, лишь когда вскроются прокурорскіе застѣнки и архивы. Но почувствовать этотъ ужасъ до нѣкоторой степени можно и теперь.

Процессы о пропагандѣ складываются по опредѣленному шаблону: «агитаторъ» сталъ смущать солдата Иванова, солдатъ Ивановъ «представилъ» его по начальству, и тотъ же солдатъ Ивановъ является на судъ въ качествѣ свидѣтеля, и тому же солдату Иванову полагается награда за каждого пойманнаго и обвиненнаго судомъ «агитатора». Случаются удивительные эпизоды. Рѣшаюсь передать одинъ, со словъ очевидца.

На скамье подсудимыхъ человѣкъ съ типично не русскимъ лицомъ. Солдатикъ свидѣтель подробно передаетъ, какъ «вотъ этотъ самый» «противъ присяги бунтовалъ». Подсудимый срывается съ мѣста и начинаетъ говорить. Говорить, волнуясь, размахивая руками, тряся головою: видимо, ему страстно хочется, чтобы его, наконецъ, поняли. Но, увы! — онъ почти ни одного слова не говоритъ по-русски. Его странная — не то чухонская, не то латышская — рѣчь остается совершенно не понятой. Раsterянинъ предсѣдатель даетъ подсудимому кончить. Зашитникъ обращается къ солдату:

- Свидѣтель, вы поняли, что сейчасъ говорилъ подсудимый?
- Такъ точно, понялъ.
- А что онъ говорилъ?
- Такъ что насчетъ политики.
- А поняли вы, къ какой подсудимый принадлежитъ партія?
- Такъ точно, понялъ.
- Къ какой же онъ партіи принадлежить?
- Такъ что къ черносотенной.

Судьи еще болѣе раsterяны. Даже защитникъ озадаченъ.

— А вы знаете, — рѣшается онъ задать вопросъ, — что такое черная сотня?

- Такъ точно, знаю.

— Что же это такое?

— Такъ что это которые государя императора.

Солдатикъ, видимо, начинаетъ понимать, что дѣло оборачивается не совсѣмъ удобно для него. Онъ слегка краснѣеть. Его глазки смущенно блѣгаютъ.

— А сколько вамъ за поимку агитатора полагается? — задаетъ защитникъ послѣдній вопросъ.

— Такъ точно, полагается... Должонъ, значитъ, я 5 рублей получить, — заявляетъ онъ тѣмъ же тономъ, какимъ обыкновенно свидѣтели-крестьяне дѣлаютъ суду свое «послѣднее показаніе»:

— А еще, господа правосудіе, желаю я получить прогоны.

Какъ и слѣдуетъ въ нашъ революціонный вѣкъ, судь призналь не то чухонца, не то латыша виновнымъ въ пропагандѣ среди войскъ на языкѣ, не понятномъ суду и, очевидно, не понятномъ солдатамъ. Поимщикъ такимъ образомъ получилъ плату свою. И, признаться, я въ послѣднее время стараюсь, по возможности, не ходить возлѣ солдатскихъ казармъ. Ибо знаю, что самое появленіе мое возлѣ казармы тяжко искушаетъ ближняго моего; вѣдь не одна, чай, «живая душа» разсуждаетъ: «ехъ, схватить развѣ этого штатского за шиворотъ? пять рублей — деньги». А если одинъ изъ малыхъ сихъ соблазнится и схватить меня за шиворотъ, то вѣдь я ужъничѣмъ не спасусь отъ тюрьмы, а онъ — отъ лжесвидѣтельства. Въ самомъ дѣлѣ: какой смыслъ имѣть эта такса — 5 рублей? Въ сущности, вѣдь это не что иное, какъ приглашеніе: «поймай, кого хочешь, но докажи, что онъ агитаторъ». Для святости присяги, которая такъ нужна начальству, это смертный приговоръ: ибо пятирублевая такса сама по себѣ искушаетъ дать «ложную присягу» на судѣ. Для воинской дисциплины это самоубийство, ибо деморализуетъ армію. Самая мысль обѣ учрежденій платы за поимку агитаторовъ могла появиться лишь въ головѣ, безнадежно потерявшей вѣру въ благонадежность арміи и безнадежно забывшей о правовыхъ устояхъ общественной жизни.

Но такса за лжесвидѣтельство — сравнительно, пустяки. У насть есть болѣе краснорѣчивый въ этомъ смыслѣ «институтъ»: солдатская такса за убійство «революціонера», широко практиковавшаяся, между прочимъ, въ Варшавѣ. Вдумайтесь, какъ фактически осуществляется этотъ институтъ. Стоить солдатъ на улицѣ и думаетъ: «какъ бы мнѣ нынче 10 рублей заработать». И высматриваетъ, пѣть ли прохожаго, который по всѣмъ признакамъ «не иначе, какъ революціонеръ...» И вдругъ — слава Богу, одинъ есть. Приложился, — бацъ. Хватай трупъ и волоки къ городовому:

— Такъ что, г. городовой, вотъ вамъ одного прикончилъ. Пожалуйте мнѣ квитанцію. Да поскорѣчка. Думаю, значитъ, пойти, — не клюнетъ ли еще на мое счастье...

Если такой солдатъ и отличается отъ наемнаго убійцы, то лишь тѣмъ, что наемному убійцѣ указываютъ опредѣленное

лицо; наемный убийца лишь исполняет чужой приговор; солдату же опредъленно указывают лишь сумму, съ тѣмъ, чтобы онъ, если желаетъ заработать ее, взялъ на себя роль сыщика, суды и палача.

Конечно, настроение арміи, сдѣлавшее возможными такие институты, подобно всякой вообще выброшенной изъ правовыхъ рамокъ соціальной силѣ, обоядоостро. Вчера настроение хотя бы тѣхъ же урупцевъ обрушивалось на голову начальства. Нынѣ они расправляются съ редакціей «Зари». И Богъ вѣсть, съ кѣмъ захотятъ расправиться завтра. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ умышленно неправомѣрными политическими поступками.

Возьмемъ другую организацію: такъ называемый «союзъ русского народа». Эта организація, говорять, очень дружественна г. Столыпину. По никѣмъ не опровергнутому свидѣтельству горно-промышленника Львова, г. Столыпинъ принималъ живѣйшее участіе въ ея дѣлахъ еще въ Балашовѣ, будучи саратовскимъ губернаторомъ. И еще тогда въ Саратовѣ подъ просвѣщеннымъ покровительствомъ г. Столыпина печаталась «погромная литература», снабженная стереотипнымъ штемпелемъ: «съ благословенія епископа Гермогена». Нынѣ же «союзъ русского народа» идетъ еще болѣе откровеннымъ аллюромъ. Въ Петербургѣ на гробъ кн. Шаховскаго, смертельно раненаго при покушеніи на того же г. Столыпина, союзъ водрузилъ надпись: «Мстители живы». И такая же надпись, если вѣрить газетамъ, была водружена на гробъ г. Мина и красовалась тамъ, не смущаясь присутствиемъ на похоронахъ высокихъ особъ и «всего генералитета». Въ Одессѣ союзъ русского народа, такъ сказать, официально объявляетъ градоначальнику Григорьеву: «жидовскому батькѣ Григорьеву смерть». А въ своемъ официальномъ органѣ «Руск. Знамя» безъ стѣсненія объявляетъ: ежели министры «дадутъ евреямъ равноправіе, то 100 тысячъ истинно-русскихъ людей возьмутся за бомбы» (Цитирую по «Странѣ», 2 сентября). Правда, почти одновременно съ этимъ, «Правит. Вѣст.» напечаталъ программу «союза», и тѣмъ недвусмысленно призналъ свою близость къ нему. Но отъ этого дѣянія «союза», революціонно террористическая по существу, не перестали быть революціонными и террористическими. И врядъ-ли кто-нибудь станетъ надѣяться, что г. Столыпинъ подвергнетъ преслѣдованію своихъ пріятелей изъ «союза русского народа».

Слова: «революція» и «революціонныя идеи» въ правительственноемъ сообщеніи 24 августа можно рассматривать, какъ редакціонную неточность, и только. Фактически же дѣло сводится къ преслѣдованію людей не потому, что они революціонеры, а потому, что они по тѣмъ или инымъ причинамъ не удобны, лишни, мѣшаютъ. Въ концѣ августа стала мѣшать г. Демчинскій. Его подвергли преслѣдованію по 1 п. 129 статьи угол. улож. Такимъ образомъ, человѣкъ, котораго еще вчера, наукѣ вопреки, правитель-

ство официозно объявляло своимъ собственнымъ метеорологомъ, нынѣ наперекоръ здравому смыслу, официально объявленъ революціонеромъ. Быть можетъ, черезъ нѣкоторое время опредѣлится, что г. Демчинскій «больше не мѣшаетъ», — и тогда почему бы не вступить съ нимъ въ такое же соглашеніе, какое «имѣло мѣсто» относительно его коллеги по «Новому Времени», г-на Сыромятникова. Въ концѣ августа подвергнуты преслѣдованію к.-д. Ихъ партійный съездъ не разрѣшенъ. Однако, это сдѣлано не сразу, а послѣ довольно продолжительныхъ и въ общемъ дружескихъ переговоровъ между г. Мухановымъ и г. Столыпиномъ. При этомъ г. Муханову, во время покушенія на Аптекарскомъ островѣ, пришлось даже взять на себя роль ангела-хранителя и оберегать ministra, пока не явились чины охранного отдѣленія. Повидимому, значеніе к.-д. партіи именно для данного момента старателю взвѣшивалось: мѣшаетъ она или не мѣшаетъ? Вредна или полезна? Въ данное время рѣшено, что мѣшаетъ. Но за будущее, и, быть можетъ, очень недалекое, ручаться нельзя. Положимъ, что придется объявить выборы въ Думу. К.-д. такъ блестяще доказали свою способность создавать вокругъ Думы конституціонный миражъ, развлекать народное недовѣріе и народную подозрительность, что правительству прямо-таки неѣть разсчета отказываться отъ силы, которая помогаетъ выигрывать время. И если г. Столыпинъ не вовсе лишенъ здраваго смысла, то, безъ сомнѣнія, вернется къ той же «политикѣ терпимости», какой держались по отношенію къ партіи «народной свободы» гг. Витте и Дурново.

Но если даже отказаться отъ учета возможностей, если даже признать просто факты, что тотчасъ послѣ 24 августа подверглись караю гг. Демчинскій и Мухановъ, то всетаки кабалистическая на первый взглядъ слова правительственного сообщенія: «мнѣніе» не стѣснять, «идею» преслѣдоватъ—пріобрѣтаютъ вполнѣ опредѣленный смыслъ. Въ переводѣ съ кабалистического жаргона на языкъ фактовъ, это значитъ: «кого хочу, того люблю, кого хочу—повѣшу». Это очень туманно и сбивчиво редактированный официальный и окончательный отказъ отъ правовыхъ, закономѣрныхъ устоевъ власти, и столь же официальное, хоть и не вполнѣ откровенно мотивированное выступленіе на революціонный путь. А учрежденіе особаго революціоннаго трибунала, подъ названіемъ «военно-полевые суды», лишь иллюстрируетъ и поясняетъ то, что словесно изображенено на бумагѣ. Если прежде неправомѣрныя дѣйствія власти облекались въ форму секретныхъ приказовъ, въ видѣ, напримѣръ, внушеній, предрѣшающихъ судебные приговоры до начала суда, если до сихъ поръ власть старалась показать, что стоитъ на правовой почвѣ, отдавалась молчаниемъ по поводу повсемѣстныхъ «административныхъ смертныхъ казней» и норовила выставить напоказъ свою гуманность, то теперь

«смыты краски и стерты румяна»... Маски сброшены. Маскарадъ, слава Богу, кончень.

III.

У насъ весьма часто «революцію» считаютъ синонимомъ «освободительного движенія». Исторически такое пониманіе правильно. Въ Россіи долгое время революціонеромъ откровенно называлъ себя лишь тотъ, кто хотѣлъ неправомѣрными, съ точки зрѣнія существующихъ законовъ, способами освободить родину отъ ига абсолютизма. Въ Западной Европѣ борьба соціальныхъ силъ, называемая революціей, въ большинствѣ приводила къ побѣдѣ освободительныхъ идей. И хотя революціонно дѣйствовавшіе Наполеонъ I и Наполеонъ III даютъ примѣръ обратнаго порядка, все-таки смѣщеніе революціи съ освободительнымъ движеніемъ исторіей подсказывается и оправдывается. Но, по существу, вандейцы такіе же революціонеры, какъ и якобинцы, Шарлота Кордэ революціона не меныше Марата. И выводъ историка, что «въ 1789 г. во Франціи чѣмъ революціоннѣе былъ человѣкъ, тѣмъ онъ болѣе былъ монархистомъ» *), отнюдь не парадоксъ. И отнюдь не будетъ парадоксомъ выводъ будущаго историка, что для «ниспроверженія общественного строя», который въ 1905 и 1906 гг. почему-то назывался «существующимъ», колоссальную работу произвели Сергій Витте, Петръ Дурново, Иванъ Горемыкинъ, Петръ Столыпинъ и прочее «правительство».

Въ самомъ дѣлѣ. Возьмите «область верховнаго управленія». У насъ оно опредѣлялось старыми «основными законами». Плохи или хороши эти законы,—вопросъ иной. Но правительство систематически ниспровергало ихъ въ порядке конфиденциальному. И, наконецъ, ниспровергло. Путемъ страшныхъ усилий и громадныхъ моральныхъ жертвъ, ему удалось написать и опубликовать новые «основные законы», какъ будто для того, чтобы систематически ихъ ниспровергать, сначала секретно, а потомъ открыто и даже съ циническою прямотою:

— Да, нарушаешь, и будемъ нарушать, ибо находимъ, что это для насъ нужно.

И надо либо умышленно закрывать глаза, либо вовсе не имѣть ихъ, чтобы писать, подобно проф. Герье въ «Нов. Вр.»:

«Первая въ Россіи попытка приложить къ дѣлу новую конституцію оказалась неудачною. Главная причина неудачи несомнѣнна. Она заключается въ томъ, что Государственная Дума не захотѣла держаться въ рамкахъ, отведенныхъ ей основными законами.»

*) Оларь, „Политическая история фран. рев.“, стр. 7. Москов. изд. 1902 г.

Если даже забыть, что слово «конституція» въ примѣненіи къ «закону» 25 апрѣля звучить въ высшей степени иронически, то всетаки остается вопросъ: какъ г. Герье сможетъ держаться «рамокъ», которыхъ хотя и опубликованы, но тотчасъ же правительствомъ уничтожены, и фактически не существовали и не существуютъ?

Возьмите «область провинціального управлениія». Плохъ ли, хорошъ ли былъ механизмъ, но онъ существовалъ. Каждая губернія была тѣснѣйше и закономѣрно связана съ центромъ. Было, пусть нелѣпое, но единство. Теперь у насъ система генералъ-губернаторствъ. Переѣхавшій изъ Саратовской губерніи въ Ставропольскую попадаетъ словно въ другое государство, съ другими порядками и законами. Даже, если живешь въ одномъ мѣстѣ, нельзя разобрать, какого, въ сущности, «порядка» держаться. Въ Тверской, напр., губерніи полиція запрещаетъ ученикамъ пѣть «Боже, царя храни», а учебное начальство требуетъ, чтобы пѣли (Новое Время). Въ Кременчугѣ генералъ-губернаторъ требуетъ одного, а поліцеймейстеръ другого. И свое разногласіе они опубликовываютъ во всеобщее свѣдѣніе въ видѣ ожесточенно-полемическихъ приказовъ. Въ Одессѣ градоначальнику Григорьеву нужно одно, ген.-губ. Карангозову другое. А Каульбарсъ требуетъ третьяго и объявляетъ Карангозова больнымъ. Общепримѣрского уголовнаго и гражданскаго права не существуетъ. Скалонъ судить такъ, Скрыдловъ иначе, а Сухотинъ опять-таки иначе. Суды замѣнены революціонными трибуналами.

Освободительному движению нѣтъ нужды «исровергать» «учрежденіе губернское», изображенное въ т. II «свода законовъ российской имперіи», ибо эта работа уже произведена правительствомъ. «Губернское учрежденіе» не только уничтожено, но психологический и практически даже расчищена почва для областного самоопредѣленія на федеративныхъ началахъ въ любую сторону.

Пока жизнь нашихъ областей опредѣляется олигархическимъ порядкомъ. Воронцовъ, напр., опредѣлялъ жизнь Кавказа въ одну сторону. Создался какой-то офицерскій комплѣтъ, и Воронцовія превратилась въ Алиханію. Завтра народятся новые олигархи, низвергнутъ нынѣшихъ и направятъ жизнь еще куда-нибудь. Послѣ завтра, можетъ быть, Кавказъ всѣмъ архонтамъ свернетъ лицо и самоопредѣлится по собственному вкусу, а можетъ быть и то, что найдется предпримчивый человѣкъ, который сумѣетъ объявить себя независимымъ владѣтелемъ. Механизмъ, объединявший Россію, разбить. Государственно-правовая связь правящаго центра съ имперіей разрушена. И осталась связь лишь чисто личныхъ знакомствъ и отношений. Скалонъ близокъ и лично преданъ—значить, ему можно вручить Польшу, Воронцовъ близокъ и лично преданъ,—можно вручить Кавказъ, Меллеръ-Закомельскій близокъ и пре-

дань,—вручить Сибирь. А Старосельский и Урусовъ не преданы лично, и имъ поэому нельзя вручать.

Эта чрезвычайно тонкая, ежеминутно могущая оборваться, нить личной близости и личной преданности и есть та «цѣнь», которая «сковываетъ» необъятную Россію и создаетъ подобіе единства. Нѣкогда мощная бюрократія распалась. Сейчасъ въ Россіи своеобразная олигархія,—правленіе кружка лицъ, объединяемыхъ личными отношеніями. При этомъ олигархи не только не стараются закрѣпить свое положеніе сколь-нибудь прочными правовыми нормами, но, наоборотъ, замѣтно стараются расшатать и упразднить даже послѣдніе остатки права, уцѣлѣвшіе при всеобщемъ крушенніи, и тѣмъ освободить себя отъ какихъ бы то ни было ограничений.

Вѣдь для самихъ же олигарховъ было бы полезно укрыться, напр., за «институтъ частной собственности». Частная собственность—фундаментъ, на который до сихъ поръ спѣшило опереться всякое правительство. И тѣмъ не менѣе г. Скалонъ не затруднился революціоннымъ порядкомъ присвоить себѣ право конфискаціи частныхъ имуществъ. Правда, едва это право былопущено въ ходъ, какъ обнаружилось, что его присвоить нѣсколько легче, нежели осуществить. Изъ-за каждого конфискованного дома, оказывается, нужно вести препенепріятные разговоры съ земельными барками, съ владѣльцами заладныхъ, и выслушивать цѣлымъ лекціи о какихъ то капиталахъ, вложенныхъ въ какой-то ипотечный кредитъ. Но лишь только это стало до вѣкоторой степени извѣстно даже г. Скалону, олигархъ сѣдлецкій приказалъ безъ всякой нужды, а единственno по причинѣ собственной фантазіи разстрѣливать дома пушками. Это была, конечно, не новая въ Россіи, но по ходу событий чрезвычайно эффектная демонстрація противъ «какихъ-то» капиталовъ, вложенныхъ въ «какой-то» ипотечный кредитъ. Конечно, демонстраціи подобного рода не рѣдкость. Достаточно вспомнить вятского вице-губернатора, который отмѣнилъ вексельное право и приказалъ арестовать явившагося къ исполненію служебныхъ обязанностей судебнаго пристава, хотя тотъ всячески утверждалъ, что дѣйствуетъ «по указу его императорского величества». Но то-то и характерно, что это не единичные случаи. Когда стало извѣстно, что министръ внутреннихъ дѣлъ г. Дурново рекомендовалъ сжигать и уничтожать «крамольныя имущества», сколько словъ было истрачено, чтобы доказать, что такою мѣрою правительство отмѣняетъ права частной собственности не только для «крамольниковъ», но и для третьихъ лицъ. Однако, г. Дурново остался при своемъ. А преемникъ его г. Столыпинъ мѣру «Петра Николаевича» углубляетъ и расширяетъ. Оно и понятно. Признаніе частной собственности всетаки связывало бы и ограничивало власть хотя бы того же г. Скалona.

Повторяю, для разрушенія «существующаго государственно-

правового строя» правительство сдѣлало очень много. Пусть на русской биржѣ фонды законности никогда не стояли высоко. Нашъ чиновникъ «не клалъ охулки на руку», если ему приходилось расправиться съ закономъ по свойски. Но всетаки нѣкоторый декорумъ до послѣдняго времени старались сохранить, хотя бы лишь настолько, чтобы можно было, не слишкомъ краснѣя, сказать «политическому преступнику»:

— Ты—бунтовщикъ, ибо возсталъ противъ закона.

Теперь дѣло гораздо проще...

Недавно мнѣ пришлось присутствовать при любопытномъ разговорѣ околоточнаго надзирателя съ обывателемъ, нѣсколько причастнымъ къ литературѣ. Околоточный попался изъ добрыхъ, но забитыхъ людей. Онъ говорилъ о прочитанной имъ нелегальной брошюркѣ.

— Не спорю,—справедливаго тутъ много, — говорилъ онъ.— Много справедливаго. Но въ общемъ одобрить не могу. По совѣсти не могу. А не то что тамъ на счетъ службы... Возьмите, напримѣръ, что онъ, сочинитель этотъ, на счетъ 1-го марта пишетъ... Помилуйте, восхваленіе убийства! Подъ судъ за это надо. На каторгу. По совѣсти говорю...

Обыватель порылся въ столѣ, оттуда досталъ старый номеръ «Московскихъ Вѣдомостей» и подалъ околоточному.

— А вотъ, моль, прочтите эту штуку.

Это была статья г. Юзефовича о «страшной опасности», какой подвергалась Россія, благодаря «конституції» Лорис-Меликова. Но—пишетъ г. Юзефовичъ — «Божіимъ Промысломъ былъ нанесенъ ударъ этому покушенію». И «ударъ» былъ нанесенъ «Божіимъ промысломъ въ тотъ именно моментъ, когда Александромъ II заложенъ былъ первый камень щаткаго политического зданія государственного самоуправленія, къ счастью для Россіи такъ и оставшагося, за его кончиной, не построеннымъ».

— Знаете что,—посовѣтовалъ обыватель.—Сообщите о семъ по начальству. Юзефовичъ этотъ самый живеть въ Кіевѣ. Адресъ его департаменту полиціі, навѣрное, хорошо извѣстенъ. А редактора «Московскихъ Вѣдомостей» Грингмута вы, быть можетъ, и сами знаете... Пусть ихъ, въ самомъ дѣлѣ, отадутъ подъ судъ и соплють на каторгу.

Околоточный прочиталъ газету. Смущенно положилъ ее на столъ и сказалъ:

— Господи, хоть бы поскорѣе у насъ конституцію ввели... Повѣрите ли, — не знаешь, чему служить. Умъ за разумъ заходитъ...

И если «умъ за разумъ заходитъ» у полицейскаго чина въ Петербургѣ, то что же дѣлается «тамъ, во глубинѣ Россіи», гдѣ на жалобу потерпѣвшаго отъ грабежа, воровства, разбоя «участковому начальству» приходится отвѣтчиать откровенно:

— Это дѣло не политическое.. Насъ не касающее *).

Да хотя бы и «политической» грабежъ и разбой? Какъ къ нему относиться? Нельзя преслѣдоватъ всякой грабежъ и разбой, ибо исторія Курлова, Нейдгардта, Подгоричани, Шереметьева бѣлостокскаго, удостоеннаго, по офиціальному свѣдѣніямъ, перевода въ Петербургъ, и другихъ многихъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что иные грабежи и разбои не преступленіе, но служебный подвигъ. Или взять хотя бы аграрные погромы. Съ одной стороны, это какъ будто преступленіе. А съ другой—цѣлый рядъ газетныхъ корреспонденцій свидѣтельствуетъ, что чинамъ полиції приходится въ порядкѣ служебныхъ командировокъ подстрекать крестьянъ къ погрому крамольныхъ имѣній.

Общее понятіе законопреступного исчезло. Получилось такъ: по-лицейскій приставъ Ермоловъ, убившій въ Москвѣ приватъ-доцента Воробьевъ, достоинъ особаго покровительства, и ему до сихъ поръ, по словамъ газетъ, выдаютъ «изъ казны» жалованье, а 19-лѣтняго мальчика Звѣрева, который контузилъ въ той же Москвѣ городового, надо повѣсить; многократно изобличенный въ беззаконіи черниговскій жандармъ Рудовъ достоинъ повышенія по службѣ, а земскій служащій Гужовскій въ той же Черниговской губерніи никакого беззаконія не совершилъ, но пользуется среди крестьянъ и казаковъ вліяніемъ, поэтому его надо сослать на всякий случай въ Нарымскій край. Если ты сыщикъ, и съ тобою желаетъ побесѣдать товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Макаровъ, то онъ говоритъ просто:

— Пригласите ко мнѣ филёра имя рекъ.

Но если ты не сыщикъ, а г. Макаровъ всетаки имѣть къ тебѣ надобность, то тебя сначала сажаютъ въ тюрьму, а потомъ ведутъ къ его превосходительству.

«Дѣйствія правительства» до того лишены даже намека на законность, что обычатель, повидимому, рѣшительно перестаетъ понимать разницу между правительственнымъ агентомъ и обыкновеннымъ жуликомъ. Помню, въ прошломъ году мною было получено потрясающее письмо изъ Нѣжина, Черниговской губерніи. Авторъ письма коротко передавалъ, какъ погибла семья, ошибочно принявшая полицейскихъ за ночныхъ грабителей. По его разсказу, дѣло сложилось такъ. Ночью старшій сынъ семьи услышалъ, какъ кто-то ломаетъ дверь съ чернаго хода. Онъ послѣднимъ разбудилъ другихъ. Между тѣмъ, дверь уже была сбита и слышно было, какъ предполагаемые грабители тихонько крадутся въ комнаты. Старшій сынъ закричалъ и выстрѣлилъ изъ револьвера. Въ отвѣтъ раздались также выстрѣлы. Потомъ команда: «бей». Лязгъ оружія. Стоны, крики... Женщины пытались выскочить изъ оконъ. Ихъ встрѣтили съ улицы новыми выстрѣлами и сабельными ударами. Въ нѣсколько

*) „Око“, № 5.

минутъ «все было кончено». Оказалось, «это полиція». Полицейское начальство явилось произвести обыскъ, окружило домъ «охраной», а дабы «захватить улики», рѣшило взломать черную дверь и забраться въ домъ, прежде чѣмъ его обитатели проснулись.

Признаюсь, я не рѣшился тогда вполнѣ довѣриться этому письму, хоть авторъ его — человѣкъ, лично мнѣ известный и не имѣвшій привычки говорить о непроверенныхъ фактахъ. Можеть быть, думалось мнѣ, чины охраны не въ такой ужъ степени давали по-воду смишивать ихъ съ ночными грабителями? Быть можетъ, погибшая семья имѣла какія-нибудь особыя причины отстрѣливаться именно отъ полиціи? Словомъ, годъ назадъ даже мнѣ, давно при- выкшему смотрѣть на Россійскую администрацію безъ всякихъ иллюзій, нѣжинскій случай казался единичнымъ и нѣсколько нѣвѣроятнымъ. Теперь же все такъ просто и ясно, какъ нижеслѣдующая телеграмма правительеннаго «петербургскаго» агентства отъ 31 августа изъ Чернигова. «Восемь злоумышленниковъ, одѣтыхъ въ жандармскую форму, явились къ купцу Ребенко въ Марининой Будѣ, Глуховскаго уѣзда, произвели обыскъ, забрали около 4,000 руб. и на неизвѣстную сумму процентныхъ бумагъ». Поди, разбери, на какомъ основаніи петербургское агентство считаетъ неизвѣстныхъ ему и доселѣ не пойманныхъ «злоумышленниковъ» только «одѣтыми въ жандармскую форму», а не настоящими жандармами.

Не менѣе ясно и убѣдительно извѣстіе изъ Тельшевскаго у., Ковенской губ., напечатанное въ № 153 «Рѣчи»:

«На-дняхъ въ мѣстечкѣ Куршаны мѣстный урядникъ и уличный сторожъ забрались, подъ предлогомъ обыска оружія, въ домъ Брундза и похитили 250 руб. денегъ и золотыя вещи».

А вотъ еще «случай» въ томъ же Тельшевскомъ у.: въ имѣніе Беркиньяны прибыли, подъ предлогомъ обыска, два человѣка; одинъ называлъ себя полицейскимъ чиновникомъ, другой агентомъ тайной полиції; они такъ стали «обыскивать» столы и шкафы, что встревоженная хозяйка имѣнія послала за батраками; но приходѣ батраковъ, личность «обыскивателей» удалось установить: одинъ оказался «переодѣтымъ урядникомъ, а другой извѣстнымъ всему околотку хулиганомъ» («Рѣчь»).

«Оказывается, — пишетъ другой корреспондентъ «Рѣчи», — что всѣ грабежи послѣднее время у насть въ Екатеринославѣ дѣлались агентами мѣстнаго сыскного отдѣленія. Грабежи происходили во всѣ часы дня и ночи». Замѣчательно при этомъ, что екатеринославское сыскное отдѣленіе, называвшее себя почему-то «анархистами-коммунистами», грабило не только частныхъ лицъ, но и казенные, правительственные учрежденія. Для горожанъ истинные занятія сыщиковъ давно уже не составляли секрета. Но только по настоянію ограбленныхъ казенныхъ учрежденій начальство согласилось, наконецъ, «признать фактъ». И даже опубликовало въ

екатеринославскихъ газетахъ «распоряженіе»: «Агенты сыскного отдѣлія, которые предъявлять карточки, удостовѣренныя бывш. начальникомъ сыскного отдѣлія Кацари и его помощникомъ Кнолемъ, должны быть обязательно арестованы и препровождены въ распоряженіе сыскного отдѣлія».

Мораль для сыщиковъ ясна: «вообще—можно, но лѣзть въ казенные учрежденія опасно». Для обывателей же начинается прямотаки кошмаръ:

— Если сыщику, при исполненіи имъ «служебныхъ обязанностей», окажешь «сопротивленіе», то тебя будутъ судить военно-полевымъ порядкомъ. А если сопротивленія не окажешь и «карточки» не потребуешь, то тебя тоже могутъ наказать за «неисполненіе законныхъ требованій начальства». Спрашивается, какъ же, на основаніи какихъ признаковъ можно опредѣлить разницу между жуликомъ по профессіи и вахмистромъ по должностіи?

А разницу между россійскими сановниками, съ одной стороны, и «вахмистрами по воспитанію и погромщиками по убѣжденію»—съ другой,—мы уже давно отчаялись найти. И если прежде у этихъ «вахмистровъ» были слуги, въ родѣ гг. Урусова, Муханова, Кутлера, Старосельского, которые наивно мнили, будто служить «дѣлу», закону, а не лицамъ, то теперь для такихъ иллюзій мѣста не осталось. И если прежде участники освободительного движенія думали, что надо нисровергать существующій строй, то нынѣ для нихъ должно быть ясно, что никакого строя нѣтъ. Если прежде въ глазахъ инертной массы, созерцающей событія въ качествѣ зрителя, была борьба защитниковъ старого, традиціоннаго, и всетаки кое-что обеспечивающаго порядка съ сторонниками порядка нового, который «неизвѣстно еще, какимъ будетъ», то теперь и отъ этого необходімаго для нихъ «ореола» вахмистры освободились. Борющіяся стороны отказались отъ всякихъ условностей. И борьба по необходимости принимаетъ личный характеръ, быть можетъ, наиболѣе понятный массамъ, но и наиболѣе ожесточенный, и врядъ-ли дающій надежду на сколько-нибудь прочное заключеніе мира: ужъ слишкомъ много жертвъ принесено и съ той, и съ другой стороны.

Въ настоящее время, олигархія бѣть не преступниковъ,—преступленія въ юридическомъ смыслѣ не можетъ быть въ странѣ, гдѣ упразднены фактически законы; она бѣть лицъ: X, Y, Z, которыхъ ей мѣшаютъ. Освободительное движеніе борется уже не противъ идеи автократизма; эту идею самъ г. Столыпинъ не смѣлился защищать открыто. Борьбу приходится вести противъ определенной группы лицъ: X, Y, Z, которыхъ мѣшаютъ осуществить правовую государственность. И, что всего важнѣе, этотъ взглядъ на задачи освободительного движенія начинаетъ замѣтиться въ самыхъ глухихъ захолустьяхъ.

IV.

Не такъ давно псковской корреспондентъ «Товарища» сообщаъ, что «господамъ» стало въ деревняхъ жить «слободнѣ» и безопаснѣе. Глухое, безпредметное и уже по одному этому стихийное деревенское недовольство, готовое ежеминутно обрушиться на голову первого встрѣчнаго барина, на томъ единственno основаніи, что онъ баринъ, вдругъ начало кое-гдѣ сосредоточиваться на болѣе опредѣленной цѣли. Оно замѣтно адресуется въ тѣ надзвѣздныя для деревни сферы, гдѣ обитаетъ г. Столыпинъ. А такъ какъ мушкѣцкой рукѣ до этихъ сферъ не достать, то она, въ ожиданіи будущаго, сводить счеты съ ближайшими къ ней «агентами правительственной власти». Такъ что, если нѣсколько мѣсяцевъ назадъ отъ страха передъ деревенскимъ гнѣвомъ трепетали «баре», то теперь приходится трепетать «мундирамъ».

Дѣйствительно ли въ Псковской губерніи «господамъ» стало «слободнѣ»—это оставляю на отвѣтственность псковскаго корреспондента. Но что «мундирной публикѣ» приходится плохо, это подтверждаютъ извѣстія изъ многихъ мѣстъ. Въ Мологскомъ, напр., уѣздѣ, Яросл. г., вмѣсто 4 земскихъ начальниковъ, осталось было только два: старый да молодой, но и тѣ не уцѣлѣли. Старый, «какъ затравленный заяцъ, боится показаться одинъ даже въ собственномъ участкѣ; судебная дѣла разбираеть не иначе, какъ подъ охраной казаковъ и стражниковъ, и, говорять, даже избѣгаеть носить форменную фуражку». А молодой прослужилъ лишь $1\frac{1}{2}$ мѣсяца: «на него такъ подействовало возбужденное настроеніе крестьянъ, что онъ лишился разсудка; предметъ помышленства—казнь, которой, будто бы, хотятъ предать его крестьяне: постепенное отравленіе по куску его тѣла. Въ письмѣ къ знакомому онъ умоляеть замѣнить ему эту пытку повѣшеніемъ. На-дняхъ несчастный отправленъ въ больницу». По словамъ «Товарища», откуда я беру эти цитаты, «вообще по Ярославской губ. ощущается сильная убыль земскихъ начальниковъ. Вакантныя мѣста пока еще пополняются, хотя больше юношами или дряхлыми старцами. Но скоро и такихъ не найдется».

Въ Воронежской губерніи «исправники и становые стараются какъ можно рѣже выступать на сельскихъ сходахъ и вообще меныше имѣть дѣло съ «міромъ». Въ случаѣ какихъ-нибудь недоразумѣній исправникъ посылаеть въ деревню сначала урядника, потомъ станового и затѣмъ выѣзжаетъ самъ, подъ усиленной охраной стражниковъ и казаковъ... Охрана увеличивается тамъ, гдѣ власти успѣли проявить «твердость характера» при усмирѣніи» («Рѣчь»).

Въ такой крайности губернскому начальству пришлось уже прибегать къ оригинальному методу, который нѣсколько напоминаетъ

Политику базарныхъ скупщиковъ. Какъ извѣстно, предпримчивые скупщики избѣгаютъ посыпать однихъ и тѣхъ же молодцовъ въ одни и тѣ же мѣста. Такъ что, если Иванъ скупалъ хлѣбъ въ Петровкѣ, а Петръ въ Ивановкѣ, то на слѣдующій базарный день Ивана посыпаютъ въ Ивановку, а Петра въ Петровку: «авось, моль, народушко Божій не такъ скоро напихъ признаетъ». Сообразно съ этимъ, въ Воронежѣ, напримѣръ, «почти каждый номеръ «Губернскихъ Вѣдомостей» испещренъ приказами губернатора: то исправники, «ради пользы службы», переводятся одинъ на мѣсто другого, то смотритель тюрьмы увольняется по болѣзни «согласно прошенію», то становые приставы перемѣщаются съ одного конца губерніи на другой—тоже «ради пользы службы», то какой-нибудь «не имѣющій чина» назначается исполняющимъ должность надзирателя или причисляется къ губернскому правленію, или просто увольняется и т. д., и т. д.». Точно также начальство, по мѣрѣ силъ перетасовываетъ урядниковъ и стражниковъ («Рѣчь»). Къ сожалѣнію, задача скупщика гораздо благодарнѣе, ибо онъ имѣть дѣло съ базаромъ, составъ котораго въ значительной мѣрѣ каждый разъ мѣняется. Губернаторамъ же приходится имѣть дѣло все съ однимъ и тѣмъ же населеніемъ, которое уже достаточно пріучено «узнавать нашъ».

Пожалуй, скажутъ: «ну и пусть узнаютъ, а мы будемъ бить...» Хорошо «будемъ бить». Деревня, вполнѣ сознательно опредѣляющая свои отношенія къ правительству, будетъ выслѣживать и бить «нашихъ». А «наши» будутъ бить «ихнихъ». Били, бьемъ и будемъ бить. Но помимо сплошного побоища, есть еще просто жизнь, которая складывается изъ обычныхъ будничныхъ отношеній: изъ работы, знакомствъ, связей, купли-продажи и многаго прочаго, что въ повседневномъ обиходѣ полагается. До нынѣшней «неслыханной смуты» эти повседневныя отношенія регулировались властью съ необыкновенною тщательностью.

Возьмемъ хотя бы религиозную область. Въ «Извѣстіяхъ Томскаго Университета» за 1901 г. приводится, между прочимъ, характерный фактъ, какъ томское начальство по особому приказу разыскивало старца Вареоломея, «проживающаго гдѣ-то въ лѣсныхъ горахъ, куда для богомолья приходятъ къ нему какие-то люди», и другого старца Пайсія, «устроившаго себѣ помѣщеніе въ кедровомъ дуплѣ, среди неприступныхъ скаль», гдѣ никого не бываетъ. Старцы Вареоломей и Пайсій никакого преступленія не совершили. Но правительство сочло недопустимымъ, чтобы они жили «гдѣ-то въ лѣсныхъ горахъ» и «среди неприступныхъ скаль». «А вдругъ, моль, они, безъ разрѣшенія начальства, станутъ угодниками Божиими». И это было резонно. Въ самодержавномъ государствѣ, дѣйствительно, нельзя допускать, чтобы появлялись угодники, не аппробированные начальствомъ. Плохо или хорошо, но до «неслыханной смуты» правительство понимало, что ему нужно, и что

ему не нужно, что полезно, и что вредно. Но что оно понимаетъ теперь?

Недавно кишиневскій отдѣль «союза русскихъ людей» «дерзаетъ» телеграммою на высочайшее имя протестовать противъ отмѣны процентной нормы при пріемѣ евреевъ въ учебныя заведенія и «умолять Тебя, Государь, судить министра народнаго просвѣщенія». Такъ пишутъ «истинно-русскіе люди» на высочайшее имя послѣ манифеста 9 іюля, въ которомъ даже Государственной Думѣ поставлено было въ вину, что она занималась осужденіемъ дѣйствій «поставленныхъ властей». Казалось бы, что это обвиненіе всѣ лица, болѣе или менѣе близко стоящія къ правительству, должны признавать чрезвычайно вѣскимъ, значительнымъ и вполнѣ достаточнымъ даже для распуска законодательного собранія. Тѣмъ не менѣе, кишиневскій «слюзъ», по слухамъ наполовину состоящей изъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, отказывается признавать вѣскость и значительность мотива, приведенного въ манифестѣ. А г. Столыпинъ вслѣдъ за этой телеграммою поспѣшилъ опубликовать «правительственное сообщеніе», въ которомъ оправдываетъ министра народнаго просвѣщенія ссылками на «законы» и обстоятельства, продолжая относиться къ кишиневскому союзу съ прежнею благожелательностью. Иначе говоря, одинъ изъ мотивовъ распуска Думы официально признанъ несущественнымъ. А вотъ другой случай того же порядка:

Киевскій губернскій съѣздъ землевладѣльцевъ особымъ письмомъ настоятельно рекомендуетъ предсѣдателю совѣта министровъ немедленно «измѣнить выборный законъ», въ пользу помѣстнаго землевладѣнія и въ порядке государственного переворота, нарушивши основные законы. И это опять-таки послѣ манифеста, въ которомъ даже Государственной Думѣ поставлено въ вину, что она «указывала на несовершенство законовъ основныхъ». Такъ свидѣтельствуетъ во всеуслышаніе съѣздъ землевладѣльцевъ Киевской губерніи о своей вѣрѣ въ основательность мотивовъ, которыми свыше оправданъ распускъ Думы. Человѣкъ, способный сколько-нибудь думать, не нуждается въ объясненіяхъ, что это страшный ударъ по моральному престижу власти. А что же власть? Увы! по газетнымъ свѣдѣніямъ, самъ генералъ-губернаторъ призналъ постановленіе съѣзда правильнымъ и благонамѣреннымъ и тѣмъ съ своей стороны не преминулъ усугубить ударъ по власти, питающей его. Вслѣдъ за киевскими землевладѣльцами съ такимъ же по существу предложеніемъ выступили «объединенные дворянѣ». Оно было подхвачено «Россіей», «Новымъ Временемъ» и «Русскимъ Знаменемъ». Правительственные публицисты съ необыкновеннымъ жаромъ принялись разрабатывать вопросъ о наиболѣе выгодномъ для нихъ способѣ ниспровергнуть основные законы. Выходить такъ, словно само правительство распорядилось, чтобы

возможно старательнѣе были дискредитированы основанія для ропуска Думы, приведенные въ манифестѣ. И это занятіе считается дѣломъ, соотвѣтствующимъ видамъ «Верховной Власти». Но если кто-либо напечатаетъ статью о соціализмѣ,—о!—тогда г. Столыпинъ приходитъ въ ужасъ. Если появится перепечатка о сѣдлекомъ погромѣ, если гимназистъ запоетъ невзначай «Варшавянку», власть приходитъ въ сильнѣйшее негодованіе. Отечество немедленно объявляется въ опасности, — газету подъ арестъ, редактора подъ судъ, гимназиста въ тюрьму etc., etc.. До такой степени безнадежно утрачена мѣра вещей даже въ такихъ культурныхъ центратахъ, какъ Кіевъ, даже на вершинахъ правительственныхъ сферъ.

Судите сами, до какой, стало быть, степени мѣра вещей утрачена въ деревнѣ. Въ деревнѣ для начальства есть своего рода жупели, которые подлежать искорененію. Начальство гоняется за «агитаторами» и «пропагандистами», искореняетъ «митинги»; приходитъ въ ужасъ, если сходъ заговорить о крестьянскомъ союзѣ; истребляетъ «вольныя» книжки и газеты и продѣлываетъ все прочее, что полагается въ Россіи человѣку, который по долгу службы нюхаетъ и рыщетъ. Но помимо тѣхъ предметовъ, которые возбуждаются въ немъ нервные припадки, есть еще цѣлый кругъ явлений. Есть, напримѣръ, волостные сходы, куда еще недавно даже десятидворники приходили неохотно и черезъ силу. Теперь мѣстами приходятъ всѣ, кому только есть возможность,—бабы наравнѣ съ мужчинами; иѣсколько своеобразно, но, во всякомъ случаѣ, весьма широко, волость начинаетъ осуществлять «непосредственную демократію». Въ деревняхъ появляются учрежденія, о которыхъ годъ назадъ наша интеллигенція не рѣшалась даже мечтать вслухъ. Есть, оказывается, особо выборные «отъ общества» лица, которые обязаны путемъ непосредственныхъ сношеній съ «знающими людьми», а также изъ газетъ и книжекъ, узнавать, что «дѣлается на свѣтѣ» и докладывать «обществу» «по всей правдѣ», чтобы, значитъ, всякому ясно было, «куда гнуть министры, и чего хотятъ соціалисты». И что это дѣлается не зря, можно судить уже потому, что на расходы столь оригиналныхъ комитетовъ общественного освѣдомленія мѣстами сходъ отпускаеть отъ 50 до 100 рублей: деньги, для деревни не малыя. Есть, оказывается, не менѣе оригинальные «комитеты по воинской повинности», и на ихъ обязанности лежитъ подготовлять новобранцевъ («чтобы въ народъ не стрѣляли») и допрашивать запасныхъ, по возвращеніи ихъ со службы на родину. И къ этому дѣлу деревня относится серьезно.

«Возвращающихся въ нашу Черниговскую губ.—писалъ, напр., корреспондентъ «Вѣсти»—солдатъ встрѣчаютъ по особому. Спрашиваютъ: «Гдѣ былъ, кого усмирялъ, много-ль душъ загубилъ?» Слышины и такія нравоученія: «Ты, сынокъ, чужого батьку сѣкъ и чужую сестру безчестила, а тутъ солдаты пришли и твоего батьку

пороли и твою сестру безчестили». Одинъ солдатикъ вернулся въ родную деревню со значкомъ за усмирение Польши. Односельчане его заявили: «Если ты этого знака не снимешь, то уходи отъ насъ прочь».

А въ Саратовской губерніи, между прочимъ, «Прив. Кр.» зарегистрировывается такой случай:

«31-го августа, рыбушанскій сельскій сходъ отклонилъ просьбу односельчанина, запаснаго солдата, вернувшагося по болѣзни съ Кавказа, о выдачѣ удостовѣренія о несостоятельности для получения пенсіи. Сходъ заявилъ, что такъ какъ солдатъ этотъ участвовалъ въ карательныхъ экспедиціяхъ и стрѣлялъ въ народъ, добывавшій земли и воли, то односельчане не желають имѣть съ нимъ никакого дѣла и оказывать ему какую бы то ни было помощь, хотя бы и выдачей простого удостовѣренія».

По случаю «Думы», деревня отправляла ходоковъ слѣдить за депутатами, что никакими законами не предусмотрѣно, и чего даже въ просвѣщенныхъ Европахъ не бываетъ. По случаю повсемѣстныхъ грабежей, она устраиваетъ свои караулы и дозоры. По случаю неплатежа податей, изобрѣтаетъ «средствія», чтобы избавиться отъ распродажи имущества съ торговъ. И при томъ средствія, порою прямо-таки неожиданныя. Недавно въ газетахъ рассказывалось, какъ въ м. Толочинѣ, Могилевской губ., крестьянскіе уполномоченные разыскивали, где находится «Бундъ». Послѣ нѣкоторыхъ мытарствъ, имъ удалось найти, кого нужно, и вступить въ переговоры. Вкратцѣ заявленіе уполномоченныхъ сводилось къ слѣдующему:

— Наше имущество описано за подати. И будеть тогда-то продаваться. Такъ вотъ вы и прикажите, господа бунды, вашимъ евреямъ, чтобы они на торги не приходили. А наши крестьяне тоже не придутъ. Такъ что если ваши евреи будуть за насъ, то и мы будемъ за васъ...

Къ слову сказать, «господа бунды приказали своимъ евреямъ». Начальству, дѣйствительно, пришлось отложить торги, такъ какъ на нихъ никто не явился. И меня несколько не удивляетъ, что даже «Новое Время», перепечатавшее замѣтку о переговорахъ крестьянъ съ бундистами, не порекомендовало начальству «пресѣчь крамолу». Вѣдь подъ «крамолой» у насъ понимаютъ «прокламацію», «агитацію», бомбу, браунингъ, «С.-Р.», «С.-Д.», «К.-Д.», крестьянскій союзъ. А тутъ только всего торги, обыкновенное житейское дѣло, которое даже издали не походитъ на революцію. Близи же оно совсѣмъ просто: мужики хотятъ, чтобы ихъ имущество не было продано съ молотка; но кто же этого не хочетъ? И если самъ г. Меньшиковъ, который всетаки о мужицкомъ гнѣвѣ судить лишь по наслышкѣ, не взыметъ консулатъ, то земскому начальнику, « власти, къ народу близкой », достаточно нарodomъ наспуганной, и подавно можно не волноваться:

— А чортъ, моль, съ вами! Дѣлайте, что хотите, лишь бы «тихо было». Лишь бы мнѣ написать въ отчетѣ: «агитаторы своевременно принятими мѣрами были переловлены, а потому рѣзкихъ проявлений революціоннаго движенія во вѣренномъ мнѣ участкѣ не наблюдалось».

Правда, земскій можетъ, когда ему это придетъ на умъ, за-
волноваться; можетъ арестовать, засѣчь, посадить въ тюрьму, со-
слать, предать «военно-полевому суду». Можетъ устроить погромъ,
подобный тому, какой устроилъ на дняхъ астраханскій губерна-
торъ въ слободѣ Николаевской, а новоявленный генераль Лит-
виновъ устраиваетъ во всей Ставропольской губерніи, разстрѣли-
вая села и деревни пушками. Но вѣдь въ томъ-то и трагедія
правительства, что пушки умѣютъ раззорять и истреблять, но со-
вершенно не умѣютъ устраивать. Пушка до нѣкоторой степени
помогаетъ тамъ, гдѣ вслѣдъ за нею идетъ право, порядокъ, тотъ
или иной, но приспособленный къ народному міропониманію и на-
роднымъ потребностямъ регуляторъ жизни. За пушками же гг. Лит-
винова и Столыпина ничего не идетъ. Г. Литвиновъ оставляетъ
послѣ себя цустое мѣсто, предоставляя каждому, кто остался въ
живыхъ, устраиваться, какъ онъ знаетъ, какъ хочетъ, какъ ему
удобнѣе.

Пушка помогала, пока существовали правовые устои жизни.
Пушка истребляла «враговъ существующаго порядка», оставляя
самый порядокъ. А теперь, что она оставляетъ, когда никакого
строва не существуетъ, когда правовые устои жизни и психологи-
чески, и фактически исчезли при благосклонномъ содѣйствіи самаго
правительства? Жить-то вѣдь надо. Значить, такъ или иначе надо
налаживать общественные отношенія и такъ или иначе регулиро-
вать ихъ своими средствами, по своему разуму и примѣнительно
къ своимъ потребностямъ. Пушку привозятъ. Она стрѣляетъ. Ее
увозятъ. А жизнь остается по прежнему безъ руля и безъ вѣ-
трилъ. И дворянѣ устраиваютъ ее на дворянскій ладъ, мужики на
мужицкій, мѣщане на мѣщанская, каждый по своему, въ мѣру
внѣшней возможности и внутренней потребности. А къ чему
это устройство, самопроизвольное и неизбѣжное, приведеть,—всего
меньше знать правительство, уподобившееся уже теперь въ нѣ-
которыхъ вещахъ младенцу несмысленному, который весело улы-
бается огню и горько плачетъ, увидѣвшіи согрѣвающую его ма-
мину шубу.

V.

Разумѣется, я далекъ отъ мысли обрисовывать хотя бы въ са-
мыхъ общихъ чертахъ типы, по которымъ въ силу необходимости
самопроизвольно устраивается нынѣ русская жизнь. Да и врядъ
ли вообще сейчасъ возможно такое занятіе. Въ сущности вѣдь

до ясъ доходить лишь отрывочныя и случайныя свѣдѣнія. И при томъ всего чаще о фактахъ разрушительного свойства, которые рѣзко бросаются въ глаза, бываютъ по первамъ и заставляютъ кричать. Творческая же работа совершается тихо, незамѣтно, касается такихъ повседневныхъ и обычныхъ вещей, что даже тѣмъ, кто непосредственно въ ней участвуетъ, она кажется дѣломъ мелочнымъ и особаго вниманія не стоющими. Ну, смѣнили, въ самомъ дѣлѣ, старшину, велѣли Ивану Кобылину «всю правду насчетъ политики узнать» и на это дали ему 25 руб., выбрали своихъ судей, чтобы къ земскому не обращаться, прочитали міромъ правоученіе новобранцамъ... Не велика важность. А людей, которые способны остановиться именно передъ такими «не величими важностями» и понять ихъ потрясающей смысли, не такъ уже въ Россіи много.

А если и есть такие люди, то не все, что знаютъ они, удобно для оглашенія. Вѣдь бывало уже такъ: нѣсколько волостей подрядъ вводятъ одинъ и тотъ же порядокъ; название одной волости съ надлежащими комментаріями случайно попадаетъ въ газеты, и вслѣдъ затѣмъ въ нее посылаются казаки; а сосѣди хоть и дѣлаютъ то же, но не «пропечатаны», а потому живутъ безъ казаковъ. Жизнь лишь вырабатываетъ новые формы, но пока совершенно не имѣетъ органа для ихъ защиты. Поэтому и отношеніе къ творческой работѣ должно быть особы бережное, особы остроожное.

Рисовать детально картину теперь во всѣхъ смыслахъ не время. Но кое-что пора вспомнить и понять. И прежде всего пора понять, что правительства, какъ организацій, которая закономѣрно регулируетъ общественные отношенія, сейчасъ въ Россіи нѣть. Г. Столыпинъ занять чѣмъ угодно: сыскомъ, самозашитою, борьбою съ к.-д., борьбою съ с.-р., устройствомъ собственныхъ дѣлъ, но не государственною дѣятельностью въ настоящемъ значеніи этого слова. Отсюда уже аргумент слѣдовало, что народная масса вмѣсто исчезнувшихъ правительственныйыхъ регуляторовъ станетъ ставить свои, пусть временные, но по своему значенію, быть можетъ, не менѣе рѣшающіе и глубокіе, чѣмъ тѣ, какие дала Франціи муниципальная революція 1789 г. Факты подтверждаютъ, что эта апріорная возможность на нашихъ глазахъ становится дѣйствительностью. И эта дѣйствительность, наростающая на нашихъ глазахъ, быть можетъ, очень скоро заставитъ сводить съ собою счеты гораздо серьезнѣе, чѣмъ дѣлалось до сихъ поръ.

Борьба правительства съ освободительнымъ движениемъ должна когда-нибудь кончиться. И, навѣрное, это произойдетъ скоро. Но пути, которые приведутъ къ концу, Богу единому вѣдомы. Если отбросить вѣроятность международныхъ вмѣшательствъ въ русскую жизнь, то обыкновенно конецъ борьбы представляютъ въ видѣ быстрой хирургической операции. По наиболѣе распространенному

предсказанію, народное негодованіе, безпрерывно разжигаемое бе-зумствами Литвиновыхъ и Скалоновъ, накопить такой могучій и такой героической запасъ воли, что она, не взирая на пушки, пулеметы, бронированные поѣзда и бронированные автомобили, «грынеть и раздавить». Обыкновенно «конецъ» обрисовывается въ видѣ баррикадъ, валповъ, колебанія войскъ, провозглашенія временного правительства и прочаго, что полагается по этому традиціонному представлению. Не берусь судить, какъ скоро накопится достаточный запасъ воли, чтобы совершить это, идя по линіи наибольшаго сопротивленія. Да и не о томъ собственно дѣло, чтобы онъ накопился. Такой запасъ воли, быть можетъ, уже есть. Гораздо сложнѣе другое: сумѣть ли эта воля достаточно организоваться? И сложность такого вопроса тѣмъ больше, что для запаса народной воли, кромѣ пути хирургического, по линіи наибольшаго сопротивленія, есть еще путь, такъ сказать, органическій, который диктуется не героизмомъ, готовымъ на самопожертвованіе ради общаго блага, а потребностью.

«Жизнь безъ руля и вѣтриль»... Это значитъ, что каждому человѣку, въ каждомъ отдельномъ мѣстѣ—въ городѣ и въ деревнѣ, въ крѣпости и въ казармѣ—надо поставить хоть какое-нибудь вѣтрило и хоть какой-нибудь руль. Безъ руля и вѣтриль не можетъ жить даже разбойничья шайка. Даже шайка разбойниковъ, въ интересахъ хотя бы только самосохраненія, такъ или иначе, но опредѣляется взаимоотношенія своихъ членовъ. Тѣмъ паче безъ регулированія общественныхъ отношеній не можетъ обойтись мирное населеніе. Полагаютъ, будто нѣкоторыя группы, напр., солдаты, могутъ и не чувствовать такой потребности. Думаю, однако, что новобранцы нынѣшняго года, своими глазами видѣвшіе, какъ допрашиваются запасныхъ, будуть на этотъ счетъ другого мнѣнія.

Правительство, освободившее жизнь отъ руля и отъ вѣтриль, тѣмъ самымъ совершило фактически призывъ къ народу: «самоопредѣляйся».

И народъ въ силу необходимости самоопредѣляется. Но въ томъ то и трагизмъ положенія, что творческая работа народа усиливаетъ правительственные репрессіи. А правительственные репрессіи, попирающія законъ и право, обостряютъ потребность въ творческой работѣ. И какъ разрѣщится эта трагическая коллизія, можно предвидѣть лишь въ самыхъ общихъ чертахъ: Всего вѣроятнѣе, что ближайшія события опредѣлятся комбинаціей нѣсколькихъ возможностей и пойдутъ по равнодѣйствующей нѣсколькихъ силь. Безъ сомнѣнія, свою долю внесетъ героизмъ,—онъ уже не разъ вносилъ и вноситъ ее. Свою долю внесетъ готовность къ самопожертвованію во имя идеи народного блага. Возможны и, пожалуй, даже неизбѣжны «центральныя аттаки»: слишкомъ много накоплено горючаго материала; трудно надѣяться, что онъ не вспыхнетъ. Свою долю внесетъ деревенское раздраженіе противъ

«мундирной публики». Но свою долю должна внести, не можетъ не внести и властная необходимость такъ или иначе регулировать свои отношенія въ государствѣ, поставленномъ правительствомъ виѣ закона. А какова будетъ эта доля, объ этомъ, навѣрное, жизнь вскорѣ заставитъ говорить.

А. Петрищевъ.

Изъ исторіи одного уѣзда.

I.

Начиная съ декабря 1905 года, въ газетахъ стали встречаться извѣстія изъ Изюмскаго уѣзда (Харьк. губ.) о самовольныхъ побрукахъ крестьянами казенныхъ и частновладѣльческихъ лѣсовъ, о разгромѣ усадебъ, увозѣ хлѣба, — извѣстія, идущія по сей день изо всѣхъ губерній Россіи.

Настоящія аграрныя волненія, являющіяся результатомъ малоземелья, нищеты и глубокой вѣры крестьянства, что рано или поздно вся земля отойдетъ ему, ибо принадлежитъ «обществу», не должны, конечно, рассматриваться сами по себѣ, виѣ зависимости отъ событій, предшествовавшихъ текущимъ «безпорядкамъ». Событія же эти имѣютъ свою долгую исторію, такъ какъ много десятилѣтій волнуются уже крестьяне, требуя элементарныхъ правъ человѣка и захваченныхъ помѣщиками, казной и другими земель «общественныхъ». Въ различныхъ мѣстахъ Россіи крестьянское движеніе имѣть свой особый, мѣстный характеръ, но основное требованіе крестьянства одинаково для всей страны и формулируется кратко, удивительно сильно: «земли и правъ», «земли и воли».

Совершенно случайно автору этого очерка удалось набрести на интересные документы, которые могутъ дать иѣкоторое историческое объясненіе аграрнымъ волненіямъ въ Изюмскомъ уѣздѣ. Какъ бы малъ, сравнительно со всей Россіей, этотъ уѣздъ ни былъ, — событія, происходящія теперь въ немъ, могутъ служить наглядной иллюстраціей общаго положенія вещей и потому заслуживаютъ вниманія. Документы, по которымъ мы прослѣдимъ жизнь уѣзда за сто лѣтъ, — слѣдующіе: записки, письма и отчеты, посылавшіеся помѣщикамъ крѣпостнымъ-управляющимъ, найденный среди документовъ отчетъ того же управляющаго о «бунтѣ» и цѣлый рядъ судебныхъ дѣлъ: по обвиненію крестьянъ о «самовольствіи» во всѣхъ

вого видахъ, тяжебныхъ дѣлъ съ помѣщиками и дѣлъ староземочныхъ.

Въ одномъ изъ своихъ «отношений» крѣпостной-управляющій сообщаетъ помѣщику свою біографію, несомнѣнныи интересъ которой заставляетъ насъ подѣлиться ею съ читателемъ. Автобіографія посвящается «господину моему, да будетъ извѣстна ему жизнь и дѣянія раба Бугаева». Оставшись на шестнадцатомъ году сиротой, Бугаевъ приблизительно въ 1770—1775 г. отправился въ Кіевъ разыскивать родственниковъ Тамъ юношу пріютилъ у себя монахъ Кіево-Печерской лавры Савва, «содѣлавшій» Бугаева «келейникомъ». Обязанности келейника, главнымъ образомъ, состояли въ приводѣ къ монаху «дѣвъ-прелестницъ въ нощи». Одна изъ этихъ дѣвъ продала смиренному старцу Саввѣ свою шестнадцатилѣтнюю племянницу за двадцать пять «серебренниковъ». Келейникъ влюбился въ «юную дѣву» и съ ней уѣжалъ къ «малороссіянамъ», гдѣ скоро невѣдомо какимъ образомъ превратился въ крѣпостного одного изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ юга—П. Съ теченіемъ времени Бугаевъ «вашелъ въ довѣріе» и былъ назначенъ управляющимъ въ одну изъ деревень П. Оттуда-то и слѣдъ онъ господину своему донесенія. Языкъ послѣднихъ—испорченный славянскій, которому Григорій, очевидно, научился, живя въ монастырѣ, а сами донесенія изобилуютъ многочисленными цитатами изъ Ветхаго и Нового Завѣтъ и псалмовъ Давида.

По времени первое «дonoшеніе» относится къ 1809 году. Весной этого года былъ большой разливъ Торца *), которымъ смѣло посыпанное зерно. «Зима была лютая и хладна», пишетъ Бугаевъ, «а весна дождемъ сильна...,—чего ради Торецъ аки Ниль Египетскій наводнился»... Бурная рѣка не только уничтожила озимые, но даже мельницу, «великую, подобно столпу вавилонскому—сокруши». Уничтоженіе посѣвовъ вызвало голодъ; о существованіи послѣдняго можно судить по многочисленнымъ письмамъ управляющаго къ помѣщику съ просьбой помочь «вѣрнымъ рабамъ» — крѣпостнымъ. Такъ какъ письма датированы октябрьемъ и февралемъ,—ясно, что П. «вѣрнымъ рабамъ» и не думалъ помочь. Черезъ три года голодъ повторяется и, наконецъ, въ 1816 году въ имѣніяхъ П. дѣла принимаютъ совсѣмъ дурной оборотъ, такъ что Бугаевъ пишетъ своему господину «утѣшеніе», которое приводимъ полностью. «Господину моему И. П. П., властителю деревни Иванополья, повелителю народовъ, на рѣкѣ Торцѣ живущихъ, и обладателю земель Булавинскихъ и Балелупскихъ и что въ нихъ и на нихъ и что въ водахъ и подъ землею, единаго отъ рабъ твоихъ именующагося Григорьевъ Бугаемъ утѣшеніе. Доколѣ забудеши мя до конца, доколѣ, такъ воспѣль Давидъ вначалѣ. Въ другомъ мѣстѣ сказано: Богъ даде,

*) Небольшая рѣка въ Изюмскомъ уѣздѣ, протекаетъ недалеко отъ Славянска.

Богъ и отыме, сирѣчъ не има дождя, токмо суслу, того ради возвѣланныя нивы трудами твоими и потомъ бразды орошенныя не дали плода своего и пшеница твоя прозябѣ и иссохше. Но, господинъ мой, прійми сіе за благая, не сѣтуй и сердце твое не заражай печалью, тако подобаетъ быть, ибо премудрый Соломонъ пишетъ: человѣкъ насаждаетъ, а Богъ произрастаетъ. И паки реку: радуйся и не сѣтуй, уповай на Бога и люби Его всѣмъ сердцемъ, за что дасть тебѣ Богъ на будущее лѣто жатву сторицею и на землѣ твоей изыде медь и млечко, елей, вино, пшеница, жито, а и вся блага бысть тебѣ и людемъ твоимъ и скотамъ твоимъ. Еще инде сказано: Богъ злыхъ наказуетъ, а добрыхъ испытуетъ, а потому сіе и прійми за милость Его, а между тѣмъ послѣ слаже восчувствуешь благодать Его и изъ скудости будетъ изобиліе. О, како пріятно человѣку, испивши прежде горькая, вкусить послѣ сладка. Молю тебя, прійми сіе утѣшеніе отъ раба твоего, испытавшаго вся суета мірская, а нынѣ увяджающаго отъ старости и повергающаго къ стопамъ услуги мои, за что не порицай мя».

Неурожай былъ полный, крестьяне голодали и убѣгали; цѣлый рядъ краткихъ сообщеній за 1816 и 1817 годы свидѣтельствуютъ о бѣгствѣ «холоповъ невѣдомо куда». Констатируется этимъ бѣгствомъ и тотъ фактъ, что при неурожаяхъ помѣщики мало думали о прокормлении своихъ «вѣрныхъ рабовъ».

Прѣшло восемь лѣтъ, не успѣли еще крѣпостные П. оправиться отъ прошлыхъ неурожаевъ, какъ въ 1824 году на голову крестьянъ свалилась новая бѣда: саранча поѣла весь хлѣбъ. Въ длинномъ рапортѣ Бугаевъ сообщаетъ помѣщику обѣ этомъ несчастій. «Налете», пишетъ онъ, «четверокрылое насѣкомое, штукою длинновато, мастею сѣро и зеленовато, симъ раздѣляется мужескій и женскій полъ, со главою, аки лошадиною, о шести ногахъ, величиною, маю *), меньше воробья, и сіе чудо сараною именуется и видѣніе очамъ страшное, а сердцу несносное». Образно описывая, какъ поѣла саранча «труды рукъ твоихъ, господинъ», Бугаевъ по-чутко сообщаетъ и о способахъ борьбы съ «симъ непріятелемъ: по приближеніи сараны ударяли въ набатъ и клепали въ косы и тазы, производили крикъ велий, отъ которого горы и холмы потрясались»... Всѣ эти способы борьбы со злымъ врагомъ оказались безрезультатными. «Хотя всѣ предосторожности взяты были», добавляетъ Бугаевъ, «...но не могоша отвратить толикихъ бѣдъ и напастей», что объясняется тѣмъ, что «противу полчища сего и храбрость ничтожна бѣ». «Мечъ человѣческій», философствуетъ далѣе управляющій, «остеръ, однако не всегда разить, что восходитъ, но мечъ сараны, сирѣчъ зубы ея, истребляютъ, что восхотятъ».

Среди крѣпостныхъ П. начинается голодъ; сначала боязливо,

*.) Думаю, полагаю.

а затѣмъ все болѣе настойчиво Бугаевъ напоминаетъ обѣ этомъ помѣщику. Въ послѣднемъ письмѣ за злосчастный годъ читаемъ: «Какія мѣры предпринять въ такомъ разѣ, когда хлѣбъ худо родить, да и тотъ сарана сѣдоша, а монеты среброй, ниже мѣдной не имаши. О, горе намъ! Что отвѣтишь помѣщикъ рабу,—изъ бумагъ не видно, но, надо полагать, ни «среброй», ни мѣдной монеты на покупку хлѣба не даль, такъ какъ крестьяне начинаютъ убѣгать десятками.

И, наконецъ, доведенные до отчаянія голодомъ, непомѣрнымъ трудомъ и всѣми тягостями положенія крѣпостныхъ, крестьяне подняли бунтъ. Трудно дать полное описание этого возстанія, ибо единственный документъ, свидѣтельствующій о немъ, не столько говорить о самомъ бунтѣ, сколько описывается участіе въ немъ Григорія Бугаева, написавшаго покаянное «признаніе» по прошествію нѣсколькихъ лѣтъ.

Недалеко отъ Иванополя, гдѣ жилъ Бугаевъ, находилось многолюдное и шумное село Карповка. Въ карповскій кабакъ сходились крестьяне окрестныхъ деревень «купить», по образному выражению Бугаева, «веселіе и сладость сердца человѣческаго—хлѣбное вино». Дѣятельное участіе во всѣхъ выпивкахъ принималъ нѣкій Василій Андреевскій, карповскій крѣпостной. Однажды въ кабакѣ начался разговоръ обѣ указѣ, позволяющемъ «свободнымъ людямъ переселяться на китайскую границу». Бесѣда коснулась рабскаго положенія крестьянъ, ихъ работы и мечтаній о свободѣ. Съ тѣхъ поръ кабакъ превратился какъ бы въ политический клубъ, при чёмъ Андреевскій каждый день говорилъ о необходимости бороться за свободу. Черезъ двѣ недѣли Андреевскій уговорилъ Бугаева принять участіе въ возстаніи, съ цѣлью свергнуть крѣпостное иго. Въ одно изъ обычныхъ собраній въ кабакѣ, Андреевскій, наливъ въ стаканъ водки, всталъ на стуль и обратился къ крестьянамъ съ призывомъ возстать. «Почто мы спимъ, пришелъ часъ бдѣнію нашему», говорилъ онъ. Затѣмъ, подозревавъ Бугаева, обратился къ нему: «Гряди, Георгій, въ сосѣднія страны и проповѣдуй свободу самарянамъ *), сирѣчъ малороссіянамъ, исторгни ихъ стѣ рабства помѣщиковъ, аки Моисей, изведшій израильянъ отъ рабства египетскаго...» Большой психологъ,—Андреевскій рисовалъ Бугаеву блестящія перспективы, увѣряя его, что крестьяне послѣдуютъ за предводителемъ, «аки овцы и козлища», а Бугаевъ «сдѣлается обладателемъ народовъ многихъ и прославить имя свое въ родѣ родовъ». Тутъ же, въ кабакѣ, Бугаевъ поклялся, что онъ «сдѣлаетъ народъ самарійскій свободнымъ». Андреевскій выработалъ планъ возстанія, и, согласно послѣднему, Бугаевъ въ тотъ же

*) Самара—небольшая рѣка, въ нынѣшнемъ Александровскомъ уѣздѣ. Надо думать, что «самарянами» Андреевскій называлъ жителей р. Самары.

день убѣжалъ изъ Иванополя и направился на сѣверъ въ лѣса помѣщика Ш. Послѣ двухъ дней скитанія, Бугаевъ нашелъ въ лѣсу пчельника Никиту Гуцало, которому объявилъ, что отнынѣ онъ, Гуцало, какъ и всѣ крѣпостные, дѣлаются свободными. По приказу Бугаева, Гуцало отправился въ село Ивановское и оповѣстилъ всѣхъ крестьянъ о дарованной свободѣ. Съ быстрой молнией разнеслась по окружнымъ деревнямъ вѣсть о долго жданной свободѣ, и тысячи людей «съ дарами и виномъ» стали приходить къ Бугаеву, «моляша, како освободитися имъ отъ рабства царей ихъ — помѣщиковъ». Хотя здравый смыслъ и инстинктъ протестовали противъ крѣпостной зависимости, но Бугаевъ сознавалъ необходимость ссылки на авторитеты, предъ которыми преклонялись бы массы. По этой причинѣ ловкій начетчикъ ссылками на св. Писаніе убѣждалъ крестьянъ, что человѣкъ не можетъ не быть свободнымъ. Своей огромной аудиторіи Бугаевъ говорилъ: «Не имамы царя, токмо кесаря, сирѣчъ императора, ибо и въ писаніи св. Павла къ галатамъ писано въ пятой главѣ: «Свободою убо стойте и никако подъ иго рабства не дерзайте, вы бо на свободу званы бысте, братіе...» Очень краснорѣчиво говорилъ Бугаевъ крестьянамъ, что на свѣтѣ не должно быть бѣдныхъ и богатыхъ, на которыхъ работали бы сотни имъ подобныхъ, ибо «всякъ человѣкъ работать долженъ». Это понимали уже въ древности, такъ какъ на первой страницѣ св. Писанія обѣ этомъ говорится: «Послушайте Бытія членіе», въ немъ же сказано: «Въ потѣ твоемъ снѣси хлѣбъ твой...»

Призыва къ освобожденію отъ рабства, подкрѣпленный ссылками на авторитетъ св. Писанія, собралъ вокругъ Бугаева тысячи крѣпостныхъ, и черезъ два дня крестьяне ныѣшнихъ Бахмутскаго и Изюмскаго уѣздовъ бросили помѣщиковъ и пошли за проповѣдникомъ свободы. Но уже на третій день власти принялись за «усмирение» мятежа. Лѣсъ, куда ушли крестьяне встрѣтить крѣпостныхъ другихъ деревень, былъ окружено войсками, Бугаевъ и другіе вожаки схвачены, а крестьянъ плетами погнали въ деревни. Плѣнниковъ доставили въ Бахмутъ въ земскій судъ,— и началось «разслѣдованіе»...

Повидимому, арестованныхъ жестоко истязали, такъ какъ Бугаевъ упоминаетъ о «карѣ лютой», постигшей его, и о своей «горькой участіи». Боясь «казни глої», Бугаевъ прибѣгъ къ покровительству малорусскаго магната (Шабельскаго, которому онъ послалъ изъ тюрьмы слѣдующее письмо: «вѣтрую, что ты еси христіанинъ итвориши ежедневно молитву сіо: «и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникамъ нашимъ», чего ради изведи изъ темницы душу мою и помилуй человѣка, сотворившаго тебѣ зло. Чаю воскресенія мертвыхъ, сирѣчъ прощенія твоего»... Шабельскій, человѣкъ весьма влиятельный, къ тому же одинъ изъ «пострадавшихъ» отъ бунта, сжалился надъ Бугаевымъ и принялъ за хлопоты. Послѣднія увѣнчались успѣхомъ: Шабель-

скій упросилъ судъ, «да не изобъютъ спины Григорія плетами, но лозою накажутъ».

Черезъ нѣсколько дней наказаніе было приведено въ исполненіе, какъ о томъ кратко сообщаетъ Бугаевъ: «се воспріяхомъ», наказанный выпущенъ изъ тюрьмы и доставленъ къ своему господину.

Высѣли многихъ крестьянъ, и финальный актъ «бунта», добыванія свободы закончился.

Проходитъ нѣсколько десятилѣтій; периодически черезъ каждые пять-шесть лѣтъ вспыхиваютъ въ Изюмскомъ уѣздѣ «бунты» и подавляются съ жестокостью временъ Николая I. Наконецъ, послѣ безконечного числа мѣстныхъ возстаній, послѣ потоковъ крови «даруется» свобода, и крестьянство получаетъ землю. Какъ проходило надѣленіе крестьянъ землею и какою землею — извѣстно всякому. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ привести письмо землевладѣльца Изюмского уѣзда къ своему повѣренному въ дѣлахъ, письмо, иллюстрирующее процессъ надѣленія землей. «Покорно пропуши», пишетъ землевладѣлецъ, «взять мое дѣло. Я долженъ Б., но этотъ долгъ — условный. Когда Б. былъ мировымъ посредникомъ, то *навязалъ мнѣ двѣ лошади за 1100 р.* съ тѣмъ, чтобы *уплата за нихъ была произведена, когда получу выкупъ* *). Другими словами, мировой посредникъ получаетъ взятку, а помѣщикъ отводить землю крестьянамъ «по желанію». Приводимый фактъ, конечно, очень мелокъ, но, повторяемъ, характеренъ при выясненіи вопроса о томъ, какъ иногда надѣлялись крѣпостные землею. Въ Изюмскомъ уѣзде число дворовыхъ составило при надѣленіи 55%, всего числа крѣпостныхъ, а у нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ дворовыхъ оказалось до 70%. Такимъ образомъ, въ уѣзѣ сразу же образовался огромный кадръ крестьянъ-пауперовъ. Но и «крестьяне», т. е. надѣленные землей, мало чѣмъ отличались отъ безземельныхъ. Въ песчаныхъ мѣстахъ уѣзда надѣль въ 4 дес. 200 кв. саж. былъ надѣломъ нищенскимъ; сплошь да рядомъ онъ былъ ниже нормы, указанной въ уставныхъ грамотахъ, сѣнокосовъ крестьяне почти не получили, выгоновъ также: уставные грамоты безмолвно обѣ этомъ свидѣтельствуютъ.

Не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ недостатокъ земли началъ уже сказываться, и крестьяне потребовали «приѣзки». У одного повѣренного, дѣла котораго я имѣлъ возможность осмотрѣть, имѣются десятки процессовъ, затѣянныхъ крестьянскими обществами съ землевладѣльцами въ 1870, 1871 и 1872 годахъ. Довѣренности, данные повѣренному, всѣ до одной,—а ихъ много десятковъ,—гласятъ: «Крестьяне села N., Z—ской волости, ... уѣзда, на сельскомъ сходѣ, бывшемъ ... мѣсяца ... дня ... года, съ согласія всѣхъ домохозяевъ приговоромъ своимъ, явленнымъ въ... воло-

^{)} Курсивъ напѣ.

стномъ правленіи ... мѣсяца ... числа ... года, занесеннымъ въ книгу подъ № ... уполномочили и т. д. ходатайствовать относительно прирѣзки имъ недостающаго количества земли, слѣдующей имъ по уставной грамотѣ и другимъ документамъ отъ землевладѣльца (—ици)...» Вплоть до конца семидесятыхъ годовъ тянутся эти тяжелыя дѣла. Изюмскій окружной судъ разматривалъ ихъ и... отказывалъ крестьянамъ въ искахъ. Нѣкоторыя крестьянскія общества, наученные горькимъ опытомъ, не обращались въ судъ, а просили землевладѣльцевъ отдать имъ недорѣзанныя земли.

Жители слободы Калинсской, напримѣръ, обращались къ землевладѣльцу А. Оболонскому со слѣдующей просьбой: «Отрѣзанная вами отъ нашего участка на правой сторонѣ рѣчки Гороховатки земля въ настоящее время крайне для насъ необходима. И въ нашемъ быту безъ огородовъ и коноплянниковъ, которыхъ вы лишаете насъ, обойтиться совершенно невозможно»...

Крестьяне предлагали помѣщику отдавать третью часть урожая, утверждая, что большаго дать никакъ нельзя, но г. Оболонский чувствовалъ свою силу. Онъ обѣщалъ дать землю въ пользованіе, но съ тѣмъ, «чтобы каждый хозяинъ, обрабатывающей его землю, привезъ въ его экономію половину урожая». «На другія же условія—заканчивалъ г. Оболонскій свой отвѣтъ—я не согласенъ и, какъ владѣлецъ земли, пахать ее не дозволяю»... Болѣе года упрашивали крестьяне помѣщика согласиться на ихъ условія, но totъ бытъ не преклоненъ. Крестьяне подали въ судъ, и дѣло проиграла...

А надѣлы съ каждымъ годомъ мельчали, земли крестьянъ-собственниковъ дробились, расла нужда, и одновременно съ ростомъ послѣдней увеличивалось желаніе заполучить земли, «свои земли»... Крестьяне уѣзда находились какъ бы въ заколдованнымъ кругу, изъ котораго нельзя выбраться... И, наконецъ, выплываютъ такъ называемыя старозaimочные дѣла.

II.

Южная часть Курской, Харьковской и Екатеринославской губерній, носившія въ XVII—XVIII ст. название Слободской Украины, были, какъ известно, заселены казацкой вольницей и православными выходцами изъ польского королевства. Поселившись на новыхъ земляхъ, казаки, послѣ присоединенія Малороссіи къ Московскому царству, владѣли землями, согласно жалованнымъ грамотамъ, даннымъ царями. Но уже спустя сорокъ лѣтъ послѣ присоединенія малороссийское казачество было взволновано упорными слухами объ отобраниіи земель въ казну. Въ Москву были отправлены представители отъ казацкихъ полковъ провѣрить, справедливы ли слухи. Послѣ переговоровъ и ходатайствъ въ 1685 году

была опубликована грамота, которой разъяснялось, что, въ ограждение казацкихъ льготъ и правъ на землю, «служилымъ и никакимъ людямъ въ помѣстье дикихъ поль и никакихъ порожнихъ земель и выморочныхъ помѣстій и всякихъ угодій безъ ихъ государскихъ указныхъ грамотъ... владѣть не велѣно»... Но, не смотря на это разъясненіе, волненіе среди казачества расло, и Софья, затѣявшая Крымскій походъ, опасалась, чтобы казаки, столь полезные въ войнахъ съ турками и татарами, не измѣнили Москвѣ въ решительный моментъ. Считаясь съ настроениемъ казаковъ, Софья въ слѣдующемъ—1686 году, отъ имени царей Ioanna и Петра издаетъ грамоту, которая категорически заявляла: «...Нынѣ вѣдомо великимъ государямъ учинилось, что въ сумнѣніи Изюмскаго и иныхъ Черкасскихъ полковъ въ городѣхъ приказные люди вамъ, черкасскимъ полковникамъ и полковъ вашихъ урядникамъ и казакамъ и мѣщанамъ прежними вашими землями, займками и пасѣками и хуторы и сѣнными покосы и всякими угоды владѣть не велѣли и говорили вамъ, будто земли ваши и всякая угодья велѣно мѣрить, а ихъ, великихъ государей, указу о томъ къ нимъ изъ Разряду не послано... а по ихъ, великихъ государей, указу вамъ, черкасскимъ полковникамъ и полковъ вашихъ урядникамъ и казакамъ и мѣщанамъ въ тѣхъ городѣхъ и уѣздахъ, кто гдѣ живеть, землями и пасѣками и сѣнными покосы и всякими угоды, которые вы заняли себѣ по своимъ займкамъ, велѣно владѣть по прежнимъ вашимъ черкасскимъ обыкновеніямъ..., ..а воеводамъ и приказнымъ людямъ того дѣлать и въ такія дѣла вступаться отнюдь не велѣно».

На основаніи этихъ и другихъ грамотъ населеніе Слободскихъ полковъ владѣло землею по своимъ «черкасскимъ обыкновеніямъ». Согласно этимъ «обыкновеніямъ», въ Слободской Украинѣ установилось владѣніе землею «по старымъ займкамъ», при чемъ, наряду съ землями, такъ или иначе перешедшими въ собственность отдельныхъ лицъ, были и земли, находившіяся во владѣніи всего крестьянскаго, мѣщанскаго и казацкаго населенія цѣлаго округа—села, сотни и даже полка. Съ установленіемъ и развитиемъ крѣпостного права крестьянскія земли перешли въ руки помѣщиковъ, но казаки продолжали владѣть своими «займками», какъ личными, такъ и общественными, вплоть до распространенія на Слободскую Украину обще-русскихъ порядковъ и учрежденій, и вплоть до этого момента правительство признавало за казаками право собственности на всѣ эти земли.

Этотъ порядокъ, однако, измѣнился послѣ уничтоженія въ Слободской Украинѣ казацкихъ полковъ и переименованія казаковъ въ государственныхъ крестьянъ. Начальство стало трактовать земли новыхъ государственныхъ крестьянъ, какъ земли казенные, и постепенно такой взглядъ все болѣе укрѣплялся въ административныхъ сферахъ. Въ моментъ же освобожденія крестьянъ и по-

слѣдовавшаго надѣленія государственныхъ крестьянъ землею по-
томкамъ бывшихъ казаковъ Слободскихъ полковъ были выдѣлены
по установленнымъ нормамъ надѣлы изъ принадлежавшихъ нѣ-
когда имъ земель и за эти надѣлы назначенъ былъ на общемъ
основаніи выкупъ.

Къ восьмидесятымъ годамъ крестьяне и казаки Изюмского уѣзда
совершенно обнищали и, проигравъ процессы изъ-за земли съ по-
мѣщиками, обратили вниманіе на огромныя казенные земли въ
уѣздѣ. Изъ разсказовъ стариковъ, изъ легенды и пѣсенъ, распѣ-
ваемыхъ кобзарями, да изъ немногочисленныхъ документовъ, имѣв-
шихся въ ихъ рукахъ, крестьяне знали, что нѣкогда вся земля уѣзда
принадлежала ихъ предкамъ-казакамъ, что она «неправильно за-
хвачена» помѣщиками и казной, и рѣшили «добиться правды». Крестьяне очень много говорили о «бумагѣ», которая говорила
«правду»: паны и министры отобрали ее и «сховали». Въ дѣй-
ствительности такъ и было, такъ какъ всѣ эти «бумаги» были
отобранны и переданы въ казенные палаты. Итакъ, было рѣшено
«добиться правды».

Правда же, какъ вѣрилъ до послѣдней минуты русскій крестья-
нинъ, живеть въ Петербургѣ; и вотъ многія деревни выбрали хо-
доковъ и послали ихъ въ столицу. Тѣ ходили по «панамъ», оби-
вали пороги приемныхъ, совали швейцарамъ послѣдніе политійники
и, намаявшись должнымъ образомъ, вернулись домой съ заявле-
ніемъ, что «такъ—земли не дадутъ». И опять сходы принялись
за обсужденіе старого вопроса: «какъ быть?» Толковали долго,
волновались, спорили—и обратились къ адвокатамъ. Съ большимъ
трудомъ, затративъ большія суммы, адвокаты раздобыли, наконецъ,
копіи съ жалованныхъ грамотъ, высочайшихъ указовъ, реестровъ
изюмской полковой канцеляріи, актовъ межеванія и др. Тщательно
были изучены материалы, и по долгому размышленію были предъ-
явлены иски. Мотивы исковы были слѣдующіе: согласно жалованнымъ
грамотамъ, земли въ Изюмскомъ уѣздѣ принадлежали Изюмскому
полку, который часть земель отвелъ въ пользованіе монастырямъ.
Какъ обще-казацкая собственность, земля не могла перейти къ
кому бы то ни было безъ обще-полкового разрѣшенія, и, дѣйст-
вительно, не существуетъ ни одного акта о продажѣ или безплатной
уступкѣ въ собственность земель ни казнѣ, ни монастырямъ, ни
частнымъ лицамъ. Истцы—потомки казаковъ, что удостовѣрялось
семейными документами и актами генерального межеванія, въ ко-
торыхъ упоминаются фамиліи предковъ истцовъ съ указаніемъ
«бывшій казакъ Изюмского полка (имя рекъ)...» Иски были ко-
лоссальны: крестьяне требовали возвращенія земель («старыхъ
заемокъ», огчего и дѣла называются—старозаемочными), возвра-
щенія полученныхъ казной доходовъ и процентовъ на доходы.

Трудно описать, что творилось съ истцами наканунѣ разбора
дѣла... Взрослые и малолѣтки, мужчины и женщины покинули дѣ-

ревни и явились «до суда, послухати правду». И правда была сказана: въ первой инстанціи иска были признаны подлежащими удовлетворенію. Радости крестьянъ не было границъ: звонили въ колокола, служили молебны, деревни имѣли праздничный видъ... Рѣшился, наконецъ, старинный споръ огромной материальной цѣнности, а главное—«нашли правду» и не въ Петербургѣ, а тутъ же дома, въ судѣ... На судейскихъ крестьяне смотрѣли съ уваженіемъ, называя ихъ «настоящими чоловѣками...» Но радость была непродолжительна: по высочайшему (Александра III) повелѣнію дѣло было «приостановлено впредь»...

Лишь черезъ двадцать лѣтъ старозаимочнымъ дѣламъ былъ опять данъ ходъ, опять окружный судъ призналъ иска крестьянъ подлежащими удовлетворенію, и опять послѣдовало высочайшее повелѣніе «приостановить впредь до...» Это «впредь до» существуетъ до настоящей минуты.

Мы предлагаемъ читателю самому воспроизвести картину настроения деревни послѣ получения извѣстія о сущности высочайшаго повелѣнія. Это было горе, отчаяніе людей, не знающихъ, куда дѣться, что предпринять... Крестьяне дѣлаютъ послѣднюю попытку и вновь начинаютъ тягаться съ землевладѣльцами изъ-за межеванія и череззолосныхъ кусочковъ земли, но дѣла опять проигрываются, и, въ отчаяніи, буквально умирая съ голоду, крестьяне рѣшаются на крайнее средство: переселеніе въ Сибирь. Объ этомъ переселеніи, о томъ, какъ крестьянамъ живется на новыхъ земляхъ,—говорилось уже не мало; интересующейся переселенческимъ вопросомъ можетъ найти у г. Кауфмана послѣднія «страшныя» цифры.

Въ Изюмскій уѣздѣ приходили «живыя» письма. «Голодаемъ, дѣти мрутъ, больны, холодно, нѣть людей, земля «непонятная», тяжко... Переселеніе прекратилось, ростъ голодъ, малоземелье увеличивалось,—и начинается эпилогъ: «самовольныя дѣйствія». 1884 годомъ открывается эра порубки лѣсовъ и потравъ, совершаемыхъ не отдѣльными только лицами, но и цѣлыми деревнями, а затѣмъ поджоги помѣщицъяго добра. Первое такое дѣло—«поджогъ крестьянами села Гусаровки 600 копенъ соломы, принадлежащихъ надв. сов. Лонгинову». Изюмскій окружный судъ десятками разбираетъ дѣла по обвиненію крестьянъ въ поджогахъ и порубкахъ, главнымъ образомъ, латифундій графа Рибопьера.

Крайне характерно, что одно и то же преступленіе различно квалифицируется. Вначалѣ виновныхъ обвиняютъ «въ приобрѣтеніи шпалъ и сосенъ», затѣмъ уже въ «самоуправствѣ», далѣе, въ «похищеніи сосенъ», въ «кражѣ сосенъ», наконецъ, въ «кражѣ лѣсныхъ матеріаловъ»... «Для остраски» увеличивается тяжесть наказаній, тѣмъ болѣе, что сплошь и рядомъ приходится судить «рецидивистовъ», арестъ замѣняется тюрьмой, исправительными арестантскими отদѣленіями, но ничто не помогаетъ: «преступленія» растутъ изъ года въ годъ...

Въ настоящее время въ уѣздѣ пылаютъ усадьбы, рубятся лѣса, запахиваются помѣщицы поля, скашиваются помѣщичій хлѣбъ... Черезъ день - два въ деревню являются драгуны, заставляютъ до смерти «бунтовщиковъ», засаживаютъ ихъ въ тюрьмы и... отправляются въ сосѣднюю деревню, где также существуетъ крамола, которую надо лѣчить испытаннымъ средствомъ блаженной памяти Чингись-Хана и Тилли.

«Земли!» — чоть крикъ измученныхъ крестьянъ уѣзда. «Мы умираемъ голодной смертью». И имъ даютъ по триста плетей и бросаютъ въ тюрьмы...

Такова исторія одного уѣзда за сто лѣтъ, исторія мучительного процесса борьбы крестьянства за право быть свободнымъ и сытымъ.

— Когда будетъ конецъ нашему лиху? — спрашивалъ у меня старый мужикъ Изюмскаго уѣзда. Онъ рассказывалъ о томъ, какъ семья живеть «десятиной», какъ растутъ налоги, какъ болѣютъ дѣти отъ «худого хлѣба», качаль головой и все допытывался:

— Когда будетъ конецъ нашей мукѣ?

И вѣдь со всѣхъ концовъ нашей необъятной родины несется этотъ крикъ измученныхъ людей, у которыхъ никто не смѣеться отнять права кричать отъ боли и ставить «начальству» вопросъ:

— Когда будетъ конецъ нашей мукѣ?

Будемъ надѣяться, — скоро, независимо отъ того, хочетъ ли «начальство» или не хочетъ.

П. Я. Р — Ъ..

Нѣмецкій крестьянинъ и его союзы.

(Письмо изъ Германіи).

I

Крестьяне, престолъ и отечество.

Вопроcъ о среднемъ сословіи или «Mittelstand» уже давно красуется въ программахъ не только консервативныхъ, но и либеральныхъ бургерскихъ партій Германіи, а также святого католического центра. Стремясь къ поддержкѣ крупнаго землевладѣнія, и центръ, и аграріи вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно заигрываютъ съ мелкимъ и среднимъ крестьянствомъ, такъ какъ именно въ немъ за-

ключается необходимый резервуаръ сельской рабочей силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ политической власти.

Уже добрый старый Риль рисовалъ крестьянина, какъ «консервативную потенцію государства, какъ грубое, но не поддѣльное зерно нѣмецкой сущности». И это необходимо такъ должно быть, ибо крестьянинъ, по его мнѣнію, прежде всего «историчентъ»; какимъ онъ былъ въ XII вѣкѣ, такимъ остался до сихъ поръ; онъ вросъ въ отдалыя скалы и глыбы своей родины; до сихъ поръ сохранилъ онъ въ Гессенѣ длинный профиль средне-вѣкового гессенца, какъ въ скульптурахъ Марбургской Елизаветинской церкви до сихъ поръ чигаетъ онъ въ Лаузицѣ вендскую или славянскую библію и не только хранить старыя саги, языческие суевѣрія и костюмы, но и весь складъ «наизвѣшаго и первоначальнѣшаго» существа. Удивительно трогательнъ крестьянинъ въ изображеніи такого патріота, какъ Риль. Вотъ онъ красуется передъ нами въ шварцвальдской мѣховой шапкѣ, въ компаніи деревенской красавицы, надѣвшией штукѣ двадцать юбокъ одна на другую. Такой крестьянинъ считаетъ дни по календарнымъ святымъ и свято хранить дѣдовскія традиціи. Въ его семье наследственно имя Гансъ: самъ онъ Гансъ II, его дѣдушка Гансъ I, его внучекъ Гансъ IV, прѣла династія Гансовъ! Обычаи управляютъ всей его жизнью, въ силу обычая ругается онъ и дерется, изъ рода въ родъ наследуетъ онъ вражду съ со-сѣднею деревней. Однихъ именуетъ онъ въ силу традиціи «рейнскими слизняками» и бѣть ихъ аккуратно каждый праздникъ, другихъ титулуетъ онъ «кукушками» и тоже дерется съ ними по праздникамъ. Старшина въ Таумусѣ запираетъ въ свиной хлѣвъ особенно дерзкихъ драчуновъ, и этотъ милый обычай также освященъ «традиціей». Съ трудомъ поднимается въ своеемъ сознаніи крестьянинъ отъ семьи къ общипѣ, отъ общины къ государству. Къ одной функціи государства онъ, однако, въ силу того же обычая, питаетъ исключительное пристрастіе: это къ судамъ. Онъ судится десятилѣтіями, судится съ непостижимымъ упорствомъ и цѣлостью, тягается «за честь», а не изъ-за «корысти». Удивительна эта регулярность и устойчивость крестьянина, поразительна его косность. Про одного нассаускаго крестьянина изъ Вестервальда Риль разсказываетъ чувствительнѣшую исторію: когда деревенскаго парня забрали въ солдаты и помѣстили въ казарму, онъ сталъ ревѣть благимъ матомъ и два раза дезертировалъ. Что же оказалось? Бѣднага отродясь не спалъ на кровати, и казарменная койка показалась для него такой роскошью, какую онъ никакъ даже не могъ выдержать,—столь упорна была его привязанность къ грязному воюющему хлѣбу!

Общеизвѣстно далѣе, что крестьянинъ въ высокой степени религіозенъ. Однако «религія для него не догма, а также обычай». Религіозность выражается у него въ его праздникахъ, пѣсняхъ, поговоркахъ и даже костюмѣ. Онъ живеть со своими святыми, какъ

съ добрыми друзьями и знакомыми, и не удивительно, что въ определенные дни онъ обязательно наряжаетъ ихъ статуи въ свои параднѣйшіе костюмы. Онъ склоненъ въ лучшемъ случаѣ къ сектантству, но и въ религіи онъ такъ же консервативенъ, какъ и во всемъ остальномъ, и только въ самое послѣднее время удалось всяческому «просвѣщенію» убѣдить крестьянина въ томъ, что религія есть дѣло индивидуального убѣжденія. Въ семейной жизни крестьянина въесьма мало преданъ чувствамъ. Онъ женится по разсчету «и въ дѣлахъ сердца часто прямо-таки грубъ». «Это умѣль изобразить съ потрясающею истиной одинъ лишь Геремія Готхельдъ, при чемъ, конечно, муза поэта должна была по щиколки утопать въ навозѣ». «Для крестьянина семья священна; но нѣжной родительской, сестринской и супружеской любви мы будемъ напрасно у него искать». Безпримѣрное неуваженіе взрослыхъ дѣтей къ старымъ родителямъ въ особенности отличаетъ собою крестьянскую среду и встрѣчается почти всюду, гдѣ родители передаютъ при жизни свою судьбу дѣтямъ». На бракъ смотрить крестьянина также очень трезво: жена нужна для работы, и въ первые же годы молодая женщина попадаетъ въ такую каторгу, что быстро старѣеть и увѣдастъ. Ни о какой романтизѣ здѣсь нѣть ни малѣйшаго представленія.

Но за то чѣмъ хороши нѣмецкій крестьянинъ, это своимъ желаніемъ уйти изъ своей среды, «благородной гордостью своего сословного духа». Въ немъ нѣть зависти къ другимъ привилегированнымъ классамъ. Напротивъ, онъ смотритъ свысока на всѣхъ образованныхъ, считаетъ ихъ «вѣтреными и не солидными». «Et ass äser ener»—это одинъ изъ нашихъ—говорить онъ про своихъ съ величимъ самодовольствомъ. «И если-бъ мы не были крестьянами, вамъ нечего было бы юсть». Въ такомъ самодовольномъ крестьянинѣ, упорно держащемся за свой плугъ, имѣется, однако, «полная мѣра не испорченной нервной силы». И если «соціальная фантазія въ значительной степени коренится въ испорченной нервной системѣ нашихъ горожанъ вплоть до пролетарія», то имъ вѣстину можно противопоставить селянина. Его смѣло можно противопоставить «нашимъ отчаявшимся въ своей собственной силѣ и стремящимся ко всеобщему уравненію соціалистическимъ рабочимъ». Старая крестьянская поговорка гласитъ: «самъ есть человѣкъ». Въ этомъ изреченіи, какъ говоритъ Риль, «лежитъ сила первовъ». Но не надо думать, что крестьянинъ силенъ мускулами, это не вѣрно. У него нѣть особенно эластичныхъ мускуловъ, онъ обладаетъ скорѣе крѣпкими костями, неиспорченными нервами и въ силу этого цѣлкой выносливостью. Когда одинъ крестьянскій мальчикъ оказался настолько «плохъ», что не могъ видѣть крови, и не пошелъ поэтому въ мясники, тогда только отецъ съ огорченіемъ отдалъ его въ юристы. Крестьянинъ, обладаетъ, даѣтъ, сметкой, и хотя она отказывается ему служить въ новой или чуж-

дой средѣ, дома она снабжаетъ его увертками и штуками, которыя ставятъ въ тупикъ любого адвоката.

Таковъ німецкій крестьянинъ. Повсюду обычай—его высшій законъ. По опредѣленію Риля, онъ «историченъ» и онъ же представляетъ изъ себя «охранительную силу въ німецкомъ народѣ!..

И такого мнѣнія о немъ далеко не одни только старые изслѣдователи. Если мы раскроемъ хотя бы краткій Эльстеровскій словарь политической экономіи (1898 г.), мы найдемъ тамъ въ статьѣ профессора Іеринга о землевладѣніи слѣдующія строки: «Каждая нація, которая обладаетъ многочисленнымъ и состоятельнымъ крестьянствомъ, приобрѣтаетъ, благодаря этому, чрезвычайную степень хозяйственной и политической силы и способности сопротивленія. Крестьянство образуетъ ядро средняго сословія, къ нему прымкаютъ многія другія группы, а его потомки даются городскому населенію многочисленныя, хорошо приспособленыя и воспитанныя къ плодотворной работѣ силы. Если только крестьяне не слишкомъ задолжены, они пользуются вообще обезпеченнымъ доходомъ, добытымъ собственнымъ трудомъ, а изъ этого вытекаетъ истинная независимость и самостоятельность образа мыслей. Наслѣдуемыя изъ рода въ родь усадьбы создаютъ мѣстопребываніе лучшей, семейной и общинной, жизни. Дисциплинированные въ строгомъ порядкѣ семейства трудового строя, закаленные при помощи своего, укрѣпляющаго силы, призванія, крестьянскіе сыновья образуютъ особенно цѣнную составную часть войска»... «Мелкие и мельчайшіе участки являются посредниками для перехода къ неимущимъ. Наличность множества маленькихъ мѣстъ и положеній даетъ возможность способнымъ и бережливымъ рабочимъ подняться въ средніе классы общества». И Германія, согласно замѣчанію того же автора, «пользуется очень счастливымъ распределеніемъ сельского землевладѣнія» или, другими словами, она именно въ силу наличности «многочисленнаго и состоятельного крестьянства» обладаетъ въ высокой степени «экономической и политической силой».

Если мы перейдемъ теперь отъ ученыхъ произведеній къ политическимъ программамъ и руководствамъ, то найдемъ подобныя возврѣнія у всѣхъ, такъ называемыхъ, охранительныхъ партий. Въ политическомъ руководствѣ для націоналъ-либеральныхъ избирателей мы читаемъ, напримѣръ, слѣдующія строки: «сельскія занятія, или иначе работа на свѣжемъ воздухѣ поддерживаетъ мощную человѣческую природу. Вслѣдствіе этого сельскія мѣстности поставляютъ относительно самое большое число годныхъ рекрутъ, и при томъ наиболѣшіхъ по ихъ тѣлесному развитію... Общественный организмъ бытъ бы скоро лишенъ своихъ здоровыхъ силъ и соковъ, если бы тѣ части народа, которыхъ заключены на фабрикахъ и дышать городскимъ воздухомъ, не освѣжались постепенно притокомъ необходимой для нихъ здоровой крови, и если бы, въ противность исполненной наслажденій жизни города, не сохранялась въ

деревнѣ болѣе простая и умѣренная жизнь. «Въ соціальномъ отношеніи и то имѣть значеніе, что, въ противность безпокойному блужданію населенія въ городахъ и промышленныхъ областяхъ, селянинъ представляется факторомъ устойчивости и, когда представляется необходимымъ, самаго упорного пассивнаго сопротивленія. Такъ же должно быть отмѣчено, что крестьянское сословіе гораздо менѣе, чѣмъ другія, содѣйствуетъ увеличенію пролетаріата. Всѣ главнѣйшія средства существованія крестьянинъ получаетъ по большей части отъ своей собственной работы. Даже въ самыя тяжелыя времена это обстоятельство защищаетъ крестьянство отъ того вида нужды, которое, какъ результатъ непроизвольной безработицы, посѣщаетъ наемнаго рабочаго, равно какъ промышленное среднее сословіе въ городахъ».

Реакціонная «азбука» союза сельскихъ хозяевъ вызываетъ изъ гроба даже тѣнѣ Бисмарка. Какъ оказывается, князь-канцлеръ называлъ себя «нѣмецкимъ крестьяниномъ». Въ 1884 году Бисмаркъ говорилъ въ рейхстагѣ: «Потрясеніе въ сельскомъ хозяйстве есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ потрясеніе въ какой-нибудь вновь возникшой индустрії; такое потрясеніе можетъ быть также велико, однако-же оно мѣстное и ему можно помочь при помощи пособій; потрясеніе же сельского хозяйства оказывается на народномъ организмѣ, и его болѣзнь заставляетъ хворать все тѣло народа. Если болѣзнь очень серьезна, то народъ гибнетъ; съ погибелю сельского хозяйства гибнетъ и народъ». Къ этому консервативная азбука прибавляется: «Вотъ что исповѣдывалъ князь Бисмаркъ, величайший нѣмецкій крестьянинъ. Онъ исповѣдывалъ возврѣнія, что сельское хозяйство есть неиз不可缺少ный вѣчный источникъ всякаго здороваго преуспѣянія, и что всякий народъ съ необходимою гибнетъ, если только онъ предоставляетъ разрушенію свое сельское хозяйство». Такимъ образомъ, чѣмъ мы болѣедвигаемся направо, тѣмъ болѣе интересы крестьянъ утопаютъ въ интересахъ «сельского хозяйства». Чтобы надлежащимъ образомъ понять государственное значеніе крестьянъ въ нѣмецкой жизни, намъ необходимо возвратиться къ нашему Рилю и посмотретьъ, какъ онъ живописуетъ подвиги крестьянъ во времена 1848 г.

«Только пассивное сопротивленіе крестьянъ, по словамъ этого авторитета, спасло въ мартѣ 1848 г. нѣмецкіе троны». «Въ соціальныхъ бояхъ нашихъ дней крестьянинъ сыгралъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ большинство предполагаетъ, такъ какъ именно онъ образовалъ естественную плотину противъ наводненія низшихъ слоевъ народа французскимъ революціоннымъ учениемъ. Говорятъ, что революція остановилась передъ трономъ. Это не совсѣмъ вѣрно: крестьяне остановились передъ трономъ. И эта ихъ кость была не случайной, она вытекала скорѣй изъ всего существа нѣмецкаго крестьянина... И если только мы не дадимъ ростовщикамъ ободрить крестьянскій пролетаріатъ, то намъ не за-

чѣмъ очень ужъ боятся промышленного и литературного пролетариата....» Революція 1848 г. доказала на дѣлѣ, «что консервативная сила государства лежить въ крестьянствѣ».

Съ чувствомъ умиленія рисуетъ Риль революціонныя походженія нѣмецкихъ крестьянъ. Благоразумнѣйшимъ образомъ онъ умалчиваетъ о великой крестьянской революції въ Германіи 1525 г. и о предшествовавшихъ ей крестьянскихъ движеніяхъ. И это нельзя не признать весьма предсмотрильнымъ. Какъ известно, уже въ XV вѣкѣ порядочно-таки пострадали «попы и дворяне» отъ нѣмецкихъ «консервативныхъ» крестьянъ. Уже въ 1476 году подъ кровомъ вюрцбургскаго пастыря былъ сожженъ на кострѣ, въ качествѣ еретика, Шфейферъ изъ Никласгаузена, который съ евангеліемъ въ рукахъ проповѣдывалъ коммунизмъ и восстаніе противъ духовныхъ господъ. Въ 1492 г. поднялись уже крестьяне Кемптенскаго аббатства, а также голландскіе «сырохлѣбники», украсившіе свои знамена сыромъ и хлѣбомъ; подобнымъ же образомъ шло дѣло и въ Эльзасѣ, и на верхнемъ Рейнѣ, и въ Вюртембергѣ, и въ Карантіи. Вездѣ крестьянскій «консерватизмъ» выразился въ кровавыхъ восстаніяхъ, которымъ предшествовала тайная, частью астрологическая, частью пророческая, народная литература, и которая окончились при яркомъ свѣтѣ евангелическаго церковнаго бунта. Не упоминаетъ Риль и о движениіи «лапотниковъ» 1524 г., охватившемъ собою всю верхнюю Швабію, которое было увѣковѣчено въ знаменитыхъ 12 статьяхъ, содержащихъ крестьянскую конституцію съ освобожденіемъ отъ рабства и съ отмѣною всѣхъ привилегій церковно-феодального строя. Отъ Эльзаса до Штиріи, отъ Боденскаго озера до Гессена и курфюршества Саксоніи бушевало тогда крестьянское море «евангелическихъ скопищъ», и одна за другой падали передъ ними и монастырскія колокольни, и башни рыцарскихъ замковъ. Городская демократія въ Ротенбургѣ, Вюрцбургѣ и Мюльгаузенѣ поддержала объятыхъ священнымъ негодованіемъ мужиковъ, а Тома Мюнцеръ провозгласилъ свое божеское царство. Многіе изъ рыцарей тогда отдали свой мечъ на службу крестьянскому дѣлу, и рядомъ съ наемникомъ и авантюристомъ въ родѣ Гепа-фонъ-Берлихингена поднялась тогда благородная фигура Флоріана Гейера, заплатившаго жизнью за свое помощь крестьянскому освобожденію. Какъ и всегда, крестьяне были побѣждены. Заработала висѣлица, чтобы водворить въ нихъ надлежащій «консерватизмъ». При Фрунсбергѣ имъ былъ нанесенъ послѣдній ударъ, и болѣе 100.000 своихъ сыновъ отдало тогдашнее крестьянство въ залогъ своего грядущаго «консерватизма». Риль не разсказываетъ намъ этой исторіи. Онъ знакомить насъ сразу съ вѣriоподданнымъ нѣмецкимъ крестьянствомъ въ эпоху революціонныхъ бурь XVIII—XIX вв. Когда перекинулись въ Германію первыя искры великой французской революціи, то въ нѣкоторыхъ саксонскихъ деревняхъ собра-

лись сельские люди и понаписали прошения своим господамъ не о всеобщихъ правахъ человека, но о новомъ распределеніи земель, луговъ и лѣса. Когда эти «бурные петиціи» вызвали со стороны господъ угрозу солдатами и кутузкой, крестьяне немедленно покрьтались и притихли. Съ торжествомъ заявляетъ Риль: «Крестьянинъ тогда имѣлъ еще полный респектъ передъ авторитетомъ своего господина». Мало того, республиканская проповѣдь французского генерала Юстина не только не имѣла никакого успѣха, но даже—это было въ 1792 г.—приводила къ обратнымъ результатамъ. Крестьяне Нассаускихъ горъ прогнали отъ себя французовъ-освободителей, а вѣрноподданные мужики князя Нассау-Идштейна проявили такую добродѣтель, что добровольно (?) заплатили за своего господина 300.000 гульденовъ контрибуції. Чего не вынесетъ крестьянская спина!

Іюльская революція отдалась въ Германіи нѣсколько чувствительнѣе. Поднялись «маленькія» крестьянскія восстанія. Крестьяне разбивали таможни на дорогахъ, рвали въ клочки гербовую бумагу, въ однихъ мѣстахъ преслѣдовали господскихъ кабановъ, въ другихъ—управляющихъ! Никакой организаціи и единства въ движениі не было. Эти бунты были не опасны. Какъ откровенно признаетъ нашъ соціологъ, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ крестьянинъ, продолжаются и вѣчные безпорядки изъ-за уплаты податей, отправленія повинностей и барщины. До революціи было еще далеко. Но вотъ насталъ мартъ 1848 года. Въ мелкихъ западно-нѣмецкихъ городахъ появились массы революціонного крестьянства. Баденскій, гессенскій и нассаускій крестьянинъ были именно той силой, передъ которой сразу же капитулировали всяческія власти и начальство. Но опять таки, какъ утѣшаешь настъ охранительный историкъ, крестьянское движение было слишкомъ разбросано, чтобы сразу поднять всю крестьянскую массу отъ Нѣмецкаго моря до Шварцвальда, а отсюда вплоть до баварскаго плоскогорія. Мало того, уже съ самаго начала крестьяне Помераніи и Бранденбургской марки «образовали моральный операционный базисъ въ борьбѣ противъ революціи, какъ для генераловъ, такъ и для министровъ». Движеніе было не только разрознено, но порою отличалось комическими чертами. Такъ, тирольскіе крестьяне не ждали ничего добра отъ конституціи, такъ какъ «очень ужъ господа радуются этой штуки». Въ Вестервальдѣ крестьяне, по преданію, разспрашивали съ озабоченной миной на счетъ того, изъ какого рода оружія будетъ состоять парламентъ: «изъ инфантаріи или изъ кавалеріи?»

Приведенные анекдоты не мѣшаютъ, однако, признать и самому Рилю, что «не кавалерійский парламентъ», а совсѣмъ нѣчто другое бросило крестьянъ въ революціонную борьбу. «Идея передѣла всякой собственности быстро разгорѣлась среди крестьянъ, а скоро стала единственной приманкой, которою могли апостолы революціи привлекать къ себѣ учениковъ изъ крестьянства. И не

только пролетаріи, но и состоятельный крестьянин по большей части были ослѣплены надеждой на передѣль». «Настоящій крестьянинъ по общему правилу думалъ не о всеобщемъ раздѣлѣніи благъ въ смыслѣ коммунистической міровой реформы, не о необходимости новшества,—«передѣль» былъ для него историческимъ воспомина-
ніемъ. Золотой вѣкъ фантазіи крестьянина лежалъ именно въ тѣхъ условіяхъ, когда каждый членъ общинны бесплатно получалъ изъ общинного лѣса столько дерева, что онъ кромѣ своего употребленія могъ еще часть продавать; когда общинные угодія были настолько доходны, что послѣ уплаты сельскихъ податей каждому члену общинны приходился въ концѣ года еще кусочекъ золота..... Таковъ идеаль большинства крестьянства. Подъ раздѣломъ они понимали по большей части такое распределеніе государственныхъ имуществъ, главнымъ же образомъ государственныхъ лѣсовъ, для общинного пользованія, чтобы каждый..... могъ получить даровой лѣсъ, даровыя луга и еще сверхъ того нѣсколько денегъ». Не отрицаютъ далѣе Риль, что въ «испорченныхъ» крестьянскихъ кругахъ и «коммунизмъ» имѣлъ успѣхъ, при томъ еще «въ самой грубой формѣ». Здѣсь «передѣль» понимали совершенно въ иномъ смыслѣ. Здѣсь приняли «новое учение всей душой». Впрочемъ, Риль спѣшить забросать грязью этихъ испорченныхъ мужиковъ, которые такъ грубо нарушили его теорію о мирномъ консервативномъ крестьянствѣ, невѣжественномъ вплоть до кавалерійского парламента и развѣ во снѣ мечтающемъ о воскрешеніи общинныхъ порядковъ. «Большая часть жестокостей и дикого нарушенія мира въ сельскихъ мѣстностяхъ падаетъ именно на такія испорченныя пролетарскія деревни; онѣ доставили изобильныя массы солдатъ для баденскихъ взрывовъ, для сентябрьского восстанія во Франкфуртѣ и для подобныхъ «битвъ». Обнищалый пролетаризованный мужикъ пошелъ такъ далеко, какъ никогда не осмѣливался на это, насколько мы знаемъ, городской пролетаріатъ: онъ сжигалъ въ нѣ-
которыхъ мѣстахъ ипотечныя и закладныя книги. Подобная демонстрація достаточно ясна, она показываетъ намъ лучше, чѣмъ дюжина статей, къ чему приходитъ крестьянинъ, если подъ его ногами начинаетъ колебаться твердая почва землевладѣнія, если онъ становится невѣрнымъ надежному руководству обычая, если водка разрушаетъ его нервную силу и его естественная грубость выражается въ звѣрство».

Если мы обратимся теперь отъ испорченныхъ крестьянъ къ неиспорченнымъ, врядъ ли мы найдемъ особенно большую разницу въ ихъ коммунистической и соціалистической подкладкѣ. Вотъ какъ, по описанію того же авторитета, воспользовались «настоящіе» крестьяне нѣмецкихъ западныхъ государствъ мѣсяцемъ полной свободы, выпавшей на ихъ долю въ 1848 г. Прежде всего крестьяне набросились на священные мѣста господской охоты и по мѣрѣ силъ и возможности перестрѣляли и выловили дичь ихъ свѣтлостей и

высокоблагородій. Лѣса были обращены въ общее пользованіе, а вмѣсто дичи въ нихъ загулялъ крестьянскій топоръ. Уплату податей и повинностей крестьянинъ немедленно пріостановилъ точно такъ же, какъ уплату всякихъ арендъ и оброковъ въ пользу помѣщиковъ. Назначенные правительствомъ старшины, шульдгейсы и другіе крестьянскіе и земскіе начальники были упразднены при помощи самаго простого средства, а именно: крестьяне образовали свои крестьянскія республики, а чиновниковъ и назначенныхъ отъ правительства старшинъ подвергли бойкоту. Значительныя лѣсныя дачи помѣщиковъ и государства были подвергнуты корчеванію, распаханы и подѣлены между общинами. Въ отдѣльныхъ ландтагахъ крестьяне образовали свои особыя крестьянскія или трудовые группы, которыя съ трудомъ подходили подъ шаблонъ парламентской топографіи, несмотря на то, что въ общинахъ они ввели у себя чисто демократической строй на основѣ всеобщей подачи голосовъ. Такъ дѣйствовали нѣмецкіе «неиспорченные» крестьяне, но вскорѣ оказалось, что крестьяне могутъ дѣйствительно исправиться.

Такое исправленіе началось довольно быстро тамъ, где, подобно Вестфаліи и Тиролю, католическое духовенство сумѣло взять крестьянское движение въ свои руки. Помогли дѣлу также и еврейскіе погромы, которыми съ большимъ азартомъ занялись въ мартовскіе дни нѣкоторые южно-нѣмецкія и, въ частности, баденскія общини. Больше всего, однако, успокоенію крестьянъ содѣйствовали, съ одной стороны, временное удовлетвореніе острой соціальной нужды, а съ другой—полная неспособность нѣмецкаго просвѣщенаго бургерства понять смыслъ и значеніе крестьянскаго движенія. Какъ ни-какъ, а сбросивъ съ себя страшную тяжесть экономическаго гнета, крестьянинъ почувствовалъ себя успокоеннымъ и пожелалъ немедленно использовать плоды своей побѣды; о будущемъ, о дальнѣйшемъ укрѣпленіи своихъ завоеваній онъ не заботился. Онъ чувствовалъ себя въ своемъ правѣ и не помышлялъ о возможности реакціи. Парламентскій либерализмъ былъ для него чѣмъ то отвлеченнымъ и непонятнымъ, а революціонные болтуны 1848 г. позабочились о томъ, чтобы охладить крестьянина еще болѣе. Не удивительно послѣ этого, что во второй половинѣ сумасшедшаго года крестьяне настолько постыли, что революція могла быть задушена. Развѣ не классический отвѣтъ дали оберландскіе крестьяне звавшему ихъ въ бой Геккеру: «У насъ нѣтъ теперь времени сражаться, мы должны обрабатывать теперь свои поля». Этимъ было все сказано. И когда сѣверные крестьяне въ солдатской формѣ были приведены на усмирение южныхъ, дѣло обошлось легко и скоро: крестьянскія республики были уничтожены, священные права собственности восстановлены.....

Только странное дѣло, по мѣрѣ того, какъ прекращалась «политическая» неблагонадежность крестьянства, росла его «уголовная»

преступность. Въ пятидесятыхъ годахъ прошлого столѣтія обнаружилась особая порода «развращеннаго крестьянства». Преступленія, «предполагающія полное нравственное паденіе», возросли «въ ужасающей степени». Убийства, ограбленія церквей, ограбленія кладбищъ и поджоги стали повсемѣстными въ деревнѣ. Надругательство надъ правительственныеими чиновниками, въ особенности надъ полицейскими, опустошеніе и уничтоженіе чужого имущества изъ зависти, изъ мести и корысти были въ порядкѣ дня въ это время «анархія». Г. Риль, конечно, сразу постигъ основную причину такого страшнаго паденія крестьянской нравственности: всему причиною — пролетаризованный школьній учитель, который былъ «злымъ демономъ», прямо «Мефистофелемъ» опустившихся крестьянъ: «онъ указалъ крестьянину пути и цѣли его звѣрству, онъ принялъ на себя по большей части ту роль, которую сыгралъ въ городахъ разъяренный, пропившійся литераторъ. Общеизвѣстна вѣдь дѣятельность значительного числа баденскихъ сельскихъ учителей при подготовкѣ и осуществленіи баденского восстанія.» Такъ, въ одномъ герцогствѣ Нассау, вътомъ 1850 г., на всѣхъ уголовныхъ заключенныхъ страны пришлось не менѣе 8% учителей. И при этомъ Риль не считаетъ тѣхъ, которые были наказаны административно въ качествѣ «политическихъ или религіозныхъ подстрекателей».

До сихъ поръ мы знали одну лишь великолѣпную фигуру прусскаго школьнаго учителя, побѣждающаго развратныхъ французовъ на кровавыхъ поляхъ Мэца и Седана; теперь мы познакомились съ другимъ сельскимъ учителемъ, съ тѣмъ, который такъ ужасно развратилъ баденскихъ крестьянъ... Странно, почему они его такъ слушались?

II.

Крестьянская страда.

Послѣ того, какъ мы познакомились съ невѣроятнымъ, можно сказать, консерватизмомъ німецкаго крестьянина, мы можемъ теперь обратиться къ вопросу о томъ, какъ жилось и живется этой опорѣ отечества на его благословенной родинѣ. Здѣсь мы можемъ воспользоваться интереснымъ трудомъ проф. Руланда. Слѣдующими чертами рисуетъ этотъ ученый другъ землевладѣнія наступленіе капиталистической эры въ Германіи или, вѣрнѣе, прдцессъ «первоначального накопленія», жертвой котораго стали и кое-какъ уцѣлѣвшіе на феодальной почвѣ крестьяне.

Послѣ Вестфальскаго мира въ Германіи оказалось, помимо 296 большихъ и меньшихъ государствъ, еще не менѣе 1500 непосредственно-подданного рыцарства, всякихъ священныхъ обителей и учрежденій, всякихъ имперскихъ деревень, изъ которыхъ каждая

изображала изъ себя суверенное государство. Еще въ XV вѣкѣ въ Германіи, въ особенности на сѣверѣ, появились крупные торговые и ростовщические капиталы, которые отнюдь не скрывали своихъ цѣлей. Когда Яковъ Фуггеръ въ Аугсбургѣ получилъ предложеніе отъ своего компаніона Йорга Турдо бросить по его примѣру дѣло наживы, такъ какъ надо-же оставить что-нибудь и другимъ, то Фуггеръ ему отвѣтилъ, что «онъ имѣеть совсѣмъ другія намѣренія: онъ желаетъ пріобрѣтать до тѣхъ поръ, пока только можетъ». Разнокалиберные германскіе владыки немедленно поспѣшили вступить съ крупными капиталистами въ сдѣлку за счетъ своихъ подданныхъ. «Капитализмъ побѣдилъ, — говорить г. Руландъ, — скоро поднялись отовсюду ожесточенные жалобы противъ монополій, денежныхъ компаний и союзовъ, Фуггеровъ, Вельзеровъ и Гохштеттеровъ въ Аугсбургѣ, Имгофовъ, Эбнеровъ и Фолькмаровъ въ Нюрнбергѣ, Руляндовъ въ Ульмѣ. Они взвинтили всѣ цѣны согласно своей корысти и жадности. Мартинъ Лютеръ говорилъ: «Эти взбадриватели цѣнъ, перепродавцы и монополисты, являются публичными ворами, разбойниками и ростовщиками. Было-бы справедливо все отобрать отъ нихъ и выгнать ихъ воинъ изъ страны. Всѣ товары у нихъ въ рукахъ, и по своему произволу они поднимаютъ и сбиваютъ цѣны. Развѣ можно добиться правыми средствами, чтобы одинъ человѣкъ могъ такъ обогатиться въ короткое время, чтобы онъ былъ въ состояніи закупить королей и императоровъ?». Эразмъ Ротердамскій вторитъ Лютеру въ характеристикѣ первыхъ представителей нарождающагося капитализма. По его мнѣнію, это люди, «которые повсюду лгутъ, всѣхъ развращаютъ, обкрадываютъ и надуваютъ, а сами, благодаря своимъ деньгамъ, постоянно пробираются впередъ». И, дѣйствительно, процессъ одного служащаго, фирмы Амврозія Гохштетера въ Аугсбургѣ обнаружилъ факты «удивительнѣйшаго накопленія». Такъ, денежный вкладъ въ 900 гульденовъ принесъ въ теченіе 6 лѣтъ 30,000 гульденовъ доходу.

Всѣ попытки остановить подобный процессъ при помощи ограничения капитала для торговыхъ компаний или установленія принудительныхъ цѣнъ оказались не осуществимыми, несмотря на постановленія рейхстаговъ. Подкупъ дѣлалъ свое дѣло, реформація вмѣстѣ съ католической церковью уничтожила средневѣковое запрещеніе процентовъ старое ограниченіе числа рабочихъ въ предприятияхъ было забыто. Попытка городского средняго класса, открытаго нападеніямъ сверху, защитить себя снизу путемъ введенія принудительного зачисленія въ цехи и вмѣстѣ ограниченія ихъ состава привела только къ образованію городскаго пролетаріата, а когда доступъ въ городскія сословія сельскимъ жителямъ былъ затрудненъ, то скоро развился пролетаріатъ и въ деревнѣ; его изобилие повело къ своеобразному капиталистическому предпріятію.

Богатства, сосредоточенные въ городахъ, оказались завлекатель-

ной приманкой для приложения стратегическихъ и тактическихъ способностей безчисленныхъ нѣмецкихъ деспотовъ. Война и завоеванія стали ихъ специфическимъ доходнымъ промысломъ. Крупные городскіе ростовщики въ свою очередь весьма охотно вкладывали свои, добытые грабежомъ, капиталы въ разбойничий предпріятія князей. Эти послѣдніе въ свою очередь на занятыхъ деньги начинали достаточное количество «рабочихъ рукъ» изъ свободного запаса городского и сельского пролетаріата. Созданныя изъ пролетаріата, вооруженныя стада служили тому, кто больше дасть. Съ 1557 до 1620 г., мы видимъ въ Германіи почти непрерывныя войны съ грабительскими цѣлями, и эти войны въ свою очередь повели къ безконечнымъ государственнымъ банкротствамъ. И если крупный ростовщическій и торговыій капиталъ экспроприровалъ гильдіи и цехи старого времени, то, въ свою очередь, этихъ экспропріаторовъ экспроприровали вооруженные бандиты въ видѣ государей тогдашней Германіи.

Во время тридцатилѣтней войны военный грабежъ достигъ высшаго своего напряженія и повергъ Германію въ глубокую нищету. Ея населеніе уменьшилось съ 18 на 6 миллионовъ. Вюртембергъ потерялъ 365,000 человѣкъ. Въ Пфальцѣ изъ 500,000 уцѣльло только 50,000. Баварія и курфюршество Пфальцъ потеряли почти до 90 процентовъ. Аугсбургъ и Нюрнбергъ 50 процентовъ населенія. Торговля и промышленность были уничтожены. Въ Аугсбургѣ изъ 6000 ткачей не уцѣльло и 500; болѣе 18,000 деревень было сожжено и разграблено. Отъ всего запаса въ живомъ инвентарѣ уцѣльло едва 20 процентовъ. Абсолютизмъ могъ безъ сопротивленія укрѣпиться на обезсиленномъ, окровавленномъ тѣлѣ нѣмецкаго народа. Два столѣтія понадобились для того, чтобы залѣчить эти раны, нанесенные странѣ военнымъ хозяйствомъ «первонаучальнаго накопленія».

Тяжелѣе всего за подвиги господъ, водворенныхъ «божіей милостью» въ Германіи, пришлось платиться крестьянамъ. И если въ XV вѣкѣ не почиталось зазорнымъ закладывать ростовщикамъ непосредственные атрибуты своего величества, то подавно считалась вполнѣ допустимымъ дѣломъ распродажа и отдача въ залогъ княжескихъ правъ государей надъ крестьянами. Не только на сѣверѣ къ востоку отъ Эльбы, но и къ западу отъ нея эти права продавались городамъ и дворянамъ за соотвѣтственную цѣну. Благодаря такой правовой сдѣлкѣ, крестьяне переходили въ частное подданство тѣмъ лицамъ, которыхъ могли больше заплатить. Само собой разумѣется, далѣе, что всякий, купивший себѣ право фогта и судьи надъ крестьянами, пользовался этимъ для того, чтобы возможно скорѣе и больше обогатиться за счетъ закрѣпленныхъ ему крестьянъ. Образованные на римскомъ правѣ юристы, конечно, были при этомъ великодушными помощниками господъ. Поборы и повинности крестьянъ росли съ каждымъ днемъ, а

мовыя юридическая основанія служили къ установлению опять-таки новыхъ повинностей и новыхъ налоговъ. При помощи, такъ называемаго, «катящагося процента» неисправный должникъ и не-допущикъ получалъ за каждый день опозданія удвоеніе процента, такъ что для крестьянъ не было ни малѣйшаго спасенія отъ все-возраставшаго гнета неоплатнаго долга. Общинныя владѣнія на лѣсныя угодія и луга были безъ дальнѣйшихъ разговоровъ отобраны отъ крестьянъ, только право пользованія было кое-гдѣ оставлено за тяжелыя повинности. Такъ было въ XV вѣкѣ. Въ началѣ XVI, крестьяне поднялись противъ господъ съ оружиемъ въ рукахъ. Но послѣ того, какъ восстаніе было задушено въ крови, старая политика угнетенія продолжалась дальше. Крестьяне были, попросту говоря, обращены въ крѣпостное состояніе, и если оставались сидѣть на землѣ на югѣ и западѣ Германіи, то уже съ обрѣзанными личными правами и въ самыхъ нищенскихъ условіяхъ.

Еще хуже сложились обстоятельства на сѣверѣ Германіи къ востоку отъ Эльбы. Здѣсь въ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка дворянство и города были въ состояніи продавать избытокъ въ хлѣбѣ и скотѣ за границу, и при томъ по хорошимъ цѣнахъ. Въ виду этого здѣсь наиболѣе выгоднымъ представлялось для всякаго господина возможно шире развить свое собственное хозяйство, чему, однако, мѣшала наличность сидящихъ на землѣ крестьянъ. Крестьянское хозяйство здѣсь мѣшало барскому. И ясное дѣло, что господа въ виду крупныхъ барышей помѣщичьяго хозяйства нисколько не покеремонились со своими «подданными» крестьянами и экспроприровали ихъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Крестьяне были выгнаны вонъ изъ ихъ жилищъ и хижинъ, откупленныя у государей права были использованы мѣстными владельцами для взаимнаго округленія владѣній, и если на югѣ кре-гдѣ уцѣльли государственные права князей, то на востокѣ они были цѣликомъ замѣщены правами помѣщиковъ, создавшихъ себѣ крупные и объединенные вотчины. Здѣсь не могло быть и рѣчи о встрѣчаемой на югѣ черезполосицѣ, столь характерной для откупленныхъ у государей намѣстническихъ правъ. На сѣверо-востокѣ, конечно, не были изгнаны абсолютно всѣ крестьяне, иначе не осталось бы рабочихъ рукъ для обработки помѣщичьихъ вотчинъ. Но точно также было естественно, что оставленные на плодъ и работу двуногія существа изъ крестьянской породы были вдвойнѣ обременены барщиной, ихъ дѣти обращены на обязательную дворовую службу, а сами они поступили въ полное рабство.

Только на одномъ сѣверо-западѣ страны условія сложились нѣсколько иначе. Первоначальный управляющій феодального господина сталъ здѣсь постепенно наследственнымъ арендаторомъ, и по этому образцу здѣсь уже очень рано образовались вѣчночини-шевыя отношенія, распространившія свои дѣйствія на всю массу крестьянства. Княжеская власть въ своихъ непосредственныхъ

интересахъ явилась защитницей наслѣдственнаго, недѣлимаго крестьянскаго владѣнія, обложеннаго неизмѣннымъ оброкомъ въ пользу господина и государства. Надо, однако, замѣтить, что, въ концѣ концовъ, крестьянское владѣніе на указанныхъ правахъ оказалось своего рода привилегій для болѣе состоятельнаго крестьянства, не доступной для остальной массы.

Что Германия не особенно торопилась съ освобождениемъ крестьянъ, объ этомъ и говорить нечего. Въ до-наполеоновское время были проведены реформы только кое-гдѣ относительно государственныхъ крестьянъ, да въ старыхъ прусскихъ провинціяхъ были предприняты опыты защиты крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ освобожденіе въ цѣляхъ успѣшного комплектованія прусскихъ войскъ здоровыми и сильными рекрутами. Въ послѣ-наполеоновское время освобожденіе было предпринято лишь въ области личныхъ правъ, и только революція 1848 г. этому освобожденію придала хозяйственный, соціальный характеръ. На сѣверо-западѣ, какъ, напримѣръ, въ Ганноверѣ, освобожденіе отъ власти частнаго господина было закончено уже въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка, но только въ семидесятыхъ годахъ было уничтожены оброчныя отношенія всего крестьянства къ мѣстному монарху. На югѣ и въ средней Германии личное освобожденіе крестьянъ было результатомъ конституціонныхъ картей, тогда какъ хозяйственное освобожденіе было куплено только цѣною мартовской гекатомбы и междуусобной рѣзни. Благодаря возстанію, крестьяне заплатили здѣсь несравненно меньшій выкупъ, чѣмъ на сѣверо-западѣ и на сѣверо-востокѣ. Уничтоженіе патrimonіальной власти относится такъ же по большей части къ 1848 г.

Насколько освобождение крестьянъ улучшило положеніе ихъ, показываетъ хотя бы ходъ эманципаціи въ Пруссіи, гдѣ просвѣщенная королевская власть предала крѣпостныхъ крестьянъ на потокъ и разграбленіе своему благородному дворянству. Какъ я писалъ уже по этому вопросу въ историческомъ введеніи къ германской конституціи относительно прусского освобождения, здѣсь дворянство крѣпко держалось за свои интересы и пользовалось всѣми правдами и неправдами, чтобы освободить крестьянъ не столько для жизни, сколько для голодной смерти. И дворянство добилось своего. Благодаря прусской деклараціи 1816 г., дѣло освобождения крестьянъ было предоставлено вполнѣ на милость и благоусмотрѣніе помѣщиковъ. «Благодаря освобожденію крестьянъ, широкая масса мелкихъ землевладѣльцевъ, т. е. такихъ, которые не имѣли собственной управы, попали изъ огня да въ полымя. Они не могли ни укрѣпить своего права владѣнія, ни освободиться отъ феодальныхъ оброковъ, барщины и повинностей. Напротивъ того, личная свобода дѣлала ихъ теперь вполнѣ свободными для прихоти юнкера. Ограничения, которыхъ были установлены въ XVIII вѣкѣ противъ срытія крестьянскихъ дворовъ, исчезли совсѣмъ. Юнкеръ дѣлалъ съ крестьянъ

ниномъ, «не имѣвшимъ упряжки», все, что хотѣлъ. Онъ присвоивъ себѣ ихъ мѣста «съ вознагражденіемъ за какое-либо существующее право владѣнія», онъ покупать эти мѣста, отказываясь въ нихъ, или просто пользовался незнаніемъ крестьянъ, чтобы побудить ихъ къ отказу отъ ихъ «какихъ-либо правъ»...

Послѣ этого помѣщики «разграбили менышиество, имѣвшихъ запряжку крестьянъ, въ другой формѣ»... Эти крестьяне, «съ не вполнѣ твердымъ правомъ владѣнія, были регулированы; чтобы обеспечить свое право на землю, а также освобожденіе отъ всѣхъ феодальныхъ повинностей, они, смотря по твердости своихъ правъ, отдавали юнкеру третью или половину своего поля. При этомъ, очень большая часть этихъ крестьянъ, благодаря двусмысленнымъ статьямъ закона, была исключена изъ регулированія... и предана произволу помѣщиковъ. Въ силу этого массы крестьянскихъ дворовъ были обращены въ фольварки господина. Массы крестьянъ были такимъ образомъ экспроприированы дворянствомъ, и въ провинціяхъ Помераніи, Силезіи, Бранденбурга, Познани и Пруссіи уѣхало всего на всего 70,582 крестьянина-собственника. Самый выкупъ крестьянскихъ повинностей шелъ до крайности медленно, и не болѣе 10 подобныхъ регулированій происходило въ годъ. Если первоначально крестьянинъ выкупалъ себя путемъ отдачи $\frac{1}{3}$ своей земли, то скоро уже былъ установленъ размѣръ выкупа въ видѣ 25 кратной суммы тѣхъ оброковъ и повинностей, которые подлежали выкупу. Благодаря этой удачной операции, помѣщики получили болѣе полутора миллиона моргеновъ крестьянской земли, болѣе $18\frac{1}{2}$ миллионовъ талеровъ капитала, болѣе полуторамилліона талеровъ ежегодной ренты и около 300,000 шефелей натуральныхъ продуктовъ. Такой цѣнѣ выкупили себя свободные крестьяне Пруссіи...

Какъ говорить Энгельсъ, «можно считать, что за освобожденіе отъ незаконно наложенныхъ повинностей крестьяне уплатили дворянству и фиску сумму въ 300 миллионовъ талеровъ, если не цѣлый миллиардъ марокъ. Миллиардъ марокъ за возвращеніе свободной отъ повинностей и при томъ ничтожной части той земли, которая незаконно захватывалась въ теченіе 400 лѣтъ! И именно, ничтожной части, такъ какъ громадную часть земли дворянство и фискъ удержали за собой въ видѣ маюратовъ, рыцарскихъ имѣнъ и доменовъ».

Нѣть ничего удивительнаго, что такимъ путемъ освобожденные крестьяне стали немедленно жертвой всяческой эксплуатации, какъ съ стороны крупного землевладѣнія, такъ и со стороны свободного капитала. Однако, положеніе мелкой крестьянской собственности и на западѣ отъ Эльбы не могло быть особенно лучше. Ее прямо задавилъ процессъ капиталистического хозяйства, а мелкихъ собственниковъ превратилъ или непосредственно въ батраковъ, работающихъ на городской капиталъ, или же въ мелкихъ сельско-

хозяйственныхъ предпринимателей, которые, находясь въ вѣчной зависимости оть капиталиста, сами работаютъ при помощи жестокой эксплуатациі обезземеленного сельского пролетариата. Если мы возьмемъ даже такого умѣренного писателя, какъ Зомбартъ, и заглянемъ въ его описание «нѣмецкаго народнаго хозяйства въ XIX вѣкѣ», то мы найдемъ тамъ самыя неутѣшительныя картины. Освобожденный оть барина, нѣмецкій крестьянинъ оть кабалы не ушелъ. Онъ нашелъ только себѣ другого господина—это безличный и безжалостный, неуловимый и вмѣстѣ все охватывающій «капиталъ».

Патріархальное сообщество работы въ крестьянской семье давно рушилось. Съ 1882 года по 1885 г. почти на полъ-милліона уменьшилось число членовъ крестьянскихъ семействъ, которые работаютъ вмѣстѣ съ родными въ деревнѣ. Въ то же время число батраковъ и работницъ увеличилось съ 1.589.088 до 1.718.885; значительная часть этой наемной арміи приходится на болѣе крупныя крестьянскія хозяйства. Уменьшились въ то же время подсобные домашніе промыслы, а новая индустрия стянула свою дѣятельность въ отдаленные и мощные центры. Вмѣстѣ съ тѣмъ все крѣпче охватываетъ крестьянина мелкій торговый капиталъ различныхъ перекупщиковъ, торговцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кулаковъ. Крестьянинъ продавецъ и покупатель попадаетъ въ крѣпкую сѣть объединенныхъ хлѣботорговцевъ и поставщиковъ удобренія, скотопромышленниковъ и мясниковъ, скupщиковъ различныхъ продуктовъ крестьянскаго сельско-хозяйственного производства. И грандиозное мошенничество, которое свило себѣ крѣпкое гнѣздо во всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ съ крестьянами, переходить непосредственно въ саму ужасную эксплуатацио и ростовщичество.

Въ 1887 г. союзъ для соціальной политики произвелъ не безъинтересную анкету по вопросу «о ростовщичествѣ въ деревнѣ». Она раскрыла просто невѣроятныя вещи относительно всевозможныхъ денежныхъ ростовщиковъ, ростовщиковъ на скотѣ, ростовщиковъ на спекуляціи по поземельной продажѣ, ростовщиковъ на товарахъ и т. д. Приведемъ картину изъ описанія баварско-рейнскаго Пфальца: «Чѣмъ бѣднѣе мѣстность, говорить отчетъ, тѣмъ безстыднѣе развивается ростовщичество. Отдаленные мѣстности и дворы снабжаются деньгами и другими жизненными припасами, но они должны за это дорого заплатить своимъ попечителямъ. Эти послѣдніе дѣлятъ между собою мѣстность, чтобы устранить конкуренцію между собою. Каждый изъ нихъ господинъ въ своей мѣстности. Онъ посредничаетъ во всѣхъ продажахъ и покупкахъ скота и хлѣба, корма и земли. Достаточно часто онъ является единственнымъ продавцомъ и покупателемъ всѣхъ этихъ предметовъ для соотвѣтственной мѣстности»... И къ этому прибавляеть центральный сельско-хозяйственный институтъ рейнской области: «Окончательный результатъ—по большей части абсолютная

экономическая зависимость должниковъ отъ ростовщика. Послѣднему принадлежитъ въ дѣйствительности и дворъ, и домъ бѣднаго крестьянина, а весь заработка его самого и его близкихъ исчезаетъ въ карманѣ его кредитора. Покуда можно еще добыть подобный заработка, ростовщикъ осторегается затянутъ петлю и лишить свою жертву двора и дома при помощи продажи съ публичного торга, такъ какъ часто цѣна наличности значительно ниже сочиненного долгового требованія. Только тогда, когда все уже настолько высосано, что нѣтъ уже никакихъ видовъ на добычу, тогда дѣлу полагается конецъ, и крестьянинъ съ женою и дѣтьми покидаетъ нищимъ свой очагъ. Однако, какъ ни парадоксально это звучить, это еще лучшій исходъ дѣла. Гораздо хуже, если крестьянинъ удерживается въ этой зависимости, вполнѣ равной крѣпостному состоянию, изъ которой къ тому же нѣтъ выхода. Согласно полученнымъ отчетамъ, число подобныхъ существованій далеко не мало. Съ вѣнчайшей стороны тутъ представляется все въ наилучшемъ порядкѣ. Крестьянинъ ходитъ на своемъ дворѣ, имѣть инвентарь и скотину, но все, однако, принадлежитъ ростовщику, самъ онъ ни что иное какъ поденщикъ, который часто еще счастливъ, что онъ не выставленъ къ позорному столбу».

Баденскій министръ финансовъ Бухенбергеръ подобными же чертами рисуетъ положеніе вещей въ Баденѣ. Онъ разсказываетъ про удивительныѣ операции баденскихъ ростовщиковъ, «у которыхъ избранная жертва неизбѣжно погибаетъ. При этомъ денежное высасываніе должника до полнаго его истощенія не менѣе распространено, чѣмъ тѣ невѣроятныя моральныя униженія, которымъ онъ обычно предоставленъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ изъ числа сообщенныхъ личная свобода должника представляется почти что уничтоженной, а самъ онъ осужденнымъ на положеніе лишенного всякой воли крѣпостного своего кредитора: онъ работаетъ только для этого послѣдняго, а чѣмъ болѣе онъ старается освободиться отъ петли, тѣмъ крѣпче умѣеть ростовщикъ подчинить его своей власти... Одинъ изъ подобныхъ, безжалостно цѣлыми годами терзаемыхъ мелкихъ крестьянъ, въ концѣ концовъ, не нашелъ никакого другого выхода въ своею отчаяніи, какъ добровольную смерть при помощи самоубийства»...

Изслѣдуя, далѣе, «горя и радости» сельскаго и, въ частности крестьянскаго хозяйства въ Германіи, профессоръ Зомбартъ указываетъ на зависимость этого хозяйства отъ мірового рынка и рисуетъ намъ ту силу, которая не только лежитъ роковою глыбой на каждомъ крестьянинѣ, но и держитъ въ своей власти самого всемогущаго ростовщика. Капиталистическая игра цѣнъ на хлѣбномъ рынке и колебаніе цѣнъ на землю съ собствѣтвеннымъ ростомъ и паденiemъ арендной платы; порожденное этимъ неизбѣжное задолжаніе землевладѣнію, бѣгство сельскаго населенія изъ деревни и, въ концѣ концовъ, вадорожаніе сельскихъ рабочихъ рукъ—

вотъ тѣ факты, которые создаютъ непрестанный и безвыходный земледѣльческий кризисъ, отъ которого пытаются спасти на почвѣ частной собственности всевозможные Руланды и тѣмъ обеспечить здоровую жизнь нѣмецкому крестьянству.

Какъ известно, еще въ пятидесятыхъ, шестидесятыхъ и въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ продолжалось то чрезвычайное повышение цѣнъ на всѣ земледѣльческие продукты, которое отмѣчаетъ собою начало XIX вѣка. Однако, уже съ конца семидесятыхъ годовъ мировой рынокъ сказалъ свое рѣшающее слово, и съ того времени до середины девяностыхъ годовъ продолжалось паденіе цѣнъ почти на всѣ сельско-хозяйственные продукты, которое достигло устрашающихъ размѣровъ. Еще въ 1879—1883 г., тонна хорошей баварской пшеницы средняго качества стоила 215,3 марки. Въ 1894 г. цѣна пала до 155,8 марки и въ 1895 поднялась не выше 164,3 марки. Въ то же самое время цѣна за тонну ржи съ 174,6 марокъ опустилась на 122,5 марокъ и улучшилась только до 134,7 марокъ. Еще ярче выясняется это паденіе, если мы возьмемъ нѣкоторые другія данные. Такъ, согласно даннымъ гамбургскаго торгово-статистического бюро, въ 1871—1875 г. двойной центнеръ пшеницы стоилъ 24,46 марокъ, въ 1900 г. эта цѣна упала до 13,6 марокъ. За то же время на рожь она понизилась съ 16,27 марокъ до 10,38 марокъ. На ячмень съ 16,44 м. до 9,29 марокъ. На овесъ съ 15,79 марокъ до 11,09 марокъ. На рапсъ съ 32,54 м. до 21,97 м. На льняное сѣмя съ 83,6 м. до 59,89 м., а на шерсть съ 346,62 м. до 147,81 м. Причины такого всеобщаго паденія цѣнъ общеизвѣстны: онѣ лежать въ конкуренціи другихъ странъ, обладающихъ дѣственными пространствами земли и работающихъ на значительно болѣе дешевыхъ основаніяхъ. Къ этому присоединилось удешевленіе и улучшеніе транспорта, которое, конечно, не остановится на сегодняшнемъ днѣ.

Какъ мало помогаетъ постоянное повышеніе ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ сравнительно съ грандиознымъ наводненіемъ дешевымъ хлѣбомъ Германіи, показываютъ хотя бы цифры хлѣбного ввоза, приведенные у д-ра Мигтропа. Въ 1891 г., когда ввозная пошлина достигала 50 марокъ съ тонны, ввозъ равнялся 2.593.389 тоннамъ и превосходилъ вывозъ хлѣба на 2.588.646 тонны. Въ 1893 году, когда пошлина съ тонны равнялась 35 маркамъ, ввозъ спустился до 2.022.401 тоннъ, при чмъ ввозъ превосходилъ вывозъ хлѣба на 2.013.326 тонны. Если мы возьмемъ теперь 1900 г., то найдемъ, что въ это время ввозъ поднялся до 3.431.006 тонны съ перевѣскомъ надъ ввозомъ на 2.923.495 тоннъ, а въ 1903 г. доехѣлъ до 4.799.256 тоннъ ввозу и 4.281.934 тоннъ перевѣса ввоза надъ вывозомъ. Другими словами, ввозъ хлѣба въ Германію, несмотря на введеніе пошлины, нисколько не остановилъ своего побѣдоноснаго теченія, а пониженіе пошлины съ 5 марокъ на 3 марки 50 пфениговъ отнюдь не содѣйствовало какому-нибудь осо-

бому развитию ввоза. На цифрахъ, которые приводить авторъ за разные годы, можно видѣть, насколько бесполезна хлѣбная пошлина въ дѣлѣ борьбы съ хлѣбнымъ импортомъ и пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ внутри страны. За время съ 1863 по 1876 г., когда не было никакихъ пошлинъ, цѣна на пшеницу равнялась 223 марки за тонну и 173 марки за рожь. За время же съ 1892—1900 г., когда действовала пошлина въ 3 м. 50 пф., цѣна на хлѣбъ понизилась до 155 мар. за пшеницу и до 131 за рожь.

Вполнѣ естественно, что подъ влїяніемъ неизбѣжного пониженія цѣнъ на хлѣбъ произошло и то паденіе цѣнъ на землю, которое самыи тяжелымъ образомъ отразилось на землевладѣніи. Арендная плата, по даннымъ Зомбарта, стала понижаться уже съ девяностыхъ годовъ прошлого столѣтія. За время съ 1878 г. по 1887 г. арендная плата за гектаръ въ Баденѣ держалась на уровне 90,7 мар., въ слѣдующемъ десятилѣтіи она опустилась до 85,6 мар. Неудивительно, что результатомъ подобнаго паденія цѣнъ на землю было безмѣрное увеличеніе поземельного долга, которое довело многихъ землевладѣльцевъ до полнаго раззоренія.

Обратимся теперь специально къ крестьянскому хозяйству и посмотримъ, насколько отразились на немъ всѣ имѣ пережитыя горя и бѣды, начиная съ разорительной эманципации и кончая паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ и введеніемъ пошлинъ на кормъ для скота въ пользу крупныхъ аграріевъ? Наилучшимъ показателемъ здѣсь является цифра крестьянской задолженности, которая возрастаетъ съ каждымъ годомъ безъ всякой надежды на улучшеніе. По даннымъ того же д-ра Минтропа, задолженность сельского хозяйства возрастаетъ ежегодно круглымъ числомъ на 200 миллионовъ марокъ. Долговая тяжесть, которая и безъ того гнететъ теперь нѣмецкое крестьянство, равняется ни болѣе, ни менѣе, какъ 10 миллиардамъ марокъ, а если причислить къ этому личные долги крестьянъ, то указанная цифра должна возрасти, по крайней мѣрѣ, до 15 миллиардовъ. Если принять, что съ этой суммы крестьянинъ долженъ уплачивать только 4%, то и въ такомъ случаѣ мы получимъ грандиозную сумму въ 600.000 миллионовъ марокъ. Если же, далѣе, припомнить, что въ массѣ случаевъ крестьянинъ платить не 4, а 5 и больше процентовъ, то не покажется преувеличеніемъ, если принять, что сумма, которую получаютъ кредиторы землевладѣнія, доходитъ круглымъ счетомъ до $\frac{3}{4}$ миллиарда марокъ. Цифра этой колоссальной задолженности воистину способна повергнуть въ изумленіе всякаго добросовѣстнаго наблюдателя. Въ особенности, если принять во вниманіе, что, согласно анкетамъ сельско-хозяйственныхъ камеръ и управлений, въ лучшемъ случаѣ и при образцовомъ хозяйствѣ, хозяинъ получаетъ всего два процента со вложеннаго въ землю и хозяйство капитала.

III.

Спасеніе крестьянъ.

Какъ спасти крестьянъ отъ, казалось бы, неминуемой и неизбежной ихъ гибели? Вотъ вопросъ, за рѣшеніе которого берутся всѣ благодѣтели и покровители сельского хозяйства, начиная отъ аграрія и кончая «христіанскими» партіями антисемитизма и центра. Аграрій, наивно отождествляя свои классовые интересы съ интересами всего сельского хозяйства, ищутъ спасенія въ запретительныхъ пошлинахъ на хлѣбъ. Какъ показываетъ статистика (1895 г.) изъ общаго числа гектаровъ, находящихся подъ земледѣльческой культурой, 24,08 процентовъ принадлежать ничтожному меньшинству крупныхъ хозяйствъ, представляющихъ собою 0,45 процента всѣхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій. Мелкие крестьяне, владѣющіе менѣе 5 гектаровъ на душу и составляющіе 76,51 процентовъ всѣхъ хозяевъ, обрабатываютъ всего только 15,67 процентовъ всей занятой культурою земли. И какъ заявилъ имперскій канцлеръ, князь Гогенлоэ, они менѣе всего имѣютъ интереса въ охранительныхъ пошлинахъ. То же подтвердилъ для Бадена докторъ Морицъ Гехтъ, который доказалъ, что 49,2 процента всѣхъ земледѣльческихъ семействъ Бадена покупаютъ нужный имъ хлѣбъ, а 21,5 процента тѣхъ же семействъ прикупаютъ хлѣбъ для своего потребленія, такъ какъ своего хлѣба имъ не хватаетъ. Только 14,6 процентовъ производятъ хлѣбъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ санимъ нужно, и слѣдовательно, могутъ получить выгоду отъ охранительныхъ пошлинъ. Если даже принять, что расширеніе ввозныхъ пошлинъ на мясо и другіе продукты скотоводства и могутъ пойти на пользу среднему и мелкому земледѣльцу, то за то на хлѣбныхъ пошлинахъ они столько теряютъ въ пользу крупнаго землевладѣнія, что, въ концѣ концовъ, оказываются не въ выгодѣ, а въ убыткѣ. Проводя всѣми силами увеличеніе пошлинъ на хлѣбъ, аграрій вмѣстѣ съ тѣмъ точно такъ же стремится къ повышенню пошлинъ на весь ввозимый изъ-за границы кормъ для скота. А между тѣмъ, въ одномъ 1901 г. цѣнность ввоза кормовыхъ средствъ дошла до 58.029.800 марокъ. Въ 1902 г. одного маиса было ввезено круглымъ счетомъ 9 миллионовъ центнеровъ, и это при такомъ скромномъ потребленіи маиса на одну штуку скота, которое не доходитъ до половины того, что потребляетъ Англія и Данія. Аграрій—естественные враги мелкаго и средняго крестьянства и, однако же, имъ удалось увлечь за собою темныя крестьянскія массы подъ общимъ знаменемъ пресловутаго союза «сельскихъ хозяевъ».

Еще въ 1885 г. экономіи совѣтникъ Кнауеръ-Греберсь и фонъ-Иллеть основали «німецкій крестьянскій союзъ», который долженъ

быть стремиться, съ одной стороны, къ вліянію на законодательство и управление въ интересахъ крестьянства, а съ другой—къ осуществленію общественной взаимопомощи землевладѣльцевъ при посредствѣ организаціи различныхъ кредитныхъ установлений, потребительскихъ товариществъ и т. д. Однако съ самаго начала этотъ союзъ превратился въ орудіе политической агитации для консерваторовъ, которые этимъ путемъ желали захватить въ свою пользу голоса мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ въ прусскихъ провинціяхъ на востокѣ отъ Эльбы. Само собою разумѣется, что доминирующую роль въ этомъ «крестьянскомъ» союзѣ играли крупные землевладѣльцы. Однако, очень скоро была сброшена «крестьянская» маска, и уже въ 1893 г. мѣсто крестьянского союза занялъ открытый политический союзъ прусскихъ аграріевъ подъ названіемъ «союзъ сельскихъ хозяевъ». Характерно, что когда въ 1895 г. антисемиты попробовали возродить старый крестьянский союзъ въ восточно-эльбскихъ провинціяхъ, то правительство подъ давленіемъ аграріевъ немедленно же запретило своимъ чиновникамъ принимать участіе въ антисемитскомъ крестьянскомъ союзѣ (въ Познани), такъ какъ этотъ послѣдній «обращаетъ свое оружіе противъ крупнаго землевладѣнія и офицерскаго сословія, а этимъ вносить смуту въ соціальные отношенія и сѣть недовольство среди крестьянского сословія».

Что касается «союза сельскихъ хозяевъ», то, какъ известно, онъ обратился исключительно въ политическую организацію, которая отъ старого крестьянского союза унаследовала только очень незначительные остатки товарищеской взаимопомощи. За то агитация противъ торгового договора съ Россіей и за безмѣрное повышение хлѣбныхъ пошлинъ велась союзомъ съ такой наглостью на почвѣ узко-классовыхъ интересовъ, что вызвала даже высочайшее неодобрение императора Вильгельма, который все время очень поддерживалъ дѣятельность прусскихъ феодаловъ. И надо отдать справедливость союзу сельскихъ хозяевъ. Чувствуя за собой поддержку всѣхъ монархическихъ и консервативныхъ элементовъ, стоя, вмѣстѣ съ тѣмъ, на открыто экономической почвѣ, онъ ознаменовалъ себя рѣдкой беззастѣнчивостью, какъ по отношенію къ неудобнымъ ему представителямъ власти, такъ и всѣмъ другимъ партіямъ. Въ опьяненіи чисто аграрными интересами, союзъ неоднократно воевалъ даже противъ своего высокаго покровителя и преваливалъ правительственные предложения. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не стыдился выступать противъ крестьянскихъ союзовъ запада и юга и отбивать у нихъ депутатскія мѣста. Съ проведениемъ высокихъ хлѣбныхъ пошлинъ по новому тарифу союзъ въ значительной степени выполнилъ свою задачу, но не пересталъ существовать на дѣлѣ. На послѣдніхъ выборахъ 1903 г. ему удалось провести четырехъ своихъ депутатовъ. На выборахъ онъ поддерживалъ всѣхъ, кто согласенъ былъ принять отъ него императивный мандатъ въ пользу

хлѣбныхъ пошлинъ. Въ самомъ парламентѣ союзъ образовалъ особое экономическое соединеніе, бывшее настражъ чисто аграрныхъ интересовъ. Заслуживаетъ замѣчанія то обстоятельство, что изъ четырехъ прошедшихъ въ парламентѣ представителей союза, 3 выбраны отъ вюртембергскихъ округовъ зажиточнаго крестьянства, а одинъ посланъ мелкими и средними помѣщиками Пфальца. Въ Пруссіи отъ союза шли прямо консерваторы.

Наравнѣ съ консерваторами за дѣло крестьянскаго спасенія взялись «христіанскіе» элементы страны. Католическіймагнатъ баронъ Шорлемеръ-Альстъ явился пionеромъ въ этомъ отношеніи. Въ 1862 г. началось сперва очень небольшое движение, которое первоначально объединило всего 37 членовъ. Въ статутѣ этого первого крестьянскаго соединенія значилось, что оно учреждено для того, чтобы объединить «среднее и мелкое, т. е. крестьянское землевладѣніе въ товарищество, опирающееся на свободное самоопределѣніе его членовъ, проникнутое ихъ взаимностью и имѣюще цѣлью способствовать религіозному, интеллектуальному и соціальному поддержанію членовъ, а также охранѣ ихъ материальныхъ интересовъ». Молодое общество добивалось корпоративныхъ правъ, однако прусское правительство отнеслось къ нему враждебно и отказало въ этомъ. Въ 1864 г. появилась брошюра барона Шорлемера «о положеніи крестьянского сословія въ Вестфаліи и о томъ, что ему нужно». По образцу крестьянскаго союза въ Штейнфуртѣ, основанного Шорлемеромъ въ Вестфаліи, создался затѣмъ цѣлый рядъ другихъ крестьянскихъ союзовъ, но въ 1871 г. когда правительство объявило вестфальскіе союзы политическими и запретило ихъ взаимную связь, они добровольно покончили свое существованіе, а на ихъ мѣсто въ Мюнстерѣ въ томъ же году былъ созданъ новый крестьянскій союзъ уже для всей провинціи Вестфаліи на основаніи нового статута.

Статутъ этотъ—мы пользуемся изданиемъ 1898 г.—содержитъ въ себѣ слѣдующія постановленія. Союзъ стремится къ тому, чтобы во 1) возвысить соединившихся въ немъ крестьянскихъ землевладѣльцевъ въ нравственномъ, духовномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ; во 2) объединить ихъ въ мощное крестьянское сословіе, въ 3) сохранить крестьянское землевладѣніе. Средствами для достиженія цѣли союза является: во 1) обсужденіе и постановленія членовъ въ собраніяхъ въ цѣляхъ охраны ихъ интересовъ, отвращенія вреда, грозящаго землевладѣнію, устраненія вредныхъ привычекъ, злоупотреблений и расточительности; во 2) поощреніе образованія и знаній, соответствующихъ интересамъ крестьянскаго состоянія; въ 3) примиренія противорѣчащихъ интересовъ, улаженія мирнымъ путемъ споровъ и процессовъ, въ особенности же при помощи учрежденныхъ союзомъ примирительныхъ камеръ и третейскихъ судовъ; въ 4) основаніе общихъ благотворительныхъ учрежденій на благо землевладѣнію и сельскому хозяйству; въ 5) для предотвращенія

задолженности, раздробленія и продажи крестьянскихъ владѣній: испеченіе о заблаговременномъ внесеніи всѣхъ пригодныхъ къ тому дворовъ въ списки крестьянскихъ недѣлимыхъ имуществъ, а также забота о заблаговременномъ совершениі завѣщательныхъ распоряженій или договоровъ между живыми съ тою цѣлью, чтобы крестьянская владѣнія переходили всегда къ одному сыну или родственнику безъ тяжелаго отягощенія его выплатой наследственныхъ долговъ. Дѣйствительными членами союза могутъ быть лица, которыхъ принадлежать къ одному изъ двухъ христіанскихъ исповѣданій, исполняютъ ихъ предписанія и ведутъ нравственный и трезвый образъ жизни; обладаютъ гражданскимъ полноправиемъ; имѣютъ самостоятельную поземельную собственность и занимаются сельскимъ хозяйствомъ или даже состоять арендаторами, пользователями или даже управляющими сельскихъ недвижимыхъ имуществъ, такъ же какъ братьями и сыновьями землевладѣльца съ правомъ наследованія, которые посвящаютъ себя сельскому хозяйству, и отъ которыхъ можно ожидать, что они будутъ способствовать прѣлямъ союза. Несовершеннолѣтнимъ изъ числа послѣдней категоріи также позволяетъ быть членами безъ права голоса, разъ они достигли 18 лѣтъ и не состоять болѣе учениками. То же самое разрѣшается и вдовамъ умершихъ членовъ, но также безъ права голоса.

Управление союза принадлежитъ общему собранію, союзной управѣ и правленію. На мѣстахъ членами управы и правленія могутъ быть созываемы мѣстныя собранія. Ни въ одномъ изъ собраній союза не разрѣшается говорить «о политикѣ или религіи».

Этотъ статутъ послужилъ образцомъ для другихъ нѣмецкихъ крестьянскихъ союзовъ съ нѣкоторыми ничтожными измѣненіями. Мы отмѣтили ихъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, теперь же обратимся къ дѣятельности вестфальского союза за все время его существованія. Одной изъ первыхъ задачъ вестфальского союза было содѣйствовать введенію единонаслѣдія въ крестьянскихъ дворахъ, чѣмъ предотвращалось безграницное раздробленіе крестьянскихъ усадебъ между наследниками; и въ этомъ отношеніи вестфальскій союзъ много содѣйствовалъ изданію особаго закона для Вестфаліи, которымъ облегчалось для крестьянъ установление нераздѣльности въ наследованіи ихъ имуществъ. Затѣмъ союзъ прибѣгнулъ къ подачѣ цѣлаго ряда петицій по самымъ различнымъ поводамъ высшимъ законодательнымъ и административнымъ учрежденіямъ. Такія петиція были поданы, между прочимъ, относительно податного законодательства, повышенія охранительныхъ пошлинъ, денежной валюты, устраненія свободы обязываться векселями, введенія законовъ противъ ростовщичества, проведенія заборовъ на поляхъ, привлечения представителей промышленности къ участію въ поддержкѣ дорогъ, относительно воскреснаго отдыха, сберегательныхъ кассъ и т. д. Съ самаго начала существованія союза онъ вступилъ, далѣе, въ особые договоры со всевозможными обществами

страхованія, чтобы этимъ путемъ доставить своимъ членамъ наиболѣе дешевые и удобные способы обезспеченія отъ всякихъ опасностей. Такіе договоры были заключены съ обществами страхованія отъ огня, страхованія отъ града, страхованія жизни, при чемъ въ особенности благотворнымъ оказалось массовое страхованіе жизни членовъ общества, что очень поддержало благосостояніе крестьянскихъ семействъ. Въ 1883 вестфальскій союзъ создалъ для своихъ членовъ особое потребительное общество для пріобрѣтенія сообща всяческаго сельско-хозяйственнаго сырья, искусственнаго удобренія, корма для скота, сѣмянъ, а также сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. Дополненіемъ къ этому должна была служить особая химическая испытательная станція, за которой вскорѣ слѣдовала станція для испытанія сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. Не менѣе замѣчательна была дѣятельность союза и въ области кредита. Онъ въ высокой степени содѣйствовалъ основанію «кредитнаго земскаго общества провинціи Вестфаліи», которое обеспечило крестьянамъ самый широкій и дешевый поземельный кредитъ. Личный кредитъ былъ обеспеченъ учрежденіемъ Раффайзеновскихъ сберегательныхъ и ссудныхъ товариществъ, которыя были учреждены по отдѣльнымъ общинамъ. Для разрѣшенія споровъ между членами были установлены особые посредническіе суды и выработана особая для нихъ инструкція. Въ цѣляхъ распространенія сельско-хозяйственнаго образованія былъ основанъ рядъ сельско-хозяйственныхъ зимнихъ школъ, которыя предназначались для юношей, окончившихъ уже курсъ первоначального обученія. Точно такъ же была основана школа для девушекъ, въ которой они могутъ изучать домашнее и сельское хозяйство. Въ качествѣ органа союза издается ежемѣсячникъ подъ названіемъ «Вестфальскій Крестьянинъ». Такъ выглядѣлъ союзъ въ 1877 г.

Для того, чтобы имѣть представление о дѣятельности вестфальскаго крестьянскаго союза, не лишнее будетъ привести нѣкоторыя данные, которыя показываютъ, насколько онъ развился за время своего существованія. Въ 1862 г. союзъ началъ свою дѣятельность съ 37 членовъ, въ ноябрѣ того же года было уже 215 членовъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ вестфальскіе союзы охватывали уже 10.000 человѣкъ. Въ 1890 г. ихъ было 20.500, въ 1902 болѣе 28.000, въ настоящее время значительно болѣе 30.000 членовъ участниковъ союза. Когда въ 1890 г. въ уставѣ опредѣлялось имущество союза, оно простирилось до 175.000 м. По даннымъ д-ра Фасбендерса отъ 1887 г., союзъ тогда обладалъ 2516 полисами страхованія отъ града, а имущество его членовъ было застраховано въ 10.606.538 м. Въ то же время была застрахована жизнь 229 членовъ въ 208.700 марокъ. Что касается дѣятельности по покупкѣ и продажѣ удобренія и корма для скота, то первого въ 1887 г. весною было куплено на 187.543 м. и осенью на 144.700 м; второго зимою на 183.000 м. Дѣятельность союза по кредиту выражи-

ясь въ томъ, что при его помощи изъ земскаго кредитнаго общества до 1887 г. было выдано подъ ипотеку до 30 миллионовъ марокъ, а сельская центральная ссудо-сберегательная касса, охватывающая собой дѣятельность мѣстныхъ кассъ, имѣла за 1887 г. обороты въ 2.400.984 марокъ. Если мы теперь перейдемъ къ тѣмъ даннымъ, которые приведены въ юбилейномъ изданіи вестфальскаго союза по поводу открытия памятника его основателю барону Шорлемеру, то мы найдемъ здѣсь слѣдующую характеристику состоянія союза къ началу текущаго столѣтія. Въ 1899 г. центральная ссудная касса закончила свой оборотъ въ 58.725.606 марокъ. Въ учрежденной въ 1890 г. испытательной станціи для сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій было изслѣдовано въ одномъ первомъ полугодіи 1901—1902 г. машинъ на 22.779.031 марокъ. Въ 1891 г. при союзѣ было учреждено особое строительное отдѣленіе для помощи совѣтомъ и указаніями членамъ союза. Въ 1902 г. кромѣ архитектора-руководителя въ этомъ отдѣленіи было занято 20 служащихъ. Точно такъ же было создано и лѣсное отдѣленіе для веденія правильнаго лѣсного хозяйства въ предѣлахъ союза. Въ 1896 г. члены союза образовали общество взаимнаго страхованія, въ особенности противъ опасностей, грозящихъ занятыхъ въ сельскомъ и лѣсномъ хозяйствѣ лицамъ. За самое короткое время существованія къ этому общству присоединилось 7500 членовъ и, несмотря на низкія преміи, собрано около 130.000 марокъ запаснаго капитала. Въ 1899 г. союзъ основалъ центральное товарищество для продажи и покупки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и матеріаловъ. Это центральное общество охватило собой (къ 1902 г.) около 100 крестьянскихъ товариществъ для покупки и продажи продуктовъ, 3 молочныхъ хозяйства, 18 ссудо-сберегательныхъ кассъ, 2 участковыхъ союза и т. д. Оборотъ товарищесъва въ 1902 г. достигъ 6 миллионовъ марокъ.

Въ отчетѣ за 1905 г. мы встрѣчаемъ уже слѣдующія цифры. Общество взаимнаго страхованія охватываетъ собой 12,270 членовъ; поступлений было круглымъ числомъ 91,000 марокъ, а капиталъ достигъ величины 370,000 марокъ. Союзъ сельскихъ товариществъ въ Вестфалии насчитываетъ 719 различныхъ товариществъ и кассъ (изъ нихъ 513 ссудо-сберегательныхъ, 170 товариществъ для продажи и покупки, 21 для разведенія племеннаго скота и т. д.). Сельская центральная касса имѣла оборотъ въ 106 миллионовъ марокъ—на 14 миллионовъ больше, чѣмъ въ предыдущемъ году. Центральное товарищество для продажи и покупки продуктовъ имѣло оборотъ въ 870,852 марокъ. Собственное имущество товарищества превосходитъ 250,000 марокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо упомянуть о чрезвычайномъ развитіи дѣятельности строительного и лѣсного отдѣленія, а также испытательной станціи. Къ сельско-хозяйственнымъ зимнимъ курсамъ были присоединены курсы для кузнецовъ и т. д.

На той же основѣ христіанско-католической опеки и покровительства былъ основанъ въ 1882 г. въ Кенпенѣ рейнскій крестьянскій союзъ. На Рейнѣ, подобно Вестфаліи, нашелся также благочестивый католическиймагнатъ, который рѣшилъ спасти крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ пріобрѣсти себѣ неувядаемый вѣнецъ на небесахъ нѣмецкаго центра. Баронъ фонъ-Лоэ былъ основателемъ рейнскаго союза, который сразу же получиль широкое распространеніе и въ концѣ 1888 г. насчитывалъ болѣе 29,000 членовъ.

Статутъ рейнскаго союза, сравнительно съ вестфальскимъ, представляется болѣе подробнымъ и многорѣчивымъ. Здѣсь прямо указываются добродѣтели, «украшающія крестьянское сословіе». Таковыя суть: «прилежаніе, бережливость, трезвость, любовь къ родному плугу, отеческому дому и отечеству, вѣрность императору и имперіи». Нейтральность союза въ политическихъ дѣлахъ обуславливается особымъ запрещеніемъ союзу «принимать участіе въ партійной политикѣ, также какъ участіе въ выборахъ въ пользу политическихъ партій. Точно также въ общихъ собраніяхъ запрещается говорить о религії». Членскіе взносы здѣсь пропорціональны размѣрамъ собственности или аренды, самъ же союзъ распадается на мѣстные и окружные союзы. Кромѣ особыхъ окружныхъ и мѣстныхъ правленій, въ союзѣ имѣются еще комиссіи, образуемыя подобно первымъ по выборамъ, но для специальныхъ цѣлей. Органомъ союза является журналъ подъ названіемъ «Рейнскій Крестьянинъ» (Rheinischer Bauer).

Изъ послѣдняго отчета союза за 1905 г. видно, что кромѣ главного бюро при немъ состояли отдѣленія юридической помощи, строительное отдѣленіе, станція для испытанія машинъ, молочное отдѣленіе, сѣмянное отдѣленіе, типографія, взаимное страхованіе, страхованіе для скота, биржа труда и коммисіонное отдѣленіе для покупки и аренды недвижимостей. Всѣ эти учрежденія находятся въ Кельнѣ, кромѣ нихъ имѣется еще опытная станція въ Кемпенѣ. На службѣ союза имѣется цѣлый рядъ техническихъ сотрудниковъ, обязаннныхъ также дѣлать доклады и устраивать чтенія по интересующимъ союзъ вопросамъ. Кассовые обороты возрастили за время его существованія слѣдующимъ образомъ. Союзъ началъ свою дѣятельность (въ 1883 г.) съ 13,094,85 марокъ прихода и 962,86 м. расхода. Въ 1885 г. у него было: 60,137,24 марокъ дохода и 52,104,57 м. расхода. Черезъ 10 лѣтъ—въ 1895 г.—приходъ достигалъ 110,820,37 м., а расходъ 113,721,81 марокъ. На конецъ, въ 1905 г. эти цифры уже доходятъ до миллиона. Приходъ въ 928,286,84 м., а расходъ въ 930,166,81 марокъ. Число членовъ расло въ подобной же пропорціи. Въ 1883 г. ихъ было 12,757 человѣкъ, въ 1885 г. — 22,688 чел., въ 1895 г. — 40,333 человѣкъ, въ 1905 г. — 53,106 человѣкъ. Коммисія правовой помощи подала совѣтъ въ 1905 г. въ 1924 случаяхъ. Третейскіе

суды учреждены въ Кельнѣ, Кобленцѣ и Гельдернѣ. Особая юридическая комиссія, заключающая въ себѣ около 20 адвокатовъ, дала въ 1905 г. 3641 устныхъ совѣтовъ. На опытной станціи число изслѣдований въ 1905 г. достигло 8785, тогда какъ въ 1884 г. изслѣдований было всего 570. Кроме этой химической станціи дѣйствовала также испытательная станція для машинъ и орудий, которая изслѣдовала машинъ цѣнностью въ 308.034,61 марку. Молочное отдѣленіе имѣло оборотъ специально на молочныхъ машинахъ и орудіяхъ въ 127.670,56 м. Строительное отдѣленіе въ 1905 г.—на второй годъ своего существованія—выработало проектовъ на постройки стоимостью въ 1 съ четвертью миллионовъ марокъ. Сѣмьяное отдѣленіе работало также очень успѣшно, и въ 1905 г. его обороты по приобрѣтенію сѣмянъ дошли до 53384,06 марокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были созданы особые базары для непосредственной продажи публикѣ произведеній огороднаго хозяйства со стороны самихъ производителей. Надо замѣтить, что за первые 4 мѣсяца 1906 г. оборотъ сѣменного отдѣленія дошелъ до 100.000 марокъ. По взаимному страхованию балансъ общества достигъ 151.266,76 марокъ. Страхованіе скота въ томъ же году выразилось въ слѣдующихъ данныхъ: въ теченіе 1905 г. было застраховано 438 лошадей и 1483 штуки рогатаго скота стоимостью въ 812.670 марокъ. Въ цѣляхъ страхованія отъ града союзъ вступилъ въ особое соглашеніе съ сѣверно-нѣмецкимъ обществомъ и на выгодныхъ для себя условіяхъ застраховалъ въ одномъ 1905 г. поля 4791 своихъ членовъ. Страхованіе жизни въ средѣ членовъ союза выразилось сравнительно въ небольшихъ размѣрахъ. Въ 1905 г. къ 374 полисамъ на сумму 2.474.500 марокъ присоединилось всего 30 полисовъ на сумму 181.500 марокъ.

Рейнскій союзъ, подобно вестфальскому, очень часто прибѣгалъ къ подачѣ петицій и общественной агитациіи въ цѣляхъ вліянія на законодательство. Такая агитация за время 1904 — 1905 гг. была поднята по слѣдующимъ вопросамъ: относительно торговыхъ договоровъ, участковъ общественной охоты, средне-нѣмецкаго канала, отмѣны вѣкоторыхъ параграфовъ гражданскаго уложенія, вздорожанія мяса, школьнаго законопроекта и т. д. Нечего говоритъ, что, находясь подъ вліяніемъ и предводительствомъ аграріевъ, союзъ во всѣхъ этихъ случаяхъ преслѣдовалъ самыя консервативныя, а вмѣстѣ христіанскія цѣли.

Остается сказать нѣсколько словъ объ основанныхъ союзомъ товариществахъ; изъ нихъ «союзъ рейнскихъ товариществъ», объединяющій въ себѣ 500 ссудо-сберегательныхъ кассъ, 65 товариществъ для покупки и продажи продуктовъ, 58 молочныхъ товариществъ, 32 винодѣльческихъ товарищества и 26 другихъ товариществъ, охватывавъ круглымъ числомъ 62,000 членовъ, издавалъ свой особый журналъ и работалъ при собственномъ бюджетѣ въ 58,000 м., тогда какъ однѣ объединенные имъ ссудо-сберегатель-

ныя кассы имѣли годовой оборотъ въ 100.690.000 марокъ. Упомянемъ также, что оборотъ молочныхъ товариществъ дошелъ до 18.029.000 марокъ, а винодѣловъ до 3.000.000 марокъ. Другимъ установленіемъ союза является рейнская крестьянская товарищеская касса съ общимъ оборотомъ въ 131.125.816 марокъ; ссудо-сберегательный союзъ рейнского крестьянского союза съ оборотомъ въ 2.645.066,73 марокъ и главное товарищество рейнского крестьянского союза для приобрѣтенія и сбыта сырыхъ продуктовъ съ общимъ оборотомъ въ 7.059.533 марокъ.

Таково это капиталистически основанное и состоящее подъ капиталистическимъ руководствомъ соединеніе крестьянъ, дѣлавшихъ когда-то революцію 1848 г.

Что касается Тирскаго крестьянаго союза, то мы особенно останавливаться на немъ не будемъ, такъ какъ, съ одной стороны, онъ является копіей вестфальскаго и рейнского союзовъ, съ другой же онъ развилъ далеко не полную дѣятельность, такъ какъ мѣстныя условія принуждали его въ особенности къ борбѣ противъ ростовщичества. Нѣкоторое своеобразіе придаетъ этому союзу то обстоятельство, что онъ основанъ въ мѣстности, которая почти исключительно живетъ скотоводствомъ и его продуктами. Паденіе цѣнъ на хлѣбъ, сопровождавшееся паденіемъ цѣнъ на скотъ, значительно понизило доходность рейнскихъ крестьянъ и бросило ихъ почти цѣликомъ въ руки ростовщиковъ-перекупщиковъ. Почти все количество скота, откармливаемаго крестьянами, принадлежитъ не имъ, а поставляется скототорговцами, которые не только умѣютъ за счетъ крестьянина выкормить свою скотину, но и, въ концѣ концовъ, лишаютъ его даже той ничтожной части заработка, которая ему причитается при продажѣ откармленныхъ животныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ контракты, заключаемые перекупщиками съ крестьянами, были такого рода, что въ случаѣ малѣйшей непокорности крестьянъ они положительно разброялись при помоши судебнаго процесса. И это указывалось, между прочимъ, въ резолюціи, принятой на собраніи трирскихъ крестьянъ въ 1884 г. передъ основаніемъ союза: «Крестьяне трирской мѣстности особенно нуждаются въ помоши противъ ростовщичества. Въ мѣстности, въ которой живутъ основатели рейнского крестьянскаго союза, это бѣдствіе не существуетъ въ такихъ размѣрахъ и съ такимъ угрожающимъ характеромъ, какъ въ трирской землѣ». Далѣе упоминались въ резолюціи особая климатическая условія трирской области и отдаленность ея отъ центра рейнского союза, и этимъ оправдывалась необходимость учрежденія самостоятельного союза, специально для трирской области. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же была указана двоякая цѣль трирскаго союза. Съ одной стороны, образованіе учрежденій дешеваго и доступнаго кредита, съ другой—юридической помоши для веденія безчисленныхъ процессовъ противъ ростовщиковъ, скотопромышленниковъ и торговцевъ скотомъ.

Уже начальная стадия развития трирского ферейна показывает, какъ энергично взялся союзъ за достиженіе вышеуказанныхъ цѣлей. Только за первые 3 года своего существованія союзу пришлось вести не менѣе 400 процессовъ противъ ростовщиковъ при наличии въ то время не многимъ болѣе 10.000 членовъ. Основаніе сельско-хозяйственного банка въ 1885 г. должно было привести крестьянамъ финансовую помощь, и уже въ 1888 г. этотъ банкъ обладалъ капиталомъ въ 12.000 марокъ. Къ операциямъ этого банка принадлежали не только покупка скота и продажа его въ разсрочку на весьма удобныхъ началахъ крестьянамъ, но и приобрѣтеніе просроченныхъ закладныхъ на крестьянскія усадьбы, съ цѣлью возвращенія ихъ владельцамъ. Въ одномъ 1887 г. было приобрѣтено банкомъ проданныхъ съ публичного торга усадебъ на 193.078 марокъ. Застрахованіе скота было однимъ изъ главныхъ дѣлъ трирского союза, и въ 1885 г. было уже учреждено соотвѣтственное товарищество.

На подобіе вышеуказанныхъ союзовъ на Рейнѣ мы встрѣчаемъ еще союзъ гессенскій, учрежденный въ 1883 г. по иниціативѣ мѣстныхъ помѣщиковъ, высшихъ чиновниковъ, католического и евангелическаго духовенства прирейнскаго Гессена. Здѣсь мы не встрѣчаемъ никакихъ особенностей сравнительно съ указанными уже нами союзами. То же самое мы можемъ сказать и относительно нассаускаго (Нассау-Гессенскаго) крестьянскаго союза, основаннаго въ 1881 г. и имѣвшаго въ 1888 г. болѣе 3000 членовъ. Въ нассаускомъ союзѣ преобладаютъ мелкие винодѣлы, и въ виду этого его дѣятельность, главнымъ образомъ, обращена на образованіе товариществъ, какъ для страхованія виноградниковъ, такъ и для обеспеченія сбыта выработаннымъ продуктамъ. Что касается сельско-хозяйственныхъ произведеній, то союзъ не только установилъ непосредственные связи съ военнымъ интенданствомъ, но и установилъ у себя машины для чистки зерна. Мы не будемъ говорить объ остальныхъ учрежденіяхъ союза, подобныхъ вышеуказаннымъ, отмѣтимъ только, что лишь въ февралѣ мѣсяца 1906 г. была образована центральная сельско-хозяйственная касса товарищества союза. По десятое июля ея оборотъ равнялся круглымъ счетомъ 339.000 марокъ; изъ нихъ было получено прибыли 6.603 пр. На почвѣ христіанскихъ союзовъ крестьянъ были, далѣе, организованы союзы Эйхсфельдскій, Эрмлендскій, Эльзасъ-Лотарингскій и Силезскій. Изъ этихъ союзовъ уставъ Эльзасъ-Лотарингскаго положительно поражаетъ чрезвычайнымъ расширенiemъ своей «нравственнай» части, при чмъ здѣсь къ крестьянскимъ добродѣтелямъ еще присоединяется «попеченіе о развитіи семейнаго духа». Изъ этихъ союзовъ остановимся нѣсколько ближе на Силезскомъ и на Эрмлендскомъ, такъ какъ они лежать уже въ иной части Германіи, при чмъ послѣдній находится даже «на востокѣ отъ Эльбы».

Силезскій союзъ основанъ въ 1881 г. въ верхней Силезіи при

наличности 3700 членовъ. Къ 1887 г. ферейнъ насчитывалъ уже 8500 членовъ. Статутъ ферейна въ общемъ заимствованъ у вестфальского и рейнского статутовъ. Въ моихъ рукахъ изданіе статута отъ 15 октября 1905 г. Органъ союза—ежемѣсячный журналъ подъ заглавиемъ «Ежемѣсячникъ Силезскаго крестьянскаго союза» выходитъ на двухъ языкахъ, по-німѣцки и по-польски, и его дополняетъ еженедѣльникъ подъ названіемъ «Schlesischer Bauer». Изъ отчета за 1904 г. отмѣтимъ слѣдующія данныя: на службѣ союза состоять 1 странствующій учитель, въ машинномъ отдѣлѣ инженеръ, въ молочномъ—инструкторъ, кромѣ служащихъ въ центральныхъ учрежденіяхъ. Доходы союза въ 1904 г. простирались до 26.823,42 марки, расходы до 25.769,86 марки. Число мѣстныхъ группъ возрасло съ 414 на 436, число членовъ достигло до 20 тысячъ человѣкъ. Число товариществъ, присоединенныхъ къ союзу, достигаетъ 350; изъ нихъ 252 ссудо-сберегательныхъ кассъ, 9 молочныхъ товариществъ, 79 товариществъ для покупки и продажи, 7 товариществъ для молотьбы и одно огородническое. Оборотъ въ кассахъ достигъ 40 миллионовъ марокъ, а въ центральной кассѣ 72 миллиона. Центральное товарищество покупки и продажи имѣло оборотъ въ 3 миллиона марокъ. Оборотъ товаровъ на складахъ достигъ цѣнности въ 1 миллионъ марокъ. Учрежденій въ 1904 г., новый отдѣлъ продажи хлѣба въ томъ же году посредничать при продажѣ 20.000 центнеровъ хлѣба стоимостью въ 175.000 марокъ. Машинный отдѣлъ доставилъ членамъ за тотъ же годъ машинъ на 160.000 марокъ. Учрежденій въ 1904 г., молочный отдѣлъ открылъ 4 молочныхъ заведенія; черезъ нихъ прошло въ томъ же году 1.185.000 литровъ молока. Центральное бюро по продажѣ масла въ первые же мѣсяцы своего учрежденія продало 6000 ф. масла. Строительное бюро союза содѣйствовало постройкѣ зданій цѣною въ 153.000 марокъ. Агрономическое отдѣленіе помимо совѣтовъ устроило 18 лекцій при помощи ученаго агронома. При союзѣ учрежденъ особый союзъ землевладѣльцевъ-свеклодѣловъ.

При союзѣ дѣйствовалъ, далѣе, юридический отдѣлъ, давшій 268 совѣтовъ за годъ, и особый третейскій судъ. Страхованіе отъ огня было организовано по соглашенію съ провинціальнымъ товариществомъ, страхование отъ градобитія—съ сѣверно-німѣцкимъ обществомъ (застраховано было въ 1904 г. 1388 членовъ на 9 милл. марокъ). Страхованіе отъ несчастій—съ обществомъ въ Штутгартѣ; кромѣ того, на началахъ взаимопомощи организовано страхование свиней отъ трихины и страхованіе скота.

Эрмлендскій союзъ образовался изъ бывшаго восточно и западно-пруссаго союза. Статутъ его образованъ по образцу Вестфальскаго. Послѣ долгихъ колебаній Эрмлендскій союзъ объединилъ мелкихъ крестьянъ только одного округа, отъ котораго онъ и получилъ свое название. Сдавленный со всѣхъ сторонъ крупными

владѣніями, онъ въ настоящее время охватываетъ 6700 членовъ и въ лучшемъ случаѣ можетъ дойти тысячу до девяти. Доходы такъ же, какъ расходы союза, достигаютъ 9000 мр. Въ союзѣ хозяйственныхъ товариществъ Эрмланда находится 69 ссудо-сберегательныхъ кассъ, одно главное товарищество для продажи и покупки съ отдѣленіями и центральная касса союза.

Нѣсколько инымъ характеромъ, чѣмъ всѣ эти организаціи, отличается Баденскій крестьянскій союзъ, который, несмотря на свои «христіанскія» основы и проникнутый добродѣтелями статутъ, тѣмъ не менѣе съ самаго начала сталъ проводить демократическіе принципы и встрѣтилъ въ силу того серьезную оппозицію со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ мѣстности. Баденскій союзъ основанъ въ видѣ «средне-баденскаго» въ 1885 г. Съ самаго начала онъ объединилъ вокругъ себя мелкихъ крестьянъ, занимавшихся, преимущественно, техническими отраслями сельского хозяйства. Въ 1888 г. этотъ союзъ считалъ около 4000 членовъ, а по отчету за 1905 г. онъ обнимаетъ собой 56.951 членовъ. Къ 17 января 1906 г. число членовъ достигло 57.000, а къ 1 марта 59.000. Въ составѣ союза находится 886 соединеній. Общий оборотъ центральной кассы былъ 4.072.973,87 марокъ; въ кассѣ союза—404.205,6 марокъ, и въ кассѣ по полученню и продажѣ товаровъ—3.668.768,27 марокъ. Имущество союза оцѣнивается въ 102.821 мр., оборотный капиталъ—181.094,86 мр. Отдѣленіе машинъ посредничало въ покупкѣ 170 машинъ, цѣною въ 56.983,76 мр. Оборотъ кредитныхъ союзовъ охватываетъ собою миллионъ съ четвертью марокъ.

Наконецъ, совершенно особое мѣсто среди крестьянскихъ союзовъ занимаетъ Баварскій крестьянскій союзъ, преслѣдующій въ отличіе отъ всѣхъ вышеуказанныхъ, главнымъ образомъ, политическая цѣли и ведущій борьбу противъ гегемоніи католического центра въ Баваріи. Въ своей аграрной программѣ онъ стремится къ передачѣ въ руки государства всего хлѣбного ввоза, къ устраниенію земельныхъ налоговъ, поскольку они вызваны превращеніемъ натуральныхъ повинностей въ денежныя въ 1848 г.; наконецъ, къ выкупу заложенныхъ крестьянскихъ имуществъ за счетъ государства. Националъ-либералы не склонятся въ сильныхъ выраженіяхъ по адресу Баварскаго союза и прямо приравниваютъ его стремленія къ революціоннымъ требованіямъ возставшихъ «лаптей» XIV вѣка. Въ политическомъ отношеніи борьба союза идетъ очень успѣшно, и въ 1903 г. ему удалость провести въ рейхстагъ своихъ 3 депутатовъ. Однако, заслуживаетъ вниманія и хозяйственная дѣятельность союза, отчетъ центрального комитета коего за 1905 г. лежитъ передъ нами. Какъ видно изъ него, у союза было 19 техниковъ специалистовъ, которые бесплатно снабжали членовъ своими совѣтами. Въ средѣ этихъ специалистовъ имѣются и особые эксперты для финансовыхъ, административныхъ и правовыхъ вопросовъ. За годъ было подано 943 совѣта въ самой подробной формѣ. Въ

особомъ отдѣлѣ союза было составлено и издано болѣе 25.000 экземпляровъ различныхъ брошюръ по экономическимъ и политическимъ вопросамъ. Было разослано также болѣе 75.000 агитационныхъ листковъ. Въ дѣлѣ страхованія союзъ съорганизовалъ взаимное общество и заключилъ договоры съ другими обществами. Учрежденное при союзѣ товарищество для продажи и покупки возрасло чрезвычайно, и въ 1905 г. дошло до оборота товаромъ въ 51.045.000 килограммовъ. Кассовый оборотъ достигъ 5.621.643,97 мар.

Таковы установления, которыя должны спасти нѣмецкое крестьянство отъ грядущей ему гибели подъ напоромъ нового капитализма... Не смотря на весь успѣхъ «христіанскихъ» союзовъ крестьянства, нельзя сразу же не видѣть, какъ ничтожны ихъ силы и какъ микроскопичны ихъ успѣхи по сравненію съ тѣмъ колоссальнымъ гнетомъ, который лежитъ па нѣмецкомъ мелкомъ землевладѣніи.

Важнѣе, однако, другое. Христіанскіе союзы проникнуты духомъ религіозной нетерпимости, въ нихъ чувствуется отрыжка старого антисемитизма, который такъ печально оттѣнилъ пламенемъ еврейскихъ погромовъ ясную зарю 1848 г. И если въ XVI вѣкѣ «лапотники» и «сырохлѣбники» подняли знамя прежде всего противъ поповъ, то какъ разъ именно этихъ самыхъ поповъ теперь встрѣчаемъ мы въ качествѣ главныхъ вдохновителей и духовныхъ руководителей крестьянскихъ союзовъ. Лицемѣрный іезуитскій центръ сумѣлъ овладѣть движениемъ средняго и частю мелкаго нѣмецкаго крестьянства и создалъ изъ его союзовъ не только экономическую силу, но и духовно-политический факторъ первого разряда.

Объединенное религіозной нетерпимостью и непосредственнымъ материальными интересомъ, союзное крестьянство пріобрѣтаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря своему постепенному обогащенію, характеръ привилегированнаго, коллективнаго хозяина, который въ свою очередь является полнымъ владыкою въ своей мѣстности и по отношенію къ сельскому батрачеству вступающъ во всѣ права крупнаго феодальнаго землевладѣльца.

Еще больше ухудшаетъ положеніе то обстоятельство, что «христіанскіе» союзы—за исключеніемъ Баденскаго—стѣ величайшей слѣпотою и рабской покорностью слѣдуютъ сами за крупными аграріями и представляютъ изъ себя тогъ «народъ», ту массу «сельскохозяйственныхъ производителей», то «здоровое нѣмецкое крестьянство», которое ежегодно изливаетъ свои чувства въ массѣ вѣрноподданическихъ телеграммъ на имя ихъ святѣйшествъ и величествъ, преосвященствъ и превосходительствъ, свѣтлостей и даже высокородій, которые благосклонно обдираютъ добраго Михеля и спереди и сзади. Гораздо хуже другое обстоятельство: когда Бюловъ и Подбѣльскій проводятъ хлѣбные пошлины, и вся страна кричитъ противъ нихъ, они идутъ къ крестьянскимъ союзамъ и тамъ получаютъ восторженную поддержку «600.000» организован-

ныхъ въ «христіанскіе» союзы нѣмецкихъ крестьянъ. Когда страна голодаеть подъ вліяніемъ искусственнаго мясного голода, и со всѣхъ сторонъ на правительство сыпятся обвиненія и запреки, Подольский и Гаммерштейнъ отправляются къ тѣмъ же союзамъ и у нихъ, этихъ «истинныхъ выразителей интересовъ крестьянской Германіи», получаютъ опять и одобрение, и благодарность, и восторги!

М. Рейснеръ-Реусъ.

П О Л И Т И К А.

Французскія церковныя дѣла. — Съездъ епископовъ въ Парижѣ. — Ихъ окружное посланіе. — Роль Ватикана. — Признаки схизмы. — Роль правительства. — Мнѣніе католическихъ нотаблей. — Русскія события и заграница, политики и биржевики. — Текущія события: персидская конституція; китайскія реформы; австрійская избирательная реформа; норвежские выборы; междуусобіе на Кубѣ и Соединенные Штаты; здоровье турецкаго султана.

I.

Кромѣ русскихъ дѣлъ, продолжающихъ удручать и ужасать весь цивилизованный міръ, самымъ крупнымъ историческимъ движениемъ современности являются французскія церковныя дѣла. Въ прошлой нашей бесѣдѣ мы привели всю отнынѣ знаменитую папскую энциклику *Gravissimo*, въ которой всѣмъ вѣрнымъ сыномъ католической церкви во Франціи воспрещалось самымъ категорическимъ образомъ всякое признаніе закона 11 декабря 1905 года обѣ отдѣленіи церкви отъ государства во Франціи и предписывалось ни въ коемъ случаѣ не образовывать вѣроисповѣдныхъ обществъ (*associations cultuelles*), предусматриваемыхъ этимъ закономъ. Въ теченіе года, т. е. до 11 декабря 1906 года, законъ сохраняетъ *status quo*, но къ этому сроку всѣ приходы и епархіи и вся французская церковь должны организоваться въ вѣроисповѣдныя общества и затѣмъ продолжать свое дальнѣйшее существованіе, развитіе и управление на основѣ статутовъ этихъ вѣроисповѣдныхъ обществъ. Государственный совѣтъ (*conseil d'état*), высшее апелляціонное и кассаціонное административное учрежденіе (въ родѣ нашего первого департамента сената), уполномоченъ следить, чтобы эти статуты не нарушили французскихъ законовъ и чтобы сами вѣроисповѣдныя общества возникали въ составѣ, соответствующемъ предписаніямъ закона. Всѣ протестантскія и ев-

рейскія общины во Франціи уже организовались въ вѣроисповѣдныя общества, а потому и ихъ имущество утверждено за ними неотъемлемо, такъ же, какъ и свобода публичнаго богослуженія. Католические приходы еще не организовались въ вѣроисповѣдныя общества, а потому и ихъ имущество принадлежитъ имъ временно до 11 декабря 1906 года (недвижимость до 11 декабря 1907 г.), когда они вмѣстѣ съ тѣмъ потеряютъ право публичнаго богослуженія и свободу священниковъ отъ воинской повинности.

Таковы тѣ испытанія, которыя Пій X счѣль необходимымъ возложить па французскую католическую церковь! Для чего? Чтобы подойти къ отвѣту на этотъ вопросъ, мы изложимъ жизнь французской церкви за истекшій мѣсяцъ, полную подавленнаго смятія.

Однако, сначала напомнимъ нѣкоторые факты изъ недавняго прошлаго. Издавна отношенія между католической церковью во Франціи и французскимъ правительствомъ регулировались конкордатомъ, т. е. договорами между римскою куріей и французскимъ правительствомъ. Конкордатъ гарантировалъ французской церкви положеніе государственной господствующей церкви, а французскому духовенству полное материальное обеспеченіе за счетъ государства. Съ другой стороны, тогдѣ же конкордатъ подчинялъ французское духовенство свѣтской власти, которая могла удалять епископовъ и патеровъ; могла лишать ихъ содержанія; могла ихъ штрафовать; имѣла право контроля надъ проповѣдями и всякими иными публичными актами духовенства; имѣла право контроля надъ епархіальными семинаріями, приготавляющими будущихъ патеровъ, и надъ всякими другими просвѣтительными и благотворительными учрежденіями, епархіальными и приходскими. Въ конкордатѣ была еще третья сторона, прежде, быть можетъ, самая важная, но съ теченіемъ времени потерявшая всякое значеніе. Мы говоримъ о такъ называемомъ «галликанизмѣ», или автономіи французской (галльской) церкви по отношенію къ римской куріи. Эта автономія, какъ ее установилъ конкордатъ еще при Людовикѣ XIV, гарантировала французской націи самобытное французское развитіе церковныхъ дѣлъ, сообразное и нравамъ, и чувствамъ, и возврѣніямъ французского народа. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ 1870 г., ватиканскій соборъ провозгласилъ догматъ папской непогрѣшимости и этотъ новый догматъ былъ покорно признанъ французскою церковью, галликанизмъ пересталъ существовать. Что бы ни было написано въ конкордатѣ, духовенство Франціи обязано безприкосновеннымъ послушаніемъ непогрѣшимому папѣ. Ни автономіи, ни національнаго духовнаго развитія, ни соотвѣтствія съ настроеніями народа, но неуклонное исполненіе инструкцій римской куріи,—вотъ къ чему постепенно свелась жизнь французской церкви. Умбрѣнная политика предшественника нынѣшнаго папы, Льва XIII, отсрочила катастрофу. По воцареніи Пія X, ультрамонтанское на-

правлениѣ, господствовавшее на ватиканскомъ соборѣ 1870 года, снова возобладало, и конфликтъ сталъ вопросомъ времени.

На ряду съ этою эволюціею всемірнаго католицизма, совершающейся и въ самой Франціи церковная эволюція, все болѣе сливавшая французское духовенство съ французскими роялистами, съ непримиримыми врагами существующаго государственного строя. Опасность этой эволюціи для церкви предвидѣлъ Левъ XIII и охотно поощрялъ возникновеніе и развитіе республиканскаго католического движения.

Новая курія, воцарившаяся вмѣстѣ съ Піемъ X, не одобрила этого нововведенія. Не одобряла она и терпимости со стороны французского духовенства по отношенію къ республиканскому правительству. Уклонявшихся отъ акта нетерпимости порицали изъ Рима. Было нѣсколько случаевъ смѣщенія духовныхъ лицъ за примирительное отношеніе къ свѣтскимъ властямъ. По существу, это было самымъ дерзкимъ нарушеніемъ конкордата, категорически воспрещающаго римской куріи вмѣшательство въ дѣла управлениія французской церкви и предоставляющаго назначеніе и удаленіе духовныхъ лицъ исключительно французскимъ же прелатамъ (удаленіе въ извѣстныхъ случаяхъ и правительству). Однако, съ іезуитизмомъ, нынѣ господствующемъ въ совѣтахъ Ватикана, римская курія не находила никакого нарушенія конкордата, потому что не было папскихъ декретовъ о назначеніяхъ и смѣщеніяхъ, формально объявляемыхъ подлежащими французскими прелатами, или безъ всякихъ декретовъ, покорно исполняемыхъ смѣщамыми.

Такое положеніе было нетерпимо, и французское правительство прервало дипломатическія сношенія съ Ватиканомъ, послѣ чего нарушенный куріей конкордатъ былъ объявленъ потерявшимъ силу, и приступлено къ разрѣшенію вопроса объ отдѣленіи церкви отъ государства. 11 декабря 1905 года это отдѣленіе стало закономъ. Оно должно стать совершившимся фактомъ не позже 11 декабря настоящаго года.

Таковы исторические факты, приведши къ настоящему историческому положенію.

II.

Законъ о раздѣленіи церкви и государства обнародованъ въ декабрѣ 1905 года. Онъ обсуждался въ теченіе года съ слишкомъ. Къ нему всеѣ были готовы. Французское духовенство его не желало. Въ Римѣ видѣли въ немъ новое оскорблениѣ, прибавленное къ обидѣ дипломатического разрыва и стыдѣ конкордата... Протесты противъ нового закона были вполнѣ естественны. Ихъ ожидали и ихъ увидѣли. Въ февралѣ 1906 года Пій X обнародовалъ

дициклину «Vehementer», въ которой рѣзко осуждалъ законъ о раздѣлѣніи церкви и государства, осуждалъ его принципъ и способъ его проведенія (безъ переговоровъ съ главою церкви), но при этомъ не было никакого указанія на практическую программу, на позиціи, которая должна занять французская церковь по отношенію къ новому закону. Чтобы выяснить эти вопросы, происходили въ Римѣ и во Франціи многочисленныя совѣщенія. Непримиримыя много шумѣли, но общее мнѣніе склонялось къ тому, что все обойдется мирно и что шумъ объясняется не столько церковными дѣлами, сколько парламентскими выборами. Выборы кончились, клерикалы потерпѣли рѣшительное пораженіе, и оставалось только подчиниться закону, хотя бы и очень непріятному. *Dura lex sed lex*, — это всѣ прелаты и аббаты учили еще въ школѣ. Выборы этотъ законъ санкционировали въ половинѣ мая и французское духовенство было приглашено папою собраться на конгрессъ для обсужденія положенія дѣла. Почему не собрано было оно въ мартѣ послѣ энциклики «Vehementer?» Очевидно, и въ Римѣ, и въ непримиримыхъ клерикальныхъ кругахъ Франціи питали иллюзіи насчетъ исхода выборовъ, а слѣдовательно, и насчетъ возможной отмены закона 11 декабря 1905 года. Майскіе выборы разсѣяли эти иллюзіи. Надо приспособляться къ новымъ условіямъ, и кардиналы, архіепископы и епископы Франціи съѣхались въ Парижъ на совѣщенія, которая происходили 30 и 31 мая и 1 июня этого года. Изъ Ватикана было предписано хранить совѣщенія въ тайнѣ, но постепенно ихъ предметъ сталъ извѣстенъ, и теперь уже имѣются подробные отчеты засѣданій конгресса прелатовъ (тщательно римскою куріею избѣгалось называть эти совѣщенія «соборомъ», concile).

Засѣданія происходили въ парижскомъ архіепископствѣ. Утромъ 30 (17) мая въ 10 часовъ утра прелаты собирались въ капеллѣ для богослуженія, откуда они перешли въ большую залу архіепископскаго дворца, предназначенную для засѣданій конгресса. Мѣсто каждому прелату было заранѣе назначено. Передъ каждымъ пастолѣ находились: запечатанный пакетъ съ программою совѣщеній, билеты съ оттиснутою на машинѣ надписью «да» на однихъ и «нѣтъ» на другихъ, текстъ закона 11 декабря 1905 года и нѣсколько брошюръ, въ томъ числѣ изъ болѣе важныхъ, проектъ архіепископа безансонскаго Фюльбера-Пти устава вѣроисповѣдныхъ обществъ, секретный докладъ архіепископа руанскаго Фюзе и брошюра маркиза де-Борегара о «лентѣ».

Только теперь прелаты ознакомились съ программою ихъ совѣщеній, потому что, до этого она, по предписанію изъ Рима, составляла строгую тайну. Программа заключалась въ слѣдующемъ: 1) Отвѣтъ на энциклику (февральскую), обращенную его святѣштвомъ къ епископамъ, духовенству и народу Франціи; 2) вопросъ о вѣроисповѣдныхъ обществахъ. Оставляя окончательное

рѣшеніе святыму престолу, прелаты должны разсмотретьъ, возможно ли образованіе вѣроисповѣдныхъ обществъ при условіи сохраненія существенныхъ правъ церкви и церковной іерархіи. Въ случаѣ утвердительного отвѣта, разрѣшить вопросы: отъ образованія этихъ обществъ можетъ ли церковь ожидать практическихъ выгодъ; и на основѣ какихъ правилъ и съ какими предосторожностями могутъ быть образуемы сказанныя общества? Въ случаѣ же отрицательного отвѣта: какія слѣдуетъ принять мѣры для блага французской церкви?

Къ этой обязательной программѣ разрѣшалось присоединить, по желанію, еще вопросы: объ администраціи культа, о пенсіяхъ священнослужителей и о средстахъ, коими можно обеспечить содержаніе духовенства.

Засѣданіе открылось чтеніемъ письма Мери-дель Валя, государственного секретаря Пія X. Письмо предписывало безусловную тайну совѣщаній, угрожало взысканіями за нарушеніе этой тайны и устанавливало порядокъ голосованія. Длинная рѣчь парижского архіепископа кардинала Ришара была дифирамбомъ Пію X. Адресъ папѣ былъ изготовленъ кардиналомъ Леко, архіепископомъ бордосскимъ. Принять адресъ единогласно. Онъ заключалъ присоединеніе прелатовъ Франціи къ энциклику «Vehementer» (февр.), благодарность папѣ, обѣщаніе повиновенія и просьбу благословенія. Это обычная фразеология, которая уже никого не обманываетъ, кроме развѣ самихъ получателей подобныхъ адресовъ, и то изъ менѣе умныхъ. Эти формальности заняли все первое засѣданіе (утреннее) 30 мая. На вечернемъ началось обсужденіе вопроса о вѣроисповѣдныхъ обществахъ. Разномысліе оказалось очень существенное, и дебаты были оживленные, но никакого рѣшенія не было принято. Интересъ всего епископскаго совѣщанія сосредоточился на засѣданіяхъ 31 (18) мая.

Приводимъ по краткому отчету въ «Le Temps» существенную часть этихъ историческихъ засѣданій.

На второй день совѣщанія, 31 мая, засѣданіе открылось чтеніемъ телеграммы Мери-дель-Валя въ отвѣтъ на адресъ епископовъ 30 мая. Затѣмъ архіепископъ Альбійскій получилъ слово по существу вопроса. Главною задачею его рѣчи было доказать, что очень легко согласовать при организаціи вѣроисповѣдныхъ обществъ требованія закона и предписанія католической дисциплины. Надо только, чтобы статуты ясно формулировали обязанность всякаго члена общества подчиняться власти папы и епископа, признаваемаго папою. Архіепископъ—викарій Парижа—Аметъ произнесъ рѣчь въ томъ же духѣ.

Архіепископъ Безенсона—Пти, въ качествѣ главнаго автора проекта статутовъ католическихъ вѣроисповѣдныхъ обществъ, произнесъ рѣчь въ защиту этого проекта. Онъ ясно показалъ необходимость образованія вѣроисповѣдныхъ обществъ и привель при-

мѣры, какъ мнѣніе многихъ авторитетныхъ католиковъ, сначала враждебное вѣроисповѣднымъ обществамъ, теперь склоняется въ ихъ пользу.

Были прочтены проектируемые статуты. На ихъ критику отвѣчалъ Пти и безъ труда устранилъ доводы противниковъ. Онъ указывалъ, между прочимъ, что эти общества будутъ называться не вѣроисповѣдными (*cultuelles*), но почетительными (*fabriciennes*), что они составятся изъ членовъ бывшихъ приходскихъ попечительствъ въ числѣ пятнадцати до двадцати пяти, смотря по численности населенія религиозной общины, и что, слѣдовательно, это будетъ система, аналогичная предположенной законодателями, но не та самая.

Голосованіе, заключившее собою это обсужденіе, происходило въ вечернемъ засѣданіи того же дня. Среди торжественнаго и напряженного молчанія, было провозглашенъ результатъ: изъ 74 прелатовъ, составлявшихъ присутствіе, 48 дали утвердительный отвѣтъ и 26 отрицательный. Такимъ образомъ, большинствомъ 22 голосовъ прелаты Франціи объявили организацію вѣроисповѣдныхъ обществъ не только «возможной при условіи сохраненія существенныхъ правъ церкви и церковной іерархіи», но и желательною въ виду того, что отъ этой организаціи «церковь можетъ ожидать практическихъ выгодъ». Такъ были формулированы вопросы, на которые призваны были отвѣтить и отвѣтили прелаты Франціи приведеннымъ голосованіемъ 31 (18) мая.

Послѣ этого голосованія нѣкоторое время продолжалось обсужденіе третьяго и послѣднаго вопроса, поставленнаго съѣзду: «на основѣ какихъ правилъ и съ какими предосторожностями могутъ быть образуемы сказанныя общества». Проектъ архіепископа Бенсонсона предлагалъ отвѣтъ. Этотъ проектъ былъ одобренъ единогласно.

Единогласно же постановили прелаты, что они вторично соберутся, какъ только получатся инструкціи отъ папы, чтобы сообща установить практическія мѣропріятія въ интересахъ религіи. Покамѣстъ же надо поспѣшить организовать въ каждой епархіи «ленту церковную» (*denier du culte*), предложенную маркизомъ де-Берегаромъ. Этотъ же вопросъ занималъ прелатовъ и въ засѣданіи 1 юна (19 мая). Въ заключеніе они рѣшили, по предложению Латти, епископа шалонскаго, составить постоянную комиссию, которая собиралась бы кардиналами по мѣрѣ надобности, а въ частности, послѣ полученія отвѣта папы для подготовленія новаго общаго собранія прелатовъ.

Таковы были мнѣнія французскихъ прелатовъ. Извѣстіе, что епископы значительнымъ большинствомъ высказались за вѣроисповѣдныя общества, было принято въ Ватиканѣ съ крайнимъ неудовольствіемъ. Самъ Пії, не стѣснявшійся всячески вліять въ пользу непримиримаго сопротивленія закону, гнѣвно воскликнулъ:

«Они голосовали противъ меня..., они голосовали, какъ французы!» И онъ прибавилъ, что вовсѣ не намѣренъ считаться съ ихъ мнѣніями. «Непогрѣшимый» Пії, какъ известно, именно и поступалъ, сообразно этому заявлению. Какъ вполнѣ непогрѣшимый, онъ даже передѣлалъ голосование прелатовъ Франціи и заявилъ, что, защищая организацію вѣроисповѣдныхъ обществъ, онъ только утверждаетъ «своей апостольской властью почти единогласно принятое мнѣніе» въ собраніи французскихъ прелатовъ. Эту вторую (июльскую) энциклику, получившую по обычаю название Gravissimo по первому слову ея текста, мы привели цѣликомъ въ прошломъ обозрѣніи (въ августовской книжкѣ «Русскаго Богатства»).

Энциклика Gravissimo предписала категорическое непризнаніе закона 11 дек., запретила образованіе вѣроисповѣдныхъ обществъ и всякихъ другихъ обществъ, которыхъ были бы одновременно каноническими и законными, и возложила на епископатъ Франціи выработать планъ обеспеченія французской церкви правильного функционированія. Это предписаніе столь противорѣчить указанной задачѣ, что съ первого взгляда непонятно, какъ можно было ихъ помѣстить въ одномъ документѣ, дѣлая ихъ одинаково обязательными и непреложными. Однако, и тутъ можно найти объясненіе и даже многія объясненія.

Прежде всего, такъ называемые «вѣрные католики» Франціи изъ мірянъ состоять въ значительной степени изъ роялистовъ и бонапартистовъ, которые все еще мечтаютъ низвергнуть республику и для которыхъ острое столкновеніе церкви и государства представляется шансомъ привлечь на свою сторону болѣе или менѣе значительную часть католического населенія. По большей части, это знатные, богатые и образованные люди, всячески вліявши въ Ватиканѣ въ пользу непримиримости. Люди вліятельные въ клирикальныхъ кругахъ, они много сподобствовали рѣшенію, принятому Піемъ.

Второй могущественный элементъ, дѣйствовавшій въ томъ же направленіи, это все французское монашество, недавно поголовно изгнанное изъ Франціи. Съ огромною трудностієй, съ тонкимъ знаніемъ французскихъ дѣлъ, но съ еще болѣе страстнымъ желаніемъ подготовить свое возвращеніе во Францію, изгнанные монахи, окружающіе папу и пользующіеся огромнымъ авторитетомъ, единодушно дѣйствовали въ пользу разрыва и непримиримой борьбы съ свѣтскою властью Франціи. Вмѣстѣ съ французскими герцогами, маркизами и графами, эти черные прелаты добивались и добились энциклики Gravissimo, послѣдствіемъ которой можетъ быть нарушение религіознаго мира во Франціи, а далѣе? Далѣе одни мечтаютъ о монархіи; другіе о побѣдномъ возвращеніи, но отнюдь не объ интересахъ французской церкви или католической религіи. Дѣйствительные интересы церкви и религіи защищали прелаты Франціи, но не заслужили одобренія римской куріи.

Надо помнить еще, что Сарто, превратившийся затѣмъ въ не-погрѣшного Пія, не получилъ сколько-нибудь удовлетворитель-наго образованія. Онъ не знаетъ французскаго языка, ни фран-цузской исторіи, ни литературы, ни национального характера. Вполнѣ неосвѣдомленный, онъ тѣмъ легче поддается вліянію фран-цузской знати и французскихъ монаховъ. Деспотической по на-турѣ и злопамятной, онъ возмущенъ самостоятельнымъ мнѣніемъ французскихъ прелатовъ и съ радостью приготовляется затрудненія французскому правительству, противъ котораго онъ затаилъ мсти-тельное чувство за дипломатической разрывъ и за отмѣну кон-кордата.

И папа не очень думаетъ обѣ интересахъ церкви и католиче-ской религіи во Франції!

Наконецъ, за спину этого мелкаго и слабаго пониманіемъ, хотя деспотического и упрямаго человѣка, стоять шефы ультра-монтанства, этого ученія, не потерявшаго надежды весь міръ обратить въ католичество, а всѣхъ католиковъ—въ послушное стадо, направляемое и управляемое католическою іерархией. Повернуть всемирную исторію — такова химера этихъ умныхъ, искусныхъ и ученыхъ фанатиковъ. Для нихъ конфликтъ съ свѣтскою властью свободомыслящей Франціи всегда желателенъ. Несомнѣнно, прелаты ультрамонтанского направлениія были тоже совѣтниками не-терпимости и борьбы.

Во французской печати указывалось еще на одно вліяніе. Из-вѣстно, что Сарто былъ выбранъ папою, благодаря вліянію трой-ственного союза, къ которому сохраняетъ неизмѣнную благосклон-ность, нерѣдко преклоняя свой слухъ совѣтамъ изъ Вѣны и Бер-лина. Извѣстно также, что Вѣна и Берлинъ съ неудовольствіемъ смотрятъ на давно установившійся фактъ, что Франція принадле-житъ протекторатъ надъ всѣми католиками Востока. Добрая ссора между Франціей и Ватиканомъ, конечно, прекратила бы этотъ про-текторатъ. Поэтому предполагаютъ, что изъ Вѣны и Берлина со-вѣты едва ли были примирительные.

Мелкая мстительность Пія X, французские роялисты, изгнан-ные монахи, фанатики, ультрамонтаны, завидущая политика трой-ственного союза,—все соединилось, чтобы привести къ эпіциклиѣ Gravissimo съ ся нетерпимостью и съ ся неразрѣшимыми задачами. Однако надо разрѣшить...

III.

Второй конгрессъ французскихъ прелатовъ былъ призванъ дать это рѣшеніе, это согласованіе несогласимаго. Собрание прелатовъ состоялось въ Парижѣ 4—6 сентября (22—24 августа). Сначала предполагалось сдѣлать засѣданія гласными и сообщать пе-

чати отчеты о совѣщаніяхъ, но изъ Рима пришло категорическое и строгое запрещеніе. Прелаты снова замкнулись въ строжайшемъ молчаніи.

Первое засѣданіе (80 прелатовъ) было очень короткое. Моленіе и адресъ папы съ выражениемъ полной покорности. Второе засѣданіе (того же 4 сентября) открылось рѣчью кардинала Ришара, архіепископа парижскаго, въ которой ораторъ предлагаетъ прелатамъ обязаться хранить строгую тайну совѣщаній. Напоминая некоторые факты оглашенія дебатовъ собранія, Ришарь полагаетъ, что никто не долженъ никому сообщать никакихъ фактovъ, ни документовъ, кромѣ тѣхъ, которые собраніе найдетъ возможнымъ огласить.

На эту рѣчу отвѣчалъ Фюзѣ, архіепископъ руанскій. Признавая добрыя намѣренія почтеннаго кардинала, онъ полагаетъ, что собраніе не въ правѣ постановлять по этому вопросу какія-либо решенія. Кромѣ папы, только совѣсть каждого прелата можетъ быть судьею его поступковъ. Ришарь заявляетъ, что онъ не желалъ сказать ничего обиднаго, и тѣмъ эта попытка еще болѣе связать языки членовъ собранія и кончилась.

Затѣмъ собраніе переходитъ къ обсужденію главного вопроса объ обезпеченіи безпрепятственного существованія церкви, духовенства, богослуженія.

Лекамю, епископъ Ла-Рошели, излагаетъ собранію планъ, имъ лично уже осуществленный въ епархіи. Никто не допускается къ таинствамъ, если не внесеть суммы, опредѣленной епископомъ сообразно достоянію каждого. Эти взносы поступаютъ въ епархиальную кассу и епископомъ распредѣляются между приходами и учрежденіями. Такъ какъ при этомъ нѣтъ никакихъ обществъ, союзовъ, собраній и т. п., то правительство не будетъ имѣть никакого права вмѣшиваться въ это дѣло. Бовэ, епископъ Дуз, выказываетъ за планъ Лекамю. Онъ самъ примѣнилъ аналогичную систему у себя въ епархіи и получилъ наилучшіе результаты.

Возражаетъ епископамъ Ларошели и Дуз архіепископъ Безансона, Фюльберъ-Пти. Система эта является какъ бы возвращеніемъ къ церковной десятинѣ (dime), учрежденію, очень непопулярному во Франціи. Если въ началѣ дѣло и пошло бы на ладъ, то это было бы непрочно и не долговѣчно. Чтобы быть живучими, учрежденія должны быть законны. Даѣже Фюльберъ-Пти предлагаетъ возвратиться къ проекту вѣроисповѣдныхъ и каноническихъ обществъ, принятому 31 мая, но войти въ переговоры съ правительствомъ, не согласится ли оно на нѣкоторыя поправки въ законѣ, которыя устранили препятствія.

Епископъ Орлеанскій Тушѣ говоритъ, что, несмотря на серьезное недомоганіе, онъ счелъ необходимымъ присутствовать на засѣданіи, чтобы поддержать предложеніе Фюльбера-Пти, потому что безъ соглашенія съ свѣтскою властью невозможно сохранить религіоз-

ный миръ во Франціи. Затѣмъ епископъ Орлеанскій выражаетъ увѣренностьъ, что папа, какъ глава церкви, простить перенесенные обиды, лишь бы обеспечить благоустройство французской церкви. Съ другой стороны, онъ не видитъ основанія считать правительство нетерпимымъ. Поэтому онъ полагаетъ, что надо вступить въ переговоры. Не невозможно, что эти переговоры приведутъ къ возобновленію сношеній французского правительства и Ватикана.

Рѣчи Фюльберть-Пти и Тушэ вызвали горячіе протесты. Дебаты были страстные. Рѣшеніе отложено до одного изъ слѣдующихъ засѣданій.

О засѣданіяхъ 5 сентября стало извѣстно только, что иренія продолжались и никакого опредѣленнаго рѣшенія принято не было. Ожидалась телеграмма изъ Рима. Вечеромъ эта телеграмма была получена. Въ двѣнадцати строчкахъ она дважды костатировала покорность прелатовъ и посыпала благословеніе. Затѣмъ состоялось четыре засѣданія, о которыхъ въ печать не пропустило никакихъ свѣдѣній. Нѣкоторые епископы частнымъ образомъ видѣлись съ нѣкоторыми министрами. Прелаты разѣхались, не повѣдавъ своихъ рѣшеній. Они отосланы въ Римъ. Слово за Ватиканомъ.

Это слово, вѣроятно, уже произнесено, но не гласно. Окружное посланіе французскихъ епископовъ къ паству наводить на это предположеніе. Больѣе непримиримаго и нетерпимаго документа трудно было бы составить. Тутъ есть все, и протесты, и обвиненія, и угрозы, и жалобы, но и тутъ нѣтъ программы. Очевидно, ее нельзя и придумать... Переговоры съ правительствомъ? Если не покорность закону, то только переговоры могли бы еще уладить дѣло. Собрание не начало само переговоры и никому не поручило. Значить, или оно само отвергло предложеніе епископовъ Безансонскаго и Орлеанскаго, или не получило на то разрѣшенія изъ Рима. Не хотѣть ли самъ Римъ вести переговоры? Но это и труднѣе, и медленнѣе, особенно при указанныхъ выше вліяніяхъ... Да и правительство французское, вѣроятно, было бы снисходительнѣе и внимательнѣе, вступая въ соглашеніе съ своими прелатами, чѣмъ съ ему враждебнымъ и іезуитски вѣроломнымъ Святымъ Престоломъ непогрѣшимаго Пія. Сочтетъ ли оно даже возможными такие переговоры?

Что же думаетъ дѣлать французское правительство?

IV.

Статьи закона 11 дек. 1905 года, касающіяся вѣроисповѣдныхъ обществъ, включены въ этотъ документъ съ цѣлью дать возможность церкви спокойно и беззмятежно перейти отъ одного положенія въ совершенно другое. Въ настоящее время все имущество, движимое и недвижимое, которымъ пользуются церковь для своихъ

надобностей, является собственностью государства, частью считается собственностью городских и сельских обществ. Завещиваются этим имуществом, въ хозяйственномъ отношеніи, попечительства, приходская и епархиальная (fabriques), подъ общимъ руководствомъ патеровъ и епископовъ. Эти попечительства продолжаютъ еще функционировать, но 11 дек. этого года они прекратятъ свое существование, при чмъ движимое имущество (огромные капиталы, приносящие 18 миллионовъ годового дохода) должно быть немедленно (т. е. 11 дек.) сдано или въроиспovѣднымъ обществамъ, или, если этихъ обществъ не будетъ, государству, городамъ и селамъ, по принадлежности, а недвижимое останется въ пользованіи духовенства еще одинъ годъ. Въ случаѣ же образования въроиспovѣдныхъ обществъ, законъ уполномочиваетъ передать немедленно все движимое и недвижимое имущество въ ихъ полную неотъемлемую собственность. Отказываясь отъ организаціи въроиспovѣдныхъ обществъ, церковь какъ бы предлагаетъ правительству конфисковать церковныя имущества. И для правительства прежде всего ставится вопросъ: какъ быть въ этомъ случаѣ? Постановленія закона совершенно ясны и не сомнительны, но законъ можно измѣнить и времени для этого до 11 декабря еще достаточно.

Желая облегчить духовенству переходное время, законъ 11 декабря постановилъ части духовенства, дольше служившей, даровать пожизненную пенсию, а всему остальному духовенству обеспечить субсидію изъ государственныхъ средствъ на четыре года; въ маленькихъ приходахъ на восемь лѣтъ. Эта субсидія первый годъ (1907) должна равняться жалованью, которое эти духовныя лица получали до сего времени; на второй годъ составляютъ двѣ трети содержания, на третій—половину и на четвертый—одну треть. Кроме этого постепенного сокращенія субсидіи, законъ, не требуя того же для пожизненныхъ пенсионеровъ, обусловливаетъ полученіе субсидіи продолженіемъ службы. Священникъ, оставившій свой приходъ, епископъ—свою епархію, преподаватель—свою семинарію и т. д. лишаются субсидіи. Такимъ образомъ, администрація, чтобы выдать субсидію, должна удостовѣриться въ непрерывномъ продолженіи даннымъ духовнымъ лицомъ его служенія. Эти удостовѣренія, по закону, выдаются соотвѣтственно мѣсту служенія мѣстнымъ въроиспovѣднымъ обществомъ. Однако, если въроиспovѣдное общество не образовано, то не можетъ быть и такихъ удостовѣреній. Нельзя, стало быть, получить и дарованную субсидію.

По офиціальнымъ даннымъ, эти пенсіи и субсидіи должны быть дарованы, *пенсію:*

Епархиальнымъ архієпископамъ и епископамъ	59
Викаріямъ епархиальнымъ	109
Каноникамъ	76
Священникамъ-настоятелямъ (кюре)	2466
Прочимъ священникамъ (дессервантамъ и вика- риямъ)	14026
Всего	16690

духовнымъ лицамъ на общую сумму круглою цифрою *одиннадцать миллионовъ франковъ* въ годъ.

Субсидій:

Четырехъ-лѣтнія.

Епархиальнымъ архієпископамъ и епископамъ	12
Викаріямъ епархиальнымъ	64
Каноникамъ	4
Священникамъ-настоятелямъ	741
Остальнымъ священникамъ	7363

Восьми-лѣтнія.

Священникамъ-настоятелямъ	120
Остальнымъ священникамъ	12975

всего субсидій (обоихъ сроковъ) 21279 духовнымъ лицамъ на общую сумму круглою цифрою *восемнадцать миллионовъ франковъ* въ первый годъ субсидій (1907 г.) и не менѣе *пятидесяти миллионовъ* за весь срокъ субсидій.

Это второй вопросъ, поставленный правительству французскою церковью вмѣстѣ съ отказомъ организовать вѣроисповѣдныя общества. Воспользоваться ли необходимостью для субсидируемыхъ представлять удостовѣренія не существующихъ обществъ и сберечь французской казнѣ 50 миллионовъ? Или измѣнить законъ, установить другой способъ удостовѣреній и выдачею субсидій облегчить переходъ къ новому порядку, какъ того желалъ законъ? Но законъ имѣть въ виду мирный переходъ, а церковь, по приказу непогрѣшимаго враждебнаго стравѣ иностранца, вступила на путь раздора и войны. Можно ли давать явнымъ врагамъ, торжественно объявившимъ непримиримую борьбу, такія огромныя средства? И если видоизмѣнить законъ, то не слѣдуетъ ли отмѣнить и пенсіи?

Онъ проектированы для мирныхъ много послужившихъ духовныхъ, а теперь пенсіонеры превращаются въ непримиримыхъ враговъ, слѣпыхъ исполнителей злой воли чужестранца!

Среди законодателей Франціи сказываются оба эти теченія. Одно желаетъ ослабить конфліктъ, имѣть на своей сторонѣ (хотя бы втайне) большую часть французскаго духовенства и постепенно привести и римскую курію къ необходимости мира. Другое

думаютъ, что этотъ миръ возможенъ только подъ условіемъ не давать никакихъ уступокъ, исполнять законъ и не давать государственныхъ средствъ духовенству, объявившему войну, хотя и по приказанию изъ Рима.

Какой же путь намѣreno избрать французское правительство?

11 сентября (29 августа) состоялся совѣтъ министровъ по вопросу обѣ отношеній правительства къ положенію, созданному энцикликой *Gravissimo* и присоединеніемъ къ ней покорного папы французского епископа. Министръ исповѣдалъ, Аристидъ Брианъ, изложилъ свой взглядъ на положение. По его мнѣнію, отказъ отъ образованія вѣроисповѣдныхъ обществъ не требуетъ немедленно принятія правительствомъ какихъ либо мѣръ. Понадобятся ли такія мѣры впослѣдствіи, когда 11 декабря перестанутъ законно существовать попечительства и другія прежнія вѣроисповѣдныя учрежденія? Закрытие попечительствъ и отсутствіе вѣроисповѣдныхъ обществъ, которымъ попечительство должно передать имущество, должно ли повлечь закрытие церквей? «Нѣ „должно”, — отвѣтилъ Брианъ. Статья 13 гласить: «недвижимыя имущества, служившія для отправленія богослуженія, въ томъ случаѣ, если въ теченіе двухъ лѣтъ со дня обнародованія закона никакимъ вѣроисповѣднымъ обществомъ не будутъ затребованы, могутъ быть изъяты изъ посвященныхъ культу зданій декретомъ правительства». Изъ этой статьи слѣдуетъ, что изъять какія-либо церкви изъ числа зданій, посвященныхъ богослуженію, иначе говоря, прекратить въ нихъ богослуженіе, правительство не могло бы, если бы даже пожелало, роцѣ 11 декабря 1907 года. Кромѣ того, изъ той же статьи слѣдуетъ, что и по истеченіи этого срока подобное изъятіе даже церквей, принадлежащихъ городскимъ и сельскимъ общинамъ, зависить не отъ муниципалитетовъ, но только отъ правительства.

Каково же положеніе будетъ 11 декабря 1906 г.? Возможно, что секвестръ имущества попечительствъ окажется необходимымъ. Однако, этотъ секвестръ не распространится на предметы, необходимые для богослуженія. Словомъ, если сами священники не покинутъ своихъ храмовъ и не прекратятъ богослуженія, ничто не нарушитъ установившагося привычнаго порядка.

Однако, публичное богослуженіе будетъ ли законнымъ, если не будетъ санкционировано образованіемъ вѣроисповѣдного общества? Строго юридически, оно не будетъ законно, но отъ правительства будетъ зависѣть его терпѣть или запретить. Самъ Брианъ выскаживается за терпимость.

Совѣтъ министровъ рѣшилъ, что законъ о раздѣленіи долженъ быть примѣняемъ регулярно, но что немедленныхъ мѣроопріятій не требуется. Правительство будетъ ждать.

Спрошенный о намѣреніяхъ правительства, Клемансо отвѣтилъ только сообщеніемъ своего мнѣнія. «Пока я въ составѣ министер-

ствѣ,—сказалъ онъ,—церквей закрывать и отнимать не будуть, но и никакихъ переговоровъ съ Ватиканомъ».

Кромѣ французского духовенства и французского правительства, энциклика *Gravissimo* задѣла интересы и совѣсть всѣхъ католиковъ Франціи. Поскольку эти вѣрные сыны церкви суть роялисты, бонапартисты, они ультрамонтаны, они апплодируютъ папской непримиримости. Однако, даже въ средѣ епископовъ 31 мая нашлось большинство за миръ. Оно должно быть еще значительное въ низшемъ духовенствѣ и того еще значительное среди мірянъ. И эти элементы не могутъ оставаться совсѣмъ безъ вліянія. Съ одной стороны, папъ редижиранъ адресъ за подписью многочисленныхъ католическихъ нотаблей, въ которомъ приводятся возраженія противъ энциклики и заключается просьба отмѣнить ее велѣнія. Съ другой стороны, въ семи сельскихъ обществахъ въ разныхъ мѣстахъ Франціи образованы священниками и прихожанами вѣроисповѣдныя общества. Это уже схизма? Суждены ли этому движению значительные размѣры, или это будутъ единичныя исключенія?

Положеніе католическихъ общинъ очень сложное и тѣгостное. Покорность папѣ—значить банкротство. Покорность закону—значить схизму. Давленіе на папу съ цѣлью отмѣны запрета учреждать вѣроисповѣдныя общества—средній путь, но приведетъ ли онъ къ искомому рѣшенію?

Роялисты торжествуютъ и полны снова иллюзій и мечтаній, но католики Франціи, всѣ тѣ, которые только католики и французы, глубоко удручены и смущены, и энциклика *Gravissimo* является огромнымъ ударомъ папскому престижу?

V.

Волнуется прекрасная свободная Франція, угрожаемая тираніей злого и невѣжественнаго монаха. Продолжаетъ волноваться и несчастная Россія... Волнуется ея бѣдствіями и весь цивилизованный міръ. Сочувствіе новой свободной Россіи будущаго сказывается повсемѣстно. Отвращеніе къ режиму насилий и произвола всюду сопровождастъ это сочувствіе. Отношеніе финансовыхъ и политическихъ сферъ къ русскимъ бѣдствіямъ проявляется и въ словахъ, и въ фактахъ.

Вотъ факты финансовые: на парижской биржѣ русские фонды котировались:

		19 августа.	16 сентября.
3%	заемъ 1891 года	59,90	58,80
»	1896 »	58,50	57,10
4%	» 1901 »	72,20	69,00
5%	» 1906 »	82,15	80,20
Рента		72,40	70,95
Сентябрь. Отдѣлъ II.			10

Имѣя въ виду, что на французскомъ финансомъ рынкеѣ обращается русскихъ государственныхъ бумагъ на круглую сумму 10 миллиардовъ франковъ нарицательной стоимости, потери французскихъ держателей русскихъ фондовъ за этотъ неполный мѣсяцъ могли достигнуть 200 миллионовъ.

Это краснорѣчіе цифръ, говорящее о все падающемъ довѣріи къ русскому правительству, о паденіи послѣ паденія, казалось бы безпримѣрнымъ... «Эта паника послѣ распуска Думы временная, все оправится», тогда говорили намъ. Паники теперь нѣть, а недовѣріе дѣловыхъ отнюдь не сентиментальныхъ сферъ все возрастаетъ. «Изъ Россіи все тѣ же извѣстія»,—пишетъ умѣренный *«Le Temps»*. Они резюмируются уже давно въ трехъ словахъ: казни, бомбы и обѣщанія.» Обѣщанія остаются неисполненными и никому уже не внушаютъ довѣрія, а казни и бомбы удручаютъ весь міръ.

Финансисты это видятъ и понимаютъ. Фонды падаютъ.

Не хуже того видятъ это и политики. Теперь уже не тайна, что еще весною въ политическихъ кругахъ Франціи шла борьба по поводу русского займа. Клемансо и Бріанъ были противъ выпуска нового русского займа безъ согласія народного представительства. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Леонъ Буржуа, напротивъ того, отстаивалъ необходимость выручить союзника и вѣрилъ обѣщаніямъ русского правительства. Онъ успѣлъ склонить министерство къ этому дружественному, по отношенію къ русскому правительству, шагу. Послѣдствія не оправдали его довѣрчивости. Французские капиталисты понесли огромныя потери (свыше 2 миллиардовъ франковъ) и, главнымъ образомъ, именно благодаря этому займу, вооружившему бюрократію для борьбы съ націей, а слѣдовательно, и съ финансами страны. Очень недовольны неудачною политикою Леона Буржуа и политические круги, гдѣ считаются, что эта поддержка старого режима не достойна свободной Франціи и ей невыгодна, потому что ослабила и раззорила союзника. Все это подготавливаетъ перемѣны въ министерствѣ. Вмѣстѣ съ Леономъ Буржуа, вѣроятно, выйдетъ изъ кабинета министръ финансовъ Пуанкарэ, устроившій заемъ. Говорятъ и о выходѣ самого премьера, Саррена. Въ такомъ случаѣ Клемансо займется мѣсто премьера. Все это показываетъ и отношеніе политическихъ и финансовыхъ круговъ Франціи къ событиямъ въ Россіи.

Въ Англіи тоже не ладно. Корреспондентъ *«Neue Freie Presse»* бесѣдовалъ съ англійскимъ премьеромъ Беннерманомъ Кэмбелемъ о разныхъ международныхъ дѣлахъ, объ англо-французскомъ соглашеніи, между прочимъ. Премьеръ говорилъ о трудностяхъ, сопровождавшихъ это соглашеніе, и прибавилъ:

— Оно должно получить свое завершеніе въ соглашеніи съ Россіей.

— Вы, однако, говорите не о той Россіи,—прервалъ его корреспондентъ,—въ которой толчутъ ногами свободу и не могутъ установить порядка?

— Само собою разумѣется,—отвѣтилъ англійскій премьеръ,—само собою разумѣется, въ настоящій моментъ, когда въ Россіи нѣть настоящаго прочнаго правительства, мы не можемъ ничего предпринять.

— Въ Европѣ,—замѣтилъ корреспондентъ,—произвело превосходное впечатлѣніе, когда вы сказали на международной конференціи: *La Douma est morte, vive la Douma.*

— Симпатія англійскаго народа,—продолжалъ премьеръ,—цѣликомъ на сторонѣ тѣхъ, кто стремится къ созданію въ Россіи конституціоннаго порядка. Когда же онъ возвращается, то исчезнуть всѣ препятствія къ соглашенію съ нею.

Да, уже не церемонятся съ нашими правителями... Прежде только о туркахъ такъ осмѣливались говорить офиціальныя лица.

Успѣхъ англійскаго адреса бывшей Думы и паденіе русскихъ фондовъ на лондонской биржѣ, даже большее, нежели на парижской, тоже обнаруживаютъ отношеніе разнообразныхъ круговъ, политическихъ и финансовыхъ въ Англіи, къ русскимъ событиямъ. Высказались и англійскіе рабочіе. 3 сентября открылся конгрессъ делегатовъ трэдъ-уніоновъ, т. е. професіональныхъ союзовъ.

Послѣ привѣтственныхъ рѣчей, предсѣдатель произнесъ рѣчь, въ которой коснулся Россіи:

«Конгрессъ, являющійся представителемъ организованныхъ рабочихъ Англіи и Ирландіи, проникнутъ симпатіей къ русскому народу, борющемся такъ мужественно за свободу. Мы глубоко сожалѣемъ о страданіяхъ, которыми въ настоящее время переполнена несчастная страна, и искренне надѣемся, что скоро будетъ положенъ конецъ настоящему положенію вещей созывомъ парламента, основанного на принципѣ представительного правленія.»

Делегатъ Секстонъ сказалъ, что русское правительство имѣло возможность прекратить терроръ въ Россіи, но упустило ее. Для англійскихъ рабочихъ, живущихъ въ свободной странѣ, является священнымъ долгомъ выразить солидарность русскому народу и привѣтствовать его словами Кэмпбеля-Беннермана: «Да здравствуетъ Дума!»

Предложенная предсѣдателемъ резолюція была принята, при чёмъ делегаты почтили это рѣшеніе вставаніемъ.

По поводу забастовокъ въ Россії, въ докладѣ коммиссіи сказано: «На засѣданіи, 15 ноября 1905 г., коммиссія выработала резолюцію, которая была послана русскимъ професіональнымъ союзомъ: «Парламентская коммиссія трэдъ-уніонистскаго конгресса, являющіяся представительницей двухъ милліоновъ организованныхъ рабочихъ Великобританіи, шлетъ братскій привѣтъ преслѣдуемымъ професіональнымъ организаціямъ Россіи. Коммиссія выражаетъ свое преклоненіе передъ геройскимъ самопожертвованіемъ русскихъ рабочихъ въ ихъ борьбѣ за свободу».

Такъ смотрѣть Европа, правящая, политическая, финансовая

и рабочая, на русскія дѣла... Это не революціонеры, которыхъ сочувствіе русскихъ революціонерамъ можно приписывать партійности. Мы привели факты биржевые. Мы привели мнѣнія несомнѣнныхъ друзей Россіи, но далекихъ революціи... И только за мѣсяцы! Мы приводили раньше много аналогичнаго..

О русскихъ дѣлахъ уже давно во всемъ цивилизованномъ мірѣ нѣть двухъ мнѣній.

VI.

Персія становится конституціоннымъ государствомъ. 4 (17) сентября въ Тегеранѣ обнародовано утвержденное шахомъ положеніе персидской Государственной Думы, устанавливающее слѣдующія правила: избирательнымъ правомъ пользуются всѣ грамотные персидскіе подданные мужского пола въ возрастѣ отъ 30 до 70 лѣтъ, не состоящіе на государственной службѣ и не опороченные судомъ. Персія раздѣлена на 12 округовъ, избирающихъ каждый отъ 6 до 19 депутатовъ, смотря по населенности, кромѣ Тегерана, составляющаго отдельный округъ съ 60 депутатами. Число провинціальныхъ депутатовъ 96, а всего депутатовъ 156. Выборы двухстепенные въ провинціи и прямые въ Тегеранѣ и производятся подачей бюллетеней въ запечатанныхъ конвертахъ въ мѣстные избирательные комитеты, ведущіе подсчеты голосовъ. Срокъ депутатскихъ полномочій—двухлѣтній. Депутаты пользуются неприкосновенностью личности, кромѣ случаевъ совершенія преступленія. Ихъ сочиненія и рѣчи изъяты отъ цензуры, хотя не исключается отвѣтственность передъ судомъ за преступленія противъ религіи, нравственности и общественнаго порядка. Подобные случаи рассматриваются самой Думой. Депутатское вознагражденіе предоставлено самой Думѣ. Президентъ, оба вице-президента и 4 секретаря избираются на 1 годъ. Дума открывается немедленно послѣ избрания депутатовъ отъ Тегерана, не ожидая результата провинціальныхъ выборовъ. Первое засѣданіе состоится подъ предсѣдательствомъ шаха.

Въ октябрѣ ожидается созывъ персидскаго парламента.

Эта реформа была куплена, конечно, не безъ борьбы. Эксцессы деспотизма и хищеній, достигшіе въ послѣднее время самыхъ чудовищныхъ размѣровъ, вызвали въ Тегеранѣ мятежъ народа и протести высшаго духовенства. Незначительность персидскихъ вооруженныхъ силъ не позволила персидскому правительству опереться на грубую силу. Шахъ разстался съ министрами, призвалъ европейски образованнаго Али-Эса и даровалъ конституцію.

Если считать, что Россія имѣть конституцію, то введеніе конституціоннаго режима въ Персіи является пріобщеніемъ къ этому режиму послѣдняго индо-европейскаго народа, еще не пользовавшагося благами этого государственного строя. Незадолго до персовъ

этот строй получили черногорцы. Повидимому, въ Черногорії въ самомъ дѣлѣ воцарилась конституція. Въ ближайшемъ времени мы, вѣроятно, увидимъ такое же ея воцареніе и въ Персіи среди талантливой націи, съ древнею культурою и блестящею литератуорою. Чего мы дождемся въ ближайшемъ времени вѣдь, въ Россіи, кто можетъ предвидѣть? Теперь, конечно, конституція не дѣйствуетъ, какъ и турецкая, созданная въ 1876 году и формально не отмѣненная.

Послѣдуетъ ли и мы турецкому примѣру и явимъ міру единственную независимую индо-европейскую націю, сохраняющую всевластіе бюрократіи?

Не только индо-европейские народы вступаютъ на путь государственныхъ реформъ. Японія уже давно организовалась на началахъ народного права и политической свободы. Теперь пробуетъ вступать на тотъ же путь и «недвижный» Китай. Экономическое разозреніе, какъ послѣдствіе властнаго хозяйстванія европейцевъ въ странѣ, вызываетъ среди китайцевъ стремленіе освободиться отъ этой эксплуатациі. Стремленіе это привело въ 1900 году къ боксерскому движению, этой попыткѣ силою избавиться отъ не-прощенныхъ европейскихъ гостей. Попытка потерпѣла полную неудачу, но не уничтожила въ сердцѣ китайцевъ совершенно естественного желанія добиться тѣмъ или инымъ путемъ экономического освобожденія. Въ однихъ слояхъ сохраняется прежнее боксерское настроеніе, готовое всегда перейти въ открытое нападеніе на иноземцевъ. Въ другихъ слояхъ лучше сознаютъ опасность такихъ взрывовъ боксерского настроенія и полагаютъ бороться съ европейцами ихъ же оружіемъ, европеизируя свои учрежденія, науку, жизнь. Отсюда стремленіе къ реформамъ, проникшее даже въ высшія правящія сферы. Реформы намѣчаются китайцами въ конституціонномъ направлениі. Сообщается, что примѣръ Японіи доказалъ имъ, что желтая раса, стоящая на высотѣ цивилизациі, можетъ освободиться и политически, и экономически отъ ига бѣлыхъ. Они поэтому и рѣшили пойти по стопамъ Японіи. Первымъ шагомъ на этомъ пути была командировка въ Японію для обученія въ разныхъ школахъ многихъ молодыхъ китайцевъ, которые, вернувшись на родину, заняли высокіе посты и доказали, что японское воспитаніе дало хорошие результаты. Китай отправилъ въ Японію также много молодыхъ офицеровъ для изученія въ японской арміи военного искусства, и теперь эти офицеры вводятъ много преобразованій въ формирующейся китайской арміи.

Ободренные этими успѣхами, китайцы рѣшили идти еще дальше по пути реформъ, и недавно императоръ, подъ давленіемъ националистической агитациі, командировалъ въ Европу и Америку, съ цѣлью изученія на мѣстѣ различныхъ конституцій, специальну коммиссію, результатомъ совѣщаній которой и явился недавній эдиктъ о близкомъ введеніи въ Китай конституціи. Однако, не

дожидаясь ея, китайцы-националисты уже теперь ведутъ дѣятельную борьбу съ европейцами по всѣмъ флангамъ: они стараются повсюду если не изгнать европейцевъ совершенно, то, по крайней мѣрѣ, умалить ихъ политическое значеніе и вытѣснить ихъ экономически. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время китайскіе капиталисты всячески стараются добыть необходимыя средства, чтобы самимъ эксплуатировать свои национальныя богатства. Они выкупаютъ первую вѣтвь желѣзной дороги Кантонъ — Ханькоу, концессія на которую была взята однимъ американскимъ синдикатомъ, и выкупаютъ ее за дорогую цѣну, такъ какъ имъ приходится вести борьбу съ англійскими, французскими и бельгійскими синдикатами, которые также предлагаютъ хорошия условія. Они также стараются приобрѣсти въ свою собственность китайскія копи и фабрики. На ряду съ этимъ они пытаются вытѣснить европейцевъ съ административныхъ должностей, до сихъ поръ по обычаю занимаемыхъ европейцами. Сорокъ лѣтъ должность главнаго начальника таможенъ была предоставлена англичанину, и такое замѣщеніе (изъ европейцевъ только англичаниномъ) упомянута даже въ англо-китайскомъ трактатѣ. Отставка англичанина Роберта Гарта, послѣдовавшая вслѣдствіе старости и болѣзниенного состоянія, открыла вакансію, и этотъ важный постъ былъ замѣщенъ китайцемъ.

Если нельзя еще говорить о вступленіи Персіи и Китая въ группу европейски-цивилизованныхъ націй, то, во всякомъ случаѣ, можно утверждать, что эти старокультурные націи, цивилизованные въ тѣ времена, когда европейцы, не исключая классического античнаго міра, были совершенными дикарями, вступили на путь усвоенія нѣкоторыхъ важныхъ и существенныхъ сторонъ западной цивилизациі. Огромное всемирно-историческое значеніе этихъ событий не подлежитъ сомнѣнію. Они приближаютъ человѣчество къ объединенію на почвѣ взаимного признанія и взаимного пониманія. Отсюда совсѣмъ недалеко и до вѣчнаго всеобщаго мира.

Въ Европѣ тоже продолжается прогрессивное движение, недавно сѣмнавшее царившій было застой. Избирательная реформа въ Австріи привлекаетъ прежде всего вниманіе въ числѣ фактовъ этого движенія. 12 сентября (30 августа) парламентская комиссія по разработкѣ избирательной реформы возобновила свои занятія. Министръ-президентъ фонъ-Бекъ привѣтствовалъ комиссію и указалъ на необходимость закончить работы въ самомъ непродолжительномъ времени и довершить великое дѣло избирательной реформы. На комиссіи, указалъ фонъ-Бекъ, лежитъ обязанность создать для государства лучшее будущее и обеспечить народамъ Австріи ихъ права на самоопределеніе.

Коммисія энергически взялась за дѣло, и скоро законопроектъ былъ представленъ въ вѣнскій парламентъ. За нимъ обеспечено большинство, но меньшинство старается его исказить или хотя бы затормозить. Такъ какъ обсужденіе отсрочено на двѣ недѣли, т. е.

до начала октября по н. ст., то покуда не известно, какие результаты принесетъ этотъ походъ враговъ всеобщаго избирательного права.

Изъ другихъ событій того же значенія слѣдуетъ отмѣтить законопроектъ объ ирландскомъ гомрулѣ, проектъ уничтоженія бюджета культа въ Швеціаріи (т. е. отдѣленіе церкви отъ государства) и антиклерикальное движение въ Испаніи.

Въ Норвегіи происходили первые генеральные выборы въ парламентъ послѣ прекращенія уніи со Швеціей. Благодаря тому обстоятельству, что консерваторы стояли за короля и за унію, т. е. за шведскую гегемонію, которую огромное большинство норвежцевъ не желали терпѣть, консервативная партія терпѣла на выборахъ пораженіе за пораженіемъ, и ея численность въ парламентѣ была незначительна. Лѣвые провели упраздненіе уніи, добились соглашенія объ этомъ со шведами и при содѣйствіи консерваторовъ избрали короля. Помощь консерваторовъ была необходима министерству лѣвыхъ, потому что въ средѣ лѣвыхъ была немалочисленная фракція, не желавшая короля и проводившая республику. Паденіе уніи, которая отвращала избирателей отъ консервативныхъ кандидатовъ, и распаденіе лѣвыхъ на монархистовъ и республиканцевъ являлись двумя фактами, которые могли только повлиять на исходъ выборовъ.

Дѣйствительно, консервативная партія значительно усилилась. Усилились и соціалисты (11 вмѣсто 5). Лѣвые, однако, не нарушили солидарности на выборахъ и сохранили большинство: лѣвыхъ 64, правыхъ 47, соціалистовъ 11. Къ этому надо прибавить, что составъ большинства полѣвѣль, вслѣдствіе чего министерство Михельсена замѣняется министерствомъ Левланда, стоявшаго за республику, но лояльно принявшаго рѣшеніе въ пользу монархіи. Надо ожидать демократическихъ реформъ. Тѣмъ болѣе, что на этомъ пути кабинетъ Левланда встрѣтѣ поддержку соціалистовъ, опираясь на большинство: 75 противъ 47, вполнѣ достаточное, чтобы не бояться сюрпризовъ голосованія. Такіе сюрпризы возможны по вопросамъ управлениія и администрації, гдѣ коалиція консерваторовъ и соціалистовъ всего на шесть голосовъ менѣе министерского большинства.

Отчетный мѣсяцъ занесъ въ свои лѣтописи еще междоусобіе на островѣ Кубѣ. Годы и десятилѣтія проносились надъ этимъ благодатнымъ краемъ, а кровь продолжала увлажнять его землю. Кубинцы боролись за свою независимость съ испанцами. Наконецъ, Соединенные Штаты вмѣшились въ это дѣло и объявили войну Испаніи. Одержавъ рѣшительную победу, американцы отняли въ свою пользу отъ Испаніи архипелагъ Филиппинскихъ острововъ въ восточно-азіатскихъ водахъ и островъ Перто-Рико въ Мексиканскомъ заливѣ. И островъ Куба былъ формально уступленъ испанцами тоже Соединеннымъ Штатамъ, но, начавъ войну съ Испаніей

изъ-за свободы Кубы, американцы не рѣшались ихъ приравнять филиппинцамъ и порториканамъ, зачисливъ просто своими подданными. Послѣ трехлѣтнихъ колебаний, они даровали имъ полуавтономію, обусловивъ самостоятельность новой республики своимъ правомъ вмѣшательства. Четыре года Куба пользовалась этою самостоятельностью и пришла къ междоусобію.

Что вызвало революцію на Кубѣ—сказать съ точностью трудно. Куба отвоевала себѣ независимость оть Испаніи при помощи Соединенныхъ Штатовъ. Она выработала для себя конституцію, въ которую включила резолюцію американского парламента, известную подъ названіемъ «Поправки Платта». По смыслу этой поправки Соединеннымъ Штатамъ предоставляется право вмѣшательства въ дѣла Кубы, когда какія-нибудь вѣнчанія или внутреннія событія грозятъ ея независимости. Президентомъ республики былъ избранъ Эстрада Пальма, агитировавшій въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1895—1898 г., во время войны съ Испаніей, за независимость Кубы.

Освобожденіе оть испанского владычества скоро дало себѣ почувствовать. Новая республика оправилась оть войны, завязала торговыя сношенія съ Англіей, главнымъ образомъ съ Соединенными Штатами и, можно сказать, начала процвѣтать. На вторыхъ выборахъ президента на 1906 — 1910 г. былъ снова выбранъ Эстрада Пальма, кандидатъ умѣренной партии. Но либеральная оппозиція осталась недовольна этими выборами, на которыхъ, какъ она утверждаетъ, ее лишили избирательныхъ гарантій, и кандидатъ ея, генералъ Гомесъ, обратился за помощью къ Соединеннымъ Штатамъ. Тѣ отказались. Тогда Гомесъ и его сторонники начали вести агитацию, какъ въ Кубѣ, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, противъ «олигархіи» умѣренныхъ. Къ нимъ примкнули ветераны борьбы за независимость Кубы, недовольные тѣмъ, что при назначеніи на офиціальные должности и обложеніи налогомъ на уплату войску, съ ними поступили несправедливо. Затѣмъ, на ихъ сторону перешли также лица, заинтересованныя въ успѣхахъ торговли Америки, недовольные тѣмъ, что Куба заключила во вредъ имъ торговый договоръ съ Англіей. Наконецъ, консерваторы, купцы и креольское населеніе, видящіе для себя больше интереса въ полномъ присоединеніи Кубы къ Соединеннымъ Штатамъ, также вооружены противъ Пальмы.

Всѣ эти элементы въ настоящее время и участвуютъ въ восстаніи. Въ виду такого состава либеральной оппозиціи, некоторые видятъ въ нынѣшней революціи интригу Соединенныхъ Штатовъ, чтобы имѣть поводъ вмѣшательства и усилить свое торговое влияніе въ Кубѣ.

Возстаніе началось въ концѣ іюля и за полтора мѣсяца имѣло довольно серьезные успѣхи, такъ что большая часть острова оказалась въ рукахъ инсургентовъ, но столица и окружающая страна

(самая населенная и богатая) оставалась въ рукахъ правительства. Небольшая правительственная армія тоже оставалась вѣрна президенту Пальмѣ. Исходъ борьбы трудно было предвидѣть, но убытки, которые междуусобіе приносило американской торговлѣ, послужили поводомъ къ вмѣшательству Соединенныхъ Штатовъ. Туда были посланы военные суда и выѣхали для посредничества уполномоченные Штатовъ: военный министръ Тафтъ и товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Бэконъ. Извѣстія изъ Вашингтона отъ 12 (25) сентября сообщали, что дѣлаются величайшія усиленія, чтобы увеличить составъ американской пѣхоты въ кубинскихъ водахъ. Немедленно собраны 1,000 человѣкъ морской пѣхоты на Атлантическомъ берегу для отсылки въ Гаванну. Броненосцы «Indiana» и «Kentucky», отправлены изъ Провинстоуна въ Массачусетсъ въ Кубѣ, захвативъ съ собою всѣхъ морскихъ солдатъ, безъ которыхъ можетъ обойтись сѣверо-атлантическая эскадра.

Отъ 13 (26) сентября сообщалось, что Рузвельтъ обратился къ президенту Пальмѣ съ телеграммой, въ которой онъ взываетъ къ патріотизму Пальмы и убѣдительно просить его принять условія, поставленныя мятежниками кубинскому правительству, такъ какъ только такимъ способомъ возможно возстановленіе спокойствія.

Тафтъ и Бэконъ также обратились къ президенту Пальмѣ и къ кубинскому правительству съ письмомъ, въ которомъ предлагаются Пальмѣ оказать имъ содѣйствіе для улаженія неурядицъ на основаніи поставленныхъ мятежниками условій и взываютъ къ патріотизму Пальмы.

Отъ 14 (27) сентября изъ Гаваны телеграфировали, что правительственная (такъ называемая «умѣренная») партія рѣшила назначить комиссию для веденія переговоровъ съ инсургентами обѣ условіяхъ мира. Рѣшающій голосъ во всѣхъ спорныхъ пунктахъ предоставленъ военному министру Штатовъ Тафту и помощнику государственного секретаря штатовъ Бэкону. Умѣренная партія отказалась при этомъ отъ своихъ первоначальныхъ требованій, а именно, чтобы инсургенты до начала переговоровъ о мире сложили оружіе.

Дѣло, какъ будто налаживалось, но затѣмъ отъ 16 (29) сентября изъ Гаваны получилось сообщеніе, что Соединенные Штаты рѣшили возстановить порядокъ при помощи своихъ агентовъ и своихъ войскъ. Американское временное правительство вступило во владѣніе Кубою. Военный министръ Тафтъ формально провозгласилъ себя губернаторомъ. Онъ заявилъ, что американское правительство считается только съ необходимостью, вытекающей изъ нынѣшняго положенія, и что единственная цѣль его—возстановленіе мира, порядка и общественаго довѣрія, до сформированія постоянного правительства. 15 сент. высадился на берегъ отрядъ американскихъ моряковъ, назначенный для охраны государственного казначейства.

Послѣ этого становится довольно вѣроятно, что восстаніе началось съ благословенія изъ Вашингтона. Оккупация Кубы наканунѣ президентскихъ выборовъ (въ ноябрѣ этого года) можетъ явиться сильнымъ козыремъ въ рукахъ республиканской партіи и ея кандидата Рузвелта.

Султанъ Абдуль-Гамидъ неизлѣчимо боленъ. Проф. Бергманъ изъ Берлина констатировалъ ракъ и при томъ уже настолько развиившимся, что операциія не возможна. Султану остается лишь нѣсколько мѣсяцевъ повелѣвать правовѣрными. Перемѣна правленія въ Турціи всегда имѣетъ огромное значеніе. Кто будетъ султаномъ, это тоже неизвѣстно, такъ какъ султану приписываютъ желаніе назначить своимъ преемникомъ одного изъ младшихъ сыновей. Надо ждать важныхъ и серьезныхъ извѣстій изъ Константинополя.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Тактическій кризисъ.—II. Разница между „взять“ и „получить“.—III. Что значитъ взять волю снизу?—IV. Можно ли это сдѣлать?

I.

Всю предыдущую «Хронику» я посвятилъ к.-д. партіи. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ она занимала авансцену русской жизни, привлекала къ себѣ общее вниманіе, сосредоточивала на себѣ обывательскія надежды. Съ занятіемъ ею положеніемъ должны были считаться всѣ другія общественные группы, и даже партіи, отрицательно относившіяся къ к.-д. тактике, вынуждены были перенести борьбу на ту арену, какую облюбовали для себя к.-д. Такъ, соціалъ-демократическая партія, въ составѣ которой рѣшительный перевѣсь взяли сначала сторонники бойкота, къ концу избирательной кампаніи приняла въ ней дѣятельное участіе и даже образовала свою фракцію въ Государственной Думѣ. Партія соціалистовъ-революціонеровъ до конца воздержалась отъ участія въ выборахъ, но и она должна была видоизмѣнить свою тактику, считаясь съ наличностью «кадетской» Думы и созданнымъ ею положеніемъ. Партія не только временно проіостановила дѣятельность своей боевой организаціи, но и нашла необходимымъ принять участіе въ борьбѣ, какая происходила въ стѣнахъ самой Думы. Правда, своей фракціи она не образовала, хотя для этого въ составѣ депутатовъ и нашлось бы достаточное число соціалистовъ-револю-

ционеровъ. Но послѣдніе приняли участіе въ выборахъ вопреки партійной дисциплинѣ и прошли въ Думу въ качествѣ безпартійныхъ. Поэтому, быть можетъ, партія и предпочла другую тактику: она приняла участіе въ думской борьбѣ при посредствѣ трудовой группы, въ значительной своей части состоявшей изъ лицъ, принадлежавшихъ къ одному съ партіей с.-р. направленію. Еще болѣе видное мѣсто обѣ соціалистическихъ партій заняли въ борьбѣ, какая происходила не внутри, а вокругъ Государственной Думы. Полагаю, что мнѣ нечего напоминать ту агитацию, которую онѣ вели въ широкихъ кругахъ населенія, опираясь на трудовую и рабочую группы. Отмѣчу лишь, что даже свою организаціонную работу соціалистическая партія считали возможнымъ поставить въ связь съ Государственной Думой, хотя непрочность этой опоры, казалось бы, не трудно было предвидѣть. Такъ, соціаль-демократы предприняли попытку сорганизовать рабочія массы путемъ выборнаго отъ нихъ представительства для участія въ совѣщаніяхъ съ соціаль-демократической фракціей. Еще шире расчитывали поставить свою организаціонную работу соціалисты-революціонеры: не только городскую, но и деревенскую Русь они надѣялись покрыть сѣтью особыхъ «бюро содѣйствія трудовой группѣ», которыхъ должны были начать широкую организацію трудящихся массъ, хотя бы на самой короткой платформѣ. Такимъ образомъ Государственная Дума заставила революціонныя партіи видоизмѣнить и, во всякомъ случаѣ, осложнить свою тактику, а вмѣстѣ съ тѣмъ подала имъ надежду укрѣпиться на новыхъ позиціяхъ. Но перестроиться въ новый боевой порядокъ эти партіи не успѣли...

Роспускъ Государственной Думы знаменовалъ собою, прежде всего, крушеніе, конечно, к.-д. тактическихъ плановъ. Партія, занимавшая авансцену жизни,—если употребить образное выраженіе,—какъ бы провалилась въ тартарары. Произошло это съ феерическою быстротою. Чувствуя, что почва, на которой она стояла, ускользнула изъ-подъ ногъ, к.-д. растерялись и нѣкоторые изъ нихъ, повидимому, думали даже, что имъ придется на время совсѣмъ оставить политическую сцену. Во всякомъ случаѣ, въ к.-д. средѣ явилось желаніе «умыть руки».

— «Мы свое дѣло сдѣлали, пусть теперь дѣлаютъ другіе»... Такія рѣчи можно было слышать отъ нѣкоторыхъ к.-д., когда ониѣхали въ Выборгъ, при чемъ подъ «другими» ими разумѣлись, конечно, революціонеры. Положеніе к.-д. партій оказалось въ высшей степени затруднительнымъ, и впопыхахъ она, какъ я выразился прошлый разъ, перескочила на революціонную тропку. Это еще болѣе затруднило ея положеніе. Правительство воспользовалось «незакономѣрностью» совершенного акта, чтобы поставить к.-д. въѣзда закона. Еще вчера они были «благоразумными большинствомъ», еще вчера имъ улыбалась власть... Нынѣ же они оказываются нелегальными или, по крайней мѣрѣ, живущими по фаль-

шивому паспорту» *)... Въ настоящее время трудно, конечно, предвидѣть, какъ разрѣшится этотъ тактическій кризисъ, который должна пережить к.-д. партія. Вѣроятнѣе всего, что она опять «съ камешка на камешекъ» цѣликомъ переберется на «почву права», какую представляли для нея россійскіе основные законы. По крайней мѣрѣ, лидеры партіи, полемизируя съ офиціозными газетами, намекаютъ въ «Рѣчи», что только цензурныя условія мѣшаютъ имъ доказать лояльность выборгскаго воззванія... Возможно, однако, что к.-д. партіи придется осложнить свою тактику и, въ частности, «вскрывая наиболѣе полно и точно свое конституціонное содержаніе» *), признать, что таковое не можетъ умѣститься въ рамкахъ россійской закономѣрности...

Необходимо, однако, имѣть въ виду, что распускъ Государственной Думы поставилъ въ критическое положеніе не только к.-д. Соціалистическая партія таکъ же должны были пережить потрясеніе. Само собой понятно, что онѣ должны были немедленно очистить позиціи, которыхъ заняли было около Думы. Съ поспѣшностью, которая наблюдателю представляются даже не вполнѣ понятною и которую можно объяснить себѣ развѣ только тѣмъ, что руководители этихъ партій ясно не представляли себѣ положенія страны, онѣ не только вернулись на старыя позиціи, но и сдѣлали попытку немедлено предпринять общее «выступленіе». «Общаго» выступленія, однако, не получилось... Прежняя тактика при измѣнившихъ условіяхъ не дала ожидавшихъ отъ нея результатовъ. И хотя въ воздухѣ продолжаютъ еще звучать старые лозунги, но какъ будто только потому, что нѣть новыхъ. Нѣкоторые вопросы—укажу хотя бы вопросъ объ отношеніяхъ къ новой Думѣ—остаются вовсе безъ отвѣта. Революціонныя партіи и организации находятся, повидимому, въ недоумѣніи и чувствуютъ потребность подвергнуть общему пересмотру свою тактику. Въ ихъ средѣ идутъ уже усиленные разговоры о съѣздахъ. Такъ или иначе, по созданный распускомъ Думы тактическій кризисъ не разрѣшился и едва ли можетъ разрѣшиться простымъ возвратомъ ихъ на прежнія позиціи.

Одна изъ характерныхъ особенностей переживаемаго нами момента, какъ я думаю, и заключается въ томъ, что всѣ важнѣйшія партіи и организаціи, ведущія освободительную борьбу, не въ состояніи сейчасъ предложить съ достаточностью увѣренностью сколько-нибудь опредѣленныхъ тактическихъ плановъ. Этимъ и объясняется, конечно, наступившее въ борьбѣ затишье. Что же дальше?—не въ смыслѣ задачъ, а въ смыслѣ дѣйствій—вотъ вопросъ, который неотступно стоитъ передъ всѣми.

Чтобы уяснить себѣ характеръ и размѣры этого кризиса, мы

*) «Свобода и Жизнь», 11 сентября.

*) «Русская Вѣдомость», 13 сентября.

должны несколько ближе присмотреться къ тактике различныхъ общественныхъ группъ,—и, главнымъ образомъ, къ той, которая практиковалась и практикуется крайними лѣвыми организациями.

II.

«... Трудовое крестьянство должно свои дѣла взять въ свои руки. Ему не дали земли и воли. Оно само должно взять волю, смѣстивъ всѣ правительственные власти и замѣнивъ ихъ выборными. Оно само немедленно должно взять всю землю, но не расхватывать ее беспорядочно, а передать ее во временное распоряженіе своихъ выборныхъ, волостныхъ и уѣздныхъ властей впредь до выработки новаго земельного закона всенародными избранниками»... Съ такимъ «Манифестомъ», вслѣдъ за роспускомъ Государственной Думы, обратились «ко всему российскому крестьянству» комитеты трудовой группы и соціаль-демократической фракціи, крестьянской и желѣзнодорожной всероссийскіе союзы и центральные комитеты двухъ соціалистическихъ партій (с.-р. и с.-д.). По существу это былъ, какъ я уже сказалъ, возвратъ на прежнія позиции,—съ тою лишь разницею, что тактическая линія была проведена на этотъ разъ рѣзче и определеннѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ удлиннена, будучи продолжена за предѣлы «воли» *).

Населеніе само должно взять волю и землю... Эта программа дѣйствій существенно разнится, конечно, отъ той, которая проводилась все время конституціонно-демократическою партіею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всею «кадетскою» Думою. Если выразиться кратко, то к.-д. разсчитывали *получить* землю и волю; революціонная орга-

*.) Къ захвату „земли“—по крайней мѣрѣ, къ немедленному захвату—до этого времени не рѣшалась призывать ни одна изъ подписавшихъ „Манифестъ“ организацій. Правда, нѣкоторая мѣстная организаціи партіи с.-р. уже прошло осенью сдѣлали кое-гдѣ попытку взять землю, „не расхватывая ее беспорядочно“, но партія въ цѣломъ въ то время еще не имѣла на этотъ счетъ какого-либо опредѣленнаго рѣшенія. На партійномъ съѣздаѣ, состоявшемся въ концѣ декабря и началѣ января, выяснилось, что „революціонная экспроприація земель признается всѣми“, но призывать къ немедленному захвату съѣздъ не рѣшился; предложеніе комиссіи, поддерживавшейся докладчикомъ Роцинымъ, „объявить чрезъ мѣсяцъ призывъ къ революціонному захвату земель весною“ было отвергнуто, и большинствомъ 39 голосовъ противъ 19 было принято другое мнѣніе, внесенное тою же комиссіей и поддерживавшееся докладчикомъ Тучкинымъ, согласно которому слѣдовало готовиться къ возможностямъ аграрного взрыва, не предрѣшая его, однако, заранѣе и не призываю поэтому крестьянъ къ захвату. Что касается другихъ, подписавшихъ „Манифестъ“, организацій, то нѣкоторые изъ нихъ, какъ можно было думать, являлись до этого времени даже принципиальными противниками „захвата“ земли, по крайней мѣрѣ, въ той его формѣ какая предложена въ „Манифестѣ“.

низации въ своемъ «Манифестѣ» указываютъ на необходимость «взять» ихъ. Въ этомъ, конечно, и заключается главная разница двухъ тактикъ.

Не слѣдуетъ, однако, черезчурь огрублять ее, такъ какъ въ данномъ случаѣ приходится имѣть дѣло не съ простою антитезою. Въ предѣлахъ «получить», съ одной стороны, и «взять», — съ другой, имѣется нѣсколько ступеней,—и каждая изъ нихъ можетъ послужить основой для особой тактики. Расходясь крайними своими ступенями, «получить» и «взять» настолько сближаются между собою другими, что переходъ между ними представляется почти незамѣтнымъ. Чтобы пояснить свою мысль, отмѣчу наиболѣе важные подраздѣленія охватываемой указанными словами тактической скалы.

«Получить» что-нибудь можно въ видѣ дара, и при томъ безъ какихъ бы то ни было «выступлений» со стороны одаряемыхъ, просто благодаря любвеобильному сердцу дарителя. Къ услугамъ обывателей, расчитывающихъ получить землю и волю такимъ путемъ, имѣется совершенно опредѣленная тактика: они могутъ сидѣть у моря и ждать погоды. Авось, и проглянетъ красное солнышко... Въ исторіи русскаго общества не разъ уже бывали случаи, когда «безсмысленная мечтанія» охватывали довольно широкіе его слои; такими же «безсмысленными мечтаніями» жила главнымъ образомъ до послѣдняго времени и народная масса.

На слѣдующей ступени требуется уже нѣкоторая активность. Въ основѣ тактики лежитъ та же надежда на милость, но милостивцу начинаютъ досаждать всеподданѣйшими просыбами. Путь холатайствъ также не разъ увлекалъ русское общество; къ посыпѣ ходоковъ прибѣгали, когда становилось не въ мочь, и крестьяне. Но ходатайства обыкновенно оставлялись безъ отвѣта, если не считать за таковой раздававшагося подъ чась суроваго окрика; съ ходоками же поступали и того проще — ихъ просто-на-просто «не пущали».

Указанными формами не исчерпываются, однако, способы «получить» что-либо. Есть еще путь «морального убѣжденія». Нужную вещь можно не только вымѣстить; можно еще доказать владѣющему ею, что отдать ее необходимо и даже для него выгодно. Такова была въ общемъ тактика общеземскихъ сѣѣзовъ, завершившаяся посылкой общеземской депутатіи. Кн. С. Н. Трубецкой, выступившей тогда въ качествѣ главнаго парламентера и получившей такимъ путемъ всероссийскую известность, «былъ—по словамъ П. Н. Милюкова — однимъ изъ послѣднихъ, которые еще вѣрили, что общественную борьбу можно вести доводами морального убѣжденія». Само собой понятно, что для простого народа этотъ путь былъ недоступенъ вовсе: кто же, въ самомъ дѣлѣ, мужчины доводы станутъ выслушивать?

Но «получить» что-либо можно еще путемъ судебнаго процесса.

Таковой и надѣялась выиграть при посредствѣ Государственной Думы к.-д. партія. «Борба за право на почвѣ права» — такова, по истолкованію партійныхъ теоретиковъ, сущность к.-д. тактики. «Почвой права» для партіи служили, какъ я уже замѣтилъ, основные законы Российской имперіи, при чёмъ европейское мнѣніе и общія конституціонныя начала она стремилась использовать въ качествѣ апелляціонной инстанціи. На случай же неудачнаго исхода процесса, какой затѣяли к.-д., въ ихъ душѣ, несомнѣнно, таилась все время надѣжда на кассацію его въ народномъ сознаніи. Къ участію въ дѣлѣ была привлечена и крестьянская масса, но по своему невѣжеству она, нужно думать, не вполнѣ разбиралась во всѣхъ процессуальныхъ тонкостяхъ и, быть можетъ, даже смѣшивала присяжныхъ ходатаевъ съ заправскими ходоками...

Судъ—не единственное, конечно, средство, чтобы «получить» вещь, которую не желаютъ отдать добровольно. Можно принудить къ тому же, обратившись за содѣйствіемъ непосредственно къ силѣ. Послѣдняя можетъ быть примѣнена при этомъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Иногда достаточно бываетъ угрозы—демонстраціи своей силы. На этой тактикѣ особенно усердно настаивали въ первый періодъ движенія соціаль-демократы, и она, несомнѣнно, сыграла потомъ крупную роль, когда ею удалось увлечь массы.

Соціалисты-революціонеры первые, не ограничиваясь бряцаньемъ, обнажили оружіе. Принудительное значеніе примѣненной въ этой формѣ силы сказалось уже тогда, когда къ ней стали прибѣгать немногія единицы...

Наконецъ, «получить» что-либо можно, не ожидая, что нужная вещь по доброй волѣ или въ силу принужденія будетъ отдана. Есть еще способъ—самоуправство. По отношенію къ вольностямъ онъ широко былъ использованъ уже въ прошломъ году: свободы—сначала союзовъ, потомъ собраній и, наконецъ, печати—были осуществлены впервые, какъ известно, явочнымъ порядкомъ и при томъ въ болѣе широкихъ предѣлахъ, чѣмъ потомъ удалось отстоять ихъ, когда дѣло дошло до законодательныхъ актовъ. Революціонныя организаціи своимъ «Манифестомъ» предложили примѣнить ту же тактику по отношенію къ землѣ и власти...

Мнѣ нечего, конечно, говорить, что этотъ набросокъ различныхъ тактикъ страдаетъ схематичностью и всѣми связанными съ ней недостатками. Не стану я останавливаться и на томъ, что одни и тѣ же тактическіе приемы могутъ имѣть разный смыслъ и разнообразное значеніе: петиція, напримѣръ, при известныхъ обстоятельствахъ можетъ получить характеръ демонстраціи, а забастовка, помимо демонстративнаго значенія, почти всегда наносить болѣе или менѣе чувствительные удары врагу, т. е. играетъ роль обнаженнаго оружія. Мнѣ хотѣлось лишь отмѣтить, что тактическая скала имѣеть подъемъ довольно отлогій: я миновалъ нѣкоторыя

изъ ступеней, но и за всѣмъ тѣмъ, какъ видѣли читатели, мы почти незамѣтно отъ «дара» дошли до «захвата».

Этю легкостью перехода и объясняется то обстоятельство, что общество въ цѣломъ и различные общественные группы въ отдѣльности нерѣдко мѣняютъ свою тактику. Еще легче и свободнѣе могутъ передвигаться со ступени на ступень отдѣльные лица. По отношенію къ нѣкоторымъ общественнымъ дѣятельямъ это можно прослѣдить съ особою наглядностью. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы г. Родичева, уже довольно давно пребывающаго на общественной аренѣ. Я не рѣшусь, конечно, утверждать, что онъ когда-нибудь сидѣлъ «въ кельѣ подъ елью», ожидая неназрѣвшихъ щедротъ отъ любвеобильнаго сердца. Но и за всѣмъ тѣмъ я смѣло могу сказать, что г. Родичевъ неоднократно мѣнялъ свои тактическія позиціи. Въ эпоху «безсмысленныхъ мечтаній» мы видѣли его на знакомой ему еще съ начала 80-хъ годовъ ступени всеподданнейшихъ моленій. Адресъ тверского земства, который онъ взялся тогда представить, ни въ коемъ случаѣ нельзя вѣдь было считать демонстраціей. Правда, «блѣлые арапы», какъ ихъ въ былое время называли въ Тверской губерніи, или «черносотенцы», какъ ихъ называютъ теперь повсемѣстно въ Россіи, желая провалить этотъ адресъ, стремились доказать, что въ немъ имѣется намекъ на конституцію. Но я сошлюсь на самого г. Родичева, который, со свойственной только ему экспрессіей, гордо имъ тогда же бросилъ:

— Тверское земство никогда не унижалось до намековъ!.

Потомъ мы видѣли г. Родичева на слѣдующей «моральной» ступени: онъ вошелъ въ составъ земской депутаціи, чтобы представить «доводы». Никакихъ намековъ или недомолвокъ и въ этотъ разъ, конечно, не было. Правда, многое изъ того, что потомъ вошло въ программу к.-д. партіи и даже партіи мирнаго обновленія, сказано не было, но вѣдь недосказанное—какъ потомъ выразился графъ Гейденъ—само собою подразумѣвалось... Вообще, депутаты ушли тогда «вполнѣ удовлетворенные, съ сознаніемъ, что успѣшно выполнили свою миссію».

Легко и свободно «взбѣжалъ» вслѣдъ затѣмъ г. Родичевъ на слѣдующую ступень. Присяжный повѣренный и стряпчій, онъ принялъ дѣятельное участіе въ к.-д. процессѣ и думскомъ судоговореніи. Ему, между прочимъ, поручено было представить апелляцію Европѣ. Во время его отсутствія и состоялся разгонъ Думы. Быть можетъ, это только обстоятельство и помѣшило ему сказать въ первомъ русскомъ парламентѣ финальную рѣчь Мирабо, для которой онъ, казалось, былъ предназначенъ самою судьбою. Говорю: «финальную», такъ какъ несомнѣнно, что ею г. Родичевъ русской революціи не началъ бы. Онъ всегда становился выше зауряднаго обывателя, за что и попадалъ, какъ, напримѣръ, въ эпоху «безсмысленныхъ мечтаній», въ опаду; но онъ никогда изъ оппозиціи

не переходилъ въ революцію. Вѣроятно, и въ этотъ разъ, бросивъ съ экспрессіей знаменитую фразу: «мы уступимъ только силѣ штыковъ», г. Родичевъ предпочелъ бы затѣмъ сдержанно удалиться изъ залы, при появленіи въ ней первого околоточнаго. «Сдержанность—говорилъ онъ на к.-д. съѣздѣ—есть лучшее доказательство силы». Вирочемъ, онъ, можетъ быть, потребовалъ бы, какъ это сдѣлать, будучи уже депутатомъ, въ засѣданіи Вольно-Экономического общества, чтобы околоточный назвалъ свое имя, «дабы его знала исторія»...

Я не случайно взялъ для примѣра г. Родичева, такъ легко вѣбѣгавшаго до извѣстнаго предѣла со ступеньки на ступеньку. При всей отлогости подъема, между ступенями тактики есть, однако, грани, и о каждую изъ нихъ можно запутаться. Наиболѣе выдается между ними, повидимому, та, которая проходитъ между ступенькой, на которой стояли к.-д., и той, на которую съ самаго начала встали с.-д. Въ самомъ дѣлѣ, есть вѣдь принципіальная разница между тѣмъ, когда вы получаете что-нибудь путемъ просьбы или убѣженія, при содѣйствіи хотя бы третьихъ лицъ въ родѣ европейскаго мнѣнія (вѣрнѣе сказать, международныхъ банкировъ), и тѣмъ, когда то же самое отдаются вамъ, считаясь съ вашей собственной силой. Эта черта, какъ я думаю, и представляетъ ту границу между «взять» и «получить», которую мы ищемъ и которая раздѣляетъ два рода тактикъ. Попытки свести разницу между ними къ закономѣрности, которая свойственна-де оппозиції и не свойственна революції, едва ли могутъ считаться удачными. Какая, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть закономѣрность, если самые законы составляются беззаконно? Манифестомъ 17 октября было установлено «незыблѣмое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы», между тѣмъ, сколько послѣ того помимо Думы законовъ было издано и все они воспріяли силу, и только одинъ законъ—тотъ, который былъ одобренъ Думой, остался безсильнымъ! Почему, далѣе, к.-д. считали необходимымъ дѣйствовать въ рамкахъ «основныхъ законовъ», если эти законы, по ихъ собственнымъ словамъ, были «вѣроломно» изданы? Дѣло, очевидно, не въ закономѣрности... Не болѣе удачными представляются мнѣ и ссылки на «право», хотя бы «конституціонное право», которыми средняя партія желаютъ обосновать свою тактику, ибо что такое конституція, какъ не соотношеніе реальныхъ силъ, имѣющихся въ странѣ? Право же народовъ на революцію не отъемлемо, и ни одинъ изъ нихъ не замедлитъ совершить ее, разъ только въ его средѣ имѣются достаточные для этого силы.

Всякая революція сводится въ концѣ концовъ къ вопросу о силѣ. Поэтому и тѣ,—по существу своему, несомнѣнно революціонны,—задачи, которые стоять сейчасъ передъ Россіей, не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ силой. Этимъ, конечно, не предрѣщается еще вопросъ, въ какихъ она можетъ и должна быть примѣнена

формахъ. Какъ я уже сказаъ, эти формы крайне разнообразны, и нѣкоторыя изъ нихъ даже въ настоящее время могутъ быть «закономѣрны». Когда власть перейдетъ къ учредительному собранію, то всѣ народныя силы получать возможность отлиться въ дѣйствительно закономѣрныя формы, до тѣхъ же поръ «закономѣрность» ни больше, ни менѣе, какъ нѣкоторая случайность, которую можно и должно пользоваться, но на которой нельзя строить какихъ-либо плановъ. Суть же не въ ней... Чтобы быть цѣлесообразной, тактика должна опираться на силу. И съ этой точки зреінія, несомнѣнно, правы авторы «Манифеста», когда они говорятъ, что нужно «взять» волю и землю. Попытка «получить» ихъ русскимъ народомъ сдѣлана,—и не разъ уже сдѣлана. Результатъ ея извѣстенъ. Пора уже понять, что для него нѣтъ другого пути, какъ «взять» то, что ему нужно.

Соглашаясь въ этомъ отношеніи съ авторами «Манифеста», я долженъ, однако, отмѣтить, что они приглашаютъ имъ всѣ революціонныя силы собраться на крайней изъ ступеней, какая имѣется въ предѣлахъ охватываемой словомъ «взять» тактики. Я не буду сейчасъ останавливаться на томъ, насколько цѣлесообразнымъ и необходимымъ представляется въ данный моментъ перенесеніе на эту ступень центра тяжести. Напомню лишь то, что мнѣ неоднократно уже приходилось высказывать. Нужна, конечно, рѣшительная тактика, но въ своихъ формахъ она должна быть достаточна разнообразна и ни въ одной изъ нихъ не должна быть перегружена. И въ данномъ случаѣ, какъ я думаю, не трудно было бы предвидѣть, что тотъ высокий діапазонъ, съ какимъ революціонныя организаціи считали возможнымъ возобновить борьбу, заключаетъ въ себѣ не малую опасность. Можетъ быть, и не трудно вскочить на самый верхъ, но не всегда можно звать сюда общественные силы. Всѣ тактическія ступени въ предѣлахъ «взять» должны быть заняты, иначе собранныя на самомъ верху и не поддержаныя на болѣе низкихъ ступеняхъ силы легко могутъ провалиться. Но оставимъ это... Въ настоящее время несравненно важнѣе для насъ остановиться на другой особенности указанной въ «Манифестѣ» тактики.

III.

Между тактикой, какой держались к.-д., и тактикой, которую предложили революціонныя организаціи въ своемъ «Манифестѣ», кромѣ указанной въ предыдущей главѣ разницы, имѣется и еще одно различіе,—не такъ рѣзко бросающеся въ глаза, но имѣющее тѣмъ не менѣе, какъ я думаю, существенное значеніе. Постарайся и его въ двухъ словахъ формулировать.

К.-д. разсчитывали получить землю и волю, оперируя исключительно *своимъ*. Низы, по ихъ мнѣнію, могли и должны были оста-

ваться спокойными. Авторы «Манифеста», наоборотъ, считаютъ возможнымъ взять землю и волю *смизу*. Что касается верховъ, то они какъ будто сами «образуются». На этой особенности предложенной въ «Манифестѣ» и вообще характерной для нашихъ революционныхъ организаций тактики я и считаю необходимымъ остановиться.

«Крестьянство само должно взять волю... «Оно само немедленно должно взять всю землю»... Что это значить? Попытаемся такой захватъ представить себѣ въ конкретныхъ формахъ.

Предо мною лежитъ прокламація «Главнаго бюро южнаго района Всероссийскаго Крестьянскаго Союза». На ней эпиграфъ: «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое». «Пусть въ каждой деревнѣ—читаемъ мы въ этой прокламаціи—собираются сельскіе сходы, если нельзя, то пусть собираются тайно сознательные крестьяне. Пусть на этихъ сходахъ или тайныхъ собраніяхъ принимаютъ участіе и женщины, и молодежь обоего пола, не моложе двадцати лѣтъ. На сходахъ, на этихъ собраніяхъ нужно всѣмъ сообща выяснить: сколько при деревнѣ есть надѣльной земли, сколько собственной крестьянской, церковной, казенной, сколько есть удобной, пахотной земли, сѣнокосу, толоки, сколько подъ садами, виноградниками, а гдѣ есть и подъ другими угодьями. Затѣмъ, сколько земли у ближайшихъ помѣщиковъ и какой земли. Потомъ слѣдуетъ потолковать о томъ, какъ поступить съ землей: передать ли ее въ пользованіе тѣмъ, кто будетъ обрабатывать ее своими руками, или подѣлить всю землю между ними въ собственность, съ правомъ купли-продажи. Рѣшивъ эти вопросы, а также выяснивъ, сколько есть жителей на всей этой землѣ, каждая деревня пусть выберетъ по одному выборному. Выборные отъ всѣхъ деревень волости составятъ волостной земельный комитетъ. Выбирать этихъ выборныхъ должны всѣ мужики и бабы, дѣвки и парни, но понятно не тѣ, кому меньше 20 лѣтъ. Выборными могутъ быть не только мужчины, но и женщины и дѣвушки, если сходъ или собраніе сознательныхъ найдетъ ихъ достойными для такого важнаго дѣла. Выборные тѣ должны съѣхаться въ условленномъ мѣстѣ, если нельзя въ томъ селѣ, гдѣ волость. Собравшись, выборные отъ каждой деревни должны разсказать, какъ у нихъ порѣшено съ землею. Если не у всѣхъ одинаково порѣшено и выйдетъ, значитъ, по какому-нибудь вопросу разногласіе, то придется принять для волости такое рѣшеніе, за какое больше голосовъ будетъ»...

Эту схему не трудно, конечно, продолжить. Выборные отъ волостей соберутся въ условленномъ мѣстѣ, если нельзя будетъ въ городѣ, и образуетъ уѣздный комитетъ. Выборные отъ уѣзовъ образуютъ комитетъ губернскій, а тамъ и верхи образуются: соберутся «всенародные избранники» и составятъ учредителеное собраніе. Вмѣстѣ же съ тѣмъ и общее рѣшеніе получится, «за какое больше голосовъ будетъ»...

Я долженъ, однако, оговориться. Прокламація, которую я цитирую, рекомендуется изложенную схему организаціи въ сущности для того только, чтобы «потолковать» и «рассказать». «Рѣшеніе», которое «придется принять для волости», приводить въ исполненіе не требуется. Прокламація предлагаетъ его только написать, подписать всѣмъ членамъ волостного комитета и послать въ Петербургъ въ Таврическій дворецъ въ Государственную Думу на имя какого-нибудь изъ членовъ трудовой группы, напримѣръ, Аладьина, Аникина, Оникко, Ульянова. Если это трудно сдѣлать, то надо эту бумагу переслать черезъ вѣрнаго человѣка въ Одессу, въ бюро крестьянскаго союза, и оно уже отправить бумагу въ Петербургъ»...

Такимъ образомъ, рѣчь въ данномъ случаѣ шла объ образованіи явочнымъ порядкомъ тѣхъ земельныхъ комитетовъ для обсужденія аграрной реформы, какіе проектировались трудовой группой и были забракованы к.-д. партіей. Фактически же дѣло должно было свестись къ еще меныщему. Судя по тому направленію, какое даетъ ему въ концѣ концовъ прокламація, все могло ограничиться въ сущности «поддержкой», какую крестьяне оказывали Думѣ посредствомъ приговоровъ и наказовъ. Въ случаѣ захвата земли и воли дѣло должно будетъ получить, конечно, болѣе серьезный оборотъ. Рѣшенія сельскихъ и волостныхъ комитетовъ должны быть приведены въ исполненіе...

Произойдетъ, стало быть, слѣдующее. Въ деревнѣ Заплатовѣ соберется сельскій сходъ, а если нельзя, то тайно соберутся соизвѣстительные крестьяне. Такъ или иначе, но трудовое крестьянство рѣшилъ «само взять волю, смѣстивъ всѣ правительственные власти и замѣнивъ ихъ выборными». Такъ или иначе оно приведетъ свое рѣшеніе въ исполненіе. Въ результатѣ получится Заплатовская республика. То же должно будетъ произойти въ Дырявинѣ, Разутовѣ, Зюбишинѣ, Горѣловѣ, Нѣловѣ, Неурожайкѣ—тожъ. Представители всѣхъ этихъ деревенскихъ «республикъ» съединятся въ условленномъ мѣстѣ и образуютъ федеративную республику Пустопорожней волости. Представители волостныхъ штатовъ договарятся загѣть объ образованіи такой же республики уѣзда Теришево-горева. Потомъ будетъ учреждена федерація Подтянутой губерніи, отъ которой, если миновать области, останется одинъ шагъ до всероссийской «демократической республики». Такъ, если представить себѣ въ конкретныхъ формахъ, долженъ происходить захватъ воли, производимый снизу.

Землю я оставлю въ сторонѣ. Захватъ ея по указанной схемѣ, когда статистика собирается на тайныхъ собраніяхъ и вопросъ о томъ, отдать ли землю въ пользованіе или подѣлить въ собственность, решается силами отдѣльныхъ деревень, чреватъ такими опасностями, что къ нему мнѣ придется вернуться особо. Кроме того, и усложнить картину мнѣ сейчасъ не хотѣлось бы. Ограничимся поэтому пока одной волей.

Самую схему ради простоты и наглядности я прикинул въ ея полномъ видѣ. Я допустилъ, что уже деревни начинаютъ приводить свои рѣшенія въ исполненіе. Въ действительности возможенъ, конечно, предварительный говоръ между нами и даже волостями. Всероссійскій говоръ едва ли, однако, возможенъ. Во всякомъ случаѣ, авторы «Манифеста» не вводятъ его въ свой расчетъ. Допустимъ, что въ отдельныхъ случаяхъ окажется возможнымъ предварительное соглашеніе даже по цѣлой губерніи. Каѣбы то ни было, осуществленіе плана должно начатся съ образованія многихъ независимыхъ республикъ и съ отложенія каждой изъ нихъ отъ остальной Россіи. Это-то именно я и желалъ возможно рѣзче подчеркнуть, прикидывая схему въ ея полномъ, не урѣзанномъ видѣ.

Посмотримъ теперь, какъ пойдетъ дѣло въ этихъ независимыхъ при ихъ возникновеніи «республикахъ». Возьмемъ хотя бы такой случай. Деревня Заплатова признала известное рѣшеніе и привела его въ исполненіе. Но потомъ, когда ея представители явились въ волостное федеральное собраніе, то оказалось, что «не у всѣхъ одинаково рѣшено, и вышло», значить, по данному вопросу разногласіе. Выходъ, конечно, есть: «придется принять для волости такое рѣшеніе, за какое больше голосовъ будетъ». Но вѣдь дѣло не въ рѣшеніи только, но и въ исполненіи. Деревня Заплатова то, что она сдѣала, должна будетъ передѣлать заново. Представьте же себѣ, что, рѣшая национальный и религіозный вопросы, она признала необходимымъ всѣхъ евреевъ повѣсить. Не погромъ это былъ и не революціонная борьба, когда какъ никакъ всетаки имѣтъ силу чувство ответственности; заплатовцы сдѣлали свое дѣло въ законодательномъ порядке или въ порядке верховнаго управления. И, конечно, не легко такре дѣло будетъ передѣлать,—для этого недостаточно вѣдь будетъ вынуть повѣшеннаго изъ петли. Если этотъ примѣръ вамъ не нравится, возьмите другой,—не людей, а землю. Представьте себѣ, что заплатовцы подѣлили ее въ собственность и уже осуществили въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ доставшееся имъ такимъ путемъ право купли-продажи; въ волостномъ же собраніи будетъ рѣшено отдавать землю не иначе, какъ въ пользованіе. Чтобы привести это рѣшеніе въ исполненіе, придется вновь прибѣгнуть къ захвату. Правда, подписавшія «Манифестъ» организаціи предлагаютъ передать землю «во временное распоряженіе своихъ выборныхъ, волостныхъ и уѣздныхъ властей впредь до выработки нового земельного закона всенародными избранными». Но вѣдь Заплатовская республика, пока она не вошла въ составъ федераціи, будетъ суверенна, и, стало быть, отъ нея будетъ зависѣть, какіе вопросы подвергнуть не временному только, но и окончательному рѣшенію. Вполнѣ возможно, что подписавшія «Манифестъ» организаціи, даже всѣ вмѣстѣ, окажутся не въ состояніи провести на заплатовскомъ

сходъ свою программу,—и не легко, конечно, будетъ потомъ привести въ исполненіе, какое по большинству голосовъ будеть принято въ волости.

Междуд тѣмъ, на волостномъ собраніи дѣло вѣдь не кончится. Когда представители волостныхъ штатовъ съѣдутся въ уѣздный городъ, то тамъ большинство голосовъ можетъ оказаться на сторонѣ первоначального заплатовскаго рѣшенія или какого-нибудь иного, и, стало быть, передѣланное еще разъ придется передѣлывать. Не придется ли вынутыхъ изъ петли людей вновь повѣсить и дважды захваченную землю вновь подѣлить въ собственность? Междуд тѣмъ, и эта передѣлка можетъ оказаться еще не послѣднею. Вѣдь отъ уѣзданаго рѣшенія до общегосударственного далеко еще...

Я взялъ наиболѣе рѣзкіе примѣры и, быть можетъ, очень сильно утрировалъ то, что можетъ произойти въ дѣйствительности. Но основная моя мысль—невозможность не обсуждать, конечно, а *решать* общенародные вопросы снизу—думаю, понятна. Въ такомъ случаѣ пришлось бы пережить не одну, а нѣсколько революцій,—и при томъ революцій, направленныхъ не противъ тѣхъ, кто находится сверху, а противъ тѣхъ, кто уже совершилъ ихъ внизу. Чтобы избѣгнуть этой опасности, не придется ли отдѣльнымъ деревнямъ, волостямъ, уѣздамъ и губерніямъ предоставить такъ много автономіи, что въ концѣ концовъ для всенароднаго рѣшенія ничего не останется? Съ другой стороны, не будетъ ли слишкомъ велика соблазнъ для каждой деревни, въ случаѣ чего, отказаться отъ участія въ федераціи и остаться въ качествѣ независимой республики? Не придется ли тогда силою оружія создавать единую и нераздѣльную республику,—сначала волостную, потомъ уѣздную и т. д. вплоть до всероссійской? Въ исторіи такие примѣры бывали: напомню хотя бы гражданскую войну между сѣверными и южными Штатами въ Америкѣ. Рабовладѣльческія же деревни и даже цѣлые области могутъ найтись и у насъ. Съ этою опасностью и при другомъ методѣ рѣшенія вопросовъ, вѣроятно, придется еще считаться; воспользоваться же рекомендованнымъ въ «Манифестѣ» способомъ—значило бы, закрывши глаза, броситься ей на встрѣчу.

Демократизмъ, доведенный до своего логического конца, мыслить, конечно, каждую деревню автономной. На этой платформѣ стоять, между прочимъ, анархисты-общинники. Возможно ли, однако, при данныхъ историческихъ условіяхъ такъ далеко провести линію демократизма? Если же возможно, то не лучше ли въ такомъ случаѣ сразу поставить опредѣленную цѣль—анархію?

Но допустимъ, что я преувеличилъ указанную мною опасность. Допустимъ, что ея удастся избѣгнуть, и что вопросы, требующіе всенароднаго рѣшенія, сами собою дойдутъ до общегосударственнаго представительного собранія, и лишь послѣ того принятыя по нимъ рѣшенія будутъ приводится въ исполненіе. Имѣется другая опасность въ предложенномъ «Манифестомъ» тактическомъ планѣ.

Серьезные сомнения можно въдѣль предъявить и на счетъ демократичности, создаваемой по указанному въ немъ способу, хотя бы и временной, хотя бы и предварительной, государственной организаціи. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, какъ озабочено «Главное бюро южного района» производствомъ выборовъ по пятичленной формулы и особенно допущеніемъ къ нимъ молодежи и женщинъ, — «парней и девокъ». Забота, конечно, не напрасная, такъ какъ далеко нельзя быть увереннымъ, что всѣ деревни даже одной Пустопорожней волости, будучи предоставлены самимъ себѣ, пожелаютъ осуществить пятичленную формулу. На практикѣ же эту формулу, независимо даже отъ желаній населенія, несомнѣнно, пришлось бы урѣзать, и, въ частности, для дальнѣйшихъ инстанцій, весьма вѣроятно, пришлось бы отказаться, напримѣръ, отъ прямого голосованія. Не будемъ, однако, заглядывать черезчуръ далеко и останемся въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ схема «Главного Бюро» развернута. Можно ли назвать выборы всеобщими, если ихъ произведутъ на «тайныхъ собраніяхъ» «сознательные крестьяне»? Можно ли ихъ назвать равными, если каждая деревня, независимо отъ своихъ размѣровъ, «выбереть по одному выборному»? Допустимъ, что схема, которую попыталось дать «Главное Бюро» неудачна и что можно предложить несравненно лучшую. Однако и за всѣмъ тѣмъ легко понять, какъ много можетъ возникнуть всякихъ вопросовъ, которые крайне трудно, а то и вовсе не возможно сколько-нибудь правильно разрѣшить путемъ самоопределѣнія отдѣльныхъ деревень, волостей и уѣздовъ.

Само собой понятно, что чѣмъ дальше будетъ подвигаться эта строющаяся снизу государственная организація, тѣмъ больше въ ней будетъ искривленій и неправильностей. И когда образуются «верхі», когда соберется то или иное общегосударственное представительное собраніе, то болѣе, чѣмъ сомнительно, чтобы въ немъ оказались действительные «всенародные» избранники. Трудно предугадать, какой подборъ, въ концѣ концовъ, получится, но несомнѣнно, что созданное такимъ путемъ собраніе рискуетъ оказаться крайне одностороннимъ и далеко не выражющимъ воли всего народа. Оно можетъ оказаться даже болѣе однобокимъ, хотя бы и съ другой стороны, чѣмъ Булыгинская, Горемыkinsкая или Столыпинская дума. Будетъ ли оно въ состояніи разрѣшить, согласно съ желаніями страны, основные государственные вопросы, — хотя бы вопросъ объ организаціи народного представительства? И не рискуетъ ли такимъ путемъ революція, если ей даже удастся избѣжать столкновеній внизу, поднявшись къ самому верху, оказаться въ конфликѣ съ народомъ?

IV.

Я понимаю, конечно, что въ данномъ случаѣ идеть рѣчь о созданіи не нормальной, а революціонной организаціи. И если я остановился на архитектурныхъ неправильностяхъ предложенаго въ «Манифестѣ» плана, то лишь для того, чтобы сразу же устранить ссылку, — а таковая, конечно, возможна, — на красоту и стройность создаваемой снизу государственной организаціи. Дѣло, конечно, не въ красотѣ и не до нея сейчасъ. Положеніе страны представляется въ настоящій моментъ столь тяжелымъ и тотъ или иной выходъ изъ него столь нужнымъ, что необходимо, быть можетъ, идти на самый крупный рискъ, не останавливаясь даже передъ возможностью гражданской войны или передъ диктатурой горлановъ. Претендовать на красоту и стройность революціи не можетъ. Исторія знаетъ примѣры, когда временное правительство провозглашалось уличной толпой и, тѣмъ не менѣе, оно оказывалось способнымъ начать новую эру въ жизни народа. Недемократичная по формѣ, новая организація власти можетъ оказаться достаточно демократичной по существу. Не въ обычное время живемъ мы, когда несовершенство формы можетъ роковымъ образомъ повлиять на содержаніе. Въ странѣ бушуетъ бура, и она наполнить революціоннымъ духомъ даже несовершенныя формы. Согадимъ то, что возможно, не смущаясь уродливостями, — потомъ перестроимъ и исправимъ. Не будемъ останавливаться даже передъ рискомъ, что зданіе потомъ развалится: сейчасъ важно создать хотя бы временное пристанище...

Встанемъ на эту точку зрѣнія. Въ такомъ случаѣ вопросъ о правильности даннаго тактическаго плана теряетъ свое значеніе; самымъ важнымъ является вопросъ объ его осуществимости. Но и съ этой стороны онъ вызываетъ, какъ я думаю, большія сомнѣнія.

Попытки со стороны населенія отдельныхъ мѣстностей самому взять волю были вѣдь уже сдѣланы, и методъ образованія «республикъ» былъ уже испробованъ. Мы имѣли Пятигорскую «республику», Читинскую, Красноярскую, Дебальцевскую... Было нѣсколько волостныхъ и деревенскихъ. Видѣли мы и очень серьезныя попытки въ этомъ родѣ, хотя бы «республику латышскую». Но всѣ такого рода отложившіяся отъ самодержавной Россіи мѣстности были очень скоро, какъ известно, вновь покорены самодержавнымъ правительствомъ. Счастливое исключеніе въ данномъ случаѣ представила Финляндія, но и ея «волю» нельзя вѣдь считать обезпеченней. На фонѣ многихъ другихъ неудачъ, это исключеніе, быть можетъ, только подтверждаетъ общее правило. Воля — сказалъ я — должна быть взята нарodomъ. Несомнѣнно, однако, что это можетъ

сдѣлать цѣлый народъ, а не отдѣльныя деревни и даже не области.

Во всякомъ случаѣ, путь экстенсивнаго возстанія, — захвата воли отдѣльными мѣстностями — уже испробованъ. Изъ горькаго опыта, чтобы онъ не пропалъ даромъ, можно и должно, какъ я думаю, сдѣлать «поучительные выводы».

Нѣкоторые изъ нихъ очень ужъ просты и даже дѣлать ихъ, казалось бы, не къ чему. Нужно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить, что нельзя отдѣльныя, предоставленныя самимъ себѣ, мѣстности противопоставлять врагу, который можетъ обрушиться на нихъ тяжестью цѣлой государственности? Яркій примѣръ неизбѣжнаго въ такихъ случаяхъ пораженія дала Москва во время декабрьскаго возстанія... Силы ея могли быть больше, но онѣ, во всякомъ случаѣ, были ограничены и рано или поздно неизбѣжно должны были оказаться исчерпанными. Правительство изъ трехъ округовъ стянуло тогда войска, но оно могло бы стянуть ихъ въ еще большемъ количествѣ. Его силы, по сравненію съ силами повстанцевъ, представлялись прямо-таки безпредѣльными.

— Если бы Петербургъ поддержалъ въ декабрѣ Москву, то обстоятельства могли бы сложиться иначе...

На этомъ, въ сущности, и строять свой планъ сторонники захвата воли снизу. Не на деревню Заплатову, а на весь народъ они въ конечномъ счетѣ возлагаютъ надежды. Такова же была и психологія самаго возстанія. Учреждая «республику», какое нибудь Дебальцево было, конечно, увѣрено, что за нимъ стоитъ вся Россія.

Но это была «игра въ темную». По отношенію къ декабрьскимъ событиямъ данное выраженіе можетъ быть употреблено въ его почти буквальномъ смыслѣ. Желѣзнодорожная и почтово-телефрафная забастовки, изолировавъ отдѣльныя мѣстности, окутали ихъ мракомъ неизвѣстности. Приходилось жить воображеніемъ и слухами, между тѣмъ люди находились подъ впечатлѣніемъ крупнаго октябрьского выигрыша. Обстоятельства такимъ образомъ сложились необыкновенно благопріятно для азарта и риска. Вполнѣ естественно поэтому, что нашлись люди и цѣлыхъ мѣстности, которыхъ стали «играть въ темную».

Въ свое время газеты передавали, что изъ Харькова была пущена кѣмъ-то телеграмма о всеобщемъ возстаніи, которая и вызвала появление «временныхъ правительствъ» чуть ли не на всѣхъ станціяхъ одной изъ желѣзнодорожныхъ линій. Мнѣ пришлось слышать разсказъ про желѣзнодорожный постъ, весь штатъ котораго состоялъ изъ телеграфиста, дорожнаго мастера и стрѣлочника. Телеграмма и тамъ вызвала образованіе временнаго правительства. Собравшись на митингъ, обитатели поста низложили телеграфиста и провозгласили начальникомъ сына дорожнаго мастера.

«Манифестъ», который мы обсуждаемъ, представляетъ въ сущности такую же телеграмму, рассчитанную на то, что люди повѣрять въ начинающееся общее восстание. Несомнѣнно, что это та же «игра въ темную». Не на организованные силы страны — такихъ силъ, чтобы осуществить всеобщее восстание, въ настоящее время конечно, нѣтъ, — а на стихію авторы возлагаютъ свои надежды. Можетъ быть, поднимется буря, которая охватить широкое пространство. Но, можетъ быть, пронесется лишь смерчъ, который захватить узкую полосу, сорвать нѣсколько крыши, вырвать нѣсколько деревьевъ и затѣмъ замреть, какъ бы убѣдившись въ собственномъ безсиліи.

Стихійные силы въ великой борьбѣ должны быть, конечно, использованы. Можетъ быть — и даже навѣрное — ими, главнымъ образомъ, русская революція и будетъ произведена. Когда почву, заросшую вѣковымъ лѣсомъ, пionеръ желаетъ обратить въ культурную ниву, то онъ раньше сохи пускаетъ огненную стихію. И не противъ обращенія къ стихійнымъ силамъ я возражаю. Но... разсчитывая очистить страну огнемъ, необходимо предварительно убѣдиться, что въ ней имѣется достаточно горючаго материала. Прежде, чѣмъ поднести спичку, нужно убѣдиться, что дуетъ вѣтеръ, который поможетъ огню охватить все предназначеннное для выживанія пространство. Иначе получится не ладина, которую можно будетъ обратить въ ниву, а костеръ, который оставить по себѣ лишь ни на что не нужную плѣшину. Хуже того: получится костеръ, какъ бы специально устроенный для самосожженія.

Я не буду сейчасъ останавливаться на томъ, имѣется ли въ странѣ достаточно горючаго материала, чтобы могъ произойти общий пожаръ. Будемъ пока исходить изъ факта: еще недавно мы видѣли вспышки въ Свеаборгѣ, въ Кронштадтѣ, на «Памяти Азова», но общаго пожара не получилось. Помимо всего прочаго, какъ я думаю, въ данномъ случаѣ сыграло свою роль и отсутствие подходящаго вѣтра, который бы раздувалъ и разносилъ пламя.

Послѣ каждой неудачной вспышки вѣроятность, что одновременно произойдетъ какое-нибудь «общее выступленіе» — а къ этому въ сущности и сводится разбираемый нами планъ тактики, — становится, какъ я думаю, все меныше и меныше. Необходимымъ условиемъ такого неорганизованного общаго выступленія является, какъ мы видѣли, вѣра въ общую поддержку. И вотъ эта-то вѣра рядомъ неудачныхъ вспышекъ въ значительной части дѣйствующихъ силъ уже подорвана. Нѣть былого увлеченія и непосредственности, — меныше стало и охоты играть въ темную.

Россія велика и мѣстности, способная вспыхнуть въ ней, конечно, еще найдутся. Можетъ быть, найдутся и обширныя еще пространства, на которыхъ огонь могъ бы разгорѣться достаточно сильнымъ, что-бы не быть погашеннымъ, пламенемъ. Но не слу-

чайно революционными организациями обращаютъ свои взоры въ данномъ случаѣ къ деревнѣ: въ значительной своей части она не пережила еще своей непосредственности и не потеряла способности къ увлечению. Участвовавшія же въ борьбѣ силы простой «телеграммой» теперь въ дѣло, пожалуй, не двинешь.

Наглядный и яркий примѣръ, какъ измѣняется въ этомъ отношеніи массовая психологія, даютъ намъ всеобщая забастовка. Припомните великую октябрьскую забастовку. Какъ быстро и какое громадное пространство она захватила. Желѣзодорожный союзъ бросилъ тогда спичку. Не думайте, что это была какая-нибудь могучая организація, — число членовъ союза было тогда очень не велико и даже теперь, послѣ всѣхъ ужасныхъ репрессій, какія онъ пережилъ, ихъ насчитывается, какъ говорятъ, больше. Но онъ былъ силенъ тогда вѣрой въ него. Теперь, тотъ же самый союзъ, обращается «ко всему российскому крестьянству» съ предложеніемъ начать восстаніе, и не рѣшается начать въ собственной средѣ даже забастовку. Очевидно, онъ чувствуетъ, что уже неѣть бытого обаянія.

Ноябрьская всеобщая забастовка оказалась несравненно менѣе удачной и ограничила почти однѣмъ Петербургомъ. На это были, конечно, свои причины: и то, что рабочіе далеко еще не оправились послѣ октябрьского выступленія, и то, что поводы, вызвавшіе эту забастовку, военное положеніе въ Польшѣ и военный судъ надъ матросами въ Кронштадтѣ — были для массы, можетъ быть, не достаточно ясны. Какъ бы то ни было, тогдашняя неудача, наложила свою печать на психологію даже наиболѣе сознательного петербургскаго пролетаріата. Декабрьская всеобщая забастовка оказалась еще болѣе неудачной, юльская, которую предприняли соціал-демократы послѣ распуска Думы, — и совсѣмъ жалкой. Теперь нужны, по общимъ отзывамъ, исключительные обстоятельства, чтобы всеобщая забастовка могла осуществиться. И прежде всего нужна, конечно, вѣра, что забастовка будетъ всеобщей, — иначе каждый заводъ и каждая мастерская будуть дѣйствовать съ оглядкой, выжиная, пока начнутъ другіе, а мы-де поддержимъ. Тѣмъ болѣе нужна такая вѣра, чтобы могло стихійно осуществиться такое общее «выступленіе», какъ повсемѣстный захватъ «воли». Воздорить эту вѣру, — вѣру въ то, что воля будетъ взята не заплатовскимъ только трудовымъ крестьянствомъ и не петербургскимъ только пролетаріатомъ, а всѣмъ трудовымъ народомъ, — и представляется необходимымъ. Только при этомъ условіи можно цѣлесообразно использовать стихію.

Съ этой точки зрѣнія, можетъ быть, не лише будетъ сдѣлать кое-какіе и другіе поучительные выводы изъ горькаго опыта.

Выше я уже упомянуль, что при бывшихъ до сего времени вспышкахъ каждая мѣстность неизмѣнно оказывалась предоставленной своимъ собственнымъ силамъ. Не только никакихъ планомѣр-

ныхъ попытокъ стянуть силы изъ другихъ мѣстъ обыкновенно не предпринималось, но и никакого тяготѣнія ихъ туда, гдѣ онѣ были нужны, замѣтно не было. Въ самомъ дѣлѣ: Петербургъ не могъ поддержать Москвы не только баррикадами, но и забастовкой; но онъ могъ бы, казалось, поддержать ее личными силами. Въ то время, какъ правительство стягивало къ Москвѣ войска, и революція могла вѣдь двинуть туда добровольческіе отряды. Въ дѣйствительности, однако, изъ Петербурга въ Москву поѣхали только семеновцы, революціонный же Петербургъ до конца остался въ роли зрителя...

На ряду съ этимъ отсутствиемъ какого бы то ни было стремленія къ концентраціи силъ, крайне характернымъ представляется другой фактъ. «Вспышки» обыкновенно кончались раньше, чѣмъ горючій матеріалъ, имѣвшійся въ данной мѣстности, бывалъ израсходованъ. Надлежащаго упорства въ отстаиваніи разъ начатаго дѣла не оказывалось. Приходится, такимъ образомъ, констатировать крайнюю неустойчивость психики въ возникавшихъ до сего времени «республикахъ».

Причины этой неустойчивости были, конечно, сложны, но въ числѣ ихъ далеко не послѣднее мѣсто, какъ я думаю, занимала недостаточная авторитетность учреждавшейся явочнымъ порядкомъ власти. Въ началѣ ей склонны бывали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подчиняться даже губернаторы, но очень скоро обыкновенно въ ея правомочности начинали сомнѣваться даже тѣ, которыми она была установлена. Не столько, быть можетъ, физической, сколько моральной не хватало ей силы.

Въ одномъ изъ сибирскихъ городовъ имѣлъ мѣсто, какъ рассказываютъ, такой случай. Желѣзнодорожный баталіонъ, дѣйствовавшій въ полномъ согласіи съ рабочими и даже участвовавшій черезъ своихъ представителей въ комитетѣ, который исполнялъ роль мѣстной власти, заявилъ однажды, что онъ переходитъ опять на сторону правительства.

— «Безъ правительства жить нельзя», — только и могли объяснить солдаты.

Я думаю, что можно и должно понять эту психологію. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ, что народъ долженъ взять «волю», то ни въ коемъ случаѣ не должны упускать изъ виду, что это слово имѣеть два смысла. Взять волю — это значитъ взять власть и свободу. Но это разныя вещи, и едва ли ихъ можно взять однимъ и тѣмъ же способомъ. Личную свободу можно осуществлять явочнымъ порядкомъ, — революціонное право каждого человѣка и, стало быть, каждой общественной группы въ этомъ отношеніи безспорно. Но въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о захватѣ совсѣмъ другой «воли». Представьте же себѣ, что деревня Заллатова начинаетъ осуществлять народную волю въ смыслѣ власти. Ея право лишь въ томъ случаѣ могло бы быть признано бесспорнымъ, если бы она въ серьезъ

отложилась отъ остальной Россіи. Тогда населеніе деревни Заплатовой представило бы изъ себя «народъ», который и могъ бы осуществить свою волю. Но въ дѣйствительности вѣдь этого быть не можетъ. Сознаніе общенародного единства остается, и, стало быть, волю деревни Заплатовой ни въ коемъ случаѣ нельзя отождествить съ волею народа. Изъ этого слѣдуетъ, что какія бы власти ни были учреждены въ отдѣльныхъ городахъ и всяхъ и сколь бы совершеннымъ способомъ онѣ ни были избраны,—разъ онѣ учреждены для данныхъ только мѣстностей—выразительницами народной воли онѣ быть не могутъ. Правительство можетъ быть узурпаторскимъ, но, оставаясь олицетвореніемъ народа и дѣйствуя его именемъ, оно неизбѣжно будетъ давить на психику не только массъ, но и самихъ революціонеровъ.

Взять волю—это значитъ учредить совсѣмъ другую власть, не заплатовскую, а общенародную. И лишь такая власть можетъ сдѣлаться центромъ, къ которому будутъ стекаться силы. Только тогда революція приобрѣтетъ центростремительный, а не центробѣжный, какъ теперь, характеръ. И, быть можетъ, лишь съ появлениемъ такой власти въздорится вѣра, что воля будетъ взята всѣмъ народомъ.

Между тѣмъ, въ тактическомъ планѣ, который мы сейчасъ обсуждаемъ, вопросъ о правительствѣ отсутствуетъ вовсе. Правда, въ «Манифестѣ» упоминается объ учредительному собраніи, но именно такъ, какъ будто оно само «образуется». Въ этомъ и заключается, какъ я думаю, основной дефектъ разбираемаго нами тактическаго плана. Ошибка, которую допускаютъ авторы «Манифеста», пожалуй, не меныше той, какую допускаютъ к.-д., хотя и противоположна ей. Тѣ надѣются получить волю безъ поддержки снизу; эти разсчитываютъ взять ее, не объединенной сверху.

Я уже сказалъ, что считаю к.-д. тактику ошибочной. Я не вѣрилъ ей даже тогда, когда к.-д. министерствоказалось вѣроятнымъ, для самихъ же к.-д. даже несомнѣннымъ. Но я думаю, что они правы, когда желаютъ начать съ правительства. Только такимъ путемъ народъ можетъ взять свою волю. Если же я не вѣрилъ и не вѣрю въ успѣхъ ихъ тактики, то только потому, что считаю ихъ не способными «взять» волю, хотя они и знаютъ, гдѣ она находится. Они вѣдь, «на почвѣ права, ведутъ борьбу за право», они разсчитываютъ получить власть на законномъ основаніи. Если бы они сдѣлались министрами, то еще тщательнѣе, конечно, закутались бы въ тогу своей лояльности...

Совершили ли бы они въ такомъ случаѣ революцію?—а вѣдь она сверху до низу должна быть кѣмъ-либо произведена. Раскассировали ли бы они немедленно полицію?—конечно, пѣть, потому что воры имъ все еще кажутся страшнѣе погромщиковъ. Довѣрили ли бы они общественную безопасность самочинно сложившимся въ борьбѣ за свободу организаціямъ?—едва-ли, ибо революціонеры

имъ показались бы, можетъ быть, страшнѣе грабителей. Сдѣлавшись министрами, к.-д., вѣроятнѣе всего, занялась бы не революціей, а реформами. Они стали бы пересматривать штаты и «на законномъ основаніи» проводить законы. Они дѣлали бы это, конечно, съ знаніемъ дѣла, съ толкомъ, и съ разстановкой,—съ неизбѣжной для нихъ разстановкой, какъ бы они ни спѣшили. Они стали бы ждать нужныхъ «волеизъявленій». Сдѣлавшись министрами, они не сдѣлались бы правительствомъ. Правительство осталось бы прежнее... Не въ закономѣрности, какъ я уже сказалъ, тутъ было бы дѣло,—она, какъ была, такъ и осталась бы декорацией. Въ дѣйствительности, к.-д. просто-на-просто не рѣшились бы опереться на революціонныя силы народа. А безъ нихъ никакой революціи получиться не можетъ.

Но малонадежной представляется мнѣ и тактика, рекомендуемая въ «Манифестѣ». К.-д. не рѣшились бы смѣлымъ взмахомъ молота, если бы таковой даже достался имъ въ руки, раздробить существующую организацію власти и отдать страну во власть народа. Революціонныя организаціи, наоборотъ, какъ будто полагаютъ, что народную волю можно собрать изъ осколковъ власти, въ то время, какъ самодержавіе будетъ бить по нимъ остающимся въ его рукахъ молотомъ...

Въ мою задачу, какъ обозрѣвателя, не входить, конечно, проектированіе тѣхъ формъ, въ какихъ могло бы возникнуть народное правительство. Исторія же пользовалась для этого разными. Старое правительство низвергалось и новое учреждалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ улицей: основной вопросъ рѣшался, такимъ образомъ, однимъ ударомъ. Таковы были революціи XIX вѣка во Франції. Въ другихъ случаяхъ новое правительство возникало рядомъ съ прежнимъ и гражданская война рѣшала споръ между ними. Достаточно было въ нѣкоторыхъ случаяхъ высадки небольшого отряда, чтобы вопросъ о правительстве въ странѣ сдѣлялся спорнымъ. Бывали въ исторіи и всякия другія формы,—не столь рѣзкія, почти мирныя. Мыслима и та форма, которую, слѣдя нѣкоторымъ западно-европейскимъ образцамъ, желали, но не могли использовать к.-д. Но я не припомню ни одного случая, когда бы новое правительство выросло снизу,—на манеръ коралловаго острова. И я боюсь, что такимъ путемъ не только цвѣтущаго материка въ бурномъ океанѣ, какой представляется изъ себя Россія, но даже достаточно твердаго подводного рифа, о который могъ бы разбиться корабль нынѣшней государственности, пожалуй, и то не получится...

— «Учредительное собраніе не созывается, а учреждается»— говорилъ и подчеркивалъ на терюкскомъ митингѣ г. Аладынъ.

Лишь условно можно согласиться съ этимъ. Въ дѣйствительности, учредительное собраніе, хотя бы и не въ качествѣ такого, всегда созывалось правительствомъ. Создать для этого новое пра-

вительство или заставить это сдѣлать старое,—въ этомъ и заключается задача. Во всякомъ случаѣ, нельзя ждать, что учредительное собрание просто-на-просто «явится» изъ деревни Заплатовой.

Тактическій кризисъ, о которомъ я упомянулъ въ самомъ началѣ, поскольку дѣло касается революціонныхъ организаций, и заключается, по моему мнѣнію, въ неосуществимости плана, въ основѣ которого лежалъ расчетъ на неорганизованное «общее выступленіе». Сознаніе этой неизбѣжности неизбѣжно должно было явиться въ средѣ революціонныхъ партій, и онѣ остановились теперь какъ бы на распутьи. Въ связи съ этимъ, какъ можно думать, находится и нѣкоторая заминка въ общественной борьбѣ. Остановка, конечно, продлится недолго и революціонныя силы двинутся. Но отъ того пункта, на которомъ они сейчасъ находятся, можно идти въ двухъ направленихъ: съ одной стороны, можно сдѣлать борьбу совсѣмъ эксцентричной или, какъ теперь принято выражаться, партизанской; съ другой стороны, можно попытаться, въ той или формѣ, сконцентрировать силы.

Какая изъ этихъ тактикъ или какая комбинація ихъ при данныхъ условіяхъ представляется наиболѣе цѣлесообразной? Какая изъ нихъ при данной организаціи революціонныхъ силъ представляется наиболѣе возможной? Чтобы уяснить себѣ это, мы должны войти въ кругъ совсѣмъ другихъ фактovъ и соображеній, чѣмъ съ какими имѣли дѣло на предыдущихъ страницахъ,—и бесѣду на эту тему я отложу до слѣдующаго раза.

26 августа въ Берлинской санаторіи скончался писатель Михаилъ Рафаиловичъ Гоцъ (Рафаиловъ),—одинъ изъ видныхъ дѣятелей партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Предполагавшійся къ напечатанію въ настоящей книжѣ некрологъ покойного, вслѣдствіе внезапной болѣзни автора П. Ф. Якубовича, будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ номерѣ.

А. Пѣшехоновъ.

Новые книги.

Борись Лазаревский. Повѣсти и разсказы. Издание М. М. Земзина. Москва. 1906. Стр. 340. Цѣна 1 р. 25 к.

«Таланту подражать нельзя, потому что каждый настоящий талант есть нечто совершенно своеобразное. Золота искусственнымъ путемъ не сдѣлаешь». Это замѣчаніе Чехова сохранилось въ воспоминаніяхъ о своемъ любимомъ писателѣ г. Лазаревскому. Замѣчаніе было бы жестоко, если бы было правильно; но оно слишкомъ категорично, чтобы быть правильнымъ. Бываютъ небольшие таланты, подражательные, однако настоящіе; не возможно назвать ихъ совершенно своеобразными, но не возможно и совершенно отрицать ихъ. Типичнымъ образцомъ талантовъ этого рода представляется намъ дарованіе г. Лазаревского. Читаешь его съ интересомъ и иногда съ удовольствиемъ чувствуешь: это хорошо, это правда. Но иногда вдругъ въ сердце мѣстъ улыбнешься — до такой степени все копируетъ Чехова. Г. Лазаревский воспроизводитъ не только внешнюю манеру чеховскаго изложенія; его темы перепѣваются Чехова, его герои повторяютъ чеховскихъ героевъ, онъ самъ, изображая ихъ, проникается настроениемъ, которое мы иначе не назовемъ, какъ чеховскимъ. Это не школа Чехова, не вліяніе Чехова: это именно воспроизведеніе. Школа оставляетъ слѣды на индивидуальности, но воспитываетъ самостоятельного творца; вліяніе не исключаетъ своеобразія. Кольцовъ повлиялъ на Никлтина, но Никлтина былъ самъ по себѣ; Альбовъ вышелъ изъ Достоевскаго, но Альбова не смѣшаешь съ Достоевскимъ. Рассказъ г. Лазаревскаго можно выдать за разсказъ Чехова, слабый и странно неудачный, — какъ будто Чеховъ, однако и не Чеховъ; удивительный случай литературной мимикріи. Обмануться можно, конечно, не надолго; всякая имитациѣ разсчитана на поверхностный взглядъ, но въ этихъ предѣлахъ подражательная манера г. Лазаревского исполняетъ свою роль безукоризненно. Сознательного въ этомъ подражаніи, конечно, не много: хотѣлось взять въ техникѣ большого писателя то, что казалось въ ней сильнымъ, хотѣлось усвоить его міровоззрѣніе, пассивно-скептическое, гуманно-всепрощающее, благодушно-безразличное; привлекательной и нужной казалась смѣлость, съ которой любимый писатель трактовалъ иѣкоторыя положенія, какъ будто запретныя для стыдливой русской литературы: и въ погонѣ за всемъ этимъ молодой писатель отдалъ изъ своей индивидуальности больше, чѣмъ слѣдовало; и то, что у Чехова было творчески самобытнымъ, стало у г. Лазаревского перенѣвомъ. У него нѣть

своего стиля — и стиль Чехова сталъ у него манерой: быть можетъ, недостатокъ характера больше, чѣмъ таланта.

Чеховъ былъ несравненнымъ мастеромъ «анализа безконечно малыхъ». Знаменитая большія уши, которая Анна Каренина увидала у своего мужа только тогда, когда полюбила другого,—самый подчеркнутый и общеизвѣстный образецъ этихъ психологическихъ и бытовыхъ мелочей, безконечно мелкихъ и безконечно важныхъ въ изображеніи жизни и неуловимыхъ для всѣхъ, кроме настоящаго художника. Чеховъ схватывалъ ихъ съ поразительной наблюдательностью и безстрашно складывалъ изъ нихъ самую суть своего разсказа. Г. Лазаревскій также охотно отмѣчаетъ эти мелочи, и останавливается на нихъ вниманіе читателя. Но одна черточка отличаетъ ихъ отъ чеховскихъ: онѣ не убѣдительны, не необходимы; какъ трель или cadenza ad libitum у виртуоза вытекаетъ не изъ сущности передаваемаго имъ произведенія искусства, а изъ потребности его техники, такъ не нужны и навязчивы психологическая и бытовая подробности въ разсказѣ г. Лазаревскаго. Дѣйствіе разсказа «Вавочка» происходитъ на театръ минувшей войны; героиня уѣхала туда съ сестрой вслѣдъ за мужемъ. «Коля уѣхалъ со своей частью въ воинскомъ поѣздѣ, а мы съ Надѣй побыли въ Москвѣ еще цѣлыхъ полторы недѣли. Посмотрѣли «Вишневый садъ», который произвелъ на меня страшное впечатлѣніе, кое-что въпили и выѣхали въ воскресенье съ экспрессомъ». Героиня разсказа «Ученица» разсказываетъ, какъ онаѣхала съ матерью въ Крымъ: «Мама боялась моря и потому отъ Севастополя до Ялты мыѣхали въ ландо. Колыта четырехъ лошадей слегка топали по известковой пыли. Побрякивало привязанное подъ кузовомъ ведро. Рокотали рессоры. Дремалось». Въ разсказѣ «Урокъ» вниманіе читателя останавливается на томительно-неопределенному настроеніи созрѣвающей дѣвушки: «Дина съ нетерпѣніемъ ждала Пасхи и лѣта. Теперь, въ посту, чувствовалось особенно тоскливо, и единственнымъ развлечениемъ была постная пища. Иногда она съѣдала по цѣлой коробкѣ маринованной осетрины и любила вымазывать бѣлымъ хлѣбомъ острыи, немногій пахнущій жестью, соекъ».

Это случайные примѣры — есть, вѣрно, болѣе яркіе, — но надо вчитаться въ разсказы г. Лазаревскаго, чтобы видѣть, до какой степени не нужны ни для дальнѣйшаго движенія разсказа, ни для «настроенія», ни для «характеровъ» эти детали, до какой степени притянуты безъ основанія и этотъ «Вишневый садъ», и бряканье ведра подъ кузовомъ, и пахнущій жестью соекъ маринованной осетрины. А вѣдь въ разсказѣ — такъ училъ г. Лазаревскаго покойный Чеховъ — «какъ на палубѣ военного корабля, не должно быть ничего лишняго». Менѣе всего способенъ г. Лазаревскій исполнить этотъ завѣтъ Чехова: коротокъ или длиненъ его разсказъ, онъ всегда воднистъ, всегда растянутъ ненужными под-

робностями. Непосредственно за афоризмомъ о военномъ корабль г. Лазаревский разсказываетъ, какъ онъ встрѣтилъ однажды Чехова: поразительный примѣръ того, какъ безслѣдно прошли для ученика слова учителя. «Въ апрѣлѣ 1900 года въ нашъ городъ прѣѣхалъ московскій художественный театръ. Для глубокой провинціи это было огромнымъ событиемъ. Я отправился къ зданію театра съ цѣлью во что бы то ни стало достать для себя и для жены билеты, хоть на «Чайку», которая была анонсирована на 13-е число. Съ трудомъ, но мѣста были куплены, и я довольный вышелъ изъ кассы. Смотрю, на лавочкѣ, у самаго входа въ театръ, сидить Антонъ Павловичъ. Мы поздоровались. Чеховъ спросилъ, отчего я такъ плохо выгляжу. Я отвѣтилъ, что усталъ и что у меня было сильное разлитіе желчи». И такъ далѣе на протяженіи страницъ: существенное въ нихъ является исключеніемъ; остальное—такія же ненужныя сообщенія г. Лазаревскаго о себѣ. Ненужныя не потому, что г. Лазаревскій говорить о себѣ. Лирикъ тоже говорить о себѣ, но намъ кажется, что онъ говорить и о нась. Въ томъ же, что Чеховъ добылъ для г. Лазаревскаго два билета на «Одинокихъ» у г. Немировича, который «ходитъ въ цилиндръ», нѣть ничего интереснаго ни для кого.

Да, трудно воспроизвести Чехова въ главномъ, легко подражать ему во внѣшнемъ: въ неожиданныхъ философски-пессимистическихъ размышленіяхъ героевъ, въ легкомъ скептическомъ тонѣ, въ особомъ вниманіи къ половой природѣ героевъ. Все это было у Чехова, но было полно содержанія; здѣсь оно сдѣлано, ненужно, иногда пошло. Г. Лазаревскій охотно останавливается на женской психологіи и охотно сближаетъ ее съ физіологіей. Рассказы, иногда написанные отъ имени женщинъ, выдвигаютъ физіологическая подробности мимоходомъ, но настойчиво. «Жарко, все бѣлье прилипаетъ», «я ходила грустная, въ легкомъ пеньюарѣ, надѣтомъ прямо на тѣло», «мне нравилось также — героиня разсказываетъ, какъ она высоко волетала на гигантскихъ шагахъ, — что въ это время товарищи моего брата Миши, восьмиклассники, смотрѣли на мои ноги», «я подошла къ зеркалу въ одной сорочкѣ, отстегнула на плечѣ пуговку и спустила ее».... Съ неизмѣнной монотоніей отмѣчается одна деталь: «Блондинка съ мало развитымъ бюстомъ» (*«Жизнь»*), «шатенка съ хорошо развитымъ бюстомъ», «блондинка съ плоской грудью»; «тонкое кружево сорочки, а за нимъ почти вся, одна очерченная, какъ у Фрины на картинѣ Семирадскаго, вполнѣ сформировавшаяся грудь, которая спокойно то подымалась, то опускалась» (*«Урокъ»*), «застегивала кофточку такъ, чтобы при дыханіи видно было кружево сорочки и кусочекъ тѣла» (*«Ученница»*); «мокрая сорочка спустилась съ одного ея плеча и открыла художественно-очерченную грудь» (*«Egalit e»*). Безъ всякой prudeгie: вѣдь это, наконецъ, скучно. Эти детали бываютъ нужны — но никогда не бываетъ нужно, чтобы онѣ лѣзли въ глаза, чтобы онѣ

повторялись изъ разсказа въ разсказъ. Цѣлый очеркъ посвященъ въ сборникъ обличительному изображенію того, какъ толпа мужчинъ — гимназистовъ и взрослыхъ, чиновниковъ и солдатъ—смотрѣть на купающуюся дѣвушку; разсказъ называется «*Egalit *» и мораль его въ томъ, что люди сравнялись въ грязи. «Я не циникъ—говорить рассказчикъ—и никогда имъ не былъ. Мне не выразимо болѣно, до крика болѣно думать, что за всю мою жизнь я только однажды видѣлъ картину дѣйствительности, на которой люди были похожи на равныхъ». Хорошо бы сдѣлать г. Лазаревскому, если бы исключилъ изъ своего сборника и эту напыщенно-философскую «*Egalit *» и такие очерки, какъ «Жизнь», «Эгершельдъ», «Она»—и сократилъ бы прочіе. Въ нихъ много лишняго—и обѣ этомъ не стоило бы говорить, если бы въ нихъ не было много цѣнаго. Не для того, чтобы смягчить все вышесказанное, но для того, чтобы усугубить его значеніе, мы рѣшительно настаиваемъ на томъ, что было говорено о г. Лазаревскомъ вначалѣ: у него есть талантъ. Онъ наблюдателенъ, онъ вдумчивъ; онъ такъ неестественъ въ роли скептика именно потому, что онъ по существу не скептикъ: у него есть милая, привлекательная чувствительность, которая ему къ лицу и которую онъ неумѣло и напрасно прикрываетъ горделивымъ *à vol d'oiseau*. И какъ хорошо и тепло, когда онъ,—какъ въ «Умершей»,—не дѣлаетъ этого. По этому пути надо идти г. Лазаревскому — надо не стыдиться себя, надо искать себя, надо стать собой.

Станиславъ Пшибышевскій. Заупокойная Месса. Книгоиздательство „Скорпіонъ“. (Четвертая книга собранія сочиненій). Москва. 1906. Цѣна 1 рубль.

Маловѣры, улыбающіеся при мысли о незыблемости русскихъ свободъ, а въ частности—свободы русского печатного станка, нынѣ получаютъ усиленное доказательство свободы послѣдняго. Это—четвертая книга сочиненій Пшибышевскаго въ изданіи «Скорпіона»,—книга, которая, во-первыхъ, украшена обложкой Gidus'a, а во вторыхъ, содѣржитъ въ себѣ «Заупокойную Мессу» (отсюда общее заглавіе для всего тома).

И «Заупокойная Месса», и обложка имѣютъ за собой цѣлую «всеобщую» (австро-русскую) исторію, разсказанную издателями въ предисловії. Оказывается, что «Заупокойная Месса» своевременно, при своемъ появлѣніи (въ 1901 г.) въ краковскомъ журналѣ «Кутуса», была конфискована австрійскими властями, а затѣмъ въ 1904 г. и русскими, когда книгоиздательство «Скорпіонъ» попыталось включить «Заупокойную Мессу» во II томъ собранія сочиненій Пшибышевскаго. Книга была арестована и вновь разрѣшена лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ съ изыятіемъ «Заупокойной Мессы». — То же самое произошло, но уже исключительно на

российской территории, и съ обложкой немецкаго художника Gidus'a. Обложка предназначалась не для «Заупокойной Мессы», а для «Homo Sapiens», была своевременно разрешена цензурой московской, но главное управление по деламъ печати тоже своевременно спохватилось, предназначенный къ выпуску романъ задержало и, по словамъ издателей, непремѣннымъ условіемъ выхода книги поставило—замѣну обложки другой... Вотъ какъ было прежде, не такъ теперь. Теперь, какъ видѣть читатель, никому невозбранно и прочесть «Заупокойную Мессу», обратившую на себя вниманіе литературно-полицейской стражи двухъ странъ, и полюбоваться обложкой отъ «Homo sapiens», которою издатели, по ихъ словамъ, сочли возможнымъ украсить «Заупокойную Мессу», въ виду того, что авторъ-художникъ, специально запрошенный по этому поводу, нашелъ, что его обложка можетъ такъ же хорошо иллюстрировать содержаніе «Заупокойной Мессы», какъ и содержаніе «Homo Sapiens». Съ своей стороны, мы думаемъ, что издатели напрасно беспокоили специальнымъ запросомъ автора-художника, такъ какъ его обложка является своего рода универсальной обложкой ко всѣмъ произведеніямъ Пшибышевскаго, вошедшими въ составъ четвертой книги. Во всѣхъ нихъ герой является душевно-больной человѣкъ, фиксировавший свою мысль на сферѣ половой жизни, и потому изображенный на обложкѣ голый, съ чернымъ лоскутомъ на плечѣ, человѣкъ нѣсколько библейскаго характера, съ энергией мономана шагающій навстрѣчу кому-то или чему-то по тѣламъ совершенно обнаженныхъ женщинъ, среди потоковъ свѣта, брызжущихъ отъ какихъ-то фантастическихъ свѣтиль, одинаково опредѣляеть—или не опредѣляеть—содержаніе и «Заупокойной Мессы», и «Въ чась чуда», и «Города смерти».

Заупокойной мессой является самое содержаніе разсказа Пшибышевскаго. «Въ началѣ былъ полъ. Ничего, кроме него,—все въ немъ»,—по своему рѣшаеть герой «Заупокойной Мессы» задачу Фауста, при чемъ подъ словомъ «полъ», мѣняя тѣсный смыслъ этого слова, разумѣеть общемировую силу, которая создала все бытіе съ его жаждой бытія. И пока, на самомъ дѣлѣ, ничего не было, кроме «поля», бытіе было цѣльнымъ и гармоничнымъ. Но вотъ биологическая жизнь (частный случай «поля») создала мозгъ, роль кото-раго, конечно, была тоже служить интересамъ биологической жизни (поля). Тѣмъ не менѣе «то, что должно было быть средствомъ, что должно было служить, стало самоцѣлью, властелиномъ»: мозгъ воз-сталъ, въ концѣ концовъ, противъ «поля», противъ цѣлостности стремленія жить. Законность стремленія жить и размножать жизнь не подлежитъ сомнѣнію въ глазахъ героя «Заупокойной Мессы»,—во тогда ему непобятно, почему же это стремленіе должно прятаться куда-то въ потемки отъ сознанія, отъ мысли? А если мысль «пожрала» въ немъ «полъ», какъ выражается герой «Заупокойной Мессы», то не обозначаетъ ли это безсиліе «поля» биологического приговора къ смерти? Герой Пшибышевскаго пытается насищественно

возстановить первичную целостность своей души; онъ пытается бунтарскимъ путемъ уравнять въ себѣ права биологической и интеллектуальной сторонъ жизни, но оказывается беспомощнымъ и терпить въ своей попыткѣ тяжелое поражение. Не получается ничего, кромѣ пароксизмовъ бѣшенаго наслажденія и затѣмъ тяжкой мучительной расплаты за него передъ «душой»... Кромѣ смерти никакого другого средства удовлетворить жажду синтеза и гармоніи въ себѣ у героя Пшибышевскаго, надѣй которымъ онъ и служитъ свою заупокойную мессу, не оказалось...

Пшибышевскій намѣренно избралъ въ качествѣ героя «Заупокойной Мессы» человѣка, утратившаго душевное равновѣсіе. По его словамъ—въ предисловіи къ «Заупокойной Мессѣ»—для современного художника-психолога цѣнны именно «тѣневыя полосы, которая мономанія, психозъ (у современного человѣка) бросаютъ въ будущее (нормального человѣка, какимъ онъ будетъ)»... «изъ жизни, ощущенія какого-нибудь тонко организованного алкоголика, мономана, страдающаго психозомъ ужасныхъ видѣній, можно вывести болѣе глубокія и тонкія заключенія о психологіи эпохи, о природѣ дѣйствительно индивидуальныхъ чертъ, чѣмъ изъ произведеній иного великаго литератора. — Большей частью это— величественные откровенія самаго интимнаго и глубокаго въ человѣческой душѣ; это — сверкающія молніи, которая бросаютъ яркій, хотя и мгновенный, свѣтъ въ великое невѣдомое, въ чуждую страну безсознательнаго.» — Эта теорія проникновенія въ будущее, если читатель раздѣлить ее, поможетъ, несомнѣнно, читателю превозмочь утомительныя до скучности подробности «Заупокойной Мессы». Если же читатель не соблазнится этой гипотезой, сближающей Пшибышевскаго съ первобытными анимистами (Пшибышевскій знаетъ это, заставляя своего героя констатировать, что ему «не хватаетъ объединяющей вѣры» и въ томъ числѣ «вѣрѣ въ Шарко и вѣры въ божественность одержимости бѣсами»), тогда онъ совершенно законно со своей точки зрѣнія отнесеть весь четвертый томъ къ тому единственно-недопустимому, по Вольтеру, жанру въ литературѣ, который называется скучнымъ. Не измѣнить впечатлѣнія ни блестящій, колоритный языкъ; ни, поражающія многогранностью и яркостью сравненій, характеристики того, о чѣмъ въ томъ или другомъ случаѣ идетъ рѣчь, ни вкрапленный въ философію «стихотворенія въ прозѣ», для чего-то вновь (отдѣльно) перепечатанныя въ концѣ книги. Въ цѣломъ всетаки угнетающее своимъ однообразiemъ нагроможденіе интересныхъ деталей, замысловато и причудливо связанныхъ. Это обстоятельство, несомнѣнно, гораздо больше помѣшаетъ широкимъ слоямъ читателей подчиниться «заражающему» вліянію философской беллетристики Пшибышевскаго, чѣмъ это сумѣли бы сдѣлать австрійскія и отечественные литературно-полицейскія власти.

Поль и Викторъ Маргеритъ. Коммуна. Романъ. Пер. съ франц.
Е. А. Кашкиной. Изд. Н. Глаголева. Спб. Стр. 435. Цѣна 80 коп.

Авторы — братья Маргеритъ. Тема — коммуна. И тѣмъ не менѣе, читателю приходится не читать романъ, а «одолѣвать» его. По словамъ авторовъ, ихъ романъ долженъ служить выраженіемъ ихъ «ужаса и ненависти къ самой возмутительной изъ войнъ». Въ то же время авторы-художники задавались специальной цѣлью — быть беспристрастными: ихъ романъ посвященъ одинаково «побѣдителямъ и побѣжденнымъ Коммуны... примиреннымъ въ смерти и забвеніи». Быть можетъ, эта сложность настроенія и задачи авторовъ и понизили общій тонъ въ романѣ. Въ романѣ совершенно не чувствуется страсти: нѣтъ именно того «ужаса» и той «ненависти», о которыхъ говорится въ посвященіи. Передъ читателемъ только люди, желающіе быть правдивыми въ передачѣ взаимнаго озвѣрѣнія «братьевъ-враговъ», какъ выражаются авторы. Но и это сдѣлано блѣдно. Для своихъ цѣлей авторы пользуются длинными и всесторонними характеристиками положенія, дѣлаемыми старымъ историкомъ, однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ, который старается все видѣть и все понять, такъ какъ именно въ качествѣ очевидца-историка «онъ долженъ былъ дать отчетъ всему (во всемъ?), что видѣлъ», какъ не совсѣмъ ясно опредѣляетъ побужденія 65-лѣтняго историка переводчика «Коммуны». Такія же длинныя характеристики — въ длинныхъ рѣчахъ другого дѣйствующаго лица, химика и старого республиканца, который достаточно освѣдомленъ и въ рабочемъ вопросѣ, и въ дѣлахъ биржи, а когда заходитъ рѣчь о Тьерѣ, способенъ, «положивъ руку на плечо Марсіала» (сына-скульптора), прочесть цѣлую передовицу о прошлой роли Тьера въ качествѣ государственного дѣятеля юльской монархіи и объ его «будущей» роли въ качествѣ главы республики, которую, скрѣпя сердце, придется признать.. Въ результатѣ — длинный конспектъ по истории, который былъ бы, быть можетъ, менѣе затруднителенъ для чтенія, если бы подзаголовкомъ: «романъ» не обѣщалъ читателю того, чего онъ не можетъ дать — художественныхъ впечатлѣній.—Переводъ не свободенъ отъ погрѣшиостей и въ отношеніи правильности передачи подлинника, и въ отношеніи правильности русской рѣчи.

П. И. Поповъ. Въ Америкѣ. Издательство О. Н. Поповой. Спб. 1906 г. стр. 322. Цѣна 1 р. 50 коп.

И въ подзаголовкѣ, и въ текстѣ книги авторъ не разъ указываетъ на то, что пробылъ въ Америкѣ двадцать три года. Онъ отправился туда послѣ прерванной тюремнымъ заключеніемъ университетской карьеры, получилъ за океаномъ медицинское образованіе и около четверти вѣка провелъ на новой родинѣ. О ея нравахъ и строѣ, текущей жизни и историческихъ воспоминаніяхъ

сообщалъ онъ отечественной прессѣ всѣхъ оттѣновъ, отъ «Нового Времени» до «Вѣстника Европы»; нынѣ «по совѣту своихъ друзей и знакомыхъ, въ свое время читавшихъ эти очерки и до сихъ поръ сохранившихъ о нихъ свое благопріятное воспоминаніе», онъ собралъ часть этихъ статей въ лежащемъ предъ нами томѣ.

Цементомъ, заѣрѣвшимъ это «благопріятное воспоминаніе» на столь продолжительное время, были несомнѣнно, не столько достоинства очерковъ г. Попова, сколько отмѣченныя имъ дружественныхъ связи. Ибо можно безъ скуки и не безъ пользы прочитать его сообщенія объ американской жизни, но нѣть основанія помнить ихъ дольше, чѣмъ помнить всякую корреспонденцію. Не надо быть въ Америкѣ, чтобы видѣть, что во времія своего двадцати-трехлѣтняго пребыванія въ заатлантической республикѣ авторъ сумѣлъ видѣть поразительно мало, не говоря ужъ о томъ, что рассказалъ онъ о видѣнномъ довольно вяло и блѣдно. Содержаніе сборника г. Попова разнообразно не только по содержанію, но и по формѣ: не удовлетворяясь прозой, онъ излагаетъ свои наблюденія также въ видѣ беллетристическихъ очерковъ. Онъ разсказываетъ о быстромъ и безболѣзномъ ростѣ небольшого городка, о силахъ и нравахъ американской периодической прессы, о національныхъ праздникахъ американцевъ, о гигантскихъ культурныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ освобожденными неграми за первое двадцати-пятилѣтіе ихъ эманципації; онъ даетъ общую характеристику страны и ея своеобразнѣйшихъ типовъ—профессионального политика, торгового агента и репортера; едва ли первый у насъ онъ заговорилъ объ Уитманѣ, нынѣ знаменитомъ поэтѣ-символистѣ. Онъ сообщаетъ о беспорядкахъ въ Цинциннати и о морозѣ въ Нью-Йоркѣ; этотъ морозъ былъ въ 1881 году—нѣть основаній занимать гмъ вниманіе читателей черезъ двадцать пять лѣтъ. Другіе очерки, конечно, болѣе значительны. Несомнѣнно, однако, что десятки книгъ, авторы которыхъ пробыли всего годъ-другой въ Америкѣ, даютъ о ней болѣе яркое и болѣе жизненное представлѣніе, чѣмъ рассказы г. Попова. Возможно, что при этомъ его книга основательнѣе и правдивѣе; но тѣмъ, кто привозилъ съ собой въ Америку устойчивое, сложившееся міровоззрѣніе, даръ прозрѣнія и изображенія, удавалось мимоходомъ бросить глубокій взглядъ на американскую жизнь, раскрыть ту или иную черту ея существа, чего никогда и нигдѣ не встрѣтишь въ очеркахъ г. Попова. Въ нихъ все на мѣстѣ, все чинно и аккуратно, но въ то же время все невыносимо плоско. Ихъ элементарность дѣлаетъ ихъ пригодными для той публики, которой нужны элементарныя свѣдѣнія; но и ей едва ли полезны тѣ элементарныя идеи, которыми г. Поповъ освѣщаетъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія.

Пановъ, А. В. Домашнія бібліотеки. Ізданіе III, дополненное.
Спб. 1906. стр. 179. Ц. 40 коп.

Своевременно нашъ журналъ далъ отзывъ объ этой полезной книжкѣ. Успѣхъ ея оказался достойнымъ ея значенія: передъ нами лежитъ ея третье, дополненное изданіе. Къ величайшему сожалѣнію, оно дополнено уже не самимъ составителемъ, но вѣрными продолжателями его дѣла: ужъ третій годъ, какъ А. В. Панова нѣтъ въ живыхъ. Приложенные къ новому изданію поминальныя статьи, при всей своей краткости, даютъ ясное представлѣніе о жизни и дѣятельности этого типичаго провинціального подвижника просвѣщенія, одного изъ тѣхъ многочисленныхъ освободителей родины, которыхъ такъ легко затирается и забывается наша жестокая жизнь. Сынъ деревенскаго дѣячка, нелюбимый ребенокъ бѣдствующей семьи, въ шесть лѣтъ уже служацій «нянькой» въ крестьянской семье, потомъ одинокій семинаристъ, ставшій въ старшихъ классахъ центромъ кружка «прогрессистовъ» и, наконецъ, выдающійся студентъ казанской духовной академіи, арестованный и уволенный изъ нея за семнадцать дней до полученія диплома, а затѣмъ, можетъ быть, и профессорской каѳедры: вотъ тотъ путь, по которому покойный труженикъ пришелъ къ самостоятельному міровоззрѣнію и самостоятельной дѣятельности. Эта дѣятельность слагалась изъ службы въ библіотекѣ, объединенія провинціальной интеллигентії, работы въ газетахъ и журналахъ. Невольные переселенія характеризуютъ въ достаточной степени направленіе, окрашивавшее эти просвѣтительныя стремленія; изъ Нижніаго-Новгорода пришлось перебраться въ Самару, изъ Самары, за помѣщеніе въ «Правѣ» потрясающаго въ своихъ подробностяхъ отчета о громкомъ земельномъ процессѣ крестьянъ с. Боровки съ графомъ Орловымъ-Давыдовымъ, пришлось переселиться въ Саратовъ. Въ воспоминаніяхъ объ А. В. Пановѣ г. Гессенъ разсказываетъ трогательную исторію о томъ, какъ, несмотря на воспрещеніе отлучаться изъ Саратова, покойный привезъ на юбилей Н. К. Михайловскаго адресъ. Это былъ тотъ знаменитый адресъ, оригиналъ котораго былъ конфискованъ администрацией съ цѣлой серіей подписей, и копію котораго, вскорѣ изготовленную, не всѣ рѣшились везти въ Петербургъ. Но всѣ эти препятствія какъ бы не существовали для А. В. Панова. «Весь, безраздѣльно, онъ былъ поглощенъ заботою передать въ неприкосновенности юбилейный адресъ, который былъ покрытъ тысячами подписей, и въ которомъ, онъ надѣялся, ясно отразилось громкое біеніе пульса провинціальной жизни. Въ его рукахъ этотъ адресъ казался святыней, которую онъ и охранялъ со всѣмъ пыломъ своей души. Я слѣдилъ за А. В. на юбилейномъ обѣдѣ: на щекахъ горѣлъ чахоточный румянецъ, влажные глаза блестѣли, и весь онъ превратился въ слухъ, стараясь не проронить ни одного слова изъ рѣчей ораторовъ. Нужно было, какъ онъ потомъ пояснилъ мнѣ, все это пересказать пославшимъ его, сооб-

щить, что и здѣсь широко разливаются волны общественной жизни, что Петербургъ сливаются съ провинціей въ общихъ желаніяхъ и стремленіяхъ. Въ тотъ же вечеръ А. В. пришлось покинуть Петербургъ». Получивъ право свободнаго передвиженія, онъ прежде всего перекочевалъ въ любимый имъ Нижній, гдѣ занялся изданіемъ уже составленнаго каталога «Домашня библіотеки». Успѣхъ вознаградилъ его за труды, но второе изданіе ему пришлось заканчивать уже во время мучительной борьбы со смертью. «Личное вліяніе его было огромно. Память о немъ еще долго будетъ одушевлять всѣхъ зналшихъ его въ стремленіи работать для счастья народа».

Намъ кажется, что въ той работѣ по дополненію «Домашнихъ библіотекъ», которую приняли на себя продолжатели дѣла покойнаго, лежитъ надлежащій путь къ достойномуувѣковѣченію его чистой памяти. Наша популярная литература растетъ съ чрезвычайной быстротой, которая, однако, едва ли превышаетъ ростъ читательскихъ слоевъ. Усиливается и ширится необходимость разобраться въ этой новой, по преимуществу, политической по содержанию и броширной по формѣ, литературѣ. Пусть же обзоръ ея и даѣтъ сосредоточиваться вокругъ ядра, созданнаго «Домашними библіотеками». Пусть эта маленькая книжка, сохранивъ имя первоначального составителя и данное имъ заглавіе, вырастетъ въ цѣлую книгу, въ исчерпывающій обзоръ, въ настольное руководство, для дѣятелей русскаго самообразованія, которыхъ ждетъ теперь столь широкая работа. Пусть при этомъ обновленная и расширенная книга А. В. Панова сохранить достоинства первоначального опыта: его добросовѣстность и его широту, его идеальный подъемъ и его самостоятельность.

В. Саводникъ. Очерки по истории русской литературы. Москва. 1906. Стр. V+501+III. Цѣна 1 р. 60 коп.

Г. Саводника вовлекли въ невыгодную сдѣлку. Министерство народного просвѣщенія, какъ всѣмъ известно, не отстающее отъ прочихъ въ погонѣ за духомъ времени, издало новые программы для своихъ среднихъ учебныхъ заведеній,—и г. Саводникъ послѣшилъ составить курсъ, «примѣнительно» къ этимъ программамъ. Но его расчеты, конечно, ошибочны. Прошли блаженные времена, когда программы были незыблѣмы, какъ прочіе устои, и когда учебники, одобренные ученымъ комитетомъ, болѣе непогрѣшимы, чѣмъ ключарь св. Петра, въ теченіе десятковъ лѣтъ печатались наперекоръ стихіямъ со стереотипа, съ тѣми же нелѣпостями, тѣми же передержками и тѣми же опечатками. Примѣръ налицо: не успѣлъ г. Саводникъ изготовить свой благопристойный и «примѣнительный» учебникъ, устои шатаются, «новыя» программы пересматриваются и сменяются «новѣшими».

И не мудрено: работа г. Саводника съ особенной наглядностью показываетъ, какъ ничтожны, бездарны и безлюдны были попытки министерства въ тысячу первый разъ обойти общественное мнѣніе и ввести въ программы средней школы не ту новую русскую литературу, которую желало видѣть въ нихъ русское общество, а тѣ «избранныя мѣста» изъ этой литературы, которыхъ отнынѣ сочтены безопасными для взрослого гимназиста.

По существу, г. Саводникъ исполнилъ свою задачу недурно: въ его книгѣ все на мѣстѣ; требования министерства исполнены безъ ущерба для требованій здраваго смысла. Книга написана съ знаніемъ и съ искренностью—и если она не нужна гимназисту старшихъ классовъ, то въ этомъ виновато министерство больше, чѣмъ г. Саводникъ. Онъ сдѣлалъ, какъ полагается: раздѣлилъ свою книгу на двѣ части—до Гоголя и послѣ Гоголя, рассказалъ біографіи писателей, поговорилъ объ ихъ избранныхъ произведеніяхъ, оцѣнилъ по возможности таковыя и охарактеризовалъ героевъ. Изъ его книги хорошо списывать гимназической сочиненія, но учиться по ней не годится.

Дѣло въ томъ, что исторія новой русской литературы, какъ предметъ преподаванія, существеннѣйшимъ образомъ отличается отъ прочихъ гимназическихъ наукъ. Математики и грамматики ученикъ не знаетъ: ему надо въ должномъ порядкѣ передать весь доступный и необходимый ему материалъ пзъ этихъ областей знанія. Но въ новой русской литературѣ онъ знаетъ самое важное: онъ читалъ русскихъ классиковъ. Читалъ нелѣпо, съ безобразными проблемами, безъ толку, но всетаки читалъ—и это непосредственное знакомство съ богатырями художественной мысли, конечно, безконечно важнѣе всего того, что можетъ о нихъ сказать учебникъ. Въ этихъ условіяхъ задачей школы должно быть не столько сообщеніе знаній, сколько ихъ упорядоченіе, внесеніе смысла и послѣдовательности въ внѣшкольное чтеніе ученика. Въ этой трудной задачѣ роль учебника сводится къ крайнему минимуму: онъ не въ силахъ замѣнить то творческое, живое руководство, безъ котораго совершенно немыслимо преподаваніе родной литературы. Отвѣтить на это, что у насъ нѣтъ подходящихъ для этого преподавателей, значитъ не отвѣтить; созданіе такихъ преподавателей потребовало бы, во всякомъ случаѣ, меныше времени и усилий, чѣмъ было затрачено на ихъ истребленіе. Ибо въ шестидесятыхъ годахъ такие преподаватели, несомнѣнно, были, и даже толстовская гимназія не искоренила ихъ до конца. Для такого преподавателя, какъ и для его ученика,—русская литература послѣ Гоголя не сводится, какъ у г. Саводника, къ *шести*—да, къ шести, это не ошибка,—писателямъ, изъ коихъ С. Т. Аксакова г. Саводникъ прибавилъ самовольно, «какъ одного изъ наиболѣе яркихъ представителей русского национального духа въ литературѣ». Къ учителю, желающему быть воспитателемъ мысли, приходитъ ученикъ, который вѣ

что уже читаль, который—что еще важнѣе—знаетъ, что въ русской литературѣ послѣдней половины вѣка были не только пять звѣздъ, но было множество менѣе замѣтныхъ, но все же замѣчательныхъ писателей, были чрезвычайно важныя теченія, были выдающіеся истолкователи, имена которыхъ столь же извѣстны у наскѣ, какъ и имена большихъ поэтовъ. И что же? Ему ни слова не говорять не только о Лѣсковѣ, объ Алексѣѣ Толстомъ, о Григоровичѣ, о Рѣшетниковѣ, о Добролюбовѣ, но даже о Писемскомъ, объ Успенскомъ, о Некрасовѣ. Г. Саводникъ всѣмъ жертвовалъ, боясь допустить въ оцѣнкѣ 'разбираемыхъ' литературныхъ явленій что-либо «спорное, узко-субъективное». Поэтому онъ «отказался отъ мысли дать общую картину литературнаго движения во вторую половину XIX вѣка и ограничился изображеніемъ дѣятельности нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся писателей и оцѣнкой ихъ важнѣйшихъ трудовъ, въ которыхъ съ наибольшей ясностью отразились характерные особенности ихъ дарованія; впрочемъ, такое ограниченіе задачи стоитъ въполномъ соотвѣтствіи съ требованиями министерской программы». Вотъ какъ хорошо вышло: конечно, требование авторитета столь высокаго, какъ министерская программа, и не могли столкнуться съ требованиями здраваго смысла, а если бы и столкнулись, то горе слабѣйшему.

На самомъ дѣлѣ курсъ исторіи новой русской словесности для средней школы долженъ быть написанъ по иной программѣ. Не избѣгать «общей картины литературнаго движения во вторую половину XIX вѣка» онъ долженъ, а наоборотъ—въ изображеніи этой общей картины его задача. Онъ долженъ раскрыть преемственность литературныхъ явленій, показать, что въ литературѣ было движение, а не безразличная смѣна славныхъ имёнъ и классическихъ произведений: только это сдѣлаетъ его исторіей литературы, а не ея распространеннымъ каталогомъ. Онъ долженъ быть сводомъ тѣхъ фактovъ, знанія которыхъ школа въ правѣ требовать отъ своего ученика. Поэтому нельзя дѣлать такъ, какъ дѣлаетъ г. Саводникъ: устранить изъ обзора всѣхъ лириковъ, потому что «ознакомленіе съ ними всего лучше можетъ произвести самъ преподаватель, путемъ класснаго чтенія и разбора отдѣльныхъ поэтическихъ произведеній». Классная работа не замѣняетъ учебника, и учебникъ не замѣняетъ классной работы: его надо знать; поэтому онъ долженъ быть кратокъ—втрое короче книги г. Саводника—и полонъ существенныхъ фактovъ и руководящихъ обобщеній. Тогда онъ будетъ настоящимъ помощникомъ для учителя. Такому учебнику не будетъ страшна и субъективность, которой такъ ужасно боится г. Саводникъ. Напрасная боязнь—уже потому, что никакими оговорками въ предисловіи не оградишился отъ этой субъективности. И, дѣйствительно, вопреки обѣщаніямъ, вся книга г. Саводника въ оцѣнкахъ и критическихъ экскурсахъ субъективна: не потому, конечно, что то, что онъ говоритъ, недостойно высокаго званія объ-

ективной истины, но потому, что наравнъ съ этими истинами о тѣхъ же предметахъ могутъ быть высказаны иные, съ ними равноправныя. Г. Саводникъ, напримѣръ, усматриваетъ главную идею «Дворянского гнѣзда» въ томъ, что «смыслъ жизни состоять не въ исканіи личного счастья, а въ плодотворной работѣ на пользу общую». Очень хорошо и очень благородно; но, быть можетъ, г. автору извѣстно, что всякий вправѣ вложить въ истинно художественное произведеніе субъективное пониманіе, свою «главную идею»? Поэтому напрасно г. Саводникъ предполагаетъ ждать, пока на иѣ-которые произведенія «установится опредѣленный взглядъ въ кри-тическій». Неужто на «Гамлете» установился опредѣленный взглядъ? Неужто онъ когда-нибудь установится? И не будетъ ли это смертью «Гамлете»?

Краткій систематический словарь всемірной литературы.
Подъ редакціей В. В. Битнера. Часть первая. Съ рисунками. Издание „Вѣст-ника Знанія“ (В. В. Битнера). Спб. 1906 г.

У насъ нѣтъ литературного словаря, и нужда въ такомъ по-собіи не подлежитъ сомнѣнію. Въ Англіи есть Алибонъ, въ Ита-лии Губернатісъ, во Франціи Вапро и Лолье, въ Германіи—спра-вочники Мейера и разнообразныя Goldene B點her и т. п. Только нашъ читатель въ нуждѣ долженъ обращаться къ общимъ энци-кlopедіямъ, гдѣ онъ не всегда найдеть необходимыя свѣдѣнія. При такихъ обстоятельствахъ, заглавіе пособія г. Битнера есте-ственно привлечетъ къ нему всякаго, въ комъ интересъ къ лите-ратурѣ еще не затушенъ болѣе злободневными и насущными ин-тересами. Къ сожалѣнію, всѣхъ, въ томъ числѣ и тѣхъ немногихъ, кого, какъ оказывается изъ предисловія, имѣлъ въ виду состави-тель,—ждетъ при ближайшемъ знакомствѣ съ произведеніемъ г. Битнера жесточайшее разочарованіе. Въ «Систематическомъ сло-варѣ всемірной литературы» г. Битнера нѣтъ ни словаря, ни си-стемы. Это рядъ случайно надерганныхъ изъ разныхъ книгъ ста-теекъ, изуродованныхъ произвольными, безсмысlenными вставками и, въ общемъ, дающихъ только картину того хаоса, который го-сподствуетъ въ мысляхъ и намѣреніяхъ составителя. Достаточное представление объ этомъ хаосѣ даетъ, впрочемъ, и предисловіе ре-дактора, предписанное изданію. Оказывается, что «Словарь все-мірной литературы» не былъ задуманъ самъ по себѣ: онъ является «далънѣйшимъ развитіемъ предполагавшагося нами изданія сочине-нія «Характеристика героевъ всемірной литературы». Какъ извѣстно, писатели и поэты разныхъ временъ и народовъ вопло-тили общечеловѣческое стремленіе къ истинѣ въ прекрасныхъ образахъ, таковы: Фаустъ, Донъ-Жуантъ, Прометей, Гамлеть и т. д. Первоначальная намѣренія составителя и ограничивались «собра-ніемъ критическихъ отзывовъ и характеристики, сдѣланныхъ луч-шими авторами объ этихъ герояхъ». Затѣмъ оказалось необхо-

димымъ къ этимъ прекраснымъ образамъ изъ европейской литературы присоединить героевъ и искателей истины изъ русской литературы. Среди послѣднихъ авторъ называетъ Плюшкина, Чичикова и Хлестакова. При такой широтѣ возврѣній, естественно, невозможно было остановиться на галлереѣ всемирныхъ и иныхъ Прометеевъ: «Характеристика того или иного героя, того или иного литературного типа не можетъ быть полною, если мы не укажемъ мѣста, занимаемаго самимъ авторомъ въ лицѣ тѣхъ или иныхъ его произведеній, какъ въ родной ему литературѣ такъ и»—и такъ далѣе. Такимъ образомъ, явился, «рядъ руководящихъ статей по вопросамъ исторіи литературы». Онъ «расположены въ систематическомъ порядкѣ». Гдѣ же объщанный словарь? А очень просто: «Мы присоединимъ ко второй части Словарь-указатель, который, кромѣ указаній на страницы обѣихъ статей, будетъ заключать въ алфавитномъ порядкѣ и разныя краткія свѣдѣнія объ авторахъ, литературныхъ терминахъ, мелкихъ типахъ и пр.».

Развязности предисловія соотвѣтствуетъ вся книга; открывается она статьей «Міровой эпосъ»; статья выдернута изъ книги В. Ф. Корша и испещрена вставками изъ всѣхъ сочиненій, случайно извѣстныхъ составителю, отъ Филонова до Буслаева и отъ Шерра до К. Аксакова; гдѣ кончается Шерръ и начинается Коршъ, неизвѣстно. По этому способу сдѣлана вся книга. Шерръ сдобрѣнъ Абрузовымъ и Тихоновичемъ, Брандесъ Коганомъ, Шаховымъ, Брокгазомъ и Ефрономъ, Коганъ Ларусомъ, котораго составитель, кажется, считаетъ авторомъ всякой статьи, входящей въ Grand Dictionnaire. Все это сдѣлано безъ толку, безъ тѣніи системы и литературной добросовѣтности; о систематичности можно судить по такому порядку главъ: «Средніе вѣка и возрожденіе» Кирпичникова; «Шекспиръ» Шерра; «Сатира» Брюнетьера; «Вѣкъ просвѣщенія» Самюэля; «Фаустъ» Шахова; «Донъ-Жуанъ» Когана; «Вѣчный жидъ» Шахова—и такъ далѣе. Въ заключеніе, «Гамлетъ» Когана.

Не совсѣмъ обыкновенной смѣлостью надо обладать, чтобы не только назвать эту мародерскую стряпню «систематическимъ словаремъ», не только выразить надежду, что эта книга «окажеть значительную пользу учащимся», но и предположить ей замѣчаніе, что «трудности составленія такой книги, очевидно, останавливали нашихъ педагоговъ, и до настоящаго времени у насъ такой работы не было». Конечно, не было: кто же могъ ее такъ составить, кромѣ всесторонняго г. Битнера.

Новыя книги, поступившия въ редакцію.

(Значащія въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ, экземпляре и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ, контора не принимаетъ на себя комиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Сочиненія А. П. Чехова. Т. XI. Разсказы и пьесы. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій *Омулевскаго* (И. В. Федорова). Въ двухъ томахъ. Спб. 1906. Ц. 3 р.

Стихотворенія А. Н. Плещеева. Четвертое дополненное изд. Поль ред. П. В. Быкова. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Евг. Тарасовъ. Стихи (1903—1905). Спб. 1906. Ц. 30 к.

Владимиръ Шуфъ. Въ край иной... Сонеты. Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Анатолій Бурнакінъ. Вольныя пѣсни. Стихи 1906 г. Харьковъ. 1906.

Г. Галина. Предразсвѣтныя пѣсни. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Е. С. Левіна-Сысоева. Разсказы и стихотворенія. Со статью А. Я. Ефименко. Спб. 1906. Ц. 30 к.

II. Гейеръ. Элегія и другіе рассказы. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Въ деревнѣ. **Евгении Ловецкой.** Спб. 1906. Ц. 75 к.

В. Семеновъ. Бой при Цусимѣ. Спб. 1906. Ц. 50 к.

II. П. Кузьминскій. „Красный адмиралъ“ (лейтенантъ Шмидтъ). Драма-быль. Спб. 1906. Ц. 1 р.

З. А. Раговина. Исторія одной души (Елена Келлеръ). Спб. 1906. Ц. 80 к.

Маякъ. Литературно-публицистический сборникъ. Изданіе А. Лугового. Спб. 1906. Ц. 1 р. 35 к.

Свободная совѣсть. Литературно-философскій сборникъ. Книга вторая. М. 1906. Ц. 1 р. 70 к.

Рудинскій. Записки земскаго врача. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Л. Г. Дейчъ. 16 лѣтъ въ Сибири (воспоминанія). 2-е исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Русские писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи *Ореста Миллера*. Т. I. И. С. Тургеневъ и Ф. М. Достоевскій. Изд. четвертое. Т-во М. О. Вольфъ. Спб.—Москва. Ц. 1 р. 50 к.

В. А. Келтумяла. Курсъ исторіи русской литературы. Часть I. Книга первая. Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Вып. I. М. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

С. Ф. Либроеичъ. Нерусская кровь въ русскихъ писателяхъ. Спб. 1906. Ц. 40 к.

В. Н. Крачновский. Афоризмы. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Томасъ Карлейль. Прежде и теперь. Пер. съ англійскаго Н. Горбова. М. 1906. Ц. 3 р.

С. Н. Булгаковъ. Религія человѣкобожества у Л. Фейербаха. М. 1906. Ц. 30 к.

Аленскій Боровой. Общественные идеалы современного человѣчества. Либерализмъ. Соціализмъ. Анархизмъ. (Книгоизд. „Ідея“). М. 1906. Ц. 25 к.

Проф. Н. А. Умовъ. Эволюція живого и задача пролетаріата мысли и воли. Книгоизд. „Творческая Мысль“. М. 1906. Ц. 30 к.

В. Блоссъ. Французская революція Пер. съ нѣмецкаго Н. С. Тютчева. Книгоизд. „Паллада“. Спб. 1906. Ц. 65 к.

Н. Котляревскій. Декабристы. Кн. А. Одоевскій и А. А. Бестужевъ-Марлинскій. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Политическая энциклопедія. Ежемѣсячный журналъ подъ ред. **Л. З. Слонимскаго**. Т. I. Выпукъ 2. Спб. 1906. Ц. за 3 тома въ 12 вып. 9 р.

П. П. Микулинъ. Аграрный вопросъ. Харьковъ. 1906. Ц. 1 р.

Ален. Калантаръ. Аграрные проблемы. Тифлісъ. 1906. Ц. 10 к.

М. Томара. Къ аграрной реформѣ. М. 1906. Ц. 10 к.

Кн. Григорій Волконскій. Обязательная наследственная аренда. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Михаиль Туганъ-Барановскій. Национализациія земли. Второе значительное дополненное и переработанное изд. Спб. 1906. Ц. 60 к.—Теоретические основы марксизма. Третье изданіе. Спб. 1906. Ц. 75 к.

В. Твердохильбовъ. Обложеніе го-

родскихъ недвижимостей на Западѣ. Часть I. Одесса. 1906.

A. Вангофферъ. Вѣчность человѣческой жизни (Къ вопросу о страховании рабочихъ). Харьковъ. 1906. Ц. 5 к.

A. Нечволовъ. Отъ разоренія къ достатку. Слб. 1906. Ц. 80 к.

H. И. Кузнецовъ. Реорганизація земства (на основахъ всеобщаго избирательного права). Воронежъ. 1906. Ц. 10 к.

G. M. Баранъ. О судебныхъ доказательствах по Русской Правѣ (отдѣльный оттискъ изъ „Вѣстника Права“). 1906.—Повѣсти и сказанія древне-русской письменности, имѣющія отношенія къ евреямъ и еврейству (Одн. оттискъ изъ журн. „Киевская Старина“).

Книгоиздательство „Дѣло“. *P. Трейманъ.* Тираны (Монархомаки). Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ М. А. Рейснера. Слб. 1906. Ц. 50 к.

Книгоиздательство „Правда“. Киевъ. 1906. *D-ръ В. Комштедтъ.* Аграрный вопросъ и соціаль-демократія. Съ предисловіемъ Карла Каутскаго. Пер. съ нѣмецкаго. Ц. 60 к.—*Луи Бланъ.* Іюльскіе дни 1830 г. (Изъ „Історіи десяти лѣтъ“). Пер. съ французскаго. Ц. 40 к.—*Вильгельмъ Либкнехтъ.* Безъ компромиссовъ. Пер. съ нѣмецк. Ц. 15 к.—*Карлъ Каутскій.* Революціонныя перспективы (на современныя темы). Ц. 20 к.—*Жанъ Жоресъ.* Интернаціонализмъ и патріотизмъ. Перев. съ французскаго. Ц. 12 к.—*Эдуардъ Вальянъ.* Рабочее законодательство и гигіена. Пер. съ франц. Ц. 10 к.—*Поль Бампфлейеръ.* Юнкеръ и крестьянинъ. Ц. 8 к.

Дешевая библіотека товарищества „Знаніе“. Слб. 1906. № 231. *Ф. Фанью.* Рабочее профessionальное движение въ Англіи. Перев. съ франц. подъ редакціей I. Гольденберга. Ц. 12 к.—№ 261. *Поль Лрафаръ.* Аграрная программа. Пер. съ франц. подъ редакціей I. Гольденберга. Ц. 5 к.—№ 274. *Э. Лиссагаръ.* Исторія парижской коммуны въ 1871 г. Съ французскаго полный перев. подъ редакціей В. Базарова. Ц. 70 к.

Книгоиздательство Л. О. Крумбюгеля и Н. Н. Худекова. М. 1906. *Элизе Рено.* Богатство и нищета. Перев. съ франц. подъ редакціей Л. П. Никифорова. Ц. 10 к.—*Генри Джорджъ.* I. Всѣ могутъ быть богаты. II. Возрастающее значение общественныхъ во-

просовъ. Пер. съ англійскаго Л. П. Никифорова. Ц. 5 к.

Книгоиздательство „Молотъ“. В. *Гриневичъ.* Право контроля и бюджета. Слб. 1906. Ц. 8 к.

Книгоиздательство „Свободный Трудъ“. Ю. *Стенловъ.* Историческое подготовленіе русской соціаль-демократіи. Слб. 1906. Ц. 25 к.

Книгоиздательство „Новое Товарищество“. М. 1906. *Гатти.* Соціализмъ и аграрный вопросъ. Пер. съ франц. Биллита и Черновой. Ц. 50 к.—*H. Биренцикъ-Бергфельдъ.* Борьба Венгрии за независимость. Ц. 25 к.—Популярная библіотека: № 4. *Шарль Ристъ.* Профессиональные рабочіе союзы въ Англіи. Пер. съ франц. Швецовой. Ц. 1 к.—№ 5. „Разстріга“. Ц. 3 к. —№ 6. *В. Порфириевъ.* „Жить стыдно“. Ц. 2 к.—№ 13. *А. Чернова.* Какъ венгерцы борются за свои права. Ц. 4 к.—№ 14. *Матье.* Соціальный вопросъ во время французской революции 1789 г. Ц. 5 к.—№ 16. *А. Будэ.* Командиръ и его общественная роль. Ц. 5 к.—№ 18. *Е. Волгинцевъ.* Земельное переустройство въ городахъ. Ц. 4 к.

Издательство О. Н. Поповой: Слб. 1906. № 24. *C. Сергеевъ-Усенский.* Убійство. Разсказъ. Ц. 2 к.—№ 78. *B. Гюго.* На баррикадѣ. Ц. 20 к.—Історія и общественные вопросы: № 110. *B. Волоедимъ.* Народная школа и рабочій классъ. Ц. 8 к.—*C. Ловинский.* Революция 1848 года въ Венгрии. Ц. 12 к.—№ 112. *A. B. Моверъ.* Въ поискахъ правды и смысла жизни. Ц. 30 к.—Темы жизни: № 10. *M. Богольпьевъ.* 9 миллиардовъ рублей. Русский государственный долгъ. Ц. 5 к.—№ 11. *H. Коробка.* Свобода совѣсти. Ц. 5 к.—№ 12—13. *A. Ульяновский.* Женщина въ процессѣ 50-ти. Ц. 50 к.

Книгоиздательство „Молодая Россія“. М. 1906: *B. Луниновичъ.* Н. К. Михайловскій. Характеристика-этюдъ. Ц. 25 к.—Популярная библіотека: № 6. *A. Виминъ.* Нужда крестьянская. Ц. 5 к.—№ 7. *Дж. Самойловъ.* О безработицѣ. Ц. 7 к.—№ 9. *Абрахамова.* Враги ли намъ евреи. Ц. 2 к.—*A. Мирской.* Вѣчный инсургентъ. Огюстъ Бланки и революціонная Франція XIX в. Ц. 25 к.

Книгоиздательство „Трудъ и Воля“. М. 1906: Классики общественной мысли. *I. Жанъ-Жакъ Руссо.* Общественный договоръ. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ А. К. Дживелегова. Ц. 40 к.—Проф. *Карлъ Дильтъ.*

Социализмъ, коммунизмъ и анархизмъ. Пер. съ нѣмецк. И. Д. Новика. Ц. 80 к.

Изд. „Библіотека для всѣхъ“ О. Н. Рутенбергъ. Спб. 1906. Г. **Плехановъ.** 14-е декабря 1825 года. Ц. 8 к.—Г. **Плехановъ.** В. Г. Бѣлинскій. Ц. 10 к.

Свободное знаніе. Собрание общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ. Издание т-ва М. О. Вольфъ. Спб.—Москва. II. Н. Оирсовъ. Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни. Ц. 30 к.—А. С. Догель. Кровь. Ц. 25 к.—В. Сиповскій. Исторія литературы, какъ наука. Ц. 30 к.—В. Шимнєвичъ. Будущее человѣчество съ точки зрѣнія натуралиста. Ц. 30 к.

Изд. Н. Парамонова. **Донская Рѣчъ.** Р. на Д. 1906: Н. Н. Бѣлононскій. Отъ деревни до парламента. Ц. 5 к.—Фейга. Ц. 3 к.—За что и почему? Рассказъ. II. Суэдальцевъ. Англійские рабочіе прежде и теперь. Ц. 4 к.

Книгоиздательство „Трудъ и Воля“. М. 1906: В. М. Хвостовъ. Значеніе и права народного представительства. Ц. 3 к.—А. Е. Джевелеговъ. О конституціи и конституціонномъ порядкѣ. Ц. 6 к.—Н. Е. Кубринъ. Какъ организовать выборы. Ц. ? к.—А. Е. Джевелеговъ. Права и обязанности гражданъ въ правовомъ государствѣ. Ц. 7 к.—Л. Гречаченскій. Какъ составляются законы. Ц. 8 к.—Н. Ивановъ. Свобода собраній и народное представительство. Ц. 6 к.—В. Лѣвовъ. **Рогачевскій.** Печать и цензура. Ц. 20 к.—Н. Н. Всеобщее избирательное право. Ц. 6 к.—А. М. Обуховъ. Что нужно для выборъ. Ц. 6 к.—Д-ръ А. С. Дурново. Приказной строй и народное хозяйство. Ц. 6 к.—А. Михайловскій. Какъ лучше устроить городскую жизнь. Ц. 6 к.—Пр.-д. В. Н. Жирлевъ. О судѣ. Ц. 8 к.—Гр. **Балицкій.** Гражданская свобода и производительность труда. Ц. 10 к.—Д. Г. Наша позиція. Ц. 6 к.—**Лосевъ.** Профессиональные союзы.—Что намъ нужно? Ц. 10 к.—Г. **Балицкій.** Забастовка и бойкотъ. Ц. 8 к.—А. А. Николаевъ. Для чего нужно всеобщее обученіе. Ц. 10 к.—А. Житновъ. О налогахъ. Ц. 6 к.—Смертная казнь. Ц. 10 к.—Эдуардъ **Вальянъ.** Социальное страхование. Пер. съ франц. Ц. 8 к.—Др. **Шертиль.** Попеченіе о безработныхъ. Ц. 6 к.—О. В. **Пайеръ.** Прибавочный трудъ и прибавочная цѣнность. Пер. съ нѣмецк. Ц. 6 к.—Л. **Коэкинъ.** Современная политическая партія въ Россіи. Ц. 3 к.—

О. А. **Вольненштейнъ.** Право и произволъ. Ц. 8 к.—Е. Зотова. Винные откупы и монополія. Ц. 6 к.—Н. Сибирякъ. Рабочій пролетариатъ въ Россіи. Ц. 8 к.—А. Е. Джевелеговъ. Армяне въ Россіи. Ц. 10 к.—Левъ **Гинзбургъ.** Евреи въ Россіи. Ц. 12 к.—Г. **Балицкій.** Фабричное законодательство въ Россіи. Ц. 15 к.—Н. Флеровъ. Земледѣльческие рабочіе въ Россіи. Ц. 10 к.—Лосевъ. Торговые служащіе. Ц. 8 к.—Г. **Балицкій.** Россія при Николаѣ I. Ц. 8 к.—Н. Ивановъ. Изъ русской старины. Ц. 8 к.—Л. Древа. Великая крестьянская война 1525—1526 г.—**Вернеръ Вомбартъ.** Оч рки изъ исторіи развитія Сѣверо-Американскаго пролетариата. Пер. К. М. Ц. 30 к.—Возстаніе венгръ (1848—49). Ц. 6 к.—А. Е. Джевелеговъ. Крестьянскія движенія на Западѣ. Ц. 6 к. **Рауль Ге.** Камеры соглашеній во Франції. Пер. съ нѣмецкаго. Ц. 3 к.—С. **Лозинскій.** Учредительное собрание 1789 г. во Франціи. Ц. 8 к.—Ольга **Вольненштейнъ.** Страна равенства и свободы. Ц. 10 к.—**Васильевъ.** Рабочіе въ Японіи. Ц. 6 к.—К. **Каутскій.** Карлъ Марксъ. Пер. съ нѣм. Ц. 8 к.—Г. **Ванъ.** Фердинандъ Лассаль и его время. Ц. 8 к.—А. Е. Джевелеговъ. Бисмаркъ и Лассаль. Ц. 8 к.—Поль **Луи.** „Безработные“. Пер. съ франц. Ц. 3 к.—А. **Бѣловскій-Бѣлоруковъ.** Бабы. Ц. 3 к.

Книгоиздательство „Святѣль“. Н.-Новгородъ: Н. Граціановъ. Народные университеты въ Западной Европѣ, Сѣверной Америкѣ и въ Россіи. Ц. 10 к.—М. Оленина. Весна народовъ (Великая французская революція). Ц. 11 к.—В. Черновъ. Къ вопросу о капитализмѣ и крестьянствѣ. 2-е изд. Ц. 50 к.

Библіотека „Юнаго Читателя“. Спб. 1906: Э. Шименова. Эринъ. Зеленый островъ (очерки Ирландіи). Ц. 20 к.—Среди дикарей. Біографический рассказъ **Виктора Онса.** Ц. 15 к.—Исторія молодой жизни Романъ **Отто Эрнстъ.** Пер. В. Исполатовой. Ц. 20 к.—Долой оружіе! Романъ **Берты Зуттнеръ.** Перев. съ нѣмецкаго. Издание 4-е. Ц. 15 к.

Дж. Кенніанъ. Сибирь и ссылка. Книгоизд. „Логосъ“. М. 1906, Ц. 1 р. 25 к.

Е. К. Ножинъ. Правла о Портъ-Артурѣ. Часть I. Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Л. Н. Ницеловичъ. Къ вопросу

о тактикѣ кадетской фракціи въ Государственной Думѣ. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Д. Вейсланъ. Сіонизмъ и конституционная Россія. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Е. Де-Турже-Туржанская. Современное положение женского и рабочаго вопросовъ. Смоленскъ. 1906. Ц. 35 к.—Искреннее слово русскому народу! Смоленскъ. 1906. Ц. 10 к.

К. Ф. Жаковъ. Очерки изъ жизни рабочихъ и крестьянъ на Сѣверѣ. Спб. 1906. Ц. 40 к.

А. И. Шершнено. Правовое и экономическое положение иногороднихъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Выпускъ первый. Кубанская область. Екатеринодаръ. 1906. Ц. 1 р.

Ж. Бѣловерскій. Слово и дѣло въ „Правдивомъ словѣ“ г. Келлера. М. 1906.

Нижегородскій. Упадокъ правовыхъ въ Россіи. Екатеринбургъ. 1906. Ц. 7 к.

Исторія одного русскаго изобрѣтія. М. 1906. Ц. 20 к.

С. М. Веллеръ. О мировомъ энциклопедіи. Тифлисъ. 1906. Ц. 30 к.

Проф. Р. Бернштейнъ и проф. В. Марквальдъ. Физика видимаго и невидимаго. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. В. Битнера. Спб. 1906.

Георгъ Липпсъ. Руководство къ психологіи. Пер. съ нѣм. М. А. Лихаревой. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Д-ръ Н. Н. Баженовъ. Психология и политика. М. 1906. Ц. 10 к.—Психология казненныхъ. (Изъ „Сборника противъ смертной казни“). М. 1906. Ц. 15 к.

О. Е. Рыбаковъ. Границы психического здоровья и помѣшательства. М. 1906.

Н. Новомѣргенскій. Материалы по исторіи медицины въ Россіи. Т. II. Спб. 1906. Ц. 3 р.—Т. III. Ч. II. Спб. 1906. — Колодство въ Московской Руси XVIII-го столѣтія. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Д-ръ мед. С. Л. Сегаль. Вопросы жизни съ точки зрѣнія естествознанія. Новочеркасскъ. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Г. П. Задера. Л. Н. Толстой о медицинѣ и врачахъ. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Д-ръ медиц. Е. А. Бари. Бѣшенство. М. 1906. Ц. 25 к.

Д-ръ Карлъ Грубе. Діатическое и гигиеническое лѣченіе свѣдной болѣзни. Пер. съ немецкаго. Спб.—М. 1907.

Моя система. 15 минутъ ежедневной работы ради здоровья. Соч. I. П. Мюллера. Спб.—М. 1907.

Сентябрь. Огдѣль II.

Проф. А. Гейльборнъ и проф. Л. Бергъ. Антропологія и этнографія. Пер. съ нѣм. подъ редакціей В. В. Битнера. Спб. 1906.

Проф. Набстѣ и проф. Зиннеръ. Минералогія и геологія. Пер. подъ ред. В. В. Битнера. Спб. 1906.

Природа и населеніе Россіи. Составлено М. Е. Т. Полъ редакціей В. В. Битнера. Спб. 1906.

Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи 1897 г. Численность и составъ рабочихъ въ Россіи. Т. I и II. Спб. 1906.

Комитетъ по землеустроительнымъ дѣламъ. Культурный уровень крестьянского полеводства на надѣльнѣй землѣ и его значеніе въ земельномъ вопросѣ. Съ подробными данными по 48 губерніямъ Европейской Россіи. Изслѣдованіе П. Н. Соловинина. Спб. 1906.

П. Н. Соловинъ. Культурный уровень крестьянского полеводства на надѣльнѣй землѣ и его значеніе въ аграрномъ вопросѣ. Изд. Д-та Землемѣдѣлія. Спб. 1906.

Статистическое отдѣленіе Псковской Губернской Земской Управы. Виды на урожай озимыхъ хлѣбовъ и травъ. Псковъ. 1906.

Пермская Г. З. У. отдѣленіе с.-хозяйственной статистики. Пермская губернія въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Выпускъ третій. 1906. Пермь. 1906.

Главное Управление землеустройства и земледѣлія. Труды сельскохозяйственной химической лабораторіи въ Спб. Подъ общіей редакціей профессора П. С. Коссовича. Выпускъ IV. Результаты культурныхъ опытовъ за 1899—1903 годы. Спб. 1905.

Издание А. Ф. Деврѣена: **П. Н. Меричевъ.** Общедоступный курсъ машиностроительнаго черченія. Ц. 2 р. 50 к.—**Н. В. Петровъ.** Способы уборки и сохраненія сѣна въ дождевую погоду. Ц. 20 к.—**С. П. Фридлинъ.** О выборѣ молочной коровы при покупкѣ ея. Ц. 30 к.—**I. Е. Окуличъ.** Молочное дѣло. Ц. 1 р. 25 к.—**И. И. Калугинъ.** Коза. Ц. 75 к.—**П. И. Каменоградскій.** Томатъ. Его культура и использование. Ц. 80 к.—**М. А. Дарновъ.** Омшаники. Ц. 60 к.—**Ив. Трубниковъ.** Советы по пчеловодству. 2-е издание. Ц. 40 к.—**И. Е. Шульгинъ.** Розы. Ц. 50 к.—**П. Слезкинъ.** Агрономъ-практиканть въ хозяйствѣ. Ц. 75 к. Спб. 1905—1906.

В. Ниѳонтоѳъ. О видахъ русскихъ ягодъ. Спб. 1906.

13

скаго глагола. Пособие для учащихся *на*. Выпускъ I. Географія. Изд. Московскаго Губернскаго Земства. М. 1906. Ц. 25 к.

Баронъ Н. Н. Торнау. Атласъ по отечествовѣдѣнію. Ч. II. Сибирь и Туркестанъ. Спб. 1906. Ц. 1 р. 20 к.
Народная и дѣтская литература съ 1880 по 1905 г. Сборникъ сводныхъ отзывовъ. Подъ ред. А. А. Громба-

Русская стенографія. Практическое руководство для школъ и самообученія. Составилъ О. Н. Петерсонъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Э. С. Шифферсъ. Самоучитель шахматной игры. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Памяти С. Н. Кривенка.

Мои личныя воспоминанія о Сергѣѣ Николаевичѣ Кривенкѣ не обширны; я не взялся бы написать ни его біографію, ни литературную характеристику: послѣдняя представляется мнѣ весьма сложной и, по многимъ обстоятельствамъ, затруднительной и прежде временной... Но съ личностью покойнаго, глубоко-симпатичной и обаятельно-мягкой, стоявшей когда-то вмѣстѣ съ Салтыковымъ и Михайловскимъ во главѣ любимаго молодежью журнала, связано въ моей душѣ столько лучшихъ юношескихъ воспоминаній, что— признаюсь откровенно—во мнѣ болѣзнико дрогнула какая-то засыпая струна, когда въ 7 № «Русскаго Богатства» я прочелъ некрологъ Кривенка, принадлежащий перу уважаемаго сотоварища моего по журналу С. Н. Южакова. Сводя во-едино черты жизни и писательской дѣятельности Кривенка, С. Н. Южаковъ, мнѣ кажется, упустилъ изъ виду нѣкоторые существенные факты, бросающіе совсѣмъ иной свѣтъ на весь идеиній обликъ покойнаго писателя. Теперь, когда эпоха 80-хъ годовъ отошла въ область исторіи и умеръ самъ Кривенко, нѣть, я думаю, оснований скрывать, что покойный въ 1882—1883 г. имѣлъ близкое прикосновеніе къ центральной организаціи партіи «Народной Воли» и принималъ дѣятельное участіе въ тогдашней революціонной прессѣ: его именно перу принадлежала, напр., известная брошюра «Въ ожиданіи коронаціи». Арестованный въ началѣ января 1884 года, Кривенко палъ одной изъ первыхъ жертвъ знаменитой судейкинско-дегаевской ликвидаци... Такимъ образомъ, въ началѣ 80-хъ годовъ Кривенко находился не среди «умѣренныхъ и аккуратныхъ», а, напротивъ,—впереди наиболѣе неумѣренныхъ элементовъ интеллигентнаго русскаго общества.

Обстоятельство это придаетъ, я думаю, совершенно иное освѣщеніе и всей легальной литературной дѣятельности Кривенка первого периода. Стѣсняемая страшными цензурными рамками, работа

легальныхъ писателей,—если то не были, конечно, исключительные таланты (Щедринъ, Михайловскій), искусно умѣвшіе обходить всякаго рода преграды, неизбѣжно должна была отличаться, въ большинствѣ случаевъ, и скромнымъ выборомъ темъ, и мягкой осторожностью тона; но что взгляды Кривенка тѣхъ временъ далеки были отъ какой-либо «узенькой и тѣсненькой программки»—порукой являются и сами «Отеч. Записки», два года имѣвшія его своимъ внутреннимъ обозрѣвателемъ, и нѣжная дружба его съ Н. К. Михайловскимъ, посвятившимъ ему, какъ известно, одинъ изъ первыхъ томовъ своихъ сочиненій...

Эти нѣсколько словъ я хотѣлъ и считалъ необходимымъ сказать надъ могилою честнаго писателя и человѣка. Не всякому борцу даны могучія силы вынести всѣ испытанія, видѣть гибель лучшихъ товарищѣй—и сохранить до конца юношески-смѣлый взглядъ и бодре стремленіе впередь: утомленный взоръ нерѣдко видѣть пустыню тамъ, где уже появились ростки новой жизни. Потому же, быть можетъ, и Кривенко, вернувшись изъ Сибири, когда народовольческому движенію нанесенъ уже былъ смертельный ударъ, черезчуръ мрачными глазами взглянуль на родную дѣйствительность, рѣшивъ, что нужно заново поднимать новь, забирая землю осторожной и неторопливой сохой... Но если вѣрно, что въ этотъ періодъ безвременія вокругъ имени Кривенка пытались сплотиться умѣренная, «правая» струя нашего народничества, то изъ-подъ пера самого С. Н. Кривенка не вышло ни одной строки, которой могли бы стыдиться его друзья и соратники временъ «Отечественныхъ Записокъ».

Миръ его праху! И да не будетъ память его отдѣлена отъ славныхъ именъ его поколѣнія!

П. Якубовичъ.

По поводу письма г. Воронцова.

(Отъ редакціи).

Въ № 155 газеты «Рѣчь» появилось письмо В. П. Воронцова, озаглавленное «Поруганіе покойника», а въ № 156—дополненіе къ этому письму. «Поруганіе» г. Воронцова усматривается въ некрологѣ С. Н. Кривенка, помѣщенному въ 7-й книжкѣ «Русскаго Богатства». Читатели, помнившіе некрологическую замѣтку, о которой идетъ рѣчь, согласятся наѣброе, что ею ни въ какой мѣрѣ не оправдывается заглавіе статьи г. Воронцова. Можно находить, что данная оценка личности покойного не соответствуетъ его дѣйствительному литературно-общественному значенію, можно иначе относиться къ памяти умершаго и выше оцѣнивать его дѣ-

ятельность, и при этомъ «поруганіе» въ некрологѣ усмотрѣть трудно. При этомъ г-ну Воронцову угодно почему-то игнорировать тотъ фактъ, что некрологъ подписанъ полнымъ именемъ С. Н. Южакова. Нигдѣ ни словомъ не упоминая объ этомъ обстоятельствѣ, г. Воронцовъ все время говорить о «длинномъ некрологѣ журнала» или о «хроникерѣ журнала». Статья была подписана С. Н. Южаковыи и появилась не въ хроникѣ. Вопросъ объ оцѣнкѣ значенія того или другого писателя не является вопросомъ, по которому всѣ члены редакціи должны быть непремѣнно солидарны, и, печатая теперь замѣтку по тому-же предмету другого изъ нашихъ ближайшихъ товарищѣй, иначе оцѣнивающаго значеніе покойнаго Кривенка, редакція не считаеть, чтобы, такимъ образомъ, нарушилась ея внутреннее единство.

Затѣмъ, г. Воронцовъ касается упоминанія автора некролога о причинахъ ухода С. Н. Кривенко изъ журнала «Русское Богатство». Онъ находитъ, что г. Южаковъ (или «хроникеръ», такъ угодно выражаться В. П. Воронцову) эти причины «исказилъ». Мы не считаемъ умѣстнымъ и своевременнымъ входить здѣсь въ подробный разборъ отношеній покойнаго С. Н. Кривенка къ журналу, редакторомъ котораго онъ былъ вмѣстѣ съ Н. К. Михайловскимъ. Утрата обоихъ писателей еще слишкомъ свѣжа въ памяти ихъ друзей и приверженцевъ. «Каковы бы ни были, однако, непосредственная причины ухода С. Н. Кривенко изъ редакціи «Русского Богатства», — скажемъ и мы въ свою очередь, — вся кому, кто заинтересуется этой страницей изъ исторіи нашей журналистики девяностыхъ годовъ легко прослѣдить нарастаніе идеинаго разлада между двумя фракціями когда-то единаго направлениія. Внутри редакціи тогдашняго «Русского Богатства» прошла трещина, раздѣлившая прежнихъ товарищѣй. Которая изъ двухъ вѣтвей единаго прежде направлениія унесла съ собой истинные живые завѣты направленія, въ которой было болѣе элементовъ живой борьбы, и какая, наоборотъ, несла болѣе задатковъ примиренія съ дѣйствительностью, — это, конечно, вопросы, которые мы съ В. П. Воронцовымъ рѣшаемъ различно.

Но какъ бы ихъ ни рѣшать, неужели — спросимъ мы — можно считать оскорблениемъ памяти писателя указаніе, что основные причины расхожденія его съ сотоварищами по работѣ лежали въ идеиномъ между нами разладѣ, а не въ какихъ-либо «приводящихъ обстоятельствахъ».

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.